ИНДРИК

Российская академия наук
Институт славяноведения

Россия и восстание в Боснии и Герцеговине

1875–1878

Документы

«Индрик»
Москва 2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)53
Р76

К. В. Никифоров (отв. ред.),
С. И. Данченко, К. В. Мельчакова, П. В. Мошечков

Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы.
2-е издание, исправленное и дополненное — М.: «Индрик», 2025. — 448 с., ил.

ISBN 978-5-91674-759-1

Вниманию читателя представлено дополненное и исправленное издание сборника документов из архивов Российской Федерации, посвященное событиям Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. в западной провинции Османской империи — Боснии и Герцеговине. Сборник был подготовлен коллективом Института славяноведения РАН и его первое издание вышло в свет в 2008 г.

В книге отражено социально-экономическое развитие Боснии и Герцеговины, церковная и общественно-политическая жизнь, национально-освободительная борьба славянского населения в период Восточного кризиса.

Большое внимание уделено стремлению европейских держав использовать нестабильную ситуацию в провинции в своих интересах, а также освещены дипломатические усилия России по освобождению балканских славян. Документы свидетельствуют о надеждах православного населения на помощь России и показывают сочувствие и поддержку ему русского общества.

Для научных работников и всех, интересующихся историей славянских и балканских народов, международными отношениями на Балканах.

© Авторский коллектив, 2025
© Институт славяноведения РАН, 2025
© Издательство «Индрик», 2025

ISBN 978-5-91674-759-1

СОДЕРЖАНИЕ

Третье сербское восстание (*Никифоров К. В.)*
7

Сараево — 1975. Воспоминания (*Данченко С. И.)*
11

Предисловие к первому изданию
23

Документы
27

Список использованных фондов
426

Перечень документов
427

Терминологический словарь
436

Указатель имен
437

Указатель географических названий
442

Третье сербское восстание

Читатель держит перед собой второе издание документов «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878». Переиздание посвящено 150-летнему юбилею этого события, сыгравшему большую роль в истории сербского народа.

Публикация документов о восстании в Боснии и Герцеговине была частью большого совместного проекта двух академий наук — АН СССР (которую представлял Институт славяноведения и балканистики) и Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины. Было создано два научных коллектива под руководством двух академиков — Ю. А. Писарева и М. Экмечича. Из замышляемой трилогии во второй половине 1980-х годов успели выйти два тома: «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864»[1] и «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875»[2]. Ответственными редакторами изданий были упомянутые академики. Третий том был почти готов, но начавшаяся в Боснии и Герцеговине межэтническая гражданская война сорвала все планы. Боснийская группа ученых распалась, и сотрудничать российской стороне стало попросту не с кем. Свет увидел только сборник статей «Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия»[3], подготовленный в Институте славяноведения и балканистики.

Прошло почти двадцать лет перед тем, как планируемый третий том, относящийся к антиосманскому восстанию сербского народа Боснии и Герцеговины, увидел свет. Это случилось в 2008 г.[4] Но это уже была чисто российская публикация, без боснийского материала. Задачу облегчало то, что около 80% изначально подобранного материала были российского происхождения, и эти документы были более важными и весомыми. Ответственным редактором издания стал автор этих строк. Из предложенных читателю документов видно, с какой надеждой

---

[1] Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1985. 495 с.

[2] Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1988. 440 с.

[3] Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. (Балканские исследования. Вып. 13). 196 с.

[4] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1876. Документы / отв. ред К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2008. 448 с.

восставшие сербы обращали свои взоры на Россию и как симпатизировали сербам в различных слоях российского общества. Помощь сербам стремились оказать даже дети.

Теперь через семнадцать лет после первого вышло второе издание этого труда. Но документы не стареют, и такое внимание к восстанию в Боснии и Герцеговине — не случайно. И дело не только в юбилее самого события. Повторим, это восстание для сербской истории имеет важнейшее значение. И по своему размаху, и по целям оно не уступает двум первым знаменитым восстаниям сербского народа в Белградском пашалыке в 1804–1813 и в 1815 г. Восстание в Боснии и Герцеговине можно по аналогии с ними и по праву назвать Третьим сербским восстанием.

Оно было подавлено во многом из-за разобщенности сил восставших. Оно не выдвинуло таких лидеров, какими были вожди первых двух восстаний — Карагеоргий и Милош Обренович. Но восстание привело к сербско-турецкой и черногорско-турецкой войнам и положило начало Великому Восточному кризису, а затем и русско-турецкой войне 1877–1878 гг. И если Первое и Второе сербские восстания в конечном итоге привели к автономному Сербскому княжеству, то Третье сербское восстание способствовало получению Сербией и Черногорией независимости. Правда, сама Босния и Герцеговина на Берлинском конгрессе перешла под контроль Австро-Венгрии, что значительно затруднило дальнейшую борьбу за освобождение и объединение всех сербских земель.

Во втором издании документов, посвященном 150-летию сербского восстания в Боснии и Герцеговине, мы посчитали уместным поместить еще один фактический материал: воспоминания С. И. Данченко о проведении в Сараево научной конференции в честь 100-летнего юбилея этого события и в целом — начала Великого Восточного кризиса[5]. Редколлегией переиздания в тексте документов были выявлены и исправлены опечатки. Была произведена выборочная сверка части текстов с копиями, отложившимися в архиве Института славяноведения. Ссылки на архивные шифры не изменены. П. В. Мошечков внес корректуру в материалы на французском языке и уточнил переводы (в ряде случаев используется современная орфография). Иллюстрации взяты из первого издания и дополнены двумя снимками М. Перовича и Ж. Лешевича из фотографического сборника П. П. Пятницкого[6].

* * *

Как первое, так и второе издание документов «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1876» подготовлено в Институте славяноведения РАН (в 1968–1997 гг. — Институт славяноведения и балканистики). Именно в этом

[5] Первый вариант этой статьи см.: *Данченко С. И.* Сараево – 1975. Воспоминания // Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов / отв. ред. Е. С. Узенёва. М.: ИСл РАН, 2015. С. 417–432.

[6] Фотографический сборник церковных древностей и типов славян европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого.

Институте велась разработка проблем, связанных с историей югославянских земель, в частности с историей Боснии и Герцеговины. Однако крупных исследований, прямо посвященных этому краю, сравнительно немного. Гораздо больше работ о югославянских землях и Югославии в целом, где Босния и Герцеговина занимает определенное место.

Но все же были и специальные работы. Из монографий по боснийской тематике вспоминаются прежде всего работы В. Н. Кондратьевой «Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е годы XIX в.)»[7] и Д. Ф. Поплыко «Васа Пелагич и Россия: из истории сербской революционной мысли»[8]. Эти книги вышли еще в 1971 г. и 1983 г.

Сравнительно недавно в Институте славяноведения РАН почти одновременно изданы две книги по истории Боснии и Герцеговины XIX в. – начала XX в. Одна книга посвящена Боснии периода турецкого владычества, другая — австрийского управления.

Первая монография, автор которой К. В. Мельчакова, называется «Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг.»[9]. Она увидела свет в 2019 г. В ней на основе архивных документов автор воссоздает деятельность первых российских дипломатических представителей в Сараево и Мостаре, показывает помощь российских общественных организаций православному населению Боснии.

Вторая монография «Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908)»[10] принадлежит перу Л. Ю. Пахомовой. Книга издана в 2021 г. В центре исследования деятельность российского консульства в Сараево после Берлинского конгресса. В работе показано, что у России, кстати, были планы помешать оккупации края австрийцами.

Эти две важные работы расширили наше знание о Боснии и Герцеговине, прежде всего о ее сербском населении. Они, несомненно, интересны и сербскому читателю, поскольку основаны на богатейших русских архивных материалах об этом балканском крае.

В самом конце XX в. и начале XXI в. рост интереса российских ученых был связан с событиями межэтнических гражданских войн в бывшей Югославии. Вышло много работ, посвященных югославскому кризису, в которых определенное место уделялось и Боснии. Но среди этих работ были исследования, прямо посвященные событиям в Боснии и Герцеговине и в Республике Сербской.

[7] *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е годы XIX в.). М.: Наука, 1971. 236 с.

[8] *Поплыко Д. Ф.* Васа Пелагич и Россия: Из истории сербской революционной мысли. М.: Наука, 1983. 256 с.

[9] *Мельчакова К. В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. 432 с.

[10] *Пахомова Л. Ю.* Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М.: Индрик, 2021. 288 с.

Первой работой была монография автора этих строк, изданная еще в 1999 г.: «Между Кремлем и Республикой Сербской. (Боснийский кризис: завершающий этап)»[11]. Монография сразу же была переведена на сербский язык[12]. В книге речь шла о дипломатической борьбе вокруг боснийского урегулирования, в частности в связи с планом Контактной группы. Большое место занимала также попытка создания в России альтернативного официальному варианта урегулирования.

Непосредственно боснийскому конфликту посвящена и книга исследователя из Санкт-Петербурга В. И. Безрученко «Война в Боснии и Герцеговине 1992–1995. Политическая, военная и дипломатическая история»[13]. Безрученко — военный пенсионер, который в годы войны был в составе международных миротворческих сил. Он очень подробно, детально изложил ход военных действий в Боснии и Герцеговине. Книга подготовлена при участии специалистов из Института славяноведения РАН и увидела свет в 2024 г. Первый вариант книги вышел в США в 2022 г. на английском языке[14].

Наконец, нельзя не упомянуть еще одно исследование, проведенное в Институте славяноведения РАН и связанное с Боснией и Герцеговиной. В июне 2016 г. Г. Н. Энгельгардт защитил в диссертационном совете Института кандидатскую диссертацию на тему: «Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.)»[15].

К. В. Никифоров

[11] *Никифоров К. В.* Между Кремлем и Республикой Сербской. (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999. 262 с.

[12] *Никифоров К.* Између Кремља и Републике Српске (Завршна етапа босанске кризе). Београд: Игам, 2000. 301 с.

[13] *Безрученко В. И.* Война в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. Политическая, военная и дипломатическая история. СПб.: Нестор-История, 2024. 928 с.

[14] *Bezruchenko V.* The Civil War in Bosnia and Herzegovina (1992–95). Political, Military, and Diplomatic History. New York: Strategic Book Publishing, 2022. 742 p.

[15] *Энгельгардт Г. Н.* Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2015. 334 с.; *Он же.* Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция: 1990–2006 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2016. 27 с.

Сараево — 1975. Воспоминания

Мои воспоминания относятся к событиям 50-летней давности и посвящены выдающемуся, на мой взгляд, событию в истории мирового научного сообщества — Международной научной конференции в связи со 100-летием начала Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг., проходившей 30 сентября – 2 октября 1975 г. в местечке Илиджа под Сараево (СФРЮ).

Я не ставлю своей задачей представить отчёт о работе конференции, с анализом содержания прозвучавших тогда докладов, многочисленных дискуссий. По её результатам был издан труд в трёх томах[1], с которым специалисты хорошо знакомы. Но мне хотелось бы передать атмосферу этого уникального форума, участницей которого мне посчастливилось быть.

Из Советского Союза в Сараево отправилась довольно многочисленная и представительная делегация во главе с академиком Алексеем Леонтьевичем Нарочницким, директором Института истории СССР АН СССР (ныне — Институт российской истории РАН). В нее входили: профессор МГУ, историк-югославист Виктор Георгиевич Карасев; ленинградский профессор Кирилл Борисович Виноградов, специалист по истории международных отношений; из Института славяноведения и балканистики АН СССР (так в то время назывался Институт славяноведения РАН) — будущий академик Юрий Алексеевич Писарев, Ирина Степановна Достян, Тофик Муслимович Исламов и я; в делегации находился также ответственный работник отдела науки ЦК КПСС — в качестве нашего сопровождающего и куратора — Владимир Иванович Куликов.

Все члены делегации, кроме Владимира Ивановича, подготовили для выступления доклады (через два года опубликованные) — по различным вопросам международной политики, русско-сербских отношений и общественных связей в 70-е годы XIX в.

Недавно я перебирала старые фотографии (еще черно-белые) из своего фотоархива и, наткнувшись на «сараевские», вдруг остро осознала: из наших, советских ученых, осталась только я, других уже нет. Как это печально!..

А на этих фотографиях в окружении югославских коллег все такие счастливые, с сияющими глазами, даже официально сдержанный Алексей Леонтьевич

[1] Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama i Istočnoj krizi 1875–1878. godine. Sarajevo, 1977. Knj. I–III.

Нарочницкий. Что уж говорить обо мне, впечатлительной и жизнерадостной от природы. Эмоции, и все положительные, так и били из меня ключом: я впервые в Югославии, стране, о которой мечтала с третьего курса Университета, слышу вокруг (и даже понимаю!) настоящий сербский язык. И мне всё, абсолютно всё нравится: скромная гостиница, куда организаторы конференции поселили всех ее участников (это был небольшой санаторий для нервнобольных — мы по этому поводу постоянно шутили), тенистый парк вокруг нее, духовой оркестр, который по вечерам играл в этом самом парке вальсы Иоганна Штрауса, а еще лесистые горы вдали, изумлявшие буйством красок (осень!).

Встретили нашу делегацию в Сараево очень тепло. До этого мы целый день провели в Белграде. Общей программы у нас не было, и те, кто уже бывал здесь не раз, отправились в гости к своим югославским друзьям и знакомым. Академик Нарочницкий, как vip-персона, был окружён повышенным вниманием и заботой посольских работников. В. И. Куликов знакомился с Белградом в одиночку, а мы с Тофиком Муслимовичем Исламовым, известным отечественным историком-унгаристом, специалистом по истории Австро-Венгрии XIX–XX вв., вдвоем отправились на прогулку по центру города, поскольку никаких знакомых у нас не было.

Как сейчас помню: в тот воскресный день 29 сентября 1975 г. в Белграде стояла чудесная, очень теплая погода. Мы неспешно прогуливались по оживленным улицам, глазели на витрины и афиши кинотеатров с рекламой заграничных фильмов с уклоном в эротику, фотографировались, пили минералку «Кнез Милош» в уличной кафане и беседовали. Тофик Муслимович не знал сербского языка, но совершенно не комплексовал по этому поводу. Это, а еще его остроумные реплики, умные суждения по «серьезным» вопросам, его фантастическая эрудиция и удивительная доброжелательность не могли не вызывать у меня восторга и уважения. И именно с того дня началась наша многолетняя дружба, продолжавшаяся вплоть до его кончины в декабре 2004 г.

Перелет Белград – Сараево длился недолго, около часа. Кажется, вот только что мы вошли в салон самолета, уселись в удобные кресла, взлетели, и хорошенькие стюардессы «обнесли» пассажиров вином, как уже объявили посадку. В аэропорту Сараево нас встретил и проводил в гостиницу на Илидже известный ученый, бывший министр культуры Боснии и Герцеговины в бывшей союзной Югославии Раде Петрович, являвшийся одним из руководителей нашей конференции.

А длинный, насыщенный событиями день 29 сентября, начавшийся ранним утром в Москве, в аэропорту Шереметьево, все еще продолжался и закончился в ресторане гостиницы поздним ужином в обществе любезного Раде Петровича. Уже с трудом улыбаясь и произнося какие-то слова на русском и сербском языках, страшно усталые мы расходились по своим одноместным номерам...

А уже на следующий день один за другим начали прибывать остальные участники конференции — из разных республик бывшей Югославии, а также из Болгарии, Австрии, Франции, Италии, ФРГ и ГДР, США и Турции (один делегат — Скендер Ризай). В холлах и залах гостиницы зазвучала многоязыкая речь,

и, как говорится, понеслось. Вернее, понеслись дни, до предела насыщенные заседаниями в нескольких секциях, дискуссиями, полемикой (иногда на повышенных тонах), встречами.

Всё было прекрасно организовано — устроители конференции постарались на славу. Кормили нас трижды в день совершенно бесплатно в ресторане гостиницы (больше ста человек) — за счет Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины. В специально оборудованных под синхронный перевод залах проходили заседания секций. Даже не возбранялось, ввиду жары и духоты, выходить с аппаратурой в парк и там, сидя в тенистых аллеях на лавочках, слушать доклады. Просто фантастика!

Вообще, эти несколько дней на Илидже, а затем в Черногории, в Герцег-Нови, были для меня тогда и остались до сих пор временем какого-то абсолютного счастья. А еще незабываемым мастер-классом, как это принято обозначать сегодня. От своих старших коллег по Институту славяноведения я уже знала, как хорошо бывает за границей на международных конференциях. Но одно дело слышать и совсем другое — видеть всё самой и участвовать в происходящем. В своей делегации я была на правах «младшего медведя» и, хотя приехала, как и остальные, с докладом — о политике русского правительства в период сербо-турецкой войны 1876 г., имела целый ряд секретарских обязанностей: во-первых, перевод во время бесед академика Нарочницкого, не знавшего сербского языка, с югославскими учеными, а во-вторых, работу в качестве секретаря советско-югославской Комиссии историков, созданной в 1974 г. в Москве. С советской стороны ее председателем был А. Л. Нарочницкий, а сопредседателями — Ю. А. Писарев и В. Г. Карасев. Во время сараевской конференции состоялось очередное заседание Комиссии, и, разумеется, секретарской нагрузки у меня было немало, в том числе ведение и оформление различных протоколов и в первую очередь итогового, содержание которого неоднократно обсуждалось и изменялось. Затем итоговый протокол нужно было напечатать на двух языках — русском и сербском, чтобы руководители Комиссии с обеих сторон могли его подписать. Вся техническая подготовка этого важного документа легла на меня и на Радомана Йовановича, секретаря югославской части Комиссии. О компьютерах в 1975 г. и слыхом не слыхивали — главным орудием секретаря была пишущая машинка. Но если машинка с сербским шрифтом в гостинице была, то где взять аналогичную с русским шрифтом? И тут на помощь нам пришел Виктор Георгиевич Карасев. Он узнал от своих югославских друзей, что нужная машинка имеется на историческом факультете Сараевского университета, и быстро договорился с его тогдашним деканом Марко Шуничем, что я отпечатаю на ней необходимые документы.

На конференции мы, члены советской делегации, были заявлены со своими докладами в разных секциях: я вместе с Т. М. Исламовым, А. Л. Нарочницким, Ю. А. Писаревым и К. Б. Виноградовым — в секции по международным отношениям и внешней политике великих держав на Балканах в 1875–1878 гг. (здесь же присутствовал, без доклада, В. И. Куликов), а В. Г. Карасев и И. С. Достян — в секции по связям славянских народов в тот же период.

Уровень многочисленных докладов, насколько я могла судить тогда, был очень высокий. Да иначе и быть не могло, ведь в Сараево собрались ведущие специалисты из разных стран по истории югославянских земель и международных отношений в период Великого Восточного кризиса. Все доклады выслушивались с вниманием и большим интересом, затем задавались вопросы (и их было немало), и каждое заседание заканчивалось оживленной дискуссией. Помню весьма эмоциональное выступление (на сербском языке) коллеги из Турции Скендера Ризая, довольно молодого и симпатичного человека. Говоря о сложности взаимоотношений Османской и Российской империй в 70-е годы XIX в., он остановился на значительной роли в их развитии тогдашнего российского посла в Константинополе Николая Павловича Игнатьева, хитрого и ловкого, по словам докладчика, дипломата, который буквально оплёл своими интригами султана и Порту и влез к ним в доверие настолько, что ему, единственному из иностранных послов, было разрешено проходить на приемы через гарем (этот тезис вызвал вполне понятное оживление в зале заседаний). При этом господин Ризай почему-то во время своего яркого, эмоционального выступления с явным осуждением смотрел на нас, советских ученых (сидевших рядом компактной группой), словно это мы вдохновили Н. П. Игнатьева на такую дерзость, да и вообще виноваты в событиях столетней давности. Откровенно говоря, это было очень смешно, и я видела, как и другие участники заседания с трудом сдерживают улыбки. Однако Алексей Леонтьевич Нарочницкий, наш строгий руководитель, не разделял всеобщего благодушно-смешливого настроения. В ответ на «инсинуации» турецкого историка он счел необходимым разразиться целой речью, в которой дал общую панорамную картину русско-турецких отношений, фактически изложив концепцию советской исторической науки по данной проблеме. При этом вид у нашего академика был очень суровый, почти прокурорский, за что впоследствии он получил замечание от «товарища из ЦК» В. И. Куликова. «Конечно, бдительность и боевитость нужны, Алексей Леонтьевич, — сказал он, — но не надо обострять. Не забывайте, что мы не в трибунале, а всего лишь на международной конференции и общаемся с коллегами, а не с преступниками». Кстати, Скендер Ризай так, по-моему, ничего и не понял — о том, что его критиковал советский академик. Он все время улыбался, со всеми здоровался, пытался завязать знакомства. Однако, по моим наблюдениям, все были по отношению к нему вежливы, но как-то холодны и на дружеский контакт не шли. Времени для неформального общения у нас было мало, но всё-таки оно, хоть и урывками, происходило. Например, вспоминаю наши разговоры в перерывах конференции с болгарскими, в то время молодыми, но уже известными историками — Константином Косевым (будущим академиком, недавно скончавшимся) и Андреем Пантевым, очень симпатичными людьми. Мы были немногочисленными представителями более молодого поколения на данном форуме и как-то тянулись друг к другу, во всяком случае, по парку гуляли и беседовали вместе. Скендер Ризай тоже неоднократно стремился к нам присоединиться, но все его попытки вклиниться в наши беседы ни к чему не привели: мужчины-болгары тут же замолкали и старались отделаться от него. И это тоже было смешно — как будто устраивали ему обструкцию за грехи угнетателей-османов.

Каждый вечер, после всех мероприятий и ужина, мы, члены советской делегации, в обязательном порядке собирались вместе — «для отчета и инструктажа». Как сейчас слышу строгий голос академика Нарочницкого, призывающего нас к большей активности на конференции, «в целях утверждения позиций передовой советской исторической науки». Вообще-то это был не его стиль общения с коллегами. Никто из нас не сомневался, что чуть раньше Алексея Леонтьевича в соответствующем духе инструктировал представитель ЦК КПСС В. И. Куликов, кстати, милейший, образованный и умный человек, прекрасно владевший немецким языком. Во всяком случае, доклады, звучавшие на конференции на языке великого Гёте, бывший партизан слушал без наушников, т.е. отказывался от синхронного перевода. Но таковы были правила игры (имеется в виду инструктаж о содержании докладов и стиле нашего поведения), и мы старательно делали вид, что принимаем их как должное.

Наша делегация была очень дружной и довольно заметной на конференции. Не только известные югославские историки (среди них — знаменитый академик Васа Чубрилович, Никола Петрович, Раде Петрович, Миомир Дашич, Милорад Экмечич и др.), уже имевшие в то время научные и дружеские связи с Ю. А. Писаревым, В. Г. Карасевым и И. С. Достян, но также представители других стран стремились в кулуарах пообщаться с советскими учеными. Ведь в то время такие масштабные научные форумы проходили довольно редко, и всем хотелось использовать такую прекрасную возможность для личного общения и установления новых контактов.

Однако описание событий сараевской конференции будет неполным, если упустить некоторые примечательные детали из разряда «исторической повседневности». Именно об этом я и хочу рассказать. Дело в том, что каждый вечер, после ужина, в большом холле первого этажа гостиницы за огромным круглым столом в неформальной обстановке собирались многие участники конференции. Начались эти посиделки стихийно, но сразу же стали невероятно популярны и посещаемы. Здесь уже не дискутировали и не отстаивали свою позицию, а просто отдыхали в дружеской компании, пили вино и пели (!). При этом югославы были вне конкуренции — их мощный дружный хор, на мой взгляд, мог бы без всяких дополнительных репетиций хоть сейчас отправляться в турне и выступать на любой сцене. Даже не верилось, что это поют ученые, а не профессиональные певцы. На их фоне амбициозные немцы из тогдашней ГДР со своим «жидким» репертуаром и заметной неслаженностью исполнения, безусловно, проигрывали. Но вот дошла очередь до нас, и мы тоже выступили, можно сказать, не только от лица передовой советской исторической науки, но и за весь советский народ.

А дело было так. Как только за столом стихийно возникло «хоровое» соревнование, академик Нарочницкий, быстро сориентировавшись в обстановке, как настоящий руководитель, распорядился, чтобы и мы в нем приняли участие. У Алексея Леонтьевича в те дни вообще была какая-то навязчивая идея о всемерном распространении нашего родного языка, «великого и могучего». «На конференции должен звучать русский язык!» — то и дело повторял он. Наверняка, таково было

распоряжение вышестоящих инстанций, озабоченных борьбой с «тлетворным влиянием Запада» во всех его формах, а не его личная «придумка». Во всяком случае, академик «заказал» нам русскую песню, а еще лучше две или три, чтобы «переплюнуть» хотя бы немцев. Правда, тут же выяснилось, что сам он петь не собирается по причине... (причин было много и все важные). Остальные члены делегации, присутствовавшие в тот вечер за столом (Виктор Георгиевич Карасев, Кирилл Борисович Виноградов, Юрий Алексеевич Писарев и я), были готовы петь — тоже по многим причинам, а главное — было очень весело, но текстов песен практически не знали, за исключением двух куплетов известного застольного шлягера «По диким степям Забайкалья». Алексей Леонтьевич уже готов был вспылить и всерьез на нас рассердиться, но тут Виктор Георгиевич обернулся ко мне и сказал: «Светлана, давай запевай, ты же говорила, что пела в школьном хоре, а мы тебе подпоем». Действительно, в далеком детстве я была запевалой нашего школьного хора, который с большим успехом исполнял на разных торжественных «взрослых» собраниях пионерские, комсомольские, патриотические и русские народные песни. И вот сейчас это пришлось очень кстати. Во всяком случае, песни «Одинокая гармонь», «Ивушка», «Старый клен» и ряд других, прозвучавших в Сараево, вызвали шумное одобрение у не совсем трезвых слушателей. Причем, вначале Виктор Георгиевич, также стихийно ставший худруком нашего вокального ансамбля, кратко сообщал на сербском языке содержание песни, а потом мы ее исполняли. Он пел вторым голосом, остальные, в том числе югославы, подпевали нам без слов. Классное было выступление! Незабываемое! Так и хотелось тогда крикнуть на весь мир: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» И академик Нарочницкий остался нами доволен. Как говорится, молодцы, не подкачали, отстояли честь великой Родины!

Ну, а особый восторг многочисленной зарубежной аудитории вызвала та песня, с которой мы выступили с Виктором Георгиевичем (заранее немного порепетировав) во второй вечер, — популярный незатейливый хит «Миленький ты мой, возьми меня с собой...». И вновь исполнению предшествовало краткое изложение песни на сербском языке, тут же знатоки-полиглоты переводили его соседям по столу на немецкий и английский языки, а болгары понимали без перевода. Видимо, безысходная, трагическая жизненная ситуация, изложенная в песне, — невозможность для двух любящих сердец быть вместе — взяла за́ душу всех участников сараевских посиделок. Во всяком случае, исполняли мы ее с Виктором Георгиевичем на «бис» неоднократно. Кстати, спустя несколько лет, уже в Белграде, меня включили в состав редколлегии совместного советско-югославского издания документов «Югославяне и Россия в XIX веке»[2] (это была большая честь

[2] См.: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века / отв. ред. С. А. Никитин. М.: Наука, 1975. 576 с.; Југословени и Русија: Документи из архива М. Ф. Рајевског, 40–80 године XIX века. Т. 2. Књ. 1 / Югославяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского, 40–80 годы XIX века. Т. 2. Кн. 1 / гл. ред. Н. Петровић. Београд, 1989. 375 с.

и повышение моего научного статуса) только потому, что кто-то из югославов вспомнил, как в 1975 г. в Сараево я прекрасно пела русские песни, в том числе «Миленький ты мой...», а значит, являюсь хорошим специалистом и смогу достойно трудиться при подготовке важного международного проекта.

А вот ещё один «неформальный» штрих (правда, не такой веселый) к картине событий сараевской конференции. У Ю. А. Писарева, возвращавшегося в гостиницу из Сараево с экскурсии, в переполненном автобусе украли бумажник с деньгами и, что самое ужасное, с заграничным паспортом. Тот, кто жил в то время в СССР, знает, что для человека это была настоящая трагедия, тем более для коммуниста. И неважно, что сам пострадавший уже был наказан, впереди его ждала еще бóльшая кара: он мог до конца своей жизни стать «невыездным» с формулировкой: «за утрату бдительности», «небрежное отношение к советскому паспорту» и т.д. и т.п.

Всё это прекрасно понимал опытный Юрий Алексеевич. Сказать, что он был расстроен, значит, ничего не сказать — он был просто раздавлен свалившейся на него бедой. Ситуация усугублялась еще и тем, что в делегации находился сотрудник отдела науки ЦК КПСС, наш негласный куратор, конечно, милейший человек, но ведь он представлял систему... И он уже готовился обрушиться на бедного Юрия Алексеевича с соответствующими обвинениями, но тут вмешался Виктор Георгиевич Карасев.

Впоследствии я много размышляла над этой ситуацией и поняла, что тогда в Сараево Виктор Георгиевич фактически спас своего друга и коллегу. Конечно, все мы поддерживали Юрия Алексеевича, проявляли участие, нашли для него необходимые лекарства, когда «прихватило» сердце, но его истинным «спасителем» стал Виктор Георгиевич. Ведь именно он нашел нужные аргументы в его защиту перед В. И. Куликовым и академиком Нарочницким — он припугнул их, что если они будут «клеймить» Юрия Алексеевича, то у того может случиться инфаркт. А самому Юрию Алексеевичу он сказал (я присутствовала при этом разговоре), что всё случившееся, в конечном счете, — ерунда, из-за которой не сто́ит расстраиваться всерьёз, что на обратном пути в Белграде ему выдадут в посольстве справку вместо паспорта и что по возвращении в Москву Юрий Алексеевич всё объяснит в соответствующих инстанциях. И, конечно, будет продолжать ездить в командировки в Югославию, как ездил, потому что таких ученых, как он, у нас в СССР можно пересчитать по пальцам. И еще. Другим членам делегации Виктор Георгиевич говорил, что Юрий Алексеевич слишком беспечно вёл себя в автобусе и сам во всем виноват, но ему самому он об этом даже не намекнул.

И постепенно Юрий Алексеевич приходил в себя, а через несколько дней, уже в Черногории, к нему вернулись и хорошее, «заграничное» настроение, и присущий ему юмор.

И вот уже перед гостиницей на Илидже стоят автобусы — конференция закончилась, и теперь ее участников, главным образом иностранных, организаторы везут на экскурсию в Мостар, столицу тогдашней Герцеговины, город, о котором я столько читала и в исторических романах, и в книгах известных югославских писателей, и в архивных документах. А еще, разумеется, видела в красочных

альбомах и на открытках. Мы, советские делегаты, тоже едем, но только не в автобусах, а на машинах черногорских историков, потому что после Мостара нам еще предстоит побывать в Герцег-Нови, городке на Адриатическом побережье. Там мы будем гостями Общества историков Черногории.

Во время нашего непродолжительного путешествия стояла чудесная погода. Не знаю, как остальные, но я мысленно всё время «улетала» в Москву. Было начало октября, и наверняка дома было холодно, ветрено, сыро. А здесь, в горах Герцеговины, было замечательно, по-летнему тепло, и леса радовали глаз своей пышной растительностью.

В Мостаре мы посетили мемориал, посвященный памяти мостарцев, погибших во Второй мировой войне. Этот памятник на склоне горы произвел на всех очень сильное впечатление: сотни белых плит в виде пней с именами героев — вот так же были подрублены беспощадной, жестокой войной их молодые жизни. А вместо привычного для нас вечного огня — вечный источник журчал в центре мемориала. И какая-то особая тревожная тишина вокруг, и легкий ветерок, и Мостар внизу, хорошо видный с горы…

А потом мы спустились вниз, постояли на знаменитом мосту, посмотрели, как с него прыгают в реку бесстрашные мальчишки, и, пройдя по улочкам старого города, начали прощаться с коллегами по конференции. Все, кроме нас, возвращались в Сараево, а затем домой. Наш же дальнейший путь лежал в Черногорию. Был он неблизкий, но пролетел как-то незаметно…

В Герцег-Нови мы приехали вечером, когда уже стемнело. Черногорские коллеги во главе с Миомиром Дашичем разместили нас в прекрасном многоэтажном доме-башне из светлого кирпича примерно в ста метрах от моря. Рядом, во дворе, среди раскидистых и даже цветущих (в октябре!) деревьев и кустарников находилось одноэтажное, очень уютное здание ресторана, где нас ждал дружеский ужин. Без преувеличений можно сказать, что он был роскошный. Чего только не было на огромном столе — просто глаза разбегались от такого изобилия! И после всех умопомрачительно вкусных яств нам еще был преподнесен огромный торт-мороженое, какой-то особенный, изготовленный специально для нас, который нельзя было не съесть, хотя, как говорится, было уже некуда.

После вкусной еды, после многочисленных тостов на русском и сербском языках нас, членов советской делегации, сильно клонило ко сну, ведь мы так рано встали в Сараево и проделали такой неблизкий путь в Герцег-Нови. И теперь было бы хорошо отдохнуть в отдельных номерах с окнами на Адриатическое море, поспать хотя бы несколько часов... Это же настоящее счастье — спать и во сне дышать чудесным морским воздухом!..

Но нашим мечтам не суждено было сбыться, во всяком случае, в тот момент, потому что со стороны наших черногорских друзей, таких любезных и гостеприимных, поступило совершенно иное предложение: отправиться в кинозал гостиницы для просмотра уникального, по их словам, фильма. Разумеется, мы пошли — куда уж тут деваться, хотя время шло к полуночи и никакого кино, откровенно говоря, смотреть не хотелось, даже самого уникального на свете.

И вот мы в кинозале. Один из черногорцев, весь светясь от восторга, сообщает нам, что сейчас мы, одними из первых, увидим фильм, созданный черногорскими кинематографистами по произведению гениального поэта и митрополита Петра II Петровича Негоша «Горски венац». Забегая вперед, скажу, что текст поэмы (полностью, без купюр) читал за кадром громовым голосом артист, а перед глазами зрителей, одна за другой, представали, словно видеоклипы, картины черногорской природы, а также исторические памятники Черногории в разных ракурсах. Поэма у Негоша большая, поэтому и фильм был снят в четырёх (!) сериях. Когда мы осознали сей факт, то естественно внутренне содрогнулись. Однако вопить во весь голос о том, что было на душе, конечно, не стали — ведь мы были советскими учеными и жили не в XXI веке, а в семидесятых доперестроечных годах предыдущего. В общем, народ безмолвствовал. Распорядитель, явно озадаченный нашей странной реакцией, ничего общего не имеющей с его восторгом и возвышенной приподнятостью (Негош всё-таки!), ушел в будку к киномеханику обсудить какие-то вопросы демонстрации шедевра. И тут мы, воспользовавшись его кратковременным отсутствием, недовольным шепотом попытались высказать свое отношение по поводу предстоящего мероприятия. И это было так естественно, так понятно. В темном зале, после такой сытной трапезы спать хотелось еще больше, и перспектива просмотра четырех серий (это же как минимум три часа!) фильма, отнюдь не детектива с завлекательным сюжетом, удручала и даже ужасала. Мы полагали, что наш руководитель академик Нарочницкий, проникнувшись всеобщим настроением, в конце концов, пожалеет нас и заступится, но, увы! — наши надежды оказались напрасными. Тихий ропот продолжался. И тут в темноте раздался голос Виктора Георгиевича Карасева: «Ну, всё, хватит! Наши друзья старались для нас, специально раздобыли этот фильм и, между прочим, тоже не спят, выполняя долг гостеприимства. И если для развития советско-югославской дружбы нужно будет ночь напролёт смотреть не четыре, а восемь серий, мы это сделаем!» — добавил он тихо, но очень твердо. «К тому же, — подал голос академик Нарочницкий, — вы можете сидеть и дремать — в темноте это не будет заметно». (Спасибо за заботу.)

После данной реплики все немного повеселели, искренне радуясь, что серий всего четыре, а не восемь. Правда, спать не получилось, потому что голос за кадром был таким громким, что временами просто хотелось зажать уши. В конце концов, мы смирились и иногда даже смотрели на экран, а некоторые отпускали по ходу показа остроумные ироничные замечания.

Но, видно, судьба в лице сводного отряда наших ангелов-хранителей решила, в конце концов, сжалиться над нами: минут через сорок, когда, судя по всему, близился финал первой серии (было около часа ночи), вдруг что-то случилось с техникой, и... показ прервался!!! А может, киномеханик тоже решил, что ночью нужно спать, а не кино смотреть. Мы уже не верили своему счастью... Ответственный за нашу культурную программу очень расстроился и, извиняясь на все стороны, просил немного подождать, пока исправят аппарат, ведь утром фильм увозят на какой-то кинофестиваль. Но, видимо, перспектива смотреть фильм до утра ужаснула даже академика Нарочницкого, и он сказал следующее: «Гениальное

творение Негоша, так профессионально интерпретированное на экране, требует вдумчивого к себе отношения. Нам повезло, что мы посмотрели хотя бы часть его, раньше многих людей, даже раньше жюри конкурса. И мы уверены, что на кинофестивале его отметят и высоко оценят, присудив какой-нибудь приз».

С этим нельзя было не согласиться, и нас, хотя и с неохотой, «отпустили на покой». С грустными лицами, но ликуя в душе, мы покинули кинозал. И уже ничего не хотелось — ни смотреть с балкона на море, ни считать какие-то невероятно большие звезды, ни вдыхать незнакомые таинственные запахи. Только спать!!!

На следующий день ранним утром, проспав всего несколько часов, мы с Ириной Степановной Достян были разбужены громкими голосами. Выглянув в окошко со второго этажа, я увидела такую картину: наши мужчины в полном составе плюс трое черногорцев вкушают завтрак в тенистом дворике ресторана под раскидистым деревом, как раз под окнами нашего двухместного номера. «Добро ютро!» — поприветствовала я их по-сербски. И они в ответ помахали мне руками, приглашая присоединиться к ним. Помню, как свежо и бодро все они выглядели в то утро, несмотря на кратковременный ночной сон и свой немолодой возраст. Но чувствовали они себя в Герцег-Нови прекрасно: много шутили, острили, смеялись, беззлобно подтрунивая друг над другом, однако никто ни на кого не обижался. Это было уникальное общение, возможное, как мне кажется, только между коллегами-единомышленниками и главное — на отдыхе, в чудесном живописном уголке. Неудивительно, что после таких поездок крепла дружба между коллегами, и возникшие симпатии уже никогда не исчезали, а лишь усиливались. Случайно оброненная остроумная фраза, искрящиеся юмором глаза («с подтекстом» — выражение Ю. А. Писарева) подчас говорили о человеке больше, чем долгие беседы и дискуссии.

А потом были еще два дня потрясающего отдыха и путешествий. Черногорские коллеги подготовили для нас замечательную культурную программу. В Государственном музее Черногории в Цетинье, бывшем княжеском дворце, нас ждала очень содержательная экскурсия, а Алексея Леонтьевича Нарочницкого — редкое удовольствие и в какой-то степени даже потрясение, тем более что он этого совершенно не ожидал. После бесконечных залов с иконами, церковной утварью и старинными книгами, присланными в основном из России в XVII–XIX вв. в дар, наш академик вдруг «набрёл» на огромную коллекцию бабочек. Все мы, разумеется, тоже заинтересовались ею, прежде всего потому, что многие бабочки были большими, даже огромными и ярко окрашенными — таких у нас дома, в средней полосе России, не встретишь. Ну, в общем, экзотика. Заинтересовались, удивились, обменялись впечатлениями и... пошли дальше, на встречу с другими экспонатами. А Алексей Леонтьевич, как выяснилось, был страстным коллекционером бабочек и большим знатоком в этой области, чем удивил и восхитил сотрудника, ответственного за данную часть экспозиции музея. Кроме того, у Алексея Леонтьевича была в Москве собственная большая коллекция этих красивых насекомых. Она «жива» и по сей день — ее мы увидели в видеофильме во время заседания научной общественности по случаю 100-летия со дня рождения Алексея Леонтьевича в феврале 2007 г.

А в тот день в Цетинье академик, в отличие от нас, никак не мог оторваться от витрин — переходил от одной к другой, произнося при этом мудрёные названия бабочек на латыни. Мы сначала исподтишка острили по этому поводу и подсмеивались — уж очень было непривычно видеть обычно сдержанного Алексея Леонтьевича таким восхищенным и восторженным, но затем помогли ему доставить в гостиницу в Герцег-Нови двух куколок — будущих бабочек, которых ему с удовольствием, как знатоку и собирателю, подарили работники музея. Кстати, эти самые куколки благополучно перенесли перелет в Москву, и через положенное время из них вылупились неземной прелести, по словам Алексея Леонтьевича, бабочки, украсившие его коллекцию.

В Черногории нам посчастливилось также побывать в Которе. Правда, был уже вечер, быстро темнело, и мы мало что видели. Но всё-таки нам удалось вынести необыкновенные ощущения от посещения старой части города. Во всяком случае, меня не покидало в Которе чувство нереальности происходящего: казалось, что я внезапно перенеслась в эпоху средневековья, очутившись в старинном приморском городе, и в темноте заблудилась, но ничуть данным происшествием не опечалена. Наоборот, мне хотелось бродить и бродить по узеньким, мощеным каменными плитами улочкам, заглядывать в окна уютных домов под черепичными крышами, а потом выйти на широкую пустынную площадь, освещенную тусклыми фонарями...

Вернулись мы в тот день в Герцег-Нови, в гостиницу, ненадолго ставшую нашим домом, очень поздно. Но никто не жаловался на усталость. А некоторым приключений и впечатлений показалось маловато, и они жаждали продолжения. Речь идет о Юрии Алексеевиче Писареве, Тофике Муслимовиче Исламове и Кирилле Борисовиче Виноградове, которые ночью, «после отбоя», отправились купаться в Адриатическом море. Мы с Ириной Степановной пытались их отговорить, но наши уважаемые коллеги только отмахнулись от нас.

«Поймите, дамы, — сказал Юрий Алексеевич, который уже всерьёз “завелся”, — наверняка у нас в жизни уже не будет такой возможности — искупаться ночью в Адриатическом море под небом, усыпанным звездами. Поэтому нужно ловить момент. Кстати, — ухмыльнулся будущий академик, — и древние нас к этому же призывали!» «А акулы?» — попыталась возразить я. «А вам, Светик, нужно поменьше смотреть по телевизору “Клуб путешественников”, — назидательно посоветовал Юрий Алексеевич. — А что касается акул, то, к вашему сведению, у берегов Адриатики их не бывает! И вообще не мешайте нам активно отдыхать на природе!» Остальные поклонники ночного купания его дружно поддержали.

Словом, в ту ночь им даже Адриатическое море было по колено. Я всё-таки, по совету Ирины Степановны, пошла на берег, чтобы сторожить их одежду и главное — заграничные паспорта, которые, согласно инструкции, должны были быть всегда с нами. И в ночной тишине я слышала, как где-то далеко в море мои коллеги оживленно обсуждали итоги прошедшей в Сараево конференции (!). Помню, я тогда подумала: как хорошо они плавают, даже Кирилл Борисович, передвигавшийся на костылях, и какие они смелые, раз не боятся заплывать ночью так далеко.

А на следующий день мы отправились в Москву — через Дубровник и Белград...

И вот мы на родной земле, в Шереметьево. Всё, финита, наша «сараевская» эпопея закончилась — благополучно, успешно, замечательно, для науки и для всех нас! Русский язык действительно звучал в Сараево и звучал очень хорошо, с первого и до последнего дня конференции — и на пленарных заседаниях, и в секциях, и в кулуарах. Нас было много, и мы везде поспевали: читали свои доклады, участвовали в дискуссиях, представляя концепции советской югославистики, балканистики и вообще советской исторической науки, и … даже пели русские песни. Мы были на конференции заметной, сплочённой, дружной делегацией, к которой остальные участники относились с вниманием, уважением и симпатией.

Без преувеличения можно сказать, что «Сараево — 1975» для всех членов нашей делегации явилось ярким и очень важным во всех отношениях событием. И главное — оно сдружило и сплотило нас в некое братство единомышленников. Правда, связь с работником ЦК КПСС В.И. Куликовым вскоре была утеряна, но остальные «сараевцы» стали друзьями на долгие годы, независимо от возраста, званий и занимаемых должностей.

И мы никогда не забывали Сараево, город, подаривший нам такие замечательные воспоминания. Не забывали наших коллег из других стран и нашего очень насыщенного, интересного, дружеского общения, пусть и кратковременного. Впоследствии, в конце XX века, на югославской земле, в том числе и в Сараево, произошли известные трагические события. Многое изменилось. Большинства участников конференции, в то время людей немолодых, уже нет с нами. Но по прошествии полувека неизменной осталась благодарная память о том, как в 1975 году мы, посланцы разных государств и народов, в едином «научном строю» отметили выдающееся историческое событие.

С. И. Данченко

Предисловие к первому изданию

Восточный кризис 70-х гг. XIX в. явился важнейшим событием международной жизни Европы второй половины столетия. Он был вызван усилением процесса внутреннего разложения Османской империи, широким размахом национально-освободительной борьбы балканских народов, находившихся под властью Порты, обострением противоречий между великими державами в их соперничестве за политическое и экономическое влияние на Балканах.

Начавшись летом 1875 г. восстанием в Боснии и Герцеговине, повлекшим за собой в 1876 г. войну Сербии и Черногории с Турцией, кризис привел к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Завершением кризиса явился Берлинский конгресс (июнь-июль 1878 г.), изменивший карту Балкан, на которой появились независимые государства Сербия, Румыния, Черногория и автономное Болгарское княжество. Османские провинции Босния и Герцеговина были оккупированы Австро-Венгрией.

События восточного кризиса 1875–1878 гг. до сих пор привлекают внимание историков. В них во многом кроются корни сегодняшней нестабильности Балкан, переживших в начале и в конце XX в. глубокие потрясения. И, несмотря на то, что история кризиса, и в том числе боснийско-герцеговинского восстания, нашла отражение в ряде монографий, статей, документальных публикаций, многие вопросы еще ждут своего исследования, а документы — опубликования. В архивах хранится еще большое количество источников, содержащих ценнейшую информацию по истории борьбы балканских народов за свое освобождение в годы кризиса, а восстание в Боснии и Герцеговине получило далеко не полное документальное освещение. В капитальной публикации «Освобождение Болгарии от турецкого ига»[1] ему уделено явно недостаточно внимания, а в сборнике, подготовленном черногорским историком Б. Павичевичем, основной упор делается на международные отношения и политику европейских держав в годы кризиса[2].

Составители настоящего сборника имели своей задачей показать социально-экономическое положение в восставших провинциях, ход боевых действий, противоречия в лагере повстанцев по вопросу о будущем устройстве провинций.

---

[1] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. М., 1961. Т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877.

[2] Русија и босанско-херцеговачки устанак. 1875–1878 / Сост. Бранко Павићевић. Титоград, 1985–1988. Т. 1–3.

Публикуемые документы показывают сложность ситуации в крае, где население было разделено по религиозному, социальному и этническому признакам.

В основе разногласий лежало социально-экономическое, религиозное и правовое неравенство. Мусульмане, имеющие право владения землей, находились под покровительством турецких властей и исламского законодательства. Католики, хотя и были в зависимом от мусульман положении, пользовались защитой своей церкви и католических держав — Австро-Венгрии, Италии, Франции, с которыми турки опасались конфликтовать. Наиболее обездоленной частью населения являлись православные, составлявшие, по некоторым источникам, до 45% населения. Лишенные права землевладения, они платили громадные арендные платежи, увеличенные откупной системой сбора налогов, а также множество других налогов, испытывали религиозное угнетение и правовую дискриминацию. Их положение осложнялось еще и тем, что православные церковные иерархи, являвшиеся по закону представителями населения перед властями, являлись по большей части греками, которые видели свою задачу в личном обогащении за счет своей паствы, а не в ее защите. Греки, кроме того, всячески стремились ослабить славянское начало в сфере религии и культуры.

В итоге, помимо борьбы христианского населения за свои права против османского ига, имели место столкновения православных, католиков и мусульман между собой, натравливаемых друг на друга Портой, фанатичными мусульманскими элементами, а то и иностранными агентами.

Защиты православное население могло искать только у русских дипломатических представителей. Согласно Парижскому мирному договору 1856 г. Россия наравне с другими державами — гарантами мира — получала право покровительства христианским народам Балкан. Это право распространялось на православное население и осуществлялось российскими консулами, которые контролировали выполнение статей султанского указа 1856 г. — хатт-и хумаюна, уравнивавшего население Османской империи в правовом отношении. Созданные в 1856 и 1858 гг. российские консульства в Сараеве и Мостаре, а также генеральное консульство в Дубровнике имели задачей в том числе защиту православного населения Боснии и Герцеговины в соответствии с положениями хатта.

Основной корпус документов сборника составляют донесения российских консулов из Сараева, Мостара и Дубровника. Собранная ими информация обо всем, происходившем в Боснии и Герцеговине, является достоверной, так как консулам поручалось тщательно ее проверять; в силу этого выводы и заключения российских дипломатов привлекают своим анализом и продуманностью. Российские дипломаты являлись не бесстрастными свидетелями событий, а принимали горячее участие в судьбах славянского населения и по мере своих возможностей старались оказать ему поддержку и защиту. На основании бывших в их распоряжении фактов и их анализа консулы предлагали центру те или иные решения и политическую линию поведения.

В консульских донесениях отражен ход восстания в Боснии и Герцеговине, требования повстанцев, их переговоры с турецкими и австрийскими представителями об условиях урегулирования конфликта. Российские консулы — А. Н. Кудрявцев, Н. А. Иларионов, А. С. Ионин хорошо знали особенности вверенного им региона, имели тесные контакты со славянским населением, верящим в то, что Россия окажет ему защиту и поддержку. Донесения консулов в МИД и посольство часто сопровождались обращениями православного населения провинций к русскому правительству и лично к императору Александру II с просьбой о защите и покровительстве.

Ценность консульских донесений определяется также подробным изложением хода военных действий между повстанцами и турецкими войсками и анализом позиции сопредельных государств — Австро-Венгрии, Сербии, Черногории.

Опубликованные в сборнике инструкции МИД консулам и ответные депеши российского МИД и константинопольского посольства раскрывают позицию правительства, его отношение к национально-освободительному движению славянских народов и балканскую политику России в целом. Как видно из документов, на начальной стадии кризиса правящие верхи России видели в восстании в Боснии и Герцеговине явление частного характера и пытались достигнуть умиротворения путем совместных действий держав в рамках Союза трех императоров. Петербург опасался развития конфликта и перерастания его в общебалканскую войну, в которую могла быть втянута Россия и итогами которой могли воспользоваться другие державы, в частности Австро-Венгрия. Поддерживая проект частичных реформ в восставших провинциях, предложенный австро-венгерским канцлером Д. Андраши, Петербург исходил также из убеждения, что славяне недостаточно политически зрелы, что восстание развивается в неблагоприятных в стратегическом отношении условиях, что им хотят воспользоваться революционные элементы.

Однако в российском обществе, в том числе и у части правящих кругов, существовало и другое мнение, выразителем которого являлся посол в Константинополе Н. П. Игнатьев. Он считал наиболее эффективной мерой прямые двусторонние переговоры России с султаном о проведении в Боснии и Герцеговине реформ в пользу христиан и даже добился издания нескольких указов, облегчавших положение христианского населения. Публикуемые документы свидетельствуют об усилиях Игнатьева в этом направлении и показывают реакцию населения на объявленные султаном реформы. В большинстве случаев это были полумеры, не удовлетворявшие прежде всего христианское население. Вскоре Петербург пресек попытки посла, решив твердо держаться линии на совместные действия с союзными державами, тем более что положение на Балканах осложнялось. После подавления Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии войну Турции объявили Сербия и Черногория. Россия, поняв, что войны не избежать, вынуждена была изменить свою политику и пойти на соглашение с Австро-Венгрией, чтобы обеспечить нейтралитет последней. Соглашение в Рейхштадте в июле 1876 г. частично, а русско-австрийская конвенция в Будапеште в январе 1877 г. уже полностью отдавали под австрийскую оккупацию Боснию и Герцеговину. Несмотря на то, что Игнатьев добился на Константинопольской конференции послов великих держав в декабре 1876 г. административной автономии для Боснии и Герцеговины, несмотря

на протесты населения провинций против австрийской оккупации, поданные Берлинскому конгрессу, обе провинции Европа отдала Австро-Венгрии сначала под временную оккупацию, а в 1908 г. они были окончательно аннексированы Габсбургской империей.

Документы сборника представляют интерес и в том плане, что они не ограничиваются показом позиции официальной России. Они дают представление и об отношении к восстанию в Боснии и Герцеговине различных слоев русского общества. События на Балканах вызвали огромный резонанс в стране и возбудили интерес всеобщий, а уж в оказании помощи борющимся за свое освобождение славянам стремились принять участие даже дети. Как известно, большая помощь оказывалась славянскими благотворительными комитетами. Документы свидетельствуют о том, что она не прекращалась и во время русско-турецкой войны, когда русское общество переключилось на содействие санитарным и иным нуждам русской армии.

Хронологически рамки сборника охватывают события с июня 1875 г. по июль 1878 г. — от начала восстания до завершения Берлинского конгресса. Последний период восстания, начиная с апреля 1877 г., представлен документами фрагментарно, так как в апреле 1877 г. с началом русско-турецкой войны российские консулы были отозваны из Боснии и Герцеговины.

Включенные в сборник документы выявлены в архивах России — в Архиве внешней политики Российской империи, Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном военно-историческом архиве, Российском государственном историческом архиве, Центральном государственном историческом архиве г. С.-Петербурга. Сотрудникам указанных архивов составители выражают благодарность за помощь при выявлении документов. Все документы публикуются впервые. Археографическая обработка документов осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Документы на французском языке снабжены переводами, документы на сербском языке даны без переводов.

Выявление документов осуществили: Н. В. Кабакова, В. И. Косик, Д. Ф. Поплыко, В. М. Хевролина.

Археографическая обработка документов проведена В. М. Хевролиной (русский язык) и Н. В. Кабаковой (французский язык).

Переводы с французского языка выполнены А. Д. Зверевым, О. В. Медведевой, Т. В. Фаминской.

Комментарии составили: В. И. Косик, Д. Ф. Поплыко, В. М. Хевролина.

Указатели выполнены А. В. Карасевым, Д. Ф. Поплыко, В. М. Хевролиной.

Научно-техническая подготовка рукописи к печати осуществлена Н. В. Кабаковой и Д. Ф. Поплыко. Компьютерная обработка текста произведена А. В. Карасевым.

Документы

1

Донесение российского консула в Сараеве А.Н. Кудрявцева послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву об уходе жителей Невесинья в горы и их требованиях

№ 74 19 июня 1875 г.

Je profite du départ du courrier autrichien pour avoir l'honneur de soumettre à la haute attention de votre excellence les informations que j'ai été à même de recueillir sur l'incident de Névessigné (Herzégovine) et dont je signalais une partie dans mon télégramme chiffré de ce jour[1].

L'histoire concerne toujours les villages mécontents des districts de Névessigné et de Stolatz. Les habitants chrétiens naguère réfugiés au Monténégro sont rentrés dans leurs foyers, comme il a été dit dans mon dernier rapport adressé à votre excellence le 6 juin N 67, convaincus qu'un commissaire spécial du sultan viendrait les entendre et régler leur situation. Leur espoir sur ce point ayant été déçu, ils se seraient réfugiés dans les montagnes, entraînant à leur suite les compatriotes qui s'étaient décidé à faire cause commune avec eux. Ils ne voudraient pas se laisser convaincre par les belles promesses du moutéssarif et du commandant militaire, le général Salih pacha, qui se sont rendus à Névessigné, et persisteraient dans leur attitude hostile en réclamant justice du sultan.

Le vali avait ordonné des mesures de répression, mais il reçut hier, d'Essad pacha l'ordre de ne pas envoyer de troupes, ce qu'il avait demandé, ayant entretenu fait faire les préparatifs nécessaires de départ de Sarajevo du 2-me bataillon de chasseurs de la brigade bosniaque, pour le joindre aux deux compagnies que Salih pacha avait emmenées avec lui à Névessigné.

Maintenant Dervich pacha voudrait y envoyer deux pacificateurs, mais on peut présumer qu'ils ne réussiront pas, car la population, plaignante est arrivée au comble du désespoir et sa défaillance ne peut être relevée que par une mesure d'intervention bienveillante de la Porte elle-même.

Les plaignants, armés de fusils à tir rapide, d'après ce que j'entends, se seraient retirés dans les montagnes par groupes de 30 à 40 personnes et demanderaient:

1. un commissaire du sultan pour les entendre;
2. la radiation de l'impôt de la capitation;
3. la suppression de la surtaxe de 2½ de la dîme;
4. l'éloignement des zaptiés et l'autorisation de former parmi eux un corps de gendarmes.

Le vali prétend que les émigrés de retour à Névessigné avaient apporté avec eux des armes qui leur auraient été distribuées au Monténégro, que c'est dans la principauté qu'on les aurait instigués à faire de l'opposition aux autorités et à créer des embarras au gouvernement. Cela seul suffit pour apprécier les sentiments de Dervich pacha et ses devoirs vis-à-vis de son souverain et de la population qu'il est chargé d'administrer.

Aussi, je ne m'arrête pas un moment pour émettre mon opinion, que l'unique moyen de pacifier les populations récalcitrantes est de rappeler immédiatement *l'instigateur*, car je suis convaincu que Dervich pacha n'a jamais servi la cause de la pacification.

Aujourd'hui, comme toujours, il a pensé pouvoir aplanir le différend en tirant le sabre, mais le grand vizir a eu la sagesse de le lui faire rengainer et son altesse en donnerait une plus grande si elle l'éloignait de cette province.

Voilà, M. l'ambassadeur, quel est l'état de choses en Herzégovine. L'incident ouvert n'a dû étonner personne. La ruine économique de ce pays, l'absence de la justice, les vexations des autorités et de la population musulmane administrées sans relâche aux habitants chrétiens, ont amené ceux-ci à quitter leurs huttes et à se réfugier, avec leurs familles, dans les montagnes, du haut desquelles ils élevent des prières à leur souverain, auquel ils sont parfaitement soumis, pour que sa majesté veuille bien mettre fin aux lourdes conditions de leur existence.

J'ai l'honneur d'être...

P. S. J'apprends à l'instant que les réfugiés exigeraient la présence de deux commissaires pour régler leur différend et demanderaient que les deux commissaires pour la délimitation du village de Lipovo — Hassan pacha et Constant effendi fussent chargés de cette mission. On me communique aussi que M. de Viette, consul de France à Sarajevo, qui est très réservé dans ses rapports officiels avec les collègues, a donné l'ordre, par dépêche chiffrée, au gérant de vice consulat de France à Mostar, de se rendre incontinent à Névessigné.

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 823. Л. 41–42 об. Копия.

Перевод

Пользуюсь отъездом австрийского курьера, чтобы иметь честь предложить высокому вниманию вашего превосходительства сведения, которые мне удалось собрать о происшествии в Невесинье (Герцеговине) и часть которых я сообщил в моей шифрованной телеграмме от сегодняшнего дня[1].

Речь по-прежнему идет о недовольных деревнях в округах Невесинье и Столац. Жители христианского вероисповедания, еще недавно скрывавшиеся в Черногории, как уже было сказано в моем последнем донесении, адресованном вашему превосходительству 6 июня за № 67, возвратились к своим очагам, убежденные, что специальный комиссар султана явится, чтобы выслушать их и уладить их положение. Так как их надежда на это не оправдалась, они укрылись в горах, увлекши за собою соотечественников, решивших действовать с ними заодно. Судя по всему, они не позволят убедить себя благими обещаниями мутесарифа и военного комиссара генерала Салиха-паши, которые отправились в Невесинье, и, вероятно, будут упорны в своем враждебном отношении, требуя правосудия султана.

Вали отдал приказ о мерах подавления, но вчера получил от Эсада-паши повеление не отправлять войска, как последний требовал, настаивая на проведении необходимых приготовлений по отправке из Сараева 2-го батальона стрелков боснийской бригады для присоединения его к двум ротам, которые Салих-паша привел с собою в Невесинье.

Теперь Дервиш-паша хотел бы направить туда двух умиротворителей, однако, видимо, они не добьются успеха, ибо жалующееся население доведено до последней степени отчаяния, и спасти его можно при помощи одной лишь меры — благожелательного вмешательства самой Порты.

Жалобщики, вооруженные скорострельными ружьями, как я слышал, ушли в горы группами по 30–40 человек и требуют:

1. комиссара султана, который выслушал бы их;
2. отмены подушной подати;
3. упразднения дополнительного налога в 2½ десятины;
4. отзыва заптие и разрешения сформировать из них самих жандармский корпус.

Вали утверждает, что эмигранты, возвратившиеся в Невесинье, привезли с собой оружие, розданное им якобы в Черногории; что именно в княжестве их подстрекнули к противодействию властям и к созданию затруднений для правительства. Одного этого достаточно, чтобы понять чувства Дервиша-паши и его обязанности по отношению к своему государю и к населению, управлять которым он поставлен.

Поэтому, ни на миг не задумавшись, я выскажу свое мнение: единственное средство умиротворить заупрямившееся население — это немедленно отозвать *подстрекателя*, ибо я убежден, что Дервиш-паша никогда не служил делу умиротворения. Ныне, как и всегда, он понадеялся, что сможет прекратить распрю, выхватив саблю, однако великий визирь проявил мудрость, заставив его вложить ее обратно в ножны, и его величество продемонстрировал бы еще большую мудрость, если бы держал его вдали от этой провинции.

Вот каково, г-н посол, положение дел в Герцеговине. Открытый конфликт никого не должен был удивить. Экономическое разорение этой страны, отсутствие правосудия, беспрестанные притеснения, наносимые властями и мусульманским населением жителям-христианам, вынудили последних покинуть свои лачуги и укрываться вместе со своими семьями в горах, с высоты которых они возносят к своему государю, которому они полностью покорны, мольбы о том, чтобы его величество соблаговолил положить конец тяжелым условиям их существования.

Честь имею быть...

P. S. Мне только что стало известно, будто беженцы требуют присутствия двух комиссаров для урегулирования их спорного вопроса и просят, чтобы эта миссия была возложена на обоих комиссаров, посланных для определения границ деревни Липово — Хасана-пашу и Констан-эфенди. Мне сообщают также, что г-н де Вьет, французский консул в Сараеве, весьма сдержанный в своих официальных отношениях с коллегами, шифрованной депешей приказал управляющему французским вице-консульством в Мостаре немедля направиться в Невесинье.

[1] С весны 1875 г. в Герцеговине и Боснии значительно усилились крестьянские волнения, вызванные прежде всего ухудшением материального положения народа. Неурожай 1874 г. и последовавшая затем долгая и суровая зима, вызвавшая массовый падеж скота, поставили народ на грань голода. Однако откупщики приступили весной к сбору податей не только в прежних, но в увеличенных размерах. Основными формами протеста народа в этот период стали отказ платить подати и массовое бегство целыми семьями в соседние земли — Черногорию, Сербию, Австро-Венгрию.

Данный документ отражает факт массового бегства невесиньских жителей в Черногорию. Благодаря посредничеству черногорского князя Николая и австрийского императора Франца Иосифа Порта согласилась на амнистию и возвращение 120 герцеговинцев.

Аналогичные явления наблюдались и в Боснии. Например, из окрестностей Костайницы бежало 60 семей на территорию Австро-Венгрии. Власти обещали улучшить положение крестьян, однако чаще всего возвратившихся ждала суровая расправа (см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. М., 1961. Т. 1. С. 31–32; *Ekmečić M.* Ustanak и Bosni. 1875–1878. Sarajevo, 1960. S. 24).

2

Донесение российского консула в Дубровнике А. С. Ионина управляющему МИД России А. Г. Жомини о недоверии герцеговинских повстанцев к комиссарам Порты и о поддержке восстания населением Далмации

№ 115 5 (17) июля 1875 г. Рагуза

Monsieur le baron!

Les affaires en Herzégovine se compliquent tous les jours d'avantage et je commence à douter du succès de la mission des commissaires ottomans a Névessigné ainsi que des efforts du prince Nicolas pour rétablir la paix. D'autres influences peuvent reléguer sur le second plan celles de Cettigné.

Le Monténégro avec ses environs reste absolument neutre mais tout le reste de l'Herzégovine jusqu'au fleuve Narenta et la frontière dalmate est en pleine insurrection. Les musulmans du pays avec quelques troupes s'enferment dans des villes et s'arment à la hâte en tachant d'éviter les rencontres avec des Chrétiens. Ces derniers, maîtres des montagnes et de tout le reste du pays s'enhardissent tous les jours et ont fini par bloquer sérieusement les villes de Stolac et Lubigné où ils ne laissent pas même porter les vivres.

Parmi les insurgés, les catholiques sont les plus entreprenants, — leurs prêtre proclament la guerre à outrance contre les turcs et ne veulent pas entendre parler des transactions avec les commissaires ottomans, tandis que les orthodoxes sont, en apparence, loin d'être aussi radicaux, — les concessions de la part de la Turquie auraient pu les satisfaire.

On raconte que les commissaires à Névessigné[1] ont remis aux insurgés la promesse de la Porte de réduire sensiblement les impôts. Mais les gens de ce district, avant le répondre à des propositions des commissaires, consultèrent leurs compagnons de la frontière dalmate et ces derniers répondirent par une fin de non recevoir. Je ne sais pas ce que feront les insurgés de Névessigné mais il leur sera probablement difficile de se séparer des autres d'autant plus que les circonstances et les turcs peuvent ne pas leur donner le temps pour relféchire et prendre le parti qui leur est conseillé de Cettigné.

Mais outre l'influence de ces intransigeants de la frontière dalmate, les chrétiens des districts exclusivement orthodoxes se méfient aussi des promesses turques tant de fois déjà violées. Tout en accédant aux propositions des commissaires ils hésiteraient eux-mêmes de déposer les armes avant que ces promesses ne deviennent des réalités.

On peut dire en général que si dans la partie orientale l'insurrection n'étaient provoquée que par l'état intolérable de l'administration turque et n'avait tout d'abord en vue que l'amélioration des conditions matérielles de l'existence, l'influence de la partie occidentale, voisine de la Dalmatie, tend à donner au mouvement le caractère absolument politique, celui de la lutte non plus contre les abus du gouvernement turc mais contre son existence même.

Je n'hésite pas de dire que ce caractère est imprimé au mouvement par la population dalmate où les sympathies pour les insurgés frisent beaucoup l'exaltation. L'attitude du gouvernement est ici, j'ose le dire, plus que bienveillante envers ces sentiments et les actes

même de ses sujets. Tout en restant neutre, l'administration ferme absolument les yeux sur ce que fait la population et ce qu'elle fait doit non seulement encourager, mais aussi alimenter l'insurrection et faire des événements de l'Herzégovine un point de départ des complications très graves, dont les conséquences il est difficile de calculer d'avance.

Les comités se sont formés partout en Dalmatie sous le prétexte de venir en aide aux familles des réfugiés[2], mais en réalité ils reunissent des sommes assez fortes pour l'achat des armes et des munitions qu'ils envoyent en Herzégovine. A Raguse même, et c'est la ville la plus apathique de la Dalmatie, on a déjà ramassé dans des maisons des particuliers tous les fusils, les revolvers, les cartouches pour les envoyer au delà de frontière. La poudre s'exporte d'ici en grande quantité. Dans d'autres localités de la Dalmatie l'empressement de la population est encore plus grande.

Ce qui précède est un fait que j'ai constaté moi-même, mais on me rapporte aussi que les comités dressent les listes des volontaires qui doivent s'unire aux insurgés de l'Herzégovine dès que la lutte commencera, du moment que les troupes turques attaqueront les insurgés.

Les journaux de la Dalmatie imprimés à Zara sous les yeux du gouverneur publient de véritables proclamations appellant les chrétiens à la guerre sainte et des nouvelles extrêmement exagérées.

Cette attitude pas trop neutre de l'administration en Dalmatie a produit une grande sensation en Herzégovine. Les insurgés, les catholiques surtout, déduisent du fait de cette bienveillance que le gouvernement de Vienne se prépare à leur accorder des secours efficaces dès que les événements prendront un caractère plus décidé où si l'armée turque les attaquait.

J'ai moi-même parlé à une députation des catholiques qui est venue me demander des avis. Sur mes conseils de s'accorder avec les gens de Névessigné et de traiter avec les commissaires ottomans afin d'obtenir quelques allégements aux abus qui se font aujourd'hui et d'arriver peu à peu à la possibilité de déposer les armes sans crainte de la vengence des turcs, la députation a paru être très peu ébranlée dans les résolutions — et ses résolutions étaient extrêmes. Les insurgés, à la croire, avaient l'intention d'attaquer les villes bloquées par eux, de se déclarer indépendente de la Turquie, de demander leur annexion à l'Autriche, voir même au Monténégro, où comme pis aller, d'exiger pour l'Herzégovine une situation à part sous la suzeréneté du sultan.

Mais quand, tout étonné de leur franchise je leur disait que ces idées sont tant simplement extravagantes, que s'ils ne cherchaient pas de profiter de l'occasion qui leur est donnée par l'envoie des commissaires pour terminer pacifiquement tout ce mouvement, ils seraient écrasés et dispersés par les troupes turques, ces messieurs, plus étonné encore, me repondaient qu'une pareille perspective n'est pas à craindre du moment qu'il existe une amitié entre la Russie et l'Autriche «que l'empereur François Joseph en recevant leurs plaintes, lors de son voyage, leur disait qu'il prendra en considération la position des chrétiens en Turquie[3], que le Monténégro ne les laissera pas seuls, qu'il sera forcé d'agir et ainsi de suite». Je les persuadais toujours au moins de ne pas attaquer les musulmans qui sont aujourd'hui à leur merci et de ne pas se priver par là de tout moyen de retraite en forçant la Porte d'agir plus énergiquement qu'elle ne le fait aujourd'hui. Ils ont à ce qu'il parait pris ce conseil en considération.

Dans une pareille situation les événements dépendent du premier rencontre, du ha- zard même. J'ai eu l'honneur de rapporter à votre excellence que si les gens de Névessigné ne tombaient pas d'accord avec les commissaires ou si les turcs en avançant les troupes attaquaient les chrétiens — la lutte commencerait et aurait pour première conséquence d'entrener les districts voisins du Monténégro, quelques monténégrins eux- mêmes, et de compromettre ainsi la neutralité du prince qui se trouverait alors débordé par le courant qu'il a d'ailleurs prévu et signalé. Cette perspective présentait déjà une gravité considérable. Mais de retour en Dalmatie j'incline à croire que le dangers de ce coté est encore plus grand. L'Etat de la Dalmatie, jusqu'ici la province la moins entreprenante des provinces slaves de l'empire, peut donner la mesure de l'influence qu'une guerre en Herzégovine devra exercer en Croatie, dans les confins militaires, en Serbie où la partie d'action trouvera dans cette occasion un puissant argument pour reprendre sa campagne un moment interrompu. Evidemment aussi que devant ce qui se passe entre les herzégoviniens et les dalmates, la situation morale du Monténégro devient encore plus difficile et la neutralité peut être impossible — les monténégrins ne pourront pas assister les bras croisés à l'invasion du pays qu'ils considéraient toujours comme devant leur appartenir dans l'avenir, invasion par les dalmates avec «Autriche» pour mot de ralliement; ils tâcheront aussi d'acquérir le droit de pouvoir dire leur mot si les événements deviennent graves. Je dois ajouter ici que les drapeaux autrichiens arborés par quelques bandes de l'Herzégovine ne sont pas une fable.

Bien que la guerre n'ait pas encore éclaté, les chances pour la paix et pour la prolongation même de cet état de choses incertain deviennent tous les jours plus faibles. Les conflits partiels continuent. Il y quelques jours une troupe de musulmans indigènes voulant se frayer le passage à travers une bande de chrétiens près de Névessigné fut battre et perdit quatre hommes tués, parmis lesquels le célèbre dans ces parages Porta, fermier des impôts, dont les abus avaient provoqué les premières protestations des chrétiens. De l'autre coté deux bataillons de troupes turques marchent de Sarajevo à Névessiné ce qui peut aussi précipiter les événements.

Je doute qu'en face de ces passions les commissaires ottomans, fussent ils sincères et disposés à faire des concessions, puissent agir efficacement. D'ailleurs ils ne pourront que donner des promesses, et les mieux disposés des chrétiens de finir l'affaire par la paix, les orthodoxes ont perdu toute confience dans des promesses et craindraient les persécutions de la vengence des turcs et de leur gouvernement même, si on leur disait de se desarmer tout d'abord.

Le seul moyen efficace pour prévenir le conflit serait une commission internationale qui servirait d'intermédiaire entre les turcs et les chrétiens. Ces derniers pourraient alors croire à des promesses que les turcs leur feraient et déposeraient probablement les armes.

La possibilité de former une pareille commission et son opportunité dépendrait peut être des questions qui ne sont pas de ma compétence, j'oserais dire seulement que je ne vois pas pour le moment un autre moyen de prévenir un conflit très grave, si toutefois, il y aurait la nécessité de le prévenir.

Le temps, notre influence pacificatrice qui est encore considérable, l'attitude du prince Nicolas dévoué à notre politique, peuvent encore donner un espoir que le mouvement s'apaisera peu à peu. Mais cet espoir est déjà assez faible et si l'Europe tardait encore de dire son mot,

elle pourrait se trouver devant un conflit ayant déjà soulevé des questions devant lesquelles les simples mesures paliatives seraient difficile à prendre et peut être même inefficaces.

Je me suis décidé d'exposer à votre excellence péremptoirement les faits pouvant donner une idée sur l'attitude de l'administration en Dalmatie et sur les dispositions du peuple et de la société de cette province, ayant l'occasion d'expédier ce rapport jusqu'à Trieste avec M. Bakounine qui se rend par cette ville à Sarajevo où il doit prendre la gérance de notre consulat, mais je crois qu'il est plus prudent de ne pas confier à la poste de Constantinople le rapport d'un caractère] aussi confidentielle.

Il eut été déjà imprudent de faire partir M. Bakounine par la voie ordinaire de Mostar.

Avec le plus profond respect j'ai l'honneur d'être, monsieur le baron, de votre excellence le très humble serviteur

A. Ionine

АВПРИ. Ф. СПБ. ГА V-А2. Д. 747. Л. 181–187 об. Подлинник.

Перевод

Господин барон!

Дела в Герцеговине осложняются все более с каждым днем, и я начинаю сомневаться в успехе миссии османских комиссаров в Невесинье, равно как и усилий князя Николая по восстановлению мира. Прочие влияния могут отодвинуть на второй план воздействие Цетинье.

Черногория с пограничными с Герцеговиной областями остается абсолютно нейтральной, но вся остальная часть Герцеговины вплоть до реки Неретвы и далматинской границы охвачена восстанием. Мусульмане края вместе с некоторыми частями войск запираются в городах и поспешно вооружаются, стремясь избежать столкновений с христианами. Последние, хозяева гор и всей остальной страны, смелеют день ото дня и в последнее время серьезно блокировали города Столац и Любинье, куда не дают даже подвозить продовольствие.

Среди восставших самыми предприимчивыми являются католики — их священники объявляют туркам беспощадную войну и не хотят даже слышать о переговорах с османскими комиссарами, православные же, по-видимому, далеко не столь решительны — уступки со стороны Турции могли бы их удовлетворить.

Рассказывают, что комиссары в Невесинье[1] передали восставшим обещание Порты существенно сократить налоги. Но люди из этого округа, прежде чем ответить на предложения комиссаров, посоветовались со своими товарищами с далматинской границы, а эти последние их отвергли. Не знаю, как поступят восставшие из Невесинье, но, вероятно, им будет трудно отделиться от других повстанцев, тем более что обстоятельства и турки могут не оставить им времени на размышление и не дать принять тот образ действий, который им рекомендуют в Цетинье.

Но помимо влияния этих непримиримых с далматинской границы, христиане исключительно православных округов также не доверяют турецким обещаниям, столько раз уже нарушенным. В целом, уступая предложениям комиссаров, они, судя по всему, сомневаются в необходимости сдать оружие, пока эти обещания не будут выполнены.

В целом можно сказать, что если в восточной части восстание было вызвано только невыносимым положением под властью турок и, прежде всего, было направлено лишь на улучшение материальных условий существования, то влияние западной части, соседствующей с Далмацией, стремится придать движению характер абсолютно политический — борьбы уже не против злоупотреблений турецкого правления, но против самого его существования.

Могу с уверенностью сказать, что такой характер придает движению далматинское население, у которого симпатии к восставшим в значительной степени граничат с неистовством. Позиция правительства здесь, смею сказать, более чем благожелательна к этим чувствам и даже действиям своих подданных. Оставаясь нейтральной, администрация совершенно закрывает глаза на то, что делает население, и такая ее позиция способствует не только поощрению, но и снабжению восстания продуктами питания, делая события в Герцеговине отправным пунктом весьма серьезных осложнений, последствия которых трудно заранее предугадать.

По всей Далмации сформировались комитеты под предлогом оказания помощи семьям беженцев[2], но в действительности они накапливают достаточно большие суммы для закупки оружия и боеприпасов, направляемых ими в Герцеговину. В самой Рагузе — а это самый равнодушный город в Далмации — в частных домах уже собрали все ружья, револьверы, патроны, чтобы направить их за границу. Порох вывозится отсюда в большом количестве. В других местностях Далмации активность населения еще более высока.

Сказанное выше — это факт, в котором я убедился сам, но мне сообщают также, что комитеты составляют списки волонтеров, которые должны соединиться с восставшими в Герцеговине, как только начнется борьба, в тот момент, когда турецкие войска атакуют повстанцев.

Газеты Далмации, выходящие в Заре под носом у губернатора, печатают настоящие прокламации, призывающие христиан к священной войне, а также в высшей степени преувеличенные сообщения.

Такое далекое от нейтрального отношение далматинской администрации вызвало большое возбуждение в Герцеговине. Восставшие, главным образом католики, заключают из этой благожелательности, что венское правительство готовится оказать им действенную помощь, как только события примут более решительный характер или если турецкая армия нападет на них.

Я сам говорил с депутацией католиков, пришедших спросить моего мнения. На мой совет прийти к согласию с невесиньцами и вступить в переговоры с османскими комиссарами, дабы добиться некоторого облегчения производимых ныне злоупотреблений и понемногу достичь возможности сложить оружие без опасения мести турок, депутация казалась весьма мало поколебленною в своей решимости — а решимость ее была отчаянная. Если верить этой депутации, повстанцы намеревались атаковать окруженные ими города, объявить себя независимыми от Турции, направить просьбу о присоединении к Австрии и даже Черногории, либо, на худой конец, просить о выделении Герцеговины в особую область под верховенством султана.

Но когда, удивленный их откровенностью, я сказал им, что эти идеи настолько сумасбродны, что если они не попытаются воспользоваться шансом направления комиссаров для мирного окончания всего этого движения, то будут уничтожены и рассеяны турецкими войсками, эти господа, еще более удивившись, ответили мне, что подобная перспектива не представляется опасной с тех пор, как установилась дружба между Россией и Австрией, что «император Франц Иосиф, принимая их жалобы во время своей поездки, сказал им что он обратит внимание на положение христиан в Турции[3], что Черногория не оставит их в одиночестве, что он будет вынужден действовать» и т. п. Я все время убеждал их по меньшей мере не нападать на мусульман, которые сегодня в их власти, и не отрезать себе тем самым все пути к отступлению, вынуждая Порту к более энергичным действиям, чем она до сих пор предпринимала. По всей видимости, они приняли этот совет во внимание.

В подобной ситуации ход событий повернется в ту или иную сторону в зависимости от первой стычки и даже случайности. Я имел честь донести вашему превосходительству, что если невесиньцы не найдут общего языка с комиссарами или если турки, подтянув войска, начнут наступление на христиан, то начнется борьба, первым следствием которой будет вовлечение соседних округов Черногории, какого-то числа самих черногорцев, а значит, будет скомпрометирован нейтралитет князя, который окажется тогда во власти потока, который он, впрочем, предвидел и о коем предупреждал. Такая перспектива была уже связана со значительными осложнениями. Но по возвращении в Далмацию я склоняюсь к мысли о том, что опасность, исходящая с этой стороны, еще более велика. Положение Далмации, до сих пор наименее предприимчивой из славянских провинций империи, является показательным с точки зрения того влияния, которое может оказать война в Герцеговине на Хорватию, Военную границу, а также на Сербию, где партия действия найдет в данной оказии сильный аргумент для возобновления прерванной на время кампании. Очевидно также, что ввиду того, что происходит среди герцеговинцев и далматинцев, моральное состояние в Черногории становится все более трудным и нейтралитет может оказаться невозможным, черногорцы не смогут сидеть сложа руки при виде захвата далматинцами под лозунгом «Австрия» того края, который, как они считали всегда, должен в будущем принадлежать им; они также будут стремиться заручиться возможностью сказать свое слово, если события приобретут серьезный характер. Тут надо добавить, что австрийские знамена, водружаемые некоторыми отрядами из Герцеговины, не выдумка.

Хотя война еще не началась, шансы на сохранение мира или даже нынешнего неопределенного положения вещей сжаждым днем ослабевают. Мелкие стычки продолжаются. Несколько дней назад отряд местных мусульман, решивший пробиться сквозь банду христиан под Невесинье, был разбит и потерял четырех человек убитыми, среди которых был известный в этих краях откупщик Порты, притеснения которого вызвали первые выступления христиан. С другой стороны, два батальона турецких войск продвигаются из Сараева в Невесинье, что может также ускорить события.

Я сомневаюсь в том, что при виде этих страстей османские комиссары, будь они даже искренними и склонными к уступкам, смогут действовать эффективно. Впрочем, они могут лишь давать обещания, но православные, более всех других христиан расположенные к тому, чтобы уладить дело миром, утратили всякое доверие к этим обещаниям, опасаясь ответного преследования со стороны турок и даже собственного правительства, если бы им было приказано сперва разоружиться.

Единственным действенным средством предотвращения конфликта было бы создание международной комиссии, которая послужила бы посредником между турками и христианами. Эти последние могли бы тогда поверить обещаниям, которые им дадут турки и, пожалуй, сложили бы оружие.

Вероятность образования подобной комиссии и ее целесообразность, по всей видимости, зависят от вопросов, которые не входят в мою компетенцию; осмелюсь только сказать, что не вижу в данное время другого средства предотвратить столь серьезный конфликт, если, только существует необходимость в его предотвращении.

Время, наше миротворческое влияние, которое еще значительно, позиция князя Николая, преданного нашей политике, могут еще дать надежду, что движение понемногу утихомирится. Но эта надежда уже достаточно слаба, и если Европа еще промедлит сказать свое слово, она может оказаться перед конфликтом, и тогда принятие паллиативных мер в отношении к вызванным им к жизни вопросам будет затруднительно и, возможно, даже бесполезно.

Я решился настоятельно изложить вашему превосходительству факты, могущие дать представление о позиции администрации в Далмации и о настроениях народа и общества данной провинции, воспользовавшись оказией доставить это донесение в Триест с г-ном Бакуниным, который отправляется из этого города в Сараево, где он должен принять на себя руководство нашим консульством, я считаю более благоразумным не доверять константинопольской почте донесения столь конфиденциального характера.

И так уже было неосмотрительно отправлять г-на Бакунина обычной дорогой через Мостар.

Остаюсь с глубочайшим почтением, господин барон, вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Ионин

[1] На первых порах Порта пыталась добиться умиротворения в Невесинье и затем в других районах посредством переговорщиков, откупщиков бега Хайдар-эфенди и купца Петраки, затем комиссаров, чиновников вилайета, Хасан-паши и Костан-эфенди, позднее эта миссия была возложена на чиновника высокого ранга — председателя Государственного совета империи Сервер-пашу.

Комиссары уговаривали крестьян разойтись по домам, повстанцев сложить оружие и обещали облегчить их положение (см., например, док. 21).

Деятельность комиссаров эффекта не достигала, тем более что одновременно Порта вводила в действие военные силы для подавления волнений оружием (см.: *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине. М., 1971. С. 141–145 и далее).

[2] Комитеты помощи повстанцам, беженцам и их семьям были созданы в Задаре, Дубровнике, Герцег Нови, Сплите и других городах Далмации. Они организовывали помощь деньгами, продовольствием, медицинскими средствами, одеждой, боеприпасами, оружием, занимались устройством беженцев, переправкой добровольцев и др. Кроме того, подобные комитеты возникли на территориях с хорватским населением в Сисаке, Осиеке, Ясеновце, Костайнице. Главный комитет был организован в Загребе во главе с епископом И. Штросмайером. В движении помощи участвовали и сербы, и хорваты. Оно вызвало отрицательную реакцию как со стороны Порты, так и Вены. Австрийские власти потребовали от хорватского бана И. Мажуранича соблюдения нейтралитета. Однако полного запрета достичь не удалось.

[3] Весной 1875 г. Франц Иосиф предпринял поездку по пограничным областям империи. Это была своего рода политическая демонстрация, но его многочисленные встречи в течение двух месяцев с представителями католической церкви, с делегациями из пограничных местностей Герцеговины, встреча с князем Николаем, принятие письменных жалоб на турецкие насилия и ходатайство перед Портой в пользу беженцев из Герцеговины — все это породило иллюзию готовности Австро-Венгрии защищать интересы славянского населения угнетенных областей, что сыграло не последнюю роль в выступлении части хорватов в католических селах Герцеговины под австрийскими знаменами и лозунгом «Да здравствует хорватский король Франц Иосиф!» (см.: Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX веку. Београд, 1952. С. 74–75; *Tenuh И.* Босна и Херцеговина у руским изворима (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 363).

3

Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини о расширении восстания в северной Герцеговине и боевых действиях повстанцев

№ 127 15 июля 1875 г. Рагуза

Monsieur le baron!

J'ai l'honneur de joindre ci-après la copie de mon rapport à M. de Nélidoff en date d'hier avec ses annexes ayant trait aux événements en Herzégovine[1].

Depuis hier l'insurrection semble avoir pris un caractère décidé d'une guerre civile, et tout espoir de pacifier ou de modérer le mouvement est perdu.

Nous avons des informations certaines, que la lutte s'est engagée sérieusement entre les villes de Biléc, de Stolac et de Névessigné. Les troupes turques ont marché concentriquement de ces trois localités pour s'emparer d'un endroit appelé Dabra, où les routes réunissant les villes mentionnées se croisent et dont les chrétiens ont pris la possession. Le but des turcs devait être à débloquer la ville de Stolac qui commence à souffrir du manque des vivres.

Selon toutes les apparences — de graves combats se livrent en ce moment autour du Dabra, mais nous n'avons encore rien de précis sur leurs résultats.

Près de Métković sur la Narenta, les chrétiens ont fortement pris la possession de la route de Mostar, mais comme les troupes réguliaires sont encore peu nombreuses dans cet endroit, les chrétiens s'emparent de leurs positions stratégiques presque sans coup férir — les musulmans indigènes et les zabtiés décampent sans résistance.

On dit que le village de Goritza, que nous ne trouvons pas cependant sur la carte, abandonné par les hommes, fut saccagé par les musulmans des environs, on raconte que des cruautés horribles ont été commises par ces agresseurs sur les femmes et les enfants. Ce fait fut annoncé par les télégrammes de Métković dans toute la Dalmatie, appelant à la générosité de cette province en termes chaleureux.

Les derniers districts sur la frontière dalmate, qui restaient jusqu'ici incertains, comme Popovo et Chouma entre Raguse et Trébigne ont pris les armes et chassé les turcs de chez eux. Aujourd'hui les communications entre la Dalmatie et les villes de l'Herzégovine sont définitivement interrompues.

En général l'insurrection se propage vers le nord le long de la Dalmatie, mais les districts du midi, confinants avec le Monténégro restent encore tranquilles. Il est douteux cependant que cette attitude de ces districts, due à l'influence énergique du Monténégro, puisse encore continuer longtemps, mais du moment que ces gens, aguerris et bien armés, entreront en lice la guerre deviendra tout à fait sérieuse.

Quant au caractère du mouvement, le g[énéra]l Jovanović, qui connait à fond ces pays et possède une grande expérience, me disait qu'il admirait non seulement l'attitude des insurgés, mais aussi leur savoir faire. En apparence ils n'ont pas de chef, mais néanmoins l'accord semble être parfait parmis eux et la manière dont ils ont disposé leurs forces obtient les éloges du général.

Ce qui frappe surtout le général Jovanović ce sont dimentions de l'insurrection qu'il fut impossible de prévoir en se basant sur les souvenirs du passé. Toute l'Herzégovine est

unanime. En suite, la sagesse avec laquelle les insurgés ont agi jusqu'ici donne au général l'idée que ce mouvement est une affaire sérieuse qui ne pourra pas finir de sitôt.

Avant l'attaque des turcs la grande masse des insurgés se tenait sur la défensive n'ayant commis aucun acte criminel. Ce que les turcs disent de contraire est absolument faux, puisque le seul fait de ce genre dont ils peuvent accuser les chrétiens, l'enlèvement d'un convoi de vivres près de Névesigné, fut un acte de brigandage non seulement désavoué par les chrétiens, mais encore réparé par eux — ils ont restitué aux propriétaires les chevaux et quelques objets volés.

L'attitude de la Dalmatie reste toujours la même. Le gouvernement il est vrai donna des ordres aux comités de ne pas secourir les insurgés, mais à moins qu'il ne se décide d'employer des moyens coercitifs, état de siège p[eut]-être, la population dalmate déjà trop excitée continuera d'alimenter l'insurrection.

Il est incontestable, que des emmissaires venant de Belgrade et de certaines parties serbes de la Hongrie se trouvent parmi les insurgés, mais selon toutes les apparences ils sont loin d'y commander ou de jouer un rôle prépondérant. On peut être certain que si les chrétiens de ces provinces étaient encouragés par beaucoup de causes coïncidantes involontérement ce que j'ai eu l'honneur de vous rapporter, monsieur le baron, personne ne les a soulevés. Ces causes coïncidantes aussi avec l'horrible état où ces provinces se trouvaient dans ce dernier temps, ont rendu seulement les chrétiens plus entreprenants, mais les cruautés du gouvernement turc unies à la fourberie de Dervich pacha étaient le seul, le vrais stimulant de la révolte. J'ose dire aussi que l'indifférence de l'Europe à l'endroit de ces cruautés ne contribuait pas peu à lancer les chrétiens dans le désespoir.

Il est vrai qu'aujourd'hui le mouvement ressemble plus à une insurrection politique qu'à une protestation contre les abus, mais ce n'était pas son caractère au commencement.

Je persiste à croire aussi que si les commissaires ottomans envoyés a Névésigné, avaient des pouvoirs plus larges, s'ils n'avaient pas reçu l'ordre de demander *avant tout* le désarmement des chrétiens, s'ils consentaient à traiter et à s'arranger avec eux préalablement en exécutant aussi ne fut ce qu'une partie de leur promesse, si Dervich pacha surtout était rappelé à temps, la pacification eut été probablement possible.

Je n'ai pas besoin de parler encore ici de l'attitude du Monténégro: tout le monde, tous les journaux même reconaissent qu'elle a été irréprochablement neutre, que l'insurrection n'est pas due à son influence, et que malgré la grande difficulté de sa position dans cette affaire, cette principauté a su garder le plus grand sang froid, en l'imposant aussi aux gens se trouvant sous son influence immédiate.

La guerre une fois commencée menace sérieusement d'altérer cette attitude du Monténégro[2].

Je crois que l'attitude du Monténégro dégage absolument le rôle de notre influence dans cette affaire de tout soupçon où appréciations injuste. Il me semble que même les journaux les moins bien disposés envers nous n'ont encore rien trouvé qui eut pu leur donner la satisfaction de médire de nous ce quiv arrive pour la première fois depuis que l'Orient s'agite et ce qui peut nous faciliter le cas échéant notre rôle diplomatique.

Quel démenti à l'opinion public de l'Europe, qui n'attribuait qu'à nous les agitations en Orient! Eh bien quand nous n'agissons pas quand nous dévenons énérgiquement pacificateurs, éclate une insurrection beaucoup plus sérieuse que toutes celles qui avaient été censés être patronées par nous. Que deviendrait l'Orient si nous nous rétirions définitivement de sa vie intime.

Je suis avec le plus profond respect, monsieur le baron, de votre excellence le très humble serviteur

A. Ionine

P. S. La nouvelle du massacre des familles chrétiennes à Goritza se confirme. Ce village est peuplé de catholiques.

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А2. Д. 747. Л. 193–196. Подлинник.

Перевод

Господин барон!

Имею честь присовокупить копию моего вчерашнего донесения г-ну Нелидову с добавлениями, касающимися событий в Герцеговине[1].

Начиная со вчерашнего дня восстание, по-видимому, решительно приняло характер гражданской войны, и всякая надежда умиротворить или умерить движение утрачена.

Мы имеем верные сведения о том, что начались серьезные столкновения в местности между городами Билеч, Столац и Невесинье. Турецкие войска повели концентрическое наступление из этих трех городов с целью овладения местечком под названием Дабра, где пересекаются дороги, соединяющие названные города, захваченные христианами. Турки, видимо, стремятся деблокировать город Столац, в котором начинает ощущаться нехватка продовольствия.

По всей видимости, вокруг Дабры в настоящее время идут тяжелые бои, но нам еще ничего в точности не известно об их результатах.

Возле Метковича на реке Неретве христиане прочно овладели мостарской дорогой, но т. к. регулярные войска в этом месте еще малочисленны, христиане почти без кровопролития занимают стратегические позиции, местные мусульмане и заптии ретируются без сопротивления.

Сообщают, что село Горица, которое мы, впрочем, не находим на карте, покинутое мужчинами, подверглось разгрому со стороны окрестных мусульман; рассказывают об ужасных жестокостях, совершенных этими нападавшими в отношении женщин и детей. Об этом факте было сообщено в телеграммах, разосланных из Метковича по всей Далмации с горячим призывом к жителям этой провинции проявить великодушие.

Последние округа на далматинской границе, которые до сих пор не присоединялись к восставшим, как, например, Попово и Шума между Рагузой и Требинье, взялись за оружие и прогнали оттуда турок. В настоящее время связь между Далмацией и городами Герцеговины окончательно прервана.

В целом восстание распространяется на север вдоль границы Далмации, но южные районы, граничащие с Черногорией, еще остаются спокойными. Сомнительно, однако, что позиция названных округов — следствие энергичного влияния Черногории — может еще долго продержаться, но *с* того момента, когда эти люди, закаленные в битвах и хорошо вооруженные, вступят в борьбу, война начнется по-настоящему.

Что касается характера движения, то генерал Йованович, глубоко знающий эти края и обладающий большим опытом, говорил мне, что он восхищен не только позицией восставших, но и их сметливостью. По видимости, у них нет начальника, но однако же между ними, как представляется, существует полная слаженность в действиях и способ расположения их сил заслужил у генерала самой высокой оценки.

Что особенно поражает генерала Йовановича, — так это масштабы восстания, которые нельзя было предвидеть, исходя из прошлого. Вся Герцеговина единодушна. Вследствие этого мудрость, с которой повстанцы действовали доселе, внушает генералу мысль, что это движение — серьезное дело, которое скоро не прекратится.

Перед нападением турок большое число восставших держало оборону, не совершив никаких преступных актов. То, что турки утверждают обратное — совершенная ложь, поскольку единственный факт подобного рода, в котором они могут обвинить христиан, — захват продовольственного обоза под Невесинье — был актом разбоя, не только дезавуированным христианами, но к тому же актом, за который они внесли возмещение — они вернули владельцам лошадей и некоторые похищенные предметы.

Позиция Далмации остается прежней. Правительство, правда, велело комитетам прекратить поддержку повстанцев, но, если только оно не решится применить меры принуждения, например, ввести осадное положение, крайне взволнованное далматинское население будет продолжать снабжать продовольствием восставших.

Не подлежит сомнению, что эмиссары, приезжающие из Белграда и некоторых сербских краев Венгрии, находятся среди повстанцев, но, по всей видимости, они далеко не командуют восстанием и не играют в нем первостепенной роли. Можно с уверенностью сказать, что христиан этих провинций невольно побудили перейти к действию многие совпадающие причины, о чем, господин барон, я имел честь сообщить вам, их никто не подстрекал. Эти причины наряду с ужасным положением, в коем в последнее время находились указанные провинции, лишь сделали христиан более деятельными, а единственным подлинным возбудителем бунта явились жестокости турецкого правительства наряду с коварством Дервиш-паши. Осмелюсь также сказать, что безразличие Европы к краю, где творились эти жестокости, немало способствовало тому, что христиане были охвачены отчаянием.

Верно, что сегодня движение больше напоминает политическое восстание, нежели протест против злоупотреблений, но вначале его характер таковым не был.

Я также продолжаю считать, что, если бы османские комиссары, посланные в Невесинье, имели более широкие полномочия, если бы они не получили инструкций добиваться *прежде всего* разоружения христиан, если бы они согласились провести переговоры и договориться с ними предварительно, исполнив хотя бы часть своих обещаний, а главное, если бы Дервиш-паша был вовремя отозван, примирение было бы, наверное, возможно.

Мне нет нужды говорить здесь более о позиции Черногории: весь мир, даже все газеты признают, что она была абсолютно нейтральной, что восстание произошло не благодаря ее влиянию и что, несмотря на то, что Черногории было трудно занимать данную позицию, это княжество смогло сохранить величайшее хладнокровие, принудив к этому также и людей, находящихся под его непосредственным влиянием.

Начало войны угрожает серьезно изменить эту позицию Черногории[2].

Я полагаю, что позиция Черногории снимает абсолютно все подозрения и лишает основания для несправедливых оценок относительно роли нашего влияния в этом деле. Мне представляется, что даже наименее расположенные к нам газеты еще не нашли ничего такого, что могло бы дать им повод злословить о нас в связи с событиями, не имеющими прецедента со времени волнений на Востоке, что может при случае облегчить нашу дипломатическую роль.

Какое опровержение общественного мнения Европы, приписывающего только нам волнения на Востоке! Ведь в тот момент, когда мы не предпринимаем никаких действий, когда мы энергично стремимся к примирению сторон, вспыхивает восстание намного более серьезное, чем все те, которым мы якобы покровительствовали. Чем бы стал Восток, если бы мы вообще не вмешивались в его внутреннюю жизнь?

Остаюсь с глубочайшим почтением, господин барон, вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Ионин

P. S. Новость о резне христианских семей в Горице подтверждается. Эта деревня населена католиками.

[1] Началом массового вооруженного восстания в Герцеговине считается 23 июня (5 июля) 1875 г. Сигналом послужило нападение отряда гайдуков на турецкий караван на дороге Мостар — Невесинье. В августе восстание охватило всю северную Герцеговину и большую часть южной. Ряд турецких крепостей и городов — Никшич, Горанско, Невесинье, Требинье, Билеч — был блокирован восставшими (подробнее о ходе восстания см.: *Пелагић В.* Историја Босанско-Херцеговачке буне. Сарајево, 1953. С. 66–156; Буне и устанци... С. 70–95, а также док. 23, 24, 31, 107 и др.).

[2] Черногорский князь Николай в это время вел переговоры с Портой относительно установления черногорско-турецкой границы, поэтому он занял выжидательную позицию в отношении восстания в Герцеговине. Под давлением союзных держав —

России, Австро-Венгрии и Германии, опасавшихся развития конфликта на Балканах, Черногория в начале июля 1875 г. заявила о своем нейтралитете. Хотя черногорцам было запрещено участвовать в восстании, многие из них отправились в Герцеговину, и вскоре участие черногорцев в восстании приняло массовый характер.

Основной заботой черногорцев стало содержание многих сотен беженцев с семьями и раненых из Герцеговины. Весь народ активно включился в сбор средств на их обустройство, пропитание и лечение. 3 (15) августа был создан Цетинский благотворительный комитет, который возглавил черногорский митрополит Илларион. Деятельность этого комитета отличалась большой активностью.

В августе 1875 г. князю Николаю стала очевидна безуспешность его попыток добиться от Порты уступок путем дипломатических переговоров. Расширение восстания в Герцеговине и недовольство населения Черногории политикой нейтралитета заставили правящие круги княжества перейти к активным действиям. На черногорской скупщине в Ловчене 8 (20) августа 1875 г. было принято решение о поддержке восстания (см.: *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX в. М., 1979. С. 305–309, 323).

4

Телеграмма российского генерального консула в Белграде А. Н. Карцова Н. П. Игнатьеву о политических настроениях в Сербии в связи с начавшимся восстанием в Герцеговине

21 июля 1875 г.

21 июля (шифром): Запрещаемые здесь до сих пор комитеты и печатные прокламации в пользу герцеговинского движения ныне разрешены. Ввиду того же в Новом Саде и Панчове, где уже собраны значительные суммы, проживавшим здесь ускокам из Боснии и Герцеговины дозволяют малыми партиями отправляться к театру восстания[1].

Того же числа (шифром): Некоторые вожди оппозиции явились к Богичевичу и Даниле Стефановичу, обещая прекратить всякое противодействие правительству, если оно вступит на путь деятельного сочувствия герцеговинскому восстанию. Настроение в пользу оного так сильно, что не только министерству, но и самому князю не удержаться, если они не войдут в народное движение.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 30. Л. 96–96 об. Копия.

[1] Ввиду нежелательности расширения восстания и возможного вовлечения Сербии в войну против Турции Союз трех императоров (см. прим, к док. 35) потребовал от князя Милана занять позицию нейтралитета. Под давлением Австро-Венгрии проавстрийски настроенные правящие круги и князь дали согласие (конец июля 1875 г.).

Однако к тому времени население Сербии уже активно включилось в движение всесторонней помощи восставшим. Консервативное правительство было вынуждено пойти на создание Белградского комитета помощи, который возглавил сербский митрополит Михаил. Его воззвание о помощи герцеговинцам было опубликовано (ок. 24 июля / 5 августа) в газете «Застава» (см.: «Застава» о Босни и Херцеговини. 1874–1876. Књ. III. Сарајево, 1954. С. 80–81).

Деятельность комитетов в Сербии была тесно связана с сербскими комитетами в соседней Воеводине (Нови Сад, Карловцы, Панчево и др.).

Ширилась сеть комитетов помощи по европейским центрам: Рим, Болонья, Венеция в Италии, Вена, Крит, Женева (Красный Крест), Англия, Германия, Северная Америка, Россия, помощь из которой шла через славянские комитеты (см. док. 36, 38, 41). И, наконец, 28 августа в Париже был образован Международный центральный комитет помощи герцеговинцам. Его председателем стал также митрополит Михаил, а вице-председателем епископ И. Штросмайер. Комитет выпустил Воззвание на французском языке (ок. 7/19 сентября). Сербский вариант опубликовала газета «Застава» (см.: «Застава» о Босни и Херцеговини. С. 192–193).

5

Донесение управляющего российским консульством в Сараеве М. М. Бакунина Н. П. Игнатьеву о настроениях в Боснии в связи с началом восстания в Герцеговине и о положении повстанцев

№ 122 25 июля (6 августа) 1875 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

После того возбужденного одушевления и сочувствия, с которым в Рагузе, по всей Далмации и в Кроации принимались и обсуждались малейшие известия или слухи о происшествиях в Герцеговине, меня поразили на первых же порах моего здесь пребывания те вялость и апатия, с которыми все здесь, и власти в особенности, относятся к событиям в соседней провинции: христиане, находящиеся здесь под более непосредственным гнетом и надзором центральной власти, ревниво охраняющей их от всякого соприкосновения с людьми и событиями извне, не смеют высказывать своих истинных чувств, боясь притом и следящих за ними шпионов; мусульмане по природе своей слишком равнодушны и неподвижны, чтобы интересоваться даже гибелью соседних своих братьев, пока у них самих дома все идет прежним заведенным порядком, доходы поступают исправно и презренная рая повинуется. Власти, по крайней мере, таково мое впечатление после нескольких разговоров с Дервишем-пашой, а особенно с Констаном-эфенди, сами не знают ничего верного, живут изо дня в день, действуют без смысла и плана, точно в чаду. Последствие ли это обычной турецкой распущенности во всем, или власти в самом деле верят тому, что они так усердно повторяют консулам, именно что все это движение вздор и возбуждение уляжется само собою? Дервиш-паша постоянно лжет консулам и уверяет теперь, что восставшие невесинцы возвращаются восвояси, что их никто не трогает и не тронет, что посланный им в Габеллу мостарский католический епископ Кральевич с поручением умиротворить некоторые католические села вполне успел в этом и что «ослепленные» католики отделились ныне от православных.

Это последнее известие подтверждается, но католики понесли уже кару за свое отпадение от общего дела: третьего дня 3 села их близ Метковича были, как думают не без основания, сожжены православными, мстившими католикам за то, что они отделились.

Здесь чрезвычайно трудно получить верные сведения, да вообще здесь, несмотря на то, что Сараево резиденция генерал-губернатора Боснии и Герцеговины и центр всей администрации, сами власти не знают ничего верного и не получают с театра действия никаких положительных известий, частью по неудовлетворительности сообщений телеграфических и других, а много и оттого, что даже в такое тревожное для себя время турецкие власти не могут решиться стряхнуть врожденной им нераспорядительности.

Вследствие всего вышеизложенного я пришел к тому убеждению, что ваше превосходительство и императорское министерство может и будет получать

из Рагузы от генерального консула нашего известия несравненно более подробные, определенные и частые, чем от меня. Рагуза находится в центре движения, там удобно иметь верные сведения и легко контролировать в короткое время даже слухи, благодаря тем скорым и разнообразным способам дознания (перебежчики из Герцеговины, корреспонденты, телеграммы, сношения, наконец, со властями австрийскими), которых мы здесь в этой политической трущобе не имеем. Далее, в Рагузе помимо так сказать официальных источников есть и множество частных, так как там очень живо сочувствуют и со вниманием следят за малейшим проявлением по той стороне границы и открыто обсуждаются эти дела.

Вот, однако, что можно в общих чертах сказать о движении: то как будто утихает в Невесинском округе, но зато распространяется в другом направлении — в Требиньском, Любишском и даже Новибазарском округах. Больших сражений еще не было, но были стычки и, насколько можно судить, выгодные для инсургентов, захвативших даже на днях два орудия у турок.

Судьбою восставших сильно и, главное, осязательно для них интересуются славянские их братья в Далмации, Хорвации и Триесте, откуда высланы им были недавно на двух пароходах в Рагузу (?) собранные для них в один день 6 000 гульденов и множество оружия и пороху.

Я имел вчера в руках оригинал итальянского письма, писанного католиком купцом из Метковича одному из учителей здешней православной школы. Автор письма жалуется, что у восставших нет предводителей и что это великая причина, почему так вяло и долго не распространяется движение и на остальные части Герцеговины и на Боснию. Далее он жалуется горько на эгоизм и безучастие богатых купцов и христиан Мостара и Сараева, ничего не жертвующих и нимало не интересующихся даже движением. Если бы они нас поддержали, говорит он, да предводитель был бы хороший, мы бы пошли на Мостар и Сараево, которыми бы легко овладели, у турок нет там войска. А теперь не смеем, не зная, как нас встретят. Далее автор письма утверждает, что у восставших достаточно оружия и денег, и снова повторяет, что главный недостаток — это опытные и решительные предводители. Еще он сообщает, будто австрийцы только и ожидают нарушения своей границы со стороны турецких войск или властей, для того чтобы вступить в Герцеговину. Вообще это поверье здесь повсеместно, и Австрии постоянно приписываются желания занять и Герцеговину, и Боснию. Мне пишут из Брода, что туда приезжал недавно майор Генерального штаба, присланный Военным министерством из Вены для осмотра тех пунктов австрийско-боснийской границы, на которых признано необходимым сосредоточить и собрать австрийский обсервационный корпус. Передаю это последнее известие, sous toute reserve[1]* хотя мне даже пишут фамилию этого офицера: некто Рок или Рогг.

Сегодня мне передал поп Перо Петрович известие, будто близ Таслидже турки убили черногорского сенатора, возвращавшегося домой этим путем из Сербии.

О последующем буду иметь честь уведомить ваше превосходительство.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

М. Бакунин

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2337. Л. 79–81. Автограф.

[1] Не ручаюсь за достоверность *(франц.)*.

6

Телеграмма управляющего российским посольством в Константинополе А. И. Нелидова А. Г. Жомини об обращении Порты к австро-венгерскому правительству с требованием прекратить поддержку восстания населением Далмации

30 июля 1875 г. Буюкдере

Secret

Porte a fait prier le cabinet de Vienne d'avancer ses troupes sur frontières herzégoviniennes, pour empêcher les dalmates de secourir les insurgés. Comte Zichy revient lundi, un mois avant le terme de son congé.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 30. Л. 213. Копия.

Перевод

Секретно

Порта обратилась с просьбой к венскому кабинету придвинуть свои войска к герцеговинским границам, чтобы помешать далматинцам поддерживать повстанцев. Граф Зичи возвращается в понедельник за месяц до окончания своего отпуска.

7

Телеграмма А. С. Ионина А. Г. Жомини о намерении П. Карагеоргиевича использовать восстание для свержения М. Обреновича

1 августа 1875 г.

Я узнаю из верного источника, что Петр Карагеоргиевич, сын бывшего князя сербского Александра, намеревается явиться среди восставших герцеговинцев и сделаться их руководителем[1].

Агенты его, располагающие, по-видимому, деньгами, являлись в этих местах, и между ними главный Филипович, бывший студент Московского университета.

Филипович уверяет, что, по его наблюдениям, это дело возможное, он возвратился из Далмации, чтобы уверить в том Карагеоргиевича. Цель состоит в том, чтобы явиться в Невесинье, уничтожить там существующее будто бы исключительное черногорское влияние, провозгласить общую борьбу сербских народностей против турок, возбудить тем в Белграде страсти, ускорить свержение Милана и быть провозглашенным на его место.

Сообщников такой мысли, по моим сведениям, в Герцеговине, однако, очень мало, но Омладина[2] в Австрии, без сомнения, в сообщничестве с Карагеоргиевичем.

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 747. Л. 216–216 об. Дешифрант.

[1] П. Карагеоргиевич, бывший офицером Иностранного легиона во Франции, в начале августа 1875 г. появился с четой в Боснии под именем П. Мркончча. Он пользовался поддержкой некоторых сербских социалистов, рассчитывавших с его помощью свергнуть Милана. Однако повстанческая скупщина в Ямнице 16–17 декабря 1875 г. приняла решение предложить П. Карагеоргиевичу оставить Боснию на том основании, что его участие в восстании с чисто династическими целями и стремление стать верховным руководителем не имеет ничего общего с интересами народа и наносит вред движению (см.: *Поплыко Д. Ф.* Васо Пелагич и Россия. М., 1983. С. 131).

[2] См. прим. 2 к док. 16.

8

Письмо Цетинского благотворительного комитета Петербургскому славянскому комитету о тяжелом положении герцеговинских беженцев в Черногории

Не ранее 3 (15) августа 1875 г.[1*]

Славни комитет!

Подписани Цетињски одбор извјестио се у пограничнијем окружијем началствима црногорскијем, да је до данас преко 25 хиљада херцеговачке сиротиње пријешло у Црну Гору, а док зима настане, да ће још толико пријећи, који се за сада око границе наше са стоком својом налазе.

Све је ово голо, босо, гладно. Они су понамјештани по кућама црногорскијем, и одређење су већ куће и за оне, који ће још тражити склоништа у нас, али су лишени и најпотребнијега да преживе љуту зиму која наступа.

Хљеба ће имати. Ту бригу узела је влада наша на себе. Но немају посуђа никаквога, немају одјеће, немају постеље, а то им је потребно колико и залогај хљеба, јер осим силних рањеника има у овијем хиљадама невољниках доста дјечице, жена и стараца, немоћнијех и болнијех, премда су и за здраве исте ствари необходно потребне.

Помета: Доложено И. Я.[2*]

ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 400. Оп. 1. Д. 18. Л. 16. Подлинник.

[1*] *Датируется по времени создания Цетинского благотворительного комитета 3 (15) августа 1875 г.*

[2*] *И. К. Янкулио.*

9

Доклад А. Г. Жомини Александру II о необходимости согласования с Австро-Венгрией позиции России в случае поражения восстания

5 августа 1875 г.

Lorsque, il y a quelques années, nous avons posé le principe de non-intervention, le gouv[ememen]t autrichien nous répondit qu'il n'y était pas contraire, mais qu'il ne voulait pas le proclamer parce que cela pourrait exciter les chrétiens à se soulever. Il valait mieux ne pas les rassurer d'avance contre toute éventualité d'action exercée contre eux.

En arrivant au pouvoir, le c[om]te Andrassy adopta ce point de vue. Mais en 1873, lors de l'entrevue de Vienne, la question fut discutée entre lui et le prince Gortchacow[1].

Les deux ministres tombèrent d'accord sur ce que les deux gouv[ememen]ts ne voulaient que la paix et le status quo en Orient. Le prince déclara que le g[ouvememen]t impérial observerait la non intervention, mais qu'il y avait une éventualité qu'il ne pourrait jamais admettre et qui l'obligerait à sortir de ce principe, c'était si l'Autriche prenait fait et cause contre les chrétiens d'Orient. Le c[om]te Andrassy déclara que le g[ouvememen]t austro-hongrois n'y songeait nullement, et qu'il était prêt à s'engager également à la non-intervention sans toutefois le proclamer. Il fut donc convenu que dans le cas où une crise éclaterait en Turquie, les deux gouv[ememen]ts s'abstiendraient et abandonneraient les choses à leur cours naturel. C'est ce que le comte Andrassy a rappelé à M. de Novicow tout dernièrement lors de nos premières ouvertures en vue d'une médiation consulaire.

Cependant, en posant ce principe de non-intervention le prince Gortchacow a toujours pensé que ce principe devait être *en faveur des chrétiens* et non à leur désavantage. Nous ferions tous nos efforts pour le détour de soulèvements irréfléchis, intempestifs et isolés qui leur avaient toujours été funestes. Mais s'ils étaient jamais résolus à entamer une lutte suprême, en choisissant le moment favorable et en agissant avec ensemble d'après un système bien conçu, il suffisait de laisser les meilleures chances de leur côté en les garantissant contre une intervention de l'Autriche si les turcs avaient le dessous. Dans le cas contraire, c. a. d. si les turcs victorieux écrasaient les chrétiens, le p[rin]ce chancelier était convaincu que la non-intervention ne serait pas possible. Ni l'Autriche, ni l'Europe ne pourraient assister de sangfroid aux effroyables boucheries qui en résulteraient. La conscience publique se révolterait, et entraînerait les gouv[ememen]ts à s'interposer pour arrêter les massacres, imposer des freins au fanatisme musulman et sauver les chrétiens d'une complète extermination.

Les événements actuels soulèvent toutes ces questions, et peut être serait il opportun de compelter l'accord des deux gouv[ememen]ts en se concertant d'avance sur ces éventualités afin de ne point être pris au dépourvu si elles viennent à se réaliser.

A. Jomini

Помета: Lu à sa majesté l'empereur le 5 août 1875 à Zarskoe Selo.
Il faudra [apprendre] cette pièce le chancelier.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 37. Л. 165–166. Автограф.

Перевод

Когда несколько лет назад мы выдвинули принцип невмешательства, австрийское правительство нам ответило, что оно не против этого принципа, но не хотело бы его декларировать, т. к. это могло бы побудить христиан к восстанию. Было бы лучше не настраивать их заранее против любых возможных действий в отношении их.

Придя к власти, граф Андраши принял эту точку зрения. Но в 1873 г. во время свидания в Вене он обсуждал этот вопрос с князем Горчаковым[1].

Оба министра пришли к согласию в том, что их правительства желают только мира и сохранения статус-кво на Востоке. Князь заявил, что императорское правительство будет соблюдать невмешательство, но что есть один поворот событий, коего оно не могло бы никогда допустить и который вынудил бы его отойти от этого принципа, а именно: если Австрия выступит против христиан на Востоке. Граф Андраши заявил, что австро-венгерское правительство вовсе об этом не думало, однако оно готово взять на себя обязательство соблюдать принцип невмешательства, не афишируя этого. Поэтому стороны условились, что в случае возникновения кризиса в Турции оба правительства воздержатся от вмешательства и предоставят событиям идти своим естественным чередом. Об этом граф Андраши совсем недавно напомнил г-ну Новикову в ходе наших первых контактов на предмет установления консульского посредничества.

Однако выдвигая данный принцип невмешательства, князь Горчаков всегда полагал, что этот принцип должен применяться *на пользу христианам,* а не в ущерб им. Мы приложили бы все усилия для предотвращения необдуманных, несвоевременных и изолированных восстаний, которые всегда кончались для христиан плачевно. Но если бы они когда-либо решились начать борьбу не на жизнь, а на смерть, выбрав благоприятный момент и действуя согласованно по хорошо обдуманной системе, было бы достаточно предоставить им шанс, гарантируя их от интервенции Австрии в случае, если турки потерпят поражение. В противном случае, т. е. если бы турки, одержав победу, раздавили христиан, то князь-канцлер был убежден, что невмешательство было бы невозможным. Ни Австрия, ни Европа не смогли бы хладнокровно смотреть на ужасающую бойню, которая явилась бы следствием этого. Гражданская совесть возмутилась бы и заставила правительства вмешаться, чтобы остановить резню, обуздать мусульманский фанатизм и спасти христиан от полного истребления.

Нынешние события заставляют поставить эти вопросы, и, может быть, было бы уместно дополнить соглашение обоих правительств, заранее договорившись о том, как поступить в случае этих возможных событий с тем, чтобы не быть захваченными врасплох, если они действительно произойдут.

А. Жомини

Помета: Читано его императорскому величеству 5 августа 1875 г. в Царском Селе.
Ознакомить канцлера с сим документом.

[1] Принцип невмешательства европейских стран в конфликты султана с его христианскими подданными был выдвинут А. М. Горчаковым 18 октября 1867 г., когда канцлер предложил державам подписать декларацию о невмешательстве в балканские дела. Непосредственным поводом к этому послужил отказ европейских держав принять предложение А. М. Горчакова от 6 апреля 1867 г. о проведении реформ в христианских провинциях Османской империи на началах национальной автономии. Выдвигая принцип невмешательства, Горчаков преследовал две цели: ослабить напряженность на Балканах, показав христианам, что они могут рассчитывать только на моральную поддержу России, кроме того, российская дипломатия стремилась не допустить участия Австро-Венгрии в делах христианских народов Балкан. Принцип невмешательства был подтвержден при заключении Союза трех императоров, в частности во время свидания А. М. Горчакова и Д. Андраши в Вене в июне 1873 г. при подписании 6 июня Шенбруннского соглашения (см.: *Хевролина В. М.* А. М. Горчаков и национально-освободительная борьба южнославянских народов в 60–70-е годы XIX в. // Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998. С. 107).

10

Докладная записка Н. П. Игнатьева в МИД России о беседе с султаном Абдул-Азизом относительно мер умиротворения Боснии и Герцеговины[1]

7 (19) августа 1875 г.

Apres l'échange des compliments d'usage, le sultan demanda des nouvelles de la santé de sa majesté l'empereur.

Passant ensuite aux événements de l'Herzégovine, M. le général Ignatiew exprima l'espoir d'y voir bientôt l'ordre rétabli par de sages mesures. Oui, — répliqua le sultan avec beaucoup de calme et de bienveillance, — j'ai vu le tacrir (note) que vous avec vos collègues d'Allemagne et d'Autriche-Hongrie avez remis hier à la Porte. J'en trouve la rédaction convenable et acceptable puisqu'elle ne contient aucun point susceptible d'être interprêté comme une ingérence étrangère dans les affaires intérieures de la Turquie.

Le général Ignatiew: Nous n'avons ni remis de note à Safvet pacha ni fait de démarche collective, précisément afin d'éviter jusqu'à l'apparence d'une immixion; dans ma conversation avec le ministre des affaires étrangères je me suis borné à ébaucher par écrit la proposition que j'avais été chargé de faire amicalement à la Porte dans le but de lui offrir notre concours. Il ne s'agit donc ni de note, ni d'ingérence; la Russie et en particulier sa majesté l'empereur, dont les sentiments d'amitié pour votre auguste personne sont connus, ne sont guère partisans de l'immixtion étrangère dans vos affaires intérieures et les événements des dernières années l'ont surabondamment prouvé. Mais le gouv[ernemen]t de votre majesté se trouve en présence d'une situation délicate: une insurrection motivée principalement par la mauvaise administration et provoquée par les mesures inconsidérées de l'autorité locale a éclaté sur les confins de l'Autriche-Hongrie dont la population de même race et de même religion que celle de l'Herzégovine sympathise naturellement avec cette dernière au point de rendre difficile l'action des autorités austro-hongroises limitrophes favorables au gouv[ememen]t ottoman. D'accord avec nous et avec l'Allemagne, le cab[ine]t de Vienne a voulu infliger un démenti formel aux meneurs qui encouragent la résistance par la promesse de secours de l'étranger; nous avons donc pensé qu'il serait utile dans l'intérêt du rétablissement de l'ordre, de mettre nos agents en présence des insurgés pour faire disparaître ces illusions et leur expliquer qu'ils n'ont de secours à attendre d'aucun côté, — ni de l'Autriche-Hongrie, ni de la Russie, ni de l'Allemagne, — et les engager à entrer en rapports avec le commissaire du sultan, qui sera certainement chargé d'examiner leurs griefs et de donner satisfaction à ceux dont le bien-fondé serait constaté. Connaissant d'ancienne date votre manière de voir, j'étais persuadé qu'avant de se décider à une repression vigoureuse, votre majesté enverra en Herzégovine, ainsi qu'elle l'a fait précédemment dans des cas identiques en Bosnie (mission de Djevdet pacha), en Syrie (Fuad) et en Candie (Server et Aali pachas), un haut fonctionnaire possédant sa confiance personnelle afin de connaître la vérité des choses et d'essayer de ramener par la douceur, la justice et des mesures sagement combinées des sujets égarés. Les chrétiens, comme les musulmans, sont également chers à votre

coeur et vous avez toujours voulu leur accorder une égale protection. Si les ministres et les valys s'étaient inspirés uniquement de vos généreuses intentions, les populations ne se seraient pas soulevées.

Le sultan: Je vous remercie des assurances que vous me donnez; après cela je ne puis qu'accepter la mission de vos agents auprès des insurgés dans les limites que vous venez de tracer. Je destitue Dervisch pacha, cet ancien janissaire, dont la mauvaise administration et les rigueurs peuvent avoir contribué à irriter les mécontents. Je nomme Server pacha, un homme intelligent et modéré, en qualité de commissaire politique, pour examiner les griefs de la population et y faire droit, le cas échéant. Si donc les rebelles n'ont à se plaindre que d'abus administratifs, je leur offre l'occasion de les faire redresser par mon commissaire, mais s'ils ont d'autres prétentions (allusion aux velléités nationales des serbes), tout le monde comprendra l'obligation dans laquelle je me trouve d'employer la force pour les soumettre a l'ordre légal.

Le général Ignatiew: Je ne puis que rendre hommage à la sagesse des dispositions dont votre majesté daigne me faire part. Le rappel de Dervisch pacha était devenu urgent. Je me permettrais d'ajouter que la force ne devrait être employée que lorsque tous les moyens de conciliation auront été entièrement épuisés. Quand l'incendie se déclare dans une maison, les voisins demandent à l'abattre, tandis que le propriétaire cherche au contraire à étouffer l'incendie de façon à en conserver la plus grande partie possible. Il en est de même de l'Herzégovine qu'il serait facile à votre armée de saccager; mais il n'en resterait que des ruines et des rancunes dangereuses.

Le sultan: J'approuve entièrement votre manière de voir, d'autant plus, ajouta-t-il avec une certaine malice, que le voisin de ce propriétaire pourrait être tenté de profiter des ruines de la maison incendiée et des rancunes qu'on pourrait facilement attiser (allusion à l'Autriche).

Après avoir retracé en quelques mots en réponse la situation difficile créée à l'Autriche-Hongrie par les insurrections périodiques des provinces limitrophes, le général Ignatiew ajouta: la confiance dont votre majesté m'a toujours honoré me fait un devoir d'attirer son attention sur la nécessité de réformer le régime administratif de la Bosnie et de l'Herzégovine. Ces provinces ont une position à part à cause du contact immédiat avec les populations slaves de l'Autriche-Hongrie. Ces dernières sont évidemment mieux gouvernées, mieux traités que les bosniaques et les herzégoviniens, malgré le vif désir de votre majesté d'améliorer leur sort. II serait évidemment dangereux de laisser subsister trop longtemps ce disparate et de donner lieu aux slaves de la Turquie de croire que leurs frères austro-hongrois jouissent d'une situation plus prospère.

Encouragé par le vif intérêt que le sultan parut prendre à cette partie de la conversation, le général Ignatiew retraça le tableau des abus invétérés de l'administration turque dans les provinces chrétiennes. Certainement, répliqua le sultan, comme s'il se parlait a lui-même, il ne faut pas que cette situation dure trop longtemps. Je vous remercie sincèrement de vos sages avis et je n'ai pas besoin de vous dire combien ma confiance est grande en sa majesté l'empereur, dont vous êtes le digne représentant auprès de moi. Je prendrai à coeur d'améliorer le sort de ces populations pourvu que leurs griefs n'aient pas en vue autre chose que la réforme des abus administratifs. J'espère que grâce aux bons conseils des puissances et voyant que le Monténégro et la Servie observent la neutralité,

ces malheureux égarés finiront par se soumettre, afin que je puisse d'un côté éviter l'effusion de sang qui me répugne et de l'autre réaliser les réformes nécessaires.

Passant à un autre sujet, le général Ignatiew félicita le sultan de son intention de faire construire à ses frais les chemins de fer de l'Asie Mineure et exprima à cette occasion un doute relativement à l'utilité pour l'Empire ottoman d'une voie ferrée à travers le désert conduisant à Bagdad et surtout de l'ancien projet anglais du chemin de fer de l'Euphrate. Le sultan répondit qu'en effet il voulait s'imposer des sacrifices personnels pour établir un chemin de fer qui mettrait la partie de l'Asie Mineure la plus fertile et la plus habitée en communication avec ses deux débouchés naturels, Smyme et Nicomédie. Mais, ajouta sa majesté, avec les calamités que nous prépare l'insurrection de l'Herzégovine, dieu sait quand nous pourrons réaliser tout ces projets. Quant au chemin de fer de Bagdad proprement dit, je n'y pense pas sérieusement, d'autant plus qu'il ne servirait qu'au transport rapide de la poste anglaise. La Turquie n'en retirerait pas des profits proportionnés aux dépenses.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 27. Л. 327–331. Подлинник.

Перевод

После обмена обычными любезностями султан осведомился о здоровье его императорского величества.

Перейдя затем к событиям в Герцеговине, генерал Игнатьев выразил надежду на то, что в скором времени там будет разумными мерами восстановлен порядок. Да, — ответил султан с большим спокойствием и благожелательностью, — я видел такрир (ноту), который вы с вашими коллегами из Германии и Австро-Венгрии направили вчера Порте. Я нахожу его редакцию приемлемой и допустимой, поскольку она не содержит каких-либо пунктов, способных быть истолкованными как вмешательство извне во внутренние дела Турции.

Генерал Игнатьев: Мы не направляли ноту Сафвет-паше и не предпринимали коллективного демарша именно во избежание даже видимости вмешательства; в своей беседе с министром иностранных дел я ограничился тем, что в письменном виде обрисовал предложение, которое мне было поручено дружески передать Порте с целью оказания ей нашего содействия. Тем самым речь не идет ни о ноте, ни о вмешательстве; Россия и в особенности его императорское величество, чувства дружбы коего к вашей августейшей персоне известны, никоим образом не являются сторонниками внешнего вмешательства в ваши внутренние дела, и события последних лет это предостаточно доказали. Но правительство вашего величества находится в деликатной ситуации: восстание, вызванное в основном дурным управлением и спровоцированное неосмотрительными мерами местных властей, вспыхнуло близ границ Австро-Венгрии, в крае, где единородное и единоверное с Герцеговиной население, естественно, сочувствует этой последней до такой степени, что затрудняет действия приграничных австро-венгерских властей, благожелательных к османскому правительству. По согласию

с нами и с Германией венский кабинет пожелал выступить с официальным опровержением перед главарями, возбуждающими сопротивление обещанием помощи из-за границы; поэтому мы подумали, что в интересах восстановления порядка было бы полезно послать к восставшим наших агентов, чтобы развеять эти иллюзии и объяснить им, что не стоит ждать помощи ни с чьей стороны — ни от Австро-Венгрии, ни от России, ни от Германии, — и побудить их вступить в сношения с комиссаром султана, который, несомненно, будет уполномочен рассмотреть их жалобы и удовлетворить те из них, обоснованность которых будет установлена. Давно зная ваш взгляд на вещи, я был убежден в том, что, прежде чем решиться на энергичные репрессии, ваше величество, как вы ранее делали это в подобных случаях в Боснии (миссия Джевдет-паши), в Сирии (Фуад) и в Кандии (Сервер и Али-паша), пошлет в Герцеговину высокопоставленного чиновника, облеченного вашим личным доверием, с тем, чтобы узнать правдивое положение дел и постараться мягкостью, справедливостью и умелым сочетанием мер направить на истинный путь заблуждающихся подданных. Христиане, как и мусульмане, одинаково дороги вашему сердцу, и вы всегда изволили оказывать им равное покровительство. Если бы министры и вали вдохновлялись исключительно вашими благородными намерениями, население бы не восставало бы.

Султан: Благодарю вас за данные мне заверения; после этого я могу лишь принять миссию ваших агентов в среде повстанцев в пределах, которые вы только что очертили. Я смещаю Дервиш-пашу, этого бывшего янычара, плохое управление и строгости которого, возможно, способствовали раздражению недовольных. Я назначаю Сервер-пашу, разумного и умеренного человека, политическим комиссаром для рассмотрения жалоб населения и, в необходимом случае, удовлетворения их. Итак, если восставшие недовольны только административными притеснениями, я предоставлю им случай исправить их через моего комиссара, но если у них есть другие претензии (намек на национальные притязания сербов), то все поймут, что я обязан применить силу, чтобы подчинить их законному порядку.

Генерал Игнатьев: Могу лишь отдать должное мудрости распоряжений, о которых ваше величество изволило мне сообщить. Отзыв Дервиш-паши стал неотложным. Я бы позволил себе добавить, что силу следовало бы применить лишь в том случае, если все средства примирения будут полностью исчерпаны. Когда в доме вспыхивает пожар, соседи требуют его снести, в то время как владелец дома, напротив, старается потушить пожар таким образом, чтобы по возможности сохранить его большую часть. То же самое относится к Герцеговине, которую ваша армия могла бы легко разорить, но от этого остались бы одни руины и опасная мстительность.

Султан: Полностью одобряю вашу точку зрения, тем более, — добавил он с некоторым злорадством, — что сосед этого владельца был бы не прочь прибрать к рукам руины подожженного дома и воспользоваться мстительностью, которую можно легко разжечь (намек на Австрию).

Напомнив в ответ в нескольких словах трудную ситуацию, создающуюся в Австро-Венгрии ввиду периодических восстаний в пограничных провинциях, генерал Игнатьев добавил: Поскольку ваше величество всегда оказывали мне честь

своим доверием, я считаю своим долгом привлечь его внимание на необходимость реформировать административный режим в Боснии и Герцеговине. Эти провинции занимают особое положение по причине непосредственного контакта со славянским населением Австро-Венгрии. Этими народами очевидно лучше управляют, с ними лучше обращаются, чем с боснийцами и герцеговинцами, вопреки живейшему желанию вашего величества улучшить их положение. Было бы очевидной опасностью слишком долго оставлять этот беспорядок и создавать у славян Турции впечатление, что их австро-венгерские братья живут более процветающей жизнью.

Ободренный живым интересом, который, как показалось, проявил султан к этой части разговора, генерал Игнатьев нарисовал картину закоренелых притеснений турецкой администрации в христианских провинциях. Конечно, — ответил султан, говоря как бы с самим собой, — такое положение не может долго продолжаться. Искренне благодарю вас за ваши мудрые советы; мне нет нужды говорить вам, сколь велико мое доверие к его императорскому величеству, коего вы достойно представляете передо мной. Я от души возьмусь за улучшение положения этих народов, лишь бы их пожелания не выходили за рамки реформы искоренения административных злоупотреблений. Надеюсь, что благодаря добрым советам держав и учитывая то, что Черногория и Сербия соблюдают нейтралитет, эти несчастные заблуждающиеся люди в конце концов придут в подчинение с тем, чтобы я мог, с одной стороны, избежать кровопролития, к коему питаю отвращение, а с другой стороны, осуществить необходимые реформы.

Переходя к другой теме, генерал Игнатьев приветствовал намерение султана построить за свой счет железные дороги в Малой Азии и высказал в связи с этим сомнение в полезности для Османской империи постройки железной дороги через пустыню до Багдада и особенно старого английского проекта проведения железной дороги к Евфрату. Султан ответил, что он действительно желал бы пойти на личные жертвы, чтобы провести железную дорогу, которая связала бы наиболее плодородную и населенную часть Малой Азии с ее двумя естественными рынками сбыта — Смирной и Никомедией. Но, — добавил его величество, — при тех бедствиях, которые нам готовит восстание в Герцеговине, Бог знает, когда мы сможем реализовать все эти проекты. Что касается собственно багдадской железной дороги, то я не думаю о ней всерьез, тем более что она послужила бы лишь для быстрой доставки английской почты. Турция не получила бы от нее прибыли, соразмерной с расходами.

[1] Документ отражает стремление Н. П. Игнатьева урегулировать конфликт на Балканах путем русско-турецких переговоров без привлечения европейских держав. С этой целью он рекомендовал султану провести реформы в Боснии и Герцеговине, фактически предоставлявшие им автономию. В результате султан издал два указа о реформах (ираде от 2 октября и фирман от 12 декабря 1875 г.), однако они были очень абстрактно сформулированы и не содержали никаких гарантий реализации объявленных преобразований (см.: *Игнатьев Н. П.* Записки // Исторический вестник. 1914. № 2. С. 442–461).

11

Телеграмма А. Г. Жомини Н. П. Игнатьеву с предписанием о согласовании действий с представителями Австро-Венгрии и Германии

Не позднее 11 августа 1875 г.[1*]

Reçu télégramme du 9. *En chiffres:* Empereur très satisfait de premier résultat qu'avez obtenu. Vous recommande maintenir strictement concert avec collègues indispensable pour efficacité d'action et en vue de suite ultérieure. Si Porte aperçoit la moindre fissure, sera intraitable. Dimension et gravité de crise éventuelle ne peut être conjurée que par accord des cabinets auquel tend toute la politique de notre auguste maître.

Резолюция Александра II: Быть по сему.
Помета о получении: Le 11 août 1875.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 30, Л. 493. Подлинник.

[1*] *Датируется по помете.*

Перевод

Получена телеграмма от 9-го. *Шифром:* Император весьма удовлетворен первым достигнутым вами результатом. Вам рекомендуется неукоснительно поддерживать согласие с коллегами, необходимое для эффективности действий и в целях дальнейшего сотрудничества. Если Порта заметит малейшую трещину, она будет несговорчива. Глубина и серьезность вероятного кризиса могут быть предотвращены только согласием кабинетов, к которому ведет вся политика нашего государя.

12

Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини о затруднениях Черногории в сохранении нейтралитета в связи с боевыми успехами герцеговинских повстанцев

12 (24) августа 1875 г. Рагуза

Monsieur le baron!

J'ai eu déjà l'honneur d'informer son excellence l'ambassadeur impérial des derniers progrès de l'insurrection en Herzégovine qui tout en gagnant du terrain, prend aussi le caractère d'une lutte sociale et politique. Non seulement toute l'Herzégovine, excepte quelques places fortifiées, est au pouvoir des insurgés, mais la communication entre la Bosnie et le reste de la Turquie par Novi-Bazar est sérieusement menacée, en même temps que la situation de l'Albanie devient très précaire. Les Wassoeviči, se battent déjà, les bandes chrétiennes avancent dans la direction de Prisrène, pendant que, de l'autre côté, l'insurrection en Bosnie met les forces turques, pour ainsi dire, entre les deux feux.

Pour le moment les turcs sont impuissants non seulement d'obtenir des succès mais même de résister aux chrétiens, et tout porte à croire que pour regagner la position perdue il leur faudra des corps d'armés entiers, puisque entre-temps les chrétiens s'organisent, se fortifient et augmentent considérablement le nombre de leurs combattants. Jeter sur le théâtre de la guerre tantôt un, tantôt deux bataillons nouveaux, ainsi qu'ils le font aujourd'hui, ne leur servira pas beaucoup. Les chrétiens de ces pays ont l'instinct de la guerre et sont devenus, depuis deux mois qu'ils sont sous les armes, très mobiles et relativement bien commandés — étant attaqués d'un côté, ils réunissent tout de suite sur le point menacé leurs forces des districts les plus éloignés et mettent les turcs en déroute s'ils se présentent en détachements isolés et peu sérieux.

Il n'y a pas eu cependant de faits très saillants dans ce dernier temps. On se bat par tout et tous les jours, mais de grandes rencontres n'ont pas eu lieu — vu que les forces turques, d'aileurs peu-nombreuses sont disséminées par petits détachements sur toute la surface de la province. Ces détachements font des sorties de leurs places fortifiées, attaquent ou sont attaqués par les insurgés, mais sont presque toujours battus. De l'autre côté, les musulmans du pays se hazardent parfois à former des corps francs pour la défence de leurs villages, mais ces corps, sans direction et mal organisés, succombent toujours et les villages musulmans sont alors impitoyablement saccagés et brûlés, ce qui oblige leurs habitants de se rétirer sous la protection des forteresses autour des quelles ils se sont aujourd'hui ramassés pêle-mêle avec leur bétail dans la plus grande détresse.

Quelques villages des musulmans déposent les armes devant les chrétiens et alors ces derniers les laissent absolument tranquilles et leurs fournissent même des vivres. En ce moment cependant cette guerre contre les musulmans indigènes est presque terminée — ils ont déjà presque disparu du pays, réunis sous les murs des forteresses ou dans des grandes villes comme Stolać et Mostar.

On commence à observer chez les musulrhans un découragement notable; dans ces derniers jours ils se rendent plus souvent aux chrétiens et même ceux qui sont dans les

villes ne dédaignent pas d'entrer en pourparlers avec leurs anciens rayas. Il y a même une ville considérable où l'harmonie assez satisfaisante régné entre les deux religions c'est la ville de Nikchić, dont les musulmans ne permettent pas aux troupes de la garnison de faire des sorties et disent hautement que la perspective de devenir sujets du prince Nicolas n'a rien de terrible pour eux.

Le fait le plus important des derniers jours fut la prise de la forteresse de Krstać entre Nikchić et Gatzko, dans le célébré défilé de Douga qui est la clef stratégique du Monténégro.

Douga est l'endroit où en 1862 tout un corps d'armée, commandé par Derwich pacha a été battu quatre fois par les monténégrins, commandés par Pétar Voukotić. Derwich pacha avait enfin réussi de tromper les monténégrins et de contourner leurs positions, ce qui a décidé pour les turcs le succès de cette guerre. Depuis, le gouvernement fit construire dans ce défilé une fortification assez sérieuse, munie de canons. Cette fortification vient de se rendre au chef des chrétiens de Gatzko, prêtre Bogdan Zimonić, avec armes et bagages.

Outre ce fort sept autres coulés (fortins) dans le district de Gatzko se sont rendu le même jour aux chrétiens. Je suppose que ces coulés doivent être ceux que le gouvernement turc fit construire après 1862 le long de la frontière des Banyanis comme ligne de défense contre le Monténégro.

C'est un succès qui assure aux chrétiens la rétraite vers le Monténégro et en ce sens doit être considéré comme un fait très important, devant relever encore le courage et la résolution des insurgés. Ce qu'il y a aussi d'important dans ce fait, c'est que les troupes turques commencent à se rendre avec armes et bagages et ceci, à ce qu'il parait, près que sans coup férir.

Un autre fait d'armes assez remarquable a eu lieu le 8 (20) de ce mois près de Trébigné. La garnison turque avec la milice des musulmans indigènes avait tenté une sortie pour déblayer le chemin de Raguse. Les forces turques montaient jusqu'à un millier d'hommes; les insurgés postés pour la défense du chemin n'avaient pas plus de 150 combattants. Cependant le combat, après avoir duré tout le jour, finit par la retraite précipitée des turcs, qui furent poursuivis par les insurgés jusqu'aux faubourgs mêmes de Trébigné. Les chrétiens n'ont perdu ici que trois morts, mais la perte des turcs est beaucoup plus considérable malgré la défectuosité de l'armement des chrétiens.

Il faut dire que dans ce combat les chrétiens indigènes n'ont pris qu'une part très secondaire — ce sont des volontaires venant de la Serbie avec une bande, venue des approches de Cattaro, qui ont soutenu le choc avec une bravoure remarquable. Un jeune homme de vingt ans, du district turc de Piva, ayant étudié au séminaire de Cettigné, commandait la moitié de ces combattants.

La population catholique se montre partout dans les combats au-dessous de toute critique. Cela provient de ce que ces gens, stylés par le joug moral de leurs prêtres, formaient toujours la population la plus énervée de ce pays, mais je crois aussi que la déception doit être pour quelque chose dans la mollesse de leurs actions. Ce sont eux qui ont dès l'origine de l'insurrection arboré les drapeaux autrichiens et ils doivent être aujourd'hui déconcertés de voir qu'a mesure que la lutte se développe — le mot d'ordre de l'insurrection devient: la liberté sous le prince Nicolas.

Leurs prêtres qui étaient au commencement les plus hardis des promoteurs de l'insurrection, qui ont surtout empêche les pourparlers des insurgés avec les commissaires ottomans à Névessigné d'aboutir à un compromis pacifique, se sont aujourd'hui tous réfugies à Raguse en abandonnant leurs ouailles.

Je n'ai pas besoin de dire quelle influence doivent avoir ces événements, unis surtout à des nouvelles de la Bosnie et de la Serbie, sur le peuple monténégrin. Des le début de l'insurrection, les monténégrins, n'y étant pour rien, étaient assez disposés de ne voir dans toute cette affaire de l'Herzégovine qu'une échauffourée, qu'un «putch», comme disaient les journaux de Vienne. En suite les rivalités, les méfiances, que j'ai eu l'honneur de signaler à votre excellence, retenaient les monténégrins dans la réserve; mais aujourd'hui que l'enthousiasme général, les succès de l'insurrection, la faiblesse patente des turcs, donnent au mouvement la couleur d'une guerre de délivrance et semblent devoir effacer tous ces sentiments du second ordre — l'effervescence du Monténégro devient presque dangereuse. Les mesures que le prince Nicolas jugea à propos de prendre à la suite de la démarche faite auprès de lui par les trois cabinets[1], exaspèrent le peuple et je crains de prévoir les éventualités possibles de cet état de choses.

Quant au prince, d'après toutes les informations, il tient à rester fidèle à ses promesses; il craint de se lancer dans une lutte terrible avec peu de moyens, sans protection, sans argent, mais il sent le sol s'enfuir sous ses pieds. Selon ce que je vois — il est dans la plus grande perplexité — il perd presque la tête. A tout ceci s'ajoutent encore les charges que le Monténégro doit assumer pour abriter les familles fugitives des insurgés, qui arrivent déjà à Monténégro. Un comité s'est formé à Cettigné sous la présidence du mitropolitain Ilarion pour ramasser tant à Monténégro qu'à l'étranger les dons volontaires au profit de ces malheureux. Mais que peuvent réunir les pauvres monténégrins, même avec l'aide des slaves étrangers qui sont aussi ou pauvres, ou peu habitués à délier les cordons de leurs bourses pour une cause publique.

Je n'ose pas apprécier les conséquences d'un pareil état de choses et pour le Monténégro et pour l'avenir de la lutte. J'ose dire seulement, que le jour où bon gré-malgré les monténégrins devront entrer en lice ils peuvent se trouver sans discipline, sans cohésion, sans confiance dans leurs chefs et au lieu d'être une armée capable, j'en suis sûr, de porter des coups très rudes, d'empêcher même l'effusion inutile du sang et les inutiles massacres, de s'arrêter ou de marcher en avant au gré du commandement, ils risquent de dévenir aussi un ramassis de bandes, qui feront seulement languir la guerre à l'infini.

Quant aux moyens de prévenir tous ces malheurs devant bouleverser profondément les populations en Orient et peut-être même en Autriche, je prends la liberté de penser qu'il sera difficile d'en trouver un, en même temps efficace et ne sortant pas des domaines de la diplomatie. L'influence pacificatrice des trois plus grandes Puissances, la neutralité énergique de la Serbie et ce qui est plus encore extraordinaire du Monténégro, enfin tout ce que l'Europe désirant la paix a'pu faire, n'ont pas empêché les choses d'arriver à une tension pareille à celle dont nous sommes ici les témoins. J'ose penser même que toutes ces forces morales réunies n'ont réussi qu'à augmenter le desordre sans rien arrêter. C'est que l'orage s'amoncelait depuis longtemps dans l'air, la Turquie est devenue trop insupportable, trop audacieuse en même temps que trop dégénérée, cruelle sans posséder la

force nécessaire pouvant offrir une justification relative de cette cruauté devant l'opinion publique. Il lui manque aujourd'hui la raisons d'être, au moins dans ses provinces où la population revient décidément à la vie, où elle est trop unie à l'Europe civilisée et chrétienne.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, Monsieur le baron, de votre excellence, le très humble serviteur

A. Ionine

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 746. Л. 41–45 об. Подлинник.

Перевод

Господин барон!

Я уже имел честь известить его превосходительство императорского посла о последних успехах восстания в Герцеговине, которое, все более распространяясь, принимает также характер социальной и политической борьбы. Не только вся Герцеговина, за исключением нескольких укрепленных пунктов, находится в руках повстанцев, но и под серьезной угрозой находится сообщение между Боснией и остальной частью Турции через Нови Базар; положение Албании вместе с тем становится весьма непрочным. В Вассоевичах уже идет битва, христианские отряды продвигаются в направлении Призрена, между тем, как, с другой стороны, восстание в Боснии ставит турецкие войска, так сказать, меж двух огней.

Пока что турки бессильны не только добиться успеха, но даже оказывать сопротивление христианам, и все наводит на мысль о том, что для того, чтобы вернуть потерянные позиции, им потребуются целые армейские корпуса, т. к. христиане тем временем организуются, укрепляются и значительно увеличивают число своих бойцов. Если турки будут бросать на театр военных действий то один, то два новых батальона так же, как они делают это сегодня, они не добьются успеха. Христиане этих краев обладают военным чутьем и за два месяца, что они находятся под ружьем, стали очень мобильными и сравнительно неплохо управляемыми своими командирами: когда их атакуют с одной стороны, они сразу же концентрируют на угрожаемом участке свои силы из самых отдаленных районов, обращая в бегство турок, если те появляются в виде отдельных и малочисленных отрядов.

Однако в самое последнее время сколько-нибудь выдающихся событий не произошло. Борьба идет повсюду и ежедневно, но крупных сражений не было ввиду того, что турецкие войска, впрочем, малочисленные, разбросаны небольшими отрядами по всей территории провинции. Эти отряды делают вылазки из своих укрепленных мест, атакуют или бывают атакуемы восставшими, но почти всегда терпят поражение. С другой стороны, мусульмане края отваживаются иногда формировать ополчение для защиты своих сел, но это ополчение, не имея руководства и будучи плохо организованным, неизменно терпит поражение, и тогда мусульманские деревни безжалостно разоряются и сжигаются, что заставляет их обитателей укрываться под защитой крепостей, вокруг которых они скапливаются нынче вперемешку со своим скотом, находясь в самом бедственном положении.

Некоторые села мусульман складывают оружие перед христианами, и в этом случае последние совершенно оставляют их в покое и даже снабжают продовольствием. В данный момент, однако, эта война против местных мусульман почти закончена — они уже почти все покинули край, укрывшись за стенами крепостей или в крупных городах, как, например, Столац и Мостар.

У мусульман начинает замечаться сильный упадок духа; за последние дни они чаще сдаются христианам, и даже те из них, кто находится в городах, не гнушаются вступать в переговоры со своей бывшей райей. Есть даже довольно большой город, где между двумя религиями царит довольно-таки сносная гармония — это город Никшич, мусульмане которого не позволяют войскам гарнизона производить вылазки и говорят в открытую, что перспектива сделаться подданными князя Николая для них нисколько не страшна.

Важнейшим событием последних дней было взятие крепости Крстац между Никшичем и Гацко в знаменитом ущелье Дуга, представляющем собой стратегический ключ к Черногории.

Дуга — это то самое место, где в 1862 г. целый армейский корпус под командованием Дервиш-паши был четырежды разгромлен черногорцами под командованием Петра Вукотича. Дервиш-паше в конце концов удалось обмануть черногорцев и окружить их позиции, что и решило успех в той войне турок. С тех пор правительство возвело в этом ущелье достаточно сильные укрепления, оснащенные пушками. Именно эта фортификация только что сдалась предводителю христиан Гацко священнику Богдану Зимоничу с оружием и снаряжением.

Кроме описанного форта семь других кул (небольших укреплений) в районе Гацко сдались в тот же день христианам. Полагаю, что это те самые кулы, которые построило турецкое правительство после 1862 г. вдоль всей границы Банян в качестве линии обороны против Черногории.

Данный успех обеспечивает христианам пути отступления в Черногорию и в этом смысле должен считаться весьма важным событием, которое должно вызвать еще большую отвагу и поднять решимость повстанцев. Важность этого факта еще и в том, что турецкие войска начинают сдаваться с оружием и амуницией и притом, по всей видимости, без сопротивления.

Другое довольно значительное сражение имело место 8 (20)-го числа текущего месяца близ Требинье. Турецкий гарнизон вместе с ополчением местных мусульман попытался произвести вылазку для расчистки рагузской дороги. Силы турок насчитывали до тысячи человек; у повстанцев, поставленных на защиту дороги, было не более 150 бойцов. Однако бой, длившийся весь день, закончился поспешным отступлением турок, преследуемых повстанцами до самых предместий Требинье. Христиане потеряли здесь только 3 человека убитыми, а потери турок были намного более значительными, несмотря на плохое вооружение христиан.

Надобно сказать, что в этом бою местные христиане приняли лишь очень незначительное участие, тогда как именно добровольцы, прибывшие из Сербии, да отряд, пришедший из окрестностей Котора, выдержали натиск противника

с замечательной храбростью. Двадцатилетний молодой человек из турецкого округа Пива, учившийся в семинарии в Цетинье, командовал половиной повстанцев.

Католическое население проявляет себя везде в подобных схватках ниже всякой критики. Это происходит оттого, что эти люди, вымуштрованные моральным нажимом со стороны своих священников, всегда являлись самой возбудимой частью населения этой страны, но я также полагаю, что слабость их действий в какой-то степени объясняется разочарованностью. Именно они с самого начала восстания поднимали австрийские флаги и, должно быть, обескуражены тем, что по мере развития борьбы лозунгом восстания становится: «Свобода под князем Николаем».

Их священники, бывшие вначале самыми отважными поборниками восстания, те самые, которые главным образом и помешали переговорам восставших с османскими комиссарами в Невесинье прийти к мирному компромиссу, ныне все укрылись в Рагузе, бросив свою паству на произвол судьбы.

Мне нет надобности говорить, какое влияние должны оказать эти события вкупе с новостями из Боснии и Сербии на черногорский народ. С начала восстания черногорцы, не будучи вовлечены в конфликт, были, пожалуй, склонны видеть во всем этом герцеговинском деле лишь дерзкое предприятие, «путч», как говорили венские газеты. Затем соперничество, недоверие, о которых я имел честь поставить в известность ваше превосходительство, заставляли черногорцев держаться в стороне; но сегодня, когда общее воодушевление, успехи восстания, явная слабость турок придают движению характер борьбы за освобождение и как бы сглаживают все второстепенные чувства, брожение в Черногории становится почти опасным. Меры, которые князь Николай счел необходимым принять в результате демарша, предпринятого перед ним тремя кабинетами[1], раздражают народ, и я боюсь предсказывать возможные последствия такого положения вещей.

Что касается самого князя, то, по всем данным, он стремится сдержать свои обещания, опасается бросаться в страшную борьбу с незначительными средствами, без покровительства, без денег, но чувствует, как почва уходит у него из-под ног. Насколько я могу судить, он в высшей степени растерян, почти теряет голову. К этому прибавляются расходы, которые должна нести Черногория по приему беженцев — семей инсургентов, которые уже прибывают в Черногорию. В Цетинье сформировался комитет под председательством митрополита Илариона для сбора как в Черногории, так и за границей добровольных пожертвований в пользу этих несчастных. Но что могут собрать бедные черногорцы даже с помощью зарубежных славян, которые также либо бедны, либо не привыкли раскошеливаться ради общественного дела.

Не смею оценивать последствия подобного состояния вещей как для Черногории, так и для перспектив борьбы. Осмелюсь лишь сказать, что в тот день, когда волей-неволей черногорцам придется вступить в борьбу, они могут оказаться лишенными дисциплины, сплоченности, доверия к своим вождям и вместо того, чтобы стать армией, способной — я в этом уверен — нанести противнику весьма

ощутимые удары, даже помешать ненужному кровопролитию и бесполезной резне, останавливаться или наступать по приказу командования, — они рискуют стать сборищем отрядов, которые только затянут войну до бесконечности.

Что же касается средств предотвращения всех этих бед, которые могут глубоко потрясти народы на Востоке, а может быть, даже в Австрии, то я позволю себе предположить, что будет трудно отыскать таковое, которое одновременно было бы действенным и не выходило бы за пределы дипломатии. Миротворческое влияние трех величайших держав, энергичный нейтралитет Сербии и, что еще более удивительно, Черногории, наконец, все, что смогла сделать Европа, желающая мира, не помешали событиям дойти до такой степени напряженности, свидетелями коей мы здесь являемся. Смею также полагать, что все эти моральные силы, вместе взятые, привели лишь к увеличению беспорядка, ничего не остановив. Буря долго назревала в воздухе, Турция сделалась слишком невыносимой, слишком дерзкой и одновременно слишком выродившейся, жестокой и не обладающей необходимой силой, способной предложить соответствующее обоснование этой жестокости в глазах общественного мнения. Существование Турции сегодня лишается смысла, по крайней мере, в ее провинциях, где население решительным образом возвращается к жизни, где оно слишком соединено с цивилизованной и христианской Европой.

Остаюсь с глубочайшим почтением, господин барон, вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Ионин

[1] В начале июля 1875 г. под давлением России, Австро-Венгрии и Германии, требовавших от Черногории невмешательства в герцеговинские дела, созванный князем Николаем Совет из сенаторов и воевод принял решение о «сохранении строжайшего нейтралитета и об охране границы» (см.: *Хитрова Н. И.* Указ. соч. С. 307).

13

Предписание Н. П. Игнатьева российскому консулу в Шкодре И. С. Ястребову о направлении его в Герцеговину для урегулирования турецко-герцеговинского конфликта

№ 585 14 августа 1875 г.

Телеграммою от 11 августа я предложил вам отправиться для исполнения особого поручения в Герцеговину[1]. Для выигрыша времени и чтобы дать вам возможность не отставать от ваших коллегов, уже получивших указания от своих правительств, я пригласил вас принять для официального руководства инструкции, коими снабжен австро-венгерский консул в Скутари г-н Васич и которые были выработаны в Вене совместными стараниями графа Андраши и послов русского и германского.

Препровождая ныне экземпляр этой инструкции[2], считаю долгом дополнить ее некоторыми конфиденциальными указаниями касательно специального положения, в которое вы будете поставлены, и роли, которую вы должны играть.

В официальной деятельности своей вы должны руководиться прежде всего вышеупомянутою инструкцией. Круг этой деятельности определен до известной степени прилагаемым у сего решением турецкого Совета Министров. Она обусловливается, с другой стороны, программой действий турецкого комиссара, изложенною в находящейся при сем выписке из инструкции, коею будет снабжен Сервер-паша.

Оба эти документы сообщаются вам лишь для вашего личного сведения и руководства. Инструкции комиссара могут подвергнуться изменению при предстоящих переменах в турецком министерстве.

По выработанному в Вене проекту умиротворяющего вмешательства трех восточных держав представители их должны действовать не *коллективно,* но *однообразно* в Константинополе и на месте движения. Остальные кабинеты должны быть приглашены к участию в этом посредничестве на том же основании.

Вследствие того, приглашая вас действовать заодно со всеми иностранными делегатами, я предлагаю вам направить главное старание свое на совершенное согласие с ближайшими товарищами вашими австро-венгерским и германским, которые, со своей стороны, получат приказания сообразовать свои действия с вашими в той же мере, в какой три императорских правительства имеют тождественность взглядов своих на настоящее положение дел в Турции и направляют свои усилия к достижению одной цели: они желают восстановления мира на Востоке, успокоения восставших христиан и вместе с тем доставления сим последним возможности существовать в том положении, в которое они поставлены судьбою. Но так как Франция первая из западных держав присоединилась к тройственному венскому соглашению и содействие ее может быть весьма полезно успехам предпринятого дела, то я обращаю ваше особенное внимание на необходимость близких сношений с вашим французским коллегом. Это в особенности важно для того,

чтобы не дать ему повода склоняться к внушениям английского делегата, хотя великобританский посол и обещал мне предписать г-ну Хольмсу не отделяться от общего действия других консулов. Сближение ваше с французским делегатом не должно, однако, никаким образом отдалять вас от г.г. Васича и Лихтенберга, ни возбудить никакого с их стороны соперничества или стремления в свою очередь держаться в стороне и действовать вдвоем.

Хотя, как сказано выше, по смыслу официального проекта вмешательство ваше не должно быть коллективным, тем не менее на деле желательно было бы представить в Константинополь как можно более *тождественные* результаты, т. е. по возможности привесть всех иностранных делегатов к тому, чтобы, действуя в том же духе, они в официальных своих донесениях представляли факты в одинаковом свете, и тем давать нам возможность представлять Порте требования и советы от имени всех посредствующих держав.

Главная же задача и вместе с тем главная трудность возлагаемого на вас поручения будет состоять в сношениях ваших с христианами. Участие великих держав, имеющее целью убедить их положить оружие и вступить вновь в повиновение султанскому правительству, а с другой стороны, сделать все возможное для достижения улучшений в местном управлении, может показаться с первого взгляда неблагоприятным для восставших и внушенным исключительным пристрастием европейских кабинетов к Порте. Вам предстоит представить им нашу деятельность в ее настоящем свете. Если Россия приняла на себя инициативу умиротворяющих мер, то это происходило от убеждения императорского кабинета, что еще не настало время для освобождения христиан и что настоящее движение, предпринятое против воли нашей и без согласия и поддержки со стороны соседних княжеств, не заключало в себе задатков успеха. Я надеюсь, что единоверцы наши, вовлеченные, может быть, в заблуждение ложными обещаниями и сведениями агитаторов, поймут из уверений ваших, как безрассудно было бы с их стороны рассчитывать на успех восстания в одной Герцеговине. Замкнутые в горах своих, без выхода к морю или без возможности получить поддержку извне, они неминуемо были бы принуждены уступить перед сосредоточенными силами Турецкой империи. Вмешательство иностранных держав прежде достижения турками решительных успехов может доставить им практические выгоды, которые были бы немыслимы после подавления восстания и принуждения их к повиновению одною силою. А потому, употребляя усилия наши для прекращения кровопролития и напрасной траты живых сил сочувственного нам народонаселения, мы позаботимся о том, чтобы турецкое правительство выслушало его нужды и жалобы и по мере возможности исправило тяготеющие над ним злоупотребления.

Основательное знание турецкого и сербского языков дают вам возможность войти в более близкие сношения с представителями восставших христиан и приобрести на них благотворное влияние. Но при этом необходима будет с вашей стороны крайняя осмотрительность. Все взоры как турок и христиан, так и иностранцев будут обращены на вас и на ваши действия. Я считаю долгом обратить ваше особое внимание на осторожность в корреспонденции и в выборе второстепенных

деятелей. В числе лиц, которые будут изъявлять истинную и неподдельную готовность служить вам и способствовать успеху ваших действий, могут найтись, пожалуй, и недобросовестные перебежчики из чужих лагерей или, что того опаснее, шпионы иностранных держав, и даже турецкие. Вообще же вы должны будете старательно избегать всего, что могло бы вызвать подозрение ваших коллегов, и в особенности отнюдь не давать повода к нареканиям, могущим быть представленными в смысле, враждебном турецкому комиссару. Сервер-паша — личность мягкая, миролюбивая и умеренная, но подозрительная, фальшивая и боязливая. Впрочем, он всегда отличался расположением к России и, я уверен, готов будет поддерживать с вами дружеские сношения и слушать ваши внушения.

Нельзя ручаться, что все пункты предложенной инструкции Порты своему комиссару будут строго выполнены. Во всяком случае можно надеяться, что Сервер-паша, снабженный весьма широкими полномочиями, будет действовать в духе этих указаний. Он начнет с того, что установит свою главную квартиру в Мостаре и, смотря по обстоятельствам, переедет впоследствии в Требинье. По прибытии в Герцеговину он издаст прокламацию, в которой объявит восставшим полнейшую амнистию и пригласит их положить оружие. Порта рассчитывает на содействие со стороны консулов для убеждения христиан разойтись по домам.

Преподавая вам эти указания, я вполне сознаю всю трудность и щекотливость возлагаемого на вас поручения. Но такт ваш, твердость характера и опытность в сношениях с турками, христианами и иностранцами служат мне ручательством, что вы исполните вашу обязанность к полнейшему удовольствию императорского министерства и тем оправдаете оказанное вам доверие.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 27. Л. 377–383 об. Копия.

[1] Назначение российского консула в Шкодре (Албания) И. С. Ястребова в консульскую комиссию по делам Герцеговины было вызвано возражениями со стороны Д. Андраши против кандидатуры А. С. Ионина. Австро-венгерский канцлер считал, что Ионин связан с повстанцами (см.: Е. П. Новиков А. Г. Жомини 27 июля 1875 г. // Русија и босанско-херцеговачки устанак. 1875–1878 / Приредио Бранко Павићевић. Титоград, 1985. Св. 1. Док. 106).

[2] См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 112. Л. 487–490 об.

14

Письмо А. И. Нелидова А. Г. Жомини о необходимости умиротворения Герцеговины как важной задаче политики России

18 (30) августа 1875 г. Буюкдере

Monsieur le baron!

Veuillez me permettre d'accompagner de quelques lignes particulières mes remerciements officiels pour votre gracieuse communication du 6 août. J'ai été on ne peut plus heureux de recevoir ce témoignage d'indulgence souveraine, que je ne puis attribuer qu'à votre bienveillante intercession en ma faveur. Elle m'est d'autant plus précieuse que je craignais un peu d'avoir pu, par une expression trop hardie de mes opinions, heurter les appréciations plus autorisées du ministère impérial.

Les circonstances tout à fait exceptionnelles dans lesquelles nous nous trouvons me faisaient un devoir de ne rien cacher à votre excellence. Ce sont elles aussi qui m'enhardissent à étendre le cadre de cette lettre, quoique je n'ai aucun droit d'empiéter sur vos moments précieux. Dépourvu de tout caractère officiel, je fais appel à votre bienveillante indulgence dont j'ai déjà recueilli plus d'un témoignage.

Les événements marchent avec une rapidité inouïe, et c'est à peine si l'on peut résumer les impressions du présent avant qu'elles ne soient effacées par des situations nouvelles. La vitesse du mouvement, dont on ne saurait pourtant indiquer l'auteur, est un des symptômes les plus décisifs de ce que la crise actuelle n'est pas une simple complication passagère, mais qu'elle embrasse tout ce qu'il y a de matières inflammables en Turquie, je dirai presque en Europe. A part les vestiges d'agitation dans les parties diverses, de l'Empire ottoman, on nous dit que des révolutionnaires de toute nationalité débarquer à Klek et ailleurs et pénètrent de différents côtés pour prendre part à l'insurrection herzégovinienne[1].

Ce fait, quelque regrettable qu'il soit, peut-il modifier le caractère historique de tout le mouvement. Si des gens qui se sont mis volontairement hors la loi dans tous les pays civilisés, cherchent l'expiation de leur vie passée dans une mort honorable pour une cause sacrée, leur sang ne saurait souiller la pureté d'une lutte entreprise par les chrétiens contre un joug devenu trop intolérable. N'oublions pas d'ailleurs qu'un des héros de la dernière révolution crétoise a été tué en 1871 à la tête d'un bataillon de communards et que des exemples de ce genre pourraient se retrouver dans toutes les guerres d'indépendance nationale, à commencer par celle de la Grèce. Quoiqu'il en soit, le mouvement herzégovinien se généralise se développe, s'étend, et il suffirait, parait-il, d'un mot d'ordre, d'une autorisation, d'un simple témoignage de tolérance, de l'absence d'opposition, enfin, de notre part pour allumer l'incendie aux quatre coins de l'Empire ottoman et mettre en péril, je dirai presque, mettre fin à l'existence de cet Etat incohérent qui n'a que trop vécu.

Des considérations majeures militent en faveur d'une politique toute contraire. La Russie a fait ce qu'elle a pu, elle a tenté l'impossible pour arrêter la crise et apaiser le mouvement. Le pourra t-elle? Les efforts sincères de toutes les Puissances qui ont répondu à notre appel seront-ils capables de faire déposer les armes aux insurgés? Si ces

derniers sont battus ou trop faibles pour résister, la médiation européenne sera pour eux un véritable bienfait: elle les sauvera au moment suprême, et nous aurons acquis, en prenant l'initiative de cette démarche, de nouveaux titres à leur reconnaissances. Mais si leurs affaires vont bien? Si, comme on se le dit à l'oreille, les troupes turques, mal payées et mal nourries, sont effectivement démoralisées, se battent mal, manquent du nécessaire et livrent même des fortifications soi-disant abandonnées, les insurgés écouteront-ils la voix de la raison, consentiront-ils à échanger les avantages momentanément acquis contre des promesses d'amélioration de leur sort, dont l'exécution ne serait cependant pas garantie par les Puissances européennes? Il est permis d'en douter, et c'est d'ailleurs l'impression presque générale, malgré le succès, complet des négociations relatives à la médiation et l'accord des cabinets qui y prennent part. Or, si les autres Puissances peuvent supporter avec une certaine indifférence l'insuccès de cette tentative de pacification, il nous mettra dans un grand embarras. Pourrons-nous franchement en vouloir pour cela aux chrétiens au point de leur retirer décidément nos sympathies, et éventuellement notre protection? Trop de bienfaits à leur égard nous attachent a leur sort, triste ou heureux, — trop d'intérêts vitaux sont réunis pour nous-mêmes aux destinées futures de la péninsule balcanique...

Et vis-à-vis des turcs, depuis l'avènement de Mahmoud pacha au pouvoir, notre position est devenue exceptionnelle. Ami sincère de la Russie, il fera tout ce qu'il pourra pour nous contenter, mais il faut pour cela que nous justifions sa nomination — faite évidemment dans ce but spécial, — que nous amenions la pacification de l'Herzégovine. Si l'on ne nous soupçonne pas entièrement d'avoir provoqué ou favorisé le mouvement, on ne cesse d'être convaincu ici que nous avons la possibilité de l'apaiser. Telle est la confiance très significative des turcs dans le pouvoir qu'exercent sur une partie de la population qui leur est soumise ceux qu'on se plaît à désigner comme leurs héritiers présomptifs! Eh bien, si au bout d'un certain temps la partie Nord-Ouest de la péninsule, qui échappe à notre action n'est pas pacifiée, si, au contraire sur d'autres extrémités de l'empire la force centrifuge commence également à exercer sa puissance, — Mahmoud n'aura plus sa raison d'être, et, de son propre aveu, c'est l'extrême contraire qui prévaudra, Midhat ou Hussein. Ainsi l'écrasement des chrétiens par la f[orce], les mesures extrêmes, la répression à outrance, c. à. d. la guerre à mort, la lutte suprême entre les deux éléments en présence. Saurions nous rester spectateurs impartiaux de cette crise décisive, assister à la recrudescence de la puissance turco-occidentale en Orient par la subjugation nouvelle des chrétiens, ou au triomphe de ces derniers dont d'autres que nous recueilleraient les bénéfices?

Sans pouvoir garantir l'imminence de ce résultat suprême de la crise actuelle, il est permis d'en prévoir la possibilité, je dirai presque la probabilité. Ce sera l'époque des grandes décisions pour nous; tout notre avenir en Orient sera en jeu, et la grandeur de ce moment me semble être une excuse pour la hardiesse que j'ai prise d'aborder ce sujet, dépassant les limites de mes droits. J'espère pouvoir profiter de l'absence projetée du général Ignatiew en Crimée pour oser pousser plus avant mes investigations sur la question d'Orient, lorsque j'aurai la faculté de soumettre à votre bienveillante appréciation un mémoire sur ce sujet, qui me semble justifié par la gravité des événements.

Veuillez, en attendant, excuser la liberté que j'ai prise, Monsieur le baron, de vous adresser ces lignes. Je sais d'expérience que votre excellence accueille favorablement toutes les opinions sincères. C'est à ce titre que j'appelle son indulgence sur les considérations émises dans cette lettre.

J'ai l'honneur d'être, avec une très haute et respectueuse considération, Monsieur le baron, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Nélidow

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 30. Л. 109–115. Автограф.

Перевод

Господин барон!

Позвольте мне добавить несколько частных строк к официальному благодарственному письму в ответ на ваше любезное послание от 6 августа. Я был несказанно рад получить это свидетельство монаршего благоволения, которое я могу объяснить лишь вашим благосклонным покровительством, мне оказанным. Оно мне тем более дорого, что я несколько опасался в связи с тем, что мои мнения, высказанные слишком откровенно, могли разойтись с более авторитетными оценками императорского министерства.

Совершенно исключительные обстоятельства, в которых мы находимся, вынудили меня быть обязанным ничего не скрывать от вашего превосходительства. Именно они побудили меня также взять на себя смелость написать вам более пространное письмо, хотя у меня нет никакого права злоупотреблять вашим драгоценным временем. Не придавая своему письму сколько-нибудь официального характера, я взываю к вашему милостивому снисхождению, коего свидетельства я уже не однажды получал.

События происходят с неслыханной быстротой, и едва лишь можно подытожить впечатления от настоящего, как их заслоняют новые ситуации. Стремительность движения, возбудителя которого, тем не менее, установить невозможно, есть один из самых решающих симптомов того, что нынешний кризис— не просто мимолетное осложнение, а охватывает собою горючий элемент во всей Турции, если не во всей Европе. Нам говорят, что помимо попыток агитации в различных частях Османской империи революционеры всех национальностей высаживаются в Клеке и других местах и проникают с различных сторон, дабы принять участие в герцеговинском восстании[1].

Этот факт, сколь бы прискорбным он ни был, может изменить исторический характер всего движения. Если люди, добровольно поставившие себя вне закона во всех цивилизованных странах, стремятся искупить свою прошлую жизнь, приняв достойную смерть ради священного дела, их пролитая кровь не сможет осквернить чистоту борьбы, начатой христианами против ига, ставшего невыносимым. Впрочем, не забудем о том, что один из героев последней критской революции был убит в 1871 г., командуя батальоном коммунаров, и что примеры подобного рода

можно обнаружить во всех войнах за национальную независимость, начиная с греческой. Как бы то ни было, герцеговинское движение распространяется повсюду, крепнет, ширится, и, кажется, достаточно было бы одного лозунга, дозволения, простой поблажки, наконец, непротивления с нашей стороны, чтобы разжечь пожар с четырех сторон Османской империи и поставить под угрозу и, я бы даже сказал, едва не положить конец существованию этого нелепого, отжившего свой век государства.

Имеются серьезные соображения в пользу проведения совершенно противоположной политики. Россия сделала все, что могла, она попыталась совершить невозможное для того, чтобы остановить кризис и успокоить движение. Сможет ли она этого добиться? Смогут ли искренние усилия всех держав, ответивших на наш призыв, заставить восставших сложить оружие? Если эти последние будут побеждены или слишком слабы, чтобы сопротивляться, европейское посредничество будет для них истинным благодеянием: оно спасет их в самый опасный момент, а мы, выступив с инициативой этого демарша, заслужим новые основания для их признательности. Но что если их дела пойдут хорошо? Если, как об этом говорят по секрету, турецкие войска, которые плохо оплачиваются и плохо питаются, действительно деморализованы, дерутся скверно, нуждаются в самом необходимом и даже сами сдают якобы оставленные фортификации, прислушаются ли восставшие к голосу разума, согласятся ли променять добытые на краткий миг преимущества на обещания улучшения своей судьбы, исполнение коих не будет, однако, гарантировано европейскими державами? В этом позволительно усомниться. И это, впрочем, чуть ли не общее впечатление, несмотря на полный успех переговоров о посредничестве и согласие кабинетов, принимающих в них участие. Ведь если другие державы могут с некоторым безразличием пережить неуспех этой попытки к умиротворению, то нас он поставит в очень неудобное положение. Посему можем ли мы открыто до такой степени рассердиться на христиан за это, чтобы лишить их окончательно наших симпатий, а возможно, и нашего покровительства? Чем больше благодеяний, нами оказанных, привязывают нас к их судьбе, печальной и радостной, тем теснее будут связаны наши жизненные интересы с будущими судьбами Балканского полуострова...

Что же касается турок, то со времени прихода к власти Махмуд-паши наша позиция стала исключительной. Искренний друг России, Махмуд-паша сделает все возможное ради нашего удовлетворения, но для этого нужно, чтобы мы оправдали его назначение — что очевидно должно быть сделано с этой особливой целью, а значит, мы должны добиться умиротворения Герцеговины. Если нас не вполне подозревают в том, что мы спровоцировали движение или способствовали ему, здесь, тем не менее, не перестают быть убежденными в том, что мы имеем возможность усмирить его. Вот сколь знаменательно доверие турок к влиянию, коим пользуются среди подчиненной им части населения те, кого некоторым угодно называть претендентами на роль их наследников! Что же, если через какое-то время северо-западная часть полуострова, на которую мы не имеем влияния, не будет умиротворена, если, напротив, в других концах империи начнут так же расти

центробежные силы, власть Махмуда потеряет свой смысл и, по его собственному признанию, возобладает противоположная крайность — Мидхат или Хусейн. Это повлечет за собой подавление христиан силой, крайние меры, безудержные репрессии, т. е. войну не на жизнь, а на смерть, отчаянную борьбу между двумя существующими элементами. Сумеем ли мы остаться беспристрастными зрителями этого решающего кризиса, свидетелями возрождения турецко-западной мощи на Востоке путем нового закабаления христиан или триумфа этих последних, выгоду от которого будем извлекать не мы, а другие?

Не будучи в состоянии гарантировать неизбежность этого окончательного результата нынешнего кризиса, позволительно предвидеть его возможность и, я бы сказал, даже вероятность. Это будет эпоха великих решений для нас; на карту будет поставлена вся наша будущность на Востоке, и величие данного момента кажется мне извинением за смелость, которую я допустил, коснувшись темы, выходящей за рамки моих полномочий. Я надеюсь воспользоваться предполагаемым отъездом генерала Игнатьева в Крым для того, чтобы попытаться продолжить мои изыскания по Восточному вопросу, после чего я буду иметь возможность представить вашему благосклонному вниманию памятную записку по данному вопросу, что мне кажется оправданным ввиду серьезности событий.

Пока же осмелюсь просить вас, господин барон, извинить меня за допущенную мною вольность, выразившуюся в написании этих строк. Знаю по опыту, что ваше превосходительство благожелательно воспринимает все искренние мнения. Именно поэтому я прошу у вас снисхождения по поводу соображений, высказанных мною в настоящем письме.

Остаюсь с высочайшим и уважительным почтением, господин барон, вашего превосходительства нижайшим и всепокорнейшим слугой

Нелидов

[1] В поддержку освободительной борьбы в Боснии и Герцеговине развернулось добровольческое движение, особенно активное в Сербии и Черногории. Добровольцы переправлялись в Герцеговину через Клек, Суторину, Триест, Нови Сад и другие пункты. Газета «Застава» информировала о прибытии 26 июля 150 человек из Белграда и 1000 черногорцев, в августе — нескольких офицеров из Сербии, окончивших высшую школу во Франции, отряда попа Жарко Лешевича (150 человек) из Сербии и Милана Милиновича (700 человек), собранных в Румынии, 220 поляков, в сентябре — о прибытии нескольких итальянцев во главе с Петром Белони из Ломбардии, 10 русских, одного венгра, в конце сентября — 12 гарибальдийцев в большинстве своем из Милана к М. Любибратичу во главе с капитанами Карло Тицафели и Лучиано Монталти, в октябре — об отряде итальянских добровольцев во главе с Карло Фиелой и Андреа Фракароли, о волонтерах из Чехии и др. (см.: «Застава» о Босни и Герцеговини. Књ. III), а также док. 31, 33 и др. настоящего сборника.

15

Донесение А. И. Нелидова в МИД России о пропуске австро-венгерскими властями снаряжения для турецких войск через территорию Далмации и о создании в Болгарии повстанческих отрядов

21 августа 1875 г. Буюкдере

Les nouvelles de Herzégovine signalent une certaine amélioration de la situation en faveur des Turcs.

Les bataillons arrivés à Klek sont parvenus à rejoindre les troupes de Dervisch pacha dans la direction de Mostar, après avoir perdu une cinquantaine d'hommes dans les défilés.

Chose significative, et qui ne manquera pas de décourager les populations, l'Autriche-Hongrie a autorisé le passage par son territoire des bagages et des caisses de munitions — Turcs se rendant de Klek à Metkovitch, situé sur la frontière[1].

Trébigné a été ravitaillée. Un détachement de 1 000 hommes y a pénétré sans coup férir.

Au nord quelques bandes d'insurgés bosniaques se sont réfugiés sur le territoire austro-hongrois. Une population de plus de 30 000 fugitifs, principalement composée de femmes et d'enfants se trouve déjà en Croatie et en Dalmatie. Les souffrances de cette population ne manqueront pas de devenir affreuses si l'insurrection ne se trouve pas apaisée avant le commencement de la mauvaise saison.

Les Turcs se sont montrés consternés de l'apparition d'une bande de soi-disant 3 000 serbes du côté de Novi-Bazar mentionnée dans mon rapport sub N 203. Il s'est trouvé toutefois qu'elle ne consistait que de quelques centaines d'individus, dont une cinquantaine tout au plus venaient de Serbie, le reste étant des insurgés de Préboi. Cette bande avait attaqué et, mis en fuite l'avantgarde d'un régiment de cavalerie expédié de Sénitza. Les fuyards répandirent le bruit qu'elle sortait de Serbie et s'élevait à 3 000 hommes. Mehmed Ali pacha qui devait prendre le commandement en Bosnie a été immédiatement envoyé à Prizren, d'où il se portera sur Novi-Bazar. Quatre compagnies ont été dirigées du même côté de Sérajevo.

D'après les rapports du gérant de notre consulat général a Roustchouk une assez vive surexcitation des esprits régnerait parmi les Bulgares[2]. Des bandes isolées, composées de quelques dizaines d'individus se seraient même déjà formées dans les Balcans près de Bazardjik, Slivno, du couvent de Troyane et dans les steppes de la Dobroudja.

Veuillez agréer etc.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 32. Л. 413–414. Копия.

Перевод

В новостях из Герцеговины отмечается некоторое улучшение ситуации в пользу турок.

Батальонам, прибывшим в Клек, удалось соединиться с войсками Дервиш-паши на мостарском направлении, потеряв около 50 человек в ущельях.

Важным событием, которое не преминет обескуражить население, было разрешение, данное Австро-Венгрией на провоз по своей территории военного имущества и ящиков со снаряжением для турецких войск, отправляющихся из Клека в Меткович, расположенный на границе[1].

Требинье пополнил свои запасы продовольствия. Отряд из 1 000 человек проник в него без сопротивления.

На севере несколько отрядов боснийских повстанцев укрылось на австровенгерской территории. Более 30 тыс. беженцев, в основном женщин и детей, уже находится в Хорватии и Далмации. Страдания этих людей неизбежно станут ужасными, если восстание не будет усмирено до начала дождливого сезона.

Турки, казалось, пришли в уныние в связи с появлением со стороны Нови Базара отряда, насчитывающего якобы 3 тыс. сербов, упомянутого в моем донесении под № 203. Оказалось, однако, что он состоял лишь из нескольких сот человек, из коих всего-навсего 50 прибыли из Сербии, а остальные являлись повстанцами из Пребоя. Этот отряд атаковал и обратил в бегство авангард кавалерийского полка, посланного из Сеницы. Бежавшие распустили слух о том, что он пришел из Сербии и насчитывал 3 тыс. человек. Мехмед Али-паша, который должен был принять на себя командование в Боснии, был немедленно отправлен в Призрен, откуда двинется на Нови Базар. Четыре роты были также направлены к Сараеву.

Согласно донесениям управляющего нашим генеральным консульством в Рущуке, среди болгар царит довольно сильное возбуждение умов[2]. Отдельные отряды, состоящие из нескольких десятков человек, якобы уже образовались на Балканах под Базарджиком, Сливно, у Троянского монастыря и в степях Добруджи.

Примите и проч.

[1] См. док. 26.

[2] Под влиянием восстания в Боснии и Герцеговине усилилось национально-освободительное движение в Болгарии. 12 (24) августа 1875 г. на собрании Болгарского революционного центрального комитета было принято решение поднять восстание. В Болгарию из пограничных районов Сербии и Румынии переправлялись революционные отряды. В середине сентября 1875 г. в Старой Загоре началось восстание, но оно было быстро подавлено (см.: Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 265–266).

16

Донесение российского посла в Вене Е. П. Новикова А. Г. Жомини об усилении радикального характера восстания в Боснии и Герцеговине и необходимости согласовать действия России и Австро-Венгрии

22 августа (3 сентября) 1875 г. Вена

Monsieur le baron!

Je regrette vivement de n'avoir pas à vous donner des nouvelles plus satisfaisantes sur la marche locale.

Une divergence essentielle existe entre St. Pétersbourg et Vienne: ce qui pour nous n'était qu'un commencement, une entrée en matière de l'action diplomatique, est considéré ici comme une issue[1]*.

S'il n'a pas tenu à moi d'amener le c[om]te Andrassy à notre point de vue, votre excellence voudra bien me rendre la justice de dire que, dès l'origine, je ne m'étais fait aucune illusion sur le non plus ultra de la politique austro-hongroise et que j'avais signalé notre tâche locale comme à peu près épuisée par les instructions identiques élaborées à Vienne.

Mais, quelque modestes qu'en soient les résultats, il ne faut pas non plus en trop déprécier la valeur pratique. Laissons l'action consulaire qui commence à peine, se développer et porter ses fruits. Il me répugne d'admettre que la partie saine des insurgés— ceux notamment qui ne se sont soulevés que contre les intolérables vexations du régime fiscal et agraire de la Porte, puisse être aveuglée au point de repousser les efforts médiateurs de l'Europe[2]*. Le c[om]te Andrassy sera de retour à Vienne entre le 10 et le 15 septembre n. st. et je pourrai voir plus clair dans ses intentions. Jusque-là, des événements incalculables, l'attitude de la Serbie et du Monténégro, auront pu réagir sur la sécurité que probablement il affecte plutôt qu'il ne la ressent. Et en supposant même que la dernière heure de l'insurrection ait sonné, je ne doute pas que le cabinet de Vienne ne redouble alors à Constantinople d'efforts et de zèle, en raison même de sa précédente réserve, pour soulager les misères des chrétiens domptés, bien entendu toujours sans rien garantir ni rien exiger[3]*.

En attendant ne nous exagérons pas non plus les devoirs et la responsabilité de la Russie. Il est douloureux, sans doute, de voir les victimes de la barbarie musulmane expier chèrement leurs illusions d'affranchissement; mais qu'y pouvons nous en définitive? Avouons le sans détour, le mouvement actuel n'est guère sympathique[4]*. Est-ce une de ces levées de bouclier sanctifiée par la croix et anoblie par le dévouement de ses martyrs? A-t-elle à enregistrer dos traits d'héroïsme tels que Missolonghi et Arcadium[1] capables d'entraîner irrésistiblement les suffrages de l'Europe? Assurément non. Inaugurée sous le drapeau autrichien et mise en scène par des prêtres catholiques qui ont lâchement déserté la cause lorsqu'ils ont compris qu'elle né marchait pas, l'insurrection de l'Herzégovine a été exploitée plus tard par *l'Omladina serbe, cette association radicale, socialiste et athée* qui a pris dans les dernières années un si fâcheux développement[2]. Sans direction ni ensemble, le noyau primitif des combattants pro ara et foco[5]* noyé dans des bandes d'intrus et même de garibaldiens[3], — avec des commandants ou inspirateurs de

la trempe des Lubibratitch, Stratimirovitch, Vlâikovitch, stipendiés par tous les partis et vendus au plus offrant, — telle est, dans sa triste nudité, cette échauffourée qui certes n'est pas digne de remuer les entrailles d'un grand pays[6]*.

Il n'en est que plus urgent de ne pas la laisser se transformer insensiblement, aux yeux de l'Europe, en question russe[7]*. Sous ce rapport, Monsieur le baron, je ne saurais m'empêcher de relever une frappante analogie qui tend fatalement à s'imposer à nous entre l'insurrection actuelle et celle de Candie de 1867[4]. Cette dernière aussi avait vu le jour sous un drapeau étranger au nôtre, mais, puisqu'il est dans le rôle magnanime de la Russie de soigner pour tous les chrétiens opprimés, elle a fini par usurper nos couleurs et par nous poser des exigences tyranniques, en raison même des sympathies que nous prodiguions aux familles de ses combattants. Et qu'en avons nous récolté, sinon de l'ingratitude de la part des Hellènes[8]* qui, en se vengeant aujourd'hui encore dans leurs feuilles publiques de la neutralité des slaves d'alors par une contre indifférence dédaigneuse pour la cause de l'Herzégovine[5], continuent à nous endosser la responsabilité de leurs déceptions nationales?

Profitons de ces enseignements de l'histoire et résistons autant que possible à la fascination qu'exerce sur nous le seul nom des chrétiens de la Turquie[9]* pour ne pas nous trouver un jour, on ne sait trop comment, signalés de recher à la malveillance et aux suspicions de l'Europe.

Le moment actuel où toutes les Puissances signataires du traité de Paris se trouvent réunies par le lieu d'une communauté apparente de vues, mais peut-être aussi pour se contrôler l'une l'autre, me semble assez décisif dans cet ordre d'idées[10]*.

Votre excellence a fait dans sa lettre du 16 août une observation d'une très grande portée lorsqu'elle a dit que le cabinet de Berlin se tenait en arrière, tandis que le langage du gouvernement français était très-bon et que celui de la presse anglaise témoignait d'un revirement pour la cause chrétienne.

Ce rapprochement est, en effet, significatif. Il pourrait contenir un avertissement.

La France suspecte l'Allemagne d'avoir laissé à l'Autriche les coudées franches en Orient au prix d'une complète réciprocité en Occident, et elle est suspectée elle-même de vouloir rentrer, par la porte dérobée des complications orientales, dans les conseils déterminants de l'Europe[11]*.

Le bon vouloir du cabinet de Versailles contrastant avec la tiédeur de celui de Berlin, ne viserait-il pas quelque peu à nous désunir avec ce dernier?

Et comment s'expliquer l'attitude énigmatique de l'Angleterre où, d'une part, le gouvernement se fait prier par la Turquie d'accéder aux démarches des Puissances et où, de l'autre, le vieux Russell[6] contribue aux collectes d'argent en faveur des insurgés, tandis que le «Times» propose l'érection de la Bosnie et de l'Herzégovine en Etats semi-indépendants sous le protectorat nominal de la Turquie et réel de l'Autriche en vue de les soustraire à l'influence de la Russie? Ne sont-ce pas des ballons d'essai pour nous brouiller avec le cabinet de Vienne en jetant une pomme de idiscorde entre les deux Puissances?[12]*

On se désisterait plus tard de ces combinaisons après que le coup aurait porté, tout cornue on s'est désisté en 1863[7] à Londres de la cause polonaise après nous avoir brouillé là dessus avec la France.

J'avoue humblement ne pouvoir m'empêcher de craindre que les deux Puissances occidentales ne soient entrées dans l'action combinée en Herzégovine un peu avec l'arrière-pensée de relâcher le faisceau des trois empires[13*].

Le b[aro]n de Hofmann a laissé échapper vis-à-vis de moi un propos qui mérite d'être cité. En me répétant que le c[om]te Andrassy ne croyait pas encore le moment arrivé pour une action ultérieure des Puissances, il m'a dit, entre autres, que le maintien de l'intégrité de l'Empire ottoman était dans le programme de son chef[14*]. Etait-ce une confidence ou un lapsus linguae, un désir de nous rassurer sur les intentions de l'Autriche, ou un mouvement de défiance envers les nôtres?

Supposons que l'Autriche-Hongrie, rendue soupçonneuse à notre égard, se rapproche d'autant de l'Allemagne qu'elle s'éloignerait de nous; le p[rin]ce de Bismarck ne sera-t-il pas hautement satisfait de ressaisir entre Vienne et St-Pétersbourg cette position d'arbitre et de trait d'union qu'il ambitionnait en vain jusqu'à présent?[15*]

Si l'alliance à trois, avec la Russie au centre comme elle l'est maintenant, forme une base solide de la paix de l'Europe; si, en dehors d'une politique d'équilibre en Orient, elle a d'autres objectifs occidentaux non moins importants; si elle doit tenir tête aux envahissements de l'esprit socialiste et révolutionnaire en Europe[16*]; n'est-il-pas indiqué d'y apporter de notre part le sacrifice de certains entraînements des sympathies nationales pour nos coreligionnaires en Turquie?[17*]

Il va sans dire que cette condescendance doit avoir ses limites là où commencent les intérêts vitaux de la Russie en Orient[18*].

Nous pouvons exiger que la triple entente nous prémunisse contre toute velléité d'annexion de la part de l'Autriche[19*], qu'elle nous garantisse sa non-intervention militaire, qu'elle tienne compte, dans la mesure du possible, de nos sympathies pour les foyers traditionnels de notre influence. Or, chacun de ces intérêts a trouvé jusqu'ici, ce me semble, une sauvegarde dans l'entente à trois[20*]. Il y a plus: en repoussant presque durement les chrétiens de la Bosnie et de l'Herzégovine, c'est-à-dire de parages constituant plutôt le terrain de sa propre influence, l'Autriche dualiste les aura guéris pour longtemps de l'illusion de chercher ailleurs qu'en Russie le pivot de leurs destinées à venir[21*].

Seulement ne faut-il pas que la Russie choisisse son heure[22*] et qu'on ne vienne pas lui forcer la main?

Nous avons loyalement rempli vis à vis du comte Andrassy la tâche de le prémunir contre des surprises politiques. Il ne semble pas partager nos appréhensions. Laissons le donc venir à nous et nous demander notre concours lorsque l'expérience des faits l'y aura force[23*].

Le cabinet impérial daignera excuser la hardiesse de ses appréciations et de ces conjectures[24*]. Elles me sont dictées par le sentiment du devoir et par la responsabilité morale qui m'incombe en ce moment.

Veuillez agréer, Monsieur le baron, l'assurance de ma haute considération

Novikow

Помета о получении: Le 26 août 1875.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 113. Л. 420–428. Подлинник.

1* *На полях к концу абзаца Александр II поставил восклицательный знак.*
2* *На полях помета Александра II:* Je le voudrais, mais je crains leur aveuglement.
3* *На полях пометы А. М. Горчакова:* C'est je crois tous ce que nous lui demandons, *и Александра II:* Oui.
4* *На полях помета Александра II:* Ce n'est que trop vrai, grâce aux éléments revolutionnaires de tous les pays qui y tendent la main.
5* За алтарь и отечество *(лат.).*
6* *На полях помета Александра II:* C'est une triste vérité!
7* *На полях помета Александра II:* Certes.
8* *К подчеркнутым Александром II словам* Sinon... Hellènes *на полях его помета:* Très vrai!
9* *К подчеркнутым Александром II словам* Profitons... la Turquie *на полях его помета:* Oui.
10* *На полях помета Александра II:* Oui.
11* *На полях помета Александра II:* Ce n'est pas impossible.
12* *На полях помета Александра II:* Idem.
13* *На полях пометы А. М. Горчакова:* Pas la France *и Александра II:* J'en suis convaincu.
14* *На полях помета Александра II:* Ailes dans le notre aussi.
15* *На полях помета Александра II:* C'est encore possible.
16* *К подчеркнутым Александром II словам:* Si elle... Europe *на полях его помета:* Oui.
17* *На полях помета Александра II:* Oui, quand ils ont resours, comme actuellement aux éléments révolutionnaires.
18* *К подчеркнутым Александром II словам:* Les intérêts... Orient *на полях его помета:* Certes.
19* *К подчеркнутым Александром II словам:* Contre... l'Autriche *на полях его помета:* Oui.
20* *На полях помета Александра II:* Jusqu'à présent. Oui.
21* *На полях помета Александра II:* Je le voudrais.
22* *К подчеркнутым Александром II словам:* Que... heure *на полях его помета:* C'est cela.
23* *На полях помета Александра II:* Oui.
24* *К подчеркнутым Александром II словам:* De ses... conjectures *на полях его помета:* Je les partage en entier.

Перевод

Господин барон!

Очень сожалею, что не смог доставить вам более основательных известий о ходе здешних дел.

Между Санкт-Петербургом и Веной имеется существенное расхождение: то, что для нас было лишь началом, вступлением в сферу дипломатических акций, рассматривается здесь как конец[1*].

Если не в моих силах было склонить графа Андраши к нашей точке зрения, то надеюсь, ваше превосходительство отдаст мне справедливость в том, что я с самого начала не строил себе никаких иллюзий относительно конечных целей австро-венгерской политики и указывал на то, что наша задача здесь сводится почти на нет соответствующими инструкциями, разработанными в Вене.

Но какими бы скромными ни были результаты беседы, не стоит слишком недооценивать ее практическую значимость. Дадим консульским мероприятиям,

которые только начинаются, развернуться и принести плоды. Мне неприятно признать, что здоровая часть восставших — особенно те, которые поднялись только против невыносимых тягот фискального и аграрного режима Порты, может быть настолько ослеплена, что отвергнет посреднические усилия Европы[2*]. Граф Андраши вернется в Вену между 10 и 15 сентября по новому стилю, и я смогу лучше разузнать о его намерениях. До того момента не поддающиеся прогнозу события, позиция Сербии и Черногории могут повлиять на безопасность, которую он, возможно, скорее демонстрирует, чем ощущает на самом деле. И даже если предположить, что пробил последний час восстания, я не сомневаюсь в том, что венский кабинет и в этом случае, именно по причине своей прежней сдержанности, не удвоит в Константинополе усилий и рвения, чтобы облегчить страдания покоренных христиан, разумеется ничего не гарантируя и ничего не требуя[3*].

Находясь в ожидании, мы также пока не будем преувеличивать обязанностей и ответственности России. Без сомнения, печально наблюдать, как дорого платят жертвы мусульманского варварства за свои иллюзии об освобождении; но что в конце концов мы можем сделать? Признаемся без обиняков, что нынешнее движение почти не вызывает симпатий[4*]. Есть ли это вооруженное восстание, осененное крестом и облагороженное преданностью своих мучеников? Проявятся ли в нем черты героизма, как в Миссолонги и Аркадиуме, способных неотразимо привлечь одобрение Европы?[1] Конечно, нет. Начавшееся под австрийским знаменем и инспирированное католическими священниками, которые трусливо отступились от дела, когда они поняли, что дело не ладится, восстание в Герцеговине позднее было использовано *сербской Омладиной, этой радикальной, социалистической и атеистической ассоциацией*[2], которая пережила столь печальное развитие в последние годы. Без руководства и сплоченности, первоначальное ядро бойцов pro ara et foco[5*], утонувшее в отрядах, состоящих из чужеродного элемента и даже гарибальдийцев[3], с командирами или вдохновителями типа Любибратича, Стратимировича, Влайковича, состоящими на жалованьи у всех сторон и продающимися тому, кто больше заплатит, — таково в своей печальной наготе это дерзкое предприятие, которое, конечно, недостойно того, чтобы заставлять лезть из кожи великую державу[6*].

Самое неотложное сейчас — это не допустить, чтобы данный вопрос в глазах Европы незаметно превратился в русский вопрос[7*]. В этом отношении, господин барон, я не могу не припомнить яркую аналогию, которая фатально для нас напрашивается между нынешним восстанием и восстанием в Кандии в 1867 г.[4]. Это последнее тоже вспыхнуло не под нашим знаменем, но поскольку великодушная роль России побуждает нас к попечению обо всех угнетенных христианах, оно в конце концов узурпировало наши знамена и поставило нам жестокие условия именно в силу симпатий, расточавшихся нами в отношении семей этих повстанцев. И что же мы получили в результате, кроме неблагодарности со стороны эллинов[8*], которые, отыгрываясь еще и сегодня в своих печатных листках за тогдашний нейтралитет славян ответным презрительным безразличием к делу Герцеговины[5], продолжают возлагать на нас ответственность за неосуществление своих национальных чаяний?

Воспользуемся этими уроками истории и не поддадимся, насколько это возможно, очарованию, внушаемому нам одним лишь именем христиан Турции[9*], дабы не оказаться однажды невесть каким образом предметом злорадства и подозрений Европы.

Нынешний момент, когда все державы, подписавшие Парижский договор, оказались объединены явной общностью мнений относительно одного региона, а может быть, и для того, чтобы лучше контролировать друг друга, представляется мне в достаточной степени решающим с этой точки зрения[10*].

Ваше превосходительство сделали в письме от 16 августа крайне значительное замечание, когда сказали, что берлинский кабинет держался на заднем плане, тогда как высказывания французского правительства были очень хороши, а сообщения английской прессы свидетельствовали о повороте в пользу христианского дела.

Это сближение действительно знаменательно. Оно могло бы рассматриваться как предупреждение.

Франция подозревает Германию в том, что последняя предоставила Австрии свободу рук на Востоке ценой полного взаимопонимания на Западе, а ее саму подозревают в том, что она хочет войти через потайную дверь восточных осложнении в круг наиболее влиятельных европейских держав[11*].

Не стремится ли версальский кабинет своей доброжелательностью, контрастирующей с вялостью действий берлинского, несколько разъединить нас с этим последним?

А чем объяснить загадочную позицию Англии, где, с одной стороны, правительство заставляет Турцию упрашивать себя присоединиться к демаршам держав и где, с другой, старик Рассел вносит пожертвования на помощь повстанцам[6], в то время как «Таймс» предлагает создать в Боснии и Герцеговине полунезависимые государства под номинальным протекторатом Турции и реальным Австрии с целью вывести их из-под влияния России? Не суть ли это пробные шары, чтобы поссорить нас с венским кабинетом, бросив яблоко раздора между обеими державами[12*]?

Позднее, как только удар будет нанесен, от этих комбинаций откажутся точно так же, как отказались в 1863 г. в Лондоне от польского дела[7] после того, как поссорили нас по данному вопросу с Францией.

Покорнейше признаюсь, что не могу скрыть опасений по поводу того, что две западные державы предприняли совместные действия в Герцеговине в какой-то степени с задней мыслью ослабить союз трех империй[13*].

Барон Гофман обронил при мне слова, которые заслуживают того, чтобы их привести. Повторяя, что граф Андраши считает, что еще не настало время для последующих действий держав, он сказал мне, среди прочего, что сохранение целостности Османской империи было в программе его шефа[14*]. Была ли это откровенность или обмолвка, желание успокоить нас насчет намерений Австрии или жест недоверия по отношению к намерениям нашим?

Предположим, что Австро-Венгрия, испытывая подозрения в отношении нас, настолько сблизится с Германией, что отдалится от нас; разве князь Бисмарк

не будет в высшей степени доволен вновь занять между Веной и Санкт-Петербургом ту позицию арбитра и объединителя, к которой он напрасно стремился до нынешнего времени?[15*]

Если тройственное согласие с Россией в центре, как это имеет место ныне, создаст прочную основу для мира в Европе; если, помимо политики равновесия на Востоке, оно имеет другие, не менее важные западные цели; если оно должно противостоять происка социалистического и революционного духа в Европе[16*], то не уместно ли с нашей стороны принести в жертву некоторые проявления национальных симпатий к нашим единоверцам в Турции?[17*]

Само собой разумеется, эта снисходительность должна иметь свои границы там, где начинаются жизненные интересы России на Востоке[18*].

Мы можем потребовать, чтобы тройственное согласие предохранило нас от всяких поползновений к аннексии со стороны Австрии[19*], гарантировало нам ее военное невмешательство, учитывало, в меру возможного, наши симпатии к традиционным очагам нашего влияния. Но ведь каждый из этих интересов, как мне кажется, пока что гарантирован тройственным согласием[20*]. Более того: чуть ли не грубо оттолкнув христиан Боснии и Герцеговины, т. е. края, скорее представляющего собой сферу ее собственного влияния, дуалистическая Австрия надолго излечила их от иллюзий искать где-то, кроме России, опору своих будущих судеб[21*].

Только не лучше ли было бы, чтобы Россия сама избрала свой час[22*] и чтобы ее не толкали под руку?

Мы лояльно исполнили по отношению к графу Андраши задачу предупредить его насчет политических сюрпризов. Он, кажется, не разделяет наших опасений. Пусть же теперь приходит к нам и просит нашего содействия, когда действительный опыт вынудит его к этому[23*].

Осмелюсь просить извинения у императорского кабинета за смелость этих оценок и предположений[24*]. Они продиктованы мне чувством долга и моральной ответственностью, возложенной на меня в данный момент.

Примите, господин барон, уверения в моем высоком почтении

Новиков

Помета о получении: 26 августа 1875 г.

1* *На полях к концу абзаца Александр II поставил восклицательный знак.*
2* *На полях помета Александра II:* Я бы хотел этого, но боюсь их ослепления.
3* *На полях пометы А. М. Горчакова:* Полагаю, это все, чего мы от них требуем *и Александра II:* Да.
4* *На полях помета Александра II:* Это вполне справедливо из-за революционных элементов изо всех стран, которые протягивают туда руки.
5* За алтарь и отечество *(лат.).*
6* *На полях помета Александра II:* Это печальная правда!
7* *На полях помета Александра II:* Конечно.

8* *К подчеркнутым Александром II словам:* кроме... эллинов *на полях его помета:* Совершенно правильно!
9* *К словам, подчеркнутым Александром II, на полях помета:* Да.
10* *На полях помета Александра II:* Да.
11* *На полях помета Александра II:* В этом нет ничего невозможного.
12* *На полях помета Александра II:* То же самое.
13* *На полях пометы А. М. Горчакова:* Только не Франция *и Александра II:* Я в этом убежден.
14* *На полях помета Александра II:* Оно есть и в нашей тоже.
15* *На полях помета Александра II:* Это еще возможно.
16* *К подчеркнутым Александром II словам:* Если оно... Европе *на полях его помета:* Да.
17* *На полях помета Александра II:* Да, когда они, как в настоящее время, прибегают к помощи революционных элементов.
18* *К подчеркнутым Александром II словам:* Жизненные интересы... на Востоке *на полях его помета:* Конечно.
19* *К подчеркнутым Александром II словам:* От... Австрии *на полях его помета:* Да.
20* *На полях помета Александра II:* До настоящего времени, да.
21* *На полях помета Александра II: Я* бы этого желал.
22* *К подчеркнутым Александром II словам:* Чтобы... час *на полях его помета:* Это так.
23* *На полях помета Александра II:* Да.
24* *К подчеркнутым Александром II словам:* Этих... предположений *на полях его помета:* Я их полностью разделяю.

1 Речь идет о греческом национально-освободительном движении в 20-е гг. XIX в. Аркадия и Миссолонги были одними из центров выступления народных масс и ожесточенного сопротивления турецким войскам.

2 Употребление понятия «Омладины» как организации в годы восстания неправомерно, так как деятельность буржуазно-либерального общества «Объединенная сербская молодежь» («Омладина») относится официально к 1866–1872 гг. Преследуемая со стороны сербских и австрийских властей и ослабленная внутренними противоречиями «Омладина» как организация распалась. Однако она сыграла большую роль в формировании национального сознания сербов и воспитании кадров для выполнения ее главной политической задачи: освобождения и объединения всех сербских земель (см.: *Петровић Н.* Историјско место, улога и значај Уједињене омладине српске // Уједињена омладина српска. Нови Сад, 1968. С. 9–33).

В восстании приняли участие некоторые бывшие омладинцы или сторонники ее идеологии, представляя там оба течения бывшей организации — и либеральное, буржуазно-демократическое, и революционно-демократическое, считавшее себя социалистическим. Приверженцы первого выступали за решение национального вопроса в ходе восстания, вторые — за полное освобождение от османского ига и глубокие социальные преобразования в провинции в интересах народа. Претворение в жизнь социалистических программ не обсуждалось. Даже русские революционеры, прибывшие из России в Герцеговину в августе-сентябре 1875 г. с целью повести там социалистическую агитацию, вынуждены были скоро уехать, не найдя

почвы для своих утопических надежд (см.: *Хевролина В. М.* Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание // Балканские исследования. Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978. С. 41–44).

[3] См. прим. к док. 14.

[4] Речь идет о восстании греков на о. Крит в 1866–1869 гг. Повстанцы требовали проведения обещанных султаном реформ. В ходе восстания было создано Национальное собрание и образовано Временное правительство, провозгласившее в сентябре 1868 г. присоединение Крита к Греции. Российский консул, единственный среди своих коллег, поддержал дело греков.

Греческое восстание послужило поводом к постановке вопроса о защите прав христианских подданных Османской империи. Меморандум МИД России (6 (18) апреля 1867 г.) европейским державам содержал идеи предоставления христианским народам Османской империи автономии, местного управления, проведения административной, судебной, финансовой и других реформ (подробнее см.: *Сенкевич И. Г.* Россия и Критское восстание. 1866–1869. М., 1970).

[5] Премьер-министр Греческого королевства Х. Трикупис заверял представителей европейских держав в соблюдении своей страной строгого нейтралитета, причем в своей внешнеполитической деятельности она будет проводить политику дружбы и сотрудничества с Османской империей (см.: Международные отношения на Балканах 1856–1878 гг. М., 1986. С. 320).

[6] Лорд Дж. Рассел пожертвовал 50 фунтов стерлингов в пользу повстанцев. В Лондоне был организован комитет помощи восставшим.

[7] Речь идет о польском восстании 1863 г.

17

Донесение Н. П. Игнатьева в МИД России об отказе Порты предоставить автономию Боснии и Герцеговине и об издании фирмана относительно проведения там реформ

№ 218 25 августа (6 сентября) 1875 г. Буюкдере

Je crois devoir compléter mon télégramme secret du 24 août par quelques détails de ma conversation de jeudi dernier avec Mahmoud pacha.

Le g[rand] vezir m'avoua franchement les difficultés de sa situation personnelle, dont la consolidation dépendait de la tournure des événements en Herzégovine, les perplexités de la Porte, les inquiétudes du sultan. Il me demanda de le renseigner loyalement sur les intentions des Puissances.

Mahmoud pacha déclare d'avance avec une entière bonne foi qu'il ne saurait consentir, malgré son désir sincère de contenter les cab[ine]ts et déplanir toutes les difficultés, à aucune combinaison impliquant l'autonomie, même purement fiscale des provinces insurgées. Ce serait, d'après lui, la désagrégation de l'empire et un encouragement à la révolté. Ni le sultan, ni l'opinion publique musulmane n'admettraient une pareille solution. Impraticable même si l'insurrection fût parvenue à se maintenir et à s'organiser sérieusement, elle l'était encore moins ou moment où des forces imposantes se contraient sur le théâtre de la lutte.

Franchise par franchise, je répondis au grand vézir que les Puissances soupçonnaient non pas lui, mais la «Jeune Turquie»[1] et le parti militaire de profiter des circonstances par pousser la Porte à frapper un grand coup sur le Monténégro, soit sur la Serbie. Je tenais, de son propre intérêt, à le prévenir qu'une pareille agression ne serait pas tolérée, qu'elle provoquerait une intervention immédiate et servirait a évoquer une crise dont il ne prévoyait peut-être par toute la gravité.

Mahmoud pacha me jura qu'il ne méditait aucun projet hostile ni contre le Monténégro, ni contre la Serbie. Il me pria, au besoin, d'en déposer l'assurance la plus formelle aux pieds de notre altesse majesté et m'offrit d'en prendre l'engagement direct vis-à-vis des princes Nicolas et Milan soit par écrit, soit verbalement par l'envoi auprès d'eux de fonctionnaires spéciaux.

Ignorant l'accueil qui pourrait être réservé à Belgrade et surtout à Cettigné à une pareille démarche, je me donnai a conseiller au grand vezir de sonder d'abord le terrain quant au meilleur mode de rassurer les esprits tant de la Montagne Noire qu'en Serbie. Je signalai en même temps l'opportunité de donner à ces deux principautés un gage de ses bonnes intentions en réglant leurs petites affaires pendantes. Relativement aux cabinets, j'insinuai qu'ils pourraient facilement être mis au courant de ces engagements pacifiques par une circulaire aux représentants de la Porte auprès des Puissances garantes.

Mahmoud pacha me promit d'y penser.

Je développai alors, de l'espiit de la lettre de votre excellence en date du 14 août, la nécessité des réformes intérieures et de la repression des abus dans provinces qui étaient aujourd'hui le théâtre de l'insurrection. Le grand vézir ne fit aucune difficulté d'admettre

les vices d'administration turque, de l'assiette des impôts, du mode de leur perception en Turquie et de l'organisation défectueuse de la police. Il m'assura avoir étudié pendant son exil et quand il était gouverneur général les désastreuses conséquences qui résultaient de cet état de choses. Son esprit était rempli de projets de lois pour y remédie. J'ai l'honneur de placer sous les yeux de votre excellence en coupure, un firman du sultan adressé aux gouvernements des provinces et qui recommande encore une fois la justice et l'équité aux fonctionnaires ottomans. Votre excellence trouvera également ci-après une lettre du premier secrétaire de sa majesté à Mahmoud pacha contenant de précieux aveux sur les causes qui ont provoqué l'insurrection bosno-herzégovinienne. L'article ci-joint du «Courrier d'Orient» prend habilement [l']acte des promesses s[o]uveraines. Le grand vézir m'a dit que le firman impérial était l'écho de mes entretiens et de ses conversations subséquentes avec le sultan. Il a terminé ces confidences amicales en exprimant assez finement l'espoir que nous n'aurions rien à objecter à ce que les réformes qu'il se proposait l'introduire s'étendissent indifféremment à tout l'Empire et non uniquement aux provinces en révolte.

Je répondis que nous n'aurions certes qu'à nous féliciter si les nombreux défauts dont souffrait l'administration ottomane et les injustices criantes qu'elle tolérait trop souvent disparaissaient de partout, mais qu'il ne fallait pas, selon moi, abuser des firmans et des hattis impériaux. Restant presque toujours sans effet, ils habituaient les populations à ne plus croire aux intentions bienfaisantes du sultan. Par le télégramme identique ci-joint je me mis empressé d'informer nos agents à Belgrade et à Raguse des promesses pacifiques du grand vézir à l'égard de la Serbie et de la Montagne Noire.

Le sérasker Hussein Avni pacha et le ministre de la marine Réouf-pacha, sont venus me voir le lendemain de ma conversation avec Mahmoud pacha.

Je ne puis guère me flatter de les avoir consenti à notre manière de voir quant à Г insurrection bosno-herzégovinienne.

Tous les deux pensent que les troupes une fois concentrées, le moment des tergiversations serait passé et que l'honneur militaire exigerait une action prompte et efficace. Husseine-Avni pacha m'a assure que dans quelques jours 25 000 hommes seraient réunis à Widdin, 42 000 hommes a Nish et Sophia, de 40–45 000 dans les provinces insurgées, ainsi qu'à Scutari où il y aurait eu des escarmouches avec les Wassoewitch. Il ne pouvait pas croire à la neutralité du Monténégro; prétend que plus de 1 000 Monténégrins se trouvent parmi les insurgés et que l'un des chefs est le même capitaine Milan dont il a demandé l'éloignement et la punition lors de l'affaire de Podgoriza.

Le Monténégro et la Serbie passeraient évidemment un mauvais quart d'heure si le sérasker revenait à la tête du pouvoir.

Il me parait clair que l'insurrection ne pourra pas tenir longtemps contre les troupes turques, même si le bruit que les insurgés sont parvenus à tomber d'accord sur l'élection d'un chef unique était vrai. Mal armés, ne possédant que 1 500 à 2 000 fusils se chargeant par la culasse, ils finiront par succomber. Raison de plus pour la Montagne Noire et la Serbie de se montrer plus prudentes et de ne pas risquer leur sont sur le même enjeu.

Veuillez, etc.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 32. Л. 421–422 об. Копия.

Перевод

Считаю своим долгом дополнить секретную телеграмму от 24 августа некоторыми подробностями своей беседы с Махмуд-пашой в прошлый четверг.

Великий визирь откровенно признался мне в затруднениях относительно своего личного положения, укрепление которого зависит от оборота событий в Герцеговине, о растерянности Порты, о беспокойстве султана. Он попросил меня искренне осведомить его о намерениях держав.

Махмуд-паша заранее объявил *с* полным чистосердечием, что, несмотря на свое искреннее желание удовлетворить кабинеты и сгладить все трудности, он не может согласиться ни на какую комбинацию, подразумевающую автономию восставших провинций, даже чисто фискальную. Это явилось бы, по его мнению, распадом империи и подстрекательством к бунту. Ни султан, ни мусульманское общественное мнение не приняли бы подобного решения. Будучи неосуществимым даже если бы восстанию удалось продержаться и серьезно организоваться, оно было бы еще менее осуществимо в момент, когда крупные силы будут противостоять друг другу на театре военных действий.

Отвечая откровенностью на откровенность, я сказал великому визирю, что державы подозрительно относятся не к нему, а к «Молодой Турции»[1] и военной партии в связи с тем, что они могут воспользоваться обстоятельствами и побудить Порту нанести решающий удар по Черногории либо Сербии. Я счел нужным в его собственных интересах предупредить его, что подобная агрессия не будет терпима, что она вызовет немедленное вмешательство и приведет к кризису, всей серьезности которого он, вероятно, не может себе представить.

Махмуд-паша поклялся передо мной, что не таит никаких враждебных замыслов ни против Черногории, ни против Сербии. Он просил меня, в случае надобности, покорнейше вручить самые определенные заверения на сей счет его императорскому величеству и предложил взять на себя прямые обязательства по отношению к князьям Николаю и Милану либо в письменной, либо в устной форме путем посылки к ним специальных представителей.

Не зная, какой прием может быть оказан в Белграде и в особенности в Цетинье подобному демаршу, я посоветовал великому визирю сначала прозондировать почву относительно наилучшего способа успокоения умов как в Черногории, так и в Сербии. В то же время я указал на возможность в качестве свидетельства его добрых намерений в отношении обоих княжеств урегулировать их мелкие текущие дела. Касательно кабинетов, я намекнул, что они могли бы легко быть поставлены в известность об этих мирных обязательствах с помощью циркуляра представителям Порты при державах-гарантах.

Махмуд-паша обещал мне об этом подумать.

Далее я, в духе письма вашего превосходительства от 14 августа, подробно осветил необходимость внутренних реформ и устранения злоупотреблений в провинциях, которые ныне охвачены восстанием. Великому визирю не составило труда признать пороки турецкой администрации, налогообложения, способа

взимания налогов в Турции и плохой организации полиции. Он заверил меня в том, что во время своего изгнания, а также когда он был генерал-губернатором, он изучал катастрофические последствия данного положения вещей. Его ум полон законодательных проектов, призванных улучшить положение дел. Я имел честь представить вашему превосходительству в сокращенном виде фирман султана, направленный правителям провинций, в коем османским чиновникам еще раз рекомендуется проявлять правосудие и справедливость. Ваше превосходительство также найдет ниже письмо первого секретаря его величества к Махмуд-паше, содержащее ценные признания о причинах, вызвавших боснийско-герцеговинское восстание. Прилагаемая статья из «Курьера Востока» ловко представляет деяния и обещания султана. Великий визирь сказал мне, что фирман повелителя империи явился отголоском моих переговоров и его последующих бесед с султаном. Он закончил свой откровенный дружеский разговор, достаточно тонко выразив надежду на то, что мы не будем сколько-нибудь возражать, если реформы, которые он предлагает ввести, будут распространены по всей империи, а не только на провинции, охваченные мятежом.

Я ответил, что мы, разумеется, будем только приветствовать, если многочисленные недостатки, от которых страдала османская администрации, и вопиющая несправедливость, с которой она слишком часто мирилась, исчезнут повсеместно, но не следует, по моему мнению, злоупотреблять султанскими фирманами и хатт-и. Оставаясь почти всегда не осуществимыми на деле, они отучают население верить благим намерениям султана. Прилагаемой телеграммой идентичного содержания я поспешил проинформировать наших агентов в Белграде и Рагузе о мирных обещаниях великого визиря в отношении Сербии и Черногории.

Сераскер Хусейн Авни-паша и министр морского флота Реуф-паша посетили меня на следующий день после моей беседы с Махмуд-пашой.

Не могу польстить себе, что я склонил их на нашу точку зрения по вопросу о боснийско-герцеговинском восстании.

Оба они считают, что как только войска будут сконцентрированы, с увертками будет покончено, и военная честь потребует быстрых и эффективных действий. Хусейн Авни-паша заверил меня в том, что через несколько дней 25 тыс. человек будет собрано в Видине, 42 тыс. человек в Нише и Софии, 40–45 тыс. человек в восставших провинциях, а также в Скутари, где были стычки с жителями Васоевичей. Он не мог поверить в нейтралитет Черногории; утверждает, что свыше 1 тыс. черногорцев находятся среди восставших и что одним из главарей является тот же капитан Милан, удаления и наказания которого он потребовал во время стычки у Подгорицы.

Черногория и Сербия, очевидно, пережили бы нелегкие времена, если бы сераскер вновь пришел к власти.

Мне кажется ясным, что восстание не сможет долго продержаться против турецких войск, даже если бы слух о том, что повстанцам удалось договориться об избрании единого вождя, соответствовал действительности. Плохо

вооруженные, обладающие лишь 1,5–2 тыс. ружей, заряжающихся с казенной части, они в конце концов будут вынуждены сдаться. Тем больший резон для Черногории и Сербии проявлять большее благоразумие и не рисковать судьбой, ставя все на одну ставку.

Примите и проч.

[1] «Молодая Турция» — политическое течение, сложившееся в 60-е гг. XIX в. Молодая турецкая интеллигенция, поддержанная частью либерально настроенных чиновников и офицеров, выдвинула лозунг превращения Турции в конституционную монархию и проведения реформ в интересах мусульманского населения. В 1865 г. в Стамбуле была создана политическая организация, ставившая своей целью при поддержке военных и гражданских деятелей осуществить государственный переворот. В 1866 г. организация была разгромлена. Часть ее участников эмигрировала, и за границей «новые османы» продолжали проповедовать свои идеи.

18

Депеша МИД России Н. П. Игнатьеву о необходимости добиваться от Порты проведения реформ в пользу христиан Боснии и Герцеговины и ликвидации феодального землевладения

Не позднее 25 августа 1875 г.[1*]

Votre excellence va au-devant des intentions de sa majesté l'empereur en insistant dans sa dépêche N 213 sur la nécessité du maintien de l'entente et de l'action des cab[ine]ts soit pour contenir la répression des Turcs dans certaines limites, si la tentative des consuls échoue[1], soit pour imprimer un caractère sérieux et pratique aux réformes administratives.

Nous avons insisté sur ce point à Berlin et à Vienne.

D'après les dernières informations de M. de Novicow le c[om]te Andrassy ne serait pas contraire à la continuité de l'oeuvre médiatrice des consuls. Notre ambassadeur ne doute pas que le cab[ine]t de Vienne, tout en rejetant les solutions contraires à l'intégrité de l'Empire ottoman, ne mette tout son zèle à obtenir une amélioration efficace de la condition des populations insurgées.

D'après l'opinion émise par le b[ar]on de Hoffmann le gouv[ernemen]t autrichien irait même jusqu'à appuyer au besoin un arrangement analogue à celui qui a été adopté pour la Syrie et le Liban[2].

Nous ne saurions à la distance où nous sommes nous prononcer dès à présent sur les réformes à suggérer.

Cette tâche doit, à notre avis être abandonnée aux représentants à Constantinople. Eux seuls sont à même d'apprécier d'un coté les exigences locales d'après les données des consuls, et de l'autre, ce qu'il est possible de demander au gouv[ememen]t turc.

Tout ce que nous souhaitons c'est que ces réformes soient réelles et pratiques, qu'elles ne restent pas lettre morte comme les précédentes, et qu'elles ne soient pas conçues dans l'unique but de donner le change à l'opinion publique de l'Europe.

Mais nous sommes loin de vouloir poursuivre des solutions radicales incompatibles avec les droits du sultan, les stipulation des traités et la réalité pratique. Sous ce rapport s[a] m[ajesté] l'empereur est entièrement d'accord avec les conclusions de l'expédition de M. de Novicow[3] dont j'espère pouvoir placer des copies dans le dossier du jour.

Nous tenons à maintenir intacte notre entente avec le cab[ine]t de Vienne et ne cherchons par conséquent que des résultats possibles. La Porte doit donc être rassurée sur l'action des Puissances et elle doit être assez éclairée sur ses propres intérêts pour l'accepter et la seconder.

Il eût certainement été désirable qu'à côté des améliorations administratives et fiscales on pût procéder à reviser la constitution féodale de la propriété foncière. Tous les gouv[ernemen]ts de l'Europe ont dû accomplir cette tâche et notre auguste maître vient d'en donner un exemple éclatant.

Nous comprenons les difficultés particulières que rencontre à cet égard le gouv[ernemen]t ottoman. Toutefois l'objection que Safvet pacha déduit du fait que les beys féodaux

de la Bosnie sont musulmans et ont toujours été les plus fermes soutiens de la domination turque, nous parait difficile à admettre. Cela équivaudrait à reconnaître l'incompatibilité de l'islamisme avec tout progrès et l'impossibilité de lui donner une autre base que la force.

Le programme que Mahmoud pacha vous a exposé contredit ces conclusions. Nous aimons donc à espérer que si même les circonstances ces actuelles ne permettaient pas la réalisation immédiate de ces réformes, elles seront du moins étudiées et préparées.

A notre avis la tâche de la diplomatie est de faire entrer la Porte dans cette voie et de l'y maintenir par une pression amicale mais ferme et persévérante.

Si l'on parvenait à la faire aboutir à des résultats tolérables, l'Europe et l'Orient seraient sortis aussi heureusement que possible d'une crise dont les conséquences pouvaient être dès plus graves.

Recevez etc...

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 30. Л. 159–162 об. Отпуск.

[1*] *Датируется по док. 17.*

Перевод

Ваше превосходительство опережает намерения его императорского величества, настаивая в депеше под № 213 на необходимости сохранения согласия и действия кабинетов как для удержания репрессий турок в определенных границах, если попытка консулов потерпит неудачу[1], так и для придания серьезного и практического характера административным реформам.

Мы настаивали на этом пункте в Берлине и Вене.

Согласно последней информации г-на Новикова, граф Андраши не против продолжения посреднической деятельности консулов. Наш посол не сомневается в том, что венский кабинет, отвергая решения, противоречащие целостности Османской империи, со всей решимостью добивается действенного улучшения положения восставшего населения.

По мнению барона Гофмана, правительство Австрии пошло бы даже на то, чтобы, в случае необходимости, поддержать урегулирование, аналогичное тому, которое было принято в отношении Сирии и Ливана[2].

Мы не в состоянии на расстоянии, на котором мы находимся от места событий, сейчас высказать свою точку зрения на то, какие реформы должны быть предложены.

Эту задачу нужно, по нашему мнению, оставить представителям в Константинополе. Они одни в состоянии оценить, с одной стороны, местные требования по данным консулов, а с другой, возможные претензии к турецкому правительству.

Все, что мы желаем, это чтобы реформы были реальными и практическими, чтобы они не оставались мертвой буквой, как предшествующие, и чтобы

они не были восприняты как направленные исключительно на то, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение Европы.

Но мы далеки от желания стремиться к радикальным решениям, несовместимым с правами султана, условиями договоров и практической реальностью. В этом плане его величество император полностью согласен с выводами донесений г-на Новикова[3], копии которых, надеюсь, я смогу поместить в ежедневное досье.

Мы стремимся сохранить в неприкосновенности наше согласие с венским кабинетом и, следовательно, стремимся только к реальным результатам. Тем самым Порта должна быть успокоена действиями держав и достаточно просвещена относительно собственных интересов, чтобы принять и поддержать их.

Было бы, разумеется, желательно, если бы помимо административных и фискальных улучшений можно было приступить к пересмотру феодального устройства земельной собственности. Всем правительствам Европы пришлось осуществить эту задачу, и наш августейший государь недавно подал яркий тому пример.

Мы понимаем особые трудности, с которыми сталкивается в этом плане османское правительство. Тем не менее нам трудно принять возражение, которое Сафвет-паша выводит из того, что феодальные беи Боснии — мусульмане, и они всегда являлись самым твердым оплотом турецкого владычества. Это было бы равносильно признанию несовместимости исламизма ни с каким прогрессом и невозможности придать ему другую основу, кроме силы.

Программа, изложенная вам Махмуд-пашой, противоречит этим выводам. Поэтому мы хотели бы надеяться, что даже если нынешние обстоятельства не позволят немедленно реализовать эти реформы, они будут по крайней мере изучены и подготовлены.

На наш взгляд, задача дипломатии состоит в том, чтобы позволить Порте вступить на этот путь и с помощью дружеского, но твердого и настойчивого подталкивания не дать ей сойти с него.

Если удастся создать для нее условия для достижения приемлемых результатов, то Европа и Восток по возможности счастливо выйдут из кризиса, последствия коего могли бы быть самыми серьезными.

Примите и проч. ...

[1] По предложению А. С. Ионина в августе 1875 г. была создана комиссия из консулов стран — гарантов Парижского договора 1856 г. для изучения причин восстания и принятия мер к его прекращению. От России туда вошел консул в Шкодре И. С. Ястребов. Консулы собрались в Мостаре, а затем объехали территорию Герцеговины, где встречались с повстанцами и населением. Собрав большой материал о бедственном положении населения и злоупотреблениях турецких властей, а также рассмотрев требования повстанцев, консулы разработали программу мер по улучшению положения христиан. Однако Порта при поддержке английского кабинета отказалась пойти на какие-либо уступки, тем более что консулы не имели полномочий от имени держав гарантировать проведение в жизнь предлагаемых ими реформ (см.: *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы... С. 146–150).

[2] Имеются в виду события 1860 г. в Сирии и Ливане: спровоцированные Портой при поддержке западных держав национально-конфессиональные столкновения в Ливане и христианский погром в Дамаске. Франция оккупировала Сирию, но под давлением других европейских держав вывела свои войска. В 1861 г. представителями России, Англии, Франции, Пруссии и Австрии было подписано международное соглашение об автономии горного Ливана во главе с губернатором-христианином, назначаемым Портой.

[3] См. док. 16.

19

Депеша А. Г. Жомини Н. П. Игнатьеву об умеренности и взаимодействии с союзными кабинетами как основах политики России в боснийско-герцеговинском вопросе

28 августа 1875 г.

Les dépêches que vous recevez aujourd'hui soit un commentaire des annotations de sa majesté l'empereur sur vos rapports du 21 août.

Je me fais un devoir d'ajouter que notre auguste maître est on ne peut plus satisfait de toute la marche que vous avez suivie. Il était impossible d'être plus correct et de mieux comprendre et exécuter les intentions de sa majesté impériale.

Il parait évident que le mouvement en Herzégovine est destiné à avorter. Il n'avait ni l'entraînement spontané d'un élan national irrésistible ni la maturité d'un plan bien combiné et préparé. L'hésitation, le manque de ressources et de direction le condamnaient d'avance à un échec certain.

L'agitation a été factice, provoquée par des meneurs du dehors qui ont exploité l'ignorance et les maux réels des populations. Le caractère révolutionnaire cosmopolite qu'elle prend de plus en plus, achève de la perdre.

L'Autriche ne peut évidemment pas favoriser la création à ses côtés d'un foyer révolutionnaire slave qui bouleverserait ses provinces limitrophes.

Notre auguste maître ne saurait aucunement faire de ces intrigues antisociales, une question russe et se séparer sur un pareil terrain de l'Autriche, dont l'accord est une nécessité fondamentale de notre politique dans la situation présente de l'Europe.

Ces considérations ont été parfaitement comprises et développées par M. de Novicow[1].

Je ne pourrai malheureusement pas vous donner copie de toute son expédition. Mais vous aurez au moins ses deux lettres particuliaires. Notre auguste maître en approuve complètement les conclusions.

Elles tracent clairement la marche à suivre.

Il y a une distinction à faire entre les instigateurs de ces troubles et les malheureux qui en sont victimes. A l'égard des premiers il n'y a pas lieu d'observer des ménagements qu'ils ne méritent guère. Le langage des cabinets doit être ferme et catégorique. S'il n'est pas écouté on ne saurait empêcher l'usage de la force. Mais les seconds doivent être préservés de rigueurs inutiles et mis à même d'obtenir satisfaction de leurs griefs légitimes. Tout le monde est intéressé à supprimer autant que possible ce prétexte d'agitations périodiques.

Telle semble être la double tâche des consuls. Nous en reconnaissons les difficultés. Néanmoins on peut expérer que sur ce terrain de modération et d'équité l'accord des cabinets se maintiendra et préservera également la Porte des entraînements auxquels elle pourrait être poussée.

Vous avez parfaitement préparé les voies dans la direction de la pensée de notre auguste maître.

Les Serbes, d'après nos nouvelles les plus récentes, inclinent décidément à la paix. Leur attitude influera sur celle du Monténégro. Quelles que soient les difficultés de la position

du p[rin]ce Nicolas, il est encore maître de la situation, et n'a fait entrevoir aux trois consuls l'impossibilité de résister aux exigences nationales, que dans le cas où la Serbie entrerait en lice. Ce cas ne semble guère à prévoir. Il serait insensé aux deux pays de se lancer dans une lutte inégale au moment où l'insurrection faiblit, où les Turcs ont concentré leurs forces et où les cabinets se sont clairement et unanimement prononcés pour l'apaisement.

D'autre part, les Turcs ont été mis en garde contre toute velléité d'aggression nonprovoquée, soit contre la Serbie, soit contre le Monténégro. Ils ont donné les meilleurs assurances. Il nous semble donc que l'action ultérieure se trouve circonscrite dans les limites qui permettent de ne point désespérer d'une issue pacifique.

La solution sera d'autant meilleure qui l'union des cabinets se maintiendra intacte.

Le fait seul de cet accord est un événement bien rare en Orient. Il ôte en tout cas à cette crise son caractère aigu.

Aussi sommes nous décidés à faire tout notre possible pour le conserver. Vous y contribuerez certainement de tous vos efforts.

Il ne vous aura pas échappé que ceux qui se sentent gênés par cet accord ne se refusent pas à certaines tentatives pour le troubler. C'est peut-être à ce désir qu'il faut attribuer le singulier revirement de la presse anglaise et ses prédilections inattendues pour l'autonomie de la Bosnie et de l'Herzégovine. La presse allemande soutient la même thèse, peut-être avec la même thèse, peut-être avec la même intention. C'est du moins notre impression, elle est partagée par M. de Novicow.

C'est une raison de plus pour nous de ne point dévier de la voie où nous nous sommes placés dès le début et qui a pour but de faire de notre entente avec le cabinet de Vienne le pivot d'un accord gênerai.

C'est la volonté formelle de notre auguste maître.

Je n'ai pas manqué de transmettre à Berlin et à Vienne notre opinion sur la nécessité de maintenir le centre et la direction de l'action collective à Constantinople. Le chargé d'affaires d'Allemagne m'a toutefois signalé une difficulté. M. de Lichtenberg, étant consul à Raguse, relevé de l'ambassade d'Allemagne à Vienne. C'est donc de là qu'il doit recevoir ses instructions. Toutefois, le baron d'Alvensleben pense que cela ne l'empêchera pas de se conformer à la direction générale concertée par les trois ambassadeurs à Constantinople.

Recevez, etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 30. Л. 539–543 об. Отпуск.

Перевод

Депеши, получаемые вами сегодня, являются комментарием к замечаниям его императорского величества на ваши донесения от 21 августа.

Считаю своим долгом присовокупить, что наш августейший государь как нельзя более удовлетворен всеми предпринятыми вами действиями. Невозможно быть более корректным и лучше понимать и воплощать намерения его императорского величества.

Представляется очевидным, что движение в Герцеговине обречено на неудачу. Не было ни стихийного увлечения непреодолимым национальным порывом, ни зрелости хорошо скомбинированного и подготовленного плана. Колебания, отсутствие ресурсов и руководства заранее обрекали его на верный провал.

Агитация была лживой, спровоцированной извне главарями, которые воспользовались невежеством и реальными бедствиями населения. Революционно-космополитический характер, который она все больше и больше принимает, обрекает ее на провал.

Австрия явно не может благосклонно относиться к созданию у себя под боком славянского революционного очага, который будоражил бы ее смежные провинции.

Наш августейший государь никоим образом не согласился бы на то, чтобы эти противообщественные интриги считались русским вопросом в отрыве от подобного же вопроса в Австрии, соглашение с которой является коренной необходимостью нашей политики в теперешней ситуации в Европе.

Эти соображения были превосходно поняты и развиты г-ном Новиковым[1].

Я не могу, к сожалению, дать вам копии всех его донесений. Но вы получите по крайней мере два его частных письма. Наш августейший государь полностью одобряет изложенные в них заключения.

Они ясно определяют линию дальнейших действий.

Есть разница между подстрекателями этой смуты и несчастными, явившимися ее жертвами. В отношении первых не стоит разводить церемонии, коих они вовсе не заслуживают. Слово кабинетов должно быть твердым и категоричным. Если к нему не прислушаются, придется применить силу. Вторых же следует уберечь от ненужных суровых мер и создать условия для удовлетворения их законных жалоб. Все заинтересованы в том, чтобы, насколько возможно, устранить этот повод, исходящий от периодической агитации.

Такой представляется двойная задача консулов. Мы признаем ее трудности. Тем не менее можно надеяться, что на основе этого принципа умеренности и равноправия договоренность между кабинетами сохранится, а равно и предохранит Порту от увлечений, к которым она может быть склонена.

Вы прекрасно подготовили почву в направлении мыслей нашего августейшего государя.

Сербы, согласно самым последним нашим данным, решительно склоняются к миру. Их позиция окажет влияние на позицию Черногории. Каковы бы ни были трудности положения князя Николая, он еще хозяин положения и поставил трех консулов в известность о невозможности противостоять национальным требованиям только в случае, если Сербия вступит в войну. Такого случая, кажется, пока не предвидится. Для обеих стран было бы безумием ввязываться в неравную борьбу в момент, когда восстание ослабевает, когда турки сконцентрировали свои силы и когда кабинеты ясно и единодушно высказались за успокоение.

С другой стороны, турки предупреждены против всяких попыток неспровоцированной агрессии как против Сербии, так и против Черногории. Они дали в связи с этим самые твердые заверения. Поэтому нам представляется, что дальнейшие действия окажутся очерченными рамками, которые дают возможность мирного выхода из положения.

Решение будет настолько хорошим, насколько сохранится в целости союз кабинетов.

Сам факт этого соглашения есть событие довольно редкое на Востоке. Во всяком случае, он снимает остроту данного кризиса.

Мы также решили сделать все возможное, чтобы его сохранить. Вы, безусловно, приложите к этому все усилия.

От вас не укроется, что те, кто чувствует себя ущемленными этим соглашением, не откажутся от определенных попыток нарушить его. Может быть, этому желанию следует приписать редкостное оживление английской прессы и ее неожиданную приверженность идее автономии Боснии и Герцеговины. Германская пресса поддерживает тот же тезис, вероятно, с тем же намерением. Таково, по крайней мере, наше впечатление, его разделяет г-н Новиков.

В этом еще одна причина для нас не отклоняться от пути, на который мы вступили с самого начала и который направлен на то, чтобы сделать наше согласие с венским кабинетом стержнем всеобщего согласия.

Такова непреклонная воля нашего августейшего самодержца.

Я не преминул сообщить в Берлин и Вену наше мнение о необходимости поддержания равновесия и предпринятая коллективных действий в Константинополе. Поверенный в делах Германии, тем не менее, указал мне на одну трудность. Г-н Лихтенберг, назначенный консулом в Рагузу, оставляет посольство Германии в Вене. Это значит, что инструкции он должен получить оттуда. Все же барон Альвенслебен думает, что это не помешает сообразовываться с общим направлением, согласованным тремя послами в Константинополе.

Примите и проч.

[1] См. док. 16.

20

Донесение Н. П. Игнатьева А. Г. Жомини о беседе с представителем герцеговинских повстанцев относительно перспектив восстания и о позиции России

№ 226 28 августа (9 сентября) 1875 г. Буюкдере

Très confidentielle

Monsieur le baron!

Un des chefs du mouvement herzégovinien m'a adressé dernièrement une lettre dans laquelle il m'expose l'état de l'insurrection et demande des conseils en envoyant à cet effet auprès de moi un de ses affidés Sieur Petrovitch. Je connaissais personnellement tant celui qui s'adressait à moi que son messager pour avoir été dans le cas de leur rendre service lorsque les vicissitudes d'une des levées de boucliers antérieures en Herzégovine les avaient mis entre les mains de la justice ottomane.

Selon leurs assurances qui portent évidemment le caractère d'une exagération optimiste, le mouvement serait étendu à toute l'Herzégovine et même à la Bosnie[1], mais n'éclaterait que là où on serait sûr du succès, — les insurgés évitant avant tout de combattre en campagne ouverte. L'enthousiasme des populations locales serait immense et puiserait un soutien dans les sympathies ouvertes des Serbes, des Monténégrins et des Slaves des provinces limitrophes de l'Autriche. Tous les acteurs des anciens soulèvements bosno-herzégoviniens seraient venus reprendre leurs places dans les rangs des insurgés parmi lesquels se trouveraient quelques garibaldiens. Les Polonais en seraient tenus soigneusement à l'écart, nais en revanche on compterait sur le concours d'environ 6000 granitchars. Les chefs du mouvement chercheraient avant tout à faire durer la lutte assez longtemps pour forcer la main aux princes de Serbie et de Monténégro, dont les sujets ne demanderaient qu'à y prendre part. Le côté faible de l'insurrection serait ses ressources matérielles. On manquerait d'argent et de bonnes armes.

En me dépéchant de la frontière bosno-autrichienne un des meneurs, mon correspondant me priait de lui déclarer ouvertement si l'insurrection pouvait compter sur un soutien moral et pécuniaire de notre part, si elle devait organiser un gouvernement provisoire, réclamer les droits, des belligérants, ou bien-attendre la participation de l'une des provinces autonomes de la péninsule balcanique.

«...On nous assure, est-il dit dans la lettre, que la Russie, d'accord avec l'Allemagne et l'Autriche-Hongrie, déclare vouloir maintenir le statu quo en Turquie. Il nous paraît impossible que nous puissions être abandonnés par vous dans ce moment suprême. Je tâche donc d'expliquer l'abstention de la Russie par la nécessité politique de rester correcte, jusqu'à ce qu'elle puisse intervenir en notre faveur...»

Ayant questionné en détail le sieur Petrovitch sur les forces et les espérances des insurgés, j'ai blâmé dans les termes les plus sévères leur folle entreprise et les illusions que ses chefs entretenaient parmi nos coreligionnaires pour les exciter à la résistance. Je me suis efforcé de lui démontrer que le mouvement était tout-à-fait intempestif et ne présentait aucune garantie de succès. Avec les 1 500 fusils se chargeant par la culasse qu'ils possédaient, les insurgés ne pourraient pas résister longtemps à 100 000 hommes de troupes turques bien armés qui seront réunis bientôt sur le théâtre de la lutte. Les Puissances étaient décidées à ne pas intervenir en faveur des révoltés, et pour la Russie, quelle que soient ses sympathies pour la cause des chrétiens, elle désapprouvait cette insurrection et ne saurait pour complaire à ses coreligionnaires mal avisés et trop entreprenants, affronter les dangers de complications européennes, ni laisser s'ouvrir toute la question d'Orient dans un moment inopportun en marchant à la remorque de quelques agitateurs.

Mon interlocuteur m'assura d'un ton convaincu qu'ils regrettaient amèrement d'avoir mécontenté la Russie, mais que le poids du joug turc était devenu trop lourd, et, décidés à mourir pour la cause nationale, les Herzégoviniens et les Bosniaques espéraient suppléer par l'enthousiasme à la puissance des forces organisées. Ils étaient sûrs d'avoir raison des troupes ottomanes mais craignaient l'hostilité de l'Autriche dont l'intervention armée les placerait entre deux feux et les livrerait complètement à la merci des oppresseurs. Toutefois jusqu'à l'heure de son départ les autorités austro-hongroises ne mettaient aucune entrave à leur action.

Après une discussion prolongée sur les chances du mouvement, je parvins, non sans peine, à convaincre l'infortuné délégué des insurgés que l'entreprise n'était pas viable. Il fondit en larmes et finit par m'adresser la demande ce qu'ils devaient faire: «présenter leurs gorges au couteau» ou résister à outrance, réduits à leur propre insuffisance. Je lui indiquai la mission des consuls et l'envoi de Server pacha, cornue un moyen de sortir de l'impasse où ils s'étaient placés. «Il est de votre intérêt, lui dis-je, de saisir cette occasion unique pour faire entendre vos voeux avant que la concentration de toutes les forces des Turcs ne rende ceux-ci moins traitables. Vous aurez obtenu ainsi, grâce à la Russie, qu'après un seul mois de lutte, il y aura déjà un commissaire extraordinaire du sultan pour recueillir vos plaintes et les délégués des ambassades pour vous servir d'intermédiaires officieux. En attendant, le sang généreux dont vous êtes si prodigue ne coulera pas en vain, — vous le réserverez pour des temps meilleurs et des circonstances plus favorables».

Le sieur Petrovitch m'exprima alors le voeu que les provinces révoltées puissent obtenir une autonomie dont ils voudraient user plus tard pour acclamer comme chef le prince Nicolas de Monténégro. Je lui démontrai l'impossibilité d'obtenir cette concession. Si les insurgés avaient occupé tout le pays et chassé entièrement les Turcs, ce fait accompli pourrait servir de base à une semblable demande qui risquait même, alors d'être péremptoirement refusée par la Porte, mais dans les circonstances données, les chrétiens ne pouvaient tendre qu'à respirer plus librement en obtenant, sous l'égide des consuls, quelques concessions administratives.

C'est en étouffant des sanglots que le S[ieu]r Petrovitch me quitta après m'avoir promis de rendre un compte exact de mes paroles décourageantes. Ce qui a le plus abattie ses espérances — c'est l'entente des trois cours résolues à maintenir la paix.

Selon lui, ses récits sur notre entretien ne manqueront pas de produire une profonds impression dans le nord de la Bosnie où il allait se rendre en vue du mouvement qui devait s'y accentuer et qu'il voulait arrêter ou modérer. J'appris en effet quelque

temps plus tard que l'insurrection avait perdu sa force dans ces contrées. C'est ce qui m'a décidé a rendre compte au ministère impérial de cet incident qui a eu lieu dans les premiers jours de ce mois et auquel je n'avais attaché d'abord que fort peu d'importance.

Veuillez agréer, monsieur le baron, l'assurance de ma haute considération

N. Ignatiew

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 27. Л. 494–490. Подлинник.

Перевод

Весьма конфиденциально

Господин барон!

Один из предводителей герцеговинского движения недавно прислал мне письмо, в котором он описывает ход восстания и спрашивает моих советов, направляя для этой цели ко мне одного из своих доверенных лиц г-на Петровича. Я лично знал как того, который обратился ко мне, так и его посланца, т. к. во время одного из предыдущих народных восстаний в Герцеговине, когда они попали в руки османской юстиции, мне удалось оказать им услуги.

По их заверениям, которые очевидно носят характер оптимистического преувеличения, движение распространилось на всю Герцеговину и даже Боснию[1], но вспыхнуло только там, где была уверенность в успехе, поскольку повстанцы в основном избегают боев на открытой местности. Энтузиазм местного населения огромен и черпает поддержку в открытом сочувствии сербов, черногорцев и славян соседних провинций Австрии. Все участники прежних боснийско-герцеговинских восстаний примкнули к восставшим, среди них имеется несколько гарибальдийцев. Поляков, по их словам, тщательно держат в стороне от восстания, но зато рассчитывают на помощь около 6 тыс. граничар. Вожди восстания прежде всего стремятся продлить борьбу достаточно долго, чтобы принудить к действию князей Сербии и Черногории, подданные коих только и жаждут принять в ней участие. Слабой стороной восстания являются материальные ресурсы. Не хватает денег и хорошего оружия.

Направив ко мне с боснийско-австрийской границы одного из главарей, мой корреспондент попросил меня заявить открыто, может ли восстание рассчитывать на моральную и финансовую поддержку с нашей стороны, следует ли в ходе него организовать временное правительство, потребовать для себя права воюющей стороны или же ожидать участия в войне одной из автономных провинций Балканского полуострова?

«...Нас уверяют, — говорится в письме, — что Россия, по соглашению с Германией и Австро-Венгрией, заявляет о своем желании сохранить статус-кво в Турции. Нам кажется невозможным, что мы можем быть покинуты вами в этот наивысший момент. Я стараюсь поэтому объяснить невмешательство России политической необходимостью остаться корректной до тех пор, пока она не сможет открыто выступить в нашу пользу...»

Подробно расспросив г-на Петровича о силах и планах восставших, я в самых строгих выражениях осудил их безумное предприятие и иллюзии, которые поддерживают его вожди среди наших единоверцев, чтобы побудить их к сопротивлению. Я постарался ему показать, что движение является совершенно несвоевременным и не имеет никаких шансов на успех. Имея на вооружении 1 500 ружей, заряжающихся с казенной части, повстанцы не смогут долго противостоять хорошо вооруженным турецким войскам численностью в 100 тыс. человек, которые вскоре будут собраны на театре военных действий. Державы решили не вмешиваться, принимая сторону восставших, а что касается России, то каковы бы ни были ее симпатии к делу христиан, она не одобряет этого восстания и не может в угоду своим недальновидным и слишком рьяным единоверцам, идти на риск осложнений в Европе и допустить пересмотр всего Восточного вопроса в неподходящий момент, идя на поводу у кучки агитаторов.

Мой собеседник убежденным тоном заверил меня в том, что они горько сожалеют о том, что вызвали недовольство России, но что турецкое иго стало слишком тяжелым, и, решившись погибнуть за национальное дело, герцеговинцы и боснийцы надеются восполнить энтузиазмом мощь регулярной армии. Они уверены в том, что одолеют османские войска, но опасаются враждебности Австрии, военное вмешательство которой поставило бы их меж двух огней, полностью отдало бы их на милость угнетателей. Тем не менее вплоть до его отъезда австро-венгерские власти ничем не препятствовали их действиям.

После долгих споров о шансах движения мне удалось не без труда убедить несчастного делегата повстанцев в том, что данное предприятие неосуществимо. Он разразился слезами и под конец спросил меня, что же им делать: «сдаться, подставив горло под нож», или сопротивляться до последней крайности своими незначительными силами? Я указал ему на миссию консулов и посылку Сервер-паши как на средство выхода из тупика, в котором они оказались. «В ваших интересах, — сказал я ему, — воспользоваться этим единственным случаем, чтобы высказать свои пожелания до того, как концентрация всех сил турок сделает их менее сговорчивыми. Таким образом, благодаря России вы добьетесь того, что всего лишь после месяца борьбы к вам уже будет направлен с чрезвычайными полномочиями комиссар султана для приема ваших жалоб, а также представители посольств в качестве официальных посредников. Тогда благородная кровь, которую вы не жалеете, не будет пролита напрасно — вы сохраните ее для лучших времен и более благоприятных обстоятельств».

Тогда г-н Петрович высказал мнение о том, что восставшие провинции могли бы добиться автономии, которой они хотели бы воспользоваться позднее, чтобы перейти под власть черногорского князя Николая. Я показал им невозможность добиться этой уступки. Если бы восставшие заняли всю страну и полностью изгнали турок, этот свершившийся факт мог бы послужить основой для подобного требования, которое и в этом случае рискует быть категорически отвергнутым Портой, но в данных обстоятельствах христиане могут рассчитывать лишь на передышку, добившись под эгидой консулов некоторых административных уступок.

Подавляя рыдания, г-н Петрович покинул меня, обещав мне перед тем в точности передать своим соратникам смысл моих неутешительных слов. Что особенно разрушило его надежды, так это согласие трех дворов о необходимости сохранения мира. По его словам, его рассказы о нашем разговоре обязательно произведут глубокое впечатление на севере Боснии, куда он был намерен отправиться по делам, связанным с движением, которое должно там усилиться и которое он хочет остановить или сделать более умеренным. Действительно, несколько позднее я узнал, что восстание в этих краях ослабло. Все это побудило меня дать отчет императорскому министерству об этом инциденте, имевшем место в первые дни нынешнего месяца и которому я придал вначале очень мало значения.

Примите, господин барон, уверение в моем высоком почтении

Н. Игнатьев

[1] Восстание в Боснии вспыхнуло 15 августа, охватив значительные территории между реками Уной, Врбасом и Савой, городами Нови, Приедором, Баня Лукой. Повстанцы осадили города Приедор, Костайницу, Дубицу, Орахово, Градишку. Затем восстание распространилось на северо-восток и юго-запад Боснии. Области, компактно населенные мусульманами, участия в восстании не принимали. По сравнению с Герцеговиной условия борьбы в Боснии, как внешние, так и внутренние (межнациональные и межконфессиональные), были более сложными (подробнее о ходе восстания в Боснии см.: *Пелагић В.* Босанско-Херцеговачке буне... С. 66–156; Буне и устанци... С. 112–164; *Ekmecić M.* Ustanak u Bosni; а также док. 24, 26, 31, 107 и др.).

21

Обращение комиссара Порты Сервер-паши к герцеговинским повстанцам с призывом прекратить восстание и с обещанием рассмотреть их требования

29 августа (10 сентября) 1875 г. Мостар

U izdanim vam objavam od 26. avgusta 1875 naznačio sam vam, da sam naimenovan i poslan, od strane njegovog veličanstva našeg premilostivog cara; da razvidim stanje i potrebu ove pokrajine; i da saslušam vaše tužbe. Naznačio sam vam takodjer da su vam vrata pravde otvorena i da će vam se pravedno rieSiti, ako bi ostavili taj put koji ste uzeli po nagovoru njeki buntovnikah, ter se budete povratiti u vaša sela gdi se trebate baviti s vašim poslovima. Evo dakle sam sastavio jedan izvanredni sud, koji će biti jedna iskra milosti njegovog veličanstva premilostivog cara, prama vama. Svake vaše molbe i tužbe biti pregledane, i po zakonu pod mojom upravom očito i pravedno riešene, i zakonite osude biti će odmah izvršene. Neka je svakomu na znanje, objavljuje se.

Presjednik Velikog savjeta carigradskog Server-pasa

РГВИА. Ф. 261. Оп. 1. Д. 17. Л. 2. Типогр. экз.

22

Письмо Александра II германскому императору Вильгельму I с предложением предпринять коллективный демарш европейских кабинетов в защиту христианского населения Боснии и Герцеговины

30 августа (11 сентября) 1875 г. Царское село

Mon cher oncle!

En vue des événements qui se passent en Turquie et qui pourraient avoir les conséquences les plus graves pour le repos de l'Europe, il me semble que *notre entente à trois* est plus désirable et urgente que jamais. Mais pour qu'elle puisse être efficace il faut qu'elle soit mutuellement franche et sans arrières pensées. C'est pour cela que je m'adresse à vous, comme à mon meilleur ami, avec toute la franchise que vous me connaissez.

Il s'agit de prévenir, s'il est encore possible, la dissolution complète de l'Empire ottoman en Europe, non certes pas à cause de sa perfection mais parce que nous serions tous embarassés par quoi et par qui le remplacer. D'un autre côté, nous autres puissances chrétiennes pouvons nous voir de sang froid les musulmans opprimer, par toutes sortes de vexations sans nom, les sujets chrétiens de la Porte que ces vexations ont fini par pousser à la révolte et qui, si nous les abandonnons, risquent d'être dessimés, si non anéantis dans une lutte inégale avec l'islamisme.

L'Autriche comme la plus proche voisine et ayant dans ses propres frontières des nationalités de la même origine, devrait être la plus intéressée. C'est pour cette raison que j'ai désiré que le comte Andrassy prenne l'initiative de l'entente avec nos ambassadeurs à Vienne et j'ai vu avec plaisir que vous aviez abondé dans mon sens. L'envoi des notes identiques à Constantinople et celui de nos consuls sur les lieux même des désordres, en a été la conséquence. Dieu donne qu'elles ne restent pas sans résultats. Il me répugne d'admettre que la partie saine des insurgés, ceux notamment qui ne se sont soulevés que contre les intolérables vexations du régime fiscal et agraire de la Porte, puisse être aveuglé à ce point de repousser les efforts médiateurs de l'Europe. Mais en supposant même que la dernière heure de l'insurrection ait sonné, il me semble que nous devrions engager tous les cabinets chrétiens à se joindre à nous, pour faire une démarche à Constantinople afin de soulager les misères des chrétiens domptés. En même temps nous ne pouvons nous dissimuler que l'insurrection en l'Herzégowine prend de plus en plus un caractère révolutionnaire. Inaugurée sous le drapeau autrichien et mise en en scène par des prêtres catholiques qui ont lâchement déserté la cause lorsqu'ils ont compris qu'elle ne marchait pas, elle est exploitée à l'heure qu'il est par l'«Omladina» serbe, une association radicale, socialiste et athée et qui compte dans ses rangs des révolutionnaires de la pire espèce de tous les pays et même des garibaldins[1]. Il me semble qu'il n'en est que plus urgent d'y mettre fin aussitôt que possible. Le moment actuel où toutes les Puissances signataires du traité de Paris se trouvent réunies par le lien d'une communauté plus ou moins apparente de vues, me semble assez décisif pour y vouer toute notre attention.

Le bon vouloir du cab[inet] de Versailles contractant avec l'attitude énigmatique de Londres où d'une part le gouvernement se fait prier par la Turquie d'accéder aux

démarches des Puissances chrétiennes et où de l'autre, le vieux lord Russel contribue aux collectes d'argent en faveur des insurgés et où le «Times» propose l'érection de la Bosnie et de l'Herzégowine en états semi-indépendants sous le protectorat nominal de la Turquie et réel de l'Autriche, ne sont ce pas des ballons d'essé pour nous brouiller avec le cab[ine]t de Vienne et n'y voit on pas l'arrière pensée de relâcher le faisceau des trois empires, qui doivent tenir tête aux envahissements de l'esprit socialiste et révolutionnaire en Europe. Je me semble aussi que notre entente à trois est la meilleure garantie contre toute velléité d'annexion de la part de l'Autriche qui serait tout à fait en contradiction avec les assurances que le c[om]te Andrassy nous avait données à plusieurs reprises. Je crois aussi devoir attirer votre attention sur le langage des journaux de Berlin, qu'on croit à tort ou à raison recevoir le mot d'ordre de votre chancelier et qui s'expriment à peu près dans le même sens que le «Times» et assez malveillant pour la Russie. Or cela me ramène à ce que j'ai dit au commencement de cette lettre, cet-à-dire à l'urgence de maintenir notre entente à trois intacte et éloigner, par de franches explications, tout ce qui pourrait y nuire. Vous connaissez la confiance que j'ai en vous, aussi suis-je persuadé que vous tâcherez d'y contribuer autant que moi pour le repos et le bien de nos empires et de l'Europe entière.

Il me reste à vous remercier, mon cher oncle, pour vos deux billets d'Ems, auxquels je ne vous avais répondu que par télégraphe, en chargeant le général de Werder, comme vous me l'aviez indiqué, de porter à votre connaissance la notice du ministre Valoujew au sujet de l'affaire à laquelle vous vous étiez intéresse. J'espère qu'on pourra y donner suite dans le courant de l'hiver.

Me voilà à la veille de mon départ pour la Crimée, d'où je ne pense revenir qu'à la fin de novembre. La santé de ma femme se soutient et elle me charge de mille amitiés pour vous. Dieu donne que vous ne vous fatiguiez pas trop pendant toutes vos revues et votre voyage projeté en Italie. J'aime à compter sur votre amitié comme vous pouvez compter sur la mienne.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 4. Л. 2–4 об. Копия.

Перевод

Мой дорогой дядя!

Ввиду событий, которые происходят в Турции и которые могут иметь самые серьезные последствия для спокойствия Европы, мне кажется, что *наше тройственное согласие* желательно и неотложно как никогда. Но для того, чтобы оно могло быть эффективным, необходима взаимная откровенность без задних мыслей. Именно поэтому я обращаюсь к вам как к своему лучшему другу, со всей откровенностью, известной вам.

Речь идет о предотвращении, если это еще возможно, полного распада Османской империи в Европе, конечно, не потому что она так совершенна, а потому что мы все были бы поставлены в затруднительное положение, кем и чем ее заменить. С другой стороны, можем ли мы, христианские державы, хладнокровно

смотреть на то, как мусульмане всеми видами притеснений, коим нет описания, угнетают христианских подданных Порты, которых эти притеснения подвигли на бунт и которые, если мы их покинем, рискуют быть подвергнутыми опустошению, если не полному истреблению в неравной борьбе с исламизмом?

Австрия как наш самый ближайший сосед, имеющий к тому же на своей территории национальности того же происхождения, должна быть самой заинтересованной стороной. Именно по этой причине я хотел, чтобы граф Андраши взял на себя инициативу заключения соглашения с нашими послами в Вене, и я с удовольствием увидел, что и вы того же мнения. Следствием этого была посылка идентичных нот в Константинополь и направление наших консулов на места беспорядков. Дай Бог, чтобы это не осталось безрезультатным. Мне неприятно признаться в том, что здоровая часть инсургентов, особенно те, кто восстал лишь против невыносимых притеснений фискального и аграрного режима Порты, может быть до такой степени слепа, чтобы отвергнуть посреднические усилия Европы. Но даже если предположить, что последний час восстания пробил, мне кажется, что мы должны пригласить все христианские кабинеты вместе с нами предпринять демарш в Константинополе с тем, чтобы облегчить бедствия покоренных христиан. В то же время мы не можем от себя скрывать, что восстание в Герцеговине все более принимает революционный характер. Начавшись под австрийским знаменем и организованное католическими священниками, которые трусливо отошли от борьбы, когда они поняли, что дело клонится к поражению, оно эксплуатируется в настоящее время сербской «Омладиной» — радикальной, социалистической и атеистической ассоциацией, в которую входят революционеры худшего пошиба изо всех стран и даже гарибальдийцы[1]. Мне кажется как нельзя более настоятельным положить этому конец как можно скорее. Настоящий момент, когда все державы, подписавшие Парижский договор, объединены узами более или менее очевидной общности взглядов, представляется мне в достаточной степени решающим, чтобы посвятить этому все наше внимание.

Благожелательность версальского кабинета, контрастирующая с загадочной позицией Лондона, где, с одной стороны, правительство заставляет Турцию себя упрашивать присоединиться к демаршам христианских держав, а с другой стороны — старый лорд Рассел вносит пожертвования на помощь инсургентам, а «Таймс» предлагает преобразовать Боснию и Герцеговину в полунезависимые государства под номинальным протекторатом Турции и реальным — Австрии, не есть ли это пробные шары для того, чтобы поссорить нас с венским кабинетом, и нет ли здесь задней мысли ослабить союз трех империй, кои должны противостоять проискам социалистического и революционного духа в Европе? Мне также кажется, что наше тройственное согласие есть лучшая гарантия против всяких попыток аннексии со стороны Австрии, что совершенно противоречило бы заверениям, даваемым нам неоднократно графом Андраши. Считаю также своим долгом привлечь ваше внимание к тону берлинских газет, который, как полагают, справедливо или нет, инспирирован вашим канцлером, и которые высказываются примерно в том же духе, что и «Таймс», и довольно недоброжелательно по отношению

к России. Но это возвращает меня к тому, о чем я говорил в начале настоящего письма, а именно: о необходимости сохранения нашего тройственного согласия и устранения путем откровенных разъяснений всего, что могло бы ему повредить. Вам известно то доверие, какое я питаю к вам, и я, в свою очередь, убежден, что вы приложите столько же усилий, что и я, ради спокойствия и блага наших империй и всей Европы.

Мне остается поблагодарить вас, мой дорогой дядя, за ваши две записки из Эмса, на которые я ответил телеграфом, поручив генералу Вердеру, как вы мне рекомендовали, довести до вашего сведения справку министра Валуева по вопросу, в котором вы заинтересованы. Надеюсь, этому делу можно будет дать ход в течение зимы.

Вскоре я уезжаю в Крым, откуда думаю вернуться лишь к концу ноября. Моя супруга в полном здравии и посылает вам привет. Дай Бог, чтобы вы не слишком устали в ходе всех ваших проверочных поездок и предполагаемого путешествия в Италию. Рассчитываю на вашу дружбу, как вы можете рассчитывать на мою.

[1] Александр II здесь почти дословно цитирует донесение Е. П. Новикова (док. 16). Это лишний раз свидетельствует о том, что его оценки восстания складывались под влиянием донесений посла в Вене. Новиков и Александр II преувеличивали силу влияния социалистических и атеистических кругов уже распущенной к тому времени «Омладины» на восстание (см. прим. 2 к док. 16). Подобный взгляд на характер восстания в Боснии и Герцеговине вызвал возражения Н. П. Игнатьева, который считал его выдумкой Андраши, видевшего в событиях на Балканах чуть ли не «коммунистическую революцию». Игнатьев справедливо утверждал, что причины восстания лежат в угнетенном положении христианского населения, а не во внешнем влиянии (см.: Н. П. Игнатьев А. С. Ионину 20 ноября 1875 г. и 12 марта 1876 г. ГА РФ. Ф. 730. Д. 89. Л. 73, 104–107).

23

Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини о боевых действиях повстанцев в Герцеговине и о трудностях в работе международной консульской комиссии

№ 175 31 августа (12 сентября) 1875 г. Рагуза

Monsieur le baron!

La délégation internationale est déjà depuis plusieurs jours à Mostar[1], mais les hostilités en Herzégovine ne se discontinuent pas. Il est vrai cependant que les insurgés n'attaquent plus les turcs après leur hardi coup de main sur la ville de Névessigné (la Kassaba); après s'être assuré la possession incontestée des principaux défilés de l'Herzégovine, ayant pris tous les fortins qui auraient pu gêner leurs mouvements dans les montagnes, ils s'occupent à ce qu'il parait à organiser leurs forces, à faire souffrir de la disette les grosses masses des troupes turques, réunies dans les principales places de l'Herzégovine.

Mais les troupes turques ont de leur côté fait dans ces derniers jours plusieurs, attaques contre les positions occupées par les insurgés. Toutes ces attaques leur ont très mal réussi.

J'ai eu déjà l'honneur de signaler les principaux faits d'armes de ces derniers jours, en résumé ils se réduisent à l'exécution de ces deux projets des Turcs ouvrir la communication entre la ligne d'opération Stolać — Mostar et le sud de l'Herzégovine, où les troupes occupant Bileć et Trébigné se trouvent presque isolés, et ensuite profiter du renforcement de la garnison de Trébigné pour disperser les bandes qui menacent cette position et qui se réorganisent à Zoubtzi. Ces deux objectifs ne semblent pas avoir été atteint, bien que dans les positions de Bileć et Trébigné les turcs soient en mesure de disposer d'une dizaine de bataillons. En exécution du premier de ces deux plans, Nedjib-pacha de Bileć, de concert avec quelques troupes, disposées à Lubigné, attaqua les positions des chrétiens dans les environs de Dabra, mais cette attaque a été à ce qu'il parait presque désastreuse pour les turcs qui ont du revenir à leur points du départ.

Hier le consul d'Angleterre à Raguse, faisant provisoirement fonctions du consul de Turquie m'a communiqué le contenu de la lettre qu'il avait reçu de Nedjib-pacha au sujet de cette rencontre; le pacha dit qu'avec trois bataillons il était sorti pour déloger les chrétiens de leurs positions, qu'après un combat acharné il avait occupé ces positions, qu'il les avait tenu jusqu'au soir et revenu ensuite à Bileć. Le nombre des soldats tués le pacha évalue à 30 hommes et les pertes des insurgés à 60. Le pacha ajoute qu'à Bileć ils ont beaucoup de la viande mais pas de pain. Dans la bouche d'un commandant turc ce récit ressemble beaucoup à l'aveu d'une défaite.

Les troupes de Trébigné ne savaient pas non plus profiter de leurs premiers succès — leurs pointes exécutées dans la direction de Bileć et de Zoubzi n'ont pas réussi et les insurgés un moment déconcertés ont presque rétabli le blocus de cette ville. La route de Raguse à Trébigné, la principale artère de ravitaillement de cette ville, n'est pas encore précisément réoccupée par les insurgés, mais elle est si bien surveillée par eux, que déjà un convoie de vivres parti de Raguse Vecchia pour Trébigné il y a quelques jours s'est égaré en chemin sans laisser de traces.

Dans la direction de l'Est, vers Piva, Toschlitza et la frontière serbe, la lutte continue à ce qu'il parait avec le même desavantage pour les turcs, mais je n'en connais pas les détails.

D'après les renseignements, que je crois pouvoir considérer comme exactes, les principales forces de l'insurrection sont ainsi disposées, plus de 2 000 hommes se trouvent entre Névessigné, Trébigné, Stolaz et Bileć surveillant ces places et prêts à répousser les attaques de leurs garnisons. Plusieurs groupes de 500 à 800 hommes dominent le pays du côté de Gatzko, Piva, Scharantzi en donnant la main à l'insurrection au delà de la rivière Lime où dominent déjà les bandes bosniaques formées et soulevées sous l'influence des volontaires venus de la Serbie avec le pop Zarko, mais dont le nombre nous ne connaissons pas.

Les Wassoevici forment une troupe de plus de 1 000 hommes, et les bandes, composées en grande partie des étrangers, qui surveillent Trébigné et Lubigné peuvent monter au nombre de 1 500 combattants.

Ainsi dans l'Herzégovine seule, les insurgés n'ont pas moins de 7 000 combattants, de troupes plus ou moins organisées et mobiles. Dans ce nombre n'est pas compté le district de Nikschić qui a pris les armes tout récemment, provoqué par les musulmans de Nikschić, qui gardaient jusqu'au dernier temps une attitude prudente et presque neutre. Une incursion de ces musulmans dans un village près des frontières du Monténégro qu'ils ont voulu saccager, détermina les chrétiens de ce district de prendre part à l'insurrection.

En général, l'insurrection est loin de décroître, c'est même tout le contraire qu'on peut supposer, et il devient notaire que les forces dont la Turquie dispose aujourd'hui seulement en Herzégovine, de 15 à 20 bataillons, ne peuvent absolument rien contre l'insurrection.

Les commissaires internationaux n'ont pas encore commencé à proprement dire leurs travaux, et il eût été superflu pour le moment de supputer les chances de leur mission, mais il est évident que chaque jour augmente les difficultés qu'ils doivent trouver devant eux, et les turcs ont eu tort de démontrer, par leurs dernières attaques, leur faiblesse, la veille des pourparlers entre les insurgés et les consuls.

Si l'on pouvait encore établir un armistice la mission aurait pu avoir peut-être un résultat — nous aurions pu alors mettre de nouveau enjeu l'influence que nous exerçons à Monténégro, mais il n'est pas probable que les Turcs puissent y consentir et en second lieu, où chercher aujourd'hui les insurgés dispersés sur un énorme espace entre la Dalmatie et la Serbie jusqu'aux confins sud du Monténégro, n'ayant ni commandement unique, ni organisation saisissable.

Le prince Nicolas m'exprime à ce sujet une opinion identique. Il m'écrit:

«La commission devrait pour voir clair tout d'abord obtenir des deux parties belligérentes un armistice. Si la Porte y consentait, ce qui est peu probable, les insurgés ne pourront le faire que très difficilement. L'insurrection ayant embrassé trois vastes provinces, il est humainement impossible aux commissaires de s'aboucher avec les chefs qui combattent chacun séparément et pour son compte. En général je pense que la mission des consuls offre peu de chances de réussite»

Son altesse fait cependant des voeux pour le succès de la commission «qui serait un moyen — dit il — pour moi et pour le prince Milan de nous débarasser n'importe comment de l'horrible impasse où nous nous trouvons».

Les discutions des journaux qui préconisent la création d'un pays autonome de la Bosnie et de l'Herzégovine, affectent beaucoup le prince et son entourage — «nous ne pourrons pas accepter, de coeur joie cette combinaison qui nous étoufferai», — me dit son altesse.

J'ai l'honneur, Monsieur le baron, d'être avec le plus profond respect de votre excellence, le très humble serviteur

A. Ionine

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 747. Л. 266–269. Подлинник.

Перевод

Господин барон!

Международная делегация уже несколько дней находится в Мостаре[1], но военные действия в Герцеговине не прекращаются. Правда, инсургенты больше не нападают на турок после их смелого налета на Невесинье (Касаба); убедившись в беспрепятственном контроле над основными ущельями Герцеговины, захватив все сторожевые башни, которые могли мешать их передвижениям в горах, они, кажется, заняты тем, что организуют свои силы, заставляя страдать от голода основную массу турецких войск, сосредоточенных в главных пунктах Герцеговины.

Но турецкие войска, со своей стороны, совершили в последние дни ряд нападений на позиции, занятые восставшими. Все эти нападения принесли им очень мало успеха.

Я уже имел честь сообщить об основных сражениях последних дней; вкратце они сводятся к исполнению следующих двух замыслов турок: открыть сообщение между оперативным рубежом Столац — Мостар и югом Герцеговины, где войска, занимающие Билеч и Требинье, находятся почти в полном окружении, а затем воспользоваться подкреплением гарнизона Требинье, чтобы рассеять отряды, которые угрожают этой позиции и реорганизуются в Зубцах. По-видимому, обе эти цели не достигнуты, хотя на позициях Билеча и Требинье турки могут располагать десятком батальонов. Во исполнение первого из этих двух планов билечский Неджиб-паша совместно с несколькими частями, дислоцированными в Любинье, атаковал позиции христиан в окрестностях Дабры, но эта атака была, по всей видимости, почти катастрофической для турок, которым пришлось вернуться на исходные позиции.

Вчера консул Англии в Рагузе, временно исполняющий обязанности консула в Турции, сообщил мне о содержании письма, полученного им от Неджиб-паши на тему этого сражения; по словам паши, он вышел с тремя батальонами, чтобы выбить христиан с их позиций; после ожесточенной схватки он занял эти позиции, держал их до вечера, а затем возвратился в Билеч. Число убитых солдат паша оценивает в 30 человек, а потери инсургентов в 60. Паша добавляет, что в Билече имеется много мяса, но нет хлеба. В устах турецкого командира этот рассказ сильно напоминает признание поражения.

Войска из Требинье также не смогли воспользоваться своими первыми удачами — их налеты на Билеч и Зубцы не имели успеха, и повстанцы, пришедшие на какое-то время в замешательство, почти восстановили блокаду этого города. Дорога из Рагузы в Требинье, главная артерия снабжения этого города, еще не вполне вновь заблокирована инсургентами, но они настолько хорошо следят за нею, что обоз с продовольствием, вышедший из Рагузы Веккиа на Требинье несколько дней назад, бесследно заблудился в пути.

В восточном направлении на Пиву, Тошлицу и к сербской границе борьба продолжается, по-видимому, столь же неудачно для турок, но подробности ее мне не известны.

По сведениям, кои я могу считать достоверными, основные силы восстания расположены следующим образом: свыше 2 тыс. человек находятся между Невесинье, Требинье, Столацем и Билечем, ведут наблюдение в этих местах и готовы отразить атаки их гарнизонов. Несколько групп от 500 до 800 человек господствуют над краем со стороны Гацко, Пивы, Шаранцев, давая подспорье восстанию за рекой Лим, где верховодят уже отряды боснийцев, сформированные и восставшие под влиянием волонтеров, пришедших из Сербии вместе с попом Жарко, но числа их мы не знаем.

Жители Вассоевичей образуют отряд более чем в 1 тыс. человек, а отряды, составленные по большей части из иностранцев, ведущие наблюдение за Требинье и Любинье, доходят до 1,5 тыс. бойцов.

Таким образом, в одной Герцеговине восставшие имеют не менее 7 тыс. бойцов более или менее организованных и мобильных войск. В это число не включен уезд Никшич, недавнее восстание в котором было спровоцировано никшичскими мусульманами, сохранявшими до последнего времени благоразумное и почти нейтральное положение. В результате вторжения этих мусульман в деревню возле границ Черногории, которую они хотели разграбить, христиане данного уезда решили принять участие в восстании.

В целом восстание далеко не идет на убыль, наоборот, можно даже предположить обратное, и становится заметно, что силы, коими сегодня обладает Турция в одной лишь Герцеговине — от 15 до 20 батальонов, — абсолютно ничего не могут сделать с восстанием.

Международные комиссары еще не начали свою работу в собственном смысле слова, и пока было бы бесполезно взвешивать шансы их миссии, но очевидно, что с каждым днем растут трудности, с которыми им придется столкнуться, и со стороны турок было бы ошибочно накануне переговоров между повстанцами и консулами показывать свою слабость, как в последних атаках.

Если бы еще можно было заключить перемирие, миссия могла бы, быть может, принести результат — тогда мы могли бы снова пустить в ход влияние, коим мы пользуемся в Черногории, но, во-первых, нет вероятности того, что турки могут с этим согласиться, и, во-вторых, где сегодня искать повстанцев, разбросанных на огромном пространстве между Далмацией и Сербией вплоть до южных границ Черногории, не имеющих ни единого командования, ни осязаемой организации.

Князь Николай выражает по этому поводу аналогичное мнение. Он мне пишет: «Для того, чтобы разобраться в ситуации, комиссия должна была бы прежде всего добиться от обеих воюющих сторон перемирия. Если Порта с этим согласится, что маловероятно, то восставшие могут делать это лишь с большим трудом. Поскольку восстание охватило три обширные провинции, для комиссаров почеловечески непосильно договориться с предводителями, из коих каждый борется в одиночку и на свой страх и риск. В целом я думаю, что миссия консулов дает мало шансов на успех».

Его высочество, однако, желает успеха комиссии, «которая была бы средством, — говорит он, — для меня и князя Милана так или иначе выйти из ужасного тупика, в котором мы находимся».

Дискуссии в газетах, которые ратуют за создание автономного края Боснии и Герцеговины, сильно влияют на князя и его окружение — «мы не сможем принять с радостным сердцем эту комбинацию, которая нас задушит», — заявил мне его высочество.

Остаюсь, господин барон, с глубочайшим почтением вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Ионин

[1] См. док. 18 и прим. 1 к нему.

24

Записка П. Анино о боевых действиях повстанческих отрядов в Герцеговине

4 сентября 1875 г. Сараево

Nouvelles de l'Herzégovine

La nouvelle de la rentrée au Sadaret de s[on] a[ltesse] Mahmoud pacha a été accueillie avec joie par la population bosniaque, laquelle veut des reformes radicales, et de l'énergie envers les administrateurs encroûtés dans la vénalité habituelle. Le remplacement de Dervich pacha n'a pas produit moins de satisfaction. Tous les notables d'ici, tous patriotes ne cachent pas leur antipathie pour le système de duperies, d'escroqueries, de mensonge patronisé par Dervich pacha[1]*. Personne ici ne douté que cet individu ne soit la cause des graves événements dans lesquels a été jeté le pays pour contenter son ambition et sa soif d'or. Attendez seulement! les révélations vont commencer et si Server pacha est patriote et sévère il recueillera assez de témoignages irrécusables des fautes commises par Dervich pacha et sa clique.

D'abord un résumé de la semaine qui a été bien agitée. En Herzégovine tandis que Nedjib pacha porta secours à Trébigné et que Hussein pacha dégagea Bileke et Sélim pacha avec Dedaga Dgenguitch (Dervich pacha) guerroya du côté de Gatzko, les insurgés vinrent dans la nuit du 28–29 attaquer Névesigné dont la plus grande partie fut réduit en cendre. Ce coup hardi entrepris sous le nez du fameux feldmaréchal invincible a consterné ou plutôt affligé les musulmans.

Je le répète des sinistres de ce genre ont de tout temps caractérisé les opérations militaires de Dervich pacha et s'il reste au commandement je n'augure rien de la campagne sinon la perte de cette province.

Mais en Bosnie en voilà bien d'autres. Dervich pacha *restant sourd à nos craintes* de bien garder nos communications avec Senitza et la Roumélie, quelle ne fut la frayeur a Sérajevo, quand tout d'un coup nous nous voyons coupés sur notre route vers la Roumélie.

Les insurgés de Piva, Drobjnack, Šaranzi descendent du côté de Taschlitza tandis que pop Charko (réfugié herzégovinien de 1861) envahit avec des forces considérables de volontaires serbes la frontière au dessous de Vischegrad. Le régiment de cavalerie venant de Senitza est arrêté, les koulés (fortins) de la frontière détruits, la petite ville de Priboï et les environs brûlés, la ligne télégraphique détruite. Il y a 5 jours les Serbes se trouvaient à Ruda qu'ils brûlèrent, menaçant ainsi Vischegrad et même Sérajevo. De là panique à Sérajevo, l'autorité perdant la tête. La population turque toutefois montra un élan patriotique et court aux armes. La jeunesse est déjà sous les armes, soit comme soldat d'élite, soit comme, rédif, tout le reste s'arme et journellement des petits corps conduits par les notables partent pour Vischegrad et la route de Taschclitza. C'est un cri de fureur générale contre les Serbes et non contre les insurgés. D'autre part figurez-vous la panique de nos chrétiens qui sont des poules mouillées et ne rêvent que massacre projeté par les musulmans dont la conduite cependant est admirable. La révolte du côté de la Save est apaisée et le reste de la Bosnie parfaitement tranquille.

Somme toute je crois qu'avant 3 semaines l'insurrection sera réduite à une guerre de guérillas épars[2*], à moins que la Serbie et le Monténégro se décident à prendre part.

Server est arrivé hier à Mostar, Durando à Sérajrevo. Que fera cette commission? Rien du tout.

Ahmed Hamdi pacha doit arriver ici demain.

ГА РФ. Ф. 730. Д. 889. Л. 16–17 об. Подлинник.

[1*] Le déplacement de Dervich pacha auquel on a accordé une promotion et des émoluments plus lucratifs, indépendamment d'une foule de faits, prouve qu'il a été recompensé pour ses méfaits.

Le système dont parle cette lettre a son siège dans la très-sublime où les hommes changent souvent, mais le système jamais. Il est a prévoir en définitive que de l'orgueil fanatique des Turcs le sort des malheureux chrétiens de la Bosnie et des autres provinces d'Europe et d'Asie, deviendra de plus en plus intolérable *(прим. док.)*.

[2*] Il semble que ce plan est une conséquence de la pression exercée à Belgrade, à Agram et à Cettinié, pression qui au moins provisoirement est favorable aux Turcs et on peut dire même aux visées de l'Angleterre. En effet, tandis que les agents de cette dernière s'efforcent, dans leurs rapports avec les Turcs, d'attenuer la portée politique de la lettre de lord John Russell, dans leurs rapports au Foreign-Office ils recommanderaient l'exploitation de la lettre du chef du parti Wighs en vue que l'Angleterre puisse inscrire sur son glorieux drapeau cette autre dévise: Panangloslavisme! Rêve-t-on une Aden-Périm anglaise dans l'Adriatique? Quoiqu'il en soit, les faits ont prouvé que le marchand d'opium par ses devises de panangloarabisme, de pananglohédivisme, de pananglohellénisme, de pananglobéloutchistanisme, de pananglocroissanisme1, etc., etc., etc., sait s'orienter pour le fromage de l'histoire du corbeau et du renard de La Fontaine *(прим. док.)*.

Перевод

Новости из Герцеговины

Известие о возвращении его высочества Махмуд-паши в садарет было с радостью принято боснийским населением, которое желает радикальных реформ и принятия энергичных мер по отношению к администраторам, погрязшим в привычной продажности. Замена Дервиш-паши вызвала не меньшее удовлетворение. Вся здешняя знать, все патриоты не скрывают своей антипатии к системе надувательства, мошенничества, лжи, коей покровительствовал Дервиш-паша[1*]. Никто здесь не сомневается в том, что этот субъект является причиной тяжелых событий, в которые он бросил страну ради удовлетворения своих амбиций и корыстолюбия. То ли еще будет! Начнутся разоблачения, и если Сервер-паша — патриот и проявит строгость, он соберет достаточно неопровержимых свидетельств преступлений, совершенных Дервиш-пашой и его кликой.

Вначале итог событий за неделю, бывшую довольно бурной. В Герцеговине, в то время как Неджиб-паша шел с подкреплением к Требинье, Хусейн-паша

деблокировал Билек, а Селим-паша с Дед-агой Ченгичем (Дервиш-пашой) вели бои в окрестностях Гацко, инсургенты подошли ночью с 28-го на 29-е и атаковали Невесинье, большая часть которого была сожжена дотла. Этот отважный налет, предпринятый под носом знаменитого, непобедимого фельдмаршала, потряс, или скорее, привел в уныние мусульман.

Повторяю, что оплошности такого рода все время характеризовали военные операции Дервиш-паши, и если бы он оставался командующим, то эта кампания, на мой взгляд, не предвещала бы ничего, кроме потери данной провинции.

Но в Боснии было совершено и немало других оплошностей. Дервиш-паша остался глух к нашим предостережениям о необходимости надлежащей охраны наших линий сообщения *с* Сеницей и Румелией; каков же был испуг в Сараеве, когда мы вдруг оказались отрезанными на нашей дороге в Румелию!

Восставшие из Пивы, Дробняков, Шаранцев спускаются со стороны Таслиджи, тогда как поп Жарко (герцеговинский беженец с 1861 г.) с крупными силами сербских волонтеров захватил границу под Вышеградом. Кавалерийский полк из Сеницы остановлен, пограничные кулы (сторожевые башни) разрушены, городок Прибой и его окрестности сожжены, телеграфная линия разрушена. 5 дней назад сербы находились в Руде, которую они сожгли, угрожая также Вышеграду и даже Сараеву. Отсюда паника в Сараеве: власти потеряли голову. Турецкое население, однако, проявило патриотический порыв и взялось за оружие. Молодежь уже встала под ружье либо в качестве солдат гвардии, либо в качестве редифов, все остальные вооружаются, и ежедневно небольшие отряды во главе с именитыми гражданами отправляются на Вышеград и таслиджанскую дорогу. Раздается всеобщий яростный клич не против восставших, а против сербов. С другой стороны, представьте себе панику среди наших христиан, которые ведут себя, как мокрые курицы, и спят и видят лишь резню, обещанную мусульманами, чье поведение, однако, достойно восхищения. Бунт со стороны Савы усмирен, а остальная часть Боснии совершенно спокойна.

Подводя итог, я полагаю, что до 3-х недель восстание будет ограничиваться войной разрозненных партизан[2*], по крайней мере, если Сербия и Черногория не решатся принять участие.

Сервер прибыл вчера в Мостар, Дурандо в Сараево. Что сможет сделать эта комиссия? Совершенно ничего.

Ахмед Хамди-паша должен прибыть сюда завтра.

[1*] Смена Дервиш-паши, коему было предложено повышение и более доходное жалованье, независимо от множества фактов, доказывает, что он был вознагражден за свои злодейства.

Система, о коей говорится в этом письме, укоренилась в Блистательной Порте, где люди меняются часто, но система никогда. Можно в конечном счете предвидеть, что от фанатической гордыни турок судьба несчастных христиан Боснии и других провинций Европы и Азии будет все более и более невыносимой *(прим. док.)*.

[2*] По всей видимости, этот план является следствием давления, оказываемого в Белграде, Аграме и Цетинье, давления, которое, по крайней мере, временно направлено в пользу турок и, можно даже сказать, в пользу замыслов Англии. В самом деле, в то время, как агенты последней в своих сношениях с турками пытаются затушевать политическое значение письма лорда Джона Рассела, в своих докладах Форин офису они, как утверждается, рекомендуют использовать письмо руководителя партии вигов с тем, чтобы Англия могла начертать на своем славном знамени другой девиз: панаглославизм! Мечтают ли они об английской Аден-Перим на Адриатике? Как бы то ни было, факты доказали, что Англия — торговец опиумом с помощью лозунгов панангloарабизма, панангlохедивизма, панангloэллинизма, панангlобелуджистанизма, панангlополумесячизма[1] и т. д., умеет, подобно лисе из басни Лафонтена о вороне и лисице, вовремя подсуетиться, чтобы поймать сыр *(прим. док.)*.

[1] По-видимому, имеется в виду полумесяц как символ ислама.

25

Письмо представителя герцеговинских повстанцев П. Петровича Н. П. Игнатьеву об отказе повстанцев примириться с турками, закупках оружия и о намерении П. Карагеоргиевича произвести переворот в Сербии

5 (17) сентября 1875 г.

Я сообщил ваш отеческий совет всем герцеговинцам и боснийцам так, как ваше превосходительство мне его преподало, но они разъярены и хотят драться с турками, не соглашаясь мириться, и это все потому, что Черная Гора будет вмешиваться в войну. Если бы черногорцев не было, то герцеговинцы согласились бы на мир. Я виделся с Узелацом, и он говорит, что теперь нельзя мириться. Весь боснийский народ изъявил в прокламации войну Турции. Наш Пеция после войны, в которой храбро боролся, поехал по Саву, чтобы взять порох, который прислала Сербия. Турки его убили на австрийской границе близ Градишки.

Восстание делает успехи. В Беличе турки трех купцов посадили на кол. Восстание будет в Боснии, если Богу угодно, для султана тяжелее, чем в Герцеговине. Теперь Узелац на боснийской границе образует большую чету и в совершенном согласии с комитетом касательно времени ударит на турок. Все было бы хорошо, только мало средств, мало оружия и пороху. Мне комитет дал доверенность собирать добровольные приношения от всех славянских братий.

В Герцеговине, слава Богу, наши делают успехи, и дела идут отлично. Третьего дня возвратился второй раз из Вены воевода Пламенац. Он говорит: мы еще несколько дней будем ждать Сербию, что скажет скупщина, а потом не станем ждать никого. Только, говорит, хлопочите об оружии. Из Франкфурта получил я образчик старого переработанного ружья по 5 гульденов за штуку и патронов по 1½ крейцера (или 1½гульдена сотня) — очень дешево. В четверг я буду в Герцеговине, чтобы на этот раз еще лучше узнать нужду.

Я виделся в Рагузе с одним сербом из партии Карагеоргиевича[1], и он мне говорил, что они и сами теперь будут работать с турками, чтобы произвести революцию в Сербии против князя Милана. Вот выродки! Не дай Бог, чтобы это случилось и чтобы позволили ему прийти в Сербию! Уж если не будет Обреновича, то пусть будет Николай, который от Косова поля бьет турок.

Ваше высокопревосходительство, помогите бедному славянскому народу, а вы можете более, чем император.

Помета Н. П. Игнатьева: Письмо, присланное Ястребовым (перевод с сербского). Триест.

ГА РФ. Ф. 730. Д. 632. Л. 51–52 об. Перевод с сербского яз.

[1] См. прим. к док. 7.

26

Донесение Н. П. Игнатьева Александру II об усилении национально-освободительного характера восстания, безуспешных действиях консульской комиссии и о присутствии в Герцеговине английских корреспондентов

№ 236 8 (20) сентября 1875 г. Рагуза

Sire! Je commence par déposer aux pieds de votre majesté impériale le résumé des événements sur le théâtre de l'insurrection en Herzégovine et en Bosnie.

D'après les renseignements des ambassades d'Allemagne et d'Angleterre, une bande serbe sous les ordres d'un certain pope Jarko, forte de 800 hommes, et retranchée à Yéni-Waroch, sur la frontière occidentale de la Serbie, aurait été battue par Mehmed-Aly pacha, à la tête de 8 à 10 bataillons. M. Bakounin télégraphie de Mostar à notre consul général à Raguse qu'une nouvelle insurrection aurait éclaté à Gabéla et que les communications avec Klek seraient interrompues. M. lonine m'informe qu'un soulèvement aurait eu lieu dans la Bosnie occidentale. Selon le général Jovanovitch, commandant des troupes austro-hongroises sur la frontière, un détachement turc qui escortait, sous les ordres de Nedjib pacha, un convoi se rendant de Trébigné à Biletch aurait été défait.

Les efforts dés consuls d'Autriche-Hongrie, d'Allemagne et d'Italie ont échoué à Metkovitch, Popovo et Trébigné[1]. M. Wassitch, M. Lichtenberg et M. Dourando sont en route pour le principal centre de l'insurrection Zoubtzy. Ils ont rencontré quelques monténégrins, des serbes et des dalmates, mais presque pas d'éléments révolutionnaires étrangers parmi les insurgés dont la masse se compose de bosniaques et de herzégoviniens. Partout les populations préfèrent ne pas se soumettre et rester sous les armes. L'expérience, du passé leur a enseigné à se méfier des amnisties du gouvernement ottoman qui punit souvent après coup et sous main, malgré le pardon promis. Dans tout le pays les villages musulmans sont brûlés et ceux des chrétiens qui ne sont pas encore détruits, sont gardés par des habitants armés.

Notre délégué accompagné de ses collègues de France et d'Angleterre continue sa tournée pacificatrice du côté de Névessigné et Gatzko. M. Yastrebow et M. Holms ne désespèrent pas encore de persuader les insurgés d'envoyer des représentants auprès de Server pacha qui prétend de son côté que l'amnistie qu'il a publiée produit un bon effet et que beaucoup d'insurgés sont disposés à la soumission.

S'il n'est pas douteux que l'arrivée des consuls a provoqué un moment d'apaisement, que les insurgés ne prennent plus l'initiative de l'attaque et ne descendent presque plus dans la plaine, il n'en est pas moins vrai que la mission consulaire a été très froidement accueillie. Les populations paraissent inaccessibles à l'action diplomatique. Elles ont cessé détourner leurs regards du côté de l'Autriche-Hongrie depuis que celle-ci a autorisé le passage des troupes turques par Klek[2]. Le mouvement semble perdre son caractère purement local. Les catholiques font de nouveau cause commune avec les orthodoxes. Les griefs particuliers disparaissent devant les tendances nationales qui se dégagent chaque jour davantage. Quoiqu'on en dise, les monténégrins, les serbes et les croates abondent

dans les rangs des révoltés. Les habitants de Cattaro, depuis que la surveillance des autorités austro-hongroises, un moment très active, s'est de nouveau relâchée, sont également nombreux sur le théâtre des événements. La tribu de Wassoïevitch, du côté de Scutari, est entrée en lutte avec les turcs en faisant ainsi diversion aux herzégoviniens. Les insurgés paraissent décidés à tenir bon dans l'espoir que s'ils persistent la Serbie et le Monténégro finiront par être entraînés. On s'attendait à une recrudescence de la lutte en Bosnie tant du côté de Koseratz que de Trébigné pour aujourd'hui même le 8 septembre, fête de la S[an]te Vierge.

Le plan stratégique des herzégoviniens semble être de se concentrer dans le district montagneux de Zoubtzy où Woukalovitch[3] a tenu dans le temps avec une poignée d'hommes pendant si longtemps, et d'y attendre les événements. Leur but serait de rayonner en même temps de tous les côtés, de s'emparer-s'il était possible — de Trébigné, de Stolatz et même de Mostar, en ne laissant aux mains des turcs que les points fortement occupés par les troupes ottomanes.

Les principaux chefs de l'insurrection s'appellent: Louka Petkovitch, Lubobratisch, Tamo Tomachevitch, Démetritch, Martèpe etc.

Les moyens matériels et pécuniaires des insurgés sont presque nuis. Ils ne disposent guère, en fait d'artillerie, que de quelques petits canons de montagne.

L'ardeur de la lutte provoque malheureusement des actes de cruauté des deux cotés. Plusieurs centaines de personnes, principalement des femmes et des enfants, auraient péri, à ce qu'on dit, près de Névessigné, à Kassaba, incendié par les insurgés.

Je n'ai pas manqué d'attirer l'attention de mon collègue austro-hongrois sur la présence en Herzégovine et en Bosnie de plusieurs correspondants de journaux anglais et particulièrement d'un certain Steelman, correspondant du «Times», qui nous est connu de réputation depuis l'insurrection de Crète ou il s'est vendu aux autorités turques après avoir encouragé et excité les candiotes et où il a cherché à compromettre nos agents. Les deux lettres de lord Russell en faveur de l'insurrection bosno- herzégovinienne publiées récemment par tous les journaux européens, traduites en serbe et répandues en nombreux exemplaires parmi les insurgés propagent la fausse idée que l'Angleterre est favorable au mouvement.

Les derniers rapports de notre consul général à Raguse signalent de nouveau les difficultés croissantes du prince Nicolas. Deux circonstances surtout les aggravent, selon M. lonine: la crainte de l'influence grandissante de l'Autriche-Hongrie en Herzégovine et l'attitude hostile à la Porte que prêtent à la Serbie les bandes sorties de ses frontières. Ces deux motifs de crainte sont aujourd'hui en déclin. L'action du gouvernement austro-hongrois devient de plus en plus suspecte aux yeux des insurgés et les bandes sorties de Serbie ont été battues et dispersées depuis l'expédition des rapports de notre consul général.

Je suis avec le plus respectueux dévouement, sire, de votre majesté impériale, le très humble, très obéissant et fidèle sujet

N. Ignatiew

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 28. Л. 3–10. Подлинник.

Перевод

Государь!

Я начну с того, что прилагаю к стопам вашего императорского величества краткий итог событий на театре восстания в Герцеговине и в Боснии.

Согласно сведениям посольств Германии и Англии, сербский отряд под командованием некого попа Жарко, в числе 800 человек, окопавшийся в Ени-Вароше, на западной границе Сербии, был разбит Мехмед Али-пашой, выступавшим во главе 8–10 батальонов. Г-н Бакунин телеграфирует из Мостара нашему генеральному консулу в Рагузе о том, что новое восстание вспыхнуло в Габеле и что сообщение с Клеком прервано. Г-н Ионин извещает меня, что восстала западная Босния. По словам генерала Йовановича, командующего австро-венгерскими войсками на границе, был разгромлен турецкий отряд, который под командованием Неджиб-паши сопровождал обоз, направлявшийся из Требинье в Билеч.

Усилия консулов Австро-Венгрии, Германии и Италии, предпринятые в Метковиче, Попово и Требинье, не имели успеха[1]. Гг. Васич, Лихтенберг и Дурандо находятся на пути к главному центру восстания — Зубцам. Среди восставших, основная масса которых состоит из боснийцев и герцеговинцев, они встретили несколько черногорцев, сербов и далматинцев, но почти не видели иностранных революционных элементов. Везде население предпочитает не сдаваться и оставаться при оружии. Опыт прошлого научил их не доверять амнистиям османского правительства, которое часто наказывает тайно задним числом, несмотря на обещанное помилование. Во всем крае мусульманские селения сжигаются, а еще не разрушенные деревни христиан охраняются вооруженными жителями.

Наш делегат в сопровождении своих коллег из Франции и Англии продолжает свою миротворческую поездку по направлению к Невесинье и Гацко. Гг. Ястребов и Холмс еще не отчаиваются убедить инсургентов послать представителей к Сервер-паше, который, со своей стороны, делает вид, что объявленная им амнистия дала положительный результат и что многие повстанцы склоняются к подчинению.

Хотя, без сомнения, прибытие консулов на какое-то время снизило напряженность, инсургенты больше не нападают первыми и почти не спускаются на равнину, не менее верно и то, что консульская миссия была очень холодно принята. Население кажется недоступным для дипломатических акций. Оно перестало обращать взоры в сторону Австро-Венгрии с тех пор, как та позволила провести турецкие войска через Клек[2]. Движение как бы потеряло свой чисто локальный характер. Католики снова заодно с православными. Частные претензии отходят на второй план перед национальными тенденциями, которые все более выявляются с каждым днем. Что бы ни говорили, черногорцы, сербы и хорваты преобладают в рядах восставших. Жители Каттаро, с тех пор, как бдительность австро-венгерских властей, одно время весьма напряженная, снова ослабла, также многочисленны на театре событий. Племя Васоевичей вступило

в борьбу с турками со стороны Скутари, отвлекая тем самым их силы от герцеговинцев. Инсургенты, по-видимому, решили держаться крепко в надежде, что, если они будут упорствовать, Сербия и Черногория будут вовлечены в борьбу. Даже сегодня, 8 сентября, в день св. Богородицы, ожидалось усиление боев в Боснии как со стороны Козераца, так и Требинье.

По-видимому, стратегический план герцеговинцев состоит в том, чтобы сосредоточиться в горном районе Зубцы, где так долго с горсткой людей держался Вукалович[3], и там выжидать развития событий. Их цель — разойтись одновременно во все стороны, овладеть — если это окажется возможным — Требинье, Столацем и даже Мостаром, оставив в руках турок только пункты, занятые крупными силами османских войск.

Имена главных вождей восстания: Лука Петкович, Любибратич, Томо Томашевич, Деметрич, Мартеп и т. д.

Материальные и финансовые средства повстанцев близки почти к нулю. Из артиллерии они фактически располагают лишь несколькими маленькими горными пушками.

К сожалению, в пылу борьбы обе стороны совершают акты жестокости. Рассказывают, что несколько сот человек, главным образом женщин и детей, погибло под Невесиньем в касабе, подожженной повстанцами.

Я не преминул привлечь внимание своего австро-венгерского коллеги на присутствие в Герцеговине и в Боснии нескольких корреспондентов английских газет, и в частности некоего Стилмэна, корреспондента «Таймс», репутация коего нам известна со времени восстания на Крите, где он продался турецким властям после того, как поощрял и возбуждал кандиотов, и где он пытался скомпрометировать наших агентов. Два письма лорда Рассела в пользу боснийско-герцеговинского восстания, опубликованные недавно всеми европейскими газетами, переведенные на сербский язык и распространенные во множестве экземпляров среди повстанцев, пропагандируют ложную идею о том, будто Англия благоприятствует движению.

В последних донесениях нашего генерального консула в Рагузе вновь отмечаются растущие трудности князя Николая. По словам г. Ионина, они усугубляются в особенности двумя обстоятельствами: боязнью растущего влияния Австро-Венгрии в Герцеговине и враждебным отношением к Порте, которая приписывает Сербии отряды, вышедшие из ее границ. Оба этих мотива опасений сегодня ослабевают. Действия австро-венгерского правительства становятся все более подозрительными в глазах инсургентов, а отряды, пришедшие из Сербии, были побеждены и рассеяны ко времени отправления донесений нашим генеральным консулом.

Остаюсь с самой уважительной преданностью, государь,
вашего императорского величества всепокорнейшим и преданнейшим слугой

Н. Игнатьев

[1] См. док. 18 и прим. 2 к нему и док. 23.

[2] Разрешение на высадку турецких войск, направленных на подавление восстания в Герцеговине, в австрийском порту Клек было одним из звеньев в цепи мероприятий, свидетельствовавших о намерении Австро-Венгрии покончить с восстанием. Одновременно была прекращена кампания помощи восставшим из Далмации, усилено давление на Сербию и Черногорию с целью сохранения ими нейтралитета (см.: *Виноградов К. В.* Позиция европейских держав в начале балканского кризиса 70-х годов XIX в. // Балканские исследования. Вып. 2. Проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 118; см. также прим, к док. 27).

[3] Имеется в виду восстание под руководством зажиточного ружейника капетана Луки Вукаловича, которое продолжалось с перерывами целое десятилетие с 1852 по 1862 гг. Восстание носило антифеодальный характер, но по мере развития приобретало национально-освободительные черты. В 1862 г. между наиболее активно боровшимися горными племенами и турецким правительством было подписано соглашение, по которому повстанцы получили право на внутреннюю автономию.

27

Телеграмма А. Н. Карцова в МИД России о постановлении сербской скупщины в поддержку восстания в Боснии и Герцеговине

9 (21) сентября 1875 г. Белград

В шифрах: В секретном заседании 6-го скупщина постановила, а министерство одобрило принятие следующих мер: поддерживать восстание всячески, сделать заем в три миллиона червонцев для военных нужд, выбрать из среды скупщины постоянный комитет из 9 членов для контроля расходов правительства. Эти постановления будут сегодня поднесены князю вместе с адресом. Князь вызывает Ристича из Крагуевача[1].

Помета Александра II: Надеюсь, что к[нязь] их не примет после того, что он мне телеграфировал 30 авг[уста].

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 12. Л. 13. Дешифрант.

[1] Наиболее активные акции в поддержку восстания в Герцеговине проходили в Сербии в конце августа — начале сентября. Они привели к смене кабинета. К власти пришло либеральное правительство во главе с С. Михайловичем и министром иностранных дел Й. Ристичем (так называемое первое «министерство действия»). Секретные постановления Крагуевацкой скупщины от 8 сентября означали поддержку восстания и финансовую подготовку к войне с Турцией. Состоялся также секретный обмен мнениями между Й. Ристичем и председателем черногорского Сената Божидаром Петровичем о немедленном присоединении обоих княжеств к совместным с повстанцами Боснии и Герцеговины действиям против турок (см.: *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876–1878 гг.) // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. Балканские исследования. М., 1978. Вып. 4. С. 53).

Однако князь не решился нарушить нейтралитет. Кабинет Ристича подал в отставку. Со стороны европейских держав последовал новый нажим — «Коллективное заявление дипломатических представителей европейских держав в Белграде сербскому правительству» от 24 сентября (6 октября). Австро-венгерский, русский, германский и присоединившиеся к ним французский и итальянский консулы (как гаранты автономии Сербии по Парижскому трактату 1856 г.) категорически потребовали: 1) прекратить переход вооруженных отрядов с территории Сербии на территорию Турции, 2) ликвидировать скопление войск на границе, 3) отменить приказ о боевой готовности. Депутаты Скупщины подчинились и подтвердили нейтралитет. Развитие же событий в стране и ход восстания в Герцеговине и Боснии диктовали князю смену позиции.

28

Доклад Н. П. Игнатьева Александру II о переговорах с австро-венгерским послом в Константинополе Ф. Зичи относительно совместных действий России и Австро-Венгрии в боснийско-герцеговинском вопросе

№ 243 11 (23) сентября 1875 г. Буюкдере

Sire! Pénétré de la gravité de la situation politique exposée dans mon très humble rapport N 242,[1] je ne vois de remède aux dangers éventuels que dans un accord absolu des trois cours impériales à travers toutes les phases de la crise[1*]. Si l'une d'elles se détachait de l'entente, la question d'Orient tout entière se dresserait subitement devant l'Europe avec toutes ses inextricables conséquences.

Mes efforts les plus énergiques sont voués au maintien sur le terrain de Constantinople, de l'unité d'action la plus complète avec mes collègues d'Allemagne et d'Autriche-Hongrie[2]. Je suis heureux de constater qu'ils sont convaincus comme moi de la nécessité de notre accord et partagent entièrement les idées que j'ai exposées dans mes dépêches au baron de Jomini au sujet d'une conférence restreinte, préludant à une réunion plus complète des représentants à Constantinople. Ils ont adressé dans ce sens des rapports à leurs gouvernements. J'aime à espérer que représenté comme il l'a été par l'ambassadeur austro-hongrois, ce projet rencontrera l'approbation du comte Andrassy, quelle que soit la répugnance de ce ministre pour une action plus accentuée en faveur des slaves.

J'ai eu à ce propos une explication à fond avec le comte Zichy. M'inspirant des lettres que j'ai reçues du Gérant du ministère impérial des affaires étrangères et qui reflétaient les pensées de votre majesté impériale sur ce sujet[3], j'ai cherché à prouver à mon collègue que l'intérêt bien entendu de l'Autriche elle-même devait la pousser à ne point se séparer de nous. C'est à elle qu'avait été dévolue la direction de notre action commune sans que nous lui ayons imposé le moindre sacrifice ni demandé la moindre concession. Nous avions garanti ses véritables intérêts, nous avions même tenu compte de ses préjugés anti-slaves. Le cabinet de Vienne ne pouvait donc en stricte justice nous refuser de prendre en considération nos traditions et nos nécessités historiques, nous demander de renier notre passé et de compromettre notre honneur national. D'ailleurs les vues de votre majesté impériale, ai-je dit au comte Zichy, ne différaient en rien de celles de son souverain. Nous ne demandions rien d'incompatible avec la position que le comte Andrassy avait prise dès le début de la crise. Jusqu'à présent notre action commune était même restée en arrière de celle de l'Angleterre, car le consul britannique s'était rendu dix jours avant les nôtres à Mostar et sir Henry Elliot y avait télégraphié dès le 19 (31) août que la Porte lui avait promis de redresser tous les griefs formulés par les chrétiens depuis deux mois. N'étions nous pas tenu d'honneur à justifier notre accord en obtenant pour la cause de la paix future quelques garanties de plus que celles dont pouvait se contenter Mr. Elliot?[2*]

Le comte Zichy a parfaitement abondé dans mon sens et a pris des notes détaillées sur notre entretien en me promettant de s'en faire l'organe chaleureux auprès de son gouvernement. Il semble ne pas douter du concours du comte Andrassy pour l'exécution

du programme modéré que nous avons débattu dernièrement[3*]. Entrant pleinement dans l'ordre d'idées que je lui avais présenté, il m'a fait spontanément l'aveu que, selon lui, le cabinet de Vienne devrait prendre à tâche de ne point nous éloigner de nos traditions séculaires, car, a-t-il dit avec une remarquable justesse, dans la situation qui nous est faite, il n'y avait pas de place pour une politique indifférente. L'Autriche ne pouvait qu'être intimement liée avec nous ou se placer sur une pente qui l'amènerait tôt ou tard à un conflit direct avec la Russie. «Et si ce malheur arrivait, — ajouta-t-il d'une voix émue, — vous pouvez être sûr que vous ne me verriez pas ici. Je ne me chargerais pas de l'exécution d'un programme qui n'aurait pas pour base une entente intime avec vous. A part mes sympathies personnelles pour la Russie, comme autrichien, comme sujet de l'empereur-roi, je considère une alliance russe, comme la première exigence de nos véritables intérêts».

J'ai eu la satisfaction de recueillir des assurances à peu près analogues du baron de Werther, qui comprend également combien la moindre fissure dans notre action commune serait exploitée par nos adversaires pour nous désunir et faire prévaloir, ensuite des combinaisons contraires au programme pacifique adopté par les trois cours impériales.

Je suis avec le plus respectueux dévouement, Sire, de votre majesté impériale, le très humble, très obéissant et fidèle sujet

N. Ignatiew

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 28. Л. 49–54 об. Подлинник.

[1*] *На полях помета Александра II:* Oui.
[2*] *На полях помета Александра II:* Oui certes.
[3*] *На полях помета Александра II:* Oui.

Перевод

Государь!

Проникнутый серьезностью политического положения, изложенного в моем нижайшем донесении № 242[1], я не вижу иного средства против возможных опасностей, кроме полного согласия трех императорских дворов на всех стадиях кризиса[1*]. Если хоть один из них откажется от соглашения, Восточный вопрос в целом со всеми запутанными его последствиями слишком скоро встанет перед Европой.

Мои самые энергичные усилия направлены на поддержание в Константинополе полнейшего единства действий с моими германским и австро-венгерским коллегами[2]. Я счастлив констатировать, что они, так же как и я, убеждены в необходимости нашего согласия и полностью разделяют соображения, изложенные мною в моих донесениях барону Жомини, на предмет совещания в узком кругу, предваряющего более полное собрание представителей в Константинополе. Они направили своим правительствам донесения, составленные в духе этой идеи. Я очень хочу надеяться, что представленный австро-венгерским послом в том

виде, как он есть, этот проект встретит одобрение графа Андраши, сколь бы велико ни было отвращение этого министра к любой более или менее ясно выраженной деятельности на благо славян.

Я имел углубленную беседу на сей предмет с графом Зичи. Руководствуясь письмами, полученными мною от управляющего императорским Министерством иностранных дел, в которых отражены мысли вашего императорского величества по этому вопросу[3], я постарался доказать моему коллеге, что сами собою разумеющиеся выгоды самой Австрии должны побудить ее не отделяться от нас. Это на нее было возложено руководство нашей общей деятельностью, причем мы не понуждали ее ни к малейшей жертве и не требовали ни малейшей уступки. Мы гарантировали соблюдение ее подлинных интересов, мы даже учли ее антиславянские предубеждения. Таким образом, венский кабинет по всей справедливости не может отказать и нам в принятии во внимание наших традиций и исторически обусловленных нужд и потребовать, чтобы мы отреклись от нашего прошлого и нанесли ущерб нашей национальной чести. Впрочем, сказал я графу Зичи, намерения вашего императорского величества ни в чем не отличаются от целей его государя. Мы не требуем ничего, что было бы несовместимо с позицией, занятой графом Андраши с самого начала кризиса. До настоящего времени наша совместная деятельность отставала от действий Англии, ибо британский консул явился в Мостар, опередив наших консулов на 10 дней, и сэр Генри Эллиот телеграфировал туда 19 (31) августа, что Порта обещала удовлетворить все претензии, выдвинутые христианами за последние два месяца. И не дело ли нашей чести оправдать наше согласие, добиваясь во имя дела будущего мира некоторых гарантий дополнительно к тем, которыми может довольствоваться г-н Элиот?[2*].

Граф Зичи был полностью согласен с моим мнением и сделал подробные заметки о нашей беседе, пообещав мне быть пылким его проводником перед своим правительством. Он, кажется, не сомневается в содействии графа Андраши осуществлению умеренной программы, которую мы обсуждали в последнее время[3*]. Полностью проникнувшись идеями, которые я ему изложил, он внезапно признался мне, что, по его мнению, венский кабинет не должен ставить перед собой задачи добиваться, чтобы мы отступились от наших вековых традиций, поскольку, как замечательно верно сказал он, в том положении, в какое мы поставлены, нет места политике безразличия. Австрия непременно должна быть тесно связана с нами, иначе она окажется на наклонной плоскости, которая рано или поздно приведет ее к прямому конфликту с Россией. «И если бы это несчастье произошло, — взволнованно добавил он, — вы можете быть уверены, что не увидели бы меня здесь. Я не взял бы на себя осуществление программы, в основе которой не лежал бы тесный союз с вами. Исключая мои личные симпатии к России, я как австриец, как подданный императора-короля расцениваю союз с Россией как главное требование, отвечающее нашим истинным интересам».

Я испытал удовлетворение, получив почти аналогичные заверения от барона Вертера, который также понимает, насколько малейшая несогласованность

в нашей деятельности будет использована нашими противниками, чтобы разъединить нас, а затем обеспечить торжество комбинаций, противоположных мирной программе, принятой всеми тремя императорскими дворами.

С глубочайшим почтением имею честь быть, государь, вашего императорского величества всепокорнейшим и преданнейшим слугой

Н. Игнатьев

[1*] *Помета Александра II:* Да.
[2*] *Помета Александра II:* Да, безусловно.
[3*] *Помета Александра II:* Да.

[1] См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 28. Л. 37–47 об.
[2] В противовес созданному в Вене в августе 1875 г. «центру соглашения» трех дворов, в задачи которого входила выработка мер для умиротворения Боснии и Герцеговины, Н. П. Игнатьев планировал сделать координационным органом собрание послов 6 европейских держав в Константинополе. Он стремился таким образом вырвать у Андраши дипломатическую инициативу. Первоначально Александр II и А. Г. Жомини одобрили действия Игнатьева, но затем, поддавшись настояниям Андраши сохранить венский «центр», отклонили предложения посла (см.: *Виноградов К. Б.* Русско-австрийские отношения в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине // Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnjice ustanaka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama u istočnoj krizi 1875–1878 godine. Sarajevo, 1977. T. l. S. 121).
[3] См. док. 19.

29

Выписка из донесения И. С. Ястребова в МИД России о встрече с герцеговинскими повстанцами и их жалобах на экономический гнет и политическое бесправие

15 сентября 1875 г.

Инсургенты назначили мне свидание в сел. Белграде в 3-х часах пути от города в горах. Я поспешил отправиться туда, а со мною и мои коллеги. Сюда по нашему приглашению явились и их соседи из Столацкого округия. Инсургенты Гацкого округия не исполнили своего обещания явиться на свидание с нами, потому что были заняты стычкою с войском, шедшим в Пиву под командою Шевкет-паши.

В течение трех дней я напрягал все свои усилия убедить наших единоверцев согласно данным мне вашим превосходительством инструкциям оставить начатое ими восстание, гибельное по последствиям, и вступить в переговоры с Сервер-пашою. Немало помогали мне в этом мои коллеги. Мы, каждый отдельно и вместе, должны были повторять им неоднократно содержание наших инструкций и всякий раз получали один и тот же ответ, что они не имеют ни малейшего намерения являться к Сервер-паше, твердо убежденные, что их жалобы на турок, как это всегда было и будет, останутся без всякого удовлетворения, что они не хотят больше жить вместе с турками, которые поставили своей задачею истреблять их тайно и явно. «Довольно, чересчур довольно натерпелись мы, — говорили они мне, — от притеснений бегов и неправды в судах; не хотим больше терпеть турецкое ярмо. Бесчисленные жалобы подносили мы каймакамам, кадиям, мютесарифам и самим валиям и даже садразамам на бесчеловечное с нами обращение наших единоземных турок и на беззаконие в судах султанских чиновников, и мы никогда не имели успеха; напротив, нас за это больше и больше гнали и преследовали турки, потакаемые властями, которые зачастую томили нас в темницах только за то, что мы осмеливались жаловаться на них.

Пожалуй, Сервер-паша не поступит с нами вероломно и устроит даже так, что войско будет охранять нас на пути к нему, если бы решились являться к нему; но разве он не знает, что из-за угла могут убить нас башибузуки и фанатики, не боящиеся не только Сервера-паши, но и самого султана. Мы, — продолжали они, — ничего не имеем против его величества; мы восстали не против его власти, а против злоупотребляющих его властью. Он не знает наших мук и страданий; он не знает, что вина восстания кроется не в нас, а в его чиновниках, обманывающих его, не в нас, верноподданных его, а в не исполняющих волю его над нами начальствующих во имя его. Если бы султан знал об этом, то не выслал бы войска против нас, а скорее против притеснителей наших и мучителей. Сколько раз мы жаловались и вам, русским (это инсургенты говорили и не мне одному), и всей Европе, сколько раз просили мы вас облегчить нас в нашей участи; вы все были глухи к нам; Европа не верила нам. Теперь, когда мы взялись за оружие, когда ружейный выстрел в наших горах дошел до слуха Европы, вы поспешили сами явиться к нам, но, увы, ничего не обещаете нам положительного и ни за что не ручаетесь.

В 1861 году таковая же комиссия консулов[1] в прежнее наше восстание, по крайней мере, торжественно обещала нам разного рода привилегии, хотя и обманула нас... (это говорили они, насколько помню, и французскому моему коллегу). Вы теперь только советуете обратиться к Сервер-паше с нашими жалобами в полной надежде, что эти жалобы будут им рассмотрены и удовлетворены. Позвольте нам не верить вам. Два месяца тому назад к нам послан был тоже комиссар Костан-эфенди для той же цели, т. е. выслушать наши жалобы и нужды, и что же? Мы с радостью приняли его приглашение явиться к нему, и он назначил всем нам день и место свидания вне Невесиньского города; но в тот день не нашли ни его самого, ни его палатки, которую обещал поставить на указанном месте с целью свидания с нами. Он поставил нам западню: днем раньше условленного дня уехал в Мостар, а Салим-паша в тот самый день двинулся на нас с войском, сжег наши села и дома, а турки здешние по данному им сигналу начали истреблять все, что попадалось под руку, и теперь нас же обвиняют в поджогах наших домов!.. Как вы хотите, чтобы мы после этого еще верили туркам, их обещаниям! Мы и теперь, когда беседуем с вами, боимся, чтобы неожиданно не напали на нас турки, как это случилось уже с христианами в Габеле, когда их увещевал по поручению Дервиш-паши католический епископ положить оружие.

Нам лестно отчасти, что христианские державы еще не совсем забыли нас, страждущих, но нам грустно слышать, что они не хотят помочь нам освободиться от исконных притеснителей наших. Впрочем, мы хорошо понимаем, что Европа не хочет, чтобы мы нарушали ее покой; вашим разным правительствам не хочется из-за нас перессориться, потому они и выслали вас сюда гасить огонь (это замечание, очевидно, подсказано инсургентам кем-либо извне). Нам горько слышать от вас и то, что ни Черногория, ни Сербия не вступятся за нас. Пусть себе уповают эти княжества на признательность Порты; но нас ничто не заставит сдаться туркам. Мы лучше умрем все в горах с ружьями в руках, чем снова жить с врагами креста, которые снова безжалостно будут убивать нас и истреблять с лица земли.

Мы убежали в горы не по своей воле, оставили свои дома и хижины не по своей охоте. Нас выгнали турки; они не хотят жить с нами; обратили наши жилища в пепелища, все разграбили. Нам теперь и возвратиться некуда, если бы и желали».

Вот содержание ответа инсургентов на наши убеждения смириться, потому что им грозит опасность от турецкого войска, которое неминуемо будет их преследовать и в горах.

Несмотря на резкие ответы их, они были очень довольны нашему приезду потому уже, что им желалось высказать все, что у них накопилось на душе, излить пред нами свое горе, пожаловаться нам на своих притеснителей турок.

1. Они жаловались нам на бегов и помещиков, говоря, что эти полновластные в стране землевладетели распоряжаются ими, как своею собственностью, бесчестят постоянно их жен и дочерей. При разделе продуктов земли берут всегда себе львиную часть, так что часть, оставшаяся христианину-землевладельцу, недостаточна для пропитания семейства.

2. Жалуются на откупателей десятины. Эти барышники в договоре с собственниками поместья и властями нагло берут с христиан не 10% на 100, как это было прежде, и не 12% на 100 по новому положению, а почти вдвое, то есть по 25% на 100. Жалобы христиан на этих откупщиков всегда оставались без последствий.

3. Жалуются на излишние поборы митрополитов греческих. Мне открыто заявили, что греков больше терпеть не хотят. Обвиняют их в преступных проделках с турками против христиан, иногда из корыстных целей, а по большей части из ненависти к сербскому племени. Жалуются на то, что турецкие власти чрезмерно обременяют их работами при постройке дорог; известно, что всякий житель обязан работать на этих дорогах положенное по закону число дней в году. Турки сгоняют христиан с дальних мест для этой цели, так что они теряют время в пять раз больше назначенного времени только на переходы до места, где строится дорога. Не говоря уже о том, что в страдное время поля их остаются без работников и надзора и они сами зачастую остаются без куска хлеба во время работ, кроме того, что с ними надзиратели за постройкою дорог обращаются, как с животными.

5.[2] Жалуются на то, что турки не платят им законных денег за поставку лошадей для казенной надобности. Известно, что за час езды положено уплачивать по несколько пиастров. Это не всегда исполняется. Турки для отвода глаз уплачивают только нескольким собственникам лошадей. Если же лошади от изнурения под тяжестью казенных вьюков дохнут, то власти не уплачивают собственнику стоимость коня, а берут из казны деньги в уплату этого коня в свой карман. При этом нужно заметить, что эта обывательская обязанность возлагается только на христиан. Турки всегда находят средство укрыться от этой обязанности, хотя и они должны по закону отправлять ту же обязанность наравне с христианами за плату из казны. Денежное вознаграждение мало за эту службу; зато мусульмане и находят всегда средство уклониться от этой службы.

6. Жалуются на самоправное обращение с ними полицейских (заптие). Эти полицейские — язва для края. Пропившие свое такое-сякое состояние, растратившие его на распутство, мусульмане поступают в число заптие, чтобы нажиться на счет христиан. Чего только они не делают для того, чтобы нанести вред христианам в материальном отношении, чтобы отравить и без того грустное их существование! Кроме того, что объедают их, наносят им всякого рода оскорбления, бьют их, поносят беспощадно все, что только есть святое у христиан.

7. Жалуются на беззаконное судопроизводство в турецких меджлисах (трибуна[ла]х). Для христианина, жалующегося на мусульманина, в них нет правосудия. Христианин никогда не допускается как свидетель в пользу христианина же. Между герцеговинскими мусульманами, по уверению инсургентов и по уверению всех вообще здешних христиан, с которыми я имел случай говорить, напр[имер] с католическим епископом Кралевичем, вошло даже в поговорку, что 100 христиан с митрополитом во главе и самим папою в тиаре не могут соперничать с свидетельством двух мусульман, хотя сии последние были из самого ничтожного слоя людей и хотя бы они лжесвидетельствовали.

Судопроизводство турецкое еще тем несносно для здешних христиан, что ведется на языке, им чуждом, т. е. турецком, который не понятен здесь никому. Голос христианина, выбранного в члены меджлиса, в пользу христиан не имеет никакого значения. Если бы таковой осмелился отказать меджлису в приложении печати под тою или другою незаконною мазбатою (решение суда), то рискует навлечь на себя всякие неприятности со стороны мусульман. Так, напр[имер], это было перед восстанием с христианским членом меджлиса, осмелившимся защищать права христиан. Его за это два раза ранили в самом городе. Все жалобы его каймакаму и суду остались без всяких последствий. В разговоре с каймакамом Невесинья (преглупая и бесцветная личность этот каймакам! Смело можно сказать, что он, как и большая часть каймакамов, был или конюхом какого-нибудь паши или кофеджием) я узнал от него, что и он сам не в силах бороться против неправды местных турок по отношению к христианам. Пытался я много раз, говорил он, судить христиан по правде и закону, но беги и аги, заседающие в меджлисе, прикрикнули на меня за это, назвав и меня самого гяуром!! Слово «гяур» — поносное для христианина — здесь во всеобщем употреблении, христиан здесь иначе не зовут, как презрительным словом «гяур» или «влах», т. е. раб.

8. Жалуются они и на то, что турецкие власти при сборах с них низамийе несправедливы к ним до наглости, с дитяти мужского пола, которое еще в колыбели, берут низамийе столько же, сколько с взрослого мужчины. По понятию турок христианин должен оплачивать воинскую повинность со дня своего рождения до самой смерти.

Вообще жалуются на то, на что жалуются в большей или меньшей мере все наши единоверцы и в Старой Сербии, — на неравенство, в которое они поставлены с мусульманами, на притеснения и всякую неправду со стороны единоверцев господствующей религии. В Герцеговине, впрочем, фанатизм господствует сильнее, чем где-либо. Оттого здесь больше вопля и слез. Рассказывая свои мне жалобы, инсургенты при передаче мне разных мелочных и крупных подробностей их страданий, плакали, как дети, в моей палатке.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 31. Л. 437–441 об. Копия.

[1] В связи с восстанием в Герцеговине под руководством Л. Вукаловича (см. прим. 3 к док. 26) в апреле 1861 г. была создана международная консульская комиссия в составе консулов Австрии, Англии, Пруссии, России и Франции, аккредитованных в Мостаре, Сараеве и Дубровнике. Возглавлял комиссию верховный главнокомандующий турецкой румелийской армией Омер-паша. Комиссия должна была наметить меры по улучшению положения христианского населения Герцеговины и добиться прекращения восстания. Ввиду отказа турок удовлетворить требования повстанцев комиссия вскоре прекратила свое существование (см.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 348–349).

[2] Такая нумерация в документе.

30

Телеграмма Н. П. Игнатьева И. С. Ястребову об активизации действий по примирению сторон в связи с изданием ираде султана об облегчении положения христианского населения

20 сентября 1875 г.

Публикован ираде султанский[1], благоприятный для христиан. Серверу приказано применить его немедленно и развить облегчением повинностей, назначением мудиров, каймакамов и других чиновников и полицейских из христиан, указав Порте на все административные, финансовые и судебные меры, которые могли бы умиротворить край и удовлетворить жителей. Убедите Сервера в необходимости правительственной и личной исполнить скоро, широко и добросовестно инструкции Махмуда, а герцеговинцев и босняков — воспользоваться льготами для их расширения. Скажите ему доверительно от меня, что султан желает полного умиротворения христианского населения и имеет самые великодушные намерения, рассчитывая на его инициативу.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 28. Л. 215–215 об. Копия.

[1] По настоянию Н. П. Игнатьева султан издал 2 октября 1875 г. н. ст. ираде (высочайшее повеление), где провозглашались реформы: создавались представительные учреждения — провинциальные советы — для обсуждения нужд населения, взамен десятинного сбора вводился поземельный налог, христианским общинам разрешалось иметь своих представителей в местных административных органах и др. Практически эти реформы остались на бумаге, так как их выполнение игнорировалось местными турецкими властями (см.: *Кондратьева В. Н.* Указ. соч. С. 154).

31

Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини об успешных действиях повстанцев против турецких войск

23 сентября (5 октября)[1]* 1875 г. Рагуза

Monsieur le baron! II y a eut un moment, il y a deux semaines, ou l'insurrection en Herzégovine semblait faiblir, bien que je n'eusses pas partagé alors les prévisions optimistes des correspondents des journaux, qui ne se donnent pas ordinairement la peine de pénétrer ni dans l'intérieur du pays, ni dans le fond des choses, ainsi que les suppositions exprimées, à ce qu'il parait, par les commissaires internationaux eux- mêmes, qui voyageaient alors sur les lisières de ce pays à la recherche des insurgés. Le temps d'arrêt fut alors purement accidentel: les insurgés avaient besoin de se compter après le premier élan, les troupes turques, assez considérables, débarquées à Klek, en marchant alors vers Trébigné et Bilek, avaient tendu comme un voile entre la Dalmatie qui hébergeait les rapporteurs et les politiqueurs d'occasion, et l'Herzégovine, enfin, c'était le moment où tous les yeux étaient braqués sur la Serbie ce qui retenait les insurgés sur la reserve.

Le voyage des commissaires était à peine une de ces causes. Il a été presque ignoré par la grande masse des insurgés. Les proclamations de Server pacha[1] n'ont pas pu même être lues dans l'intérieur du pays, et fussent elles lues, que le vague de leur contenu, n'eut pu provoquer aucun changement sérieux dans les dispositions du peuple. Mais depuis ce moment de l'incertitude, la lutte a repris de plus belle. Les insurgés ont senti que, ayant refusé de mettre bas les armes et de se rendre à Mostar chez Server pacha, ils devaient s'attendre à des attaques plus sérieuses de la part des turcs, et ils ont voulu, à ce qu'il parait, prendre les devants.

Il est difficile pour un témoin d'une lutte pareille à celle qui se poursuit en Herzégovine et en Bosnie de repondre de l'exactitude de sa narration s'il veut aborder les faits séparés et les décrire avec touts leurs détails, aussi je crois devoir me borner à présenter ici la situation générale en mentionnant seulement les faits les plus saillants et dont je puis garantir l'exactitude.

Jusqu'aux premiers jours du septembre de notre style les insurgés étaient occupés à se débarasser des fortins turcs qui les empêchaient de posséder incontestablement les montagnes. En même temps ils tachaient de mettre en sûreté leurs familles et les troupaux qui se réfugiaient en Autriche et vers les confins du Monténégro. Pour dérober cette opération à des forces turques réunies autour de l'Herzégovine ils ont eu quelques gros détachements dans le nord de la province, destinés à repousser les attaques des troupes quand ces dernières voulaient pénétrer dans l'intérieur du pays. Ils faisaient peu attention à ce qui se passait sur les confins de la Dalmatie où les troupes turques étaient peu nombreuses, ce qui explique comment les troupes débarquées à Klek ont pénétré à Trébigné et à Bilek sans coup férir en dispersant uniquement par leurs apparition, quelques bandes d'insurgés et surtout de volontaires étrangers qui assiégeaient alors Trébigné.

En même temps leur objectif pendant cette période de l'insurrection était de priver les musulmans du pays, ainsi que les troupes régulières, des moyens de subsister dans le

pays sans le secours des approvisionnements apportés de l'étranger et surtout par mer. Ils brûlaient les villages musulmans non ou faiblement fortifiés, obligeaient leurs habitants de se réfugier dans les villes, leur enlevaient le bétail et les provisions. Ces opérations ont si bien réussi que les 20 bataillons se trouvant actuellement en Herzégovine sont obligés aujourd'hui d'employer toutes leurs forces à faire la navette entre les places fortes pour les approvisionner, en subissant toujours des pertes considérables et d'énormes fatigues, ne trouvant pas de soldats disponibles pour des opérations purement militaires.

Ensuite l'insurrection ayant éclaté sur les confins de la Serbie dans les districts de Senitza et de Nova-Varoch — les insurgés de l'Herzégovine ont taché de lui tendre la main afin de fermer ou de rendre difficile la communication entre la Roumélie et la Bosnie ce qu'ils ont aussi réussi à faire pour quelques moments.

Mais depuis les premiers jours du septembre les choses ont changé d'aspect — les chrétiens ont du déployer plus d'activité pour se défendre, ce qui fait croire aujourd'hui à la recrudescence de l'insurrection.

D'un côté les insurgés de l'Herzégovine ont compris qu'en abandonnant aux Turcs les confins de la Dalmatie et en permettant aux troupes de Trébigné et de Bilek de faire de Raguse une base solide pour leurs approvisionnement, ils rendaient à ces troupes la liberté d'action et la possibilité de faire des mouvements stratégiques. De l'autre côté les nouvelles troupes s'avançaient du côté de Senitza et si elles parvenaient à s'ouvrir le chemin de ce côté — elles auraient pu marcher aussi le long de la frontière du Monténégro dans la direction de Bilek. Ainsi si cette dernière manoeuvre des Turcs réussissait et si les derniers finissaient en même temps par se rendre absolument maîtres des districts confinant avec la Dalmatie, les insurgés, en restant sur la défensive dans le centre du pays, risquaient d'être coupés de l'étranger ce qui aurait rendu leurs existence très précaire.

Ils ont dû sortir de l'attitude passive et à tort ou à raison ils semblent avoir jugé qu'il valait mieux tout d'abord pour eux de se mettre sur les communications des Turcs avec la mer, en abandonnant pour le moment la défence énergique du chemin de Senitza.

Aussi le 6 (18) de ce moi les Turcs toujours indolents se sont trouvés à Trébigné de nouveau entourés par les insurgés. Les détachements assez forts de ces derniers ont abandonné les plateaux de Névessigné et conduits avec beaucoup de dextérité par Peko Pavlow[ic] et le voyevode des Bagnanis Maksim Batchévic, en exécutant une marche forcée assez remarcable, se sont mis sur la route de Raguse à Trébigné. Le nombre de ces détachements ne montait pas à plus de 800 hommes. Les Turcs réveillés en sursaut par cette apparition ont attaqué le même jour ces insurgés presque sur la frontière autrichienne devant Raguse, mais cette attaque, menée à ce qu'il parait avec beaucoup de décousu et d'indécision, a eu un résultat funeste pour eux. A Glawsky-Dol ils ont été complètement, battus, et comme le nizam y a été accompagné par la population mâle de Trébigné, montée à cheval par fanfaronade – les premiers personnages musulmans de. cette ville ont péri dans le combat.

L'affaire de Glavsky-Dol produisit, à ce qu'il parait, une grande consternation parmi les Turcs de Trébigné. Le 8 (20)[2*] septembre ils ont encore essayé de sortir au nombre de deux bataillons pour faire venir un convoi de vivres de Raguse mais, obligés de nouveau

de se battre, ils n'ont amené a Trébigné qu'une faible partie de ce convoi. Depuis lors ils ont abandonné toute tentative de communiquer avec Raguse.

Ayant ainsi réduit à l'inaction les troupes de Trébigné, les insurgés dont le nombre montait un moment à 1 500 hommes campés près de Raguse se sont divisés. Les nouvelles de la partie Est de l'Herzégovine annonçaient que Mechmed Ali pacha, ayant battu pop Zarko sur les confins serbes, s'avançait en Bosnie et que Derwich pacha (Ded aga Tchingić) avec Selim pacha, dont les forces réunies montaient déjà à dix bataillons de troupes régulières avec une grande force de musulmans indigènes, faisaient mine de s'avancer dans l'intérieur de l'Herzégovine, dans la direction de Bilek. Maksim Batchewich quitta le Glavsky-Dol pour aller renforcer les insurgés vers Gatzko et Bilek. Peko et Lubibratic avec les insurgés de Schouma et quelques volontaires, ayant aussi jugé qu'il suffisait de laisser sur la route de Trébigné de 200 à 300 gens de Zoubzi pour tenir en échec les troupes de cette ville, démoralisées et affaiblies, se sont dirigé vers le nord à la rencontre des 3 nouveaux bataillons qui venaient le 13 (25) de ce mois de débarquer à Klek.

Les derniers événements ont eu lieu dans les environs de cette enclave à Klek. Peko et Lubibratic se sont placé le 16 (28) dans les environs du village Utovo où le chemin venant de Klek se bifurque en deux embranchements, dont l'un conduit vers la Narente et Mostar et l'autre vers Stolac. Le lendemain, le 17 (29) les troupes venant de Klek se sont heurté contre les insurgés de ces deux chefs. Un brouillard épais couvrait le champ de bataille de sorte que les troupes turques et les insurgés n'ont pu se voir qu'au moment où ils étaient déjà l'un de l'autre à la portée du pistolet. Le détachement de Peko sans perdre le temps s'est jeté sur les turcs à arme blanche et les a mis immédiatement en fuite. A ce qu'il parait un terrible carnage a eu lieu dans ce moment. Mais pendant que les insurgés poursuivaient les troupes turques en fuite vers la frontière autrichienne, d'autres troupes venaient de Stolac instruites probablement par la fusillade, prendre les insurgés à revers.

S'étant trouvés ainsi entre les deux feux, les insurgés ont dû cesser la poursuite et en se rétoumant contre les forces venues de Stolac, ils ont fait une retraite dans la direction du midi, une retraite qui parait avoir été des plus remarcables et prouvant l'habileté de ces gens dans la guerre de montagnes. Les pertes des insurgés ont été fabuleusement minimes dans cette affaire qui s'est passée dans des conditions les plus desavantageuses pour eux— et cependant, je puis cette fois-ci garantir l'exactitude de ce chiffre; — ils ont perdu 4 tués et 17 blessés qui sont actuellement tous apportés à Raguse. Nous ne savons pas ce que sont devenus les Turcs. Ils sont restés maîtres du chemin de Klek mais aussi à ce qu'il parait ils se sont aussi dirigés dans la direction de la retraite des chrétiens — c'est à dire vers Trébigné. Hier dans un endroit appelé Slano non loin de cette dernière ville il y a eu de nouveau une rencontre sanglante où les Turcs ont été repoussés à ce qu'on dit.

Pendant ce temps Ded aga et Selim pacha1 ont eu quelques succès sur les insurgés dans la partie est de l'Herzégovine. Repoussés le 28 août dans leur tentative de ravitailler le fort de Piva — Goransk, ils y ont réussi le 5 septembre en tuant beaucoup d'insurgés qui, malgré leur trop grande infériorité numérique, sous le commandement de Sotchitza, dont la bravoure domine les légendes de cette insurrection, voulaient empêcher pendant toute la journée les forts bataillons de Selim pacha de traverser le plateau de Ravno.

Le 10 septembre ces mêmes — Selim pacha et Ded aga, de retour de Piva, ont pu ravitailler Nikschić en traversant le défilé difficile de Douga, que les chrétiens paraissent avoir faiblement deffendu.

Ces deux généraux font probablement à présent la tentative de débloquer Bilek et de battre les insurgés entre le Monténégro et l'Herzégovine, à ce qu'il parait, réunissent contre eux leurs forces.

Je ne mentionne pas les petits faits d'armes qui ont eu lieu tous les jours sur toute la surface de l'Herzégovine.

Nous ne pouvons pas savoir exactement ce qui se passe du côté de Senitza mais, à ce qu'il parait, Mehmed-Ali pacha y avait remporté des succès assez considérables et s'avance vers la Bosnie. Les insurgés de Piva, Scharantzi et Kalochine qui tout d'abord occupaient la rive gauche de la rivière Lime ont battu en retraite et se réunissent vraisemblablement avec ceux des détachements des chrétiens qui font mine de vouloir mettre fin aux progrès de Ded aga et de Selim pacha.

Votre excellence peut être daignera faire cette conclusion de l'aperçu que je crois avoir pu tracer assez fidèlement, que l'insurrection ne semble pas du tout vouloir péricliter et que la lutte se poursuit avec un assez grand acharnement, malgré l'inaction du Monténégro qui est aujourd'hui plus complète qu'elle n'a été au commencement de cette insurrection et malgré l'attitude plus réservée de la Serbie — circonstances qui auraient dû décourager les insurgés et les rendre moins entreprenants.

Il est difficile de prédire l'avenir là où les passions jouent le plus grand rôle, mais je crois que l'insurrection s'établira en permanence dans ces pays, puisque l'hiver même qui s'approche encourage les chrétiens plus qu'il ne les effraye. La réunion de grandes forces turques dans ces pays dévastés et saccagés sera peut être impossible pendant la mauvaise saison et les chrétiens semblent compter sur cette éventualité en espérant pouvoir tenir la campagne jusqu'au printemps.

Il est impossible d'attribuer ce fait uniquement à des suggestions du dehors. Contre le découragement populaire elles n'auraient pas prévalues et d'ailleurs les secours que l'insurrection reçoit de l'étranger ne sont pas assez forts pour la nourrir si elle manquait de vitalité.

Il est vrai que les dalmates et les Croates redoublent d'activité depuis que la Serbie parait être plus réservée[2], mais les volontaires qu'ils envoyent en Herzégovine nuisent plutôt aux insurgés qu'ils ne les renforcent, et ne comptent pas pour beaucoup les jours du combat. Leurs influence est absolument nulle en Herzégovine; peut être en Bosnie elle est plus grande, mais aussi les affaires des insurgés y vont-elles assez mollement. La Serbie parait envoyer beaucoup moins de volontaires dans ce dernier temps, tandis que depuis plus de deux semaines pas un seul monténégrin n'est venu grossir les bandes des insurgés — à Monténégro, même parmi le peuple, s'est rependue en apparence la conviction qu'il ne faut rien risquer sans la coopération de la Serbie. Tout ce que les monténégrins veulent faire à eux seuls, c'est d'aider les insurgés s'ils étaient battus et pressés par les Turcs de se couvrir par la frontière du Monténégro, en quel cas la lutte aurait été terminée.

Mais malgré tout ceci une conviction persiste dans le peuple, et ceci partout dans les provinces turques insurgées, ainsi qu'à Monténégro, en Serbie et dans les pays limitrophes

de l'Autriche, que cette affaire ne peut être terminée sans un remaniement des conditions politiques et sociales chez le peuple serbo-croate. En même temps, plus la lutte dure, plus la réconciliation avec les Turcs parait être impossible sur les bases de la conservation du régime administratif de la Turquie, même adouci par des améliorations apparentes et illusoires. Peut-être la perspective d'une reforme radicale en Turquie aurait pu changer la direction des esprits, mais tout le monde est convaincu que sans une intervention européene énergique ou sans une victoire remportée sur les Turcs cette perspective n'est pas probable et la durée de la lutte semble encore nécessaire à tous les esprits engagés dans l'affaire.

J'ose croire qu'il y a peu de probabilité pour que la commotion produite par l'insurrection de l'Herzégovine dans la vie d'un peuple brave et jeune et qui compte dans les deux empires plusieurs millions d'habitants, puisse disparaître pendant cet hiver sans laisser de traces et au moyen des compromis insignifiants.

L'insurrection pourra être étouffée autour de Mostar, mais la question se déplacera à Belgrade, à Agram et à Cettigné sans devenir pour cela ni moins grave, ni moins menaçante.

Avec le plus profond respect j'ai l'honneur d'être, monsieur le baron, de votre excellence, le très humble serviteur

A. Ionine

P. S. Je viens d'apprendre que le paquebot d'aujourd'hui amena à Raguse dix jeunes gens russes, à ce qu'il parait — étudiants de Kieff qui vont d'unire aux insurgés[3]. Je les ai seulement entrevu — ils paraissent appartenir à une assez bonne société. Avec ces nouveaux-venus le nombre des russes en Herzégovine sera de treize. Les italiens doivent être trente ou quarente. Il y a un officier français venu de l'Afrique. Avec quelques allemands c'est tout l'élément étrangers de l'insurrection qui suggère parait-il tout à fait à tort la supposition que la révolution sociale cosmopolite veut profiter de l'Herzégovine comme d'un nouveau champ pour ses exploits. Le nombre des volontaires slaves est beaucoup plus considérable.

D'après les toutes dernières nouvelles les Turcs ont réunie toutes leurs forces disponibles dans la partie Ouest de l'Herzégovine, plus de dix bataillons, à Trébigné ce qui ne fait pas cependant plus de 3 000 hommes. Les insurgés sous Peko Pawlow et Lubibratič sont de nouveau entre Trébigné et Raguse.

A. Ionine

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-$А_2$. Д. 747. Л. 282–291. Подлинник.

Перевод

Господин барон!

Две недели назад был момент, когда восстание в Герцеговине, казалось, ослабевало, хотя я не разделял тогда оптимистических прогнозов корреспондентов газет, которые обыкновенно не дают себе труда проникнуть ни в глубь страны, ни в глубь

вещей, как не соглашался и с предложениями, видимо, высказывавшимися самими международными комиссарами, кои ездили тогда по пограничью этого края в поисках инсургентов. Затишье было тогда чисто случайным: восставшим нужно было пересчитать свои ряды после первого броска, а турецкие войска, в то время значительные, высадившись в Клеке и направившись затем на Требинье и Билеч, растянулись как завеса между Далмацией, которая приютила доносчиков и случайных политиканов, и Герцеговиной; наконец, то был момент, когда все взоры были прикованы к Сербии, благодаря чему инсургенты держались в резерве.

Поездка комиссаров едва ли была одной из причин затишья. Она была почти проигнорирована большинством повстанцев. Прокламации Сервера-паши[1] не могли даже быть прочитаны внутри региона, а будь они прочитаны, расплывчатость их содержания не вызвала бы никаких серьезных сдвигов в настроениях народа. Но после этой неопределенности борьба возобновилась с новой силой. Восставшие почувствовали, что, отказавшись сложить оружие и сдаться в Мостаре Сервер-паше, они должные будут ждать более серьезных нападений со стороны турок, и они, видимо, решили опередить их.

Свидетелю борьбы, подобной той, которая идет в Герцеговине и в Боснии, трудно ручаться за точность своего повествования, если он пожелает взяться за отдельные факты и описать их во всех подробностях; поэтому я обязан ограничиться здесь изложением общей ситуации, упоминая только о наиболее важных фактах, точность коих я могу гарантировать.

Вплоть до первых дней сентября по нашему стилю восставшие были заняты ликвидацией турецких сторожевых башен, которые мешали им установить прочный контроль в горной местности. В то же время они стремились обезопасить свои семьи и стада, укрывшиеся в Австрии и у границ Черногории. Для того, чтобы скрыть эту операцию от турецких сил, сосредоточенных вокруг Герцеговины, они имели несколько крупных отрядов на севере провинции, призванных отразить наступление войск, когда эти последние захотят проникнуть внутрь страны. Они обращали мало внимания на то, что происходило на границах Далмации, где турецкие войска были малочисленны, чем и объясняется то, что войска, высадившиеся в Клеке, вошли в Требинье и Билеч без сопротивления, рассеяв одним фактом своего появления несколько отрядов инсургентов и в первую очередь иностранных добровольцев, осаждавших тогда Требинье.

Одновременно целью повстанцев в этот период восстания было лишить мусульман края, равно как и регулярные войска, средств пропитания, оставив без подвоза припасов из-за границы и особенно морем. Они сжигали мусульманские селения, слабо или вообще не укрепленные, вынуждали их жителей спасаться бегством в городах, похищали их скот и продовольствие. Эти операции столь хорошо удались, что 20 батальонов, находящихся в настоящее время в Герцеговине, вынуждены сегодня использовать все свои силы для перемещения туда и обратно между укрепленными пунктами в целях их снабжения, неся все время большие потери, будучи сильно измотаны и не находя достаточно солдат для чисто военных операций.

Впоследствии, когда восстание вспыхнуло на границах Сербии, в округах Сеница и Ново-Варош, инсургенты Герцеговины попытались подать ему руку, чтобы закрыть или затруднить сообщение между Румелией и Боснией, что им также удалось сделать на некоторое время.

Но начиная с первых дней сентября положение изменилось — христианам пришлось приложить больше активности для собственной защиты, что дает сегодня основания полагать, что восстание усиливается.

С одной стороны, инсургенты Герцеговины поняли, что, оставляя туркам границы Далмации и позволяя войскам из Требинье и Билеча пользоваться Рагузой как прочной базой своего снабжения, они предоставляли этим войскам свободу действий и возможность стратегического маневра. С другой стороны, новые войска продвигались со стороны Сеницы, и, если бы им удалось открыть дорогу с этой стороны — они смогли бы также пройти вдоль всей границы Черногории в направлении Билеча. Таким образом, если бы этот последний маневр турок удался и если бы последние в то же время сделались в итоге абсолютными хозяевами районов, пограничных с Далмацией, то восставшие, оставаясь в обороне в центре края, рисковали бы быть отрезанными от границы, что сделало бы их положение очень шатким.

Им пришлось отказаться от пассивной позиции, и, по-видимому, они — правильно или не правильно — сочли для себя лучшим прежде всего взяться за коммуникации турок с морем, оставив на время энергичную оборону сеницкой дороги.

Таким образом, 6 (18)-го числа сего месяца всегда беспечные турки оказались в Требинье вновь окруженными восставшими. Достаточно сильные отряды последних покинули равнины Невесинья и, с большой ловкостью ведомые Пеко Павловичем] и банянским воеводой Максимом Бачевичем, пройдя весьма замечательным форсированным маршем, встали на дороге от Рагузы до Требинье. Численность этих отрядов не превышала 800 человек. Турки, очнувшись от их появления, в тот же день атаковали этих повстанцев почти что на австрийской границе под Рагузой, но эта атака, проведенная, видимо, с большой несогласованностью и нерешительностью, имела для них плачевный результат. В Главски Доле они были полностью разбиты, и, так как низам выступал в сопровождении мужского населения Требинье, посаженного на лошадей из фанфаронства, — первые лица из мусульман этого города погибли в бою.

Дело под Главски Долом, как кажется, привело требиньских турок в большое уныние. 8 (20)[2*] сентября они еще раз попробовали выступить в числе двух батальонов, чтобы провести обоз с продовольствием из Рагузы, но, вынужденные снова сражаться, доставили в Требинье лишь малую часть этого обоза. С тех пор они отказались от всякой попытки сообщения с Рагузой.

Таким образом, принудив требиньские войска к бездействию, инсургенты, число которых достигло одно время 1 500 человек, ставших лагерем возле Рагузы, разделились. В сообщениях из восточной части Герцеговины говорится о том, что Мехмед Али-паша, разбив отряд попа Жарко на сербской границе, вел наступление в Боснии и что Дервиш-паша (Дед-ага Ченгич) с Селим-пашой,

объединенные силы которых насчитывали в общей сложности 10 батальонов регулярных войск, с большим отрядом местных мусульман, вроде бы продвигались внутрь Герцеговины в направлении Билеча. Максим Бачевич покинул Главски Дол и двинулся для подкрепления восставших на Гацко и Билеч. Пеко и Любибратич вместе с повстанцами Шумы и несколькими волонтерами, также решив, что достаточно оставить на дороге на Требинье 200–300 человек из Зубцов для того, чтобы сковать войска этого города, деморализованные и ослабленные, направились на север навстречу 3-м новым батальонам, высадившимся 13 (25)-го числа этого месяца в Клеке.

Последние события произошли в окрестностях этого анклава перед Клеком. Пеко и Любибратич разместились 16 (28)-го числа возле деревни Утово, где раздваивается дорога, идущая из Клека: одно из ответвлений ведет к Наренте и Мостару, а другое — к Столацу. На следующий день, 17 (29)-го числа, войска, пришедшие из Клека, наткнулись на инсургентов во главе с обоими этими вождями. Поле битвы покрыл густой туман, так что турецкие войска и повстанцы так и не видели друг друга, пока не оказались друг от друга на расстоянии пистолетного выстрела. Отряд Пеко, не теряя времени, бросился на турок с холодным оружием и сразу же обратил их в бегство. По-видимому, произошло ужасное кровопролитие. Но в то время, как инсургенты преследовали турецкие войска, бегущие к австрийской границе, другие части прибыли из Столаца, вероятно услышав пальбу, чтобы напасть на повстанцев с тыла.

Оказавшись, таким образом, меж двух огней, инсургенты были вынуждены прекратить преследование, и, обратившись против сил, прибывших из Столаца, они отступили в южном направлении; отступление это казалось весьма удивительным и доказывало умение этих людей вести войну в горах. Потери повстанцев были на диво незначительными в этом сражении, происшедшем в самых неблагоприятных для них условиях: впрочем, — на этот раз я могу гарантировать точность приводимой цифры— они потеряли 4 человека убитыми и 17 ранеными, которые все доставлены в Рагузу. Мы не знаем, что стало с турками. Они остались хозяевами дороги на Клек, но, как кажется, тоже направились по следам отступающих христиан, т. е. на Требинье. Вчера в пункте под названием Слано, находящемся неподалеку от названного города, снова произошла кровавая стычка, в коей турки, как говорят, были отброшены.

Тем временем Дед-ага и Селим-паша добились некоторых успехов в боях с повстанцами в восточной части Герцеговины. Отброшенные 28 августа после попытки снабдить продовольствием форт Пивы — Горанско, они одержали победу 5 сентября, убив многих инсургентов, которые, сильно уступая противнику в числе, под командованием Сочицы, чья храбрость вошла в легенды сего восстания, в течение всего дня преграждали путь мощным батальонам Селим-паши, мешая им перейти плато Равно.

10 сентября те же Селим-паша и Дед-ага, возвратившись из Пивы, пересекли трудное ущелье Дуга, где оборона христиан, видимо, была слабой, и снабдить продовольствием Никшич.

Оба эти генерала в настоящее время, вероятно, предпринимают попытку деблокировать Билеч и разбить восставших между Черногорией и Герцеговиной, которые, кажется, объединяют против них свои силы.

Я не упоминаю о мелких стычках, происходящих ежедневно на всей территории Герцеговины.

Мы не можем точно знать, что происходит со стороны Сеницы, но, по всей видимости, Мехмед Али-паша одержал там довольно значительные успехи и продвигается к Боснии. Восставшие Пивы, Шаранцев и Калошина, сначала занимавшие левый берег Лима, отступили и, очевидно, соединяются с теми отрядами христиан, кои намерены положить конец дальнейшему продвижению Дед-аги и Селим-паши.

Ваше превосходительство, возможно, изволит сделать такой вывод из очерка, написанного мною, смею сказать, достаточно достоверно, что восстание нисколько не угасает и борьба продолжается с достаточно сильным ожесточением, несмотря на бездействие Черногории, которое ныне более полное, чем в начале восстания, и несмотря на более осторожное отношение Сербии — обстоятельства, которые должны были бы обескуражить инсургентов и сделать их менее деятельными.

Трудно предсказать будущее там, где первостепенную роль играют страсти, но я считаю, что восстание в этих краях будет длиться постоянно, т. к. само приближение зимы скорее ободряет христиан, чем пугает их. Соединение крупных турецких сил в этих опустошенных и разоренных краях может быть невозможным во время сезона дождей, и христиане, кажется, рассчитывают на эту возможность, надеясь, что они смогут продлить кампанию до весны.

Невозможно приписать данный факт исключительно наущениям извне. Если бы народ был угнетен духом, то они бы не возобладали, да, впрочем, помощь, которую восставшие получают из-за границы, недостаточно сильна для поддержания восстания, если бы ему не хватало жизнеспособности.

Правда, с тех пор, как Сербия стала проявлять большую сдержанность, далматинцы и хорваты удвоили свою активность[2], но волонтеры, коих они направляют в Герцеговину, скорее мешают, чем помогают повстанцам и принимают мало участия в боевых действиях. Их влияние абсолютно ничтожно в Герцеговине; может быть, в Боснии оно более значительно, но и там дела инсургентов идут довольно вяло. Сербия, кажется, посылает в последнее время намного меньше добровольцев, а в отряды инсургентов уже более двух недель не вступил ни один черногорец — в Черногории даже среди народа по-видимому распространилось убеждение, что не стоит ничем рисковать без сотрудничества с Сербией. Все, что черногорцы хотят делать сами, — это помогать восставшим, если они будут разбиты турками и вынуждены спасаться бегством через черногорскую границу, в этом случае борьба была бы завершена.

Но, несмотря на все это, в народе во всех восставших турецких провинциях, как и в Черногории, в Сербии и пограничных районах Австрии сохраняется убеждение, что это дело не может быть закончено без преобразования политических и социальных условий сербо-хорватского народа. И в то же время чем дольше

длится борьба, тем более невозможным представляется примирение с турками на основах сохранения административного режима Турции, даже смягченного мнимыми и иллюзорными улучшениями. Может быть, перспектива радикальной реформы в Турции могла бы изменить направление умов, но все убеждены, что без энергичного европейского вмешательства или победы, достигнутой над турками, эта перспектива маловероятна, и длительная борьба продолжает казаться необходимой для всех, принимающих участие в этом деле.

Смею думать, что существует мало вероятности того, что потрясение, произведенное восстанием в Герцеговине в жизни храброго и молодого народа, насчитывающего в обеих империях много миллионов жителей, может исчезнуть этой зимой не оставляя следов и из-за незначительных компромиссов.

Восстание может быть подавлено вокруг Мостара, но вопрос переместится в Белград, Аграм и Цетинье, не став от этого ни менее серьезным, ни менее угрожающим.

С самым глубоким уважением имею честь оставаться, господин барон, вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Ионин

P. S. Я только что узнал, что сегодняшний пакетбот привез в Рагузу десять русских молодых людей, кажется киевских студентов, которые желают присоединиться к повстанцам[3]. Я видел их только мельком — они, кажется, принадлежат к достаточно хорошему обществу. Вместе с этими новоприбывшими число русских в Герцеговине достигнет тринадцати. Итальянцев должно быть тридцать или сорок. Есть один французский офицер, прибывший из Африки. Вместе с несколькими немцами — это весь иностранный элемент восстания, что, по всей видимости, полностью опровергает предположение о том, что космополитическая социальная революция хочет использовать Герцеговину в качестве нового поприща для своих подвигов. Число славянских волонтеров гораздо более значительно.

По всем последним сообщениям, турки сконцентрировали все свои наличные силы в западной части Герцеговины, более десяти батальонов в Требинье, что, однако, не превышает 3 тыс. человек. Инсургенты, возглавляемые Пеко Павловым и Любибратичем, снова находятся между Требинье и Рагузой.

А. Ионин

1* *В документе ошибочно:* 23. sept[embre] (5 nov[embre]).

2* *В документе ошибочно:* 8 (10) septembre.

1 См. док. 21.

2 См. док. 27 и прим. к нему.

3 Речь идет, вероятно, о первых добровольцах из России. Это были участники революционных кружков Киева и Одессы В. П. и А. П. Лепешинские, К. И. и Н. И. Шавердо, И. К. Дебагорий-Мокриевич, И. М. Ходько, И. В. Зелинский, О. М. Габель, П. А. Енкуватов и другие, которые уехали в Герцеговину в сентябре 1875 г. на средства, собранные украинскими либерально-буржуазными организациями — «громадами». Из Швейцарии прибыли сражавшийся в рядах парижских коммунаров М. П. Сажин и известный впоследствии писатель С. М. Степняк-Кравчинский. Кроме того, либерал В. Я. Яновский на свои средства организовал отряд из 80 человек. В Боснии в восстании участвовали революционер Н. Д. Далматов и журналисты левого толка С. Ф. Шарапов и Ф. Васильев. Почти все они были на нелегальном положении и границу перешли также нелегально. Тяжелые условия горной партизанской войны стали одной из главных причин кратковременности их пребывания в Герцеговине. Однако ряд добровольцев оставался там до весны 1876 г. и затем принял участие в сербско-турецкой войне (см.: *Хевролина В. М.* Революционная Россия... С. 42–43).

32

Регламент, определяющий права христианского населения Боснийского вилайета, порядок взимания налогов и исполнения повинностей

24 сентября (6 октября) 1875 г. Мостар

С 1 марта 1876 года все меджлисы в санджаках (губерниях), кадилуках (уездах) и селах будут распущены и снова реформированы, а члены выбираемы и назначаемы согласно указанному в особых правилах порядку.

Так как выгоднее для народа, чтобы десятина взималась с самых земель, то настоящий порядок откупа десятины будет отменен; но если новый порядок не может быть введен до сбора будущего года, то десятина будет распродана прежде времени жатвы на всем протяжении виляета.

Если этот срок истечет, а десятина не будет продана вследствие причин, зависящих от чиновников, то виновный чиновник будет немедленно отставлен от службы и предан суду.

Если же промедление произойдет от жителей, то всякий из них за причинение ущерба будет подлежать наказанию.

Если откупщик десятины одного села не начнет сбора десятины на пятый день после данного им обязательства, а откупщик десятины целого уезда на десятый день после такового же обязательства, сельские старшины имеют право переписать количество всей жатвы и позволить всякому поселянину убирать свою долю с полей. Если откупщик десятины пожелает произвести свой десятинный сбор после указанного срока, то принужден будет довольствоваться сбором по переписи, которая будет ему представлена сельскими старшинами, и уже не имеет права требовать более того, что внесено в означенный реестр.

Скот должен быть точно пересчитан прежде, чем будет выгнан на пастбища в горы, и подать с него (ресм) должна быть взимаема сообразно с действительным количеством скота.

Все подданные его величества султана без различия могут исповедовать свою веру всякий по своему обряду с полною свободою и безопасностью. Никто не смеет и помыслить о нарушении этого государственного закона. Если кто-либо осмелится пренебречь этим законом, он немедленно подвергнется наказанию в силу закона. Местные управители или мудиры и даже высшие чиновники ответственны пред законом и подлежат наказанию, если они оставят без внимания уклонение от этого закона, где бы оно ни произошло.

Муниципальный доход всякой местности, где имеется муниципалитет (беледие), должен расходоваться в том же самом месте на приведение в порядок и чистоту и на украшение местности, как это указано в правилах, относящихся до этого учреждения (беледие). А так как сумма, назначенная на начальные школы, недостаточна, то дозволяется местным меджлисам уделять на их нужды из муниципального дохода дополнительную сумму в потребном размере.

Свод законов должен служить руководством в личных и общественных действиях чиновников и общества. Знание закона необходимо для всякого вообще. Но так как свод законов, заключающихся в так называемом дестуре, еще не переведен на туземный язык, то решено сделать этот перевод и опубликовать, с каковою целью будет назначен особый комитет в центре виляета.

Все решения судов гражданских будут писаны с переводом на язык, доступный народу, и под этим переводом будут подписываться председатель и члены меджлисов.

Отныне не будет требоваться с народа комор, т. е. поставка лошадей для перевозки откуда бы то ни было грузов, принадлежащих военному или гражданскому ведомствам.

Впрочем, если кто добровольно пожелает уступить своих лошадей для этой потребности, то ему будут уплачиваемы деньги вперед по взаимному с ним соглашению, и если окажется, что некоторые имеют получить деньги за поставку лошадей, то они будут удовлетворены по рассмотрении дела.

При постройке дорог жители будут отныне работать только на дорогах в своем уезде, а не вне его. Притом для них обязательны 20 дней работы в течение 5 лет.

За исключением этой обязательной работы на дорогах законом воспрещено требовать от жителей бесплатных работ при казенных постройках или других частных предприятиях. Строго будут наказаны нарушители этого закона. Кроме того, ни мултезимы, ни кто другой не смеют ничего требовать от народа силою. Тот подлежит судебному наказанию, кто совершит этот поступок, строго запрещенный законом.

Вступить на службу по полицейской части могут только те, которые отбыли военную и редифную службу и которые отличаются примерным образом жизни и честным поведением.

Все полицейские какого бы то ни было уезда будут иметь своих начальников, начиная от унтер-офицеров до начальников высшего чина, из других мест. Во всяком случае и полицейские, и самые начальники их обязаны представлять местной власти за себя поручителей.

Так как на полицейских лежит обязанность наблюдать за благочинием, то они не должны быть употребляемы для других занятий. Поэтому с них снята обязанность сбирать подати, которая возлагается на особых сборщиков (тахсильдары), имеющих избираться из мусульман и христиан.

Помянутые тахсильдары приступят к исправлению своей должности с 1 марта будущего 1876 года. Правила касательно их избрания и их обязанностей будут составлены и опубликованы.

Порядок, который должен соблюдаться между агами и кметами в целом виляете Боснии при уплате половины, третины, четвертины и пятины

Все кметы (чифчие) отныне должны заключать с агами контракты в силу § 11 закона, изданного в 1276 году (геджира 15 лет тому назад) относительно дележа продуктов земли.

Все доселе совершенные словесные сделки между агами и кметами (собственниками и возделывателями земли) относительно доходов с чифликов должны быть в силу помянутого параграфа внесены в контракты. Эти контракты будут писаны местными властями безвозмездно.

Таковые контракты должны быть заключаемы с сегодняшнего числа впредь до истечения 6 месяцев.

Если же к концу этого срока договаривающиеся стороны не придут к взаимному соглашению и прежние словесные сделки не будут скреплены контрактами, а также будут заключаемы новые по словесному договору, то с землевладельца и земледельца будет взят штраф в размере платимой за землю подати. Если же только один из них воспротивится к заключению контракта и это будет засвидетельствовано в суде, то он один уплатит помянутый выше штраф, который будет внесен в муниципальную кассу. Таковой порядок будет продолжаться до тех пор, пока будет заключен между ними надлежащий контракт.

При ежегодном собрании великого виляетского совета все депутаты санджаков и кадилуков во исполнение своей должности в силу закона обязаны представлять письменно генерал-губернатору рапорт о всех бывших в течение протекшего года случаях неправосудия. Они могут делать это открыто или тайно; последнее в том случае, когда требуется скрыть имя того, чрез кого получено известие о факте. Вали обязан сообщить рапорты всему собранию. В том случае, когда этот факт не подлежит рассмотрению виляетского великого совета, то дело передается в виляет, где безотлагательно должно быть рассмотрено.

Ни один чиновник отныне не может быть отставлен от службы без особенной причины. Замеченный же в противозаконном поступке немедленно должен быть отдан под суд и наказан по закону.

В помощники боснийскому генерал-губернатору назначен Ибрагим-бей, один из высокопоставленных сановников Порты. Этот чиновник будет исправлением своей важной должности помогать валии при наблюдении за точным исполнением закона и судебных решений и надзоре за поведением и действиями чиновников.

Кроме того, будет учрежден особый комитет, обязанность которого будет заключаться в наблюдении за ходом дел административных. Результат наблюдений будет представляться непосредственно на усмотрение только валии и его помощника.

Члены комитета будут состоять из мусульман и христиан. Их будет избирать вали со своим помощником. Каждый из них обязан дать присягу в том что он [будет] точно и добросовестно говорить правду валии. Имена их будут секретно сообщены Высокой Порте.

Обязанности этих выборных людей будут состоять в наблюдении:

1. за тем, продана ли десятина вовремя или нет;

2. в наблюдении за поведением откупщиков десятины, старшин народных — мусульман и христиан;

3. за образом выборов членов меджлиса, за взаимными отношениями помещиков и кметов, за поведением полицейских и их начальников и за тем, какие случаются злоупотребления при постройке дорог жителями и

4. за поведением мудиров, каймакамов и мютесарифов и за исполнением сими последними их обязанностей.

Эти надзиратели (муфеттиши) будут записывать свои наблюдения в двух дубликатных рапортах за собственноручною подписью. Один экземпляр они обязаны представлять валии и его помощнику, другой же держать при себе.

По представлении рапорта муфеттишом вали и его помощник обязаны немедленно сделать надлежащее следствие, и сколь скоро откроется противозаконный поступок, виновный в нем должен быть безотлагательно наказан.

Вообще объявляется всем и каждому, что в силу изданного особого высочайшего ираде его величества султана никто из подданных не смеет ни под каким предлогом оскорблять своего ближнего, кто бы он ни был. Все верноподданные во всяком случае и вместе без различия вероисповедания пользуются полною равноправностью. Кто осмелится уклониться от исполнения ираде и поступать против этих наших правил или против других приказаний, имеющих быть опубликованными, а также кто не приложит особенного внимания при наблюдении за исполнением этого закона, тот безотлагательно и строго будет наказан в пример прочим.

Подписали:

Президент Государственного совета Сервер-паша

Генерал-губернатор Боснии Ахмед Хамди-паша

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 28. Л. 423–429 об. Перевод с турецкого яз.

33

Список предводителей восстания в Боснии и Герцеговине

Не позднее 29 сентября (11 октября) 1875 г.[1*]

Trois garibaldiens:
Carlo Conte Fuello
Femioni Nerini
Fernando Furini
Пейко Павлович
Любобратич
Поп Жарко
Лука Пейкович
Игумен Иосиф
Архимандрит Стефан
Гавро Вучкович
Трифон Вукалович
Илья Билибей
Голубь Бабич, успевший завербовать в свою банду и нескольких мусульман[1].

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 28. Л. 293. Подлинник.

[1*] *Датируется по препроводительному донесению Н. П. Игнатьева.*

[1] Автор документа неизвестен. Неясно, о каких районах восстания, где действовали названные предводители отрядов повстанцев, идет речь. Список, без сомнения, не отличается полнотой. Так, сам участник восстания В. Пелагич называет следующие фамилии боснийских руководителей: Триво Амелица, Голуб Бабич, Петар Петрович-Пеция, Риста Йеич, Вид Миланович, Перо Крецо, Стево Алексин, Остоя Веинович, Мича Шурлан, Чаракович, Перо Павлович, Бундало. В научной литературе среди главных предводителей герцеговинского восстания значатся Лазарь Сочица, Петр Радонич, Максим Бачевич, Богдан Зимонич, Мичо Любибратич. Руководителями восстания на территории Боснии названы: Васо Видович, Симо Билбия, Иово Билбия, Спасое Бабич, Голуб Бабич, Петр Узелац, Тодор Сучевич, Илья Библия, а также гайдуки Остоя Корманош и Петр Петрович-Пеция (см.: *Пелагић В.* Указ. соч. С. 81, 89, 143; История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 610; а также док. 65, 81, 105, 125).

34

Обращение Бродского комитета к мусульманскому населению Боснии с призывом не выступать против повстанцев-христиан и совместно бороться против турок-османов

Сентябрь 1875 г.[1*]

Искрена ријеч Турцима босанским!

Турци Бошњаци! Од како је планула пушка у Босни од онога часа непрестано мотрим и пратим жалостним осјећањем, тужним срцем несреће које се у нашој лепои Босни поносно и између урођеним землјацима вјере турске-ришчанске догађају.

Турци! Ви сте обманута и заведени од неситих и лажљивих Османлија коим нити је до турске нити до ришчанске вјере, нити имања, благостања, среће и напредка своих Турака, нити ришчана стало већ као што данас и сами знате до свога неситога бурага и празне кесе, да се што више изхрана и што болје свое дубоке кесе и вашим турским и нашим кришчанским крвавим знојем напуне, дошавши и голи и боси и гладни и жедни у нашу општу по праву природи Богом дану лијепу постоибину босанску не знајући нити земље, нити језика, нити нашег лијепог од прадедака нам остављеног обичаја и завичаја, већ једино оно што само њима као Османлијама годи и њиовои блуднои разкошности одговара.

Турци! Не говорим ја ово вама од никакове злобе, нити пакости а још мање из душманлука, Боже сачуваи, већ једино зато што и вама као и нама, свако добро, сваку срећу и напредак желим, гријех вам на душу ако посумњате да другчије мислим, неже ли што вам овдје искрено и отворено говорим.

Турци! Ви се данас нажалост кољете на живот и на смрт са вашим урођеним землјацима ришћанима, кад бисте метнули као људи руку на срце пак се сами себе упитали, увјерен сам да ни сами себи не би знали правота темељитога разлога дати зашто, а камо ли Богу и увиђовним људима, зар зато дижете ваше руке проти до јакашоњи раи што јој је османлиско зло догрдило и већ посве несносним постало, зар зато што је Османлија раи и заднју кап крви изсисао, зар зато што раи Османлија неда ни оком прогледати, зар зато што Османлија не даде раи да се позна као човек човеком већ до скотског станја дотјерао, зар зато што Османлија у своим пакленим намјерама вас босанске Турке на нечовечно дјело потиче да да будете ви вашим рукама злочинац сваког богомрског дјела на вашу срамоту а раино зло и несрећу, а не знате да је раино зло и несрећа уједно и ваше зло и несрећа, зар зато што данас раја узвојењу њеном искочи на боиште за преведну солободу, за истину и праведу, зар зато што се раја Богу моли да ју Бог од наших општих босанских крвопија ослободи, и за ту лијепу златну слободу на живот и на смрт се боре. Е, па раците ви сами ако још и једне искре поштене човечности имате да и равотили криво говорим.

Турци! Ви нећете да увиђате што је право што ли криво, ви нећете да увиђате из саме заблуде и османске обмане да је слобода ришћанска, уједно и слобода ваша као и њихова, ви нећете да увиђате да је Босна и ваша и њима отаџбина и да на исто

и по божјем праву и по приоди једно драгоцјено право имаду, у свим приликама у свим догађаима домовине своје као и ви.

Турци! Лажно је што вам Османлије довикују да ће вам Србија земље иманје одузети, ваше беглуке које јошт по старини уживате уништити, вас турске ваше вјере на силу лишити, ваше џамије разорите, светињу вам дрнути, вас прогонити и до просијачкога штапа дотјерати, па вам веле испод мукла борите се храбро и браните крвију ваше замље, иманје, и вјеру ако вам треба.

А зашто вам Османлије тако довикују, једино зато, јер они сами нити болје чине нити болје мисле чинити, искуства сте већ довољно и сами о лажи, о отимачини, о неправди Османлије оскушали јер з дана у дан и вас као и рају до просјачкога штепа доћераше. О Србији ако тако мислите као што вам лажне Османлије говоре љуто гријешите, нека случаино сутра Србија Босну освои то ћете се увјерити да зато бољу слободу, болја права уживати, ваша иманја остадећу вам невредима у посједу, вашу вјеру (дин) уживати ћете свободно у подпуном смислу као и други народи без разлике вјере бити ћете слободни у свему, и имати народну владу којои ћете и ви уз колјено сједити моћи о благу, срећи, и напретку земље и народа и вашим силама удружено порадити, ево вам доказ да у сред Бијограда Србија издржава о своме државноме трошку и вашу џамију и вашег оџу који је онде у сваком уваженју и поштованју.

Турци! Увјерити вас могу да и раја што се данас на оружје диже друкчије не мисли, раја босанска не иде на то да вас вашег иманја лиши, раја не иде против вашоји вјери, раја је скочила на ноге јуначке да своје и уједно и ваше от части отечество освободи и равноправност без разлике вјере утврди, да се отресе и свога и вашег османлиског крвописког господства и владаовине, те да уживате укупно лијепу слободу, равноправност у ослобођенои земљи Босни, да једиог престану она зла оне јаде, оне неправде, које се невалјалом владаовином земље и народа од грабежљивих Османлија чините и чине.

Турци! Престаните се са рајом туђи и против невинови раи оружје ваше дизати. Раја је устала за тако лепу племениту и узвишену мисао, коју данас цео свјет и хвали и поштује, осим неких лажних утворица.

Напротив измирите се са рајом која је доиста праведном жељом задахнута, удружите се ваше силе са рајом, скочите и ви као и јони што се дигоше против Османлијама да их се отресете и ослободите.

Турци! Ако се нећете са рајом туђи, и ви будните људи те се немоите против јои ни браните, у миру живеч неће вас од раје никада глава заболјети. Отворите јои пут да се она сама својом јуначком крвљу слободу од Османлија извојује, ваше синове што их у редифе дадосте позовите кућам вашим да сједе на миру и свои домаћу посо обављају од кога им валја и сада и послје живите јер Османлија вам неће нити може икаква живљења дати јер не има ни сам од куда то је онако већ царевину до банкротства, пропасти, и расула дотјерао не учините ли то, знаите да ћете се кајати.

Турци! Ево вам примјера раскошлуку и блудности Османлија почевши од самого султана кои сваки дан брои 94 јела за ручак, к тому јошт морају 10 јела

у приправности сваки дан бити ако би султану јошт које јело на памет пало, султанима 800 коња, 700 жена које служе и дворе, 350 шкопаца, за ту огромну кућу који је се на годину 40 000 волова, а кои трагџије су обвезани сваки дан набављати 200 оваца, 100 јаганјаца и коза, 10 телади и 200 кокошки, 200 пилића, 100 голубова, 50 гушчића.

Кад човек погледа на султанов разкошлук у царскои палачи и навећину султанових подаиника у колибама што што живу, зар ондак није таково станје да се човјек заплаче.

Питам вас може ли такова царевина и народи у таковои царевини о напредку каквом и мислити, доказ је посве јасан да не може, јер ту не мисли ни султан нити његове остале османслиске слуге с каквои срећи и напретку земље и народа, сви су они једнаки почевши од султана, паше до заднјега чатиба и заптије.

Турци! Краинје је време да си очи протарете и јасним погледом у свијет прогледати као људи од поштења и добре волје, сад ја и кад, а и вама лијепа прилика да си отресете тих општих наших крвопија и да помогнете ма каквим поштеним начином ослободити укупним силама наше драго отечество Босну, заборавимо на све што је до данас међу нами било, дружимо се своиски рука — руку и порадимо што више, што болје на овои општои нашои светињи, да је од пропасти избавимо и ослободимо те ујединимо онои земљи гди очевидна срећа и напредак за све народе без разлике вјере, цвета, земљом суседном нам Сербијом ће намје од старине обичаи и језик истоветан као у рођено нам Босни.

Удрите даклен као и ми што прије, што више без оклеванја на сваког појединог Османлију у Босни. Тераите и као и наше душмане из земље да их се што прије ослободимо, јер само то ће нам доказ бити да сте уз нас пристали да сте се позиву и гласу нашем одазвали. Ато ће вам и Бог и цео свет одобрити и за право дати тако само да Босну новим препорођајем, новом срећом, новим напредком утврдимо јел родила маика јунака Турчина Бошњака кои ће се овом праведном гласу одазвати.

Примите ову поруку у знак искреног мишљења од за сад вам иапозната доброжелјателја[1].

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2337. Л. 109–111. Копия.

[1]* *Число в документе не указано. См. док. 40.*

[1] Развитие восстания в Боснии, в ходе которого Порта, кроме войск, вводила в действие башибузуков и поголовно вооружала мусульманское население (см. док. 54, 65, 75, 85, 86, 96 и др.), привело к обострению национально-конфессиональных отношений. Это вынудило руководящие силы восстания заняться урегулированием отношений между православными и мусульманами. Появились воззвания — обращения к мусульманам с призывом к совместной борьбе за освобождение общей родины от романского ига и за присоединение Боснии к независимой Сербии или, если это неприемлемо, сохранение нейтралитета.

Были обращения к местным землевладельцам — агам и бегам — с призывом к спокойствию при гарантии сохранения их земель и имущества. Представители революционно-демократического направления обращались к мусульманским крестьянам с призывом к совместной борьбе за полную свободу и к решению аграрного вопроса в их интересах. Как отмечалось в газете «Русский мир», там, где повстанцы не нападали на мечети и мусульманские села, они достигали положительного результата (см.: «Застава» о Босни и Херцеговини... Кн. III. С. 296; *Поплыко Д. Ф.* Васо Пелегич... С. 137–139).

35

Письмо А. С. Ионина Н. П. Игнатьеву с характеристикой действий европейской дипломатии в герцеговинском вопросе

13 (25) октября 1875 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Позвольте мне вам принести, во-первых, искреннюю и глубокую признательность за письмо, которое вы изволили потрудиться написать мне от 20 сент[ября], несмотря на состояние вашего зрения. Вы доставили мне драгоценное средство и познакомиться с положением дел, и объясниться. Позвольте начать с последнего.

Вы прежде всего немного нападаете на меня и все относите к беглецам из Невесинья, о возвращении которых я хлопотал. Конечно, отыскивая виноватого, нужно найти последний феномен, который якобы определил взрыв. Когда стакан воды переполнен, нужно найти виноватого в том, что он пролился, того, кто капнул в него последнюю каплю, чтобы не отыскивать того, кто переполнил этот стакан заранее.

Но капнул ли я даже эту каплю? Ей Богу, даже и в этом не могу сознаться. Дела в Турции мне казались давно идущими к неминуемому взрыву. Я давно уже видел, что я находился в том месте, где этот взрыв должен прежде всего вспыхнуть. Я говорил это прямо и ясно в Петербурге, предупреждая иллюзии и оптимизм, основанный на том, что ввиду *союза* трех империй[1] никто не смеет пикнуть в Европе.

Несмотря на мое маленькое чиновническое положение, я осмелился написать в заключение известного вам документа: «Аномалия в общем мешает что-либо сделать в частности». Но аномалии в общем нельзя было переделать, и потому нужно было vivater au jour le jour[1*], пока это будет возможно. Отсюда разрешение подгорицкого дела[2], за которое вы немножко на меня рассердились, но которое было необходимым, ибо, продлись оно месяц — вспышка была бы неминуемой тогда уже. Затем не мытьем, так катаньем я принялся за устройство более сносных отношений между Черногорией и Турцией. Думаю, что если улучшение этих отношений не удастся, то, по крайней мере, разговор о них предупредит вспышку на некоторое время, доставив Черногории средство tirer honorablement son epinglé du jeu[2*] — и я добился этого, но «аномалия в общем мешает что-либо сделать в частности», в этом я был глубоко убежден, делая la replutage par de conscience[3*]. Но я виноват в том, что возвратились невесинцы, скажете вы. Но, во-первых, когда я вам доносил в первый раз о разговоре в Рагузе Врбицы по поручению князя со мною, Вассичем и Лихтенбергом (донесение от 31 марта /12 апреля/, № 63), я заключил это донесение именно тем, что было бы не совсем практично возвратить этих невесинцев с помощью нашего представительства, не имея данных знать наверное, что турки не отомстят им за их бегство, не улучшат их положение и не удалят Дервиш-паши. Правда, я тоже говорил тогда же, что *выгнать* их князь Николай не может, а кормить их и содержать тоже не может, тем более что если

они останутся в Черногории, то смуты тоже неминуемы. «Аномалия в общем мешает что-либо сделать в частности». С этих пор я даже старался забросить, замять это дело, и, наконец, князь *сам* вам телеграфировал, и невесинцы возвратились *с обещаниями,* которые, конечно, не были исполнены.

Телеграфировал же вам князь потому именно, что тогда же, не прими он строгих мер, вспыхнуло б восстание, ибо с помощью разных агитаторов из Далмации и Сербии вокруг бежавших устраивались четы, готовые идти в Невесинье с оружием в руках. Вот, Николай Павлович, история — tant ceci est noir ou blane[4*].

Вы мне ответите: «Что же из этого, восстание тогда вспыхнуло бы только неделею прежде». Но извольте это предвидеть; каюсь, мы с князем думали, что можем кой-как протянуть до зимы, а там зимою — Аллах-керим — восстание не затевают. На это есть доказательства и в негоциациях князя с турками, самых благоразумных и умеренных, и в том, что князь же мирил и умиротворял невесинцев, и в том, что даже сами турки этого просили, убежденные, наконец, в том, что князь не хитрит. Или вы нам скажете, что все это было сделано для отвода глаз — ну, Николай Павлович, мы были бы тогда с князем такими дальновидными хитрецами, что это сделало бы нам слишком много чести. Но все пошло прахом — «аномалия в общем мешала что-либо сделать в частности». Тут путешествие австрийского императора, разные происки, комментарии, и вышло то, что и *восстали-то* первые не невесинцы, а *католики* Попова поля и Габеллы.

Нет, Николай Павлович, дипломатия давно была предупреждена, что такое общее положение дел невозможно и что для сохранения мира нужно было заранее третировать Турцию не как европейскую державу, чтобы испугать ее вовремя и тем предупредить вспышку, а с нею опасность для мира. Но для этого нужен был союз активный, а у нас был пассивный. Да и в этом пассивном-то союзе искренними-то, кажется, мы были одни, и чтобы не признаться в слабости, нужно было закрыть глаза и не сознаваться в том, что есть опасность.

Да и не будь этого, когда дипломатия что-либо предвидела и не предупреждала? Природа идет своею дорогой и всегда дипломатов заставала врасплох. Вы изволите говорить, что Сербия потому-то и потому-то не могла объявить войны, а мне кажется, что она не воевала не потому, что у нее нет пушек, а потому, что она изынтриговалась и развратилась, чему немало способствовал и хаос в Европе. Черногория еще меньше готова, но она воевала бы, не действуй мы, а едва вооруженные герцеговинцы вот до сих пор бьют себе турок преблагополучно, и если мы непременно того не захотим, будут бить их целую зиму.

Итак, Николай Павлович, виноваты ли тут мы, то есть я? Увы, даже чужие этого не говорят и, кажется, всякий чувствует часть своей вины. Да при том и вы, и я — мы много соли съели на востоке и знаем, как делаются и разделываются восстания. Я, по крайней мере, вынес из этого прошедшего то заключение, что ни люди, ни агитаторы, ни дипломаты восстаний не делают, если они сами не делаются, и что когда они делаются, то весь этот люд, может быть и сохраняя иллюзии насчет себя, суть только les mouches du coche[5*]. Целая внутренняя болезнь большого организма делает маленькие восстания, и, чтоб лечить их

или предупреждать, нужно лечить испорченную кровь организма, а не прыщи, которые только можно замазывать. Тут виновных на первый взгляд можно найти много: и меня, и императора австрийского, и Омладину (какая разномастная компания), а в сущности никто не виноват, в сущности все это будут только les boucs emissaire[6*] агнцы отпущения. И если нужны жертвы, чтобы опять заглушить сознание, чтобы опять иметь возможность отвернуться от пропасти, над которой стоит, впрочем, вся Европа, чтобы опять убедить себя, что бессилие есть сила, то, конечно, лучше такие жертвы, как я. Меня можно прогнать и уничтожить, а пусть попробуют прогнать австрийского императора или Омладину! Да и с последней-то не справиться. «Journal de St-Pétersbourg»[3] вот выдумал примешать и интернационалку, благо и термин готов, чтобы замазать назойливую действительность, пред которой русскому человеку, как он ни храбрись в мудром сознании своего егоизма, своей sagesse[7*], все-таки не совсем ловко. Но подвинется ли дело от этого отыскивания les boucs emissaires — не думаю, суть останется та же, какое имя ей ни давай.

Но вот посмотрите, как «аномалия в общем мешает что-либо сделать в частности».

Наконец, прониклись все таким сознанием, la banqueroute aidont[8*], что нужно лечить кровь, чтобы уничтожить прыщи, что Турцию нужно переформировать, чтобы утишить и настоящее восстание, и предупредить будущие. Сказано — сделано, принимаемся за дело. Что же выходит? Добрались до этого сознания уже тогда, когда испорченная кровь производит не прыщи, а гангрену. Лечение, конечно, должно не удаться. Но кроме того, до сознания этого добрались, а до того еще не добрались, что действовать в этом смысле нет возможности, не имея ни силы, ни ясного представления, чего нужно хотеть[9*]. Однако сознавая это последнее обстоятельство et pour etre quitte avec sa conscience un peu plus vite[10*], чтобы не произвести, наконец, слишком сильного финансового кризиса, решили удовлетворяться тенью вещи, призраком, ибо до действительности трудно было бы добираться, решились удовлетвориться бумагой с двумя-тремя едва понятными фразами в надежде, что она хоть на несколько дней даст вздохнуть, а затем Аллах-керим. Ведь это даже очень логично выходит из общего положения дел в самой Европе, которая в политике и на бирже существует avec des expédiants[11*]. Сказано — сделано. Султанский ираде издан. В него уверовали. Хотя нам и говорят, что обещания — прекрасная вещь сама по себе, но что впоследствии мы не отказываемся строго и тщательно наблюдать, чтобы обещания были исполнены. Конечно, весь этот échafaudage[12*] не мог продержать[ся] и одного дня.

Султанский ираде так мало и так туманно обещает, что даже никто не может и определить, что же он в самом деле обещает. Этот иероглиф каждый Шампольон объясняет по-своему. Вы изволите в нем находить, что там заключается «участие христиан в полицейской вооруженной силе, назначение христиан мудирами, каймакамами, реформа податной системы и уменьшение податей и даже народное представительство». Словом, реформы, для ради которых восставшие должны были бы положить оружие непременно, чтобы окрепнуть под их влиянием для будущего своевременного восстания (как будто есть восстания

несвоевременные). И в самом деле, тут нечего было бы и рассуждать: в ожидании своевременного восстания или просто без всякого ожидания положить оружие нужно было бы, ибо такие реформы действительно были бы реформами и были бы лучше, чем грозящее, может быть, нам вмешательство Австрии. Но тут беда — на первый раз я осмелюсь сказать, что таковых обещаний в султанском ираде нет, по крайней мере, я не был достаточно искусен, чтобы их в нем прочесть. Но, может быть, это только мое неискусство — я бы на него и не положился, но тут у меня документ явился в руках, доказывающий, *как* эти обещания реформ прилагаются на деле. Этот документ есть «напутак», декрет Сервер-паши, изданный в силу и на основании ираде. Вы его, вероятно, знаете и уже убедились, что он не только диаметрально противуположен тем надеждам, которые вы мне изволите высказывать, но даже и самому ближайшему и вероятному смыслу намеков, заключающихся в ираде. Итак, обещания султана уже оказали свою состоятельность документально, elles ont déjà vecu ce que vivent les roses[13*].

Если несколько тысяч несчастных восставших отказываются быть обманутыми такого рода обещаниями, то неужели мы de gaîte de coeur[14*] должны соглашаться быть обманутыми en connaissance de cause[15*], ибо вы сами говорите, что реформы в Турции собственно невозможны. Это и справедливо, ибо кто будет их применять? Кто будет их платить? Но, может быть, и в самом деле мы бы этим и не обманулись, как не обманывались этим в продолжение 19 лет, прошедших со времени Крымской войны, но над нами тяготеет тройственный пассивный союз, при котором нельзя и помыслить сделать что-либо более практичное и радикальное.

Итак, вы изволите говорить, что ничего практичнее этого нельзя было сделать, не располагая силой, которая единственно и могла бы заставить турок что-либо сделать. Я действительно не могу быть не убежденным, что другого сделать было нельзя при настоящих обстоятельствах. Но не подлежит ли вопросу, что то, что сделано, должно было быть сделано и должно было помочь нашим целям, т. е. миру. Я думаю, что с этим ираде или без него успех или падение восстания все-таки зависит от силы нравственной заинтересованных народностей и от силы физической турок, ибо сии последние обещаниями себя нисколько не чувствуют обязанными, так же как и давлением нравственным на них, как доказал приведенный вами факт, и от ираде осталась *уже* одна бумага. Поэтому даже нужен ли он был? Для нас положительно не вижу его необходимости, для Европы — да: все же на несколько дней удержались облигации на избыточном диапазоне, и жиды, в Вене особенно, часть их вероятно успели уже сбыть.

Но делать так или иначе действительно больше нечего, и, как вы говорите, надобно теперь «tirer honorablement notre épingle du jeu»[16*]. Что это надобно или нет и что другого средства не останется — это уже не мое дело судить, но только слово «honorablement» — не знаю, будет ли совершенно справедливо. Впрочем, и то сказать, что ведь мы не одни, а на людях и смерть красна. Когда мы были одни, все же дела лучше шли, а теперь с вами милые европейцы, нельзя ни взад, ни вперед.

Но вы можете теперь мне возразить: «Так в таком случае лучше, по-вашему, было бы ничего не делать с самого начала, так зачем же вы сами предлагали консульскую комиссию?» Увы, это так, но не совсем. Я предлагал консульскую комиссию в самом начале, и то предлагал ее с тем, чтобы консулы гарантировали бы обещания и облегчения, даваемые Констан-эфенди[17*]. Мне сейчас же ответили, что это невозможно сделать, ибо Турция — держава европейская, и вмешиваться в ее внутренние дела нельзя (точно в Сирии было не внутреннее дело)[4]. Потом я так и думал, что комиссии не будет. Вдруг слышу стороной, что она назначена. Убедившись между прочим в этот месяц времени, что убеждение в том, что Турция — держава европейская, растет в Европе, я заключил, что комиссия эта гарантий не будет в состоянии представить никаких, и хотя это не мое дело было, но, находясь в центре, от которого многое зависит, я сейчас же осмелился телеграфировать в Вену этот слух с прибавлением: «Думаю, теперь не поздно ли, а впрочем все может зависеть от характера инструкций». Потом я узнал тоже стороной инструкции и написал, что с такими инструкциями консулы ничего не сделают. Тут на меня, кажется, даже и рассердились.

Итак, Николай Павлович, действительно, по моему убеждению (и это я не говорю apres coup[18*], а писал прежде), нужно было или сейчас же бросить этот предрассудок, что Турция — европейская держава, и в интересах мира взять под опеку ее реформы, или, если этого нельзя было, сложить руки и сказать: ведайтесь с восставшими, как хотите, не употребляя давления ни на Черногорию, ни на Сербию, которую мы уже привели на край погибели, ибо если герцеговинское дело внутреннее, так в это внутреннее дело входят и Черногория, и Сербия. Сербия — вассал, а Черногорию турки не считают иначе, как своею провинциею. Так пусть бы они сами с ними и разделывались, со своими провинциями. Как ни говорите, а Бог знает, что бы вышло из этого при банкротстве и нравственном упадке Турции, в котором сомневаться было нельзя[19*]. Произошла бы каша, кто бы победил — не знаю, но верно то, что Турция так бы расшаталась, что сама бы бросилась в наши объятья с криком «спасите меня» и уж не стала бы обращать внимания, что консулы будут гарантировать или только обещать. Была бы, правда, резня, а *человеколюбивые* чувства Европы этого не могли допустить en grand[20*], но что же, это более человеколюбиво — терпеть в Европе, чтобы 200 тыс. населения ушло из страны полунищими, чтобы целая страна, сожженная и ограбленная, сделалась необитаема на несколько лет?

Но этого опять по многим соображениям сделать было нельзя, хотя бы надежда на успех могла бы быть большая. Значит, нельзя одного, нельзя другого, возможны только expéditions[21*], ираде был очистка совести, притвориться верующими, когда в сущности не веришь! Из этого должна была произойти каша, которая и произошла, и в ней не виноват никто — ни я, предложивший комиссию, ни вы, предложивший ираде, а виноваты обстоятельства, а обстоятельства, как известно, сильнее всего.

Я знаю, даже чувствую, что вы желали бы, чтобы все те проекты реформ, о которых вы мне говорите, были бы включены точно и ясно так, чтобы от них

нельзя было отвертеться, в султанском ираде. Но этого сделать было бы нельзя. Турки, не понуждаемые силой, и пока все не рушится над их головами, ни за что не согласились бы сжечь свои корабли, отрезать себе возможность отступления и обмана, когда горячка пройдет. Этот обман Сервер-паша даже и обнаружил уже, прежде чем горячка прошла, убедившись в истине собственной своей телеграммы, что восстание кончилось. Восстание кончилось, значит, нет причины для Европы беспокоиться, значит, отчего же не демаскировать тотчас же батареи своего обмана? Но восстание не кончилось. Бедный Сервер этого не знал, ему так донесли.

Говоря о Сербии, я забыл сказать, что на днях (я читал это в газетах, но убежден, что это в главных чертах должно быть справедливо) тамошние дипломаты сказали кн. Милану, что если мирная политика не возьмет у него верх, то Европа более не гарантирует существования Сербии в силу Парижского трактата. Конечно, улитка при этом должна была скрыться в раковину. Но это было на днях, когда войска были уже сосредоточены на сербской границе. Что если бы это сделали три месяца назад, когда этих войск не было? Можно ли ручаться, что таковое заявление вместо того, чтобы испугать или огорчить сербов, напротив, их не ободрило бы? Теперь, конечно, это другой вопрос.

Вы изволите говорить, что если бы восстание могло продлиться всю зиму, то к весне Бог знает что еще могло бы быть и вопрос мог бы приблизиться к решению. Право, боюсь и тут быть оптимистом — к весне будет только больше каши. В Сербии больше будет несуразицы, интриги сербов против Черногории разовьются до бесконечности, и может произойти такой сумбур, что от него единственное спасение будет, пожалуй, в Австрии, чего и я по душе страстно хотел бы избежать. Лучше бы, мне кажется, если б все это могло кончиться и былью порасти. Но кончиться — легко сказать, но как сделать? Аргументы, могущие быть извлеченными из ираде, воля ваша, Николай Павлович, надобно похоронить. Чтобы поверить им, нужно вкусно кушать в Петербурге у Dusseau, а не голодать в герцеговинских трущобах. Впрочем, посмотрим, что будет.

Что касается до меня, до моего маленького округа, где мое политическое влияние может иметь значение, то я уже сначала убедился, что в дипломатии при настоящих обстоятельствах несть спасения, что переговоры, выдумывания des expéditions ни к чему не приведут, как только к усложнению положения. Я с самого начала внушал князю: увлекаться как можно меньше, но молчать, сохраняя декорум, не компрометировать и не запутывать себя дипломатствованием, ничего не предлагать, ничего не обещать и связывать себя елико возможно меньше. Плод, или лучше ход такой политики вы, вероятно, уже должны были заметить: ни с турками, ни с кем другим мы в переговоры не вступали. Из Белграда уверяют, что будто с Омладиной были такие разговоры и даже есть. Чистейший вздор, никаких нет. Эти подозрения нужны в Белграде, чтобы умалить собственную вину и в своем смешном положении обвинить кого-нибудь другого. Гнусный, но вместе и неполитичный способ действий. Увидят они в Белграде черта, ибо боятся его, а черт — такая вещь, что стоит его бояться, чтоб он явился.

Простите меня, Николай Павлович, за мою прямую откровенность с теми, кого я глубоко уважаю, я иначе быть не могу. Я могу ошибаться, но, по крайней мере, поистине говорю то, что чувствую и знаю. Я сегодня же вам препровождаю донесение, где я говорю официально то же самое, только вкратце.

Нет, Николай Павлович, не подозревайте меня в том, что я заваривал кашу. Если вы мне не поверили, моей честности, то поверьте эгоизму. Мне дозарезу нужно было уехать из Рагузы в Россию, мне по горло надоело здесь вращаться и тратиться нравственно, я невыносимо устал, но я бы Бог знает что дал, если б можно было искать перемещения или отпуска — я должен быть здесь, предвидеть в перспективе, что этому и конца не будет, страдать и нравственно, и терпеть и материальные убытки и невзгоды. Согласитесь, Николай Павлович, что редко кто так невыгодно и неблагодарно служит, как я. Но что сделать, как уйти? Я, конечно, не очень дорожу консульским местом, но бросить, не заручившись ничем, также не могу. Нет, я жаждал мира и смотрел в оба — доказательство налицо.

Вы изволите говорить, что комиссары все-таки полезны в Мостаре тем, что их присутствие только сдерживает ярость турок. Увы, Николай Павлович, и этого нет. Их присутствие служит только к вящему упадку европейского влияния, декорума и пред турками, и [пред] райями. Турки вовсе не стесняются ими. Свидетели — дело в Попове поле, в Перусино, где чуть их не окружили войска, и теперь я наверно и положительно знаю, что на улицах Мостара убивают людей-христиан и даже суда не наряжают, хотя комиссары, конечно, с достодолжным почтением и делают свои почтительные доклады об этом Сервер-паше.

Что касается до дел восстания, то они скорее благоприятны христианам. Я вам телеграфировал уже, что третьего дня в Зубцах они были разбиты наголову[22*]. С тех пор новые подробности подтверждают это. Один батальон из трех нападавших был почти уничтожен, остальные едва спаслись в Требинье, восставших в самом деле было до 800 человек, убито их 5, ранено 17. Турок не менее 300 выбыло из строя убитыми и ранеными. Это положительно верно. Этот отряд, теперь находящийся еще в Зубцах, однако не самый значительный. Лазарь Сойчица гораздо сильнее в восточной части Герцеговины.

Невероятно, если б это не было фактом, до какой степени наглости доходит турецкая ложь. Они, я думаю, вам еженедельно сообщают о том, что восстание уничтожено, но на деле они даже до сих пор ничего не сделали, чтобы его уничтожить. Решительно, ручаюсь вам, на всем пространстве Герцеговины они даже ни разу не атаковали христиан, и драки происходили тогда, когда христиане их атаковывали. Третьего дня в Зубцах они атаковали в первый раз и неудачно. 10 дней тому назад с южной стороны Черногории войска из Берано атаковали тоже васоевичей, но и тут были разбиты, это опять верно.

Вы думаете, что все это так идет потому, что войск нет в Герцеговине. Вы говорите, что подкреплений в Герцеговину турки получили до сих пор очень мало. Не знаю, в начале восстания их было 5 батальонов, а теперь больше 30. Да, я думаю, что если и еще приведут, то в зимнее время это будет только увеличивать затруднения для их существования, а сил не прибавит.

Что будет, что можно предвидеть — не знаю, предполагаю только, что турки даже вовсе и не думают исполнять своих обещаний или стараться миром в угоду Европе окончить дело. Они, может быть, питают себя безрассудными иллюзиями, но дело в том, что они уступать не хотят и не уступят, пока не будут бояться силы. Силы же этой, они знают, что им нечего бояться, зачем же гяурам делать приятное? Я думаю, что они теперь направляют все свои усилия, чтоб ложными известиями и другими фокусами набить свои карманы на бирже, а затем Аллах-керим.

Простите, Николай Павлович, за длиннейшее письмо и, кажется, дурно написанное. Это безбожно с моей стороны, зная, что у вас зрение слабо, а рука моя совсем портится от непомерного количества письма.

Позвольте вас просить принести мою живейшую благодарность Екатерине Леонидовне[23*] за ее благосклонную обо мне память.

С моим глубочайшим почтением, с коим имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

ГА РФ. Ф. 730. Д. 3048. Л. 43–54 об. Автограф.

[1*] Существовать со дня на день *(франц.)*.
[2*] Выйти с почетом сухим из воды *(франц.)*.
[3*] Сознательное отступление *(франц.)*.
[4*] Одна и другая *(франц.)*.
[5*] Пустое *(франц.)*.
[6*] Козлы отпущения *(франц.)*.
[7*] Мудрость *(франц.)*.
[8*] Помогающий банкроту *(франц.)*.
[9*] *На полях помета Н. П. Игнатьева:* Мы не готовы платить, нужна автономия, преобразования...
[10*] и чтобы немного быстрее успокоить свою совесть *(франц.)*.
[11*] С уловками *(франц.)*.
[12*] Сооружение *(франц.)*.
[13*] Они уже приказали долго жить, подобно розам *(франц.)*.
[14*] Без причины, за здорово живешь *(франц.)*.
[15*] Со знанием дела *(франц.)*.
[16*] Выйти с почетом сухим из нашего затруднительного положения *(франц.)*.
[17*] *На полях помета Н. П. Игнатьева:* Надо заняться *(далее одно слово неразборчиво)*.
[18*] Задним числом *(франц.)*.
[19*] *На полях помета Н. П. Игнатьева:* Вышла бы рубка.
[20*] В большом масштабе *(франц.)*.
[21*] Экспедиция, переписка *(франц.)*.
[22*] *Речь идет о турках.*
[23*] *Е. Л. Игнатьева.*

[1] Заключая союз с Германией и Австро-Венгрией в 1872–1873 гг.— так называемый «Союз трех императоров», российское правительство мыслило его как фактор поддержания «европейского равновесия». Действительно, в 1873–1875 гг. союз выполнял эту роль, оказывая существенное влияние на взаимоотношения европейских государств. Однако он оказался не в состоянии разрешить балканскую проблему, поскольку интересы России и Австро-Венгрии в этом вопросе были непримиримы.
[2] 7 (19) октября 1874 г. в Подгорице был убит христианином глава местных мусульман Юсуф-ага Крнич. В ответ на это турки устроили избиение христиан, во время которого было убито 27 черногорцев, прибывших в Герцеговину по торговым делам. Для расследования конфликта была создана черногорско-турецкая комиссия, установившая вину турок.
[3] «Journal de St.-Pétersbourg» — официоз российского МИД.
[4] Речь идет о волнениях в Сирии и Ливане в 1860–1861 гг. (см. док. 18 и прим. 2 к нему).

36

Докладная записка начальника III отделения с. е. и. в. канцелярии Н. В. Мезенцова Александру II о сборах пожертвований Московским славянским комитетом в пользу семей повстанцев Боснии и Герцеговины[1]

14 октября 1875 г.

Славянский комитет со всеми своими адептами — славянофилами и радикальными русофилами производит довольно сильную в настоящую минуту агитацию в пользу увеличения пожертвований для бедствующих чрез восстание жителей Боснии и Герцеговины. Хотя действия этой доли нашего общества еще не перешли пределы обыкновенной благотворительности, и надо полагать, что благоразумие не увлечет ее в область политики, тем не менее это обстоятельство в совокупности с принятым третьего дня решением московского земства общественной официальной помощи в пользу страждущих от повстания в размере 26 тысяч рублей, пример которого может встретить единодушное подражание в чисто русских губерниях империи, может, по мнению многих серьезных людей, породить на Западе Европы убеждение, что русское правительство, поддерживая официально относительно событий на Балканском полуострове принцип невмешательства, смотрит снисходительно на предоставление восставшим материальных средств для продолжения борьбы и как будто оказывает к тому нравственное сочувствие. Это обстоятельство настоящего настроения умов в обществе считаю долгом довести до сведения.

Генерал-адъютант Мезенцов

Помета: Доложено его величеству 18 октября 1875 г. Ливадия.

ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1875 г. Д. 84. Л. 7. Автограф.

[1] В связи с просьбой Петербургского славянского комитета 23 августа 1875 г. Александр II разрешил производить сбор пожертвований в пользу пострадавшего населения Боснии и Герцеговины. Пожертвования производились по подписке, присылались непосредственно в славянские комитеты и редакции газет, организовывались кружечные сборы в церквах и общественных местах. С благотворительной целью устраивались спектакли, концерты и лекции, издавались книги, брошюры и альбомы. Общая сумма пожертвований в пользу населения Боснии и Герцеговины не подсчитана. По данным Петербургского славянского комитета, с августа 1875 г. по октябрь 1876 г. было собрано около 900 тыс. рублей только комитетом (см.: Доклад ревизионной комиссии общему собранию С.-Петербургского славянского благотворительного общества 24 мая 1877 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. Д. 990. Л. 6). 15 сентября русское правительство ассигновало 30 тыс. рублей на покупку хлеба для беженцев. Помимо этого, по данным А. С. Ионина, в конце октября из России поступило в русское генеральное консульство в Дубровнике 60 тыс. рублей серебром (см.: Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 144; а также док. 38 и 41).

Из правительственных средств на покупку хлеба для герцеговинских беженцев в Черногории в 1875–1878 гг. было выделено 2 238 482 рубля (см.: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. М., 1978. С. 408–410).

37

Письмо А. С. Ионина вице-директору Азиатского департамента МИД России А. А. Мельникову о пребывании в отряде герцеговинских повстанцев русских революционеров

14 (26) октября 1875 г. Рагуза

Многоуважаемый Александр Александрович!

Я сегодня не могу ничего особенного вам сообщить, кроме новостей, заключающихся в моем сегодняшнем донесении о разбитии турок в Зубцах. Удивительное дело — турки точно совсем в воду опущенные. Несмотря на огромный сбор войска в Герцеговине, они ничего не могут сделать. Восстание не растет и совершенно локализировано благодаря только дипломатии, но там, где оно есть, по всей вероятности, оно и будет изнурять турок в продолжение зимы. Я думаю, что турки просто растерялись от финансового погрома[1] и собственно на восстание и внимания не обращают.

Я вам сегодня еще пересылаю вырезку из «Times'а», где корреспондент говорит о Черногории, ее роли в настоящем вопросе и о том, что она, а не Сербия составляет узел будущих событий и решений вопроса, а за нею *кроаты*, а не сербы. Вы изволите видеть, что это уже и иностранцам начало бить в глаза. Я думаю, что это так и что это весьма изменяет и переставляет точку опоры, а также и общепринятые взгляды. Сербы совсем разжалованы из звания Восточного Пиемонта, значит, не simulacre[1*] цивилизации, а нравственная сила берет верх и двигает событиями.

Я вам писал, что сюда недели две тому назад прибыло десяток русских на помощь инсургентам[2], но позабыл за более важными делами сообщить, что они пробыли у инсургентов два дня и посрамили имя русское, Семеро из них тотчас вернулись, переход из Книна в Требинье в один день по горам более 60 верст их свалил с ног. Возвращаясь, они тут сплетничали и лгали непомерно, желая жалобным своим положением выманить денег на возвращение. Я старался их игнорировать, и они тоже ко мне долго не являлись, но, наконец, явились, и я принужден был, чтоб отделаться, дать им 50 гульденов с тем, чтобы они тотчас же уезжали из Рагузы, они и уехали. Мое русское чувство возмущалось их поведением, пошли драться, ну так заставь себя убить, а не возвращайся. Трое, впрочем, остались и, кажется, кой-как дерутся. Кто были сии люди, я не знаю, но мне кажется — нигилисты из семинаристов малороссийских губерний. Тех русских, которые еще у инсургентов, хотя они и бывают в Рагузе, я совершенно игнорирую. В качестве наблюдателя я не гнушаюсь говорить с теми, кто ко мне является, но не с русскими.

Случай с семью русскими вам показывает, что значит примесь интернационалки[3] к Герцеговинскому восстанию. Ничего, это народ слишком глупый и пошлый, чтоб что-либо значить среди этого здорового племени. А вот вам и еще пример, который отвечает на подозрение, будто бы омладинцы имеют уговор и сношения с Цетиньем. Здесь у Любибратича состоял в качестве cheville ouvrière[2*] Омладины

некто Груич, племянник известного сербского министра. Наконец, от него инсургенты отделались, но, уезжая, он удрал штуку. *Князь* меня извещает на всякий случай, прося даже меня, если могу, расстроить планы Груича, что сей последний с фальшивыми подписями начальников инсургентов и прокламациями отправился в Италию и другие страны просить или занять денег как бы от имени инсургентов. Это уже показывает, что ничего общего между черногорцами и Омладиной нет. Впрочем, мало-помалу инсургенты отделались от этого элемента. Филипович тоже куда-то скрылся. Напрасно в Белграде в бессильной своей злобе будут сплетничать на кн. Николая и Черногорию, право, сами себя только больше обманут. Вы знаете, что самое верное средство увидать действительно черта — это его бояться.

Прощайте пока, что будет интересного, но не совсем официального, буду неустанно вам сообщать, а пока жду вашего мнения по поводу моих последних писем. Чем я пристальнее смотрю, тем мне кажется труднее успех князя, если б он взялся энергически мирить, обещая или ожидая от Порты действительно благоразумного образа действий. Можно остаться на бобах и нравственно совсем испортить положение и остаться на руках со 100 тыс. чужого населения Бог знает на сколько времени. Но вы это можете лучше рассудить. Зная лучше, можно надеяться. Я думаю, что в Константинополе нас могут только обмануть. Все там делается наскоро, кой-как, чтобы только отделаться и замазать, чему свидетель ираде, с одной стороны, и применение его Сервер-пашой, с другой, о котором я вам писал, между тем как Игнатьев пишет совсем другое. Кому ж тут верить, на что рассчитывать и кто тут прав — султан или Игнатьев? Надобно быть осторожным, чтобы действовать. Пока предоставлено дело воле божией — ничего еще не испорчено. Одно: если восстание продержится зиму, то к весне опять кутерьма, наскоро это согласно с желанием общего мира. Но во всяком случае прежде, чем действовать, нужно прежде положительно убедиться, что впоследствии сделать можно будет положительного в отношении реформ.

Ваш преданный и покорный А. Ионин

АВПРИ. Ф. ГА V-А$_2$. Д. 747. Л. 613–614 об. Автограф.

[1*] Призрак *(франц.)*.
[2*] Главной пружины *(франц.)*.

[1] Имеется в виду официальное объявление Портой в октябре 1875 г. финансового банкротства в связи с неспособностью внесения очередных платежей по внешним займам.
[2] См. док. 31.
[3] Имеется в виду Интернационал. В действительности русские добровольцы не имели никакой связи с Интернационалом, отрицательно отнесшимся к национально-освободительному движению на Балканах.

38

Письмо председателя Московского славянского комитета И. С. Аксакова А. С. Ионину о сборе и отправке пожертвований из Москвы в пользу герцеговинских повстанцев и их семей

22 октября 1875 г. Москва

Оставим дипломатам доказывать, что Турция необходима для спокойствия Европы. Наше дело, дело русского общественного разума и совести иное. Такою перифразою знаменитого риторического образца, встречающегося во всех старых хрестоматиях, отвечаю я вам, дорогой Александр Семенович, на ваше письмо, вчера мною полученное: Sapienti sat[1*].

Сочувствие в обществе здешнем, да и во всей России — живо. Россия — что ивановский тяжелый колокол: раскачивается медленно, а загудит, так не скоро уймешь, или как море, что расколыхать трудно, а расколышется, так и после бури ветер стихнет, а оно все еще колышется. Кажется, нам удалось подвигнуть общественное чувство, несмотря на сдержанность, вынуждаемую своего рода политическими соображениями официальных сфер. В Москве *во всех* церквах было прочитано воззвание митрополита сербского во время службы народу. Это воззвание вместе с воззванием митрополита черногорского и воззванием славянского комитета[1], отпечатанное вместе на одном листке, в числе сотни тысяч экземпляров роздано и разослано по всей матери России. Я по сие число отправил от славянского комитета Московского 19 тыс. руб. серебром, а архимандрит Савва, состоящий при Сербском подворье (которое нам удалось устроить и которое процветает) отослал 7 000 руб. «Московские ведомости» собрали и отослали, вероятно, 3 000 руб. слишком. У меня в сборе теперь около 2 тыс. Одним словом, выслано из Москвы до сих пор 30 тыс. руб., да московская дума решила послать от *имени города* 20 тыс. руб. серебром (на последнее нужно разрешение высшего правительства, но неужели оно откажет?). Сделайте милость, велите обо всем этом публиковать в далматинских газетах, чтобы знали о движении в русском обществе. Кроме того, ожидаются пожертвования от купеческой управы от имени купеческого общества и от других учреждений, а главное, из провинции. Московский дамский славянский комитет также ревностно принялся за дело. Пожертвований вещами набралось много. Разумеется, так как всякое даяние благо, то все принимается, даже «бареж и мозамбик», пожертвованный одним купцом (над чем много смеялась ваша супруга, которой я имел честь и удовольствие быть вчера представленным в заседании дамского комитета и сегодня отправлюсь засвидетельствовать ей лично мое уважение). Но тут же вместе с барежем тысячи аршин шерстяных и бумажных материй, упакованных в одном тюке и т. п. В отправке все и затруднение. По моему мнению, лучше всего — до Одессы по железной дороге (может быть, даром) и потом морем до Рагузы или прямо в Каттаро, адресуя в Черногорию, тогда минует австрийскую таможню.

Мы отклонили предложение председателя комитета Зары (забыл его фамилию, вы его знаете, он же и член рейхсрата) посылать ему, предпочитая отправить чрез

вас — для черногорского митрополита и прямо митрополиту сербскому. Из 19 тыс. руб. мною отправлено 15 тыс. руб. серебром к вам и 4 тыс. руб. серебром сербскому Михаилу. Но мне ужасно досадно, что, несмотря на перевод по телеграфу, деньги до вас достигают так медленно. Я посылал до сих пор чрез учетный банк, который телеграфировал в Триест в австрийское общество кредита, а оттуда, так как в Рагузе банкира порядочного не водится, деньги посылаются, как мне объяснили, морем на пароходах. В следующий раз попробую послать чрез Купеческий банк, который деньги направляет в Вену. Увижу, что скорее, т. е. вы это увидите и мне телеграфируете. Много теперь теряется на курсе, к несчастию.

20 лет тому назад еще немыслимо было сбирать такие суммы на славянское дело, а теперь шлют деньги даже мещане и крестьяне, и это все по призыву от правительства! Я держусь того мнения, что на политическую европейскую арену при настоящих обстоятельствах необходимо вывести русское общественное мнение и чувство. Европа не может с ним не считаться, и оно, полагаю, может быть полезно и самому русскому правительству как точка опоры...

Я убежден, что восстание продлится с весны, а там — что Бог даст. Понимаю все затруднение вашего положения, но вы счастливы, что вас не включили в консульскую комиссию: не годились!

Многое хотелось сказать вам, обо многом порасспросить, но из уважения к вашему званию воздержусь от вопросов и как бы ни желал вас видеть, но еще сильнее желал, чтобы вы в настоящую минуту оставались там на своем посту. Спасибо вам за письмо. Обнимаю вас от души. Вас искренне уважающий и преданный

Ив. Аксаков.

ГА РФ. Ф. 939. Д. 50. Л. 1–2 об. Автограф.

[1*] Для понимающего достаточно *(лат.)*.

[1] В послании митрополита сербского Михаила от 14 сентября 1875 г., послании черногорского митрополита Илариона к славянскому комитету в Москве от 20 сентября 1875 г. содержался призыв о посильной помощи как денежными пожертвованиями, так и предметами первой необходимости в пользу славянского населения Боснии, Герцеговины и Старой Сербии. Московский славянский благотворительный комитет также вновь обратился к русскому обществу о сборе пожертвований в пользу славянства в Боснии и Герцеговине (см.: ЦГИА г. С.-Петербурга. Ф. 400. Оп. 1. Д. 18. Л. 17–18 об.).

39

Донесение Н. П. Игнатьева Александру II о положении в Герцеговине и о слухах относительно намерения Австро-Венгрии оккупировать Боснию

№ 325 3 (15) ноября 1875 г. Пера

Sire! J'ai déjà eu le bonheur de porter très respectueusement à la connaissance de votre majesté impériale la nomination d'un chrétien Constant effendi au poste du mutessarif de Gatzko. Une nouvelle circonscription administrative a été créée pour lui des districts révoltés et avoisinant le Monténégro. Elle comprend Gatzko, Stolatz, Bonin, Popovo, Trébigné, Livtché, Binanié, Piva et Niksitch avec leur dépendances. Une grande partie de l'Herzégovine se trouve ainsi placée sous ses ordres. La Porte vient de nommer un autre chrétien, le Bulgare Nicolaki Génonitch, qui a accompagné Server pacha en qualité de translateur, à l'emploi de caïmakam de Piva en Herzégovine.

Cependant, malgré l'accalmie apparente qui y règne, l'état de cette province continue a être peu satisfaisant. La pacification avance lentement et le retour des habitants est souvent entravé par de nouveaux actes de violence des musulmans. Un rapport du baron Lichtenberg confirme les données que j'avais reçues de Raguse sur les assassinats de chrétiens à Popovo polé, et la fuite de tous les habitants de cette localité, à peine rentrée dans l'obéissance.

D'un autre côté, des bruits de concentration de troupes autrichiennes en vue d'une occupation militaire de la Bosnie, ont circulé ici dernièrement. Je les avais attribués d'abord à des spéculations de Bourse. Mais un télégramme secret du gérant de notre consulat à Sarajevo, que je crois devoir placer ci-après, confirme cette nouvelle en donnant à la mesure projetée par l'Autriche des dimensions évidemment exagérées.

Il n'y a d'ailleurs pas lieu de supposer que le cabinet de Vienne, se détachant brusquement de l'action commune qui lui assurait de si grands avantages, voulût se lancer dans des entreprises hasardées de la nature de celle que lui attribue actuellement la rumeur publique[1*]. Quelque génante que puisse lui paraître l'agitation dans les provinces slaves de la Turquie, il est à espérer, qu'il ne se décidera qu'à la dernière extrémité, d'inaugurer une politique, qui aurait pour premier effet de nuire à notre prestige traditionnel dans des pays où notre action politique a toujours tenu compte des susceptibilités légitimes et des intérêts de l'empire des Habsbourg.

Je suis, avec le plus profond dévouement, sire, de votre majesté impériale, le très humble, très obéissant et fidèle sujet

N. Ignatiew

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 29. Л. 77–80. Подлинник.

[1*] *На полях помета Александра II:* Et ce n'est que notre *entente à trois* qui peut nous donner cette garantie.

Перевод

Государь!

Я уже имел счастье с глубоким почтением довести до сведения вашего императорского величества о назначении христианина Констана-эффенди на должность мутесарифа Гацко. Для него был создан новый административный округ, включающий восставшие и соседствующие с Черногорией округа. В него входят Гацко, Столац, Бонин, Попово, Требинье, Ливче, Бинание, Пива и Никшич с их угодьями. Таким образом, под его началом оказывается значительная часть Герцеговины. Порта только что назначила еще одного христианина болгарина Николаки Женонича, который сопровождал в качестве переводчика Сервер-пашу, на должность каймакама Пивы в Герцеговину.

Однако несмотря на кажущееся затишье, воцарившееся там, состояние этой провинции остается малоудовлетворительным. Умиротворение продвигается медленно, и возвращению жителей часто препятствуют новые акты жестокости мусульман. Донесение барона Лихтенберга подтверждает полученные мною из Рагузы данные об убийстве христиан в Попово поле и о бегстве всех жителей этого едва приведенного к повиновению местечка.

С другой стороны, здесь в последнее время ходили слухи о концентрации австрийских войск ввиду военной оккупации Боснии. Вначале я связал их со спекуляциями Бурсы. Однако секретная телеграмма управляющего нашим консульством в Сараеве, которую считаю долгом приложить к сему, подтверждает эту новость, очевидно, преувеличивая масштабы меры, намеченной Австрией.

Впрочем, нет оснований предполагать, будто венский кабинет, внезапно отказавшись от совместной деятельности, обеспечивающей ему столь большие выгоды, пожелает пуститься в рискованные затеи вроде той, которую приписывает ему ныне общественная молва[1*]. Следует надеяться, что, сколь бы ни беспокоило его брожение в славянских провинциях Турции, он лишь в самом крайнем случае решится на политические шаги, первым результатом которых станет нанесение ущерба нашему традиционному престижу в странах, где мы в своей политической деятельности всегда учитывали обоснованную чувствительность и интересы империи Габсбургов.

С глубочайшим почтением имею честь быть, государь, вашего императорского величества всепокорнейшим и преданнейшим слугой

Н. Игнатьев

[1*] *На полях помета Александра II:* Лишь наш *тройственный союз* может дать нам эту гарантию.

40

Донесение М. М. Бакунина Н. П. Игнатьеву о распространении в Боснии прокламации с призывом к мусульманскому населению присоединиться к восстанию

№ 152 7 (19) ноября 1875 г.

Monsieur l'ambassadeur!

J'ai eu aujourd'hui la vive satisfaction de voir se confirmer en tous points les renseignements et les données que j'avais recueillis lors de mon expédition à travers les districts bosniaques insurgés. J'ai déjà eu l'honneur de faire à votre excellence dans mon rapport du 13 novembre sub N 149 la relation de ce voyage.

En effet, M. de Vienne, consul de France à Bosna-Séraï, a entrepris une semaine après mon retour exactement la même tournée d'exploration que moi-même et il en a rapporté des impressions identiques qu'il m'a communiquées. Il a constaté comme moi avec surprise l'existence dans la province de Banjalouka de nombreuses «tchétas» formées de catholiques. Il a déploré l'aveuglement acharné qui pousse ces chrétiens à combattre leurs frères orthodoxes insurgés.

J'ai l'honneur aujourd'hui de soumettre à votre excellence l'original serbe d'une proclamation adressée aux musulmanes bosniaques[1]. Ces derniers sont invités à se joindre à leurs frères chrétiens de même race pour combattre de concert avec eux «cette ignoble et sanguinaire administration ottoman, ces osmanlis étrangers au pays et intrus en Bosnie, ces vampires cruels et lâches etc». «C'est ce gouvernement infâme qu'il faut détruire. Il est le seul ennemi des bosniaques tant chrétiens que musulmans, puisqu'il les opprime et les exploite tous sans distinction. Il y faut substituer un gouvernement national représentatif, veillant au bien-être, au dévelopement du peuple. Ne croyez rien, musulmans, de ce que déclament vos autorités contre la Serbie. On lui prête l'intention de vous enlever vos terres, vos biens, votre indépendance, de détruire vos mosquées, d'anéantir votre religion, n'en croyez rien, ce sont de viles calomnies. Si demain la Serbie s'emparait de notre pays, elle accorderait à la Bosnie une autonomie plus grande, des droits plus larges, elle respecterait vos biens, vos personnes et votre religion, elle instituerait un gouvernement national dont quelques uns d'entre vous feraient partie à titre de représentants pour travailler de concert avec les autres délégués de la nation au bien- être commun».

Telle est, M. l'ambassadeur, la substance de ce document assez remarquable que j'ai l'honneur de vous soumettre ci-joint en serbe. La traduction de cette proclamation qui m'est parvenue aujourd'hui-même (je suis le seul ici parmi les agents étrangers qui aie connaissance de cette proclamation et de l'imminence de sa publication), me prendrait trop de temps et me forcerait de remettre à huitaine l'expédition du présent rapport.

Cette proclamation est l'oeuvre de ce Bogdanović dont j'ai eu l'occasion d'entretenir votre excellence dans un précédent1 rapport. Je ne crains pas de trop m'avancer si j'affirme qu'elle a été sinon inspirée de toutes pièces du moins approuvée à Belgrade, où sans doute on en a conçu l'idée première. J'ignore si elle a été répandue parmi les insurgés bosniaques.

Un fait que je puis constater — c'est qu'ici à Sérajevo où il s'en trouve plusieurs exemplaires parmi les membres de la communauté orthodoxe, l'existence de ce document n'a pas encore transpire du dehors.

Votre excellence daignera, observer, que l'idée de la fusion sous un même gouvernement national des deux races congénères qui habitent la Bosnie et la principauté de Serbie constitue la note maîtresse de tout l'écrit. Cette idée me semble cependant timidement énoncée, elle n'ose encore à mon humble avis, s'affirme plus nettement que ne le ferait la pure et simple constatation d'un pium desiderium dont la réalisation douteux serait reléguée dans les brumes lointaines de l'avenir. Je me permets de penser que la proposition faite aux musulmans de battre en brèche un gouvernement mahométan en commun avec des chrétiens, de même que la perspective d'une fusion avec un peuple chrétien et des institutions sociales et politiques qu'ils exercent exerceront peu ou point de séduction sur leurs esprits farouches et fanatisés par l'islamisme même qu'ils professent, joint à leur habitude séculaire de dominer. C'est tout au plus si l'appel ainsi rédigé gagnera à la cause de la révolution quelques prolétaires musulmans sans couleur politique ou religieuse. Le grand nombre résistera par haine, par dédain ou par indifférence à tout tentative de rapprochement.

Que votre excellence daigne me pardonner le jugement peut-être un peu vif que je me permets de tirer a priori: il porte sur le caractère essentiellement apathique et immobile de la population bosniaque musulmane qui se soustrait opiniâtrement aux influences adoucissantes des idées modernes et qui me semble peu susceptible et point désireuse de perfectionnement. Voici pourquoi je dois supposer l'insuccès de la proclamation qu'on lui adresse en faisant appel à des sentiments généreuse de patriotisme qui ne peuvent exister. Néanmoins votre excellence lira peut-être avec intérêt cet écrit que je vous adresse à titre de curiosité.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

M. de Bakounin

Copie du présent rapport ainsi qu'un exemplaire de la proclamation seront expédiés au directeur du Département asiatique.

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2337. Л. 107–108 об. Автограф.

Перевод

Господин посол!

Я имел сегодня живое удовольствие видеть подтверждение по всем пунктам тех данных, которые я собрал в ходе своей экспедиции по восставшим боснийским округам. Я уже имел честь сделать вашему превосходительству реляцию об этой поездке в своем докладе от 13 ноября под № 149.

Г-н де Вьет, консул Франции в Босна-Сарае, фактически предпринял через неделю после моего возвращения в точности такую же инспекционную поездку, что и я, и доложил об этом такие же впечатления, коими поделился со

мной. Как и я, он с удивлением констатировал наличие в провинции Банялука многочисленных чет, образованных католиками. Он выражал сожаление о безумном ослеплении, вынуждающем этих христиан биться со своими восставшими православными братьями.

Сегодня я честь имею представить вашему превосходительству сербский оригинал прокламации, адресованной боснийским мусульманам[1]. Этих последних призывают присоединиться к своим единокровным христианским братьям, дабы вместе с ними сражаться против «этой гнусной и кровавой османской администрации, этих османлиев, чуждых стране и вторгшихся в Боснию, этих жестоких и трусливых вампиров» и т. д. «Нужно уничтожить это позорное правительство. Оно — единственный враг боснийцев, как христиан, так и мусульман, поскольку угнетает и эксплуатирует их всех без различия. Нужно заменить его представительным национальным правительством, работающим на благо и способствующим развитию народа. Мусульмане, не верьте ничему из того, что распространяют ваши правители против Сербии. Ей приписывают намерение отобрать у вас ваши земли, имущество, независимость, разрушить ваши мечети, уничтожить вашу религию: не верьте этому, это подлая клевета. Если завтра Сербия овладела бы нашим краем, она предоставила бы Боснии большую автономию, более широкие права, она уважала бы вашу собственность, личность и религию, установила бы национальное правительство, в котором некоторые из вас приняли бы участие в качестве представителей, дабы совместно с другими депутатами страны трудиться на общее благо».

Такова, г-н посол, суть этого довольно любопытного документа, который я имею честь представить ниже вашему вниманию на сербском языке. Перевод этой прокламации, доставленный ко мне только сегодня (я здесь единственный из иностранных агентов, кто осведомлен о ней и о неизбежности ее публикации), отнял бы у меня слишком много времени и вынудил бы меня отложить на неделю отправку настоящего донесения.

Эта прокламация — дело рук того самого Богдановича, о коем я уже имел случай докладывать вашему превосходительству в предыдущем донесении. Полагаю, что я не слишком преувеличу, если выскажу утверждение о том, что она была если и не целиком инспирирована, то, по крайней мере, одобрена в Белграде, где, без сомнения, появился ее первоначальный замысел. Не знаю, была ли она распространена среди восставших боснийцев.

Я могу констатировать одно — что здесь, в Сараеве, где у членов православной общины имеется несколько экземпляров прокламации, за пределы общины этот документ еще не просочился.

Извольте заметить, ваше превосходительство, что идея объединения под властью одного национального правительства двух родственных народов, населяющих Боснию и княжество Сербию, составляет лейтмотив всего письма. Данная идея кажется мне, однако, робко выраженной, ее авторы, на мой скромный взгляд, не смеют выразиться более определенно, не выходя за рамки благого пожелания, сомнительная реализация которого была бы отодвинута в далекое и туманное

будущее, Я позволю себе думать, что обращенный к мусульманам призыв вступить в борьбу с магометанским правительством совместно с христианами, как и перспектива единения с христианским народом и его общественно-политическими организациями, скажутся мало или не вызовут вообще никакого отклика в их сердцах, необузданных и доведенных до исступления уже самим исламизмом, ими исповедуемым, наряду с их вековой привычкой к владычеству. Воззвание, составленное таким образом, сможет — самое большое — привлечь на сторону революции некоторых мусульманских пролетариев без определенного политического или религиозного лица. Многие будут противиться из ненависти, из пренебрежения или равнодушия к любой попытке сближения.

Пусть ваше превосходительство простит мне, может быть, несколько поспешное суждение, которое я позволяю себе вынести из предыдущего: оно касается в основном апатичного и косного характера мусульманского боснийского населения, которое упрямо избегает смягчающего влияния современных идей и кажется мне мало способным и нисколько не желающим усовершенствоваться. Вот почему я должен признать вероятность неуспеха обращенной к ним прокламации, взывающей к благородным чувствам патриотизма, кои существовать не могут. Тем не менее, ваше превосходительство, быть может, с интересом прочтет этот текст, который я направляю вам любопытства ради.

Имею честь быть с глубочайшим почтением вашего превосходительства покорнейшим слугою

М. Бакунин

Копия настоящего донесения вместе с экземпляром прокламации будут направлены директору Азиатского департамента.

[1] См. док. 34.

41

Донесение А. С. Ионина А. А. Мельникову о помощи герцеговинским беженцам в Черногории и необходимости закупки для них хлеба

№ 269 8 (20) ноября 1875 г. Рагуза

Милостивый государь Александр Александрович!

Вашему превосходительству известно уже, что после донесения моего от 28 октября (9 ноября) с. г., № 260, изложенный мною план касательно вспомоществования герцеговинским беженцам, особенно в Черногории, должен был существенно измениться вследствие отказа австрийского правительства выдавать хлеб в Боке Которской беглецам в Черногории. Деньги, назначавшиеся для улучшения жизни этих беглецов, должны быть немедленно употреблены на поддержание их существования, на покупку предмета первой необходимости — хлеба. Я уже имел честь известить, что на таковой предмет было выдано как Цетинским комитетом, так и мною и г-ном Веселицким из пожертвованных денег в России 48 110 гульденов кредитных.

Вследствие этого имею честь представить новый отчет о распределении денег, полученных до сегодняшнего числа.

Получено, считая на австрийские гульдены:

От Моск[овского] отд[ела] Слав[янского] бл[аготворительного] ком[итета]	31 162 –
От редакции газеты «Голос»	26 599.50
От Общ[ества] попечения о раненых	15 245.75
От С.-Петерб[ургского] дамск[ого] комит[ета]	2 577 –
От С.-Петербургского] отд[ела] Слав[янского] Бл[аготворительного] ком[итета]	1 534 –
От митрополита Михаила	1 000 –
От г-на Маслова (из Москвы)	730 –
От редакции газеты «Новости»	675 –
От Управ[ления] Ланов[ско]-Роменск[ой] железной дороги	450 –
От неизвестного (из Петрозаводска)	82.50
От г-на Еременко (из Кубанской области)	37.50
От г-на Данчича (из г. Прилуки)	22.50
Всего	80 115.75
Из них выдано:	
Г-ну Веселицкому-Божидаровичу	30 209.60
В Цетинский благотв[орительный] комит[ет]	23 945 –
В Рагузский дамск[ий] комитет	1 000 –
Воеводе Матановичу (на покупку хлеба)	15 356 –
Почтовый расход	130.77
Всего	70 641.37

Кроме того, как я имел честь доносить в «предыдущем моем донесении, мною заказано на 2 000 гульденов сухарей и все принадлежности для больниц на 250 человек, каковые, вероятно, будут стоить более 5 000 р[уб.] с[еребром], оставшихся у меня из денег, пожертвованных комитетом раненых, коих половина была отправлена в Цетинский комитет. Недостающая сумма будет взята из других пожертвований.

Г-н Веселицкий также вследствие того, что выдал Матановичу более 12 000 гульденов на покупку хлеба, может только употребить 8 000 гульденов на покупку сухарей и белья для Черногории, оставив на время другие потребности, не менее настоятельные, но для которых нет средств.

Я осмеливаюсь еще раз просить ваше превосходительство, если не встретится к тому препятствий, благоволить сообщить главным жертвователям, как то: газетам, обоим Славянским комитетам в Петербурге и Москве все вышеизложенное, ибо нам решительно невозможно было бы поставить их в известность об употреблении присылаемых ими денег вследствие слишком большого количества работы, а потому недостатка времени.

Дабы нагляднее представить вашему превосходительству положение Черногории, я позволю себе представить при сем совершенно частное письмо ко мне сенатора Станко Радонича. Вы изволите из него усмотреть, что Божидар Петрович и митрополит Иларион с другими важнейшими лицами в Черногории ходят теперь из села в село, собирая от черногорцев посильные подаяния для бежавших герцеговинцев. Они собирают где несколько фунтов картофеля, где два кочана капусты, где рубашку, где несколько крейцеров денег. Нужды так велики и настоятельны, что нет сомнения, что черногорцы, которые в такие минуты не жалеют себя, сделают все возможные пожертвования, чтобы облегчить судьбу своих братий, но вы можете себе представить, что можно собрать в Черногории и какое впечатление может произвести на народ эта необходимость жертвовать последним куском хлеба только потому, что турецкому правительству угодно быть невыносимым и варварски жестоким. Страна, которая жила недавно еще грабежом других, теперь спокойно должна терпеть, что ее грабят. Какие чувства все это порождает, насколько нейтралитет возможен при таких обстоятельствах, насколько достанет еще терпения и сколько еще времени может продержаться не вспыхнув сдержанная злоба — вы изволите сами судить.

Тут утешительно одно только — пример, насколько может быть благожелательно влияние России. Кто бы мог несколько лет тому назад сказать, что Черногория может быть так терпелива, иметь настолько здравого политического смысла, столь подчиниться авторитетному началу, выдерживать такое политическое испытание? Кто мог подумать недавно еще, что страна эта, жившая на счет чужих и турок, может столь великодушно приютить и кормить у себя целое население, ибо до сих пор помощь, пришедшая в Черногорию извне, не достигает и малой доли того, что уже было пожертвовано Черногориею без крика и театрального хвастовства за последние 4 месяца.

Но дело в том, что такой пример не может остаться без влияния на окружающую среду. Этот порядок, эта нравственная победа в Черногории отражается

и на событиях. Нравственно, волей или неволей, Герцеговина принадлежит князю Николаю и видит в распространении на нее черногорских порядков единственный залог своей будущности. Эти чувства искоренить нельзя, и иностранное влияние их не уничтожит.

Мне кажется, не только из человеколюбия, но и для того, чтобы в Черногории не сделалось неожиданно вспышки негодования, которая увлекла бы за собою события на новый и решительный путь, нужно стараться прийти на помощь этому народу. И потому-то я просил вас по телеграфу уже направить возможное количество жертвуемых денег на покупку прежде всего хлеба. Лучше всего для скорости операции посылать эти деньги в Триест, где для этой цели находится воевода Матанович.

Бежавшие в Австрию и Сербию (где, впрочем, их очень мало) терпят тоже, но там можно еще ждать, а в Черногории нельзя.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 747. Л. 345–348. Подлинник.

42

Письмо Е. П. Новикова А. С. Ионину с изложением своего взгляда на причины восстания и пути его дальнейшего развития

10 (22) ноября 1875 г. Вена

Любезнейший и душевно уважаемый Александр Семенович!

Давно я не писал вам, отчасти по недостатку времени, отчасти и потому, что не знал, какой оборот примут дела, и не хотел своими личными впечатлениями влиять на свободу вашей личной оценки лиц и событий. Правда, и теперь я не служу орудием правительственных извещений, инструкции ваши вы, конечно, получаете из Петербурга. Но я не хочу слишком продолжительным молчанием оставлять вас в неведении того, что мы здесь думаем и чувствуем.

Прежде всего, я последние ваши донесения читал с тем постоянным интересом, какого заслуживают наблюдательность ваша, соединенная с теплотою и любовью к делу, а также правдивое и добросовестное изложение фактов. Читал тем с большим интересом, что не со всеми вашими заключениями совпадают мои собственные, а я памятую пословицу: век живи — век учись.

Вам, конечно, ближе известен характер событий, совершающихся в вашем соседстве. Но мне, может быть, виднее влияние, производимое на них извне, и я полагаю, что обоюдные впечатления наши, дополняя друг друга, составляют вместе подходящую близко к истине картину.

Сколько мне помнится, вы отрицали всегда революционную сторону нынешнего восстания. Может быть, когда я выставлял взгляд, противоположный вашему в этом отношении, я различествовал более словами, нежели делами. Я не отрицал, что залоги восстания лежали во внутренних условиях края, в тяжелой доле местных христиан, в невыносимых притеснениях мусульманских властей и помещиков. Но я утверждал и продолжаю утверждать, что, несмотря на эти хронические причины восстания, оно бы не вспыхнуло без внешней подготовки австр[ийски]х деятелей славянской идеи, без особенного сцепления разнородных фактов, подавших этим деятелям возможность и повод обнадежить восставших помощью Австрии и союзных с нею держав.

Что восстание, сначала производное и наносное, впоследствии привилось к местной почве и вызвало наружу и местные силы, в этом нет сомнения. К тому же под революционным характером восстания я разумел не космополитические и разрушительные элементы (хоть и в них не было недостатка), а преимущественно служителей великосербской идеи, которые с самого начала навязали политический оттенок ниспровержения существующих и образования новых формаций такому движению, которое в сущности стремилось только к улучшению социального и аграрного быта.

Тенденции эти воплощались в австрийских славянских комитетах, мечтавших о присоединении к Австрии, в Омладине, в сербской радикальной партии и в черногорских éclaireurs'ax[1*], помышлявших и ныне еще помышляющих о дележе медвежьей шкуры между двумя этими княжествами[1].

Но об этом довольно. Слава Богу, нам удалось общими силами удержать Черногорию и Сербию от прямого вмешательства в восстание. Но этот результат будет лишь отрицательным, если Европе не удастся в течение зимы подавить восстание, конечно, не силою, а истребованием от Порты надлежащих реформ, не на словах только, как «ираде» и «талимат», а на деле. Я с ужасом помышляю о возможности продолжения инсуррекции и с удвоенною силою будущею весною. Она потянет за собою тогда, может быть, не одну Сербию и Черногорию, и мы очутимся пред Восточным вопросом, выросшим за зиму. Что тогда будет — ума не приложу, знаю только, что каково бы ни было решение, нам, русским, от того ничего не прибудет, прибудет разве другому кому-нибудь. Знаю также, что, полагаясь на инициативу Порты, щадя и поддерживая ее мнимые реформы, мы этою политикою полусложенных рук прямо и неотразимо несемся к восточному кризису, отнюдь же не к умиротворению, коего желает государь, а вместе с ним и Австрия, и большая часть Европы — за всех не поручусь.

Впрочем все это, повторяю, мои личные соображения, и мне не известно, до какой степени они будут согласовываться с политикою, какая окончательно установится в нашем Министерстве иностр[анных] дел.

Скажите, пожалуйста, какая доля правды в известии, передаваемом агентством Гавас и которое перешло в венские газеты, будто горные округи Герцеговины: Гацко, Билеч, Требинье, Никшич, Пива, Банья и пр. отделены Портою в особый мутессарифлик с христианским губернатором[2] и что таковым губернатором будет Констан-эфенди? Очень желал бы знать и мнение ваше, и черногорские воззрения на этот факт. Чудится мне, что местное население не совсем-то будет довольно армянином во главе. В Кандии поставили христианских губернаторов, но, по крайней мере, таких же греков, как кандиоты. А также чудится мне, что образование христианского губернаторства в таких округах, которые состояли до сих пор под негласным, но не менее того положительным влиянием, чтоб не сказать более, черногорского князя, не очень-то обрадует кн. Николая, как очевидная попытка создать ему в этом краю христианскую конкуренцию и преградить путь распространению его влияния на Герцеговину. Буду ждать отзыва вашего по этому вопросу с большим нетерпением.

Прилагаю у сего вырезку из «Wiener Tagblatt». Журнал скверный, но подобает и ереси ведати. Скажите, что справедливого в известии о заключении секретного трактата между Христичем и кн. Николаем[3] для совокупных в апреле месяце действий обоих княжеств против турок? Это идет вразрез со всеми известными мне официальными желаниями нашими, но, разумеется, не мое дело вмешиваться в эти условия без особых приказаний из Петербурга.

Будьте здоровы, милый товарищ, желаю вам всего лучшего.

Душевно преданный вам

Новиков

ГА РФ. Ф. 939. Д. 113. Л. 22–24 об. Автограф.

[1*] Разведчик, здесь — эмиссар *(франц.)*.

[1] См. док. 16 и прим, к нему.

[2] Е. П. Новиков излагает проект Н. П. Игнатьева, обсуждавшийся в его переговорах с Портой и предлагавший либо передачу восставших округов Герцеговины под управление Черногории с оставлением там верховной власти султана, либо создание из них полусамостоятельных нахий. Этот проект встретил решительный протест со стороны Австро-Венгрии (см.: *Игнатьев Н. П.* Записки // Исторический вестник. Пг., 1914. № 3. С. 831–833).

[3] Речь идет о переговорах сербского министра без портфеля Ф. Христича и черногорского князя Николая, начавшихся 9 (21) октября 1875 г. в Цетинье, о совместных действиях Сербии и Черногории против Турции. Стороны договорились начать войну весной 1876 г., а до того признали необходимость ограничиться оказанием помощи повстанцам. Относительно будущего устройства освобожденных областей обе стороны согласились, что Герцеговина отходит к Черногории, а Босния и Новипазарский санджак — к Сербии. Велись также переговоры о подписании политического договора и военной конвенции (см. прим. 2 к док. 68; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. I. С. 158–159).

43

Донесение И. С. Ястребова Н. П. Игнатьеву с проектом наделения пустующими землями христиан Герцеговины и реформы судопроизводства

13 ноября 1875 г. Мостар

В рапорте от 3-го сего ноября[1] между прочим я донес вашему превосходительству, что Сервер-паша на мой совет о приискании свободных земель в Герцеговине и наделе ими христиан отвечал мне, что таковых земель здесь нет[2].

Хотя я не имел возможности проверить Сервер-пашу по официальным данным (да и возможно ли это?), тем не менее я постарался косвенными путями узнать, насколько справедлив Сервер-паша в своем мне ответе.

Мне здесь рассказывают, что сердар-экрем Омер-паша в бытность свою в Герцеговине, желая улучшить положение христиан, *нашел здесь множество таковых земель* для надела ими христиан, но надежда сих последних не осуществилась вследствие отъезда Омер-паши из Герцеговины. Известно здесь также и то, что Омер Февзи-паша, бывши здесь валием, заботился об отыскании свободных земель (халилук) и имел в виду тоже снабдить ими христиан, и *нашел таковые халилуки в достаточном* количестве, но благие предначертания его остались без последствий вследствие тоже его перемещения отсюда. И сама Порта будто неоднократно высылала особых чиновников (тапу мемуру) для переписки поземельных собственностей бегов и аг и свободных земель (халилуков), принадлежащих правительству, но не имела и она никакого успеха: ее чиновники — тапу мемуры вследствие разных интриг бегов и аг, поддерживаемых самою администрациею, принуждены были оставлять Герцеговину...

Как бы то ни было, впрочем, но из наведенных мною справок (частных) оказывается, что свободные земли (халилуки) имеются в Герцеговине и Боснии в достаточном количестве. Только мусульманские собственники земель, смежных с таковыми халилуками, не позволяют христианам обрабатывать их или, основываясь на *праве сильного*, присваивают себе таковые участки в том случае, если бы христиане обработали уже их. Случаев такого самоуправства турок здесь немало. Жалобы христиан на такой порядок вещей никогда не уважались.

Сервер-паша не хочет признать таковые факты. Он верит бегам и агам, утверждающим, что в Герцеговине все земли, горы и долины принадлежат исключительно мусульманам.

Что, спрашивается, заставляет Сервер-пашу иметь одно и то же убеждение с бегами и агами? В донесении от 15 сентября[3] я указал отчасти, какую цель имели беги и аги, когда по данному им Дервиш-пашою сигналу они истребляли села и жилища христиан... Едва ли ошибусь, если скажу, что и Сервер-паша преследует одну и ту же цель: уменьшить здесь христианский элемент, заставив христиан волею-неволею удалиться отсюда (см. мой рапорт от 3 ноября), чтобы затем заместить их азиятами. Цель эта понятна, едва ли нужно пояснять ее.

Но как же доказать Сервер-паше, что и в Герцеговине для христиан есть достаточно свободных земель? Для этого, по моему скромному мнению, следует только, чтобы произведена была добросовестно строгая ревизия всех *many* (документы на поземельную собственность) у всех бегов и агов и вообще всех мусульман в Боснии и Герцеговине. Если при ревизии окажется, что они владеют землями, не означенными в тех документах, то почему бы не лишить их ни на чем не основанного права на те земли и почему бы не переписать их на имя христиан, возделывавших оные? Кроме того, есть и такие земли, которые остаются заброшенными, хотя и записаны в *many* у бегов и агов. Известно, что в силу закона таковые земли поступают в казну, если окажется, что в течение 3-х лет не были они обработаны, почему бы и таковые земли не отвести в надел христианам?

Если Порта решится сделать добро христианскому здесь народонаселению искренно и без всяких предвзятых идей, если наделит христиан землями и таким образом даст им кусок хлеба, то должна позаботиться еще и о том, чтобы этот кусок хлеба не был горьким, чтобы жизнь их была более сносною. Для этого она должна непременно реформировать систему администрации, а главное, обратить особое внимание на систему судопроизводства под управлением кадий, которые поистине отравляют жизнь христиан.

К сожалению, Порта доселе удерживает за кадиями право непогрешимых судей, несмотря на бесконечные жалобы христиан против них. Кому не известно, что у турок нет, собственно говоря, судебной процедуры, какая имеется у всех более или менее образованных народов, что они не имеют даже надлежащего понятия об этой процедуре и едва ли желали бы иметь ее? Эта судебная процедура оправдала бы многих христиан, невинно, но зачастую обвиняемых турками, а равно осудила бы многих мусульман, законно обвиняемых христианами[1*]. Между тем как в глазах кадии всякий христианин, обвиняющий мусульманина, представляется ему человеком, посягающим на самый ислам. Оттого-то здешние христиане в один голос говорят: «для христианина нет здесь правосудия».

Чтобы изменить подобный порядок вещей, Порта должна отказать кадиям в праве судей в делах гражданских и криминальных. Уже по одному духовному характеру своему они должны быть судьями исключительно в сфере религиозной и именно только между мусульманами. Другого назначения они не должны иметь. Притом Порта для облегчения казны могла бы легко уменьшить число кадий, уничтожив места их в уездных городах, где нет совсем мусульман или очень мало таковых. Кади, находящийся в резиденции мутесарифа, легко может в качестве благочинного следить за религиозными делами всего мутесарифлика, судить и рядить мусульман, обращающихся к нему из уездов по делам веры и религиозной практики. Пусть, впрочем, будут кадии и в других более важных уездах мутесарифлика, где много мусульман; но пусть будут они там ни более ни менее как благочинные, как религиозные судьи между мусульманами только и в делах веры только.

Чтобы заменить этих кадий как судей, нужны судья другие, имеющие надлежащий запас юридических сведений и вполне образованные в европейском смысле слова. На первых порах Порта могла бы пригласить таковых из Европы, именно

тех, которые владеют сербским языком. А между тем почему бы ей не избрать из своих же подданных здешних молодых людей, получивших гимназическое образование в Австрии или России, и не отправить их на правительственном иждивении в европейские университеты, чтобы приготовить из них достойных преемников тех судей-иностранцев, которых бы она вызвала теперь? Почему бы ей не основать в Сараеве свой народный университет с факультетами юридическим, богословским, физико-математическим и медицинским? Что ей мешает завести в главных городах Боснии, Герцеговины и Старой Сербии надлежащие гимназии с той же целью?

С глубочайшим почтением и проч.

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 747. Л. 352–353. Копия.

[1*] На днях слушалось в Мостарском кадилуке три убийства. Так как за убитого христианина в Дубраве (3 часа от Мостара) и убитого христианина около Невесинья не было представлено жалобы, то здешняя власть не сочла нужным производить следствие. Убитые на дорогах пролежали до тех пор, пока не нашлись добрые люди, которые закопали их трупы. Но за убитого в селе Белополье (в 3-х часах пути от Мостара к северу) явился с жалобою отец его Петр Кандич. Основываясь на словах умиравшего от раны сына своего Лазаря Кандича, Петр Кандич обвинял пред кадиею в убийстве сына некоего Чулу, мусульманина. Правда, этот Чуло был арестован, но чрез два дня был пущен на свободу, потому что односельцы его не замедлили явиться к кадии и показать, что Чуло в то самое время, когда был убит Лазарь Кандич, находился между ними. Для кадии больше ничего не было нужно, чтобы кровь христианина осталась без наказания убийцы. Кто же, спрашивается, убил Лазаря, если не Чуло? Для кадии этот вопрос излишен. Ему и горя мало, что убит он тем или другим, ему важно только то, что обвиняемый христианином мусульманин в убийстве оправдан (?) уверениями односельцев, его единоверцев. А главное, странно в этом то, что такие дела деются здесь, где проживает сам комиссар Порты, посланный сюда с широкими (?) полномочиями!! *(прим, док.)*.

[1] См: АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 747. Л. 341–343.
[2] См: АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 633. Л. 53–89.
[3] См. док. 29.

44

Письмо крестьянина слободы Кукарки Вятской губернии Д. Медведева И. С. Аксакову с препровождением собранных крестьянами денег для семей герцеговинских повстанцев

16 ноября 1875 г.

Находясь мы на дальнем севере, глубоко прочувствовали все бедственное положение наших православных братий-славян — по плоти и духу, обреченных по неисповедимым судьбам божьим на страдания под мусульманским гнетом. Помня, что и мы ныне, под крепким скипетром благоденствующие, некогда так же страдали от татарской орды. Чувствуя необходимую помощь страдальцам герцеговинцам, поднявшим знамя для освобождения свободы, дорогой всякому цивилизованному человеку, но мы знаем, что можем помочь только посильно своими трудами, а политический вопрос подлежит решению мудрому правительству. И так на этом рассуждении жертвуем в пользу семейств страдальцев Востока — герцеговинцев: Даниил Федосеев Медведев 10 руб., Павел Осипов Бердников 2 руб., Федор Васильев Ермаков 3 руб., Владимир Яковлев Старостин 1 руб., всего шестнадцать рублей серебром. Просим вас, милостивый государь Иван Сергеевич, принять сие наше пожертвование, отослав по принадлежности, а нас на первый раз уведомить.

Остаемся с полным радушием и уважением к покровителям славян.

Покорный слуга крестьянин слободы Кукарки Яранского уезда Вятской губернии

Даниил Медведев

Помета И. С. Аксакова: Отвечал.

ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 268. Л. 109–110. Подлинник.

45

Донесение Н. П. Игнатьева канцлеру А. М. Горчакову с критическими замечаниями о проекте реформ Д. Андраши

№ 357 24 ноября (6 декабря) 1875 г. Пера

M. le baron de Jomini m'a communiqué confidentiellement les dépêches adressées par le comte Andrassy au chargé d'affaires Austro-Hongrois à St Pétersbourg en date du 16 novembre. Elles repondent aux objections élevées par le cabinet impérial contre le programme de réformes de ce ministre[1] et contiennent en même temps une nouvelle proposition d'un minimum de concissions en faveur des chrétiens, qui devrait être arraché à la Porte par l'action commune des trois cours impériales.

Ayant dans ma précédente dépêche de ce jour touché au caractère général des propositions austro-hongroises, il me reste à y opposer quelques arguments locaux que'je prierai instamment votre altesse de vouloir bien prendre en sérieuse considération, avant de s'arrêter à une décision définitive.

Quant au fond du projet du comte Andrassy, d'après ce que j'en connais, il se résumerait en trois points exprimés vaguement sans aucun développement pratique: 1) liberté religieuse et égalité des cultes, 2) abolition des dîmes, et 3) suppression de le corvée.

Je ne m'arrête pas au deux derniers sujets car l'abolition de la dîme est déjà inscrite dans l'iradé du sultan et ses effets ne peuvent porter fruit qu'après quelques années, tandis que la reforme de la corvée demande du temps et du calme pour être appliquée. J'arrive au principal la liberté religieuse et l'égalité des cultes.

Le comte Andrassy semble confondre dans sa dépêche N 1 ces deux principes tout-à-fait différents. Le premier a en effet été inscrit dans le hatti-houmayoun[2] comme confirmation des privilèges qui appartenaient aux différents cultes ab antique; et puisque la responsabilité d'exécution que les Puissances assumeraient actuellement ne serait, selon lui, «ni plus, ni moins» grande qu'elle n'était en 1856 et 1858[3], il me paraîtrait puéril de faire proclamer ce principe dans les même conditions une seconde fois après l'expérience faite. Quant à l'égalité des cultes — la matière est différente. L'organisation historico-religieuse de l'Empire ottoman ne saurait s'adopter à la suppression d'une religion d'état. Aucun autre culte ne pourrait recevoir les mêmes droits ni les mêmes privilèges que l'islam. Mais appelés à régner sur une majorité hétérodoxe, Mahomet II et ses successeurs ont reconnu dans leur empire, en dehors des musulmans, deux communautés nationale-religieuses (milet) grecque orthodoxe et arménienne grégorienne, auxquelles vint s'adjoindre plus tard une communauté arménienne catholique. Le cabinet impérial insistait de tout temps sur le maintien des privilèges qui étaient accordés aux deux premières et s'en constituait le défenseur. Les autres cultes chrétiens n'étaient que tolérés et se voyaient par conséquent obligés de recourir à une protection étrangère. C'est ainsi que les catholiques se placèrent sous le drapeau de la France et de l'Autriche, les protestants sous celui de l'Allemagne, de l'Angleterre et en dernier lieu des Etats Unis. Une des causes de la guerre de Crimée a été le désir de l'empereur Nicolas d'acquérir un protectorat analogue à l'égard des sujets orthodoxes du sultan, munis déjà de prérogatives civiles.

Si nous secondons maintenant le comte Andrassy dans sa réclamation d'une égalité de droits pour tous les cultes — les catholiques et les protestants qui exercent en Turquie une action militante en cherchant principalement à faire des prosélytes parmi les orthodoxes et les arméniens, auront acquis, grâce à nous, et au détriment des intérêts de nos coreligionnaires, une totalité de droits dont la convoitise nous a valu en 1853–1856 l'hostilité de presque toutes les puissances catholiques et protestantes réunies[4]. Il ne saurait entrer dans les vues du cabinet impérial de détruire ainsi de ses propres mains l'équilibre sur le terrain religieux en Orient, en procurant aux rivaux de nos coreligionnaires des avantages qui placeraient des derniers dans des conditions d'infériorité réelle. Sans entrer dans les détails des droits civils qui découleraient pour les catholiques et les protestants de leur mise sur un pied d'égalité avec les orthodoxes qui continueraient a être privés d'une protection étrangères officielle, je me bornerai à constater qu'une pareille situation servirait d'encouragement puissant pour la propagande religieuse occidentale, et serait un appât nouveau pour engager nos coreligionnaires à abjurer leur foi.

J'ai donc lieu de croire, Monsieur le chancelier, qui, quant au fond, les propositions du comte Andrassy sont, suivant l'extension qu'on leur donnera, ou tout à fait anodines et insuffisantes même en théorie pour satisfaire les désirs des insurgés et leur faire déposer les armes, — ou dangereuses et capables de nous entraîner dans une voie qui mènerait à une série d'interventions et de malentendus regrettables. Tout dépendra de l'application qui en sera faite.

Ce second côté des propositions, laissé complètement dans le vague, me paraît encore moins concluant que le fond. Si nous présentons aux turcs un programme de concessions avec des têtes de chapitres pompeux, ils ne manqueront probablement pas de nous demander comment nous entendons faire appliquer les principes proclamés. Quelles que soient les définitions que le comte Andrassy peut en avoir données, lorsqu'il s'agira de l'exécution, il se présentera mille détails qui ne pourront être réglés qu'avec une certaine connaissance de l'atmosphère locale. Quelles seront alors les limites des concessions que nous aurions à réclamer? Devrions nous en abandonner la fixation au cabinet de Vienne et lui demander des instructions pour chaque cas spécial, au risque de nous contenter de résultats insignifiants ou d'avoir à faire valoir des exigences exorbitantes au point de vue turc? Et si la Porte acceptait le programme, tel qu'il lui serait présenté, et en promettait l'exécution, qui donc serait charge de surveiller cette dernière, du moment surtout où les détails n'en seraient pas précisés d'avance? Bornerions-nous vraiment l'action des trois empires à la remise d'un programme et à la réception des promesses pour nous en contenter et retomber dans la faute commise par les Grandes Puissances en 1856 et dont nous recueillons peut-être aujourd'hui les fruits?

Mais je veux bien admettre que toutes ces difficultés pratiques soient écartées et que tout marche facilement. Le but qui aura justifié notre action devant être, comme le dit explicitement le comte Andrassy non «point de créer un régime définitif en Turquie», mais «la pacification des provinces insurgées» — il est probable que la Porte nous demanderait de lui garantir que son adhésion à nos exigences aboutirait à la pacification désirée. Je crois avoir suffisamment démontré que ce résultat ne serait pas atteint. A part le peu de valeur intrinsèque des concessions à exiger, l'absence de garantie réelle de leur

exécution ferait toujours hésiter les insurgés à échanger contre une pareille fiction les avantages déjà acquis par leur lutte héroïque. L'intervention de l'Europe n'en sera pas le moindre au point de vue moral et quelqu'insignifiant qu'eut été son résultat pratique, l'antécédent de cette action collective leur servira plutôt d'encouragement et les poussera à une résistance ultérieure.

Mais mes appréhensions pourront ne pas être partagées par les autres cabinets. S'associant à l'idée du ministre austro-hongrois, ils jugeront p. e. possible, pour ne point se compromettre par le refus d'une garantie, qui pourrait entraîner l'échéc de la démarche, de s'engager à obliger les insurgés à se contenter des concessions demandées et de cesser la lutte. Quels seraient les moyens d'exécution de cette promesse? Le c[omte] Andrassy saurait-il les formuler? Ou bien songerait-il à inaugurer une action collective sans avoir pourvu à toutes les éventualités sur lesquelles les cabinets alliés ne manqueraient pas de vouloir s'entendre?

Il peut bien, comme action personnelle et immédiate, avoir en vue, ainsi que le constate dans son rapport à l'empereur le b[aron] de Jomini, «de contraindre les insurgés en leur refusant la continuation de l'hospitalité autrichienne», ou bien «de leur donner tort s'ils continuaient la lutte et user de rigueur pour les contraindre à la cesser». Mais si l'exécution du premier moyen surtout à l'égard des familles réfugiées, serait au pouvoir du gouvernement austro-hongrois, — il est douteux que cet acte d'inhumanité acquière jamais l'adhésion du cabinet impérial. Quant au second, M. le baron de Jomini a peut-être raison de croire «que les Grandes Puissances après avoir témoigné des voeux en faveur des insurgés et pris acte des promesses du sultan, auraient acquis un certain droit de leur demander de faire à leur tour un sacrifice au besoin général de la paix en mettant un terme à la lutte».

Si les herzégoviniens trouvaient que l'intérêt de l'Europe pour leur sort se sera suffisamment affirmé dans les propositions du comte Andrassy et se laissaient persuader par les promesses des cabinets «d'exercer un *certain* contrôle sur l'exécution des réformes» peut-être voudraient-ils bien déposer les armes, et s'il «en resuite après cela une déception pour les chrétiens», M. le baron de Jomini pense avec raison que «nous n'en aurions du moins pas la responsabilité exclusive». Mais ne serait elle pas contraire à toutes les traditions de notre politique séculaire? Et en écartant même toute conséquence défavorable de leur soumission, une issue facultative de la démarche qu'on ferait auprès des insurgés et dont le succès n'est guère à prévoir dans l'état actuel de leur cause, ne constituerait pas encore une base pour un engagement à prendre a l'égard de la Porte.

Si le comte Andrassy pense qu'il pourra au printemps tenir à la Serbie et au Monténégro le même langage comminatoire que l'été dernier, et avec le même succès, — il se trompe fort. Il exprime lui-même la pensée que les préparatifs militaires de la Serbie ont pris un développement considérable[5]. De simples paroles venant appuyer des réformes insuffisantes, et dont ces principautés ne profiteraient point directement, ne suffiraient plus pour les retenir.

En exposant ainsi, avec une entière franchise, les considérations que m'inspirent les suggestions austro-hongroises, je crois devoir ajouter que ce qui me pousse à recommander un système tout différent de celui du comte Andrassy, ce n'est point le simple

désir «d'épargner au sultan l'humiliation d'une intervention directe». Si j'y ai «travaillé chaleureusement», comme le reconnaît le baron de Jomini, c'est que j'y voyais plus de garanties pour le bien-être des populations chrétiennes, pour la conservation de la paix aussi bien que pour le maintien *à la longue* de l'entente à trois, que dans l'exécution du plan à courte échéance présenté par le ministre de l'empereur François Joseph. J'ai tenu à indiquer au cabinet impérial les dangers et les écueils auxquels nous menait ce dernier. Il appartiendra à votre altesse de trouver une combinaison qui réunisse les exigences générales de notre politique européenne avec les intérêts particuliers qui sont engagés pour nous dans la question Orientale et dont constitué le gardien, je n'ai pas pu laisser ignorer au ministère impérial les nécessités.

J'ai l'honneur d'être etc.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 31. Л. 595–599. Копия.

Перевод

Г-н барон де Жомини конфиденциально сообщил мне о депешах, направленных графом Андраши австро-венгерскому поверенному в делах в Санкт-Петербурге 16 ноября. В них дается ответ на возражения, выдвинутые императорским кабинетом против программы реформ этого министра[1], одновременно содержится новое предложение о минимуме уступок христианам, которые должны быть вырваны у Порты совместными действиями трех императорских дворов.

Поскольку в своей предыдущей депеше от сего дня я затрагивал общий характер австро-венгерских предложений, мне остается противопоставить им ряд частных аргументов, на которые я настоятельно просил бы вашу светлость обратить серьезное внимание, прежде чем прийти к окончательному решению.

Что касается существа проекта графа Андраши, то, насколько мне известно, он сводится к трем пунктам, выраженным неопределенно, без какой-либо практической разработки: 1) религиозная свобода и равенство культов; 2) отмена десятины и 3) уничтожение барщины.

Я не останавливаюсь на двух последних темах, т. к. отмена десятины уже вписана в ираде султана и может принести плоды лишь несколько лет спустя, тогда как реформа барщины требует времени и спокойствия для своего проведения в жизнь. Я подхожу к главному: религиозной свободе и равенству культов.

Граф Андраши, кажется, путает в своей депеше № 1 эти два совершенно разных принципа. Первый фактически был включен в хатт-и хумаюн[2] как подтверждение привилегий, принадлежащих различным культам с давних пор; а поскольку ответственность за их осуществление, которую в настоящее время приняли на себя державы, по его мнению, «не больше и не меньше», чем была в 1856 и 1858 гг.[3], мне кажется наивным провозглашать этот принцип в тех же условиях во второй раз после пережитого. Что же до равенства культов, то это дело другое. Исторически сложившийся религиозный уклад Оттоманской империи не смог бы приспособиться к отмене государственной религии. Никакой другой культ не смог

бы получить ни те же права, ни те же привилегии, что и ислам. Но, призванные править иноверным большинством, Магомет II и его преемники признали наличие в своей империи, помимо мусульман, двух национально-религиозных общин (милет) — греческо-православной и армяно-грегорианской, к которым позднее прибавилась католическая армянская община. Императорский кабинет все время настаивал на сохранении привилегий, кои были предоставлены обеим общинам, и выступал в качестве их защитника. Прочие христианские культы турки только терпели, и они вследствие этого оказались вынужденными прибегать к иностранному покровительству. Так, например, католики встали под знамя Франции и Австрии, протестанты — под знамена Германии, Англии и, наконец, США. Одной из причин Крымской войны было желание императора Николая установить аналогичный протекторат в отношении православных подданных султана, коим ранее были предоставлены гражданские прерогативы. Если мы поддержим сейчас графа Андраши в его требовании равноправия всех культов, то католики и протестанты, проводящие в Турции энергичную кампанию, стремясь, главным образом, завоевать прозелитов в первую очередь из числа православных и армян, приобретут благодаря нам и в ущерб интересам наших единоверцев все права, притязание на которые стоило нам в 1853–1856 гг. враждебности почти всех объединенных католических и протестантских держав[4]. Императорский кабинет не намерен разрушать собственными руками равновесие между религиями на Востоке, предоставляя соперникам наших единоверцев преимущества, которые на деле поставили бы последних в униженное положение. Не вдаваясь в детали гражданских прав, которые вытекали бы для католиков и протестантов из постановки их в равноправные условия с православными, которые были бы по-прежнему лишены официального иностранного покровительства, я ограничусь констатацией того, что подобная ситуация послужила бы мощным стимулом для западной религиозной пропаганды и явилась бы новой приманкой, чтобы побудить наших единоверцев к отказу от своей веры.

Поэтому я имею основания полагать, господин канцлер, что, в сущности, предложения графа Андраши являются, в зависимости от их более или менее широкого толкования, либо совершенно беззубыми и неспособными даже в теории удовлетворить желания восставших и заставить их сложить оружие, либо опасными и способными вовлечь нас на путь, который привел бы к ряду прискорбных случаев вмешательства и к недоразумениям. Все будет зависеть от того, как они будут проводиться в жизнь.

Эта вторая сторона предложений, не получившая никакого разъяснения, кажется мне еще менее убедительной, чем их сущность. Если мы предъявим туркам программу уступок с помпезными заголовками, они, вероятно, не преминут спросить нас, как мы собираемся воплощать в жизнь провозглашенные принципы. Каковы бы ни были определения, которые мог бы дать по этому поводу граф Андраши, тогда, когда речь пойдет об исполнении, возникнет тысяча деталей, которые не смогут быть урегулированы без определенных знаний местной обстановки. Каковы же будут тогда пределы уступок, которые мы должны будем

требовать? Должны ли мы будем оставить определение их размеров венскому кабинету и запрашивать у него инструкций для каждого отдельного случая с риском удовлетвориться незначительными результатами или же быть обязанным удовлетворять требования, чрезмерные с точки зрения турок? А если бы Порта приняла программу в том виде, в каком она была бы ей предъявлена, и обещала бы осуществить ее, кто был бы обязан наблюдать за этой последней, особенно если детали не будут уточнены заранее? Действительно ли мы ограничимся мероприятиями трех империй по возобновлению программы и принятию обещаний, удовлетворившись ими, и вновь впадем в ошибку, совершенную великими державами в 1856 г., плоды которой мы, может быть, пожинаем сегодня?

Но допустим, что все эти практические трудности устранены и все движется легко. Поскольку цель, которая оправдала бы наши действия, должна, как определенно выразился граф Андраши, состоять «совсем не в создании окончательного режима в Турции», но в «умиротворении восставших провинций», вероятно, Порта попросит от нас гарантий, что принятие ею наших требований привело бы к желаемому умиротворению. Полагаю, что я достаточно доказал, что этот результат не будет достигнут. Помимо действительной малозначимости уступок, коих мы будем добиваться, отсутствие реальной гарантии их исполнения заставляло бы инсургентов всегда колебаться: отдавать ли в обмен за подобную фикцию преимущества, уже завоеванные героической борьбой. Вмешательство Европы в моральном плане было бы не меньшим, и каким бы незначительным ни был его практический результат, демарш, предшествовавший этой коллективной акции, скорее послужит им стимулом и подтолкнет их к дальнейшему сопротивлению.

Но прочие кабинеты могут не разделять моих опасений. Присоединяясь к идее австро-венгерского министра, они, может быть, сочтут возможным, с тем чтобы не компрометировать себя отказом от гарантии, что может повлечь за собой провал демарша, принять на себя обязательство заставить восставших удовлетвориться требуемыми уступками и прекратить борьбу. Каковы бы были средства исполнения этого обещания? Сможет ли граф Андраши их сформулировать? Или же он думает начать коллективную акцию, не предусмотрев всех возможных последствий, о которых союзные кабинеты непременно пожелают договориться?

Возможно, он имеет в виду в качестве персональной и неотложной акции, как это констатирует в своем докладе императору барон де Жомини, «ограничить повстанцев в своих действиях, отказав им в продолжении укрывательства на австрийской территории» или «выступить против них, если они будут продолжать борьбу, и применить суровые меры, дабы вынудить их к ее прекращению». Но если использование первого средства, в особенности по отношению к семьям беженцев, было бы по силам австро-венгерскому правительству, сомнительно, чтобы императорский кабинет когда-либо согласился с этим актом бесчеловечности. Что касается второго, то г-н барон де Жомини, возможно, прав, полагая, что «после того, как великие державы дали обет в пользу повстанцев и приняли к сведению обещания султана, они приобрели бы определенное право, в свою очередь, потребовать у них принести жертву общему желанию мира, прекратив борьбу».

Если герцеговинцы найдут, что заинтересованность Европы в их судьбе достаточно подтверждена в предложениях графа Андраши, и позволят себя убедить обещаниям кабинетов «осуществлять *некоторый* контроль за проведением реформ», может быть, они пожелают сложить оружие, а если «результатом этого явится разочарование христиан», то, как правильно считает барон де Жомини, «по крайней мере, мы не будем нести исключительную ответственность». Но не противоречит ли это вековым традициям нашей политики? И даже оставляя в стороне все неблагоприятные последствия их подчинения, возможный исход демарша, предпринимаемого перед повстанцами, коего успех пока что трудно предвидеть при настоящем положении их дела, еще не дает оснований для принятия обязательств перед Портой.

Если граф Андраши думает, что он сможет весной разговаривать с Сербией и Черногорией таким же угрожающим языком, что и прошлым летом, и притом с тем же успехом, то он сильно ошибается. Он сам выражает мысль, что военные приготовления Сербии далеко продвинулись[5]. Простых слов в поддержку не слишком глубоких реформ, к тому же не приносящих этим княжествам непосредственной выгоды, не было бы достаточно для того, чтобы их сдержать.

Изложив таким образом, с полной откровенностью, соображения, которые возбуждают у меня австро-венгерские предложения, считаю своим долгом прибавить, что то, что побуждает меня рекомендовать систему, совершенно отличную от системы графа Андраши, — не просто желание «избавить султана от унижения прямой интервенции». Если я «работал над ней от души», как признает барон де Жомини, то это потому, что я видел в ней больше гарантий благосостояния христианских народов, сохранения мира, равно как и поддержания *на длительную перспективу* тройственного согласия, чем в выполнении краткосрочного плана, представленного министром императора Франца-Иосифа. Я счел нужным указать императорскому кабинету на опасности и подводные камни, к которым вел нас этот последний. Вашей светлости предстоит найти комбинацию, которая соединит общие требования нашей европейской политики с особыми интересами, заключенными для нас в Восточном вопросе, и, поскольку я поставлен их хранителем, я не мог не привлечь внимания императорского министерства к необходимости их учета.

Имею честь быть...

[1] Программа реформ, предложенная Д. Андраши, предусматривала проведение в Боснии и Герцеговине следующих преобразований:

1. Введение свободы вероисповедания для христиан.
2. Ликвидация откупной системы.
3. Улучшение аграрных отношений.
4. Использование взимаемых с провинций налогов только на их нужды.
5. Создание комиссии из мусульман и христиан для наблюдения за ходом реформ.

Этот план несколько улучшал положение христиан, но по части аграрных отношений не содержал ничего конкретного, в то время как решение аграрного вопро-

са являлось одним из главных требований восставших (христианское население Боснии и Герцеговины арендовало землю у мусульман и платило за это до 1/3 урожая); не предусматривались также гарантии исполнения реформ.

Под влиянием А. Г. Жомини и Е. П. Новикова, призывавших Александра II действовать в согласии с союзниками, император решил поддержать план Андраши. 1 декабря 1875 г. А. М. Горчаков направил Игнатьеву депешу, где хотя и признавал, что проект реформ Порты, разработанный Игнатьевым, является лучшим и более практичным по сравнению с планом Д. Андраши, но население уже настолько не верит туркам, что предпочитает вмешательство европейских держав. Игнатьеву было предложено действовать в духе плана Андраши (см.: *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 226–227).

[2] Хатт-и хумаюн (султанский указ) был принят 18 марта 1856 г. Декларировал равенство перед законом всех подданных Османской империи, провозглашал защиту жизни, чести и имущества граждан, допуск их к государственным должностям, свободу вероисповедания. Провозглашал возможность обучения всех в военных училищах, работы в полиции, исполнения воинской повинности, равенство при рассмотрении судебных дел. Обещалось урегулирование системы распределения и взимания налогов. Иностранцам предоставлялось право владения недвижимым имуществом в империи. Однако указ не содержал гарантий реализации преобразований и практически не выполнялся.

По мнению автора документа, ошибка русской дипломатии состояла в том, что первоначально она рассчитывала на претворение хатта в жизнь.

[3] Имеются в виду Парижский конгресс в марте 1856 г. и Парижская конференция 1858 г. На конгрессе было отменено покровительство России над Дунайскими княжествами, Сербией и православными подданными султана. Оно заменялось коллективной гарантией держав — участников конгресса, что серьезно ослабило позицию России на Балканах. Парижская конференция в августе 1858 г. приняла конвенцию, согласно которой подтверждалась автономия Молдовы и Валахии и были сделаны шаги к их объединению (вводился единый кассационный суд и учреждалась кодификационная комиссия для выработки общих законов). Княжествам было присвоено наименование «Соединенных». Вводилась система выборов и ряд других мер, уравнивавших в правах буржуазию и боярство и допускавших ее к политической власти (см.: Международные отношения на Балканах... С. 115).

[4] Имеется в виду Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг., завершившаяся Парижским миром 1856 г. Противниками России были Турция, Великобритания, Франция, Сардинское королевство.

[5] Пришедший к власти в конце сентября 1875 г. кабинет Л. Калевича прекратил открытую помощь восстанию, но продолжал военные приготовления, начатые предыдущим кабинетом — «кабинетом действия». Разработкой военной кампании против Турции, применительно к условиям весны 1876 г. и соответственно ресурсам страны, активно занялась военная комиссия под председательством генерала Заха, первого адъютанта князя Милана (см.: *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория в войне с Турцией... С. 53).

46

Письмо А. Д. Турчанинова в Московский славянский комитет с просьбой содействовать его отправке в Герцеговину в качестве волонтера

24 ноября 1875 г.

При восстании в Герцеговине, желая поступить волонтером и не зная точного адреса к агенту, занимающемуся отправлением на место лиц, изъявивших желание для вступления, я обращаюсь в этом отношении к содействию славянского комитета и прошу его устроить мне мое отправление на тех же условиях, какие существуют и для других молодых людей, вступающих в службу. До места, назначенного сборным пунктом, я прибуду по назначении числа и месяца и по указанию лица с адресом его, к которому я должен обратиться. Если это содействие не может на себя лично принять славянский комитет, то покорнейше прошу передать настоящее мое письмо специальному агенту по вербовке. Примите уверение в истинном уважении вашего готового к услугам

А. Турчанинов

Адрес мой: г. Рогачев, Могилевской губернии, землевладельцу Александру Дмитриевичу Турчанинову в имение «Заболотье».

ГА РФ. Ф. 1750. Д. 82. Л. 23–24. Автограф.

47

Письмо черногорского князя Николая А. С. Ионину с изложением планируемых мер по умиротворению Герцеговины

Не позднее 26 ноября 1875 г.[1*]

Mon cher monsieur Jonine!

Je vous envoie aujourd'hui les copies de dépêches échangées entre moi s. e. le comte Andrassy. Par leur contenu vous verrez où nous sommes avec la question d'armistice et vous connaitrez l'idée que me suggère le comte[2*].

Немойте помислити да сам я тако олако усвоио ту његову идею. Опуномоћаваиући га да услове примирия престави Порти као од мене долазећа я сам узео на себе као неку одговорность спрама усташах кои предан у мое руке бригу њихових интересах, и примиетићете да одговараући грофу я сам му *изявио боязан и тегобу мога положая* као повереник Херцеговаца ако се њиови седам точака не би борем у духу усвоиле.

Не мислим да неће вам одма у очи пости нешто што я ниесам мислио а то е (да мене се чини) ние се нитко надао да ће се гроф Андраши склонити што више од своих рефорама тражити, а по његовой депеши каже да ће Аустрия и Руссия преговарати о точкама кое су предане биле у Суторину. Ако же превара, мене се чини да е добро што сам га овластио да Порти условия усташка представи у име мое и већ пошто *сваки* оће мир мене се чини да кад би точке усташке испунени били ово е најкраћи пут.

Кад примирие наступи одма ћу мислити на посланство Божа у Беч; апи би ми одвећ приятно и потребно било да у то вриеме потражите дозволение код вашег министарства да овамо дођете. Има едно десет дана како сам био рекао некому моем новом секретару да направи едан мемуар, и данас вам га шилем *више да видите редакцию нека ли смисао* почем од онда су се измиениле многе ствари у предмету кое нас занимава.

Усташи су сви у Пресеку здрави задовољни и добро снабдевени раном (за кои дан) и с џебаном.

Овде е доша синоћ Лазо Костић. Казали су ми да има едно писмо од вас за мене. Довече ћу га примит. Avez-vous cru à ses blagues par hasard? Il suffit de savoir d'où il vient[3*].

Сада чух да е паша скадарски поватао главаре кучке војводу и сердара: нови заплет!

Од потоне набавке жита има иош двие хиляде стара, а војвода Ђуро купио е преко онога 3 570 стара од коих е дужан 400 наполеона Ђуру Вуковићу из Биеле, ви можете послати под суму преко вашега консулата у Триест да их ови преда капетану Марку Михайловићу за Ђура Вуковића.

Сад имамо жита за едно 15 данах иош гледате, моли вас, да до тада будете у стане прибавит мало новаца како би се могла купити нова партия жита ер веруйте то е *найглавния* моя брига. Док е жита све е лако!!

Пошљите оно писмо за княза Горчакова ако не мислите да мол мала девойчица остане Туркиня.

Хиляду стварий бих имао вам рећи него сам изгубио главу у хиляду пословах. Уздам се у Бога да ће ми помоћи. Помога и вама. З Богом.

Кн. Никола

П. П. Ma femme se rend à Bianca immédiatement après la St. Georges. Ici il a beaucoup de maladies, Bojo est au lit depuis plusieurs jours. Docteur dit qu'il pourrait avoir le typhus. Venez donc chez moi pour la St. Georges[4*].

ГА РФ. Ф. 939. Д. 135. Л. 56–57. Автограф.

[1*] *Датируется по упоминанию в документе дня св. Георгия (Юрьев день) —26 ноября.*

[2*] Дорогой г-н Ионин! Посылаю сегодня вам копии депеш, которыми я обменялся с его высокопревосходительством графом Андраши.

Из них вы увидите, каково положение с вопросом о перемирии, и узнаете мысль, которую мне внушает граф *(франц.)*.

[3*] Вы верите случайно его россказням? Достаточно знать, откуда он приедет *(франц.)*.

[4*] Моя жена возвращается из Бьянки сразу же после дня Св. Георгия. Здесь много больных, Божо в постели уже много дней. Доктор говорит, что у него, возможно, тиф. Приезжайте ко мне на Св. Георгия *(франц.)*.

48

Письмо ученика Уфимской гимназии К. Преображенского И. С. Аксакову с препровождением собранных гимназистами денег для семей герцеговинских повстанцев

27 ноября 1875 г. Уфа

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Имею честь передать вам деньги — 13 рублей, пожертвованные моими соучениками в пользу наших братьев герцеговинцев.

Ваш покорный слуга ученик VI класса Уфимской гимназии

К. Преображенский

ГА РФ. Ф. 1750. Д. 268. Л. 187. Автограф.

49

Письмо П. Павловича корреспонденту газеты «Русский мир» П. А. Монтеверде о сражении с турками при Плане и с благодарностью за присылку медикаментов

30 ноября 1875 г. Копривица

Mon cher Montéverdé![1]

Un jeune homme russe m'a apporte encore de médicament pour la quelle je vous remercie beaucoup.

Quant à la promesse que vous m'avez fait pour le caffée et sucre, je n'ai pas encore rien reçu. Mais merci, cher ami, quant même un chef d'Hercégovine il est habituer à la privation.

Quant à ma dernière bataille du 20 et 21 novembre, cher ami, j'ai gagné le premier jour et le second j'ai perdu. 150 morts, un nombre assez grand de blessés, 10 prisoniers, 500 moutons, 50 beaufs et 80 fusils[2]. J'ai en fait une belle journée le 20, mais le 21 j'ai été chassé de ma position et j'ai perdu 8 hommes et une trentaine de blessés. Voila, cher Montéverdé, comment j'ai passé mon temps en Hercégovine. La bataille de Plana n'a pas pour grande importance et voilà pourquoi je ne vous ai pas écrit. Une manche gagné, une manche perdu. Maintenant la belle et tous aurais de nouvelle le premier.

Agréez, cher ami, mes sincères salutations, votre dévoué, Peco Pavlovitch

На полях приписка: [Je] considérais en double remerciement et salutation

Duc de Montéverdé.

РГВИА. Ф. 261. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2. Автограф карандашом.

Перевод

Мой дорогой Монтеверде![1]

Один русский молодой человек принес мне еще лекарство, за которое я весьма благодарен вам.

Что касается обещанных вами кофе и сахара, я еще ничего не получил. Тем не менее, спасибо, дорогой друг, все же вождь Герцеговины должен привыкать к лишениям.

Что до моего последнего сражения 20 и 21 ноября, дорогой друг, я победил в первый день, а во второй проиграл. Убитых 150 человек, довольно большое число раненых, 10 взятых в плен, 500 баранов, 50 быков и 80 ружей[2]. 20-е стало для меня воистину прекрасным днем, но 21-го я был изгнан со своей позиции и потерял 8 человек и три десятка раненых. Вот как, дорогой Монтеверде, я провел время в Герцеговине. Сражение в Плане не имеет большого значения, вот почему я вам

не написал. Одна партия выиграна, одна проиграна. Теперь решающая партия — и первого всем станут известны новости.

Примите, дорогой друг, мой искренний привет.

Преданный вам Пеко Павлович

На полях приписка: Я оценил бы вдвойне благодарность и приветствие

Герцог де Монтеверде.

[1] Монтеверде Петр Августинович (1839 – после 1896) — подполковник русской службы в отставке, парижский корреспондент «Московских ведомостей» и «Русского мира». Был близок к славянофилам. В сентябре 1875 г. выехал в Герцеговину в качестве корреспондента «Русского мира». Помещал в этой газете материалы о восстании за подписью Петр Петров. В Герцеговине сблизился с руководителями восстания П. Павловичем и Б. Зимоничем и принял непосредственное участие в ряде сражений, в том числе в битве при Дуге в ноябре 1875 г. Организовывал денежную и продовольственную помощь повстанцам. При его посредстве из Далмации в Черногорию прибыл отряд кривошиян (300 человек). Монтеверде был связан с А. С. Иониным и Г. С. Веселитским-Божидаровичем. В Герцеговине оставался до конца весны 1876 г. (см.: РГВИА. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2–13; *Тепић И.* Указ. соч. С. 408–411).

[2] Речь идет о потерях турок.

50

Записка [А. С. Ионина] о положении отрядов М. Любибратича и П. Павловича и действиях комитета в Кастельново по оказанию помощи восстанию в Герцеговине

Не ранее конца ноября 1875 г.[1]*

По словам очевидцев[2]*, положение отряда Любобратича, расположенного в Зубцах, незавидное: в деньгах, одежде, пище, хорошем оружии недостаток крайний. Ружья новой системы имеются только у меньшинства (волонтеров), большинство (герцеговинцы) обходятся ружьями кремневыми. Заботы о продовольствии и вооружении как этого, так и других отрядов лежат на комитете, находящемся в Кастельново. Как видно, средства этого комитета очень ограничены. Поддерживаются они преимущественно делегатом сербского митрополита Веселитским-Божидаровичем, в руки которого поступают пожертвования как из Сербии, так и из России.

Председатель комитета — голова (maire) Кастельново [Горинович] — и секретарь его Гойкович вполне подчинены влиянию Любобратича, исполняют все его желания и, не ограничиваясь благотворительною ролью, распоряжаются движениями отрядов. Не будь у Любобратича опоры в комитете, ему нельзя было бы оставаться более в Герцеговине. Способностям его никто не верит, а в трусости убедились: в двух последних стычках с турками он первый пускался в бегство. При своем отряде Любобратич бывает редко и живет большею частию то в Кастельново, то в Рагузе; к Черногории относится враждебно и откровенно заявляет себя агентом Сербии, от которой получает по 200 руб. в месяц. Та же враждебность к Черногории проглядывает и в настроении комитета. Несмотря на это, начальники отдельных отрядов не решаются разорвать отношения с Любобратичем и комитетом, от которого они отчасти зависят экономически. Только один Пеко Павлович, отряд которого состоит почти исключительно из черногорцев, открыто объявил, что отказывается от всяких общих действий с Любобратичем.

Турки сидят смирно по укреплениям, не предпринимая никаких наступательных действий. При нападениях инсургентов на блокгаузы гарнизоны ограничиваются только обороной, отстреливаются из-за стен и наносят иногда нападающим значительный ущерб в людях, сами не терпя никакого. Продовольствием и военными припасами они снабжены достаточно; стада овец и коз спокойно пасутся вокруг укреплений, что в сущности и составляет главную приманку для голодных и оборванных герцеговинцев. Атаки на блокгаузы вызываются преимущественно голодом.

За последнее время инсургентами не предпринималось ничего крупного. Ходят слухи, что предполагается напасть на Требинье и что ради этого воеводы двинулись в Зубцы из Пивы; вместе с этим взятие этой крепости считается невозможным, если инсургентам не удастся стянуть к ней трех тысяч человек.

Судя по общему настроению, скорого конца восстанию не предвидится, не потому чтобы инсургентами достигалась какая-либо определенная цель, а потому что они голодны, ожесточены и бесприютны.

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4363/1. Л. 74–76. Подлинник.

[1*] *Датируется по помете.*

[2*] Волонтеры — портупей-юнкера: 1. Свеаборгского батальона Алексей Гаврилов и 2. Елецкого полка Илья Нарцов. Прибыли в Суторину в начале октября, отправились обратно в конце ноября *(прим. док.)*.

51

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о вооруженных столкновениях повстанцев с турецкими войсками в Боснии

№ 173 5 декабря 1875 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

Собирая в настоящую минуту самые подробные сведения о положении дел в Боснии для представления оных в наискорейшем времени на благосклонное внимание вашего превосходительства, я ныне могу лишь иметь честь донести, что, по последним официальным известиям, здесь полученным, шайки боснийских инсургентов, ушедших в Австрию, продолжают переходить на правый берег Савы и Уны, вторгаться в селения, в которых живут беги и аги, жечь и истреблять хлебные магазины, хозяйственные постройки и угонять скот в Австрию.

Так, чета в 600 человек инсургентов вознамерилась на прошлой неделе сжечь на Уне, около Равнины, 13 лодок, принадлежащих предорским купцам. Турецкие власти утверждают, что произошло настоящее сражение, ибо султанские войска были в деле около 12 часов. Убитых и раненых инсургентов они насчитывают до 100 человек, а у себя только 7 раненых и одного убитого. По их словам, цель инсургентов была разрушена, ибо лодки были без повреждения приведены в Нови, а бунтовщики были разбиты.

Время и события достаточно показали, что турецким источникам доверять нельзя, и потому можно предположить, что шайка в 600 человек преувеличена на целый нуль и что сражения не было, а просто перестрелка с одного берега на другой. Однако инсургенты за три дня до того сожгли оба большие моста на Банялукской железной дороге, так что медленное движение по этому жалкому, единственному в целой Боснии рельсовому пути прекратилось. Телеграф в пяти местах от Брода до Банялуки был поврежден инсургентами, и я должен был известить г-на Бакунина о дне моего приезда в Сараево по австрийской линии. В то самое время, когда я находился на боснийском шоссе, между Дервентом и Добоем происходило поспешное передвижение редифов к берегам Савы, где произошла стычка между шайкой инсургентов и пограничной стражей около села Свиньяра. Инсургенты успели отбить 160 штук волов и 60 коров и переправить на австрийский берег.

Самое печальное и ужасающее зрелище должно представлять пространство от Вышеграда до Сенницы. Все сожжено, разрушено. Церквей не существует, и даже знаменитый Баньский монастырь был разграблен и обращен в постоялый и питейный дом. Школы закрыты, учителя обращены в бегство. Турецкая почта идет пешком, и пакеты из Константинополя и Румелии несутся людьми. Из тысячи христианских домов, по словам преосвященного Анфима, осталось лишь каких-нибудь 50. Я собираю сведения и надеюсь иметь честь со следующею почтой повергнуть их на воззрение вашего превосходительства.

Не знаю, должен ли я говорить об успехах турецкого оружия в Герцеговине, столь прославляемых местною официальною газетой. Контролировать славные

подвиги непобедимых войск нет никакой возможности, но и умалчивать о печатаемых бюллетенях было бы с моей стороны, может быть, упущением служебного долга. На этом основании позволяю себе донести вашему превосходительству, что по сообщениям газеты «Босна»[1] 27-го минувшего ноября генерал Али-паша с 4 батальонами разбил будто бы 8 000 инсургентов между Гацко и Билеком, около села Билана, у места, называемого Польянич. Войско потеряло 92 убитых и 26 раненых, а инсургенты 200 убитых.

Другое сражение произошло будто бы на пути Билеча у села Плана, в Билекском округе. В первый день побоища инсургенты бежали, во второй же турки сделали засаду, а именно: Али-паша с 4 и Хусейн-паша с 5 батальонами окружили инсургентов, попавших между двух огней, потерявших 700 убитых и 2 000 раненых, и насчитывая свою потерю в 40 человек. Один из отрядов инсургентов, бежавший будто бы с поля сражения, наткнулся на лагерь самого Рауф-паши и был разбит, потеряв от 500 до 600 человек[2].

Между тем славянские газеты сообщают телеграммы, из коих видно, что турецкие войска были разбиты. Так или иначе, но инсургенты достигают своей цели. Они замучили султанские войска, положение коих делается все более и более жалким. Точно нищие, голодные и слабые, они передвигаются с одного пункта на другой и, конечно, в стычках с неприятелем не имеют и половины того количества силы и воли, с которыми дерутся инсургенты. Я встретил недалеко от Сараева два батальона албанских редифов, шедших из Ускюпа в Бихачский и Банялукский санджаки, и содрогнулся от сожаления при печальном шествии истощенных людей, завернутых в род каких-то мундиров. Не думаю, чтобы действующие войска в Герцеговине в зимнее время, в горах, в сражениях, стычках и беспрерывных передвижениях были менее удручены, чем те батальоны, которые я встретил и которые идут только на побоище.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2337. Л. 120–121 об. Автограф.

[1] Газета «Босна» — официоз Боснийского вилайета, выходила на турецком и сербском языках.

[2] Ср. с док. 49.

52

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о репрессиях и терроре башибузуков в Боснии и Герцеговине и с проектом мер по улучшению положения христианского населения

№ 180 10 декабря 1875 г. Сараево

Секретно

Милостивый государь Николай Павлович!

Узнать во всех подробностях настоящее состояние Боснийского виляйэта — задача весьма трудная. Тем не менее я позволю себе повергнуть всепочтительнейше на высокое внимание вашего превосходительства собранные мною сведения по дороге от Брода до Сараева и здесь. Эти сведения настолько интересны и важны, что могут дать понятие о положении страны, в которой совершаются кровавые события.

Начавшееся в июне месяце истекающего года восстание христианских подданных султана в нескольких округах Герцеговины продолжается. Отголоски оного не умолкают также на берегах Савы и Уны, в северо-западной и северной части Боснии. В восточной части Сараевского санджака от Вышеграда, направляясь к Новой Вароши и Сеннице, не раздается более звуков оружия, ибо турецкие войска вначале успели разбить шайки инсургентов, а башибузуки и местные магометане — сжечь и разрушить почти все, что принадлежало христианам, были ли то полуразрушенные лачуги, под едва покрытым кровом коих проживали бедные страдальцы христиане, или древние крепкие стены монастырей и новоотстроенные здания церквей. Наши единоверцы разбежались по большей части в Сербию, но сколько их было умерщвлено только потому, что они остались у своих очагов и носили имя христианина!

Известно всем и каждому, что герцеговинское восстание было возбуждено экономическим разорением страны, безобразием местных администраций и вообще безвыходным положением христианского населения, претерпевающего столько угнетений, мучений и унижений от магометанского населения и турецких чиновников. Что делали и как жили христиане? В поте лица своего они работали дни и ночи, платили, пока могли, подати и повинности правительству, выплачивали третью и четвертую части помещикам, поили, кормили и насильственным образом одаривали жандармов, столь часто появлявшихся в их селах. И пока был еще кусок хлеба у себя дома, пока жена и дети имели на себе хотя рубашки, сносились убийства и увечья, унижения и неправды перед судилищем турецких кадий, оскорбления и осквернения самого бесчеловечного свойства бегов и аг. Но когда этого куска хлеба не стало, а жандармы наехали на села с требованием «вынь да подай откуда хочешь», народ бежал в горы, и из экономического или аграрного вопроса восстал давно ожидаемый, но усилиями Европы отклоняемый вопрос политический.

Семь месяцев дерутся в Герцеговине, и почти столько же времени берега Савы и Уны опустошаются то шайками беглецов, то бегами и агами и в особенности

башибузуками, возвращающими себе потерянное на счет мирных христианских жителей. Многочисленное турецкое войско напрасно истощается; инсургенты не покоряются и едва ли покорятся. Не говоря уже, что за спиною их стоит твердый оплот — «железная Черногория» — они чувствуют, что им легче и лучше «под небом и Богом», чем в долинах и горах, где ограбят султанские власти. К тому же поля их уничтожены, дома разрушены и сожжены, церквей нет, скот угнан. Возвращаться под сень прежней безобразной администрации им нет никакого расчета, и вот почему надобно предполагать, что там, в Герцеговине, восстание продолжается до тех пор, пока будет убит последний герцеговинец в тех округах, где идет теперь кровавая борьба.

В Новопазарском и Зворникском санджаках будет, по всему вероятию, спокойно. Тамошние христиане или убежали в Сербию, или покорились, не имея другого исхода. Но это предполагаемое спокойствие обусловлено нейтралитетом княжества Сербии и Черногории. Затем, можно думать, что Сараевский и Травникский санджаки будут продолжать оставаться мирными и не принимать участия в борьбе.

Не то ожидает Бихачский и Банялукский санджаки. Шайки инсургентов переходят и поныне на левые берега Савы и Уны, жгут и истребляют все, что можно сжечь и истребить, так что в настоящее время все пространство по берегу Савы до селения Кобаш, отстоящего от Брода в 4 часах, опустошено вглубь верст на 30. Инсургенты бродят по Славонии, Кроации и Военной границе. Более 2 000 человек вооружены игольчатыми ружьями; желающих же принять участие весной более 10 тыс. человек.

При проезде моем чрез Брод ко мне явилось до 20 боснийских эмигрантов, которые не скрыли от меня, что делают самые большие приготовления для вторжения в Боснию. Они прежде всего намереваются захватить Градишку и Дервент, сделать эти два пункта операционным своим базисом, держаться в них до прихода к ним на помощь Сербии (?) и высылать во все стороны банды для заклания бегов и аг и сожжения их имущества.

Если Сербия и Черногория воздержатся от вооруженного вмешательства, разумеется, участь этих несчастных христиан будет самая плачевная. В полях и долинах они недолго продержатся и скоро будут перебиты. Зато последствия их отчаянной борьбы будут самые ужасные. Начнется поголовное истребление христиан Боснии, присовокуплю — христиан православных, а не католиков, подслуживающих магометанам и властям и получающих за это ордена и отличия, как это случилось теперь в Банялуке.

Магометанское население Боснии при нынешних событиях находится, как известно, в самом возбужденном состоянии. В тех санджаках, где происходила борьба или где она происходит, мусульманский фанатизм и изуверство доходили до высших пределов. В Таслидже 20 христианских голов до сих пор украшают ограду одной из мечетей. 80-летнему священнику Алексею Поповичу из-под Вышеграда, проживавшему в селе Соколович и имевшему приход в селе Добруне, отрубили голову, сожгли дом. Семья разбежалась, и я взял к себе его несчастного сына, не знающего, где находится его мать, братья и сестры. Башибузуками и местными

магометанами были убиты *мирные и зажиточные* жители (все православные) Вышеградского округа, не принимавшие никакого участия в мятеже: села Небоговина — Никола Евиджевич; села Ягодина — Марко; села Бишевач — сын поселянина Савы; села Прелова — Милош Преловац[1]*; села Луга — Периша; села Рудное поле — Милована Ефтича. Дома их сожжены, скот и стада коз и овец закланы, имущество ограблено. Между Кобашем и ближайшим селом 30 женщин с детьми были изрублены на пути своего бегства в Славонию. В Банялуке подвергали мукам и пыткам более 100 человек, чтобы заставить их солгать. Именно: туркам хотелось завладеть имуществом самого богатого купца Ионы Пиштелича. Он должен был бежать в Австрию, ибо узнал, что хотят его обвинить в бунте. Сто человек наших единоверцев было собрано; им объявили, что они бунтовщики, ибо Пиштелич раздавал им будто бы оружие. Они протестовали: это была ложь. Их мучили в «долафах», и почти все должны были показать против себя, чтобы спасти жизнь.

Правительство, со своей стороны, старалось вначале объяснить магометанам, что война может сделаться священною, ибо славяне восстают на полумесяц. Оно раздало несколько десятков тысяч ружей, патронов и пороха, и теперь во всей стране нет ни одного мусульманского дома, в котором не было бы приготовленного для резни орудия. На пути моем по Боснии мне случилось зайти в кофейню хана Голубинье, и я увидел на стенах изображение под цвет крови длинного меча, под коим читаются слова «Аллах», а внизу «Магомет». До сих пор магометане разъезжают по стране вооруженными с ног до головы и изуверствуют, сколько можно. Укажу тут же на несколько фактов, сообщенных мне австро-венгерским моим сотоварищем.

27 августа в 7 часов от Сараева, около села Киселяка, булюк-баши (взводный командир) башибузуков по имени Хеуде напал на поселянина Ивана Гуделя и успел отнять у него только пистолет, потому что Гудель вовремя бежал. Чауш (унтер-офицер) жандармов Гусейн отобрал силою у того же Гуделя 36 ок ячменя.

3 сентября по дороге между Сараевом и городом Высоко сын богатого сараевского купца Мехмет ага Деляльагич, предводительствовавший бандою в 9 человек башибузуков, напал на Ивана Удиляка, у которого отняли 9 турецких лир и другие вещи и которого крепко побили.

1 октября башибузуки перешли невдалеке от Ливно [на] австрийскую территорию, напали на село Аржано, разогнали жителей, угнали скот и разорили дома.

8 ноября в городе Жепче, находящемся на Сараевско-Бродском шоссе, три вооруженные магометанина ворвались в хан, содержимый Германом Шаковичем. Прострелив ногу жены Шаковича, они были остановлены в дальнейших подвигах Ибрагимом, братом хозяина постоялого двора. На место нападения собрался народ, собрались жандармы, наконец, сам каймакам. Разбойники пошли своей дорогой, никто их не думал останавливать, и на вопрос, почему их не арестовали, каймакам отвечал: «Что же мне делать, жандармы мне не повинуются».

22 ноября каменщик Иован Бакотич среди дороги между Банялукой и Градишкой был убит магометанином. Замечателен факт фанатизма католического священства. Убитого местный священник отказался хоронить, отговариваясь неведением, исповедовался и приобщался ли св. тайны умерший в своем приходе.

Около села Слионицы 80-летний старик был изрублен башибузуками.

9 декабря в 4-х часах от Сараева магометане Кулович, Шакир Агич и Шакир Ефендич напали на двух турецких офицеров и так изувечили одного из них, что он, как слышно, умер. Не лишне упомянуть, что на место преступления были посланы жандармы, но без медика.

Жертвы вышеприведенных убийств, увечий и грабежей — австрийские подданные и турецкие офицеры. Но все же эти жертвы ничто в сравнении с несчастными православными, против которых ратуют магометане и католики. Террор принуждает наших единоверцев быть еще менее сообщительными, чем прежде, и потому перечень всего ими вынесенного и выносимого делается делом положительно невозможным. Однако же я не могу не поименовать здесь тех монастырей и церквей, которые были разрушены, ограблены и сожжены башибузуками и местными магометанами. Мой перечень краток, но красноречив; в него не могли войти имена всего, что представляет ныне груда развалин. Из него, между прочим, можно увидеть, какой тяжелый удар нанесен православию. Все благодеяния России исчезли: книги, одежды, иконы, золотые и серебряные сосуды, все унесено, сожжено.

В Сребренице турки сожгли церковь за несколько дней до начала восстания.

Монастырь Баня, около Новой Вароши, известный своими минеральными водами, вновь отстроенный, с кельями, школой, гостиницей, мельницами, был разрушен, дочиста ограблен и обращен в постоялый или питейный дом.

Древний монастырь Добрунь в Вышеградском округе был сожжен и ограблен.

Монастырь Тавна св. Троицы в Зворникской епархии был сожжен и ограблен.

На реке Таре возобновленный монастырь Доволья был сожжен и ограблен.

Та же участь постигла монастырь Аранжель в Плевальском округе.

Разрушена церковь Бабинаша между Таслидже и Преполем.

Разрушен и сожжен монастырь Гомионица в Крайне, в которой той же участи, как доходят сюда слухи, подверглась большая часть приходских сельских церквей.

В Герцеговине: монастыри Дужи и Завала разрушены, а равно почти все церкви в Гацко, Невесинье и Поповом поле.

Правда, более 100 тысяч православных бежало в Австрию, Сербию и Черногорию, но они могут возвратиться, а правительство, которое было виновно в их бегстве, допустило полное разрушение и уничтожение их домов и церквей.

Школы повсеместно закрылись, т. е. в тех округах, где происходят или происходили события, учителя бежали. Беда тому, кто в тех округах умеет читать или писать. Он первый подстреливается или сечется.

Таково положение этой несчастной области, когда во время герцеговинских битв и разбойничьих прогулок по Боснии башибузуков раздался в минувшем сентябре голос султана[1] повелевшего даровать новые права и льготы своим христианским подданным.

Если в благонамеренности турецкого государя улучшить положение своих христианских подданных нельзя сомневаться, то во всяком случае должно усомниться в выполнении его благих намерений.

Кто будет выполнять их? Не те ли самые люди, которые не хотели, да и [не] могли выполнить в течение 20 лет ни одной буквы хатти-хумаюна[2]. Я говорю — не могли, потому что ни один мусульманин не знает, что такое право. Может ли он его знать, когда право воплощает в себе идею о безусловном правосудии, принципе, заправляющем всеми делами человечества. Сознать же «право» не может человек, руководящийся слепою необходимостью, объятый фанатизмом веры и предрассудков, человек, природа коего преклоняется перед неподвижностью всего, перед установившимися раз навсегда форме и обычае.

Если я дозволил себе написать эти строки, то имел в виду представить лишь выразительнее невозможность видеть выполненными реформы уже провозглашенные и те, которые могут воспоследовать. Коран никогда не захочет, чтобы Евангелие лежало с ним рядом во свидетельство человеческого братства; а там, где нет братства — нет равенства, где нет равенства — нет правосудия. Отсутствие же этих двух рычагов нравственного и гражданского права уясняет причину, по которой никто не должен верить в осуществление турецких улучшений.

Однако Россия, а с нею и Европа громко заявили, что положение христиан должно измениться, что теперешняя их жизнь не есть жизнь людей. Христиане, таким образом, получили нравственную гарантию Европы и должны верить в силу и значение этой гарантии. Но если, с одной стороны, ясно, что осуществление реформ есть призрачное верование, то, с другой, является вопрос: каким путем осуществится, в свою очередь, обещание Европы улучшить условия христианской жизни?

Прежде чем я осмелюсь высказать несколько предположений относительно возможности некоторых улучшений, вменяю себе в обязанность изобразить 2–3 факта, смело показывающие, что турецкое чиновничество в Боснии нимало не расположено подчиняться приказаниям правительства.

Султанское ираде было оповещено в сентябре месяце. После его обнародования произошли следующие случаи.

Магометанин Нур-ага Вареника находился на Высокской дороге в то время, когда произошло нападение магометан на австрийского подданного Ивана Удиляка, о чем я говорил выше. 15 дней тому назад его требуют в суд в качестве свидетеля. Он является, и на предложение показать только правду, показал ее, но она оказалась не в пользу единоверцев его и судей. Суннула и Абдулла-ефенди, вицепредседатель и член апелляционного суда, угрожали ему тут же тюрьмою, и только смелость и свободная речь этого честного мусульманина могла его избавить от кары за дерзость — показать против магометанина.

Православный христианин Пейо Комьянович, Яицкого округа, села Раджич, имеет собственную прадедовскую землю. Соседу его, имаму Шакиру, давно хотелось отнять у него ближайшую к своему дому ниву. 16 лет тому назад начался процесс. Тогдашний кади в Яйце был человек хороший, и, рассмотрев документы (талии), нашел, что Шакир не имеет права на ниву. 4 года тому назад, пользуясь прибытием нового кади, Шакир снова начал дело, и кади стал на его сторону, хотя с Пейо взял 7 червонцев. Я взял под защиту свою нашего единоверца и хлопотал

о нем. Но вот в минувшем августе к нему ночью врываются трое мусульман-соседей, ломают ограду желанной нивы, уносят сено, ячмень и угоняют 10 баранов. Пейо приходит в Сараево. Ему дают письмо с приказанием заставить соседей возвратить награбленное. Приказание не исполняется, Пейо ждет два месяца и возвращается в Сараево. Он представляет губернатору документы по недвижимому своему имуществу и просит, чтобы положен был конец несправедливому процессу. Губернатор отсылает документы в Травник и поручает окончить тяжбу. Там отбирают документы, выгоняют Пейо и заявляют, что нива не его, а Шакира. Несчастный опять в Сараеве и вооружается новым письмом губернатора. Я помог ему деньгами и не оставлю его защитою.

В нескольких часах от Врандука, местечка, стоящего на Сараево-Бродском шоссе, находится поселок в 6 домов, принадлежащих Осман-аге. Этот мусульманин поведал мне, что после нынешней жатвы он получил от своих 6 кметов третью часть — 42 червонца; откупщики же взяли с них за десятую часть 105 червонцев. Сообщая это, невольно у магометанина вырвались слова: «неудивительно, однако, что райя бежит в горы и дерется».

Позволю себе теперь указать на относительную возможность улучшить, может быть, положение христианского населения в Боснии.

Для сего улучшения надобно иметь в виду три начала, без которых это улучшение невозможно. Равенство, правосудие и регулирование податей и повинностей. Введение этих начал не может начаться, по моему скромному убеждению, прежде чем не будет положен конец настоящему восстанию. Если же оно продолжится, а Сербия и Черногория примут в нем участие, то введение этих начал сделается излишним, потому что христианского населения не будет существовать, оно будет истреблено.

Равенство. Обезоружение магометан повсеместно может допустить в них идею, что они не суть привилегированная часть подданных. По окончании восстания правительство без пролития крови может выполнить эту задачу.

Правосудие. Для отправления правосудия надо, чтобы судьи были беспристрастны, знали законы и язык, на котором они должны говорить с подсудимыми. Между тем Коран неизменим, и для его последователей христианин есть гяур, собака. Это чувство не исчезнет, и потому водворение беспристрастия, а с ним и правосудия, дело немыслимое. А потому не лучше ли устроить правосудие на начале равновесия? Пусть учредятся волостные суды, пусть они судят и присуждают по султанскому закону, который должен находиться в сербском тексте в канцелярии каждой волости. Старшина волости будет судьею. Там, где больше мусульман, судья будет мусульманин, но число членов христиан должно превышать число членов магометан, и наоборот, в волостях, где судья христианин, большинство членов пусть будут магометане. В городах суды должны быть сформированы на тех же началах. Пусть христианский элемент усиливается в судах; этим путем правительство понудит, может быть, магометан презирать менее христиан и видеть в них в делах совести и правды если и не совсем, то, по крайней мере, хотя сколько-нибудь равных себе людей.

Налоги и повинности. Уничтожить различные роды налогов и создать один, падающий на каждый дом или семью. Ничего не может быть при существующих неискоренимых злоупотреблениях отраднее для семьи, как знать, что больше в ее очаг не будут врываться ни чиновники, ни откупщики, ни помещики, ни жандармы. Доход Боснии более или менее известен правительству. Пусть оно возьмет среднюю цифру последнего десятилетия; пусть разложит на каждый дом с тем, чтобы три раза в год в положенные сроки деньги вносились в таком-то месте такому-то лицу.

Наконец, необходимо уничтожить кметство или фермерство поселян и дать землю каждой христианской семье. Правительство должно купить у помещиков земли и в 12-летний или больший срок расплатиться с ними, получив наличными деньгами с поселян ценность предоставленной в их владение земли.

Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство отнестись со снисхождением к повергаемому на высокое внимание ваше сему донесению, копия с коего будет препровождена к г-ну управляющему Азиятским департаментом.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

Резолюция Н. П. Игнатьева: Щербачеву. Перевести конец донесения на фр[анцузский] язык в виде *notice.*

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2337. Л. 124–131 об. Автограф.

[1*] Не Милош, а брат его *(прим. док.).*

[1] Имеется в виду султанский ираде от 20 сентября (2 октября) 1875 г.

[2] См. прим. 2 к док. 45.

53

Письмо Б. Зимонича и П. Павловича П. А. Монтеверде с сообщением о боевых сражениях герцеговинских повстанцев с турецкими войсками и с благодарностью за присылку денег и медикаментов

16 декабря 1875 г. Прераци

Ваше високоблагородије господин Монтеварђије!

Ваше дарове за Муратовицу примили смо, и за које вам најтоплију благодарност изјављујемо, а тако исто и за све остале стваре, које сте имали доброту послати нам.

У четвртак 11. овог мјесеца имали смо битку на Крсцу, у којој смо доста Турак убили, а од наше стране мало их је погинуло.

У нећељу 14. овог мјесеца имали смо такође битку јер смо Плану, Турака смо прилично убили а кућа доста запалили и хајвана такође доста примили, и то: 300 коња и говеда а брава 1 500.

Ствари послате за нас и за рањеника, ми смо примили све у реду.

Г[осподине], много велимо, да будете добри, те да дођеше да се видимо. А ово 25 форинти што сте нам послали, то смо дали ми рањеницима и сад код нас ништа не остаје а тако исто и војвода Богдан Зимоњић увриједио ме г. Лазар Сочица млого, за које баш не могу трпити. Пеко Павловић у битку на Крсцу вратили смо топи турски у Метохију.

Ваше доброте војвода Богдан Зимоњић
Пеко Павловић
Ђорђе Радуловић, секретар

РГВИА. Ф. 261. Оп. 1. Д. 8. Л. 5. Подлинник.

54

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о настроениях мусульманского населения Боснии и ухудшении его экономического положения в связи с восстанием христиан

№ 188 17 декабря 1875 г. Сараево

Положение дел в Боснийском виляйэте с каждым днем ухудшается. Проливаемая в Герцеговине кровь, скопление войск и непреложная необходимость контрибуций, стотысячное выселение христиан-землепашцев в Австрию, Сербию и Черногорию, падение торговли вследствие исчезновения кредита, на котором она только и держалась, опустошение всей Герцеговины, обращенной в пустыню, и некоторых частей других санджаков, кроме Сараевского и Травникского, незасеянные поля, уменьшение количества скота и лошадей, нищета сельского народонаселения и бедность почти всех семей магометанских, отцы и дети коих 7 месяцев как покинули уже свои дома, огорчение и отчаяние этих семей, потерявших столько дорогих и близких людей, — все это вместе взятое рисует положение сего виляйэта в самых черных красках.

К тому же и система турецких властей и самого правительства извращать факты и события, военные и другие, принесла самые пагубные последствия. О мятеже отзываются сначала легкомысленно, смеются над шайкою христиан, бежавших в горы; потом собирают все боснийское регулярное войско и перед призраком вторжения сербов и черногорцев ставят на ноги башибузуков и все магометанское население. Вот эта-та постановка на военную ногу всего мусульманства и послужила причиною усиления бедствий, и таких, которые впоследствии с трудом могут быть исправлены. Кто будет строить сотни разрушенных и сожженных домов и усадьб? Кто восстановит тысячи истребленных фруктовых деревьев и возвратит уничтоженный скот — крупный, пахавший поля, и мелкий, питавший народ? Кто сложит из груд развалин храмы и церкви и водворит в них прежнее служение?

Будущий год, даже если восстанию будет положен конец, будет самый тягостный для народа и государства. Уже в истекающем году десятина, приносившая до 30 миллионов, говорят, дала только 10 миллионов, а пустые пространства с незасеянными полями и бежавшим народом свидетельствуют, что впереди доход будет еще меньше.

В Сараеве банкротства богатых купцов усиленно продолжаются. Кредит их прекратился в Австро-Венгрии, а должники или убиты, или бежали, или остались нищими вследствие грабежей и опустошений башибузуков и магометан.

Мусульмане-помещики и торговцы в пылу первых страстей фанатизма и политических возбуждений правительства мечтали об истреблении если не самих христиан, то их имущества и капиталов, ибо в последние годы они с трудом сдерживали свою злобу и зависть перед относительным благосостоянием христианского населения, которое своим терпением и благоразумною сдержанностью подавало пример того, что и при самых неблагоприятных обстоятельствах трудолюбие находит себе вознаграждение. Мечту свою они в некоторых частях Боснии превратили в действительность.

Теперь же, когда поля, им принадлежащие, остались необработанными, когда торговля остановилась и им почти нечем жить, когда семьи двух десятков тысяч людей остались без хозяев, их кормивших, когда, вопреки частым заявлениям правительства, что восстание окончено, кровь продолжает литься и до них доходят известия, что тот из их соотечественников убит, тот ранен, тот исчез; что на бой ведут по большей части их, босняков, а не батальоны, сформированные из других магометанских народностей; когда они слышат, что христиане могут, наконец, получить от своего государя различные льготы и облегчения и когда пробегает слух о возможности занятия Боснии иностранными войсками, они стали размышлять о своем безвыходном положении и изменять отчасти образ своих мыслей. К несчастию, невежество, предрассудки, фанатизм веры, исторически сложившееся устроение их жизни мешает им посмотреть с правильной точки зрения на положение своего отечества и оценить оное согласно разуму и истине.

Если не во всех магометанских центрах Боснии, то, по крайней мере, в здешнем, Сараевском, самом многочисленном, богатом и имеющем влияние на все прочие, происходят по ночам из всех классов ислама собрания, в которых обсуждается настоящее положение дел. Конечно, трудно проникнуть в тайны этих бесед и рассуждений, но благодаря нескромности местной телеграфической станции до моих сотоварищей и меня дошли слухи о том, что будто бы отправлена была неделю тому назад телеграмма е[го] в[еличеству] султану от всех мусульман главного города Боснии. За телеграмму будто бы заплачено было 100 червонцев, и она содержала приблизительно следующее:

«Мы жили счастливо, и наши отношения с христианами были самые хорошие до тех пор, пока не наехали в наш виляйэт чиновники в[ашего] величества. Они посеяли между нами вражду: христиан восстановили против нас, а нас — против христиан. Нас разделяет ныне бездна. Отечество наше шло к гибели, беднея с каждым днем, и жизнь теперь безотрадная. Кровь наших отцов, детей и родных проливается уже 7 месяцев, мы разорены и уничтожаемся нравственно и материально. Обращаемся к помощи в[ашего] в[еличества] и просим: во-1-х, положить немедленно конец мятежу и, во-2-х, предоставить *не вашим чиновникам, а нам самим* право и свободу водворить добрые отношения с христианским населением и даровать ему столько льгот и преимуществ, сколько то позволит наше положение и наше достоинство».

Характеристичнее и красноречивее нельзя быть более как относительно изображения положения сей области, так и тех начал, коим упорно следуют и будут еще долго следовать боснийские магометане. Идея феодализма их не оставляет. Они хотят быть владельцами земель и имуществ своего отечества и иметь христиан послушными служителями своих домов и усадьб, вечными работниками своих земель, пастухами своих стад. Хороших и честных работ[ников] они будут презирать по Корану, но, ввиду жизненных интересов, покровительствовать им и держать их.

Правительство должно ныне увидеть, в какое безотрадное и ужасное положение оно довело Боснию своею несостоятельностью и своим упорством не ввести на твердых основаниях принцип равенства всех своих подданных. Объявив 20 лет тому назад, что оно дарует права и льготы христианам[1] оно поставило христианское население «между двух

огней», чего прежде не было. До тех пор горькая судбина его принадлежала всецело одним бегам и агам, а после хатти-хумаюна разделена была между прежними его господами и правительственными чиновниками. Эти последние, не защищая христиан, не приводя в исполнение начертаний хатти-хумаюна, извлекши лишь для себя одних материальную пользу, разорив прежних рабов и их владельцев. И таким образом нынешний голос магометан совершенно верно передает султану отчаянное положение Боснии.

Говорят также, [но] за слух этот я не могу ручаться, что магометане послали в Вену неподписанное заявление, в котором признают, что христиане — их братья и что для водворения добрых отношений между ними вступление австрийских войск в Боснию не необходимо.

Что, к сожалению, верно, это то, что здешние мусульмане не хотят и слышать о новых льготах и правах, которые христиане могут получить. В особенности назначение христиан на высшие должности, на посты губернаторов и каймакамов приводит их в исступление. «Как, — говорят они, — нами будут повелевать гяуры — никогда!» Более чем когда-либо запутывается задача турецкого правительства, и можно смело выразить убеждение, что она им никогда не разрешится.

Всепочтительнейше донося о сем в[ашему] п[ревосходительств]у, имею честь доложить, что официальная газета «Босна» напечатала в последнем своем номере краткое известие о блистательной победе турецких войск под Кырстачем. Инсургенты были будто разбиты наголову. Кроме того, мне сообщено из верного источника, что Рауф-паша обращался письменно к дужскому игумену о. Мелентию и католику Мусичу, предлагая им возвратиться в Герцеговину и принять места епископов в Гацком губернаторстве. Они отказались положить оружие, присовокупив, что возвратятся на родину не прежде чем «Европа не устроит участи их соотечественников». Тот же ответ привез Сервер-паша и бывший в Мостаре православный ходжабаши Мичо Радонич, ездивший нарочно в Невесинье, Гацко и Никшич.

Сараевскому архимандриту Саве Косановичу Сервер-паша предлагал сделаться митрополитом в Гацко, он также отказался.

Костан-ефенди уехал в Константинополь. До своего отъезда из Требинья он учредил административный совет из 3-х мусульман и 3-х христиан и устроил роту полицейских, из коих половина мусульман и половина христиан. Они получают обмундировку и 11 гульденов жалованья в месяц. Семействам, не принимавшим участия в восстании, ежедневно раздается по ½ оки кукурузы.

Вчера вышел из Сараева батальон здешних башибузуков, которых переодели в редифские мундиры и которым выдали старое оружие: кремневые ружья, ятаганы. Этот пресловутый ихтиат отправился в Бихач при громких песнях и радостных криках. Из Дервента пришло в Брод три роты редифов, которые были размещены в магометанских домах, школах и других зданиях.

С глубочайшим...

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 823. Л. 113–116 об. Копия.

[1] Имеется в виду хатт-и хумаюн 1856 г. См. прим. 2 к док. 45.

55

Письмо И. С. Аксакова А. С. Ионину об отправке в Черногорию лазарета во главе с П. А. Васильчиковым и отъезде в Герцеговину П. А. Шеншина

22 декабря 1875 г. Москва

Любезнейший и многоуважаемый Александр Семенович!

От души благодарю вас за письма и, если сам не отвечаю чаще, то потому, что если непрошенный гость хуже татарина, так иногда непрошеный корреспондент пуще лютого ворога. Одним словом, я чту ваше официальное положение. Тем не менее позволительно, полагаю, выразить мнение, что дипломатия играет в жмурки: у всех игроков на глазах повязка, разве один — Бисмарк — смотрит поверх нее или из-под нее глазами. Решительно невозможно загадывать, что будет весной. Теперь ждем с нетерпением известия о предстоящей битве на основании последней телеграммы Петра Петрова о сосредоточении 30 турецких батальонов под начальством Ахмета. К вам отправился во главе лазарета, посылаемого от Главного общества попечения о раненых и больных воинах, состоящего под покровительством государыни императрицы, мой хороший приятель, родной брат жены князя Черкасского Петр Алексеевич Васильчиков[1]. Кроме денег от общества, в которых он обязан отдать отчет официальный, наш Московский комитет выдал ему à dis- credition[1*] 12 тыс. рублей. Ему задана трудная задача — стараться отнять у этого действия, т. е. посылки лазарета, политическое значение. Это напоминает отца, который, даря маленькому сынку барабан, наказывает: surtout ne faites pas de bruit[2*]. Думаю, турки не очень дружелюбно смотрят на сей акт христианского милосердия! Я рад за Васильчикова, что он отправился, потому что это его займет и развлечет: он хандрит, потому что не очень давно лишился молодой, прекрасной жены (дочери графа Орлова-Давыдова) и остался вдовцом с 5 дочерьми. Но для черногорцев надобно бы человека несколько иного закала, более решительного и ловкого. Я уверен, впрочем, что князь Николай и вы облегчите ему его задачу и пригреете его на чужбине. Мельникову по вашему совету я послал денег для закупки хлеба в два раза — 14 тыс. руб. серебром, да 12 дано Васильчикову. На днях пошлю вам еще тысяч 10, уже прямо вам, для раздачи пособий или непосредственно, или чрез митрополита черногорского Божидаровича. Большой транспорт с суконами, одеялами и платьем отправлен чрез Лури прямо в Бокку Катторскую черногорскому агенту во избежание платежа таможенных пошлин. Сверх того многое множество всякой всячины отправлено чрез Главное общество, которое имеет возможность до Вены посылать даром по соглашению с железными дорогами.

На днях будут у вас премилые молодые люди, путешественники Эбергардт (православный) и Коновалов, оба военные. Насчет Поповича не бойтесь. Я ведь тоже знаю этот тип южного славянина. Мы его выставляем как декорацию, но все-таки хорошо, что предупредили. О Монтевердо Черняев написал. Спасибо за английскую брошюру Freeman'a. Непременно распоряжусь ее переводом.

Теперь вот какое дело. «Герцеговина» скоро взойдет в драму театральную и драму реальную жизни семейной, как развязка, исход драматических положений. Вы ведь знаете поэта Фета. Его настоящая фамилия Шеншин[2]. У него есть родной брат Петр, должно быть, несколько тронутый или, по крайней мере, удрученный сплином, который решился покончить собою посредством Герцеговины: отдать, дескать, никому не нужную жизнь за доброе дело. Он уехал из дома так себе, налегке, никто из домашних не верил в серьезность его намерения, и вдруг они, т. е. поэт Фет получает от него письмо уже из Бокки Катторской: «Прощай, сейчас иду в Цетинье». Фет прискакал из своей орловской деревни ко мне как к лицу, якобы ответственному за Герцеговину, за советом. Вследствие моего совета он и пишет к вам, а я подкрепляю его просьбу своим ходатайством: нельзя ли разузнать хорошенько, где Петр Шеншин, как он и что он? Монтевердо это может все легко разузнать. Если он умер или в случае его смерти необходимо официальное уведомление консульства о том, дабы братья могли распорядиться его имуществом (он в частном письме сообщает некоторые распоряжения). Если же он жив, то должен нуждаться в деньгах, и в таком случае благоволит консульство делать ему кредит рублей до 500: за немедленную уплату денег отсюда я ручаюсь. Впрочем, вот записка Фета-Шеншина самого, его зовут Афанасий Афанасьевич, а беглеца или героя Петр Афанасьевич.

Прощайте, мой любезнейший Александр Семенович. Еще раз благодарю вас за письмо и за сообщения.

Вас от всей души уважающий

Ив. Аксаков

ГА РФ. Ф. 939. Д. 58. Л. 3–4. Автограф.

[1*] В распоряжение *(франц.)*.

[2*] Особенно не шуми *(франц.)*.

[1] П. А. Васильчиков являлся уполномоченным Российского общества Красного Креста и Московского славянского комитета. В его отряд входило 35 человек, в том числе 4 врача и 8 сестер милосердия, оборудование лазарета на 100 раненых и транспорт с вещевыми пожертвованиями для герцеговинских беженцев (см.: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. С. 84–85). Благотворительная миссия Васильчикова была воспринята герцеговинцами и черногорцами как политическая. Между тем он не имел полномочий и возможностей оказывать помощь восстанию, что вызвало недовольство черногорцев, и в мае 1876 г. покинул Черногорию (см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 187).

[2] П. А. Шеншин являлся также участником сербо-черногорско-турецкой 1876 г. и русско-турецкой 1877–1878 гг. войн. Его пребывание на Балканах вызвало интерес Л. Н. Толстого, о чем свидетельствует переписка писателя с А. А. Фетом. 29 февраля 1876 г. Толстой писал Фету: «Напишите, пожалуйста, про себя и про брата, который очень меня интересует» *(Толстой Л. Н.* Переписка с русскими писателями. М., 1978. Т. 1. С. 443). П. А. Шеншин пробыл в Герцеговине до марта 1876 г. (Там же. С. 445).

56

Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову о реакции Порты на предложения держав провести реформы в Боснии и Герцеговине

№ 401 25 декабря 1875 г. (6 января 1876 г.). Пера

Monsieur le chancelier!

Les propositions de Vienne relativement à une démarche officielle des Puissances auprès de la Porte dans la question de l'Herzégovine[1] ayant été acceptées par nous et déjà soumises aux cabinets de Londres, de Versailles, et de Rome, — tout ce que je puis dire de la disposition d'esprit des turcs à cet égard, ne saurait avoir qu'un interêt rétrospectif. Je me fais néanmoins un devoir de m'acquitter de cette tâche, en complément de mon télégramme secret en date du 19 de ce mois, et afin de mettre votre altesse au courant de l'exacte vérité au point de vue local.

Mahmoud et Rachid pachas m'ont fait part, à un dîner que j'ai offert aux ministres, des informations reçues dans la journée d'Aristarchi et d'Aarifi pachas ainsi que de leurs impressions.

Aristarchi pacha a télégraphié de Berlin que les trois cours impériales étaient tombées d'accord sur une organisation autonomique des provinces insurgées, à recommander à la Porte, et à mettre en pratique sous la surveillance consulaire. Les rapports écrits constataient le peu d'effet produit en Allemagne par les récentes réformes décrétées en Turquie parce qu'on douterait généralement de leur complète exécution.

L'idée d'une organisation autonomique de l'Herzégovine et de la Bosnie émeut d'autant plus les ministres ottomans qu'ils croyaient être venues au-devant des voeux des Puissances en entrant dans une large voie libérale, par la publication du dernier firman et en l'accentuant chaque jour davantage, par les travaux de la commission exécutive. Ils espéraient avoir acquis un certain droit à la déférence des cabinets, qui pouvaient les juger à l'oeuvre en leur laissant le temps d'exécuter leurs promesses, et avoir évité l'humiliation gratuite d'une intervention étrangère.

Dans l'accueil peu favorable des réformes spontanément inaugurées par la Porte, Mahmoud pacha voit un doute blessant dirigé contre sa bonne foi et sa parole, une atteinte à son honneur et un parti pris de dénigrement.

Aarifi pacha aurait complété le télégramme mentionné dans mon rapport sub N 394, par des informations en sens contraire à ses premières assurances tranquillisantes. Il croirait, il est vrai, que les cabinets ne demanderaient que des réformes supplémentaires sans aller jusqu'à recommander l'organisation autonomique des provinces insurgées, — mais le comte Andrassy lui aurait annoncé une prochaine démarché européenne comme conséquence de ce que ses conseils n'avaient pas été suivis. Il aurait ajouté que Γ Autriche-Hongrie aurait dû abandonner la Turquie à son sort, mais qu'elle préférait, les intérêts des deux pays étant identiques, proposer encore une fois des moyens de pacification qui d'ailleurs n'auraient rien de contraire à la dignité du sultan et ménageraient l'amour-propre de la Porte.

Le grand vézir et le ministre des affaires étrangères m'avouèrent leurs perplexités.

Au moment de son départ de Vienne, Rachid pacha aurait demandé au comte Andrassy de lui énumerer les réformes qu'il jugeait nécessaires, mais celui-ci se serait borné à quelques indications générales et aurait refusé de les communiquer par écrit. A son arrivée a Constantinople, le ministre des affaires étrangères, autorisé par le grand vézir, se serait rendue chez le comte Zichy et lui aurait répété la même question, à laquelle le comte Andrassy aurait répondu par le télégraphe en conseillant d'arrêter toute réforme et de ne rien faire avant qu'il n'eût formulé officiellement son programme. Le comte Zichy, d'ordre de son gouvernement, s'était acquitté de démarches pressantes pour faire exclure l'Herzégovine et la Bosnie du firman. Le cabinet de Vienne dans sa sollicitude pour la Porte était allé jusqu'à prévoir le rejet par les insurgés d'un plan de réformes dont les principes n'étaient pas encore complètement développés, ni les détails entièrement arrêtés. Par déférence pour l'Autriche-Hongrie et l'entente des trois cours la Porte avait suivi ce conseil. Le comte Andrassy, en profitait aujourd'hui pour faire parvenir au gouvernement ottoman un projet de réformes supplémentaires destinées aux provinces insurgées qui n'avaient pas été exclues du programme édicté au nom du sultan pour le reste de l'empire, mais où on avait retardé la proclamation des réformes en vue de l'insistance du cabinet de Viennes.

«Ma résolution est prise, — m'a dit Mahmoud pacha. — Si les Puissances ne se bornent pas à des conseils verbaux, quoique basés sur des instructions identiques; si elles m'adressent une pièce écrite, — je suis décidé à donner ma démission, en reconnaissant que mon système a échoué. Je croyais me rendre agréable aux Puissances en recommandant les réformes les plus larges au sultan. Je comptais principalement sur l'appui de la Russie et de l'Autriche-Hongrie, plus intéressées que les autres, en qualité d'états limitrophes au maintien de la tranquillité et de la paix intérieures en Turquie. Du moment où je me suis trompé, le sultan pourra me reprocher de l'avoir entraîné à de vaines concessions, de l'avoir empêché d'étouffer la révolte en écrasant à temps les deux foyers qui la nourissent — le Monténégro et la Serbie. Il se tournera nécessairement du côté de Midhat ou de Hussein Aveni pacha. Ceux-ci chercheront un appui en occident. Ils brusqueront les vassaux, réveilleront le fanatisme des populations musulmanes et joueront le tout pour tout. Peut-être auront-ils raison. Peut-être en effet leur système vaut-il mieux que le mien. Il se peut qu'il aboutisse à imposer à l'Europe une conférence ou un congrès dans lequel les intérêts de la Turquie, la nécessité de son existence pour le bien de l'Europe elle-même, trouveraient des défenseurs. Quant à moi, entouré d'embarras politiques et financiers insurmontables, harassé de travail, en butte au mécontentement des musulmans et aux intrigues de mes adversaires qui me reprochent déjà trop de concessions et trop de condescendance pour l'étranger, je ne demande qu'à saisir une occasion de me retirer, maintenant qu'ayant été appelé encore une fois au grand vé- zirat dans un moment difficile, j'ai été rehabilité aux yeux du monde, malgré les efforts de mes calomniateurs par une marque de confiance personnelle de mon souverain».

Tel a été, Monsieur le chancelier, le langage de l'homme d'état qui dirige en ce moment les affaires en Turquie. Il m'a prié de le considérer comme strictement confidentiel. Nos bonnes relations, cimentées d'une vieille amitié personnelle, lui faisaient un devoir de ne pas me prendre au dépourvu et de me mettre d'avance au courant de ses décisions.

Il me revient que deux jours plus tard la Porte, ayant probablement pressenti les intentions du sultan, a décidé de rejeter les démarches des Puissances si elles se produisaient par écrit et portaient le caractère d'une intervention dans les affaires intérieures de l'empire. Le langage de lord Darby et celui de sir Henry Elliot relativement aux propositions de Vienne faisaient espérer aux turcs que l'Angleterre adopterait leur manière de voir et ne s'associerait pas à celle des autres cabinets.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, Monsieur le chancelier, de votre altesse, le très humble et obéissant serviteur

N. Ignatiew

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 27. Л. 15–21. Подлинник.

Перевод

Господин канцлер!

Ввиду того, что предложения Вены относительно официального демарша держав перед Портой по вопросу о Герцеговине[1] были нами приняты и уже представлены лондонскому, версальскому и римскому кабинетам, — все, что я могу сказать о настроении турок в данной связи, может носить лишь ретроспективный характер. Считаю своим долгом, тем не менее, выполнить эту задачу в дополнение к моей секретной телеграмме от 19-го числа сего месяца и с тем, чтобы дать вашей светлости самые достоверные сведения с местной точки зрения.

Махмуд-паша и Рашид-паша сообщили мне за обедом, данным мною министрам, об известиях, полученных в течение дня от Аристархи-паши и Аарифи-паши, а также о своих впечатлениях.

Аристархи-паша телеграфировал из Берлина, что три императорских двора достигли договоренности об автономном статусе восставших провинций, в пользу которого Порте будут даны рекомендации и который будет проводиться в жизнь под консульским наблюдением. В письменных сообщениях отмечается недостаточный эффект, произведенный в Германии последними реформами, объявленными в Турции, вследствие общих сомнений по поводу того, будут ли они полностью проведены в жизнь.

Идея автономного статуса Герцеговины и Боснии тем более возмущает османских министров, что они считали, что сами пошли навстречу пожеланиям держав, вступив на путь широких либеральных реформ с опубликованием последнего фирмана и все более усиливая их с каждым днем благодаря работе исполнительной комиссии. Они надеялись на то, что приобрели некоторое право на уважение кабинетов, которые могли считать, что они находятся в процессе перемен, дав Порте время выполнить свои обещания и избежать безосновательного унижения иностранного вмешательства.

В неблагоприятной реакции на реформы, стихийно начатые Портой, Махмуд-паша усматривает оскорбительное сомнение в своей добропорядочности и неверие данному им слову, удар по своей чести, предвзятость и пренебрежение.

Аарифи-паша, в заключение телеграммы, упомянутой в моем донесении под № 394, привел данные, противоречащие своим первым успокоительным заверениям. Правда, он рассчитывает на то, что кабинеты потребуют только дополнительных реформ и не пойдут на рекомендацию автономного статуса восставших провинций, но граф Андраши заявил ему, что будущий европейский демарш есть следствие того, что к его советам не прислушались. Он добавил, что Австро-Венгрии следовало бы предоставить Турцию своей судьбе, но что она предпочла, ввиду общности интересов обеих стран, еще раз предложить средства умиротворения, которые, впрочем, нисколько не противоречат достоинству султана и не уязвляют самолюбие Порты.

Великий везирь и министр иностранных дел поделились со мной своей тревогой.

В момент своего отбытия из Вены Рашид-паша попросил графа Андраши перечислить реформы, которые тот считает необходимым провести, но последний ограничился несколькими общими замечаниями и отказался изложить их в письменном виде. По прибытии в Константинополь министр иностранных дел с разрешения великого везиря нанес визит графу Зичи и повторил перед ним тот же вопрос, на который граф Андраши ответил телеграфно, посоветовав прекратить всякие реформы и ничего не предпринимать до тех пор, пока он официально не сформулирует свою программу. Граф Зичи по распоряжению своего правительства предпринял настойчивые демарши, чтобы добиться исключения Герцеговины и Боснии из текста фирмана. Венский кабинет в своей заботе о Порте дошел до того, что предусматривает, что повстанцы отвергнут план реформ, принципы которого еще не до конца разработаны, а детали полностью не установлены. Из уважения к Австро-Венгрии и согласию трех дворов Порта последовала этому совету. Граф Андраши ныне воспользовался этим, чтобы добиться принятия оттоманским правительством проекта дополнительных реформ, предназначенных для восставших провинций, которые не были исключены из программы, обнародованной от имени султана для остальной части империи, но где, ввиду настояний венского кабинета, провозглашение реформ было отсрочено.

«Я принял свое решение, — сказал мне Махмуд-паша. — Если державы не ограничатся словесными советами, хотя и основанными на одинаковых инструкциях; если они обратятся ко мне с письменным посланием, я решил подать в отставку, признав, что моя система не удалась. *Я* стремился удовлетворить пожелания держав, рекомендуя султану проведение самых широких реформ. Я рассчитывал главным образом на поддержку России и Австро-Венгрии, заинтересованных более других, как сопредельные государства, в поддержании внутреннего спокойствия и мира в Турции. Лишь только я совершу ошибку, султан может упрекнуть меня в том, что я вовлек его в напрасные уступки, помешал ему погасить восстание, вовремя разгромив оба очага, которые его питают, — Черногорию и Сербию. Он обязательно повернется в сторону Мидхата или Хусейна Авни-паши. Те будут искать поддержки на Западе. Они грубо приструнят вассалов, разбудят фанатизм мусульманского населения и сыграют ва-банк. Может быть, они и будут правы. Может быть, их система действительно лучше моей. Возможно, с ее помощью

удастся убедить Европу созвать конференцию или конгресс, на котором интересы Турции, необходимость ее существования для блага самой Европы найдут своих защитников. Что касается меня, окруженного непреодолимыми политическими и финансовыми неурядицами, изнуренного работой, являющегося объектом недовольства мусульман и интриг моих противников, которые уже упрекают меня в том, что я сделал слишком много уступок и допустил чрезмерную снисходительность к иностранным державам, то я прошу лишь одного: воспользоваться случаем удалиться на покой теперь, когда я, будучи вызванным в Совет великого визиря в трудную пору, несмотря на старания моих хулителей, был реабилитирован в глазах света знаком личного доверия своего государя».

Таковы были, господин канцлер, слова государственного деятеля, управляющего ныне делами Турции. Он просил меня считать их строго конфиденциальными. Благодаря нашим добрым отношениям, скрепленным старой личной дружбой, он счел себя обязанным не ставить меня в неловкое положение и заранее меня известить о своих решениях.

Я узнал, что через два дня Порта, вероятно предвосхитив намерения султана, решилась отвергнуть демарши держав, если бы они были сделаны в письменной форме и носили характер вмешательства во внутренние дела империи. Выступления лорда Дерби и сэра Генри Эллиота по поводу венских предложений позволяли туркам надеяться на то, что Англия примет их точку зрения и не присоединится к позиции других кабинетов.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, господин канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугою

Н. Игнатьев

[1] Имеется в виду нота Д. Андраши, обнародованная 18 (30) декабря 1875 г. (см. док. 45 и прим. 1 к нему). Хотя Игнатьев и говорит в публикуемом донесении о восприятии Портой плана Андраши как предоставлении Боснии и Герцеговине автономного статуса, на деле проект реформ Андраши не предусматривал не только автономии, но даже и введения местного самоуправления. Петербург рассчитывал получить от Порты письменные обязательства, после чего реформы предполагалось реализовать под контролем посольств и консульств европейских держав (см.: История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 180).

57

Письмо П. Павловича П. А. Монтеверде с просьбой прислать продовольствие повстанческому отряду

29 декабря 1875 г.

Милостивый государь господин Монтеверди!

Честь имею объявить вам, что отряд наш в понедельник почевал на «Глуху смокву» в составе 1 500 воинов. Но у нас сильное затруднение без пищи, т. е. «таина». Мы пришли тайком и надеемся, что турки о походе нашем не знают. Мы надеемся, что вы постараетесь насчет «таина». Если желаете с нами увидаться, то найдете нас на «Вуковиче». Прошу вас прислать сахару и кофе по предателю сего, у нас совершенно нету. Я искренно кланяюсь вам вместе с воеводою Максимом[1*] и воеводом Трипком Вукаловичем, Бошковичем, Церовичем и пр.

Ваш Пеко Павлович

РГВИА. Ф. 261. Оп. 1. Д. 8. Л. 7. Автограф.

[1*] М. Бачевич.

58

Донесение А. С. Ионина товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу с опровержением слухов о наличии боснийско-герцеговинского повстанческого правительства и со сведениями о переговорах эмиссаров Дж. Гарибальди в Черногории относительно участия гарибальдийцев в войне с Турцией

№ 368 30 декабря 1875 г. (11 января 1876 г.) Рагуза

Милостивый государь Николай Карлович!

Согласно предписанию вашего превосходительства от 16 декабря № 54 и я не замедлю препроводить комиссару нашему в Мостаре надворному советнику Ястребову копию меморандума, полученного в императорском министерстве от имени боснийско-герцеговинского правительства[1].

Считаю долгом, не дожидаясь разъяснений г-на Ястребова, которые конечно будут согласны со сведениями, у меня имеющимися, донести вашему превосходительству, что не только нет никакого тайного или явного правительства в Боснии и Герцеговине, но нет даже ничего, что могло бы намекнуть на существование или возможность существования такого правительства. Доставленный же вашему превосходительству меморандум есть не что иное, как наглая проделка какого-то chevalier d'industrie[1*], который, вероятно, не был никогда между восставшими, но появлявшегося уже в некоторых городах Европы, выдавая себя или за несуществующего генерала Павловича Рудово, или за Пейко Павловича, и о разговоре с которым редактор лозанской газеты («Journal de Lauzane») напечатал комически-серьезную статью.

Как вообще вокруг политических событий, вокруг движения в Боснии и Герцеговине копошится множество таковых искателей приключений, которых наивные репортеры газет часто принимают всерьез и передают их мистификации urbi et orbi[2*]. Здесь страны никому почти не известные, здесь сталкивается множество разнообразных интересов, а потому и авантюристов здесь более, чем где-либо. Этому способствует и то обстоятельство, что вряд ли есть другая национальность, производящая авантюристов в большем изобилии, чем сербская. В герцеговинском восстании теперь этих людей стало меньше — их здесь поняли и большую часть из них повыгоняли — их расплодила здесь бездарная личность известного Любибратича, который тоже, вероятно, скоро будет принужден покинуть эти страны. Но в Боснии, в Австрийской Славонии, около Сербии, где политический хаос все более увеличивается и суетливое брожение заменяет борьбу, число таких личностей, вероятно, будет только увеличиваться. Там они устраивают тайные комитеты, группируются вокруг Карагеоргиевича[2] или других сербских и хорватских эмиссаров с целью проводить в печати планы и цели своих патронов.

На серьезную сторону дела эта деятельность искателей приключений имеет мало влияния, и потому, хотя мне и часто приходилось становиться в столкновения с этою деятельностью, я не считаю долгом доносить об этих метеорах

народных смут. Иностранный элемент и влияние его, напр[имер], в Герцеговине, очень слаб. О нем говорят потому, что иностранцы, приходящие сюда в виде волонтеров, большею частью проживая в кофейнях Рагузы, составляют тот разглагольствующий элемент, в котором репортеры второстепенных газет черпают свои политические воззрения и теории. Отсюда, например, явились в газетах глубокомысленные соображения о слиянии со здешним движением социалистических, интернациональных стремлений, о борьбе в герцеговинских горах двух начал: варварски-восточного, представляемого Черногориею и поддерживаемого Россиею, и цивилизованно-западного, представляемого влиянием Сербии и так далее.

Но есть авантюристы, а за ними репортеры и их газеты, которые утвердили в общественном мнении верования в такие факты, которые могут иметь довольно большое влияние и на дипломатические соображения. Меморандум Павловича, на который ваше превосходительство изволили обратить внимание, внушает мне убеждение, что я не всегда должен умалчивать о распространении подобных фактов потому только, что фактов этих не было.

Теперь в печати, по-видимому, утвердилось убеждение особенно в двух фактах: о том, что Черногория сделала где-то заем в восемь, другие утверждают в пять миллионов франков, и о том, что Гарибальди принимает участие в восстании[3].

Первое совершенно неверно. Поводом к этим слухам послужило следующее обстоятельство. Какой-то авантюрист американец, по имени Ричард, немец родом, другие думают, что это действительно агент одного торгового американского дома, не знающего, куда сбыть старый запас ружей, оставшийся на руках от заказа папского правительства, явился на Цетинье и предлагал сделать поставку взаймы ружей и другого оружия на миллион франков, требуя гарантирования этого займа доходами с черногорских лесов. Кажется, даже в Черногории приняли сначала всерьез это дело, ибо там в самом деле мечтают произвести заем ввиду возможной войны, так как теперь и в Черногории, как и везде, деньги есть nervus rerum[3*], но потом эти переговоры конечно кончились ничем. Американец приехал в Рагузу и рассказал репортерам, что устроил дело займа с Черногориею на пять или на восемь миллионов.

Что касается до участия Гарибальди, то о нем много и давно говорили, потому что с самого начала восстания в Герцеговине было более сотни волонтеров-итальянцев. Они прибывали сюда вразброд, никогда не дрались и теперь почти все разъехались, только одного турки зарезали самым мирным образом. Их теперь осталось человек 15 и то потому только, что Любибратич, представитель цивилизованно-западного элемента, не хочет с ними расстаться. В последнее время толки о Гарибальди имели более существенное основание, он действительно прислал сюда своего настоящего адъютанта герцога Вентимилиа ди Паско (Ventimilla di Pasco), но прислал его, во-первых, для того, чтобы ознакомиться с делами и переговорить с цетинским правительством, на каком основании можно послать в Черногорию отряд гарибальдийцев в случае войны с Турциею. Помогать же собственно восстанию в Герцеговине Гарибальди, кажется, и не думает. Вентимилиа

и теперь, кажется, еще в Цетинье, но переговоры его не имеют насущного значения, так как для осуществления их положено в основание неизвестное будущее, зависящее совершенно от других причин.

В числе курьезов я должен упомянуть еще об одном, ибо он тоже может сделаться предметом журнальных толков и политических соображений.

Около Любибратича между Требинье и Рагузой подвизается некая особа женского пола, прозванная здесь герцеговинской Жан д'Арк. Эта девушка лет 25, приехавшая неизвестно откуда, хорошо образованная, родом голландка, по имени Меркус. Ее могут тоже принять за агента кого-либо или чего-либо, так как у нее много денег — она дала Веселитскому только на раздачу здесь пособий бежавшим герцеговинцам четыре тысячи франков, теперь ее уговаривают купить батарею пушек. Но мне кажется, что она просто восторженно-нервная особа, жаждующая сильных ощущений и за смертью богатых родителей потерявшая семью.

Возвращаясь к боснийско-герцеговинскому правительству, я могу сказать, что если был бы какой-либо признак его, то он не укрылся бы от наблюдения императорского консульства в Рагузе. Не только правительства, но и порядка между восставшими нет никакого начала. Всякий начальник действует за себя и по своему усмотрению. Соединяются они иногда в случае необходимости сделать сообща нападение на турок или отбиться от них, но действуют в подобных случаях по собственному согласию без всяких единоличных приказаний — таковое согласие обыкновенно не продолжается долго, и вожди расходятся, часто ссорятся, о формировании какого-либо центрального управления и не думают, потому что каждый считает себя лучше других[4]. Наконец, и в умах всего этого народа, восставшего в Герцеговине и жаждущего переворота в Боснии, кажется, глубоко внедрилось убеждение, что ни из Герцеговины, ни из Боснии невозможно создать отдельных, даже только автономных провинций. Такие виды могут только существовать в теориях людей, далеких от этих смут и не знакомых со страною, или в умах так называемых передовых сербов. Борьба мнений и стремлений происходит здесь на деле только между перспективами разных более или менее иностранных оккупаций — сербской, черногорской или австро-венгерской. В Боснии, конечно, все более и более народные желания склоняются на сторону последней.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью честь имею быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПРИ. Ф. СПБ. ГА V-А$_2$. Д. 747. Л. 379–382. Подлинник.

[1*] Проходимец *(франц.)*.
[2*] Всем и каждому *(лат.)*.
[3*] Самое главное *(лат.)*.

[1] Неизвестно, о каком меморандуме и правительстве Боснии и Герцеговины идет речь. Временное боснийское правительство было создано лишь осенью 1877 г. (см. прим. 2 к док. 129). Возможно, имеются в виду образование на Ямницкой скупщине повстанцев (16–17 декабря 1875 г.) комитета для общего руководства восстанием во главе с М. Хубмайером и решения самой скупщины (см.: «Застава» о Босни и Херцеговини. Књ. III. С. 282, 299–300).

[2] См. док. 7 и прим, к нему.

[3] Д. Гарибальди горячо приветствовал восстание в Герцеговине, высоко оценил борьбу народа и призывал оказывать ему помощь. «Мы восхищены героической борьбой герцеговинцев!», «Да здравствуют освободившиеся рабы!» — писал он и сравнивал герцеговинских юнаков с легендарными героями Леонидом, Спартаком, Скандербегом. Наиболее тесные отношения связывали его с М. Любибратичем. В письмах к нему и другим руководителям Гарибальди поздравлял их с победами, выражал поддержку их решительным настроениям продолжать борьбу в зимнее время и др. Он приветствовал гуманистическую деятельность лорда Рассела и Лондонского комитета по сбору средств в пользу раненых повстанцев. Он сам проявлял инициативы в этом направлении, а также занимался отправкой добровольцев через Римский комитет помощи. В конце года он направил своего представителя, опытного военачальника дуку В. да Паску с особой миссией по местам боевых действий вдоль границ Герцеговины, Далмации и Черногории.

Повстанцы, в свою очередь, чтили Гарибальди как героя освободительной борьбы. 27 августа 1875 г. скупщина герцеговинских воевод в Косиереве послала ему адрес (см.: «Застава» о Босни и Херцеговини. Књ. III. С. 206, 211–212, 258–259, 273, 294, 297).

[4] Утверждения автора не соответствуют действительности. Можно сомневаться в эффективности руководства восстанием, однако попытки организации предпринимались на всем его протяжении. Осенью 1875 г. был создан Главный комитет боснийского восстания за освобождение в Нова Градишке, ему подчинялись местные комитеты в районах восстания. Существовали уполномоченные, проводившие решения в жизнь и осуществлявшие связи с комитетами помощи, в первую очередь с Белградским и Загребским комитетами. Для решения важных вопросов руководители чет, воеводы, делегаты собирались на скупщины. Попытка создать центральное военное командование была предпринята на Ямницкой скупщине, упомянутой выше. Подобное стремление к организации в рядах повстанцев наблюдалось и в Герцеговине.

59

Телеграмма А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву о гарантиях, предлагаемых союзными державами реформ в Боснии и Герцеговине

Не позднее 31 декабря 1875 г.[1*]

Au clair: Reçu télégramme d'hier.

En chiffres: L'équivalent de nos propositions serait engagement introduire réellement réformes en Bosnie et Herzégovine sous surveillance de l'Europe; sinon aucune chance d'inspirer aux insurgés la confiance qui assurerait le succès des efforts de conciliation. Lorsque les cabinets, feront leur démarche à Constantinople1 il faut absolument réponse écrite qui ne serait pas simple accusé de réception, mais assurance que réformes seront fidèlement exécutées sur place. Cela impliquerait de fait contrôle des ambassades et consulats, quand même le mot ne serait pas prononcé.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 30. Л. 779–779 об. Отпуск.

[1*] *Датируется по дате получения.*

Перевод

Открытым текстом: Получил вчерашнюю телеграмму.

Шифром: Равнозначным нашим предложениям было бы обязательство действительно провести в жизнь реформы в Боснии и Герцеговине под наблюдением Европы; иначе нет никаких шансов заслужить у восставших доверие, которое обеспечило бы успех миротворческих усилий. Когда кабинеты предпримут свой демарш в Константинополе[1] абсолютно необходимо получить письменный ответ, который был бы не просто распиской в получении, но заверением в том, что реформы на местах будут неукоснительно осуществляться. Это подразумевало бы фактический контроль посольств и консульств, хотя бы это слово и не было упомянуто.

[1] Речь идет о ноте Д. Андраши (см. док. 45 и 56 и прим, к ним). 19 января 1876 г. (н. ст.) нота была представлена Порте от имени союзных держав, к которым присоединились Франция, Италия и Англия. В феврале Порта сообщила, что принимает ноту, за исключением пункта об использовании налогов, взимаемых с провинций только на их нужды. Был издан ираде о реформах в духе ноты. Но эти акты не имели результата, так как повстанцы сочли реформы ограниченными и не видели гарантий их проведения в жизнь. Они отказались прекратить борьбу (см.: Международные отношения на Балканах 1856–1878 гг. С. 257–258).

60

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву с изложением своих соображений относительно мирного разрешения боснийско-герцеговинского вопроса

7 января 1876 г. Сараево

Секретно

Перечитав еще раз краткую записку, которую я позволил себе составить и в полуофициальной форме представить вашему превосходительству относительно умиротворения Боснии и Герцеговины и введения в этих областях сносного управления, я заметил, что выводы мои как бы противоречат началу изложения моих мыслей.

Да позволит мне ваше превосходительство пояснить в кратких словах это кажущееся противоречие.

По моему мнению, существуют в самом Восточном вопросе семь фактов, а именно:

1. Турция существовать не может и должна рано или поздно умереть.

2. Турция собственными силами и средствами, несмотря на волю и усилия, не может предотвратить свою смерть.

3. Смерть Турции воспроизведет всеобщее смятение, возбудит неизбежный катаклизм.

4. Этот переворот представляет воображению человека картину такого хаоса, что даже элементы, искони враждебно поставленные к Турции, изыскивают лекарства если не для исцеления ее недуга, то для отдаления часа ее смерти.

5. Насиловать Турцию никто не хочет; но при существовании второго факта потребна чужеземная помощь для изменения настоящего порядка вещей.

6. Австрия не может выполнить этой задачи, хотя бы ареопаг Европы поручил ей как ближайшей соседке разрешить ее. Венгрия, Сербия и Черногория пустят ей кровь, и она ею изойдет.

7. Все христианские державы, сознавая всю важность готовящегося переворота, во имя человеколюбия, справедливости и цивилизации обязаны принести каждая посильные материальные жертвы.

К этим фактам надобно присовокупить исключительное положение России относительно многочисленных православных славян и ее призвания на Востоке. Желать, чтобы Австрия заняла Боснию хоть на один день, не может, я полагаю, ни один русский.

Что же остается делать, чтобы остановить кровопролитие, чтобы не дать ему весною расширения, чтобы немедленно успокоить христианство, за которое вступилась Европа, высказав голосом могучей России, что положение его до того жалко и невыносимо, что оно не может быть более терпимо? Ведь Турция не исполнит своих обещаний, — мусульмане смеются над фирманом![1]

Так пусть же 6 санджаков Боснии займутся войсками 6 великих держав и пусть каждая из них принесет свою лепту на алтарь человечества и справедливости! Пусть своим единодушием и крутою мерою нанесут такой удар Корану, что он поневоле отделит себя от государственного принципа и ограничит свою силу и обаяние религиозною сферою!

Вот основная идея, руководившая меня при составлении записки и заставившая указать на те орудия, посредством коих можно рассчитывать на мирное разрешение гнетущего вопроса[2].

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 9–10. Автограф.

[1] О фирмане султана от 12 декабря 1875 г. см. док. 66 и прим. 1 к нему. Он вызвал озлобление мусульман и равнодушие христианского населения (см.: АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 29–30 об).

[2] В записке излагается личное мнение А. Н. Кудрявцева по поводу решения конфликта. Сохранились и другие мнения по боснийско-герцеговинскому вопросу, обсуждавшиеся в то время в дипломатических и политизированных кругах российского общества. Так, Е. П. Новиков, ссылаясь на донесения и частные письма А. С. Ионина от 2 (14) января 1876 г., высказал свое решительное несогласие с его позицией. Он писал в своем донесении А. М. Горчакову 22 января (3 февраля) того же года: «Переходя к рассмотрению различных способов решения конфликта, г. Ионин останавливается на проекте раздела восставших провинций между обоими славянскими княжествами с предоставлением Австрии северной части Боснии, считая эту комбинацию соответствующей нашим традиционным интересам», что не будет одобрено Австро-Венгрией и невыгодно в конечном счете России (см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 128. Л. 26–26 об.). И. С. Аксаков, выступая сторонником повстанцев, писал А. С. Ионину 15 февраля 1876 г.: «Я держусь и сам того же мнения, что желательно было бы избежать всеобщей европейской войны и что время для окончания изгнания турок из Европы еще не пришло, ибо *мы* еще не созрели для решения Восточного вопроса. Поэтому я и сам довольствовался бы теперь только ампутацией Турции, т. е. отнятием у нее на сей раз Герцеговины и Боснии» (см.: ГА РФ. Ф. 939. Д. 58).

61

Письмо Мити и Маши Овсянниковых в редакцию газеты[1*] с просьбой переслать деньги семьям герцеговинских повстанцев

10 января 1876 г. Юрьев

Милостивый государь г-н редактор!

Прилагаемые при сем три рубля, которые были нам подарены к празднику, просим вас переслать в пользу пострадавших семейств Герцеговины[1].

От Мити и Маши Овсянниковых

ГА РФ. Ф. 1750. Д. 270. Л. 60. Автограф.

[1*] *Название газеты неизвестно.*

[1] Об организации помощи из России см. док. 36, 38, 44, 48, 55 и др.

62

Телеграмма Е. П. Новикова в МИД России о разгроме повстанцами турецкого отряда близ Требинье и гибели М. Бачевича

11 (23) января 1876 г. Вена

Секретно

lonine télégraphie de Raguse samedi[1*]: Во вторник и четверг отряд турок от 3–4 батальонов был почти уничтожен между Рагузою и Требинье. Сильные укрепления и позиции взяты инсургентами штурмом. Потери их относительно незначительны.

Воевода банянский Максим Бачевич убит. Турки опять стягивают войска к Требинью и сильно деморализованы[1].

Помета о получении: Le 11 janvier.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 105. Л. 31. Дешифрант.

[1*] Ионин телеграфирует из Рагузы в субботу *(франц.)*.

[1] А. С. Ионин более подробно освещает эту битву в донесении Н. П. Игнатьеву от 7 (19) января 1876 г. за № 1, придавая ей особое значение. Он пишет: «Турки неосторожно вышли из Требиньи с тремя батальонами, чтобы занять укрепленные позиции по дороге между этим городом и Рагузою, ибо это главная питательная артерия Герцеговины. Около дороги стояли только часть отряда Пейки, человек от 3-х до 4-х сот, и этот отряд, не думая долго и не дожидая других, ударил на турецкую колонну и почти совершенно ее уничтожил. Человек 200 потеряли турки убитыми и ранеными, человек 200 успело спастись бегством под выстрелы крепости, устроенной из монастыря Дужи, а авангард в 200 человек и теперь окружен соединенными полчищами восставших и, вероятно, должен будет сдаться. Таким образом, у турок будет еще тремя батальонами меньше, кроме нравственной потери. Восставших убито 30 человек и ранено 12, из них 9 привезены в Рагузу» (см.: АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 784. Л. 9 об.–10).

63

Письмо врача[1*] к П. А. Монтеверде с просьбой о присылке медикаментов

15 января 1876 г.[2*]

Петр Августинович!

Коновалов и Эбергард объяснят вам всю битву. От нашей банды всего убитых и раненых около 30, из числа их 4 посекли главы.

Что будем делать, не знаю. Из медикаментов имею: около 26 бинтов, корпии достаточно, полуторохлористого железа достаточно, камфорного спирта — тоже, масла — мало. Пришлите, пожалуйста, в толстокожей бутылке.

Пришлите еще: 1. хины, 2. гутаперчи (только не такой, как этот раз дали, а тонкой), 3. творки, 4. пробок и 5. бутыль масла.

Имена раненых не записал, потому [что] было бегство, и я еще в сражении потерял свою записную книжечку.

Возвратите (из моих капиталов) Эбергарду 5 (пять) гульденов...[3*]

Помета: Получено 15 (27) января.

РГВИА. Ф. 261. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–1 об. Автограф.

[1*] *Автор не установлен.*

[2*] *Документ ошибочно датирован 15 января 1875 г.*

[3*] *Подпись неразборчива.*

64

Письмо Л. Сочицы П. А. Монтеверде с благодарностью за помощь герцеговинским повстанцам

18 января 1876 г. Баняны

Много поштовани господине!

Ево данас улучи прилику, да оправим мога писара Луку Ђуровоћа, да до вас дође и изручива од моје стране велику љубов и усердност, а тако највишу благодарност за ваше добротворстве и наклоности, кој чините војсци и остолом народу ерцеговочком. Зато остајем молити Бога са свим подручним војнством, да Бог поживи племените ликове, кој подржавају устанак ерцеговачки, да Бог живи и тебе и твоје добротворно друштво.

Моја је г. била највеће жеља да се едан пут стобом вићу, па војничке околностима не допуштоше но ме с пута вратише са мој[о]м војском са кој[о]м сам пошао, у дољу Ерцеговину за које ви исти Ђуровић може казати.

По њему ви шаљем мој џевердан у срму кога сам ја до свог вокта носио, у знак признатељње благодарности моје ка вашем усердију.

Ваш највећи доброжелатељ препоручен остајем
војвода Лазар Сочица

РГВИА. Ф. 261. Оп. 1. Д. 9. Л. 5. Автограф.

65

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву со сведениями о действиях повстанцев и об обнародовании в Сараеве султанских фирманов

№ 26 23 января 1876 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

Имею честь всепочтительнейше донести вашему превосходительству, что 19го и 20-го текущего при пушечных выстрелах были прочитаны в Сараеве два султанских фирмана. Один, доставленный майором Омер-беем, возводящий боснийского вали в звание визиря; другой, привезенный майором Сулейман-беем, дарующий подданным империи новые права и льготы[1].

Оба торжественные чтения произошли почти при одинаковой обстановке. Жителей было собрано довольно много, но только за полчаса до чтения последнего фирмана полиция пригласила христианских учителей и учеников явиться в конак. Две роты солдат прокричали троекратно ура после краткой молитвы, последовавшей за чтением фирмана, и народ молча разошелся, как будто дело шло не о его интересах, не о его благосостоянии.

Две тысячи экземпляров фирмана было отпечатано на турецком языке для раздачи в Сараеве и распространения в виляйэте. Говорят, что вскоре будут изготовлены и сербские экземпляры, но надобно сожалеть, что и в этот раз турецкое правительство не сделало исключения, т. е. не поступило так, как следовало поступить. Отпечатывать на турецком языке 2 т[ыс.] экземпляров фирмана — вещь совершенно излишняя, ибо ни общество, ни народ не знают этого языка; в виду же имелось распространение турецких милостей не между чиновниками, а между народом.

В последнем номере местной газеты[2] помещены две телеграммы, адресованные здешнему вали главнокомандующим войск в Герцеговине.

Из первой — от 16-го текущего — явствует, что около 10 тыс. инсургентов были разбиты на дороге между Требинье и Рагузою[1*]. Турецкие войска, потеряв убитыми 6 человек и ранеными 15, одержали, по словам Ахмед Мухтар-паши, блистательную победу, обратив в бегство сильный корпус мятежников.

Другая телеграмма, помеченная 17-м числом, передает известие о другой победе, одержанной над инсургентами в местечках Вукович, Грабицы близ австрийской границы. Отряд инсургентов зажег дома тех христиан, которые не хотели за ним следовать, после чего бежал, потеряв много людей и 150 голов скота, полученного им от комитета для прокормления. «Таким образом, — говорит депеша, — все шайки были разбиты, и в настоящее время их не имеется, вследствие чего войска снова возвращаются в Дрен». Из Сеницы пруссак Мехмет Али-паша доносит, что в Гусиньском округе 1 500 инсургентов и черногорцев напали на село Изницу, убили 5 магометан, двух женщин, одну девушку и трех христиан, принятых ими за мусульман, зажгли 12 домов, стогны соломы и сена и угнали скот. Каймакам

Али-бей с магометанами округа и 4 взводами войск нагнал мятежников, разбил их, оставив на месте 40 трупов, и отнял похищенный скот. Со стороны турок не было ни убитых, ни раненых.

Позволяю себе доложить вашему превосходительству, что герцеговинские инсургенты в последнее время старались дать себе военную организацию, главнокомандующим был избран Пеко Павлович. Он разделил свой корпус на 5 отрядов, вверив командование ими майорам: Григорию Миличевичу, Трипке Вукаловичу, Саве Ангеличу, Стефану Бабичу и Луке Петковичу. Назначены им начальниками отдельных отрядов, действующих, однако, в согласии с Пеко Павловичем, архимандрит Мелентий Перович и католический священник доктор Иван Мусич. Около Банян и Шарапцев командуют отдельными частями Лазарь Сочица и поп Богдан Зимонич.

В Сараеве находятся ныне пять батальонов анатолийских редифов. Ахмет Мухтар-паша требует их в Герцеговину, но здешний ферик медлит их отправлением, отговариваясь суровостью зимы.

Известный начальник башибузуков, заклятый враг христиан, и в особенности черногорцев, убивших в 30-х годах его отца, Дервиш-паша Ченгич умер в городе Конице от апоплексического удара.

Сейчас здесь в конаке получены какие-то тревожные известия из Посавины. Говорят, значительный отряд инсургентов вышел из Славонии в Боснию между Бродом и Шамцом. Вероятно, есть значительная доля правды в этом известии, потому что Сервер-паша, приехавший третьего дни из Мостара, выехал сегодня отсюда по направлению к Брчке, а не в Брод, куда были наняты его экипажи.

Мне же сообщают из Брода, что готовится к выступлению на реку Врбас отряд инсургентов в 2 т[ыс.] человек, хорошо вооруженных и организованных. В самом же Броде ожидается прибытие 8 т[ыс.] пехотинцев австрийской армии и 2 полка кавалерии.

Так или иначе, но во всяком случае время дорого, и сейчас, или будет поздно, надобно принять самые энергические меры для наблюдения северных границ Боснии, по течении реки Савы. Набеги мелких отрядов там, преувеличенные устными рассказами и описаниями газет, наводят ужас на магометанское население сел и городов, лежащих в глубине и середине Боснии, возбуждают его [до] конечного пароксизма и склоняют к совершению того кровопролития невинных, которое почти неизбежно, если могучая сила не наложит своего покрова на пылающую огненную гору.

Я полагаю, что и[ностранным] консулам было бы небесполезно на время оставить Сараево и перенести свои квартиры туда, где должны будут совершаться события, т. е. в один из городов, лежащих на берегу Савы. Агенты были бы поставлены в возможность своим присутствием смягчать суровость варварских действий обеих враждующих сторон и могли бы безошибочно и своевременно поставлять в известность свои правительства о совершающихся фактах. Здесь же, в Сараеве, они принуждены — при всей важности событий — играть самую отрицательную роль. Власти и магометане отшатнулись от них — христиан, как следует добрым мусульманам; к тому же показать исламу, что он тверд, невредим и не боится

всесветной лиги, входит в расчет правительства. Затем, христиане более чем когда-либо опасаются навлечь на себя подозрение в желании опереться на сочувствие и подпору и[ностранных] агентов и потому избегают не только сношений, но даже уличных встреч.

При такой обстановке едва ли наше положение может отвечать необходимостям тех тревожных минут, которые беспокоят Европу вообще и каждое правительство в особенности.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиятский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

Резолюция Н. П. Игнатьева: Onou

Помета М. К. Ону: Pour ce qui [citer] la publication en firman, on croit savoir à la Porte que ce document a été réparaitre en un grand nombre d'exemplaires par le journal à Sérayé «Bosna», qui se publie en serbe et en turc[2*].

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 19–22. Автограф.

[1*] *На полях помета Н. П. Игнатьева:* Как глупо, что сами турки преувеличивают число инсургентов.

[2*] Для того, чтобы ознакомиться с публикацией фирмана, в Порте полагают, что этот документ надлежит вновь издать в большом числе экземпляров сараевской газетой «Босна» по-сербски и по-турецки *(франц.)*.

[1] Речь идет о фирмане султана от 12 декабря 1875 г. Он явился ответом на демарш перед Портой 6-ти европейских держав с рекомендацией проведения реформ в Боснии и Герцеговине. Стремясь избежать вмешательства великих держав, султан даровал реформы своим фирманом. Он был издан для всей территории Османской империи, хотя непосредственным толчком было восстание в Боснии и Герцеговине. В нем провозглашалось разделение исполнительной и судебной властей, создание независимых судов на современных принципах, справедливое распределение и взимание налогов; политическим органам запрещалось вмешиваться в сбор налогов, уничтожалась ангария (повинность выполнения бесплатных общественных работ), провозглашалась свобода вероисповедания, представителям немусульманского населения предоставлялось право исполнять административные функции в государстве, христианское население до 20 и старше 60 лет освобождалось от денежного откупа от военной службы, сельские кметы получали право выкупать землю у государства и частных лиц.

В Боснии и Герцеговине фирман был опубликован 10 (22) января 1876 г. в газете «Босна» (см.: *Ekmecic M.* Ustanak u Bosni 1875–1878. Sarajevo, 1960. S. 173–174).

[2] Газета «Босна». См. прим. 1 к док. 51.

66

Письмо Н. П. Игнатьева А. С. Ионину о реакции на ноту Д. Андраши населения Константинополя

7 (19) февраля 1876 г. Пера

Не зная, успею ли написать вам, любезнейший Александр Семенович, я поручил кн. Церетелеву предупредить вас, что Холмс здесь рассказывает, что восстанием руководите вы лично, а Родич вам содействует и т. п. Мне пришлось с ним схватиться из-за вас, но он неисправим, как истый англичанин.

Турок заставили мы принять пресловутые реформы. Васса-эфенди — албанец, католик, человек умный, просвещенный, терпимый и бывший гарибальдиец — назначен председателем комиссии, которая будет вводить реформы в Герцеговине. Он скоро отправляется на место.

Вы, конечно, заметите, что все эти реформы входили в кадр фирмана декабрьского[1], что значительно облегчило принятие султаном советов европейского вмешательства. Лучше было несравненно, как я настаивал в сентябре, вместо программы реформ произвести давление на Порту для соглашения с Черногориею округлением ее земель. Теперь перейти на эту систему трудно, ибо с одного вола двух шкур не дерут, и притом все кабинеты трудились над убеждением турок, что все стихнет разом, как только примут они ноту Андраши[2]. Графу Зичи поручено уже сговориться с Портою касательно подробности возвращения немедленного (!!) семейств из Далмации. Тогда насядут на Черногорию, чтобы принудить последовать примеру.

Здесь нота Андраши произвела неблагоприятное впечатление, мусульмане раздражены изложением, но смеются над заключением и «ребячливым» предложением.

Греки, болгары, армяне негодуют, что речь идет лишь о восставших, и толкуют, что значит «от дипломатии ожидать нечего, она нас предупреждает, что всем нам следует взяться за оружие и заботиться о себе». Сербы и черногорцы крайне недовольны. Одним словом, поняли христиане лишь то из ноты венской, где излагается положение Турции в настоящее время, негодуя на ничтожность и несоответственность заключения. Вообще же действие на умы не умиротворяющее и не то, о котором мечтали кабинеты.

Наша роль тут незавидная, хотя, как я и предсказывал, мне же пришлось «каштаны вытаскивать из огня» и более всех других заставлять султана и министров принять это ничтожество. Стоила эта неблагодарная работа много усилий, ибо Порта хотела отвергнуть всякое поползновение на вмешательство официальное, допуская ежедневно мое личное.

Каково приходится кн. Николаю! Не лучше было бы предоставить христиан одних разделываться с турками, без комиссий и проектов, не мешая им сговариваться между собою и не принимая на себя тяжести ответственности?

Жму вашу руку. Будьте здоровы.

Искренне преданный Н. Игнатьев

ГА РФ. Ф. 939. Д. 89. Л. 90–91 об. Автограф.

[1] О фирмане султана от 12 декабря 1875 г. см. прим. 1 к док. 65.

[2] Нота (или депеша) Д. Андраши была направлена 18 (30) декабря 1875 г. представителям Австро-Венгрии в Париже, Лондоне и Риме. Инициатива Андраши была поддержана Францией, Англией и Италией. Послы 3-х союзных дворов — Ф. Зичи, К. Вертер и Н. П. Игнатьев — сообщили Рашид-паше устно проект Андраши. Предложенные им реформы, скорее — меры для умиротворения восставших Боснии и Герцеговины, содержали 5 пунктов: 1. полная свобода религии, 2. отмена системы аренды откупов, 3. улучшение аграрной системы для крестьян-земледельцев, 4. создание комиссии от немусульман и мусульман на паритетных началах, чтобы следить за проведением реформ, 5. часть средств от налогов оставлять для нужд провинции. На основе ноты Андраши султан издал ираде от 11 февраля 1876 г., в котором провозглашались: свобода вероисповедания, ликвидация откупов, выкуп части государственных земель бедными крестьянами на льготных условиях, равенство христиан и мусульман в правах на собственность, создание особой комиссии для надзора за проведением реформ. Султан не принял пункт ноты о том, чтобы часть средств, полученных от сбора налогов, использовалась на нужды восставших провинций, основываясь на том, что это «не согласуется с общей административной и финансовой системой Порты». Так объяснял позицию султана Рашид-паша в своем циркуляре представителям Порты при европейских дворах 13 февраля 1876 г. Далее он выражал волю султана: «Султан рассмотрит предложения советов снизу. Эта сумма составит дополнительную долю к выделенной сумме для Боснии и Герцеговины на общие нужды. Употребление фондов будет контролироваться советами, которые будут созданы по фирману от 12 декабря 1875 г.» (см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 123. Л. 3–5; Д. 27. Л. 254–255. См. также док. 56, 59).

67

Письмо Й. Поповича-Липоваца И. С. Аксакову с просьбой прислать деньги для закупки ружей

Не ранее 12 февраля 1876 г.[1*]

Иван Сергеич!

Вот препровожу босниских вождей писмо, которые просят 2 000 руб. Я пишу на колену и прошу вас прислат г-ну Хациристичу на 500 ружей. Если не верите, пишите комитету в Аграм, комитету в Костайницу, банкиру в Вене Хациристичу, которого вы можете просит правда-неправда. Если пришлете, пришлете на Хациристича за ружё, которого он пришлет на комитет.

Живи, славянский комитет, живе, Рус!

Йован Попович-Липовац[1]

ГА РФ. Ф. 1750. Д. 77. Л. 136. Автограф.

[1*] *Датируется по упоминанию письма боснийских вождей от 12 февраля 1876 г. в Московский славянский комитет* (см.: Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 183).

[1] Автор письма был связан с Московским славянским комитетом и И. С. Аксаковым лично и ранее. 11 января 1876 г. он отправился в Боснию в качестве корреспондента газеты «Голос». Об этом И. С. Аксаков писал А. С. Ионину 15 февраля того же года: «В последнее время уехали от нас драться два черногорца — Попович “Иван Юрьевич”, студент медицины в Московском университете, и Николич, студент духовной академии... Попович, хоть и враль, но поэт и малый приличный (он теперь в Костайнице в отряде)» (ГА РФ. Ф. 939. Д. 58). Еще 15 января 1876 г. Попович обращался с письмом к И. С. Аксакову, прося 1 000 рублей на покупку оружия (см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 173).

68

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о нежелании боснийских эмигрантов возвращаться на родину и о подготовке перехода повстанческих отрядов с территории Австро-Венгрии в Боснию

№ 58 20 февраля 1876 г. Сараево

Секретно

Милостивый государь Николай Павлович!

Полученная сегодня почта принесла мне два письма с северных границ Боснии, содержание коих настолько важно, что я спешу повергнуть оное на высокое внимание вашего превосходительства. В одном из писем заключаются следующие сведения:

«На первом пароходе, открывшем навигацию по реке Саве, шедшем из Землина в Сиссек и миновавшем Брод 17-го текущего, находилось 60 человек инсургентов. Повсюду по берегам Савы делаются приготовления для вторжения в Боснию. Между инсургентами в Новой Градишке находятся два магометанина, принявшие христианство. Одному дано имя Андрея, другому — имя Марки. Оба уже два раза переходили в Боснию и храбро дрались против бывших своих единоверцев».

«15-го текущего бежало из Посавины 17 человек христиан. Если бы на Саве были лодки и другие перевозочные средства, едва ли и сотая часть христиан осталась бы в Боснии. Турки продолжают бесчинствовать, говоря, что сербская голова не стоит больше пяти пар и что все они будут порублены.

Беги и аги перевезли из своих сел в города принадлежащие им склады кукурузы, не оставив ничего своим кметам.

Вчера Бродский комитет восстания получил тысячу штук скорострелок с патронами».

Другое письмо говорит, что босняки-эмигранты не хотят голых обещаний и потому не возвратятся в Боснию. Порта обещает кормить их, но они уверены, что она этого не исполнит, потому что она не кормила своих солдат, которые обращались к грабежу, чтобы не умереть с голоду.

«По их мнению, нота графа Андраши была сделана для спасения Турции и гибели славян. Славяне, впрочем, нисколько тому не удивились, ибо от венгерца не ожидали других действий.

Сербия должна вскоре объявить войну[1]. Все готовится к борьбе с полумесяцем, и воодушевление громадно. В конце марта месяца сараевская крепость передаст сербскому главнокомандующему ключи свои, и в городе будут целую неделю звонить колокола».

Из этих сообщений ясно, что до сих пор ни фирман султана, ни принятие Портою предложений союзных держав не произвели успокоительного действия; да и едва ли обстановка, окружающая переселенцев, понудит их возвратиться на родину. Австрийские славяне и сербы, среди которых они находятся, объясняют им необходимость сопротивления, указывая на то, что Европа в дипломатическом акте как бы оправдала восстание, рисуя безвыходное положение христианского населения Боснии и Герцеговины.

Задача умиротворения, таким образом, еще не разрешена, а потому нельзя не удивляться султанскому правительству в Боснии, печатно объявляющему почти всякую неделю, что «благодаря мудрым мерам и храбрости войск» огонь восстания окончательно потушен.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиятский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 43–44. Автограф.

[1] Высказанное в документе мнение, по-видимому, опирается на то, что в феврале 1876 г. между Сербией и Черногорией возобновились переговоры о совместном выступлении против Турции. С предложением заключить договор о военном союзе и военной конвенции в Цетинье 12 февраля прибыл генерал Р. Алимпич. Его миссия успеха не имела, поскольку князь Николай в то время еще пытался мирным путем добиться от Турции удовлетворения своих требований и отклонил предложение Сербии. Пришедшее к власти 24 апреля (6 мая) новое правительство Ст. Михайловича — Й. Ристича (так называемое второе «министерство действия»), завершая последние приготовления к войне, еще несколько раз предлагало черногорскому князю заключить оборонительный и наступательный союз. После провала переговоров с турками Николай согласился подписать договор с Сербией. Договор и военная конвенция были заключены в начале июня 1876 г. (см. док. 107). По условиям договора княжества сохраняли свою политическую власть. Военное сотрудничество сводилось к одновременному выступлению. Обе армии должны были действовать самостоятельно (см.: *Чубриловић В.* Босански устанак 1875–1878. Београд, 1930. С. 198–204).

69

Статистические таблицы со сведениями о количестве боснийских и герцеговинских беженцев в Далмации и Хорватии[1]

20–28 февраля 1876 г.

Tableau statistique des réfugiés bosniaques et herzégoviniens, accueillis et entretenus aux frais du. gouvernement en Dalmatie[1*]

District	Nombre
Raguse	18 343
Cattaro	6 486
Makarska	1 242
Imotski	63
Ginj	15
Knin	1 166
Cursola	37
Total	27 352
Zara	

Tableau statistique desrefugiés bosniaques accueillis et entretenus aux frais du gouvernement en Croatie (confins militaires)[2*]

District	Nombre
Lika-Otoca	1 451
Ogulin-Huin	385
Banat	19 954
Gradišca	12 280
Broad	35
Total	34 105
	Zagrabié

Tableau statistique des réfugiés bosniaques accueillis et entretenus aux frais du gouvernement en Croatie[3*]

District	Nombre
Caristadt	58
Gisck	681
Kric	1 986
Pozega	787
Yakrac	1 631
Total	5 143

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 27. Л. 451–452. Копия.

[1*] Статистическая таблица боснийских и герцеговинских беженцев, принятых и содержащихся на средства правительства в Далмации *(франц.)*.

[2*] Статистическая таблица боснийских беженцев, принятых и содержащихся на средства правительства в Хорватии (Военная граница) *(франц.)*.

[3*] Статистическая таблица боснийских беженцев, принятых и содержащихся на средства правительства в Хорватии *(франц.)*.

[1] Данный документ в качестве приложения к донесению Н. П. Игнатьева от 4 (16) марта 1876 г., № 89, был направлен А. М. Горчакову. Игнатьев сообщал, что эти статистические таблицы Ф. Зичи направил Порте в ответ на заявление Сервер-паши о малом числе беженцев в Далмации (см.: Русија и босанско-херцеговачки устанак (1875–1878). Титоград, 1986. Т. II. С. 154–156, а также прим, на С. 844).

70

Телеграмма Е. П. Новикова в МИД России о безуспешных переговорах генерал-губернатора Далмации Г. Родича с депутатами повстанцев Герцеговины

23 февраля 1876 г. Вена

Secret

Lundi. lonine télégraphie d'hier[1*] Переговоры Родича более чем с тридцатью депутатами восставших, ни к чему не привели[1].

В главных чертах они если и соглашаются возвратиться, то с условиями: вывода турецких войск, сохранения оружия и заблаговременного, на деле доказанного и при участии европейских агентов распределяемого материального обеспечения. Трудность задачи Родича увеличена еще и тем, что турки, со своей стороны, кроме прокламаций, прибитых к стенам Рагузы, решительно ничего не делают, напротив, семейства католиков, до сих пор остававшиеся в Попове поле и около Наренты, бегут в Австрию; никаких признаков деятельности в смысле реформ в округах, доселе мирных. Число восставших и ожесточение по границам Австрии увеличивается, все восставшие объявили Родичу, что возвратятся, только если австрийские войска войдут[2].

Помета о получении: Le 23 février.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 105. Л. 43–43 об. Дешифрант.

[1*] Понедельник. Ионин телеграфировал вчера *(франц.)*.

[1] С первых шагов урегулирования конфликта восставшей провинции с Портой возникла проблема беженцев. Суть ее состояла в определении условий и гарантий возвращения их в родные места. Решение этой проблемы являлось одним из условий, которые Андраши поставил Порте. Султан согласился на него и отдал распоряжение принять меры. О них Н. П. Игнатьев сообщал А. М. Горчакову 23 февраля (6 марта) 1876 г. в донесении № 75, следующее: Махмуд-паша отдал приказ Мухтар-паше принять все необходимые меры для возвращения в Герцеговину семей беженцев, а также следить за тем, чтобы местная полиция оправдала надежды Европы и показала себя на высоте задачи. Главнокомандующий телеграфировал, что помощь христианского населения кажется ему необходимой, чтобы привести дело к хорошему концу. Он считает необходимым выбрать несколько заптие среди христианского населения. Махмуд-паша приказал вали предоставить христианскому населению право выбирать полицию, введя туда представителей из беженцев (см.: Русија и босанско-херцеговачки устанак... Т. II. С. 131). В свою очередь Рашид-паша сооб-

щал Н. П. Игнатьеву 29 февраля 1876 г.: «Порта решила послать функционеров для контроля и арбитра в деле возвращения беженцев из Боснии и Герцеговины на австрийской территории в Сербию и Черногорию. Местным властям даны указания субсидировать их, выдать необходимые средства для восстановления церквей, домов и т. д., предоставить орудия труда, отменить налоги с текущего года с дыма, другие снять на 2 следующих года. Я попросил австро-венгерское правительство довести это до сведения беженцев в Австро-Венгрии» (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 27. Л. 348–349). Австро-Венгрия от имени императора и Д. Андраши послала наместника Далмации барона Г. Родича для переговоров по этому вопросу с повстанцами. Первый этап переговоров был неудачен.

Герцеговинские воеводы собрались в начале февраля в Суторине. 14 (28) февраля из Цетинье прибыл Родич. Состоялось несколько совещаний герцеговинских воевод и их встреч с Родичем. Повстанцы выдвинули свои требования (6 пунктов), на основании которых они соглашались пойти на замирение с Портой. Новосадская «Застава» детально освещала эти встречи и публиковала документы (см.: «Застава» о Босни и Херцеговини... Кн. IV. Сараево, 1956. С. 27–31, 33–34, 40–41 и др.). О ходе переговоров см. также док. 74, 75, 77, 78.

[2] Об этом условии повстанцев Е. П. Новиков писал А. М. Горчакову 1 (13) марта 1876 г.: «Повстанцы объявили Родичу, что вернутся домой лишь при условии австрийского протектората... Из Загреба идет национальная пропаганда в пользу аннексии» (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 128. Л. 68–73 а). Сам же Новиков по поводу последней фразы телеграммы А. С. Ионина запросил его 24 февраля (8 марта): «Если так, то князю Николаю тем необходимее в собственных интересах действовать всеми силами в пользу умиротворения, дабы предотвратить всякий повод к исполнению проекта восставших и тем подкрепить умиротворяющее действие венского кабинета» (Там же. Л. 408). Россия настаивала на миротворческой миссии Черногории, требуя от князя даже отложить переговоры с Сербией (см.: Там же. Д. 105. Л. 49–50).

71

Письмо Й. Билбии члену Петербургского славянского комитета В. С. Ионину о тяжелом положении православного населения Боснии и с просьбой содействовать получению помощи из России

11 марта 1876 г. Вена

Ваша два телеграфа есам примио. Видим у последнем да више не можете чекати на нас, драги Владимире, и то си много учинио да толико одаш за нас трошиш своје новце, то је рједко наћи особито сада кад нас је свак оставио и нико не мисли за овај наш тужни народ, не само да су нас оставили вего шта више не дају нам никуда ићи пр[о]сити нити плакати, нити какве помоћи тражити, вего нас прогоне. А же одузимају оружие што су нам браћа дала, едном рјећи, оће да овај наш живећи у Турској православии народ сасвијем униште и да га збришу са лица земље, тако су на наш тужни народ устали горе до Турака. Али не чудим се другоме ником вего Руси, да баш она сада у одсудном часу нас као наигоре душмане напусти да пропаднемо, у коју смо се увијек уздали и за њу смо живили и много пута сбог незина имена и гинули. Сада пак видимо да смо се љуто преварили и да смо од Русије издати. Али нека знаш да е и Русија на Истоку све Славене изгубила, а то ћете скоро по целоме свјету чути и видити, и ја вам пријатељски кажем да е Русија много изгубила шта нас је тако дала на милост и не[1*] милост душманима предала, то јест, ако још нас остави за пришло врјеме па радије у очајању на жалост у деветнаестом вјеку, да је баш сада православии наш босански народ вјеру превернути и у католички земан прећи што није урадио за 500 година, то данас мора, јер више под турски мач неће да се врћа. А то је католицизму добро дошло, већ одавно можеш видити нашие удовице и дјевојака да се по Славонији удају за католике, и мало ће се по мало утаманити наш православии елеменат. Али драги брате то вама није ми од јасне називати само што вам већу тугу задајем вашем поштеном срцу.

Ево шта се са мном догоди, те оста и не би ми могуће тамо доћи. Народ дади е ми пуномоћие, којег вам ево у целости преписана вама шалем да идем у Русији тражити помоћи, дојдем овде те потражем од руског посланика г. Новикова, да ми дади е пасош, пођем су ми долагали да е тешко проћи у Русију без руског пасоша, исти г. Новиков не даде ми код себе аудиенцију за три дана. Кад ме примио одвраћа ме да тамо не идем и да тамо нећу никакве помоћи добити. На моју молбу ја не одступим, вего еднако молим и захтевам пасош. Он ми најпосле рече, да ће влади писати; пак кад од владе добије, да ће нам дата еднако иђесмо молећи и писмом тражећи одговор едва данас доби[х] оваки одговор, врло љуто, да ми морамо вратити се натраг, да ми у Русију не можемо, ма ни на кој начин ићи и из његовије рјећи увидили смо да би нас баш он са границе вратио, зато брате ето види узрока, зашто нијесмо могли доћи. Сутра док од истога добијмо налог да се одма вратимо кући на ће да у Русију ићи не можемо, а да ће се он зато постарати, како ћемо ми помоћ добити. Али ја знам, да е то све неистинито и да се управ влада о томе не заузима ербо е рада да овај народ пропане. Сада брате све расуди и види. Али

опет важем, да ми као људи, кој осјећамо за тај бједни народ не смиемо ову најсвету ствар напистити, вего е морамо до последнег часа неуморно обдержавати и радити на корист ове сиротини и ослобођења народа у Боснии и Ерцеговини. Зато брате ево вам шаљемо нашего народа позив, и к томе достављамо њему и изказ те нек се штампа у све руске новине, те не би ли се комитета обратили и нама по коју суму новаца слати и зато брате не пожали труда ту нам помоћ учинити. Ако свевишњи Бог даде те ми дођемо до своје слободе или ма какве боље цјели вама ћемо ми тај ваш велики труд признати и временем ваше ћемо име споменути и нашијем потомцима, за сваког родољубивог до нас пријатеље препоручити. Сада пак вас молим, да ово све дате што прие штампати и у прилике по ђе којему Русу кој осјећа за симпатије овог народа, а и цјелога славенства, да кажете да то није добро за сваку будућност од Русите чинити и на овај тужни народ заборовити и допустити да се утамони. Кад примите ово писмо молим вас да ми одговорите у Нову Градишку, очекујући ваш братски одговор.

ГА РФ. Ф. 1750. Д. 56. Л. 23–24 об. Копия.

[1*] *В тексте ошибочно:* на.

72

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о приезде в Сараево комиссара Порты и принимаемых им мерах по умиротворению края

№ 81 17 марта 1876 г. Сараево

Секретно

Милостивый государь Николай Павлович!

Почти три недели прошло, как специальный комиссар Порты Хайдар-ефенди прибыл в Сараево[1], но до сих пор ему не пришлось еще издать прокламации ни о реформах, которые ему поручено привести в исполнение совместно с генерал-губернатором и администрацией Боснии, ни об амнистии и льготах, предоставленных султаном беглецам и мятежникам.

Причины такой медлительности должны заключаться, с одной стороны, в том обстоятельстве, что власти не озаботились подготовкою почвы для выполнения миссии этого сановника, а с другой, что разлитие рек Савы, Уны и притоков этих вод сделали затруднительным сообщения одного берега с другим.

Хайдар-ефенди оказывает мне особое внимание. Так, не дожидаясь моего визита, он посетил меня третьего дни и пробыл более двух часов. Он сообщил мне, что прокламации отпечатаны на сербском и турецком языках, что у него все готово, но что, зная порядки и традиции турецкой администрации, он не может приступить к деятельному выполнению возложенного на него поручения, не осведомившись предварительно лично на местах, что все его распоряжения в точности исполнены. Он предложил генерал-губернатору собрать громадные запасы зернового хлеба на 65 т[ыс.] человек для раздачи оного в течение 1½ года и сложить оный в магазинах и особо построенных складах. Затем он приглашает бегов и аг построить на казенный материал и счет дома и усадьбы своим кметам и их семьям, бежавшим в Австрию. Он испрашивает, кроме того, присылки 50 т[ыс.] лир — на первоначальные расходы по устройству хозяйства беглецов, предполагая за деньги, ежедневно им выдаваемые, пригласить их на работы дорог и сооружения мостов и зданий. Он телеграфировал великому визирю, что желает прежде издания прокламации лично осмотреть хлебные магазины и склады, чтобы не быть застигнутым врасплох небрежностью и лживыми донесениями каймакамов и других чиновников, и между прочим спросил, не лучше ли отложить издание прокламаций до падения вод и улучшения пограничных путевых сообщений?

До сих пор еще он не получил ответа из Константинополя.

Хайдар-ефенди не мог еще приступить к сформированию контрольной комиссии, коей он назначен председателем и которой поручается наблюдать за правильными действиями новой административной системы, потому что до сих пор еще не окончены выборы членов в эту комиссию.

Вообще я считаю долгом своим сказать вашему превосходительству, что боснийский генерал-губернатор и вся администрация бездействуют, предполагая, что европейские кабинеты приняли на себя обязанность умиротворения Боснии и Герцеговины и что только тогда, может быть, администрация решится приступить к выполнению чего-нибудь из громадного числа обнародованных реформ. Пока же она ограничивается обращениями: «Вот инсургенты положат оружие! Вот беглецы возвратятся! Вот вы увидите, как все будет хорошо, как вы не заметите разницы ни в правах, ни в правосудии между магометанами и христианами! Теперь же не для кого вводить реформы, — все вразброд!». Так говорил мне на днях председатель уголовного суда; так говорит, вероятно, вали Ибрагим-паша, все чиновники и магометане.

Иначе и нельзя истолковывать настойчивость администрации продолжать нарушать распоряжения правительства. Позволю себе указать на весьма важное обстоятельство подобного рода.

Султанский комиссар Сервер-паша в 5 § своего талимата (инструкции)[2] заявил, что отныне овцы, козы и другие животные будут поголовно пересчитываемы перед отправлением стад на пастбища для уплаты налога «агнама». Время выгонки стад бывает обыкновенно в последних числах апреля. Администрация же распорядилась перечислением животных с 1 марта, т. е. за два месяца вперед, когда отсутствие корма и холодная сырая погода уничтожает значительное количество коз и овец. Таким образом, народ должен теперь, как и прежде, уплачивать за все количество голов, существующих и погибших, внесенных в списки, которые делаются несвоевременно и не согласно с заявлениями правительства.

Точно то же с прошлогоднею десятиною. Сулатанским ираде уничтожен был добавочный сбор в 2½%[3]. Конечно, эта мера облегчения не могла иметь обратно действующего характера, и потому в истекшем году народ обязан был подчиниться 12½ десятинному сбору. Но откупщики — единственно из спекуляционных расчетов — не приступили до последнего времени к сбору десятины и лишь теперь начинают ее производить, т. е. когда народ едва мог прокормиться зимою и когда у него положительно ничего нет. Строгая справедливость требует, чтобы правительство понесло потерю, ибо оно своим бездействием потакало губительной эксплуатации. Отменяя 2½% сбор, оно должно было распорядиться, чтобы откупщики неотложно взыскали с народа купленную ими десятину, но никак не откладывали сие взыскание до будущего года, ибо в укоренившемся сем обычае заключался главный источник злоупотреблений откупной системы. Как ни желательно, чтобы откупщикам был дан урок, но виновнее их само правительство, допустившее продление злоупотреблений. Что же касается до народа, то он имеет полное право не доверять обещаниям разных льгот и обещаний, ибо в вышеприведенных двух фактах затрагиваются главные экономические его интересы, он не усматривает никакого облегчения, а, напротив, увеличение гнета и зла.

До меня также дошел слух, что помещики отказываются бесплатно выдавать своим кметам семена зерновых хлебов, что ими делалось в течение нескольких

столетий, и что комиссар Порты Хайдар-ефенди выдал уже несколько тысяч пиастров крестьянам-фермерам на покупку семян. Если на такой поступок решатся помещики всей Боснии, то правительство должно будет принять на себя громадные расходы, а, сколько известно, оно располагает самыми ничтожными денежными средствами.

В настоящие минуты для спасения Боснии от окончательного разорения надобно денег, денег и еще денег. Возвратившийся из Константинополя английский товарищ мой г-н Гомс[1*], приехавший в Сараево на несколько дней для свидания со своим семейством и снова возвращающийся в Мостар, сделал расчет, что для спасения от крушения Боснии и Герцеговины необходимо два миллиона турецких лир. Он телеграфировал своему послу г-ну Элиоту и доносил почтою, что ввиду истощения государственной кассы следовало бы покуситься предложить султану пожертвовать эту сумму из принадлежащего его величеству собственного капитала, приблизительно определяемого в 50 миллионов.

Местные кассы пусты. Говорят, что Васо-ефенди должен был найти, по словам великого визиря, в Мостаре 12 тысяч лир. Он не нашел того числа даже в парах. Хайдар-ефенди получил всего одну тысячу ливров.

С какой стороны не посмотришь, глазам представляются неисчислимые преграды, коими турецкое правительство обставило себя для выхода из того гибельного лабиринта, в который оно вовлекло себя и управляемые им страны. Как умиротворит оно Боснию и Герцеговину, как возвратит сожженные дома и несуществующие усадьбы 150 т[ыс.] армии беглецов, как прокормит их в течение 14 месяцев, как введет начала равенства, правосудия, улучшит администрацию — вот жгучие вопросы, на которые, по большей части, являются неудовлетворительные ответы. Будущее недалеко, чтобы подтвердить это правдивое сомнение.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиятский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 58–61. Автограф.

[1*] Холмс.

[1] Для проведения обещанных султаном специальных реформ в Боснии и Герцеговине Порта предполагала создание особых комиссий, во главе которых поставила своих комиссаров. В Герцеговину был направлен Васа-эфенди, албанец по происхождению, поэт, участник гарибальдийского движения, в Боснию, в угоду мусульманским фанатикам, Хайдар-эфенди, мусульманин, бывший посол в Вене. Комиссары должны были сформировать комиссии из влиятельных людей выборным путем. Оба комиссара отправлялись из Константинополя в феврале 1876 г. Н. П. Игнатьев

писал по этому поводу А. М. Горчакову 9 (21) февраля в донесении № 56: «Они пришли ко мне с просьбой дать им рекомендательные письма для наших консулов в Мостаре и Сараево. Я сделал все возможное, чтобы убедить их в необходимости достичь взаимного согласия с желаниями кабинетов в том, что касается предмета их деятельности» (Русија и босанско-херцеговачки устанак... Т. II. С. 96).

[2] 25 сентября 1875 г. Сервер-паша опубликовал на сербском и турецком языках Таламат (Напутак). Он содержал инструкции для всех гражданских чиновников Боснийского вилайета, определявшие порядок сбора налогов с зерна и скота, а также распоряжение по учреждению особого комитета для наблюдения за проведением реформ (см.: *Кондратьева В. Н.* Указ. соч. С. 152–153).

[3] Ираде от 11 февраля. См. док. 66 и прим. 2 к нему.

73

Донесение Е. П. Новикова А. М. Горчакову об опасениях австро-венгерского правительства в связи с возможным вторжением в Боснию сербских войск и о намерении В. Пелагича и попа Карана прибыть в боснийские земли

№ 67 27 марта (8 апреля) 1876 г. Вена

Mon prince!

Les nouvelles de Belgrad continuent à être peu rassurantes. Le ministre des affaires étrangères d'Autriche m'a dit avoir lieu de craindre que le gouvernement serbe ne déverse en Bosnie, à titre de volontaires, ses troupes et ses officiers.

En effet le consul général de Turquie à Semlin vient de télégraphier que l'exarchimandrite Pelagich et le chef d'insurgés Karan se prépareraient à passer la Drina pour entrer en Bosnie à la tête d'une bande de 500 hommes[1]. Cet agent étant réputé pour changer les couleurs, ses nouvelles mériteraient confirmation si elles n'étaient reproduites par des sources diverses et même avec des détails aggravants.

L'agent de Serbie lui-même est venu récemment me dire qu'il n'avait vu jusqu'ici, dans les préparatifs de guerre de son gouvernement, qu'un simulacre destiné à relever la popularité des ministres serbes auprès des chrétiens de la Bosnie et de l'Herzégovine, mais qu'aujourd'hui il croyait devoir dégager sa parole et ne répondait plus de rien[2].

M. Zukitch m'a également narré la déconfiture de Ms. Iwanovitch et Dragasche- vitch, deux agents secrets que le cabinet de Belgrad avait envoyés à Bucarest pour y faire de la propagande parmi les Bulgares. Ils s'étaient adressés d'abord au parti des «vieux» en s'étayant, dans leurs incitations belliqueuses, du nom de la Russie; mais lorsque, d'ordre du cabinet impérial, M. Zinoview les eut catégoriquement désavoués, ils se transportèrent dans le camps des «jeunes» et intriguèrent avec tant d'audace que le gouvernement roumain se serait vu obligé de les expulser de son territoire[3].

Votre altesse voudra bien relever de tous ces détails combien le cabinet Kaléwitch a démérité de la confiance de l'Europe et de la nôtre en particulier.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect mon prince, de votre altesse le très humble et obéissant serviteur

Novikow

Помета о получении: Le 1 avril 1876.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 126. Л. 259–260. Подлинник.

Перевод

Князь!

Новости из Белграда по-прежнему неутешительны. Министр иностранных дел Австрии сказал мне, что существуют опасения, что сербское правительство высадит в Боснии под видом волонтеров свои войска и своих офицеров.

Действительно, генеральный консул Турции в Землине только что телеграфировал, что бывший архимандрит Пелагич и предводитель инсургентов Каран готовятся перейти Дрину, чтобы вступить в Боснию во главе отряда в 500 человек[1]. Поскольку этот агент имеет репутацию перебежчика от одной стороны к другой, его сведения требовали бы подтверждения, если бы они не воспроизводились различными источниками и даже с отягчающими подробностями.

Агент Сербии сам недавно пришел сказать мне, что до сих пор он видел в приготовлениях своего правительства к войне лишь видимость, призванную поднять популярность сербских министров среди христиан Боснии и Герцеговины, но сегодня он считает, что должен пересмотреть сказанное и больше ни за что не отвечает[2].

Г-н Цукич также поведал мне о провале гг. Ивановича и Драгашевича — двух тайных агентов, посланных белградским кабинетом в Бухарест для пропаганды среди болгар. Они обратились сначала к партии «старых», козыряя именем России в своем воинственном подстрекательстве; но, когда, по распоряжению императорского кабинета, их категорически дезавуировал г. Зиновьев, они переместились в лагерь «молодых» и стали интриговать с такой дерзостью, что румынское правительство оказалось вынуждено выдворить их со своей территории[3].

Ваша светлость изволит заметить из всех этих подробностей, до какой степени кабинет Кальевича утратил доверие Европы и наше в частности.

Имею честь быть с глубоким почтением, мой князь, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугою

Новиков

[1] В. Пелагич являлся доверенным лицом Костайницкого комитета повстанцев в Добрлине. По решению Ямницкой скупщины он готовил поход повстанцев из Ямницы на Турецкую Костайницу. Ему была поручена организация переправы 400 человек через р. Уну. В последних числах марта 1876 г. Пелагич ездил за оружием в Белград. Вторая поездка туда же в начале апреля была удачной: в лагерь при Ризоваче он вернулся с партией ружей белградского производства. Ими было вооружено 2 200 боснийских повстанцев, которые должны были участвовать в походе на Сараево (см.: *Поплыко Д. Ф.* Васо Пелагич... С. 128–129).

[2] См. док. 68 и прим, к нему.

[3] В связи с подготовкой Сербии к войне были предприняты попытки восстановить связи, установленные с соседними балканскими народами в период создания Балканского союза в целях совместного выступления против Порты. Одним из главных объектов Сербии была болгарская эмиграция в Румынии. С лета 1875 г. предпринимались неоднократные попытки договориться с консервативными кругами болгарской эмиграции («старыми») и с революционным комитетом в Бухаресте («молодыми»).

Вначале переговоры не дали результатов. Но в связи с планами начать войну весной 1876 г. сербскому военному министру Т. Николичу удалось заключить соглашение с представителем Гюргевского революционного комитета Г. Живковым. Румынское правительство, объявившее о своем нейтралитете по отношению к освободительному движению славян, под давлением Порты вынуждено было принять меры против деятельности сербских эмиссаров (см.: *Шарова Кр.* Априлското въстание и борбата за освобождение на другите южнославянски народи // Априлското въстание. 1876–1966. София, 1966. С. 142–145; *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория в войне с Турцией... С. 54–55).

74

Телеграмма Е. П. Новикова А. М. Горчакову об условиях прекращения восстания, переданных депутатами герцеговинских повстанцев Г. Родичу

29 марта 1876 г. Вена

Secret

lonine télégraphie, en date de samedi[1*]:

«Свидание Родича с вождями инсургентов кончилось тем, что они подали ему условия, на коих они могут прекратить борьбу. Вывод войск, исключая крепостей, раздел земель между мусульманами и христианами, заготовка запасов на месте для продовольствия на год, и непосредственное наблюдение русских и австрийских комиссаров над исполнением реформ[1]. Такие же условия переданы Веселицкому с полномочием ходатайствовать в Европе[2].

О продолжении перемирия и о дальнейшем ходе дела не было сказано ни слова. По-видимому, Родич считает требования христиан умеренными. Ввиду действительного положения дел снабжение Никшича провиантом встречает огромные препятствия еще в австрийских владениях, в Боке Катарской и Рагузском округе, никто ни за какие деньги не дает лошадей для перевозки, а перемирие кончается через четыре дня[3]. Могут выйти компликации[2*]. Инсургенты жалуются, что турки, пользуясь перемирием и возможностью не заботиться о Никшиче на некоторое время, перевели войска к Требинье, вероятно, с целью атаковать Зубцы и Суторину».

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 105. Л. 62–63. Дешифрант.

[1*] Ионин телеграфирует в субботу *(франц.)*.

[2*] Осложнения *(франц.)*.

[1] См. док. 70 и прим, к нему.

[2] Г. Веселитский-Божидарович, герцеговинец по происхождению, начал свою деятельность по оказанию помощи повстанцам и их семьям с августа 1875 г. с основания в Париже Международного комитета помощи семействам и раненым Герцеговины и Боснии (см. док. 41).

[3] Н. П. Игнатьев сообщал А. М. Горчакову 8 (20) марта 1876 г. в донесении № 44, о том, что генерал Родич обратился за помощью к князю Николаю об устройстве встречи с руководителями восстания и что последние, боясь потерять свое выгодное положение, попросили о перемирии на 10 дней и добились 12 дней. Одновременно князь Черногории предложил обеспечить продовольствием Никшич. Порта была весьма озабочена этим демаршем. Центральное правительство предоставило разрешение этого вопроса генералу Родичу и Мухтар-паше (см.: Русија и босанско-херцеговачкц устанак... Т. 2. С. 163–164; подробнее о ходе переговоров см. там же, С. 168–169, 170–173, 185–201, а также док. 76–78).

75

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву об экономической разрухе в Боснии, продолжающейся эмиграции христиан и о столкновениях повстанцев с турецкими войсками в Бихачском санджаке

№ 98 31 марта 1876 г. Сараево

Секретно

Милостивый государь Николай Павлович!

Имею честь всепочтительнейше донести вашему превосходительству, что положение дел в Боснии продолжает быть запутанным, тяжелым, безвыходным.

Страна стремится к совершенному разорению, и не видно нигде того луча надежды, который мог бы остановить ее скорое падение. Торговля пала; купечество обанкротилось; лавки запираются, покупщиков нет. За исключением Сараевского санджака и некоторых частей Травникского и Зворникского поля не засевались, и стране угрожает голод. С другой стороны, провинциальные кассы пусты и чиновничеству, я слышу, отказано в уплате жалованья, случай, встречающийся еще в первый раз в Боснии.

Между тем надежда на возвращение беглецов из Австро-Венгрии не исполнилась, и ожидаемое умиротворение далеко от минуты своего осуществления. Напротив, толпы новых беглецов, преследуемые регулярными и иррегулярными войсками, спешат спасаться на соседнюю территорию, где, впрочем, их останавливают и на границах коей погибает немало людей. Те же, которые высылаются из Кроации и Славонии, прямо идут в горы, подымают поселян и борются с войсками и магометанским населением.

Невозможность умиротворения при таких условиях очевидна. С одной стороны, если бы все беглецы возвратились разом, правительство, положительно не имея средств ни водворить их на прежних местах, ни прокормить, предало бы их неизбежно голодной смерти. С другой, ни одна из реформ не осуществлена. Магометане не хотят их; христиане же не могут удовлетвориться голыми обещаниями. Следовательно, если положение и политика Европы требует скорейшего потушения пожара, который с каждым днем может только принимать обширнейшие размеры, необходимо неотложно принять радикальные меры к его прекращению.

В настоящий скорбный час только одна мера возможна; это — посылка двадцатитысячного корпуса иностранных войск. За этими войсками может воспоследовать возвращение беглецов, которые под их защитою будут водворены султанскими властями на своих землях. Будут ли исполнены реформы, заявленные в последних манифестах, или нет, это дело не будет касаться иностранной армии; ее задача — возвратить 150 тысяч людей Боснии и Герцеговине, водворить их и настоять только, чтобы они не умерли с голода.

При возвращении беглецов восстание временно прекратится; будет более долгий или короткий перерыв возбужденных, наэлектризованных страстей, и христианская Европа в состоянии будет порадоваться, что отдалила на некоторое время

разрыв той батареи, которая рано или поздно воспроизведет самим Провидением указываемый переворот.

Если же эта мера не будет принята, то православный народ в Боснии и Герцеговине и на всем Востоке может подумать, что католические державы Европы из неприязни к православию допускают продление избиений, разорений и опустошений. Им памятны события в Сирии. Французские войска немедленно заняли Бейрут и его окружья и охранили своим присутствием католическую церковь и ее паству[1]. В Герцеговине же и Боснии большая часть православных храмов разрушены, сожжены и ограблены, и много православного народа погибло и погибает не столько от вооруженного восстания, сколько от мести и фанатизма магометанского населения и глубочайшей язвы — башибузуков. Неужели православные Боснии и Герцеговины должны платить своею верою и жизнью также и за то, что смежные с их отчизною княжества Сербия и Черногория, оба исповедывают православие, оба, составляя две плотины, из коих во всякое время может быть спущена вода, которая настолько сильна, чтобы затопить турецкие корабли.

Так или иначе, но на христианской Европе лежит обязанность спасти от крушения многочисленный народ, принадлежащий к одной из ветвей христова дерева.

В Бихачском санджаке кровь продолжает литься. На прошлой неделе 1 500 башибузуков были разбиты повстанцами около села Лазицы в Майданском округе, но затем к рассеявшимся иррегулярным войскам пришли на помощь три роты одного из редифских батальонов, которые после трехчасового боя угнали повстанцев в горы. Христиане были вооружены скорострельными ружьями. Они потеряли около 60 человек.

Миссия комиссара Порты, можно сказать, еще не начиналась. Он сидит в Сараеве, жалуясь на возобновление восстания, и ничего не предпринимает. Даже в постановке колокола в православном храме он отклоняет свое участие, равно как и генерал-губернатор, оба сановника — намекая, что наши единоверцы совершили un vrai coup d'Etat[1*]. Впрочем, влияние Хайдар-ефенди отозвалось — я, может быть, однако, ошибочно так думаю — на редакции местной газеты. Доселе этот ничтожный правительственный орган не допускал себя до печатания следующего рода воззрений: «Даже варвары и дикие народы стали разуметь пользу цивилизации. Для нас же это слово и вещь давным-давно известные и даже весьма старые, ибо цивилизация вступила в нашу турецкую среду ровно 1 293 года тому назад. Шериат есть фундамент цивилизации. История прошлого показывает, что это так».

А между тем эта цивилизация не мешает распространять слухи о новом готовящемся избиении христиан, туземцев и европейцев, по случаю звона православного колокола и получения тревожных известий из Бихачского санджака. Некоторые из моих сотоварищей докладывали о сих слухах генерал-губернатору и комиссару Порты. Усиленные патрули полицейских днем и ночью ходят по всем направлениям города.

Осмеливаюсь сказать вашему превосходительству, что сколь хладнокровно не относишься к вопросу о жизни или смерти, но, по правде сказать, не совсем

удобно себя чувствуешь при угрозах вооруженных и многочисленных магометан, в особенности когда видишь, что местное правительство располагает ничтожными средствами для защиты тех, кто в ней может иметь нужду.

Я думаю, впрочем, что магометане не допустят самих себя теперь до подобного изуверства, но за будущее едва ли можно поручиться, ибо целые семьи их остались без отцов, сыновей и братьев, погибших на войне или находящихся еще в герцеговинских ущельях и долинах Боснии. На все эти многочисленные семьи обрушились нищета и голод. «Виною этого, — говорят они теперь, — христиане. Христиане живут у нас, в Сараеве, спокойно, богато, а мы умираем с голоду. Возьмем силою; у нас оружие, грабежом мы спасем себя от лютой смерти». Это голос многих лиц, наблюдающих за происходящим в городе.

Копия с сего донесения будет отправлена в Азиятский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 67–69 об. Автограф.

[1*] Подлинный государственный переворот *(франц.)*.

[1] См. прим. 2 к док. 18.

76

Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову об отношении Порты и Австро-Венгрии к требованиям герцеговинских повстанцев

№ 129 1 (13) апреля 1876 г. Пера

Confidentielle

Monsieur le chancelier!

Mon exapédition de lundi dernier était déjà terminée lorsque j'eus l'honneur de recevoir la lettre de votre altesse du 21 mars et le dossier qui l'accompagnait. J'y ai trouvé dans la lettre de M. Wessélitsky les demandes des insurgés prévues par cet agent officieux et ai pu constater avec satisfaction qu'elles étaient plus anodines que celles transmises par la télégraphie privée. Le point le plus scabreux de la version de M. Ionine — le partage des terres — y manquait également.

Les contre propositions des chefs insurgés me parurent donc, dans cette forme mitigée, bien plus discutables, et je suis heureux d'avoir pressenti sous ce rapport l'impression de votre altesse, qui m'a été transmise subséquemment par son télégramme du 29 mars.

Les communications antérieures du cabinet impérial me faisaient en effet entrevoir la disposition de compléter pratiquement le vague énoncé de principes, contenu dans la note du comte Andrassy, et d'en faire découler dans l'exécution la plus grande dose de bien-être pour nos coreligionnaires. Fort de cette pensée qui s'était nettement révélée dans les lettres de votre altesse, j'aurais même pu entamer des négociations avec les ministres turcs sur quelques points plus exactement indiqués; mais j'avais constaté simultanément que le gouvernement austro-hongrois accentuait à l'égard de la Porte son attitude plus rigoureuse envers les insurgés, et me suis cru dès lors obligé d'attendre qu'un accord se fût établi entre les cabinets de St. Pétersbourg et de Vienne et que je fusse muni d'ordres précis à ce sujet.

Cependant, ayant en vue l'armistice qui touchait à son terme, et la manière plus acceptable pour les Turcs, dont les exigences des insurgés étaient formulées dans la lettre de M. Wessélitsky, j'ai jugé opportun d'en entretenir sans retard académiquement le ministre des affaires étrangères. Rachid pacha m'en fournit lui-même l'occasion, en me disant que la Porte avait été scandalisée des contre-propositions herzégoviniennes; elle espérait que les Puissances ne voudraient plus lui poser de nouvelles exigences, ni discuter ce sujet entr'elles, et, qu'après avoir vu accepter toutes leurs conditions elles éviteraient au gouvernement du sultan l'humiliation de passer par les fourches Caudines[1] de ses sujets rebelles. Le comte Andrassy avait d'ailleurs, au dire du ministre, pris l'engagement formel d'user de rigueur à l'égard des insurgés et de faire accepter par eux les concessions contenues dans sa note.

Cette dernière assurance ne coïncidait pas avec le jugement porté sommairement par le ministre austro-hongrois sur les quatre points de la lettre de M. Wessélitsky, et consigné dans la dépêche sub N 63 de notre ambassadeur à Vienne. Elle était également en contradiction tant avec les informations reçues sur la manière de voir du comte Andrassy par quelques uns de mes collègues, qu'avec les impressions personnelles de M. Novicow.

J'ai donc examiné une à une avec Rachid pacha toutes les demandes des insurgés, et ai pu constater aussitôt que les appréciations à priori contenues dans mon rapport du 29 mars (10 avril), sub N 124, étaient parfaitement justifiées.

Rachid pacha commença par écarter comme entièrement inadmissible la question du partage des terres. Ni lui, ni aucun des ministres n'oserait proposer au conseil, et encore moins demander au sultan, de dépouiller arbitrairement ses sujets musulmans qui lui sont restés fidèles, pour dédommager les chrétiens révoltés contre son autorité. La surveillance de l'exécution des réformes par des étrangers présenterait aussi de grandes difficultés. Pour ce qui est du retrait des troupes régulières, la Porte ne pourrait plus garantir la sécurité des familles réfugiées qui rentreraient en Herzégovine, ni contre les musulmans ni contre leurs propres coreligionnaires, si une force armée bien disciplinée ne se trouvait sous la main des autorités. On comprendrait plutôt, m'a dit ce ministre que les émigrés demandassent à être accompagnés, en rentrant dans leurs foyers, par des troupes étrangères, mais non à se voir livres à la merci des bachi-bouzouks indigènes et de la population musulmane qui peut avoir des comptes à régler avec ses concitoyens chrétiens.

Je répliquai à Rachid pacha que s'il y avait dans les voeux formulés par les insurgés quelques demandes qui lui paraissaient inacceptables, ce n'était pas une raison pour les repousser toutes et rompre ainsi brusquement le fil des négociations en détruisant du même coup tout espoir d'entente.

Les contre propositions des Herzégoviniens, quelles qu'elles soient, constituaient, à mon avis, une base acquise et un progrès notable. Au lieu de l'indépendance complète qu'ils réclamaient naguère, ils n'exigeaient même plus aujourd'hui une autonomie, mais rien que quelques garanties d'existence de plus. En les étudiant plus soigneusement, peut-être, y trouverait-on matière à accommodement. Ainsi «le partage des terres» pouvait paraître inadmissible sous cette forme vague et quelque peu rude. Mais n'y aurait-il pas moyen de promettre aux chrétiens qu'on leur faciliterait l'acquisition légale des propriétés territoriales, de façon à en faire passer progressivement une partie notable entre leurs mains.

J'abordai ensuite les quatre points du programme de Wessélitsky.

1) Ainsi que je l'avais exposé dans mon rapport susmentionné sub N 124, l'éloignement des troupes pour la durée du rapatriement ne devait point présenter de difficulté pratique, vu que leur dislocation actuelle les réunissait déjà presqu'exclusivement dans les villes fortifiées et fortins de la contrée insurgée. Mais pour garantir la sécurité des familles qui rentreraient on pourrait ordonner l'organisation simultanée d'un corps spécial de zaptiés, qui prendrait progressivement la place des troupes régulières, et où l'élément chrétien serait représenté de façon à inspirer de la confiance aux réfugiés. Ce résultat pourrait être atteint par des dispositions prises sur les lieux, sans exiger de nouvel engagement de la part de la Porte.

2) Les matériaux pour la reconstruction des maisons et des églises, et les provisions pour la nourriture des habitants, étaient déjà accordés en principe. Les insurgés pourraient recevoir sur ce point une entière satisfaction, si la Porte faisait exécuter sévèrement les ordres qu'elle a donnés.

3) La surveillance à exercer par les consuls et commissaires étrangers touchait le plus à l'amour-propre et au point d'honneur de la Porte. Dimanche dernier encore au conseil des ministres le grand vézir s'est vu obligé d'apostropher vivement ses collègues dont quelques uns, qui avaient apposé leurs signatures au bas des réformes, auraient cherché à les décrier au palais, et à le représenter lui-même comme un traître qui aurait vendu l'Herzégovine en admettant une ingérence étrangère. Mahmoud pacha releva fièrement cette accusation en menaçant de «traîner» chez le sultan celui qui oserait la réitérer. Qu'on vienne discuter ouvertement en sa présence les mesures qu'il a cru devoir prendre — il saurait les défendre devant sa majesté, mais il ne permettrait pas qu'on le mît en suspicion après avoir participé à l'oeuvre de salut qu'il a entreprise.

Il était naturel que les ministres turcs trouvassent impossible après cela de consentir à une nouvelle constatation officielle de l'ingérence des agents étrangers. Mais ne pourrait-on pas laisser les consuls l'exercer de fait à l'avantage de tout le monde? La Porte l'avait admise, d'ailleurs, en communiquant officiellement aux Puissances les réformes. Nous n'avions qu'à user maintenant d'un droit acquis. Rachid pacha adhéra entièrement à cette manière de voir. Il exprima seulement l'avis que c'était à nous à informer les insurgés de la surveillance que nous exercions en leur faveur. Nous ne pouvons rien accorder, me dit-il, mais vos agents sont sur les lieux; qu'ils fassent leur devoir et tiennent au courant de la situation leurs ambassades, nous ne saurions les en empêcher, et sommes parfaitement habitués aux représentations que celles ci ne cessent de nous faire sur nos affaires intérieures.

4) La question du désarmement était déjà résolue, ainsi que je l'ai consigné dans la dépêche précitée. Il sera enjoint aux commissaires de ne point priver les insurgés de leurs armes mais de les engager «à les suspendre dans leurs maisons, si c'est possible et à ne point les porter pour en user contre l'autorité ou contre leurs concitoyens».

Ignorant ainsi le texte exact des contre-propositions, je me suis borné à habituer Rachid pacha à la nécessité de ne pas les repousser en principe, tout en le familiarisant avec la version anticipée qu'en donne M. Wessélitsky.

Mais une demi-heure après moi est arrivé le comte Zichy. Il était porteur d'un télégramme du comte Andrassy, qui agit dans un sens contraire sur l'esprit du ministre des affaires étrangères et surtout du grand vézir, et m'obligea à mon tour de me renfermer dans une plus grande réserve. Je dois dire à la justification de mon collègue qu'il avait essayé à deux reprises de me voir, mais que ne m'ayant pas trouvé et ne jugeant pas possible de retarder sa communication, il s'était vu forcé de la faire avant de m'avoir rencontré.

La dépêche qui en formait l'objet et dont j'ai rendu compte par mes télégrammes du 29 et du 30 mars, portait en substance ce qui suit:

Les insurgés ont formulé dans une pétition à l'empereur François Joseph des conditions de pacification inattendues pour le cabinet de Vienne et que le comte Andrassy ne pouvait approuver. Afin de prévenir les craintes de la Porte le comte Zichy reçoit l'ordre de déclarer à Rachid pacha que le cabinet de Vienne «n'a pas l'intention de dépasser de l'épaisseur d'un cheveu les concessions déjà faites par la Porte à la demande des cabinets». Les insurgés seront invités en conséquence à s'adresser désormais directement aux

autorités ottomanes. «Puisque nous savons qu'ils ont demandé conseil au prince Nicolas, nous ne manquerons pas d'inviter son altesse à agir sur les insurgés dans le même sens». La dépêche dit en finissant, que le comte Andrassy n'exprime que l'opinion du cabinet de Vienne, car on n'a pas encore pu obtenir de réponse de St. Pétersbourg. «J'espère toutefois, ajoute le ministre, que les vues des deux cabinets seront identiques et que la Russie joindra son action à la nôtre».

En donnant spontanément et prématurément cette preuve exagérée de bon vouloir aux Turcs, le cabinet de Vienne recueille tout seul les avantages de cette démarche, en nous plaçant dans l'obligation ou de suivre servilement son exemple, ou de nous montrer moins bien disposés à l'égard de la Porte.

Cette situation s'accentua dès que je fus entré chez le grand vézir une heure plus tard, après avoir fait une tournée de visites à Stamboul. Mahmoud pacha débuta en m'exprimant l'espoir que je lui apportais d'aussi bonnes nouvelles que le comte Zichy et il me fit part de la communication qu'il venait de recevoir et dont il avait été prévenu par Aarify pacha. Il était enchanté, me dit-il, du revirement qui s'était produit dans l'attitude du cabinet de Vienne. Les insurgés seraient renvoyés aux autorités ottomanes. La Porte était invitée à agir avec vigueur. Avec de semblables données l'insurrection pourrait être promptement maîtrisée, car il ne s'agissait plus que de quelques troupes de plus à faire marcher contre elle. Le grand vézir ne doutait pas de l'adhésion de votre altesse à la manière de voir du comte Andrassy, et me priait seulement de lui obtenir au plus vite une déclaration analogue.

Ne connaissant ni la teneur exacte de la communication austro-hongroise, ni le texte des demandes herzégoviniennes je dus me retrancher derrière mon ignorance et promettre de ne pas retarder la transmission à la Porte des nouvelles qui me parviendraient.

Le soir même je vis le comte Zichy et lui fis sentir amicalement la situation étrange dans laquelle nous étions continuellement placés par les communications directes et inattendues que le cabinet de Vienne faisait sans nous prévenir.

Ayant été mis aussitôt entièrement au courant de la démarche austro-hongroise, je fis observer à mon collègue, en présence du baron de Werther, que ce qui m'inquiétait dans cette déclaration c'est qu'elle semblait diamétralement contraire au but de pacification que s'étaient posé les trois Puissances, ainsi qu'au succès du plan formulé par le comte Andrassy lui-même. Le seul moyen de rétablir l'accord entre les Turcs et leurs sujets révoltés était de dire *aux deux parties* qu'elles étaient dans leur tort et rapprocher peu à peu par des concessions réciproques, les points de vue opposés auxquels elles s'étaient placées. Mais lorsque d'un côté le général Roditch accueille avec bienveillance les chefs insurgés, les engage à formuler leurs voeux qu'il trouve modérés, et les laisse partir satisfaits de l'entrevue, et que, de l'autre, le comte Andrassy désapprouve hautement toute extension des concessions déjà accordées théorétiquement, en décalrant qu'il ne les dépassera pas de l'épaisseur d'un cheveu, une entente est rendue impossible, la lutte devient inévitable entre des adversaires, dont chacun se croit en droit de compter sur le bon vouloir du cabinet de Vienne. Nos efforts d'apaisement de six mois devenaient stériles, notre médiation même était condamnée, du moment où l'on en venait à renvoyer simplement les chefs insurgés à la Porte. Il ne restait alors, à mon avis, en vue de l'expiration très prochaine

de l'armistice, que de recommander vivement au gouvernement ottoman de s'entendre directement avec les chefs herzégoviniens, et si cette tentative d'accommodement immédiat échouait il y avait au bout le renouvellement de la lutte.

Il est naturel, M. le chacelier, que la déclaration austro-hongroise ait transporté de joie les Turcs, tout en les rendant plus raides à l'égard des insurgés. Je constate toutefois que le langage que j'avais tenu antérieurement à Rachid pacha n'est pas resté sans effet. Sans s'engager sur le fond des demandes herzégoviennes, le ministre me pria d'assurer votre altesse qu'il ne se refuserait pas de traiter avec les chefs insurgés et ferait son possible pour satisfaire celles de leurs demandes qui seraient jugées admissibles. Mais il faudrait pour cela qu'ils s'adressassent à la Porte. «Or personne ne s'adresse à nous», ajouta-t-il avec un triste sourire!

Rachid pacha appréhende surtout que les Puissances ne fassent des demandes des chefs un sujet de négociations entre elles. A ce point de vue il préférerait s'en saisir immédiatement lui-même. Il me revient en effet qu'il est déjà entré dans ce but en rapport avec les commissaires.

Ce qui est digne de remarque c'est la contradiction qui s'est manifestée en dernier lieu entre les démarches des différents organes du gouvernement austro-hongrois. Ainsi, au moment où le comte Zichy faisait sa déclaration à Rachid pacha, le consul général d'Autriche à Sarajevo communiquait officiellement à Haidar effendi un texte des demandes des chefs réunis à Suttorina, qui présentait quelques nuances nouvelles. Les insurges poseraient nommément comme 4ème condition, au lieu de celle des matériaux de reconstruction et des dépôts d'approvisionnement, que «rien ne soit négligé pour la sécurité des familles rentrantes et de leur approvisionnement».

La Porte a été frappée de cette ingérence directe et isolée de l'agent austro- hongrois, et s'est empressée d'en demander des explications.

Il est difficile, M. le chancelier, de se reconnaître dans ce dédale d'informations divergentes et d'y asseoir une action régulière. Je me borne donc, avant d'être mis en possession de notions plus exactes, à conseiller à la Porte de ne point rompre le fil des négociations, de considérer les demandes des insurgés comme un élément de discussion et d'en saisir l'occasion, pour prolonger aussi longtemps que possible l'armistice de fait, afin de prévenir une reprise d'hostilités auxquelles les chefs insurgés, poussés au désespoir par un brusque refus de leurs demandes, se verraient inévitablement contraints de recourir.

Ce qui est fâcheux, c'est que le projet de ravitailler Nikchitch par le Monténégro ayant complètement échoué, Moukhtar pacha se verra obligé d'y envoyer un convoi de vivres et devra rompre ainsi la suspension d'armes, car les insurgés ne voudront probablement pas le laisser passer par le défilé de Douga. Une reprise des hostilités mettrait inévitablement fin aux bonnes dispositions que je viens de constater chez les ministres turcs.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect, Monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et obéissant serviteur

N. Ignatiew

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 28. Л. 103–112 об. Подлинник.

Перевод

Конфиденциально

Господин канцлер!

Моя экспедиция в прошлый понедельник была уже закончена, когда я имел честь получить письмо вашей светлости от 21 марта и приложенное к нему досье. Я нашел там в письме г-на Веселитского требования инсургентов, которые предвидел этот официальный агент, и смог с удовлетворением констатировать, что они были более безобидными, чем те, что были переданы частным телеграфом. Самый сомнительный пункт в изложении г-на Ионина — раздел земель — там также отсутствовал.

Тем самым встречные предложения руководителей восставших показались мне в этой смягченной форме намного более пригодными к обсуждению, и я рад тому, что предвосхитил в этом отношении впечатление вашей светлости, позднее переданное мне в вашей телеграмме от 29 марта.

В предыдущих посланиях императорского кабинета, как мне показалось, видна действительная склонность подкрепить практическими делами туманную декларацию принципов, содержащуюся в ноте графа Андраши, и обеспечить при ее исполнении максимум благ для наших единоверцев. Укрепившись в этой мысли, которая была ясно выражена в письмах вашей светлости, я смог даже начать переговоры с турецкими министрами по нескольким более точно намеченным положениям; но одновременно я еще раньше констатировал, что австро-венгерское правительство подчеркивает перед Портой свое более строгое отношение к повстанцам, и поэтому я с тех пор счел нужным подождать, пока не будет достигнута договоренность между кабинетами Санкт-Петербурга и Вены и я смогу получить точные инструкции по этому вопросу.

Однако имея в виду, что срок перемирия подходит к концу, и то, что в письме г-на Веселитского требования восставших были изложены в более приемлемой для турок форме, я счел целесообразным срочно связаться по этому поводу с министром иностранных дел на неофициальном уровне. Рашид-паша сам представил мне к этому случай, сказав, что Порта была возмущена герцеговинскими контрпредложениями; она надеялась, что державы не будут ставить ей новых требований и обсуждать этот вопрос между собою и что после того, как все их условия были приняты, они избавят правительство султана от унижения проходить под кавдинским ярмом своих восставших подданных[1]. Впрочем, граф Андраши, по словам министра, принял на себя официальное обязательство проявить строгость в отношении повстанцев и заставить их признать уступки, содержащиеся в его ноте.

Это последнее уверение не совпадало с общей позицией, занятой австровенгерским министром по четырем пунктам письма г-на Веселитского и содержащейся в депеше под № 63 нашего посла в Вене. Оно также находилось в противоречии как со сведениями некоторых моих коллег относительно точки зрения графа Андраши, так и с личными впечатлениями г-на Новикова. Поэтому я рассмотрел

один на один с Рашид-пашой все требования инсургентов и смог сразу же прийти к заключению, что априорные оценки, содержащиеся в моем донесении от 29 марта (10 апреля) под № 124, были совершенно оправданны.

Рашид-паша начал с того, что отверг как полностью неприемлемый вопрос о разделе земель. Ни он, ни какой-либо другой из министров не посмел бы предложить Совету, не говоря уж о том, чтобы попросить султана, по произволу ограбить своих подданных-мусульман, оставшихся ему верными, чтобы вознаградить христиан, восставших против его власти. Наблюдение иностранцев за проведением реформ также вызвало бы большие трудности. Что же касается вывода регулярных войск, то Порта не могла бы более гарантировать безопасность семей беженцев, которые вернулись бы в Герцеговину, ни от мусульман, ни от своих же единоверцев, если у властей не будет под рукой дисциплинированных воинских частей. Скорее было бы понятно, сказал мне этот министр, если бы эмигранты потребовали, чтобы при возвращении к своим очагам их сопровождали иностранные войска, чем если бы они были отданы на милость местных башибузуков и мусульманского населения, которое может иметь свои счеты к своим христианским соплеменникам.

Я возразил Рашид-паше, что, если в требованиях, сформулированных повстанцами, имеется ряд положений, которые ему кажутся неприемлемыми, это не причина для того, чтобы отвергать их все и столь грубо прерывать нить переговоров, разрушая одним махом всякую надежду на соглашение.

Встречные предложения герцеговинцев, каковы бы они ни были, составляют, по моему мнению, достигнутую базу и являются значительным прогрессом. Вместо полной независимости, которой они ранее добивались, они сегодня даже не требуют автономии — ничего, кроме некоторых гарантий дальнейшего существования. Если изучить их более тщательно, может быть, можно найти в них основу для компромисса. Так, «раздел земель» может показаться недопустимым в этой неопределенной и несколько грубоватой форме. Но нет ли возможности пообещать христианам, что им будет облегчено законное приобретение территориальной собственности с тем, чтобы постепенно к ним в руки перешла ее значительная часть.

Затем я затронул четыре пункта программы Веселитского.

1) Как я указывал в своем вышеозначенном донесении под № 124, вывод войск на срок возвращения беженцев на родину не представил бы никакой практической сложности, учитывая тот факт, что, согласно своей нынешней дислокации, они уже сосредоточены почти исключительно в укрепленных городах и малых крепостях восставшего края. Но для того, чтобы гарантировать безопасность семей, возвращающихся на родину, можно было бы дать распоряжение об одновременной организации особого корпуса заптий, который постепенно занял бы место регулярных войск и где христианский элемент был бы представлен таким образом, чтобы внушить доверие беженцам. Этот результат мог бы быть достигнут принятием распоряжений на местах, не требуя новых обязательств со стороны Порты.

2) Материалы для восстановления домов и церквей и продукты питания для жителей уже были предоставлены в принципе. Инсургенты могли бы получить на сей счет полное удовлетворение, если бы Порта неукоснительно выполнила данные ею распоряжения.

3) Наблюдение, которое будут осуществлять иностранные консулы и комиссары, больше затрагивает самолюбие и честь Порты. Еще в прошлое воскресенье на Совете министров великий визирь был вынужден сделать резкое замечание своим коллегам, из коих некоторые, поставив свои подписи под реформами, пытались хулить их во дворце, представляя его самого как изменника, который продал Герцеговину, допустив иностранное вмешательство. Махмуд-паша гордо напомнил об этом обвинении, угрожая «притащить» к султану того, кто осмелится его повторить. Пусть открыто обсуждают в его присутствии меры, которые он счел нужным принять, — он сможет защитить их перед его величеством, но он не позволит, чтобы его кто-то ставил под подозрение после того, как сам принял участие в предпринятом им деле спасения.

Естественно, турецкие министры нашли невозможным после этого согласиться на новое официальное заявление о вмешательстве иностранных агентов. Но не могут ли они позволить консулам осуществлять его на деле ко всеобщему благу? К тому же сама Порта его допустила, официально передав дело реформ в руки держав. Нам нужно лишь воспользоваться сейчас приобретенным правом. Рашид-паша полностью согласился с этой точкой зрения. Он только выразил мнение, что это мы должны информировать повстанцев о наблюдении, которое мы проводим ради них. Мы не можем ничего предоставить, сказал он мне, но ваши агенты находятся на местах; пусть они выполняют свой долг и держат в курсе происходящего свои посольства; мы не сможем им в этом помешать и вполне привыкли к представлениям, которые нам беспрерывно делают последние по поводу наших внутренних дел.

4) Вопрос о разоружении уже разрешен, как я указывал в упомянутой депеше. Комиссарам будет предписано не отбирать у восставших оружие, а побуждать их «повесить его в своих домах, если это возможно, и не носить его с собой для использования против властей или против своих сограждан».

Таким образом, не зная точного текста контрпредложений, я ограничился тем, что приучал Рашид-пашу к необходимости не отвергать их в принципе, знакомя его с их ожидаемым вариантом в том виде, который был описан г-ном Веселитским.

Но через полчаса после меня приехал граф Зичи. Он имел при себе телеграмму от графа Андраши, которая подействовала в противоположном направлении на настроения министра иностранных дел и особенно великого везиря, вынудив меня, в свою очередь, снова проявить большую осторожность. Должен сказать в оправдание своего коллеги, что он дважды пытался увидеться со мной, но, не застав меня и не находя возможным задерживать свое послание, он оказался вынужден отправить его, не встретившись со мной.

Содержание депеши, ради которой он хотел со мной повидаться и о которой я извещал в телеграммах от 29 и 30 марта, заключалось в следующем:

В петиции, направленной императору Францу-Иосифу, инсургенты сформулировали условия примирения, неожиданные для венского кабинета, которые граф Андраши не мог одобрить. Для того, чтобы предупредить опасения Порты, граф Зичи получил приказ объявить Рашид-паше, что венский кабинет «не имеет намерения превышать ни на волос уступки, уже сделанные Портой по требованию кабинетов». Посему повстанцев отныне будут призывать обращаться непосредственно к оттоманским властям. «Так как нам известно, что они спрашивали совета у князя Николая, мы не преминем рекомендовать его высочеству воздействовать на повстанцев в том же направлении». В заключение в депеше говорится, что граф Андраши выражает мнение только венского кабинета, т. к. ответ из Санкт-Петербурга получить пока не удалось. «Надеюсь, однако, — добавляет министр, — что взгляды обоих кабинетов будут идентичными и что Россия присоединится к нашим действиям».

Давая внезапно и преждевременно это чрезмерное доказательство благосклонности к туркам, венский кабинет один получает выгоды от этого демарша, вынуждая нас либо раболепно следовать его примеру, либо показывать, что мы не столь благожелательно настроены по отношению к Порте.

Это положение усугубилось, как только я вошел к великому визирю час спустя, нанеся серию визитов в Стамбуле. Вначале Махмуд-паша выразил надежду на то, что я принес ему столь же хорошие новости, как и граф Зичи, и рассказал мне о заявлении, которое он только что получил и о котором он был предупрежден Аарифи-пашой. Он в восторге, сказал он мне, от поворота, происшедшего в позиции венского кабинета. Инсургентов будут направлять к оттоманским властям. Порту призывают действовать энергично. При подобных условиях с восстанием можно будет быстро справиться, т. к. достаточно будет направить против него еще несколько новых частей. Великий визирь не сомневался в согласии вашей светлости с точкой зрения графа Андраши и просил меня только получить от вас аналогичную декларацию.

Не зная ни точного содержания австро-венгерского заявления, ни текста герцеговинских требований, я счел нужным отговориться незнанием и обещал немедленно сообщать Порте те новости, которые станут мне известны.

В тот же вечер я увидел графа Зичи и по-дружески дал ему почувствовать странное положение, в которое нас постоянно ставят прямые и неожиданные демарши, которые предпринимает венский кабинет без согласования с нами.

Будучи тотчас же посвящен в суть австро-венгерского демарша, я в присутствии барона Вертера заметил своему коллеге, что в этой декларации меня беспокоит то, что она кажется диаметрально противоположной цели умиротворения, поставленной тремя державами, равно как и успеху плана, выработанного самим графом Андраши. Единственное средство восстановить согласие между турками и их восставшими подданными — это сказать *обеим сторонам,* что они ошиблись, и мало-помалу приблизить взаимными уступками занятые ими противоположные точки зрения. Но когда, с одной стороны, генерал Родич с благожелательностью принимает вождей восставших, призывает их высказать свои пожелания, которые

он находит умеренными, и отпускает их довольными встречей, а, с другой, граф Андраши в высшей степени неодобрительно относится ко всякому расширению уступок, уже теоретически предоставленных, заявляя, что не намерен превышать их ни на волос, соглашение становится невозможным, борьба между противниками — неизбежной, причем каждый из них считает себя вправе рассчитывать на благожелательность венского кабинета. Наши шестимесячные усилия по примирению становятся бесплодными, самое наше посредничество обречено с того момента, как вождей повстанцев будут просто отсылать к Порте. Тогда, ввиду скорого истечения срока перемирия, по моему мнению, оставалось бы лишь энергично рекомендовать оттоманскому правительству договариваться непосредственно с герцеговинскими предводителями, и, если эта попытка непосредственного сближения не даст результата, борьба возобновится.

Естественно, господин канцлер, что австро-венгерская декларация привела турок в восторг, делая их при этом более неуступчивыми к повстанцам. Я констатирую, однако, что разговор, который я ранее имел с Рашид-пашой, не остался безрезультатным. Не входя в суть герцеговинских требований, министр попросил меня заверить вашу светлость, что он не откажется вести переговоры с руководителями повстанцев и сделает все от него возможное для того, чтобы удовлетворить те из их требований, которые будут сочтены приемлемыми. Но для этого нужно, чтобы они обратились к Порте. «Но никто к нам не обращается!» — добавил он с грустной улыбкой.

Рашид-паша больше всего опасается того, как бы державы не сделали требования руководителей герцеговинцев предметом переговоров между собой. Под этим углом зрения он предпочел бы немедленно взяться за это сам. Я узнал, что он фактически уже вступил с этой целью в сношения с комиссарами.

Стоит отметить противоречие, проявившееся в последнее время между демаршами различных органов австро-венгерского правительства. Так, в тот момент, когда граф Зичи объявлял свою декларацию Рашид-паше, генеральный консул Австрии в Сараеве официально передал Хайдару-эфенди текст требований руководителей восставших, собравшихся в Суторине, в котором появились некоторые новые нюансы. В частности, инсургенты поставили четвертым по порядку условием, вместо условия о материалах для восстановления жилищ и складах продовольствия, следующий пункт: чтобы «ничто не было оставлено без внимания для обеспечения безопасности репатриирующихся семей и их снабжения».

Порта была потрясена этим прямым и самоуправным вмешательством австро-венгерского агента в свои дела и поспешила потребовать на сей счет объяснений.

Нелегко, господин канцлер, ориентироваться в этом лабиринте разноречивых сведений и основываться на них в своих регулярных действиях. Поэтому до получения более точных данных я ограничусь тем, что буду советовать Порте не прерывать нить переговоров, считать требования инсургентов элементом дискуссии и воспользоваться этим случаем для продления фактического перемирия по возможности на более долгий срок с тем, чтобы предотвратить

возобновление военных действий, к которым вожди восставших, доведенные до отчаяния грубым отказом от удовлетворения их требований, неизбежно будут вынуждены прибегнуть.

Огорчительно то, что ввиду того, что проект снабжения Никшича через Черногорию полностью провалился, Мухтар-паша сочтет себя обязанным послать туда обоз с продовольствием и должен будет, таким образом, нарушить прекращение огня, поскольку повстанцы, вероятно, не пожелают пропустить его через Дужское ущелье. Возобновление военных действий неизбежно покончило бы с добрыми намерениями турецких министров, о которых я только что упомянул.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, господин канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугою

Н. Игнатьев

[1] В ущелье Кавдия римляне, потерпев поражение в 321 г. до н. э. от самнитов, были вынуждены пройти под ярмом своих врагов. С тех пор выражение «под кавдинским ярмом» понимается как «принять унизительные условия».

77

Письмо Г. С. Веселитского-Божидаровича А. М. Горчакову о скупщине герцеговинских вождей в Суторине и принятых ими условиях прекращения восстания

8 (20) апреля 1876 г. Вена

Mon prince!

Dans la lettre que j'ai eu l'honneur d'adresser à votre altesse en date du 14 mars dernier, je lui ai présenté une relation de mes efforts d'amener la pacification de l'Herzégovine. J'y exprimais l'espoir de voir les insurgés faire acte de soumission envers les Puissances en acceptant les réformes contenues dans la note du 30 décembre et en ne demandant que leur exécution. C'est à ce sujet qu'ils devaient présenter des voeux formulés en 4 points dont je donnais l'analyse.

Notre ambassadeur à Vienne, à qui je me permettai d'envoyer ma lettre à votre altesse avec prière de la lui faire parvenir après en avoir pris connaissance, ayant fait part de ces 4 points au Ministère des affaire étrangères de l'Autriche-Hongrie, celui-ci les trouva mériter une considération sérieuse et lui exprima ces sympathies pour mon plan d'action.

Les chefs herzégoviniens étaient sur le point d'envoyer une réponse écrite à mes communications, — j'en avais déjà la minute entre les mains et elle contenait précisément les 4.points susmentionnés,— lorsque la conclusion d'une trêve rendit possible leur réunion à la frontière dalmate. Je crus devoir m'y rendre pour recevoir la réponse en personne et pour les affermir dans leurs dispositions conciliatrices.

Une autre entrevue devait avoir lieu en même temps que la mienne, et c'est pour qu'elle put avoir lieu que les hostilités avaient été interrompues. Une entrevue avec un grand dignitaire, chef civil et militaire de toute une province, qui venait entouré de toute l'apparat officiel, seulement pour les voir, ne pouvait manquer d'exciter les attentes des herzégoviniens. Des bruits vagues circulaient parmi eux sur le but et les conséquences probables de sa venue: l'armistice conclu sous ses auspices était, à leurs yeux, la reconnaissance des insurgés comme belligérants et l'aveu par les Turcs de leur propre impuis- sence.

En arrivant à Sutorina je trouvai les esprits très exaltés et la situation sérieusement compromise. Il fallait réagir à l'instant contre ces courants. Le 5 avril je convoquai tous les chefs et je leur tiens à peu près ce langage:

«Vous savez qu'il y a 3 mois, je suis allé en Russie pour y faire connaître la situation de vos familles et y recueillir des fonds nécessaires à leur entretien. C'est pendant ce voyage que j'ai eu l'honneur de voir le prince Gortchakow, dont vous avez tous entendu parler. Son altesse a bien voulu me parler de vous et me dira que les Grandes Puissances, désireuses d'améliorer votre état, se sont accordées pour adopter un plan de réformes et l'ont fait accepter de la Porte. Ces réformes constituent pour vous un grand bienfait, dont vous devez être reconnaissants aux Puissances et que vous auriez bien tort de repousser. Si vous voulez mériter davantage il faut d'abord vous soumettre, ne rien exiger, mais demander avec respect et modération ce qui vous paraît nécessaire pour appliquer ces réformes.

Le chancelier de l'Empire de Russie m'a autorisé à vous répéter ses paroles; et je le fait avec la conviction que vous saurez les comprendre et les apprécier».

Ils m'écoutèrent avec la plus grande attention et se découvriront en signe de respect lorsque j'ai parlé de votre altesse. Le voyévode Sotchitsa, prennant la parole au nom de tous les chefs assemblés, m'exprimia la vive et profonde reconnaissance qu'ils éprouvaient envers «les frères russes» qui secourent leurs familles et envers l'auguste souverain et son grand ministre qui cherchent à améliorer leur sort. Les voyévodes étaient tout désposés à suivre les conseils que je leur avait transmis mais ils ne pouvaient me donner une réponse définitive avant d'avoir entendu ce que le général Roditch allait leur «proposer».

Le lendemain 6 avril, le gouverneur général vient les voir à la tête d'un nombreux état-major et avec une grande solennité. Votre altesse connaît les discours qu'il leur prononça. De bruyants «jivio» l'ont salué lorsqu'il parla de leurs succès, contre les Turcs et de la gloire qu'ils venaient d'acquérir, mais ils n'en furent que plus désappointés quand il conclut qu'il fallait se soumettre et mettre bas les armes.

La lecture qu'il leur fit de ces mêmes proclamations turques dont il avait défendu la publication en Dalmatie, comme étant nuisible à la pacification, et dont nous étions convenus de cacher l'existence aux insurgés, produisit tout l'effet qu'on en devait attendre. Mais l'indignation fut au comble lorsque les herzégoviniens entendirent ou crurent entendre une allusion à la guerre de Crimée. N'ayant pas assisté à l'entrevue, je ne puis ni affirfmer ni nier ces paroles. Il ne me semble pas possible que le baron de Roditch ait pu dire ce qu'on lui a attribué. Le témoignage unanime des chefs me fait penser pourtant qu'il s'est servi d'une figure de rhétorique, propre à faire senter l'inconstance de la fortune, et qui, par la mention du nom de la Russie, blessa l'attachement traditionnel que lui portaient les herzégoviniens. Je suis convaincu qu'il n'y a eu aucune intention malveillante ou hostile dans les paroles du baron de Roditch, mais l'idée de citer cet exemple a été sans doute la plus malheureuse de toute cette mission.

Le 6 au soir, arriva à Sutorina la nouvelle de la concetration des troupes turques à Trébigné et de nouveaux débarquements à Klek, deux faits constituaient une violation flagrante de la trêve telle qu'elle était convenue.

Ce ne furent pas les seules influences sous l'empire desquelles, dans la nuit du 6 au 7, furent concertées et écrites les réponses qu'on devaient remettre le lendemain. Grâce à la proximité de la mer et de la frontière autrichienne une foule d'étrangers, de journalistes surtout, viennent se mêler aux simples et naïfs herzégoviniens et cherchèrent à leur inculquer des idées se rapportant à un tout autre état de choses. Je parviens à écarter plus d'un produit d'une imagination malsaine et le bon sens des herzégoviniens fit justice de bien d'autres, mais il ne me fut pas possible à moi seul de combattre les influences contraires dont je suis loin d'avoir épuisé la liste.

On retrouve la trace de ces tiraillements dans les deux adresses des insurgés. Le préambule de celle qu'ils m'ont remise est tout-à-fait conforme aux assurances qu'ils m'avaient donnés. Il contient l'importante déclaration de la soumission aux décission des Puissances et de l'acceptation des'réformes qu'elles leur ont procurées. Ils s'engagent à cesser les hostilités et à retourner à leur foyer des que cela sera matériellement possible. Ils ne veulent qu'indiquer les moyens d'arriver à celle fin. C'est ici que devaient suivre

les 4 points auxquels ils m'avaient promis de réduire leur prétentions. Ces points se retrouvent en effet dans les 7 points qui contiennent leurs voeux, mais avec des extentions et des additions qui, sans y ajouter beaucoup au fond, présentent l'inconvénient de paraître dépasser le cadre de la note d'Andrassy.

L'adresse à M. de Roditch renferme les 7 points identiques, mais le préambule composé à mon insue omet le principe essentiel de l'acceptation des réformes. Un passage dans la pièce qu'ils m'ont remise permet néanmoins déjuger où se trouve exprimée leur pensée intime. Ils y concluent en me priant d'interpréter leurs sentiments et de défendre leurs intérêts auprès des Grandes Puissances et de la Porte. Verbalement ils m'ont prié en outre d'obtenir pour eux ce qui sera possible s'obligeant à s'en tenir satisfaits.

Voyant les changements qu'ils avaient introduits à ce qui était convenu entre nous, je voulais refuser l'adresse, mais ils m'objectèrent que le baron Roditch l'avait bien accepté et s'était même chargé de la transmettre à son gouvernement. Moi, lié au pays par mon origine, je ne pouvais leur vouloir moins de bien qu'un étranger; ils croyaient d'ailleurs avoir suivi en somme mes conseils et me priaient de les leur continuer.

J'ai cru ne pas avoir le droit de repousser leur confiance et les livrer par là aux influences dont j'ai pu bien mesurer la la puissance et observer la direction. Il ne m'était sans doute pas possible, à moi, qui ne suis ni insurgé, ni sujet ottoman, de les représenter formellement. Mais je reconnaissais comme eux la valeur des liens de sang et, en prennant, pendant 8 mois, soin de leurs familles, j'ai appris à connnaître à fond leur situation et, ainsi dire, a m'identifier avec leur sort. J'étais donc naturellement disposé, autant dans l'intérêt de leur honneur que dans celui de la paix en général, à leur servir d'intermédiaire aussi dévoué que désintéressé.

C'est le lendemain de la dernière entrevue que j'ai expédié un courrier à notre consul général à Raguse avec prière de faire parvenir à votre altesse un résumé télégra- fique de ce qui venait d'avoir lieu.

Après avoir pris toutes les mesures nécessaires à l'assistence des réfugiés pour le temps de mon absence, je me suis rendu à Vienne auprès de notre ambassadeur en Autriche pour faire appel à la bienveillance qu'il m'a toujours témoignée et lui demander l'appui de ses précieux conceils.

Veuillez, mon prince, agréer les hommages de mon plus profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être de votre altesse le très humble et très dévoué serviteur

G. Wesselitsky-Bogidarovitch

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 135. Л. 27–31. Автограф.

Перевод

Князь! В письме, которое я имел честь отправить вашей светлости 14 марта этого года, я представил вам отчет об усилиях, предпринятых мной для умиротворения Герцеговины. В нем я выразил надежду, что восставшие изъявят покорность державам, приняв реформы, содержащиеся в ноте от 30 декабря,

и прося лишь об их осуществлении. Именно по этому вопросу они должны были высказать свои пожелания, сформулированные в 4-х пунктах, которые я проанализировал.

Наш посол в Вене, которому я позволил себе направить мое письмо для вашей светлости с просьбой доставить его вам после того, как он ознакомится с ним, сообщил об этих 4-х пунктах в Министерство иностранных дел Австро-Венгрии; последнее нашло их заслуживающими серьезного рассмотрения и выразило нашему послу свое полное одобрение моему плану действий.

Герцеговинские руководители были готовы направить письменный ответ на мои сообщения — у меня уже был его черновик, и он содержал как раз вышеупомянутые 4 пункта, — когда заключение перемирия сделало возможным их собрание на далматинской границе. Я счел своим долгом поехать туда, чтобы получить ответ лично и укрепить их в примиренческих настроениях.

В то же самое время, что и моя, должна была состояться другая встреча, и именно для того, чтобы она смогла состояться, и были приостановлены военные действия. Встреча с высшим сановником, гражданским и военным правителем всей провинции, который прибыл в окружении всех официальных лиц с единственной целью встретиться с ними, не могла не усилить ожиданий герцеговинцев. Между ними ходили неопределенные слухи о цели и возможных последствиях его приезда: перемирие, заключенное под его покровительством, было в их глазах признанием восставших воюющей стороной и признанием турками их собственной несостоятельности.

Приехав в Суторину, я нашел очень возбужденное настроение и крайне неприятную ситуацию. Нужно было немедленно что-то предпринимать против такого хода дел. 5 апреля я собрал всех руководителей и сказал им приблизительно такую речь:

«Вы знаете, что вот уже 3 месяца, как я уехал в Россию, чтобы дать там знать о положении ваших семей и собрать там средства, необходимые для их содержания. Именно во время этого путешествия я имел честь видеть князя Горчакова, с которым вы хотели говорить. Его светлость разрешил мне рассказать о вас и сказал, что великие державы, желая улучшить ваше положение, согласились принять план реформ и побудить Порту его принять. Эти реформы предоставляют вам большие блага, за что вы должны быть признательны державам, и вы были бы очень неправы, если их отклоните. Если вы хотите заслужить большего, следует сначала быть послушными, ничего не требуя, но прося с уважением и умеренностью то, что вам кажется необходимым для осуществления этих реформ.

Канцлер Российской империи уполномочил меня повторить вам его слова, и я это делаю с уверенностью, что вы их поймете и оцените».

Они выслушали меня с самым большим вниманием и обнажили головы в знак уважения, когда я говорил о вашей светлости. Воевода Сочица, взяв слово от имени всех собравшихся руководителей, выразил мне живую и глубокую признательность, которую они испытывали к «русским братьям», оказывающим помощь их семьям, и к великому государю и его почтенному министру, которые стремятся

улучшить их судьбу. Воеводы были настроены всецело следовать советам, которые я им передал, но они не могли дать мне окончательный ответ до того, как узнают, что им хочет предложить генерал Родич.

На следующий день, 6 апреля, с большой помпой, во главе штаба, прибыл на встречу с ними главный правитель. Ваша светлость уже осведомлена о речи, которую он произнес. Шумным «живио» его приветствовали, когда он говорил об успехах их против турок и о славе, которую они недавно приобрели, но они были тем более разочарованы, когда он закончил свою речь тем, что необходимо покориться и сдать оружие.

Чтение, которое он устроил им, тех самых турецких прокламаций, публикация которых была им самим запрещена в Далмации как наносящих вред умиротворению и существование которых мы условились скрыть от восставших, произвело именно тот эффект, который и следовало ожидать. Но негодование достигло предела, когда герцеговинцы услышали, или им показалось, что они услышали намек на Крымскую войну. Не присутствуя на этой встрече, я не могу ни подтвердить, ни отрицать эти слова. Я не считаю возможным, чтобы барон Родич мог сказать то, что ему приписывают. Единодушное свидетельство руководителей заставляет меня, однако, думать, что он воспользовался риторическим приемом, чтобы дать почувствовать непостоянство судьбы, и что упоминанием имени России оскорбил чувство традиционной привязанности герцеговинцев к ней. Я убежден, что не было никакого недоброжелательного или враждебного намерения в словах барона Родича, но мысль привести этот пример была, без сомнения, самой неудачной во всей этой миссии.

Вечером 6-го в Суторину пришла новость о концентрации турецких войск в Требинье и о новых высадках в Клеке — два факта, свидетельствующих о явном нарушении перемирия в том виде, как оно было установлено.

Это были не единственные события, под влиянием которых в ночь с 6-го на 7-е были согласованы и написаны ответы, которые должны были быть вручены на следующий день. Благодаря близости моря и австрийской границы толпа иностранцев, главным образом журналистов, набросилась на простых и наивных герцеговинцев и старалась внушить им идеи, не соответствующие положению дел. Мне удалось устранить не одно следствие опасных бредней, а здравый смысл герцеговинцев не оставил камня на камне от многих других, но невозможно мне одному бороться с вредоносными влияниями, перечень которых я далеко не исчерпал.

Отголоски этих противоборств видны в двух посланиях восставших. Преамбула того, который они вручили мне, вполне соответствует тем заверениям, которые они мне дали. Оно содержит важное заявление о подчинении решению держав и о принятии реформ, которые державы им обеспечили. Они обязуются прекратить враждебные действия и вернуться к своим очагам, как только это будет физически возможно. Они хотят лишь определить способы достижения этого конца. Именно здесь и должны были следовать 4 пункта, к которым они обещали мне свести свои претензии. Эти пункты действительно имеются в 7 пунктах,

в которых отражены их пожелания, но с расширениями и дополнениями, которые, мало что добавляя по существу, создают затруднения тем, что кажутся выходящими за рамки ноты Андраши.

Послание генералу Родичу содержит 7 идентичных пунктов, но преамбула, составленная без моего ведома, упускает существенный принцип о принятии реформ. Один пассаж в этом послании, которое они мне вручили, позволяет, тем не менее, судить о том, где выражена их заветная мысль. Они завершили его тем, что просили меня передать их чувства и защищать их интересы перед великими державами и Портой. Устно они просили меня, кроме того, добиться для них всего, что будет возможно, обещав удовлетвориться этим.

Видя изменения, которые они внесли в то, что было решено между нами, я хотел отвергнуть послание, но они возразили мне, что барон Родич его хорошо принял и даже взял на себя труд передать его своему правительству. Я, связанный с моей страной происхождением, не мог им желать добра меньше иностранца; они решили, впрочем, последовать в конце концов моим советам и попросили меня давать их и далее.

Я решил, что не имею права отвергать их доверие и этим предоставить их влияниям, силу и направление которых я смог хорошо почувствовать и наблюдать. Мне, не являющемуся ни восставшим, ни оттоманским подданным, без сомнения, было невозможно формально представлять их. Но я признаю, как и они, цену кровных уз, и, в течение 8 месяцев заботясь об их семьях, доподлинно смог узнать их ситуацию и, так сказать, научился сливаться в одно с их судьбой. Таким образом, я был, естественно, настроен служить им посредником как в интересах их чести, так и в интересах мира вообще, не только преданно, но и бескорыстно.

Только на следующий день после последней встречи я отправил курьера к нашему генеральному консулу в Рагузе с просьбой кратко телеграфом уведомить вашу светлость о том, что только что произошло.

После того, как были приняты все необходимые меры по содействию восставшим на время моего отсутствия, я отправился в Вену к нашему послу в Австрии, чтобы воззвать к его благосклонности, которую он всегда оказывал мне, и попросить его о помощи ценными советами.

Примите, князь, уверения в моем самом глубоком почтении, с которым имею честь быть смиреннейшим и покорнейшим слугой Вашей светлости

Г. Веселитский-Божидарович

78

Обращение предводителей боснийских повстанцев к Г. С. Веселитскому-Божидаровичу с изложением условий, гарантирующих проведение предложенных нотой Д. Андраши реформ

Не позднее 8 (20) апреля 1876 г.[1]*

Nous, chefs des insurgés de Bosnie, désirons remercier les Grandes Puissances de nous avoir témoigné un intérêt bienveillant. Nous en voyons la meilleure preuve dans le projet de réformes élaboré par le comte Andrassy, que les Grandes Puissances ont adopté et qu'elles ont fait adopter à la Porte ottomane.

Les voïvodes herzégoviniens nous ont communiqué les paroles que vous leur avez transmises de la part du chancelier de l'empire de Russie, ainsi que celles que le baron Roditch leur a dites au nom du gouvernement autrichien; ces communications se rapportent également à nous et nous en avons pu comprendre la haute importance des réformes qu'on se propose d'introduire. Nous comprenons aussi bien que nos frères de l'Herzégovine, que les susdites réformes se distinguent et doivent se distinguer de toutes les précédentes en ce qu'elles sont dues à l'initiative des Grandes Puissances elles-mêmes, qui seront par conséquent intéressées à leur réalisation et auront le droit de l'exiger de la Porte.

Nous espérons que ces réformes, avec les dévelopements que nous indiquons plus bas, formeront la base de nos droits écrits, et nous garantiront la vie, l'honneur et la propriété mieux que les simples promesses de la Porte; celle-ci ne pourra pas elle-même nous les enlever, sans le consentiment des Puissances qui nous les ont procurées. Ces réformes, si elles sont sincèrement appliquées, donneront à la Bosnie et à la Herzégovine un gouvernement particulier, qui y assurera l'ordre public et le bien-être des habitants et qui empêchera de nouveux troubles à s'y produir.

Comme nos frères de l'Herzégovine, nous éprouvons envers les Grandes Puissances chrétiennes une vive et profonde reconnaissance d'avoir entrepris l'amélioration de notre sort; nous remercions également les illustres hommes d'Etat qui ont si puissamant plaidé notre cause. Nous déclarons vouloir nous soumettre aux résolutions des Grandes Puissances et nous ne désirons que de voir ces réformes se réaliser au plutôt et dans toute leur étendue, c'est-à-dire le point 5 de la note du comte Andrassy inclusivement. Nous en faisons une mention particulière parce que nous croyons qu'il facilitera le passage des terres des spahiyas aux cultivateurs.

Ainsi nous sommes prêts à retourner à nos foyers, mais nous prendrons la liberté de dire que, si dans la note du comte Andrassy nous voyons des principes adoptés maintenant de toutes parts, nous n'y voyons pas indiqués les moyens d'exécution. Dans notre désir d'arriver au plus vite à la fin de notre lutte nous nous permettons de soumettre à l'appréciation bienveillante des Grandes Puissances les conditions d'une pacification sûre et rapide:

1) Que la Porte ottomane retire ses troupes de notre pays et qu'elle n'en conserve qu'au nombre de cinq mille et cela dans les villes seulement ou elle le jugera nécessaire.

2) Que la Porte prépare tous les matériaux et qu'elle fournisse tous les moyens pour la reconstruction des maisons, églises et écoles qui ont été détruites, qu'elle fournisse aussi au peuple les moyens de subsistance jusqu'à ce qu'il puisse vivre du produit de son travail et qu'elle l'exemple pour trois ans impôts établis.

3) Que la disposition de ces matériaux et ressources soit confié à une commission composée suivant le projet du comte Andrassy, instituée par les Grandes Puissances et entièrement indépendante du gouvernement turc.

4) Que les chrétiens aient le droit de porter les armes, ainsi que les musulmans, afin qu'ils puissent se défendre s'ils sont attaqués et afin d'affirmer l'égalité civile qui doit exister entre tous les sujets de l'Empire ottoman.

Monsieur, nous savons que vous appartenez aussi à la race serbe et que vous n'avez jamais cessé de vous intéresser à ses destinés.

Nous connaissons l'initiative que vous avez prise, dès le commencement de la lutte actuelle, des secours à nos familles réfugiées et le zèle que vous avez déployé à les receuilir et à les distribuer.

Nous croyons qu'en agissant ainsi vous avez pu le mieux connaître toutes nos peines et toutes nos souffrances, c'est pourquoi nous faisons appel à votre patriotisme et vous prions de transmettre nos voeux aux cabinets des Grandes Puissances et de défendre auprès d'elles nos intérêts. Sans être lié par la présente, vous pourrez en notre nom exprimer d'autres voeux selon le besoin.

Vous avez donné trop de preuves de votre dévouement à notre cause pour que nous doutions de votre acceptation de ces pleis pouvoirs, qui auront force pendant 3 mois. Nous vous prions d'agréer l'expression de notre plus profond respect.

Chefs des insurgés de Bosnie: Voïvode Goloub Babitch, Pope Iliyà Bilbiya, Pope David Groubor, Hégoumène Cyrille Adgitch, Pope Stevo Popovitch, Despote Despoto- vitch, Pane Nicolitch, Stevan Mikholtchitch, Dimitri Pliakitch, Iliya Chevitch, Pope Jovan Dak, Trivo Amelitza, Trivtzi Boundalo, Pero Jivkovitch, Ostoïa Veinovitch, Pope Djordjo Karan, Marco Djenadia, Milosch Roditch, Mitcha Chourlan, Djourodj Ilitch, Spasoïé Keletchevitch.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 135. Л. 32–34 об. Перевод, современный подлиннику.

Перевод

Мы, руководители восставших в Боснии, хотим поблагодарить великие державы за проявленный к нам благосклонный интерес. Мы видим лучшее тому доказательство в проекте реформ, разработанном графом Андраши, который великие державы приняли и побуждают принять Оттоманскую Порту.

Герцеговинские воеводы сообщили нам слова канцлера Российской империи, которые вы им передали, а также слова, сказанные им бароном Родичем от имени австрийского государства; эти сообщения имеют прямое отношение к нам, и из них мы смогли понять высшую важность введения предлагаемых реформ. Мы понимаем

так же хорошо, как и наши братья в Герцеговине, что вышеупомянутые реформы отличаются и должны отличаться от всех предыдущих, поскольку они обязаны инициативе самих великих держав, которые, следовательно, будут заинтересованы в их осуществлении и будут вправе требовать этого от Порты.

Мы надеемся, что эти реформы с теми дополнениями, о которых мы пишем ниже, создадут базу наших записанных прав и гарантируют нам жизнь, честь и процветание лучше, чем простые обещания Порты; она не сможет по своей воле отобрать их у нас без согласия держав, которые их нам предоставили. Эти реформы, если их честно осуществить, предоставят Боснии и Герцеговине особое управление, которое обеспечит там общественный порядок и благосостояние жителей и воспрепятствует возникновению там новых волнений.

Как и наши братья в Герцеговине, мы испытываем к великим христианским державам живую и глубокую признательность за деятельность по улучшению нашей судьбы; мы также благодарны великим государственным деятелям, которые столь мощно защитили наше дело. Мы заявляем о своем желании подчиниться решениям великих держав и лишь желаем увидеть скорейшее осуществление этих реформ во всем их объеме, что означает и пункт 5 ноты графа Андраши включительно. Об этом мы упоминаем особо, поскольку считаем, что он облегчит переход спахийских земель к земледельцам.

Итак, мы готовы вернуться к нашим очагам, но мы возьмем на себя смелость сказать, что в ноте графа Андраши мы видим принципы, принятые ныне всеми сторонами, но не видим конкретных способов осуществления. Желая как можно скорее достичь окончания нашей борьбы, мы решились представить доброжелательной оценке великих держав условия надежного и быстрого умиротворения:

1. Чтобы Оттоманская Порта отвела свои войска из нашей страны и чтобы она оставила их не более 5 тыс. и только в городах, где она сочтет необходимым.

2. Чтобы Портой были подготовлены материалы и обеспечены все возможности для восстановления домов, церквей и школ, которые были разрушены, чтобы она также снабдила население средствами к существованию до того момента, когда оно сможет жить продуктами своего труда, и чтобы она освободила его на три года от установленных налогов.

3. Чтобы распоряжение этими материалами и ресурсами было доверено комиссии, составленной в соответствии с проектом графа Андраши, назначаемой великими державами и полностью независимой от турецкого правительства.

4. Чтобы христиане имели право носить оружие, как и мусульмане, а также чтобы они могли защищаться в случае нападения на них и чтобы было утверждено гражданское равенство, которое должно существовать между всеми подданными Оттоманской империи.

Господин, мы знаем, что вы тоже принадлежите к сербскому племени и что вы никогда не переставали интересоваться его судьбой.

Мы знаем о проявленной вами с начала нашей нынешней борьбы инициативе о помощи нашим семьям-беженцам, о проявленном вами усердии по ее сбору и распределению.

Мы полагаем, что, действуя так на этом поприще, вы смогли лучше узнать все наши горести и страдания, вот почему мы взываем к вашему патриотизму и просим вас передать наши пожелания кабинетам великих держав и защищать перед ними наши интересы. Не связывая себя этим представлением, вы можете выражать от нашего имени и другие пожелания в соответствии с необходимостью.

Вы представили много доказательств вашей преданности нашему делу, чтобы мы сомневались в том, что вы примете эти полномочия, которые действительны в течение 3-х месяцев.

Мы просим вас принять выражение нашего глубокого уважения.

Руководители восставших Боснии: Воевода Голуб Бабич, Поп Илия Билбия, Поп Давид Грубор, Егумен Кирилл Аджич, Поп Стево Попович, Деспот Деспотович, Пан Николич, Стеван Миколчич, Димитри Плякич, Илия Шевич, Поп Йован Дак, Триво Амелица, Тривци Бундало, Перо Живкович, Остоя Веинович, Поп Джордже Каран, Марко Дьенадья, Милош Родич, Мича Шурлан, Дьюродь Илич, Спасое Келечевич.

[1*] *Датируется по док. 77.*

79

Депеша Д. Андраши австрийскому послу в Петербурге А. Лангенау с изложением требований герцеговинских повстанцев и о невозможности их принятия

8 апреля 1876 г. Вена

J'ai reçu ce matin un télégramme du baron Rodich d'après lequel les insurgés n'accepteraient la suspension d'armes que sous les conditions suivantes.

1) Le tiers au moins des terrains devrait appartenir, en pleine propriété, aux herzégoviniens.

2) Le gouvernement turc n'aurait le droit de tenir garnison qu'à Mostar, Stolatz, Trébinjé, Niksić, Plawta et Foča.

3) Reconstruction des églises et des maisons incendiées; envoi de vivres pour une année, fourniture d'instruments d'agriculture, libération de toute redevance à dater du jour de la rentrée dans les foyers.

4) Les chrétiens ne mettront bas les armes que lorsque les Turcs en auront fait autant et lorsque les enquêtes seront entièrement terminées.

5) Aussitôt que les herzégoviniens seront rentrés dans leur pays, des délégués de leurs communes entreront en pourparlers avec les autorités locales sur la mise en pratique des réformes. L'administration nouvelle, telle qu'elle est comprise dans le projet de reformes du 30 décembre, entrera en vigueur. Ces réformes devront être étendues également aux bosniaques et herzégoviniens qui n'ont pas pris part à l'insurrection.

6) Les sommes destinées par la Porte aux chrétiens en Herzégovine devront être, en ce qui regarde leur emploi, soumises à un contrôle direct d'une commission européenne.

Enfin, l'Autriche-Hongrie ainsi que la Russie nommeront dans chacun des villes de garnison susmentionnées un agent destiné à surveiller l'exacte application des réformes.

Ces conditions sont consignées dans un supplique adressée en double au baron Rodich et à M. Wesselitzky. Les insurgés ont en outre fait part de leurs voeux au prince de Monténégro en le mettant au courant des ouvertures du général Rodich et en sollicitant les conseils du prince.

Les conditions se rattachant aux question agraires portent atteintes à des droits de propriété et sont par conséquent impraticables.

La garantie exigée est également de nature à ne pouvoir en aucun cas être acceptée, sans cette forme, par les Puissances. Le voeu exprimé va au delà de la demande d'être reconnus comme belligérants et ne serait admissible que de la part d'une armée victorieuse. Je ne crois pas que, même en admettant ces trois conditions, nous ayons le moindre espoir d'amener la Porte à y donner son assentiment. Si nous consentions à poursuivre les pourparlers avec les insurgés sur la base de ces conditions, le succès, même dans ce cas, me semblerait impossible.

Je suis convaincu que si l'accord des deux cabinets est complet, les conditions proposées primitivement auraient également acceptées.

Je suis aussi de l'avis, et espère en cela me rencontrer avec l'opinion du gouv[ernemen]t impérial de Russie, qu'il n'y aurait d'autre issue possible que celle indiquée ci-dessus.

Les Puissances devraient maintenir leur point de vue tel qu'il a été formulé jusqu'ici, et décliner catégoriquement toute nouvelle garantie ou toute surveillance autre que celle que vis-à-vis d'Europe ont entrepris d'exercer.

Les insurgés se sont adressés, en son temps, au prince de Monténégro. Le baron Rodich n'a pris l'initiative des pourparlers qu'à la suite des assurances du prince que cette médiation contribuerait à lui faciliter sa position délicate.

En conséquence, je crois que la Russie et l'Autriche-Hongrie devraient faire parvenir simultanément au prince de Monténégro une invitation télégraphique dans le sens ci-dessus.

«Le Prince peut en ce moment tenir sa promesse en donnant aux insurgés le conseil d'accepter résolument les propositions qui leur ont été faites par les cabinets et de s'abandonner entièrement à la protection des Puissances».

Avant d'expédier à Cettinjé une communication dans cet esprit, je voudrais m'assurer au préalable de l'assentiment du prince Gortchakow.

Je prie v[otre] exc[ellence] de vouloir bien me donner, à ce sujets une prompte réponse.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 5. Л. 67–69. Перевод с немецкого яз.

Перевод

Сегодня утром я получил телеграмму от барона Родича, согласно которой инсургенты согласились бы прекратить военные действия только при следующих условиях:

1) По меньшей мере треть территории должна принадлежать герцеговинцам на правах полной собственности.

2) Турецкое правительство имеет право держать гарнизоны только в Мостаре, Столаце, Требинье, Никшиче, Плавте и Фоче.

3) Восстановление сожженных церквей и домов, снабжение продовольствием в течение года, поставка сельскохозяйственных орудий, освобождение беженцев от всяких недоимок с момента их возвращения на родину.

4) Христиане сложат оружие лишь в том случае, если турки сделают то же самое и если следственные мероприятия будут полностью прекращены.

5) Как только герцеговинцы вернутся на родину, депутаты от их коммун вступят в переговоры с местными властями по вопросу о практическом осуществлении реформ. Новая администрация, как предусмотрено проектом реформ от 30 декабря, вступит в силу. Эти реформы должны быть также распространены на бошняков и герцеговинцев, не принимавших участия в восстании.

6) Суммы, выделяемые Портой христианам в Герцеговине, с точки зрения их использования должны быть поставлены под непосредственный контроль европейской комиссии.

Наконец, Австро-Венгрия наряду с Россией назначат в каждом из упомянутых гарнизонных городов агента, призванного следить за неукоснительным проведением реформ в жизнь.

Эти условия содержатся в прошении, направленном в двух экземплярах барону Родичу и г-ну Веселитскому. Кроме того, инсургенты передали свои пожелания князю Черногории, поставив его в известность о предложениях генерала Родича и спрашивая у князя советов.

Условия, связанные с аграрным вопросом, наносят ущерб правам собственности и, следовательно, неосуществимы.

Запрашиваемая гарантия также носит такой характер, что она ни в коем случае не может быть принята державами без этой формы. Высказанное пожелание выходит за рамки требования быть признанным воюющей стороной и было бы допустимо только со стороны победоносной армии. Я не верю, что, даже принимая эти три условия, мы имеем хоть малейшую надежду склонить Порту дать свое согласие на это. Если бы мы согласились вести переговоры с восставшими на базе этих условий, успех даже в этом случае казался бы мне невозможным.

Я убежден в том, что, если согласие обоих кабинетов будет полным, первоначально предложенные условия были бы также приняты.

Я также придерживаюсь мнения и надеюсь встретить в этом понимание императорского правительства России, что нет другого возможного исхода, кроме того, что указан выше.

Державы должны отстаивать свою точку зрения, как она была сформулирована до сих пор, и категорически отвергать всякую новую гарантию или любое иное наблюдение, чем то, которое они начали проводить по отношению к Европе.

Повстанцы в свое время обращались к князю Черногории. Барон Родич выступил с инициативой переговоров лишь вследствие заверений князя в том, что это посредничество способствовало бы облегчению его деликатного положения.

Ввиду этого я считаю, что Россия и Австро-Венгрия должны одновременно направить князю Черногории телеграфный призыв в нижеследующем смысле: «Князь может в настоящий момент сдержать свое обещание, дав повстанцам совет решительно принять предложения, выдвинутые перед ними кабинетами, и полностью отдаться под покровительство держав».

Прежде чем отправить в Цетинье сообщение в этом духе, я хотел бы предварительно убедиться в согласии на то князя Горчакова.

Прошу ваше превосходительство дать мне по сему поводу безотлагательный ответ.

80

Письмо А. С. Ионина И. С. Аксакову с просьбой о присылке в Дубровник представителя Московского славянского комитета и с оценкой разных позиций в решении герцеговинского вопроса

9 (21) апреля 1876 г.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Посылаю вам при сем два листа письма Васильчикова. Надеюсь, что разберете его каракули. Там первые и суммарные сведения о победе христиан в Дуге. Победа могла бы быть решительнее, но недостаток патронов — c'est l'histoire les jours de tous[1*]. Но и не от одного недостатка пороха, происходило это и от политических причин. Так закручены люди и сбиты с толку, что вовремя не смогли сделать, что надобно. Такого рода политические фокусы, как Веселицкий, этот deus ex machina[2*], а, скорее, Requier в процессе Базена, всегда производят тот результат. Чувствительным людям не понравилась черногорская политика, давай выдумаем герцеговинскую. И выдумали, да еще таким фертом, как Веселицкий. Это надобно бросить.

Дело, конечно, усложняется. Драться будут, если и будут стараться с другой стороны[3*]... В Константинополе полная неудача Мухтар-паши, раздражение и злость. Дервиш назначен султаном и грозит Черногории войной. Это зерно нужно поддержать. Нужно денег, и без предвзятых мыслей. Еще раз говорю — пошлите сюда умного, надежного и честного человека, без личной политики и взглядов. На этот предмет, надеюсь, меня хватит, а антагонизм, кроме фокусов, ничего не произведет, кроме разве мыльных пузырей вроде Любибратича. Оставляя мое сообщение для вас или только для самых интимных ваших, сговоритесь в этом смысле с Петербургским комитетом. Будьте так добры, ответьте в ваших письмах, как ваше мнение, а главное, чтоб я знал, что вы их получили. Мне бы нужно здесь человека от вас и для переписки в вами и вашими друзьями, ибо я не могу много раз писать — un tier ferait bien[4*].

Прощайте, будьте здоровы. Я каждый вечер падаю от работы, но бодро еще выношу это положение.

Весь ваш от души

А. Ионин

ГА РФ. Ф. 1750. Д. 77. Л. 64–65. Автограф.

[1*] Всегдашняя история *(франц.)*.

[2*] *Букв.* — бог из машины *(лат.)*, *здесь* — неожиданность действий.

[3*] *Слово неразборчиво.*

[4*] Третье лицо сделает лучше *(франц.)*.

81

Письмо П. А. Монтеверде Г. С. Веселитскому-Божидаровичу о сражении при Дуге и своем участии в боевых действиях против турок

18 апреля 1876 г.
Воскресенье

Многоуважаемый Гавриил Сергеевич!

Пересылаю вам это письмо чрез мою жену, говорить, следовательно, могу свободно. Не сердитесь, что не писал вам: после письма, полученного вами, я не оставался на месте, можно сказать, дня и, исключая телеграмм, не был в состоянии писать.

Получив известие, что Мухтар сбирается идти в Никшич, я поскакал в Цетинье, чтобы убедить там дать возможно больших способов сопротивления. Бился, бился, уговорил, казалось мне. Наконец, получил заявление, «что *действовать* опасно, что можно попасться и быть выдану Австриею», c'est à dire c'est du Monténégro qu'il s'agit ici vous comprenez bien de quoi il s'agit[1*].

Я, чтоб успокоить их насчет того, что *войско можно будет выслать и смешать с инсургентами*, предложил такую штуку: поднять в 24 часа кривошей и убедить и так, и подкупом сот 6–7 австрийских подданных отправиться к инсургентам в Дугу. Так Австрии трудно было бы совать нос в дела Черногории. В Цетинье поразмыслили об этом предложении, заставили меня потерять часов 20 драгоценного времени и, наконец, просили ради Бога устроить предложенное.

Я поскакал и в ночь того же дня (вторник) успел поднять на ноги 300 кривошей и уговорить их. Подготовив дальнейшее движение между ими, я отправился в Дугу. Здесь, в четверг пополудни, я застал войско (к удивлению своему) голодным! Это — накануне битвы!! 70 быков стояло там, но их не смели трогать, потому что Ристо Ковачевича (знаете, интенданта черногорского) не было при войске. Я распорядился немедленно. Узнав, что уже около 200 человек ушло вследствие голода, я раздал и приказал раздать главарям 515 гульденов и послать немедленно за провиантом. Вечером было мясо, хлеб и водка. Войско подкрепилось.

На следующий день, в пятницу, мы были захвачены врасплох турками вследствие того, что, не имея полномочий из Цетинье, я не мог настоять на своем и заставить сделать движение, по моему мнению, необходимое.

Во время битвы был на шанцах с Пеко[2*] с утра до вечера. Бился и стрелял с другими, и где мог управлял. Пеко был великолепен. Мы — 40 человек— атакованные пятью батальонами и обстрелянные двумя орудиями, оставили позицию два часа после всех остальных в 5 часов и возвратились в лагерь en longeant toute la ligne ennemie qui ne nous attaquait pas (le camp était à l'extremité de l'aile droite tandis que notre retranchement était le dernière a l'extrême gauche)[3*].

Турки апровизионировали[4*] Никшич на 14 дней, но потеряли 2 500 или 3 000 людей. Nous en avons fait une véritable boucherie. J'ai pour mon compte 5 ou 6 sur ma conscience[5*], конечно, застреленных, но не обезглавленных.

Сражался с крестом на шее, со всеми онерами[6*].

Nous avons tout fait pour les retenir, mais à impossible nul c'est tirer: 23 000 homme avec 150 cartouches chaque contre 2 600 n'ayant en maximum que 15–20 cartouches! Trop forte partier[7*].

В «Голос» я телеграфировал постоянно, пока был в Рагузе, чему доказательством служат 4 найденные мною квитанции (другие — не знаю где, их было, кажется, 7 всех).

Из Боснии жду сведений. Насчет орудий ожидаю, так как теперь крейсирует турецкая эскадра у Спицы. Устрою как-нибудь. Спасибо вам за доброе и теплое слово по этому поводу.

Средств, как вы понимаете, у меня уже давно нет. Я, между прочим, должен содержать (устроил экономично) набранную артиллерийскую прислугу для будущей батареи.

Появление кривошей в отрядах славян извещено уже во всех газетах. Это отлично!

Mais ma nom du ciel pas un mot que c'est moi — je serais perdu l'autrichien me mangerait. Je vous écrirai bientôt et télégraphierai chiffré[8*].

Жму крепко руку.

Voyez «L'Indépendance Belge» — j'ai en rolé son correspondent. De même poir «Le Siècle»[9*].

РГВИА. Ф. 261. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2 об. Автограф.

1* Речь шла о Черногории. Вы понимаете, в чем тут дело *(франц.)*.
2* П. Павлович.
3* Вдоль расположения врага, который атаковал нас (лагерь был в конце правого фланга, тогда как наши окопы — в левом конце) *(франц.)*.
4* *С франц,* approvisionner — снабжать продовольствием.
5* Это была настоящая бойня, я насчитал 5 или 6 на моей совести *(франц.)*.
6* *С франц.* — l'honneur — знаки отличия.
7* Мы имеем все, чтобы сдержать их, но невозможно было стрелять: 23 000 человек со 150 патронами каждый против 2 600, имеющих от 15 до 20 патронов! Слишком велика разница *(франц.)*.
8* Но именем неба — ни слова, что это я, иначе буду погублен австрийцами. Скоро напишу вам и телеграфирую шифром *(франц.)*.
9* Смотрите «L'Indépendance Belge», я там корреспондент, также и в «Le Siècle» *(франц.)*.

82

Письмо П. Павловича, Б. Зимонича и Л. Сочицы П. А. Монтеверде о победе герцеговинских повстанцев в бою с турецкими войсками у Гацко

19 апреля 1876 г. Сиенокоп

Чесни господине!

По жељи вашој, а и за дужност моју сматрам вас као једног најотличнијег радољуба херцегов[ачких] усташа извијестити о резултату пр[ошлог] боја који се започео у петак а свршио се у нећељу 18 о. м. били сте сведок првог дана другог дана у суботу нападали смо на Турке и два смо им шанца јуриш отели, после смо на друга два ударали но без успјека бој трајао цео дан.

У нећељу Турци одсудно кренуше да пут Гацка иду но усташи га под управом Сочице, Вукаловића, Зимоњиће, Миличевића, Мићуновића, Шибалије, Церовића, и поп Пере Радовиће дочекају од тврђаве Пресјеке и били се све до града Ноздаре, но ту са Града обори се жестока ватра из топова на усташе и то им није напут стало но усташи фишека не имадоше, и тако се од Града Ноздаре синоћ у нећељу у 5. часове увече врати, да смо довољно фишека имали ћерали би Турке све до Гацка али са и овако пуно задовољавамо, од наши погинуло је и рањено 100, сто, а од Турака дружимо да је најмања мртви и рањени до 400, четири стотине, у овоме боју није много Турака посјечено јербо су их мртве одвлачили.

Чекамо даља настављења са Цетиња шта ћемо и куд оперирати. Ми ћемо имати чест о свим будућим догађајима на херцеговачком земљишту вас извијестити, т. је који би нама познати били.

Ми између свију изгубљени наши јунака који у овим бојевима за слободу златну крв пролише, жалимо врлог, храброг и високоумног протопопа Ристу Ковелевиће који свој живот драгоцијен за милу народну слободу жртвова.

Остајемо вас и ваше искрене пријатеље поздрављајући.

Ваши поштователи: Павловић, Зимонић и Сочица

Писар Ст. Јовановић

РГВИА. Ф. 261. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2. Подлинник.

83

Письмо И. С. Аксакова А. С. Ионину с оценкой миссии Г. С. Веселитского-Божидаровина и о желательности решения герцеговинского вопроса путем соединения Герцеговины с Черногорией

22 апреля 1876 г. Москва

Любезнейший Александр Семенович!

Прежде всего надлежит отрапортовать вам, что все ваши письма, равно и письмо с 200 руб. денег и письмами на имя Шеншина, получил. Последние, т. е. деньги и письма, отослал к Фету-Шеншину[1]. Получил и телеграмму вашу и выслал вам по телеграфу 9 000 руб. серебром. От всей души благодарю вас за то, что при ваших хлопотах и занятиях находите время писать ко мне. Письма ваши нам нужны.

Послать вам человека было бы очень хорошо, но некого. В Петербургском комитете имеется один добровольный «рассыльный», который, может быть, и явится к вам, во всяком случае будет «обозревать» собственноочно положение дел и взаимно борющихся сил в Турции, начиная с Балканских гор. Но я признать его оком Московского комитета не могу, оно слишком *близоруко*. Это Ник. А. Киреев[2], брат адъютанта великого князя Константина и г-жи Новиковой, жены брата посланника.

Поговорим о Вес[елитском]-Божидаровиче. Вы не думайте, чтоб мы были здесь совершенно отуманены и одурены его появлением. Приезд его был очень полезен для привлечения общественного сочувствия. Он же, будучи совершенным европейцем по манерам, образованию, владению иностранными языками, был премного пригоден для пропаганды в *салонах и высших сферах*. Мне кажется, что его посещение принесло там пользу славянскому делу именно в этом отношении. Это не мешало мне видеть в нем un jeune ambitieur[1*] которому и лестно, и весело играть роль в событиях всемирно-исторической важности. К этому я, признаюсь, отнесся и отношусь довольно снисходительно, уверенный, что история возьмет свою долю пользы от человека, а события поведет своим, ей знаемым путем. Я полагаю, что в конце концов соединение Герцеговины с Черногорией давно неминуемое, не то, что присоединение первой к последней, а их слитие. Но так как дипломатия не может этого поставить в свою программу и имеет своею задачею предотвращение общей европейской войны и сохранение мира (такова задача, которую устранить не в нашей власти...), то пусть она и исчерпывает, истощает всю навозную почву дипломатических комбинаций и переговоров. Австрия не допускает соединения Герцеговины с Черногорией. Предлагается комбинация, которая якобы не устраняет и проекта Андраши и дает более существенные гарантии Герцеговине. Турция ее не примет, весьма вероятно, что эта комбинация sera avortée[2*], но в таком случае развязаны руки у России и оправданы все славянские восстания. Ведь проект Андраши, принятый державами, *логически* обязывает их после принятия проекта Турциею *принудить* славян к миру. Этого логического вывода мы не предвидели и, слава Богу, не нашли

в себе нравственных сил для такой роковой *последовательности*. Что же остается? Остается пока одно: дать ход якобы развитию проекта Андраши согласно с требованиями самих инсургентов, en déhors[3*] интересов Черногории, которым нет *теперь* места в дипломатической программе. С этой точки зрения я смотрю на новую «миссию» Божидаровича[3], хотя и убежден, что она не приведет ни к чему и что события его *проведут*, если он питает *лично* какие-нибудь честолюбивые замыслы. Полезно все-таки, что инсургенты таким образом являются как бы *воюющей* стороною. Будет очень жаль, если «черногорская политика» поступит в отношении к нему — Вес[елитскому]-Бож[идаровичу] — слишком *круто*, и не только к нему, но и вообще к герцеговинским заявлениям. Если бы они заявили: хотим-де присоединиться к Черногории, то Европа взревела бы ругательствами на князя Николая, и Турция не могла бы быть лишенною права объявить ему войну. «Честолюбие одного человека явилось бы нарушителем европейского мира» — и тому подобный могущественный вздор пересилил бы правду.

Все это я говорю, применяясь к тем власть имеющим условиям, в которых поставлено дело. Все это — разные жертвоприношения на алтарь политических и дипломатических междудержавных приличий. Но что же делать, когда приходится с ними считаться! Мое желание одно — чтобы, не стесняясь ничем, «инсургенты» били турок и истощали Турцию, чтобы поскорее создали для дипломатии какой-нибудь fait accompli[4*].

Думаю также, что «бедствующим, голодающим семействам» прямая помощь была бы чрез дарование средств привести самое дело к концу, а то ведь никаких средств кормить и одевать целую страну не хватит. Пожертвования уже не идут так шибко, как прежде. К тому же наступает лето, и все из городов разъедутся. Петер[бургский] комитет, в котором денег больше вследствие административных мер, им принятых (указы Синода о присылке денег по сбору с прихожан даже из самой Москвы прямо в Петербург!), хочет значительную сумму пожертвовать в пользу имеющих пострадать и бедствовать болгарских семейств вследствие имеющего якобы вспыхнуть болгарского восстания[4].

Прощайте, мой милый «дипломат». Обнимаю вас крепко. Пишите и не забываете вашего старого приятеля.

Ив. Аксаков

Жена очень вам кланяется и благодарит за память.

Помета: Repondu[5*] 26 мая 1876 г.

ГА РФ. Ф. 939. Д. 56. Л. 7–8 об. Автограф.

1* Молодого честолюбца *(франц.)*.
2* Провалится *(франц.)*.
3* Помимо *(франц.)*.
4* Свершившийся факт *(франц.)*.
5* Ответ послан *(франц.)*.

1 См. док. 55.
2 Н. А. Киреев (1841–1876), член Санкт-Петербургского славянского комитета, в 1868–1871 гг. — его секретарь, одним из первых отправился добровольцем в Сербию, где и погиб 6 июля 1876 г.
3 Имеется в виду поручение, возложенное на Веселитского-Божидаровича повстанцами — быть их представителем перед европейскими державами (см. док. 77, 78).
4 Речь идет об Апрельском восстании в Болгарии (см.: Априлското въстание. 1876–1966. София, 1966).

84

Письмо В. С. Ионина в Московский славянский комитет с просьбой о помощи боснийским беженцам в Австро-Венгрии

30 апреля 1876 г. Николаев

Милостивые государи!

Прежде чем обратиться к вам с просьбою, считаю долгом заявить, что в 1860 г. я начал свою служебную карьеру в славянских землях и впоследствии был возведен в звание русского консула. В мою бытность в Герцеговине во время восстания был учрежден тогда первый революционный комитет с целью полного освобождения славян из-под гнета турок[1]. Инициатива настоящих событий на Балканском полуострове принадлежит деятельности тех патриотов, которые приняли участие в основании комитета. Одни из них уже сосланы в Африку или, терпя изгнание в более близких странах к отчизне, оказывают нравственную поддержку святому делу, другие же с оружием на бранном поле дерутся против врага человечества.

Господа, смею вас уверить, что никакие обещания Порты, никакое давление Европы не в состоянии удержать порыва славян к осуществлению заветной мечты. Лозунг борьбы с турками есть свобода, первый шаг к объединению. Не пройдет много времени, и мы будем свидетелями поголовного восстания в Европейской Турции. Кто-нибудь из двух должен погибнуть в потоках крови.

Все сказанное мною о близком будущем есть верный отголосок главных деятелей настоящих и имеющих быть более серьезных событий. Это есть отголосок тех людей, с которыми в продолжение 15 лет я имел честь сохранить самые тесные и дружеские сношения.

Мое обращение к вам, господа, вызвано жалобами на отчаянное положение эмигрантов Боснии, где восстание расширяется с каждым днем. Чтобы убедиться в достоверности их бедствия, довольно будет вспомнить о тех репрессивных мерах или скорее пытках, которым подвергся народ, искавший в бегстве свое спасение.

Каждому из нас уже известно, что создательница реформ — Австрия, видя невозможность примирить славян с турками, решилась угрожать прекращением пособия выходцам и к стыду нашего века беспрепятственно принуждала их голодом возвращаться на родину. Всеобщее равнодушие к преследованию горем убитого народа было как бы выражением сообщничества остальных правительств в предосудительном поступке Австрии, и черное пятно легло на всех одинаково. Подобное соучастие держав в мере крайне возмутительной доказало только инсургентам, что сила обстоятельств есть их лучший союзник и что, несмотря на миллионы штыков, Европа, проповедующая человеколюбие, еще бессильна остановить резню более честным и действительным путем.

Теперь у босняков, обреченных умирать в нищете, осталась только надежда на частную благотворительность, и в предсмертной агонии молят русских более чем кого-либо пощадить их жизнь. Взоры их, господа, обращены к вам, как к апостолам грядущего возрождения славян, в надежде, что из могущих быть пожертвованных сумм русским народом вы не откажетесь уделить посильную лепту на пользу боснийцев.

Господа, умоляю вас именем всего, что дорого и свято для вас, не допускайте налагать на русских позорное клеймо братоубийцев голодною смертию и не дайте угаснуть чувству привязанности славян к России. Хотя недостаток сочувствия нашего к судьбе массы эмигрантов и раненых боснийцев поселил в народе негодование, но время еще есть и скорым самосознанием своего долга можно загладить прошлое и примириться с своею братиею.

Изложив мою просьбу, мне остается в подтверждение нужд наших соплеменников представить на ваше благоусмотрение копию с письма от депутата г-на Илии Бильбия, а также и копию с обращения представителей Боснии к частной благотворительности от 21 февраля сего года[2].

Владимир Ионин

ГА РФ. Ф. 1750. Д. 56. Л. 21–22 об. Подлинник.

[1] Очевидно, имеется в виду Сербско-боснийский комитет (1860–1861), членами которого были боснийский торговец Ника Окан, поверенный И. Гарашанина, деятель тайных сербских организаций, писатель и политик Матия Бан и сербский митрополит Михаил. Целью деятельности комитета являлась подготовка восстания в Боснии для освобождения ее и присоединения к Сербии. Комитет установил связь с председателем Московского славянского комитета И. С. Аксаковым, получал помощь из России (см.: История Югославии... С. 608).

[2] См.: Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 183. Док. 86.

85

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о настроениях населения Боснии и его реакции на убийство в Салониках европейских консулов

№ 132 4 мая 1876 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

Имею честь всепочтительнейше донести вашему превосходительству, что в последние 8 дней начальник края получал довольно успокоительные известия из Бихачского и Травникского санджаков. Ибрагим-паша утверждает, что христианское население Петровачкого и Гламочкого округов возвратилось к покорности и что ему выдано 50 тысяч ок пшеницы для обсеменения полей. Точно так же, по уверению властей, пути сообщения в Ново-Пазарском санджаке очищены от шаек, и жители вилайета приглашаются безбоязненно производить торговлю и возвратиться к обычным своим занятиям. Только около Ливно бродят еще шайки, которые нападают на поместья бегов, стараясь истреблять все их имущество. Шайки христиан не ограничиваются, однако ж, истреблением одних магометанских имуществ, они не щадят и католические. Так, неделю тому назад одна из них сожгла в 4-х часах от Ливно в католическом селе Рубане церковь, два дома и одно строение. Это явление не ново. В Боснии католики держат свою руку в руке магометан, и потому для православных они такие же враги славянства, как и магометане.

В последний месяц стало довольно заметно ослабление магометанского задора и того невежественного нахальства, которое давало повод всякому мусульманину предполагать, что перед символом полумесяца должна сломиться соединенная христианская сила. Я чаще стал принимать визиты влиятельных местных бегов, которые высказывают свое горестное положение, благосклонно относятся к тяжелой жизни христиан и беспощадно поносят правительство султана. Один из главнейших представителей травникской аристократии посетил меня на днях и сообщил, что он и его сотоварищи получили письменные воззвания христиан восстать против султана и сделать Боснию независимою областью[1]. Бей говорил долго, и общий вывод его беседы был тот, что магометане не могут восстать на своего государя, но что они должны будут преклониться перед силою вещей и обстоятельств, которые, согласно фатализму, устрояются не хотениями людей, а волею и распоряжениями Провидения.

Известие об убиении магометанами двух консулов в Салониках[2] произвело здесь сильное впечатление во всех слоях общества. В особенности власти и магометане поражены этим ужасным событием. И те, и другие чувствуют, что при нынешних обстоятельствах эта катастрофа может иметь влияние на переговоры европейских кабинетов и вообще на совокупное политическое действие держав, так усиленно работающих уже год на пользу умиротворения восставших областей и сохранения общего мира.

Христиане же, сожалея о насильственной смерти агентов, в особенности французского, пробывшего здесь три года и в 1870 г. уехавшего в Салоники, не скрытно изъявляют единогласно надежду, что европейские державы положат предел тому анахронизму, в силу которого в одной части Европы жизнь, имущество и честь нескольких миллионов людей находятся в зависимости не от законов государства, а от произвола каждого человека, носящего имя магометанина.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиатский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 83–84 об. Подлинник.

[1] Обращение Боснийского комитета к крестьянам — боснякам мусульманской веры с призывом совместно бороться за освобождение или не выступать против восставших христиан опубл.: «Застава» о Босни и Херцеговини. Књ. IV. С. 68–70.

[2] 6 мая 1876 г. французский и немецкий консулы были убиты в Салониках среди бела дня толпой фанатичных мусульман.

86

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о мерах комиссара Порты по умиротворению Боснии и об актах убийства христиан мусульманами

№ 140 12 мая 1876 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

Положение дел в Боснийском виляйете не изменяется к лучшему, несмотря на относительное затишье последних 10 дней. Администрация страны во главе начальника края, смущенная обязанностью выполнить целый ряд реформ, изданных в последнее полугодие под гнетом тяжких событий государства, чувствует себя бессильною сделать что-нибудь и потому сочла более легким для себя бездействовать. Вследствие этого и отношения ее к исполнительной комиссии становятся натянутыми и, как и следовало ожидать, вали Ибрагим-паша и комиссар Хайдар-эфенди не сошлись и состоят один к другому далеко не в дружеском настроении.

Я имел честь с самого начала прибытия в Боснию комиссара Порты докладывать вашему превосходительству, что успех трудной миссии Хайдар-эфенди подчинен безусловному единению и взаимной поддержке главных действующих лиц и что сего единения и этой поддержки нельзя было ожидать от такой личности, каков настоящий боснийский генерал-губернатор. Правда, на его долю выпадала самая трудная часть задачи — выполнять заключения комиссии, а сия часть в традициях оттоманского государства находится в самом слабом и безобразном состоянии, но все же при твердых намерениях правительства дать жизнь опубликованным преобразованиям начальник края может и должен сделать хоть что-нибудь, опираясь именно на волю высшей власти. К несчастью, этого нельзя сказать про Ибрагим-пашу.

Комиссия сосредоточила свое внимание на разрешении главных текущих вопросов:

1. О помощи беглецам на случай их возвращения. Заключения ее по этому отделу сообщены начальнику края и всем подведомственным ему губернаторам. Они состоят в следующем. Беглецам, а также пострадавшим от восстания мирным жителям всех вероисповеданий будет выдаваться дневное пропитание в количестве 200 драм кукурузы взрослым людям и 100 драм детям до 15-ти летнего возраста. Бедным же и неимущим поселянам, кроме того, даны будут семена пшеницы. Затем разрешена рубка казенного леса для восстановления разрушенных жилищ, и возлагается на обязанность богатых бегов и зажиточных аг принести в дар снова поселяющимся на их землях кметам семена, гвозди, стекла и пр. необходимое для постройки.

2. О сборе податей и налогов. До сих пор, как известно, сбор производился полицейскими чинами. Ныне же избираются особые сборщики податей, которые разделяются на две категории — сборщики верховые и сборщики пешие — и которые будут состоять под надзором главных сборщиков в главных городах

санджаков. Сборщики первой категории будут получать жалованья 400 пиастров в месяц, второй — 250 пиастров, а начальники их по 500 пиастров. Сборщикам дана обмундировка, и они уже избраны и назначены в Сараевском санджаке.

3. О войнине. Решение по этому важному вопросу воспоследовало самое несправедливое, но комиссия совершила его, потому что в султанском фирмане сказано, что облегчение и правильный распорядок этого налога не должны, однако же, послужить ущербом казне. На этом основании вот что было сделано. Взята была общая сумма этого налога в Сараевском санджаке, равняющаяся, сколько мне известно, 900 000 пиастров. Эту сумму выплачивали 30 000 человек. Ныне же эта сумма разложена на 8 000 человек, и, следовательно, одно лицо имеет вносить за себя около 112 пиастров.

Трудно предположить, чтобы сбор этого налога мог быть успешно производим. Немного найдется людей, способных вносить такие деньги.

Из внутренних частей виляйета доходят сюда слухи, что магометане сел и городов, пользуясь восстанием, лишают жизни зажиточных христианских поселян, личностей, выдающихся по уму-разуму и энергии. Хотя эти слухи подлежат контролю, тем не менее мне известен факт такого избиения, произведенного в Коннице над известным мне лично богатым и умным нашим единоверцем Марком Манигодой. Я счел своею обязанностью частным образом обратиться письменно к знакомым мне генерал-губернатору Али-паше и комиссару Порты Васо-эфенди, а равно к г.г. Ястребову и моему английскому сотоварищу Холмсу. Убийцы свободны и отыскивают новой жертвы. Я прошу их арестования и правосудия. Молва утверждает, что таковые избиения совершаются в довольно широких размерах около Предора и Тешня. Я говорю «молва», ибо мы, как бы отрезанные от границ и содержимые в осаде, с трудом можем получать какие-либо известия из фактической жизни этого виляйета.

Копия с сего донесения будет отправлена в Азиатский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 86–88. Подлинник.

87

Телеграмма А. Н. Карцова А. М. Горчакову о просьбе сербского князя Милана Обреновича относительно возможности передачи Боснии в управление Сербии, а Герцеговины — Черногории

27 мая (8 июня) 1876 г. Белград

В шифрах. Кн[язь] Милан и Ристич представили мне, что единственным средством для мирного исхода они считают отдачу Боснии в управление Сербии, а Герцеговины — Черногории с платою за них дани султану и ручательством от обоих князей быстро водворить мир и спокойствия без обиды для мусульманского населения. В этом смысле они желали бы сделать от себя попытку предложения в Царьграде, но предварительно ходатайствуют оценки вашей светлости о возможности успеха подобных переговоров[1*]. Исполняю их просьбу, хотя уже впредь заявил им личное мое сомнение.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 16. Л. 333. Дешифрант.

[1*] *На полях помета Александра II:* Я со своей стороны ничего против этого не имею, но сомневаюсь, чтобы подобная попытка могла удаться.

88

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву об объявлении Портой амнистии участникам восстания и о подаче населением Банялуки жалобы великому везирю на злоупотребления властей

3 июня 1876 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

Я уже имел честь докладывать вашему превосходительству, что здесь получены были известия о скором движении сербов к границам Боснии. Эти известия могли быть при настоящем положении дел настолько же основательны, насколько и неосновательны. Сараевский вали вследствие этого обращался по телеграфу к великому визирю, от которого на днях получил ответ приблизительно такого содержания: «Видин, Ниш, Новый Пазар и другие стратегические пункты вдоль сербской границы укреплены и наполнены войсками. Что же касается до Боснии, то в Зворникский санджак ее выслано пять батальонов пехоты. Кроме того, все санджаки должны немедленно дать башибузуков, которые имеют перенестись вблизи и вдоль сербских границ для того, чтобы быть готовыми на случай вторжения неприятеля». Великий визирь будто бы присовокупил, что он, впрочем, не доверяет слуху о близости войны с княжеством.

Все эти дни чрез Сараево стали проходить пешие партии башибузуков, направляющихся к Вышеграду, Гласинацу и другим местам невдалеке от западной границы Сербии. До сих пор прошло этих людей около 800 человек, вышедших из Высокской и Фойницкой каймакамий.

Часть башибузуков ушла также в Герцеговину, где готовится новая экспедиция в Никшич. Надобно заметить, что в этот раз собраны пешие башибузуки, а не конные, как то было доселе. Это произошло оттого, что край обеднел лошадьми, ибо в течение года угнано было на театр военных действий более трех тысяч, из коих большая часть погибла или не возвратилась.

Прокламация комиссара Порты о даровании амнистии боснякам и герцеговинцам напечатана, подписана и разослана[1]. Генералу Молинари было их отослано в Аграм тысяча экземпляров. Все эти прокламации подписаны собственноручно Хайдаром-эфенди. Порта сначала приказала, чтобы действия амнистии начались с 10 июня, но почему-то отменила это число и назначила 31 мая. Комиссар должен был сам выехать на границы, но заболел подагрою и целую неделю лежит в постели.

Православное население города думает, что прокламация останется без всякого действия, ибо по тем сведениям, которые, хотя и редко и глухо, до него доходят, беглецы не намерены возвратиться на родину, а действующие партии повстанцев желают продолжения борьбы. Одни католические семейства думают воспользоваться призывом Порты, и то вследствие настояний своего духовенства, которое переходит в Австрию и с помощью австро-венгерских властей успевает убеждать свою паству к покорности и возвращению.

Около Брода, на горе Вучиаку, наши единоверцы, по донесениям моих агентов, были разбиты турецкими войсками, нанесшими им чувствительный урон. Иначе, впрочем, и быть не могло, и я в свое время во многих рапортах имел честь доносить об ожидаемой участи всех тех шаек, которые вздумали бы врассыпную, без единства и общего плана действий, без вождей, служить делу освобождения своей родины.

Несколько времени тому назад магометане и христиане города Банялуки представили Порте на турецком языке записку о положении дел в Боснии, о причинах восстания и бедствий народа и страны. В этой записке, подписанной «народ магометанский и христианский», население делится на 4 класса: 1-ый класс — богатые беги; 2-ой — зажиточные купцы и аги; 3-ий — мелкое купечество, бедные аги и ремесленники; 4-ый — земледельцы. Записка указывает, что все бедствия происходят от двух первых классов. Она перечисляет роды злоупотреблений и вопиющих неправд и выражает удивление, что Порта вместо казней, цепей и изгнаний, заслуженных представителями первых двух классов населения, обдаривает их чинами и орденами. На днях Хайдар-эфенди получил от великого визиря подлинную записку банялучан с приказанием немедленно приступить к поверке всего в ней изложенного.

Английский товарищ мой г. Хомс[1*] возвратился из Мостара к месту своего служения. Вследствие неоднократных своих настояний он успел предоставить место вице-консула во вновь открытом вице-консульстве в Мостаре секретарю своему г. Фриману, который послезавтра едет в Герцеговину. Г. Фриман находился при своем начальнике 21 год: 6 лет в Диарбекире и 15 лет в Боснии. Он хорошо знаком с положением здешних дел и даже изучил сербский язык, интересуясь славянским народом, к которому относится с благодушием и с непредвзятыми понятиями, которые разделяются так охотно английскими чиновниками на востоке.

По случаю его отъезда и возвращения его бывшего начальника турецкие власти и знатнейшие беги города пожелали как бы сделать демонстрацию в честь первых двух представителей Великобритании. Турки, не посещающие никого из нас и избегающие даже уличных встреч и поклонов, наговорили кучу любезностей англичанам, «истинным друзьям Турции и магометан», и уверяли их, что в случае каких-либо кровавых происшествий сыны Альбиона и их семейства будут находиться во всяком случае вне опасности.

Я должен закончить донесение изложением не совсем приятного явления. Молодежь Сараева из православных в последнее время стала делиться на враждебные партии из-за самых ничтожных причин, не имеющих места для здравого смысла. Это явление собственно потому прискорбно, что оно есть последствие турецкой махинации, которая ищет открыть в среде наших единоверцев действительных патриотов и друзей восстания.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиатский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

P.S. Сегодня получены в конаке две телеграммы. Одна — из Константинополя — об отозвании из Боснии Ибрагима и о назначении генерал-губернатором Назифа-паши, бывшего когда-то секретарем покойного генералиссимуса Омера. Другая — из Градишки — о жестоком бое инсургентов с австро-венгерскими войсками при местечке Мальевац. Депеша говорит, что повстанцев убито 32 человека и, кроме того, отнято у них 1 200 игольчатых ружей и большие гурты рогатого скота. Власти сейчас же обратились в здешнее австро-венгерское генеральное консульство с требованием передать пограничным чиновникам угнанный повстанцами скот.

Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 102–105. Автограф.

[1*] Холмс

[1] Прокламация, о которой идет речь, была издана в Боснии и Герцеговине во исполнение воли нового султана Мурада V, возведенного на престол после государственного переворота и низложения Абдул-Азиза. От имени султана великий везирь давал распоряжения комиссарам Порты в Боснии и Герцеговине заявить о заботе султана о своих подданных в провинции, объявлял предоставление полной свободы всем повстанцам, отсрочку в 6 недель для возвращения их к своим домам и сообщал о том, что главнокомандующий предупрежден о всеобщей амнистии с тем, чтобы повсеместно прекратить военные операции на 6 недель. Прокламация была опубликована на турецком и сербском языках (см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 123. Л. 40–41).

89

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о столкновениях отрядов повстанцев с турецкими войсками и об усилении исламской пропаганды в Боснии

№ 166 10 июня 1876 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

Имею честь всепочтительнейше донести вашему превосходительству, что в течение последней недели в Бихачском санджаке, по неофициальным сообщениям, было шесть стычек между инсургентами и турецкими войсками. На горе Гырмач полковник Вейсил-бей вторично разбил христиан и сжег их лагерь, состоявший из шалашей и хлебных складов. При этом деле башибузуки Клиочского округа под начальством Хусейн-бея окружили инсургентов, из которых немногим удалось спастись. Около города Петровца были разбиты две шайки, из которых вторая была численностью в 1 500 человек. Против нее были высланы 9 рот редифов и магометане города Петровца. Затем в Новинской нахии в местечке Ореховац и близ города Кулин-Вакуфа было разбито четыре шайки инсургентов. Наконец, предорский комендант Сулейман-бей донес, что он разбил повстанцев около Козари. Убитых христиан в последнем деле 150 человек и много раненых, турки же потеряли убитыми 5 и ранеными 11 человек.

4 июня начальник Дервентского округа донес вали, что около Брода возвратились в Боснию 11 семей беглецов и что многие желали бы последовать их примеру, но к тому не допускают их австрийские славяне. Я слышал, что комиссар Порты сносился по этому предмету с моим австро-венгерским сотоварищем и с генералами Молинари и Родичем.

Вчера состоялся годичный экзамен в здешнем военном училище. Приготовления к нему были большие. Военные власти желали придать ему большую противу прежних лет торжественность и вместе сделать демонстрацию ввиду настоящих событий. Вопреки заведенному обычаю приглашать на экзамен иностранных агентов власти на сей раз уклонились от сего обычая, чтобы показать здешнему магометанскому населению, что присутствие гг. консулов несовместимо вследствие очевидной враждебности чувств нынешнего христианства к исламизму.

Несколько человек из здешней магометанской аристократии вздумали было пропагандировать идею, что с новым царствованием должно начаться возвращение к блестящим временам могущества и силы Турецкой империи[1]. А так как в счастливые времена эти в государстве не было ни церквей, ни колоколов, не существовало ни гражданских, ни уголовных судов, гимназий (рушдие) и военных школ, христиане не заседали в судилищах и не имели никаких прав, не было никакой полиции, и вообще правильной организации различных административных частей, то следует все ныне существующее уничтожить и возвратиться к царению Корана и шериата, приложимых в своих началах не так, как ныне, а как два столетия тому назад. Пропагандируя подобные идеи, упомянутые господа составили было партию, хотя и незначительную, но решившуюся действовать. Составилось, таким образом, прошение о разрушении церквей, об обращении гимназий и военной школы в медресе, об удалении христиан из меджлисов и о закрытии судов, об уничтожении полиции и пр. Прошение стали подписывать, но оказалось, что благоразумных людей слишком много и во главе их здешний муфтий. Пропагандисты вздумали было вследствие неудачи скопировать шейх уль ислама и его фетву относительно низложения Абдул-Азиса. Они послали в Травник пригласить тамошнего муфти издать фетву о низложении его сараевского сотоварища. Но и здесь потерпели поражение.

Я слышал, что комиссар Порты, которого магометане считают за «гяура», угрожая избиением, призывал к себе тайно некоторых из зачинщиков и строго говорил с ними. Со своей стороны, гражданские и полицейские власти насторожже. Усиленные патрули ходят днем и ночью по городу. Возле нашего консульства каждую ночь становится патруль из 8 человек солдат.

Третьего дня и сегодня пришло сюда из Травникского санджака два батальона анатолийских редифов.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиятский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 106–107 об. Подлинник.

[1] В связи с майским государственным переворотом в Стамбуле и приходом к власти султана Мурада V — фанатика, исполненного ненависти к Европе и ее цивилизации и ставшего орудием непримиримых мусульман и военной партии, — отмечалось усиление османского национализма и фанатизма. Об этом свидетельствуют донесения российских консулов, например, А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву от 26 мая 1876 г., № 155 (см.: АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 97–99; История XIX века / Под ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1939. Т. 7. С. 432).

90

Донесение российского посла в Лондоне П. А. Шувалова Александру II об отрицательном отношении Австро-Венгрии и Англии к предоставлению автономии Боснии и Герцеговине

№ 75 18 (30) июня 1876 г. Лондон

Sire!

Je ne me suis pas trompé en affirmait qu'il suffirait de nouvelles inattendues, d'un mouvement de bourse, ou d'une fluctuation d'opinion publique pour altérer les bonnes dispositions de l'Angleterre à l'égard des dernières propositions que j'ai transmises, d'ordre de votre majesté, au principal secrétaire d'Etat.

Deux circonstances ont exercé une influence nuisible sur la marche de cette négociation.

La première, déjà connue de votre majesté, ce sont les rapports malveillants et mensongers qui ont été adressés au gouvernement de la Reine sur nos agissements en Serbie et au Monténégro. Il a suffi du télégramme ostensible de M. le chancelier de l'Empire et d'autres explications que j'ai fournies en les trouvant dans le dossier diplomatique de ces derniers mois, pour écarter ce genre de soupçons; mais cela a occasionné une perte de temps de quelques jours et a permis au second incident de venir modifier les déterminations du cabinet anglais.

Je veux parler de la démarche qu'a faite le comte Andrassy auprès de lord Derby, et dont votre majesté a eu connaissance par mon télégramme chiffré du...[1* 1].

Le premier ministre me certifiait la veille encore qu'il approuvait ce que nous demandions pour les provinces insurgées, c. à. d. (je cite ici les paroles de M. Disraeli) une autonomie provinciale et non politique. Il ajouta que lord Derby arrangerait ceci avec moi dans la journée du lendemain, afin de ne pas perdre de temps.

Ces dispositions changèrent après l'entrevue de lord Derby avec le comte de Beust.

Dans mon entretien avec le principal secrétaire d'Etat, celui-ci me fit part à titre confidentiel des déclarations du comte Andrassy. Remarquant ma surprise, lord Derby fit chercher le document même, mais il se trouvait chez le premier ministre de sorte qu'il m'en lut la traduction anglaise. Il y était dit que le comte considérait tout genre d'autonomie, même locale, comme une combinaison impraticable pour les raisons suivantes: Il ne peut y avoir de fusion entre les slaves chrétiens et mahométans de la Bosnie et de l'Herzégovine: avec la différence de religion et le fanatisme qui les divisent, l'autonomie conduirait à la guerre civile. Les slaves de ces provinces ne sont pas mûrs pour une administration autonome.

Il serait injuste de l'accorder à la Bosnie et à l'Herzégovine tandis que les Bulgares n'en bénéficieraient pas. Ces derniers en sont plus dignes par le degré de civilisation auquel ils ont atteint. Une pareille mesure amènerait un soulèvement parmi eux.

Sans pouvoir reproduire textuellement les termes employés par le comte Andrassy, je suis sûr d'en rendre le sens avec précision. Après avoir terminé cette lecture, le comte Derby la fit suivre de quelques considérations. Il n'avait rien à objecter contre l'autonomie des deux provinces au point de vue de la politique européenne (sic), mais, pour conseiller au sultan d'accorder cette autonomie, il faudrait que les Puissances s'entendissent préalablement entre elles sur son sens, sa portée et la possibilité pratique de la mettre à exécution; autrement, à la Russie comprendrait cette autonomie d'une manière, l'Angleterre d'une autre et l'Autriche ne l'admettrait pas du tout.

Je répondis au principal secrétaire d'Etat que je regrettais l'importance qu'il attribuait au point de vue du comte Andrassy qui partage en ceci les préjugés de sa nationalité hongroise. La marche des événements nous prouve suffisamment que l'autonomie est la seule issue aux difficultés de la situation. Nous avons essayé de faire moins et cela n'a pas réussi. Le comte Andrassy regrettera peut-être un jour de n'y avoir pas donné son assentiment; les dangers éphémères qu'il redoute feront place à des dangers plus réels.

Lord Derby objecta que, tandis que nous jugions les choses de loin, le ministre austro-hongrois était à même de les constater de près l'Autriche étant une Puissance limitrophe et possédant une partie de cette même population slave. De plus, ajouta lord Derby, ce ne seraient plus des conseils unanimes que nous donnerions au sultan.

Je demeure, sire, de votre majesté impériale, le très
fidèle sujet

Comte Schouvaloff

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 76. Т. 1. Л. 249–253 об. Подлинник.

Перевод

Государь!

Я не ошибался, утверждая, что достаточно было бы неожиданных новостей, колебаний на бирже или изменений общественного мнения для того, чтобы сменить благорасположенность Англии к последним предложениям, переданным мною по повелению вашего величества главному статс-секретарю.

На ход этих переговоров оказали вредное влияние два обстоятельства.

Первое, уже известное вашему величеству, — это недоброжелательные и клеветнические доклады, направлявшиеся правительству королевы по поводу наших действий в Сербии и Черногории. Потребовалась открытая телеграмма со стороны г-на канцлера империи и другие представленные мною объяснения, найденные мною в дипломатическом досье за последние месяцы, чтобы развеять такого рода подозрения; но это привело к потере нескольких дней и позволило еще одному инциденту изменить решения английского кабинета.

Я имею в виду демарш, предпринятый графом Андраши перед лордом Дерби, о котором вашему величеству известно из моей шифрованной телеграммы от... [1* 1].

Премьер-министр уверял меня еще накануне, что он одобряет то, что мы требовали для восставших провинций, т. е. (здесь я цитирую слова г-на Дизраэли) провинциальной, а не политической автономии. Он добавил, что лорд Дерби урегулирует это со мной вместе на следующий день, чтобы не терять времени.

Эти намерения изменились после встречи лорда Дерби с графом Бейстом.

Во время моего разговора с главным статс-секретарем последний по секрету сообщил мне о заявлениях графа Андраши. Заметив мое удивление, лорд Дерби велел найти сам документ, но он находился у премьер-министра, так что он прочел мне его английский перевод. Там было сказано, что граф считает все виды автономии, даже локальной, неосуществимой комбинацией по следующим причинам: не может быть слияния между славянами Боснии и Герцеговины — христианами и мусульманами; при различии религии и фанатизме, которые их разделяют, автономия привела бы к гражданской войне. Славяне этих провинций не созрели для автономной администрации.

Было бы несправедливо предоставить ее Боснии и Герцеговине, в то время как болгары не смогли бы ею воспользоваться. Эти последние гораздо более достойны ее по степени цивилизации, которой они достигли. Подобная мера вызвала бы среди них восстание.

Я не могу текстуально воспроизвести выражения, использованные графом Андраши, но уверен в том, что точно передаю их смысл. Закончив чтение, лорд Дерби высказал некоторые соображения. У него нет никаких возражений против автономии обеих провинций с точки зрения европейской политики (sic), но для того, чтобы советовать султану предоставить эту автономию, необходимо, чтобы державы предварительно договорились между собой о ее смысле, масштабе и практической возможности ее осуществления; в противном случае Россия поймет автономию одним образом, Англия — другим, а Австрия ее вообще не признает.

Я ответил главному статс-секретарю, что сожалею о важности, которую он придает точке зрения графа Андраши, который разделяет в этом предрассудки своей венгерской национальности. Ход событий достаточно доказывает нам, что автономия — единственный выход из трудностей положения. Мы пробовали соглашаться на меньшее, и это не удалось. Граф Андраши, может быть, когда-нибудь пожалеет о том, что не дал на нее свое согласие; эфемерные опасности, которых он страшится, сменятся более реальными опасностями.

Лорд Дерби возразил, что пока мы судим о событиях издалека, австро-венгерский министр может устанавливать их суть с близкого расстояния, т. к. Австрия является пограничной державой и в ней проживает часть того же славянского населения. К тому же, добавил лорд Дерби, советы, которые мы дали бы султану, уже больше не были бы единодушными.

Остаюсь, государь, вашего императорского величества преданнейшим верноподданным

Граф Шувалов

[1*] *Пропуск в тексте.*

[1] В документе идет речь о присоединении Англии к Берлинскому меморандуму (см. о нем прим. 7 к док. 107). П. А. Шувалов, ознакомившись с 3-мя документами из «Blue Book», в своем донесении А. М. Горчакову от 17 (29) июля 1876 г. за № 102 дает ретроспективный обзор своих недавних переговоров с Дизраэли и Дерби и освещает шаги, предпринятые Д. Андраши для расстройства комбинации, предложенной английскому кабинету Россией. Позиция лорда Дерби после встречи с Андраши резко изменилась. Шувалов приводит слова Дерби, обращенные к сэру А. Бьюкенену: «Одним словом, депеша графа Андраши скорее доказывает, что план автономии, если бы он бы исполнен, не только не установил бы безопасность, но только послужил бы подрыву основ всех тех вещей, которые желательно консолидировать. Если когда-либо был случай, в котором лекарство хуже болезни, то это как раз тот самый случай» (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 76. Т. 1. Л. 371–373). В результате Англия отказалась присоединиться к Берлинскому меморандуму, что свело на нет значение этого документа.

91

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву об антирусской пропаганде турецких властей в Боснии и о действиях тайных комитетов по возобновлению восстания в связи с началом сербско-турецкой войны

№ 189 25 июня 1876 г. Сараево

Секретно

Милостивый государь Николай Павлович!

Имею честь донести вашему превосходительству, что всеобщее вооружение боснийских магометан поспешно приводится в исполнение. Партии башибузуков и волонтеров беспрестанно проходят чрез Сараево, направляясь к западной границе Сербии. Сегодня вышли отсюда в Вышеград один батальон брусских редифов в сопровождении полубатареи крупповских орудий и один батальон обратно в Мостар.

Ахмет Мухтар-паша не покидает телеграфической станции. Он выказывает замечательную деятельность, по свидетельству английского моего сотоварища, бывающего у него ежедневно. Довольно оригинально положение иностранных агентов относительно главнокомандующего. Мухтар-паша чрез г. Хомса[1*] поручил нам сказать, что рад будет познакомиться с нами, но что вследствие болезни не возвратит нам визита. Разумеется, мы все отказались от чести его видеть, кроме г. Хомса. Вчера прибыл в Сараево новый вали Назиф-паша. Г-н Налетов поздравил его с приездом. Он думает нас принять не раньше воскресенья.

В донесении моем от 23-го текущего я не упомянул о той пропаганде, которая делается между магометанами, католиками и евреями с целью представить Россию главным виновником всех бедствий настоящего часа: Россия и православие восстают на попрание святынь иноверцев, на поглощение собою всего Востока, на истребление Турции, стремясь освободить для этой цели весь православный славянский мир. Агитаторы этой пропаганды — турецкие власти, английский консул и католическое духовенство, подстрекаемое венгерскими агентами и прочими элементами, нам искони враждебными. Достаточен один пример, чтобы видеть как понимают здешние магометане разжигаемую в них вражду к нам. Встретясь на днях на улице с одним знакомым мне беем, я спросил его: «Что нового?» «Разве ты не знаешь — война», — ответил он. «С кем?». «С московом». «Как, с нами?» «Разве черногорцы и сербы не московы?».

Хотя в настоящую минуту излишне говорить о результатах поисков исполнительной комиссии о реформах возвратить из Австрии беглецов, тем не менее я должен сказать несколько слов о последней ее попытке. Мехмет-бей Капитанович с дервентским каймакамом, 19-го текущего, имели свидание в Броде с босняками. Наши единоверцы категорически объявили, что они больше не хотят быть подданными правительства тиранического, бездушного, бессердечного, презирающего христиан, задушившего своего государя за то, что он обязался дать реформы, и подчинившего его преемника своей воле, чтобы орудовать по Корану и пр.

В Броде действуют тайно комитеты восстания[1]. Эти комитеты издали от боснийского народа прокламацию, в которой, описывая страдания народа, изъявляя благодарность европейским державам за участие, объявляют, что он имеет одного союзника, сильней которого не имеется на земле — Бога. «От имени же этого союзника — Бога заявляем, — говорит прокламация, — что мы отделяемся от нехристианского константинопольского правительства и отныне сливаем свою судьбу, какая бы она ни была, с княжеством Сербии, к которому присоединяем нашу Боснию, и провозглашаем нашим государем князя Милана IV, как законного преемника древних наших королей и царей».

Эти прокламации посланы также в Сараево. Бродские комитеты в своих инструкциях к здешним «патриотам» предписывают восстать непременно, бежать в горы, перескакивать чрез все преграды, чрез толпы башибузуков, батальоны и орудия. Если бы здесь случилось малейшее движение, то несчастных христиан ожидает немедленное избиение, которое совершенно бесполезно для выигрыша сербского дела и во всяком случае скорее бы повредило ему.

Положение австрийских славян выясняется с каждым днем. Здешние власти стали получать телеграммы о переходе боснийских границ далматинцами, кроатами. Говорят, Бихач и Ливно в осаде...[2*], Белина — в руках сербов... Мехмет Али дерется в окрестностях Сенницы... Подгорица пала... Во всяком случае мы в жалком положении. На границах происходит борьба, мы в середине — среди фанатического народа, призванного отстаивать веру, землю и свое владычество, среди властей, враждебно к нам расположенных, и жалкого невооруженного христианского населения.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиатский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 123–125. Автограф.

[1*] Холмса

[2*] *Здесь и далее отточия документа.*

[1] Образование повстанческого комитета в Броде предположительно связывают с активизацией деятельности сторонников славянофильского движения в России на территории Боснии и Герцеговины в связи с началом сербско-черногорско-турецких войн и особенно с приближением русско-турецкой войны. Им приписывается оживление восстания в Боснии в 1877 г. Тайный комитет в Славонском Броде был создан летом 1876 г. Прослеживаются его связи с русским консулом А. Н. Кудрявцевым, М. Деспотовичем и прибывшим туда В. С. Иониным. Комитет ориентировался на помощь России (см.: *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 461–462).

92

Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову о решении европейских держав соблюдать принцип невмешательства в боснийско-герцеговинском вопросе и отклонении ими плана предоставления Боснии и Герцеговине автономии

№ 295 1 (13) июля 1876 г.

Confidentielle

Monsieur le chancelier!

J'ai cru devoir informer votre altesse avant hier par le télégramme[1], ci-joint de la confidence qui m'avait été faite par un de mes collègues des Grandes Puissances. Il m'a montré les instructions qu'il avait reçues de son gouvernement, et dans lesquelles on lui expliquait que la France avait travaillé activement à amener un accord entre nous et l'Angleterre, que l'Italie l'avait également désiré et que les explications, directes échangées entre votre altesse et le cabinet de Londres avaient fait espérer un instant une entente basée sur l'autonomie de la Bosnie et de l'Herzégovine. Le plan aurait échoué grâce à l'attitude du cabinet de Vienne qui serait décidé de s'opposer à tout développement de l'élément slave dans lequel il voit un danger pour les populations de ses confins. Les pourparlers n'auraient donc abouti qu'a la proclamation du principe de non- intervention, et encore certaines Puissances y auraient elles mis quelques réserves qu'il serait important de connaître d'avance pour apprécier leur attitude probable dans certaines éventualités.

Ces informations intéressantes sont terminées par la réflexion que le plus important pour le maintien de la paix serait une entente sincère et réelle entre la Russie et l'Autriche, dans laquelle le cabinet de Vienne put être convaincu de l'impossibilité de laisser la Bosnie et l'Herzégovine dans les conditions actuelles, et de la nécessité de leur donner un self govemment si ce n'est une indépendance entière. Pour gagner l'Autriche-Hongrie à une de ces combinaisons la Russie pourrait éventuellement lui accorder une cession territoriale dans ces provinces, après quoi les autres Puissances n'hésiteraient pas à confirmer les arrangements pratiques convenus entre les cabinets de St. Pétersbourg et de Vienne.

J'ai appris à ce propos que l'idée intime de la Staats Kanzlei serait non seulement de ne conférer à la Serbie aucune espèce d'extension territoriale aux dépens de la Bosnie, mais de s'opposer même à ce que celle-ci obtienne autre chose qu'une autonomie restreinte sous le protectorat particulier de l'Austro-Hongrie, si l'annexion à l'empire des Hapsbourg était reconnue définitivement irréalisable.

Les idées anglaises sur l'organisation projetée de la Bosnie et l'Herzégovine ont apparu sur le terrain de Constantinople sous une forme beaucoup moins explicite que celle qui paraissait devoir leur être donnée à Londres. Interpellé par le comte Zichy sur le sens qu'il attachait à l'autonomie de ces provinces, sir Henry Elliot a répondu que ce devait être la constitution de Crète[2] amplifiée, avec le correctif d'un gouverneur général ottoman nommé pour une période de cinq années.

C'est à peu près l'idée que Midhat pacha voulait appliquer à toutes les provinces chrétiennes de la Turquie. A la remarque de l'ambassadeur austro-hongrois que rien de stable ne pourrait être appliqué sans la surveillance des Puissances, notre collègue britannique se récria contre toute ingérence étrangère dans les affaires intérieures de la Turquie, ingérence qui ne serait selon lui, ni admise par la Porte, ni appuyée par la Grande Bretagne.

Ainsi que je l'ai mentionné dans mon télégramme sous indiqué, le comte Zichy et le baron Werther ont reçu à 24 heures de distance, la nouvelle télégraphique du résultat de l'entrevue de Reichstadt. Les Puissances auraient renoncé à toute démarche auprès de la Porte antérieurement combinée, et seraient convenues d'appliquer aux événements de la péninsule Balkanique le principe de non intervention, sauf les cas spéciaux (Konkreton Fâlle) qui seraient réservés à une entente ultérieure entre les trois cabinets impériaux. Les ministres turcs attribuent sur les insinuations de sir Henry Elliot, ce résultat à l'attitude prise par l'Angleterre. Mais ils en paraissent quelque peu embarrassés, car ils y voient la possibilité pour les cabinets de sortir à tout instant de leur réserve, et croient y découvrir en outre de notre part une certaine confiance dans la force des chrétiens révoltés.

J'ai cru devoir communiquer à votre altesse par le télégraphe l'avis exprimé par mon collègue britannique à quelques personnes comme quoi la publication du blue book, refusée d'abord et accordée ensuite, lorsque les essais d'entente avec nous avaient définitivement échoué, jetterait de nouveaux germes de discorde entre la Russie et ses alliés. Comme sir Henry Elliot ne pouvait faire allusion qu'à sa propre correspondance qui devait y paraître, et que d'un autre coté il n'avait cessé ici d'employer tous les moyens pour nous désunir, nous avons quelques appréhensions, mes collègues et moi, d'y voir paraître des informations et des faits erronés. Si c'était le cas, nous nous verrions, bien à regret, dans la nécessité de relever les inexactitudes et de rétablir la vérité.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, Monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et obéissant serviteur

N. Ignatiew

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 30. Л. 246–250. Подлинник.

Перевод

Конфиденциально Господин канцлер!

Я счел себя обязанным информировать позавчера вашу светлость прилагаемой телеграммой[1] о тайном признании, сделанном мне одним из моих коллег из великих держав. Он показал мне инструкции, полученные им от своего правительства, в которых указывалось, что Франция активно работала в целях достижения договоренности между нами и Англией, что Италия также ее желала и что в результате непосредственных взаимных объяснений между вашей светлостью и лондонским кабинетом на мгновение появилась надежда на соглашение, основанное на автономии Боснии и Герцеговины. План сорвался благодаря позиции венского кабинета, который решил противиться всякому расширению славянского элемента, в котором он видит опасность для населения в пределах своих границ. Поэтому переговоры завершились лишь провозглашением принципа

невмешательства, и к тому же некоторые державы выдвинули ряд оговорок, которые было бы важно знать заранее, чтобы оценить их вероятную позицию при определенном повороте событий.

Эти интересные сведения заканчивались размышлением о том, что самое важное для сохранения мира — это искреннее и реальное согласие между Россией и Австрией, при котором венский кабинет можно было бы убедить в невозможности оставить Боснию и Герцеговину в нынешнем состоянии и в необходимости предоставить им самоуправление, если не полную независимость. Для того, чтобы привлечь Австро-Венгрию к одной из этих комбинаций, Россия могла бы в случае необходимости предоставить ей территориальные уступки в этих провинциях, после чего и другие державы без колебаний подтвердили бы практические договоренности, согласованные между санкт-петербургским и венским кабинетами.

Я узнал в связи с этим, что затаенная идея австрийской государственной канцелярии заключалась в том, чтобы не только не допускать никакого территориального расширения Сербии за счет Боснии, но даже противодействовать тому, чтобы последняя добилась чего-либо, кроме ограниченной автономии под особым протекторатом Австро-Венгрии, если ее аннексия империей Габсбургов будет признана окончательно неосуществимой.

Английские идеи о предполагаемом статусе Боснии и Герцеговины появились на константинопольской почве в гораздо менее ярко выраженной форме, чем та, которая, казалось бы, должна была быть им придана в Лондоне. Когда граф Зичи спросил сэра Генри Эллиота о том, какой смысл он вкладывает в идею автономии этих провинций, тот ответил, что это должна быть конституция Крита[2] в увеличенном масштабе с той поправкой, что на пятилетний период будет назначен оттоманский генерал-губернатор.

Это приблизительно та же идея, которую Мидхат-паша хотел провести в жизнь в христианских провинциях Турции. На замечание австро-венгерского посла о том, что ничего устойчивого не может быть проведено в жизнь без наблюдения держав, наш британский коллега выступил против всякого иностранного вмешательства во внутренние дела Турции, вмешательства, которое, по его словам, Порта не допустит, а Великобритания не поддержит.

Как я упоминал в отмеченной телеграмме, граф Зичи и барон Вертер получили с промежутком в 24 часа телеграфное известие о результате встречи в Рейхштадте. Державы отказались от всякого ранее согласованного демарша перед Портой и договорились придерживаться в отношении событий на Балканском полуострове принципа невмешательства, кроме отдельных случаев, которые подлежат последующему согласованию между тремя императорскими кабинетами. Турецкие министры, благодаря инсинуациям сэра Генри Эллиота, приписывают этот результат позиции, занятой Англией. Но они кажутся в связи с этим несколько стесненными, поскольку видят здесь возможность того, что кабинеты в любой момент могут отказаться от своей сдержанности, и к тому же усматривают в нашей позиции определенную уверенность в силе восставших христиан.

Я счел долгом сообщить вашей светлости по телеграфу мнение, высказанное моим британским коллегой нескольким лицам о том, что публикация «Синей книги», вначале отвергнутой, а затем признанной, когда попытки достижения согласия с нами определенно провалились, посеяла бы новые зерна раздора между Россией и ее союзниками. Поскольку сэр Генри Эллиот мог сослаться только на свою собственную переписку, которая должна там появиться, и поскольку, с другой стороны, он не брезговал здесь никакими средствами, чтобы нас разъединить, мои коллеги и я испытываем некоторые опасения насчет того, не будут ли в ней приведены ошибочные сведения и факты. Если это произойдет, мы, к большому сожалению, будем вынуждены указать на неточности и восстановить правду.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, господин канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугою

Н. Игнатьев

[1] Секретную телеграмму Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову от 29 июня 1876 г. см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 30. Л. 110–110 об.

[2] Встреча представителей России и Австро-Венгрии состоялась 26 июня (8 июля) 1876 г. в Рейхштадте. Итоги секретных переговоров запечатлены в 2-х записях, продиктованных Д. Андраши и А. М. Горчаковым, никем не заверенных, имеющих расхождения. Все вопросы на переговорах рассматривались с двух точек зрения: на случай победы турок и на случай победы «христиан» (т. е. славян). Обе державы признали «принцип невмешательства» и договорились вернуться к вопросу, если обстоятельства потребуют активных действий. Для Боснии и Герцеговины в случае успеха турок, значится в русской записи, «державы будут настаивать в Константинополе на том, чтобы они получили устройство, основанное на программе, изложенной в депеше от 30 декабря и в Берлинском меморандуме, или, по меньшей мере, согласно статуту острова Крита». Австрийский текст близок по смыслу к русскому. Босния и Герцеговина должны были получить ограниченные реформы.

При условии победы славян, говорилось в русской записи, «Черногория и Сербия будут иметь возможность аннексировать: первая — Герцеговину, вторая — некоторые части Старой Сербии и Боснии. Но в таком случае Австрия будет иметь право аннексировать турецкую Хорватию и некоторые пограничные с ней части Боснии по линии, о которой состоится соглашение». Записи о размерах возможной аннексии Австро-Венгрии значительно отличаются между собой.

Наконец, в случае «полного крушения Оттоманской империи в Европе» в русском варианте записано создание на Балканах «независимых княжеств в их естественных границах», а в австро-венгерском — «автономные государства», среди которых названа Босния (см. док. 93. Текст «Рейхштадское соглашение между Россией и Австро-Венгрией. Запись русской стороны. Австрийский вариант» опубл.: Сборник договоров России с другими государствами. 1876–1917. М., 1952. С. 144–148).

Из публикуемого документа ясно, что подлинное содержание Рейхштадского соглашения осталось в это время для Н. П. Игнатьева неизвестным. В подтверждение см. док. 93.

93

Донесение Е. П. Новикова А. М. Горчакову о заявлении Д. Андраши относительно отказа Австро-Венгрии от завоеваний на Балканах и его удовлетворении соглашением в Рейхштадте

2 (14) июля 1876 г. Вена

Très secrète

Mon prince!

Le jour même de l'entrevue de Reichstadt, dans le train de cour qui nous ramenait à Vienne, le ministre des affaires étrangères d'Autriche m'exposa en détail les idées qui venaient d'être échangées confidentiellement à l'auguste conférence.

De ce nombre, les combinaisons de remaniements territoriaux en Turquie pour le cas d'une victoire des chrétiens, sont restées secrètes entre lui et moi. Aucun des employés supérieurs de la chancellerie d'Etat, pas même Hofmann et Orczy, n'y a été initié.

Le c[om]te Andrassy m'a fait part également des considérations qui l'ont amené à poser la question de l'avenir. Je les résume ici, ne sachant pas dans quelle étendue il a eu le temps de les communiquer à votre altesse.

Toute annexion en Orient m'a-t-il dit était considérée par le gouv[ernemen]t austro- hongrois comme une charge plutôt que comme une acquisition; mais on pourrait encore moins tolérer à Vienne et à Pesth que la Serbie s'étendît, par voie de conquête, de manière à devenir un centre d'attraction pour les slaves de la monarchie et à menacer la puissance maritime de l'Autriche sur son littoral adriatique. Le cas échéant, on se verrait obligé de s'y opposer soit avec soit malgré la Russie.

On le savait à Belgrade et M. Ristich avait fait parvenir au cabinet de Vienne des propositions tendant à abandonner à l'Autriche une partie de la Bosnie jusqu'au cours du Vrbas. Le c[om]te Andrassy n'y avait même pas répondu. Une autre insinuation arrivée de l'Allemagne (?) et que l'agent de Serbie à Vienne avait qualifiée d'acceptable, consistait en ce que la Serbie agrandie adoptât vis-à-vis de l'Autriche une position analogue à celle des Etats allemands vis-à-vis de la Prusse et fournît à la monarchie un contingent militaire. C'était la reproduction du projet caressé il y a quelque temps par Khalil-chériff pacha au profit de son propre gouvernement. Le c[om]te Andrassy l'avait également repoussé. Il y avait vu poindre le noyau d'un Etat slave fédératif dont Miletics l'entretenait du temps qu'ils étaient rangés sous le drapeau d'une opposition commune et qui, s'étendant d'étape en étape, à commencer par la Bulgarie voire même jusqu'aux portes de Constantinople, réaliserait le programme du «Raubstaat»[1*] et affaiblirait la monarchie par un agrandissement territorial sans compensation réelle de force intrinsèque.

D'autre part, à l'ambassadeur austro-hongrois à Londres lui avait adressé une série de lettres évidemment destinées à agir sur l'esprit de l'empereur François-Joseph dans un sens contraire à l'entente austro-russe. Le c[om]te de Beust y faisait entrevoir, dans une alliance avec l'Angleterre, une solution facile des difficultés pendantes vis-à-vis de nous, et il insinuait avec les Anglais que la Serbie, en s'agrandissant, tendrait vers la mer et deviendrait un danger pour la Dalmatie. Le ministre des Affaires étrangères avait placé

toutes ces lettres de l'ambassadeur sous les yeux du souverain mais en faisant reporter qu'indépendamment du caractère peu loyal qu'elle affecterait à notre égard, une négociation pareille impliquerait, à côté d'avantages problématiques, des dangers réels. L'Angleterre, comme île, échapperait aux périls d'une guerre avec la Russie, tandis que l'Autriche y serait exposée en plein.

Je n'ai pu m'empêcher de relever, aux yeux de mon interlocuteur, la coïncidence de cette intrigue de M. de Beust avec certains articles des journaux de Vienne préconisant une évolution de la politique austro-hongroise dans un sens anglais sous les auspices de cet homme d'Etat. Le c[om]te Andrassy m'a avoué qu'il soupçonnait Beust lui-même de les avoir inspirés[2*].

Toute autre solution se trouvant exclue, il s'était rattaché étroitement à la seule possible, celle qui serait combinée avec la Russie, et il s'estimait heureux qu'elle eût été concertée à Reichstadt. Désormais l'on pouvait être tranquille sur les conséquences de la lutte et lors même qu'une victoire des Turcs écarterait momentanément l'application du programme d'avenir, celui-ci n'en resterait pas moins une acquisition sérieuse pour un peu plus tard, car dans la conviction intime du ministre, le temps d'arrêt qui s'en suivrait ne pouvait être d'une trop longue durée.

Aussi l'ai-je vu accueillir avec une secrète satisfaction les nouvelles arrivées de Constantinople et constatant un premier succès des Serbes à Novi-Bazar[1]. Il m'a répété qu'au point où en étaient venues les choses, il vaudrait presque mieux que la solution de la question d'Orient ne se fît plus attendre.

Importante au point de vue des affaires orientales, l'entente sanctionnée à Reichstadt ne lui semblait pas devoir être moins féconde en résultats en ce qui concerne le reste de l'Europe. Les principes conservateurs des deux monarchies alliées serviraient de sauvegarde contre l'esprit radical qui soufflait de l'Allemagne.

J'ai l'honneur d'être, avec un profond respect, mon prince, de votre altesse le très humble et obéissant serviteur

Novicow

Помета о получении: 5 Juillet.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 128. Л. 193–198. Подлинник.

[1*] *Букв.* — разбойничьего государства *(нем.), здесь* — агрессора.
[2*] *На полях помета Александра II:* Il en est bien capable!

Перевод

Князь!

В самый день встречи в Рейхштадте, в дворцовом поезде, на котором мы следовали в Вену, министр иностранных дел Австрии подробно осветил передо мной идеи, которыми только что конфиденциально обменялись между собой участники свидания августейших особ.

Из числа этих идей комбинации территориального переустройства в Турции в случае победы христиан остались в секрете между нами. Никто из высших сановников государственной канцелярии, даже Гофман и Орчи, не был в них посвящен.

Граф Андраши также сообщил мне соображения, побудившие его поставить вопрос о будущем. Я резюмирую их здесь, не зная, в каком объеме ему удалось передать их вашей светлости.

Всякая аннексия на Востоке, — сказал он мне, — рассматривается австро-венгерским правительством скорее как обуза, чем как приобретение; но в Вене и в Пеште еще в меньшей степени могут вытерпеть тот факт, что Сербия будет расширяться путем завоеваний, так что она станет центром притяжения для славян Австрийской монархии и будет угрожать морской мощи Австрии на ее адриатическом побережье. В подобном случае австрийцы будут вынуждены этому противостоять — с Россией или без нее.

Об этом было известно в Белграде, и г-н Ристич направил венскому кабинету предложения, направленные на уступку Австрии части Боснии вплоть до реки Врбас. Граф Андраши на них даже не ответил. Другая инсинуация, пришедшая из Германии (?), которую агент Сербии в Вене охарактеризовал как приемлемую, состояла в том, что расширенная Сербия займет по отношению к Австрии позицию, аналогичную позиции германских государств по отношению к Пруссии, и поставит монархии воинский контингент. Это явилось воспроизведением проекта, который некоторое время назад вынашивал Халил Шериф-паша в пользу собственному правительству. Граф Андраши его также отверг. Он увидел в нем зачатки ядра федеративного славянского государства, о котором с ним беседовал Милетич в ту пору, когда они оба находились под знаменем совместной оппозиции, и которое, расширяясь шаг за шагом, начиная с Болгарии и даже вплоть до врат Константинополя, осуществляло бы программу «Raubstaat»[1*] и ослабляло бы монархию путем территориального расширения без реальной компенсации внутренней силы.

С другой стороны, австро-венгерский посланник в Лондоне направил Андраши серию писем, очевидно нацеленных на то, чтобы подействовать на настроения императора Франца-Иосифа в направлении, противоположном австро-русскому согласию. В этих письмах граф Бейст усматривал в союзе с Англией легкое разрешение текущих затруднений по отношению к нам, и он намекал англичанам на то, что Сербия, расширив свои владения, устремится к морю и будет представлять опасность для Далмации. Министр иностранных дел представил все эти письма посланника монарху, отметив при этом, что независимо от нелояльности, проявляемой в них по нашему адресу, подобные переговоры, помимо проблематичных преимуществ, создали бы реальные опасности. Англия как остров не подверглась бы риску войны с Россией, в то время как Австрия ощутила бы его в полной мере.

Я не мог не привлечь внимание своего собеседника к совпадению этой интриги г-на Бейста с некоторыми статьями венских газет, ратующих за эволюцию австро-венгерской политики в английском направлении под покровительством этого государственного деятеля. Граф Андраши признался мне в том, что он подозревает, что они были инспирированы самим Бейстом[2*].

Поскольку всякое иное решение оказалось исключено, он твердо встал на позицию единственно возможного — связанного с Россией, и считал себя счастливым по поводу того, что оно было совместно принято в Рейхштадте. С тех пор можно было быть спокойным относительно последствий борьбы, и даже если победа турок на время отдалила бы осуществление программы будущего, последняя, тем не менее, осталась бы серьезным достижением для несколько более позднего периода, т. к., согласно глубокому убеждению министра, задержка, которая затем последовала бы, не могла бы быть слишком долгой.

Я также встретил с тайным удовлетворением известия, поступившие из Константинополя, и свидетельствующие о первом успехе сербов под Нови-Базаром[1]. Андраши твердил мне, что на той точке, до которой дошло дело, было бы, пожалуй, лучше не затягивать решение Восточного вопроса.

Важное с точки зрения восточных дел соглашение, заключенное в Рейхштадте, по его мнению, должно быть не менее плодотворным в применении к остальной Европе. Охранительные принципы обеих союзных монархий послужили бы оплотом против радикального духа, веющего из Германии.

Имею честь быть с глубоким почтением, мой князь, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугою

Новиков

[1*] *Букв.* — разбойничьего государства *(нем.), здесь* — агрессора.
[2*] *На полях помета Александра II:* Вполне может быть!

[1] Речь идет об успешном для сербов начале сербско-турецкой войны. Сербия объявила войну Порте 18 (30) июня 1876 г. Военные действия начались 20 июня (2 июля). Целью войны объявлялось освобождение всех угнетенных христианских народов Турции и объединение сербского народа. Сербское руководство надеялось активизировать восстание в Боснии и Герцеговине, поднять на борьбу болгар, однако общебалканского выступления не произошло. Сербская армия имела численное превосходство над турецкой, но значительно уступала ей в качественном отношении. Пост главнокомандующего занял русский генерал М. Г. Черняев. Первые две недели сербская армия вела успешные бои на Моравском фронте. Но после значительного пополнения турецких войск сербское наступление было остановлено на всех направлениях. Военные действия были перенесены на территорию княжества. После короткого перемирия в августе 1876 г., заключенного при посредничестве великих держав, военные действия были возобновлены, но были крайне неуспешны и привели к критическому положению после 29 сентября, когда турецкая армия прорвала фронт у Джуниса и путь на Белград был открыт. От окончательного разгрома Сербию спас ультиматум России Турции от 19 (31) октября. Порта согласилась на перемирие. Россия оказала значительную материальную, военную и дипломатическую помощь Сербии. В результате предпринятых шагов перемирие было продлено еще на два месяца (16 декабря 1876 г. — 16 февраля 1877 г.). Однако состояние сербской армии и положение в стране исключали возможность

дальнейших активных действий. По совету А. М. Горчакова 16 (28) февраля 1877 г. Сербия подписала мир с Турцией на условиях довоенного статус-кво.

С началом русско-турецкой войны русское командование рассчитывало на военную помощь Сербии. 18 ноября сербское правительство после некоторого колебания решило призвать народ к оружию. После падения Плевны 1 декабря 1877 г. Сербия объявила войну Турции. Вторая сербско-турецкая война проходила в более благоприятных условиях, была короткой (ок. 6 недель) и успешной. 29 декабря 1877 г. (10 января 1878 г.) был взят Ниш. Война закончилась с подписанием перемирия между Россией и Турцией 19 (31) января 1878 г. (см.: *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория в войне с Турцией. С. 59–75).

Об участии боснийских повстанцев в событиях сербско-турецкой войны см.: *Поплыко Д. Ф.* Боснийско-герцеговинское восстание и русско-турецкая война... С. 100–101.

94

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о позиции католического духовенства в Боснии

№ 213 19 июля 1876 г. Сараево

Секретно

Милостивый государь Николай Павлович!

Положение, занимаемое римско-католическим духовенством в Боснии, более или менее известно вашему превосходительству.

В то самое время, когда православие в течение всех 4-х веков своего рабства ни на минуту не отрешалось от своей народности, от писмен и языка, от исторических преданий, латинство в Боснии оторвало себя от племенных и исторических связей, преследуя одни корыстолюбивые цели своего всемогущества над католическим народом.

Это всемогущество над своею паствою латинское духовенство, как известно, имеет давно в своих руках. Ему способствовали соседство, симпатии и пропаганда соседней католической державы, которая и словом и делом притягивала к себе и духовенство, и народ. Влияние Австрии сделалось одно время так сильным, что эта держава после потери Ломбардии серьезно стала помышлять о присоединении к себе Боснии.

Но в 1861 г. многое изменилось в ущерб успехам этой пропаганды. Хорватский народный собор торжественно признал равноправность вероисповеданий и народности сербов в Триедином королевстве[1]. Это признание имело неотразимое влияние на боснийское латинство. Оно обратило свои взоры на Дьяково, где проживал и проживает знаменитый славянский прелат-оратор Штроссмейр, поборник национальной идеи славянского единства. С тех пор движение католицизма обратилось в пользу сближения славянских народностей, несмотря на усиление немецкой и впоследствии, в особенности, венгерской действующих партий, пропагандировавших начала отчуждения от сербства. Брошенные дьяковарским епископом семена пали не на каменную почву. Дотоле жившие в стороне от политических соображений, католики стали мечтать и о народности, и об общей свободе собственной, своих потомков и своей земли. Движение стало одно время так ярко обрисовываться, что турецкое правительство обратило на него внимание. Ему не мог нравиться союз христиан; и не помню теперь, по какому случаю бывший генерал- губернатор Осман-паша в пылу негодования выразился однажды так: «Католики сделались православными».

В первое время движения католики Боснии обратили свои симпатии на Сербию, ибо с этим княжеством неразрывно соединено прошлое их отечества. Но затем по Боснии разместились сестры милосердия, основавшие школы и принявшие на себя послушание распространять мысль о присоединении Боснии к Кроации. Появились также монахи-траписты, основавшиеся близ Банялуки и пришедшие из Венгрии. Католичество всею силою стало работать в свою пользу, опираясь на поддержку извне, а так как нравственная и материальная поддержка вытекала

отовсюду, кроме как из Сербии, то сие княжество вскоре оставлено было в стороне, ибо вещественный интерес для невежественного и фанатичного народа гораздо ощутительнее нравственного идеала или исторической идеи.

Наступило, наконец, восстание в Боснии и Герцеговине и затем война Турецкой империи с Сербией и Черногорией. Пропагандирующие в среде католицизма партии поспешили натянуть пружины, каждая рассчитывая на успех.

Австро-венгерские агенты потребовали заявлений латинского духовенства в пользу своего государства. Отсюда — различные адресы, напечатанные в газетах, отрицание прав Сербии, признание преимущества турецкой цивилизации над сербским варварством и необходимость выбрать из двух зол меньшее: «предпочесть присоединение к Австрии». Турецкое правительство потребовало формирования католических вооруженных легионов против общего врага[2]. Это требование произошло оттого, что латинство, глубоко соблюдающее правила иезуитизма, с свойственным ему льстивым лукавством сумело обольстить турок и разъяснить им словом и маской, что православные им такие же враги. Организация отрядов не состоялась. Денег нет, и лишнего оружия не оказалось. Впрочем то и другое, может быть, и нашлось бы, но внезапно в Боснии появились тайные миссионеры дьяковарского прелата с наставлением прекратить движение в ту или другую сторону и взирать пассивно на совершающиеся события.

Успех этой миссии тем более был полный, что латинскому духовенству разъяснено было, что Европа ни в каком случае не потерпит присоединения Боснии к Сербии и что поэтому будущность католицизма гарантирована от призрака главенства православной иерархии в их отечестве.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиатский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 143–144 об. Автограф.

[1] В противовес усилению централистских тенденций Вены в 1861 г. собрался хорватский собор, в котором преобладало влияние «народняков» (представителей Народной партии Хорватии, которую возглавлял И. Ю. Штросмайер). Собор высказался за объединение с Венгрией при условии признания ею самостоятельности и равноправия Хорватии и поддержки воссоединения хорватских земель. Прогрессивным во взглядах хорватских югославистов было признание равных прав за всеми частями «южнославянского народа».

[2] А. Н. Кудрявцев писал по этому поводу Н. П. Игнатьеву 1 июля 1876 г. (донесение № 195): «Член-католик исполнительной комиссии по введению реформ Шишко-эфенди был послан в Травник для организования латинского легиона, который своим сформированием должен будет послужить явным протестом, что католики Боснии вместе с магометанами не желают присоединения своего к Сербии» (АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 126–132).

95

Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о сочувственном отношении мусульманского населения Боснии к возможному ее присоединению к Австро-Венгрии

№ 361 5 (17) августа 1876 г. Буюкдере

Confidentielle

Monsieur le chancelier!

La question de l'annexion de la Bosnie ou d'une partie de cette province à l'Autriche commence à être agitée de plus en plus. Elle se retrouve dans quelques rapports des représentants de l'empereur à l'étranger. Je crois donc devoir soumettre sur ce sujet à votre altesse quelques renseignements qui me paraissent dignes d'attirer son attention.

J'apprends de source confidentielle turque qu'une tendance nouvelle se produirait parmi les habitants musulmans de la Bosnie. Fatigués des désordres qu'y perpétue la domination ottomane, irrités contre les Serbes dont ils repoussent la domination, et peu soucieux d'une autonomie qui égaliserait d'abord et soumettrait ensuite leurs droits à ceux des chrétiens, les musulmans préféreraient tomber sous le joug d'une grande Puissance pour faire partie d'un Etat fort et se voir assuré par sa protection, le maintien de leur privilèges légaux et de leur sécurité. C'est naturellement à la Russie qu'ils voudraient se donner avant tout, mais la main tutélaire de sa majesté l'empereur étant trop éloigné de la Bosnie pour s'étendre sur elle, on y songerait à une annexion à l'Empire voisine des Habsbourg.

Cette information est confirmée par les derniers rapports de notre consul a Séraye-vo. Il soutient que l'entrée d'une armée régulière appartenant à une grande Puissance européenne serait reçu avec enthousiasme par la population de la Bosnie. Mais, selon M. Koudriavtzeff, l'idée d'une annexion à l'Empire voisin y aurait été préparée de longue main par les soins de la propagande catholique et du partie slave de l'Autriche, avec le concours complaisant des autorités impériales et royales.

Soit impuissance pour résister au courant de plus en plus impétueux des tendances slaves, soit hostilité pour la Serbie et impossibilité de la laisser s'agrandir aux dépens de la Bosnie, toujours est-il que le cabinet de Vienne semble s'être réconcilié avec l'aversion qu'il affichait naguère pour l'adjonction à l'Empire Austro-Hongrois de nouvelles provinces slaves.

La sincérité apparente de cette aversion aura pu contribuer même à faciliter l'acquisition à bon compte d'un territoire dont l'annexion était depuis longtemps réclamée par une grande partie de la presse viennoise au nom des exigences géographiques de la monarchie des Habsbourg.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, Monsieur le chancelier, de votre altesse, le très humble et très obéissant serviteur

Nélidow

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 31. Л. 56–57. Подлинник.

Перевод

Конфиденциально

Господин канцлер!

Вопрос о присоединении Боснии или ее части к Австрии становится все злободневнее. Он затрагивается в нескольких донесениях императорских представителей за границей. Я считаю своим долгом представить вашей светлости разъяснения на этот счет, кои, по моему мнению, достойны вашего внимания.

Из конфиденциального турецкого источника я узнал, что новая тенденция проявляется среди мусульманского населения Боснии. Усталые от беспорядков, укоренившихся там за время османского господства, раздраженные против сербов, господство которых они отвергают, и мало озабоченные идеей автономизации, которая сначала уравняла бы их в правах, а потом поставила в подчиненное положение по отношению к христианам, мусульмане предпочли бы подчиниться великой державе, чтобы стать частью сильного государства и заручиться его покровительством, видеть в нем поддержку их законных привилегий и безопасности. Естественно, к России они желали бы отойти прежде всего, но поскольку хранящая рука его величества слишком далека от Боснии, чтобы простереться над ней, здесь помышляют о присоединении к соседней империи Габсбургов.

Эта информация подтверждена донесениями нашего консула в Сараеве. Он утверждает, что ввод регулярной армии, принадлежащей великой европейской державе, будет с воодушевлением поддержан населением Боснии. Но, по мнению г. Кудрявцева, идея ее присоединения к соседней империи с давних пор вынашивалась там католической пропагандой и славянской частью населения Австрии с благословения императорских и королевских властей. Вследствие либо неспособности противостоять становящемуся все более бурным потоку славянских тенденций, либо вследствие враждебности по отношению к Сербии и невозможности позволить ей расширить свои владения за счет Боснии, венский кабинет, кажется, смирился с высказанной им недавно неприязнью к идее присоединения новых славянских провинций к Австро-Венгерской империи.

Кажущаяся искренность этой неприязни могла бы облегчить приобретение этой территории, аннексия которой в течение долгого времени требовалась большой частью венской прессы во имя территориальных интересов монархии Габсбургов.

Имею честь быть с самым глубоким уважением, господин канцлер, ваш верный и покорный слуга

Нелидов

96

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву с предложением о создании консульской комиссии для расследования злодеяний мусульман в Боснии и с проектом предоставления ей политической автономии

№ 250 7 сентября 1876 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

Северо-западная часть Боснии превращается с каждым днем в совершенную пустыню. Большая часть городов и сел в Бихачском санджаке пострадала от огня, люди же — от меча. То же самое можно сказать и об округах Ливенском и Гламочском в Травникском, и о Градишском в Банялукском санджаках. Любопытно было бы в настоящее время посетить сожженные и истребленные местности и лично удостовериться, до какого ужасающего результата довело годичное восстание нищенствующего страдальца-народа с сильными бегами и агами и с регулярными и нерегулярными турецкими войсками.

Сараевский митрополит Анфим говорил мне на днях, что из 52 сел, составляющих Градишский уезд, осталось всего 4 села, что города Петровац, Майдан, Крупа, Ключ, Кулен-Вакуф, Гламоч и несколько других горели по несколько раз, что сношения его, преосвященного, с подчиненными ему приходами давно прекратились, и ему неизвестно, живы ли поставленные им и его предшественниками иереи и существуют ли божьи храмы. Поля не засевались, никто не работал. Совершались лишь набеги одних, отражения других, и затем эти кровавые свалки завершались отчаянною резнею, истребленьем огнем домов и усадьб и бегством людей всех возрастов и полов в ближайшие горы или на территорию соседней державы. Неистовства и жестокости магометан не знали себе меры. Анархия и беспорядки заклеймили администрацию и магометанский элемент.

Много фактов из летописи изуверств и фанатизма боснийских мусульман было отмечено на страницах моих рапортов, но представленное количество оных ничтожно в сравнении с совершившимися. Правда же и историческое повествование о них требует, по моему мнению, тщательных исследований и подробных поименований, и вот почему я позволяю себе обратить высокое внимание вашего превосходительства на мысль о составлении комиссии из гг. секретарей нескольких консульств для осуществления долга священного пред христианством и человечеством.

Если я осмелился остановиться на этой мысли, то только потому что чувствую, что обязанность гг. агентов состоит главным образом в точном изображении местных событий и перечислении тех фактов и явлений, которые имеют значение в общечеловеческом, нравственном, государственном и международном отношениях. Совесть же моя побуждает меня сознаться, что сей обязанности я не вполне исполняю, ибо обстоятельства сложились так, что мы, сидящие в самом центре Боснии, находимся в полном мраке и не знаем сотой доли того, что деется и творится в различных углах этой взволнованной, несчастной страны.

Для снятия укоров совести не с меня одного, но, я думаю, и со многих из моих сотоварищей, смею полагать, что составленный летучий отряд из гг. секретарей консульств мог бы с успехом выполнить многочисленные пробелы наших донесений и возвратить свету то, что сокрыла от него тьма.

В течение последних шести дней получены мною из достоверных источников следующие сведения.

1. Между Градишкой и Банялукой появился отряд новых восстанцев в числе 600 человек под предводительством Симо Стефановича, который три года тому назад находился в здешней тюрьме по поводу градишских событий. Сообщения прерваны между двумя городами. Отряд ворвался в турецкое село Клачиницу, сжег мечеть и пять домов.

2. В часовом расстоянии от Банялуки магометане вошли в дом православного священника, убили его и затем сожгли, и также предали мучительной смерти двух наших единоверцев.

3. В самой Банялуке поджоги христианских домов продолжаются. На днях гонимый правоверными губернатор Абдуллах-эфенди вздумал посетить дом одного православного торговца. За это дело правоверные поспешили пробраться в дом, разлить на деревянном полу керосин и поджечь его. Начальник губернии вместо беседы с нашими единоверцами должен был заботиться о тушении пожара.

4. Чрез Сараево проехал в Мостар военный медик Христофор Левенич, германский подданный. Я встретился и познакомился с ним в доме французского секретаря. Он ехал из Константинополя и пробыл несколько дней в Митровице, Новом Пазаре и Сеннице. Вот что сообщил он мне.

Христианские села в Новопазарском санджаке без жителей. Все они разбежались частью в Сербию, частью в Черногорию. Жители 2-х сел попробовали было остаться, но пришли башибузуки для их охранения, и они должны были бежать кто куда, ибо азиатская орда разграбила все дочиста и подожгла большую часть домов.

Турецкие офицеры и даже бригадные генералы приказывают солдатам рубить головы сербам. Так, у лива Юсуф-паши в каком-то сосуде в спирте сохраняется голова одного сербского офицера, а у сына этого генерала поручика пехотного полка стоит в комнате банка с отрезанными ушами.

Какому-то генералу донесли, что взято в плен пять сербов. Он приказал их отвести в тюрьму, но получивший приказ велел отрубить головы четырем пленным и только пятого посадил в заключение, где его морят голодом, ибо только раз в день отпускают ему стакан воды и сто драм хлеба.

Пруссак Мехмет Али-паша выразился так: «если бы я узнал, что солдат моего корпуса отрубил неприятельскую голову, я бы его велел расстрелять на месте. Но я не могу даже сделать замечания генералам, штаб и обер-офицерам, находящимся под моим начальством, ибо меня обзовут гяуром и я потеряю всякое к себе доверие и лишусь своего положения». Этот самый начальник беспрестанно вопиет пред близкими ему людьми на неспособность его турецких сотоварищей на Мораве вести войну и утверждает, что, если бы его назначили главнокомандующим на место сердар-экрема Абдул Керима, он ранее месяца был бы в Белграде.

5. Погонщики, пришедшие дня два тому назад из Сенницы, сообщили мне, что они лично видели, как с Явора прибыло в этот город 160 телег с турецкими ранеными.

6. 31 августа из Митровицы привезена в Сараево тысяча ящиков с порохом, боевыми снарядами и прочей амуницией в сопровождении двух рот пехоты.

7. Из Яйцы пригнано сюда 300 лошадей для перевозки в Тузлу, Зворник и Белину ядер и бомб, которых более не имеется в тамошних крепостях, и для доставки пороха и патронов.

8. Один бей, возвратившийся из Белины и Зворника и бывший у меня, плакался над действительно безвыходною долею наших пограничных единоверцев. «Сербы требуют их к себе, мы требуем, чтобы они оставались верными. Или там их бысть или здесь».

Всепочтительнейше донося о сем, имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что английский сотоварищ мой получил на днях от лорда Дерби благодарность британского министерства за представленную им записку о политических и административных реформах в Боснии. Английский посол в Константинополе также поздравил г. Хомса[1]* с прекрасным его трудом и, как кажется, выразился в своем письме к нему, что при последующем обсуждении боснийско-герцеговинского вопроса воззрения и выводы его примутся в соображение.

Хотя мне неизвестно содержание записки моего коллеги, но беседы мои с ним дали мне возможность открыть приблизительно его основную мысль.

Г-н Хомс, зная, что его соотечественники не имеют понятия об исключительном положении Боснии, вмещающей в себе три религиозных элемента, взаимно враждующих и ненавидящих себя[2]*, всегда удивлялся, что большая часть английской печати проводила мысль и даже настоятельно требовала для развязки здешних замешательств автономию Боснии и Герцеговины. Если Сербия и Румыния, благодаря русской крови и политики, получили самоуправление и если эти княжества с того времени развивались с успехом во всех отношениях и относительно находятся в состоянии благоденствующем, то это благодаря лишь тому, что магометанский элемент был в этих странах ничтожен и его легко было удалить без ущерба государству и частным лицам.

Между прочим, практическое и наглядное изучение современной истории Турции ясно приводит к заключению, что политическое и гражданское равенство всех подданных империи есть вещь немыслимая и что магометане никогда не откажутся от своих прав и привилегий, приобретенных завоеваниями и освященных Кораном.

Как же в таком случае поступить с Боснией, где магометан считается до 500 000 и когда они одни владельцы большей части земель? Босния отойти к Сербии не может. К Австрии — также. Остается самоуправление и политическая автономия. Но каким образом доведенный до ужасающего разорения, словом, нищенствующий народ, грубый и невежественный, без всякого воспитания и образования, делящийся на три враждебные группы, будет в состоянии развивать свою гражданственность и свое нравственное и материальное благосостояние?

Для успехов желаемого и настоятельно требуемого преуспеяния необходимо прежде всего единство, а это единство долго и вряд ли когда осуществится при традиционной борьбе правоверных, православных и католиков.

Став, я так думаю, на эту точку зрения, г. Хомс, вероятно, развивал мысль о необходимости вверить энергическое управление Боснией турецкому паше — человеку, разумеется, образованному, сильному духом и беспристрастному — под гарантией всех европейских держав и с назначением его на 10-летний срок. Ответственность сего вице-короля не простиралась бы таким образом только пред Портою, но и пред всеми державами. Единоличное управление, опирающееся на дружное действие европейских держав, позволило бы беспристрастно радеть о благосостоянии всех и каждого и установить относительное равноправное сожитие христианского и магометанского элементов. Глава правления в Боснии получил бы возможность подобно египетскому хедиву пригласить достаточное количество европейцев для практического применения всех финансовых, судебных и административных мер и положений, существующих давно в империи, но лишь в одном теоретическом их смысле, т. е. на бумаге. Таков, вероятно, вывод моего сотоварища по возбужденному им вопросу о будущей судьбе Боснии, которую он отделяет от Герцеговины. Сию последнюю он, кажется, желал бы видеть частью присоединенною к Черногории и частью к Австрии.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиатский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 180–184. Подлинник.

[1*] Холмс.

[2*] *Так в тексте.*

97

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву с изложением мнений консулов европейских держав в Боснии об ее будущем устройстве

№ 262 23 сентября 1876 г. Сараево

Секретно

Милостивый государь Николай Павлович!

Из телеграмм и донесений вверенного мне консульства вашему превосходительству благоугодно было усмотреть, что турецкие в Боснии власти по распоряжению военного министерства заняты были в течение двух последних месяцев сосредоточением целого корпуса войск на реке Дрине. Когда число войск регулярных возросло до 20 батальонов и иррегулярных до 10 тыс. человек и когда было доставлено в Зворник и Белину до 24 орудий осадных и полевых, тогда начальник местных войск генерал-лейтенант Вели-паша оставил Сараево и в сопровождении бригадного генерала Измет-паши отправился на Дрину. Общее мнение утверждало, что Вели-паша начнет наступательное движение. И действительно, не успел он еще проехать по всей линии, начиная от Зворника до Рачи, как пришло известие, что сербы покинули свои редуты, поставленные на турецкой территории, и отретировались в глубь страны. Затем официально сообщалось, что Черняев потребовал в Алексинац большую часть войска Алимпича, и предполагалось, что Вели-паша после двухмесячных приготовлений к походу перейдет сербскую границу и направится беспрепятственно на Шабац.

Между тем эти догадки и предположения обманули всех. Вместо похода в Сербию, Вели и Измет-паши возвратились 5 дней тому назад в Сараево с тремя батальонами регулярных войск, с тремя осадными орудиями, тремя полевыми и двумя горными. Возвращение в Сараево генералов и части войск относится, по здешним слухам, к тому обстоятельству, что начавшееся перемирие[1] приведет неминуемо к окончательному миру и что в таком случае нет надобности идти в Сербию. Насколько такое объяснение справедливо — неизвестно. Но не справедливее ли следующее соображение? Порта должна будет согласиться на мир, того не только желает, но и требует Европа. Она возбудила страсти магометан, распалила их фанатизм, уверила, что сокрушит врагов, что разрушит Белград и Цетинье и разорит эти княжества, но не сдержала ни единого слова и сделалась обманщицей в глазах своих правоверных. Она даже усматривает, что в недалеком близком владычество боснийских бегов, аг и управление одного Корана и шер[иата] могут замениться другими началами. Следовательно, взамен обещанного правоверным она предъявит им не одно, а два поражения. Не восстанут ли против нее беги? Или, услыша о возможности исчезновения своего владычества, не предпримут они чего-либо против несчастных голяков-христиан? Нелегко в самом деле видеть вооруженному с ног до головы властелину приближение часа торжества безоружных его рабов! Можно предположить, что призыв сюда войска должен быть отнесен к этому соображению.

Сюда приехал корреспондент газеты «Times» англичанин Гилей. Он был в Сербии в Алексинаце, познакомился с генералом Черняевым, со всем его штабом, присутствовал при сражениях, был также в турецкой армии и затем пробрался на Дрину, посетил Рачу, Белину и Зворник. Он восторженно говорит о наших соотечественниках, проливающих кровь за дело сербов, но не слишком-то хвалит солдат, находящихся под их начальством. В настоящие минуты, перезнакомившись со всеми гг. агентами, он переходит от одного к другому, выслушивая их рассказы о Боснии и ее будущем, входящем в непроницаемое облако и сбивающем с толку каждого, кто сколько-нибудь знаком с внутренними и внешними условиями этой интересной области. Г-н Гилей конечно хочет вывести какое-либо заключение из представившегося ему хаоса и предложить «Times'у» практический проект устроения будущности Боснии, но на чем же он остановится — всякий из агентов, смотря на дело со своей точки зрения и резко расходясь в своих основных положениях:

Английский консул, например, предлагает хедиват, турецкий «Мидхат» под гарантией Европы. Г-н Холмс в бытность свою в Константинополе в начале текущего года посетил этого будущего, может быть, боснийского хедива и в течение трех часов объяснял ему, что Босния только под самоличным управлением его, хедива, с уничтожением парализующих благонамеренные действия пашей меджлисов, составленных из фанатичных и невежественных магометан, может выйти из того безобразнейшего положения, в котором она находится. Ответ Мидхат-паши был таков: «J'accepterai sous ces conditions la direction des affaires, car je me sens capable de transformer la Bosnie et de la présenter à l'Europe en moins de 10 ans riche, civilisée et heurese»[1*].

Из мнения г-на Теодоровича корреспондент «Times'а» должен был заключить, что Босния не может пользоваться автономией, ибо многочисленные представители трех вероисповеданий живут искони в самых враждебных отношениях друг к другу. Бездна, разделяющая их, имеет не один религиозный характер, но и политический. Магометане хотят своего владычества и султана, православные хотят Сербии, католики — Австрии. Но так как теперь признано, что магометане не способны к введению радикальных реформ и что сербы никаким образом не могут сделаться обладателями босняков, ибо белградское правительство достаточно доказало Европе, что оно несостоятельно, нетолерантно, необразованно и само должно бы было находиться в ленном положении под зависимостью могущественного владетеля, то ясно, что для Боснии другого исхода нет, как присоединение к сильной Австрии.

Итальянский консул г-н Перро распространялся в своих суждениях с г-ном Гилеем о необходимости отдать правлению князя Милана Боснийскую область. Одна Сербия, по его мнению, выполнит задачу, данную нескончаемым Восточным вопросом на разрешение Европе. Сербия достаточно показала, что 35-миллионная держава не могла ее сломить в течение трех месяцев и что она будет способна отдать этой нищенствующей ныне и голодной стране присущее ей право на благоденствие, тишину и богатство.

Французский консул г-н Девиен, встретивший г-на Гилея в Зворнике, старался доказывать, что хотя и трудно с первого раза представить себе, чтобы автономное самоуправление могло бы даровать здешней области желаемые спокойствие и переустройство, но, однако, оно есть лучшее из существующих зол. Доказательством служит попытка Европы в Сирии в 1861 году[2]. Благодаря согласному образу действий Европы и ее veto фанатические племена, исповедующие ислам и христианство, пользуются равноправностью, не вызывая в среде своей отместки и резни, а, напротив, умножая и укрепляя установившиеся доверенные между ними отношения.

Корреспондент «Times'а» обращался ко мне также за справками. И я, подобно товарищам моим, высказал свое личное мнение. Найти удовлетворение всем и всему трудно. Одни хотят, чтобы Босния была присоединена к Австрии, другие — чтобы ею управлял сербский князь, иные помышляют о хедивате. Многие полагают, что автономное самоуправление составляет ключ восточной развязки. Но общее мнение и голос один. Ислам не может и не должен более делать попыток управлять миллионами христиан, жаждущих выйти из долгого тяжелого ига и душащего их глубокого мрака и вступить на широкий светлый путь цивилизации, на путь своего нравственного и материального развития. Все европейские державы согласны с этим, и конечно они скоро выговорят свое veto. Иностранным кабинетам известны из долголетних и многочисленных рапортов их агентов прошедшая и современная летопись различных провинций Турецкой империи. Каждая из них по своему географическому, этнографическому и политическому положению имеет свои особенности, и потому каждая может потребовать для общего дела перевоспитания и переустройства свою особую программу реформ.

Что касается до Боснии, то ее положение между католическою Австрией и православною Сербиею совсем исключительное. Здесь борьба к тому же трех элементов. Эти три элемента имеют свои традиции, надежды, цели. Если Босния должна по-прежнему принадлежать Турции, то конечно желательно, чтобы программа реформ была выполнена самою Европою. Первое условие оснований равенства — а последствия его дадут легче правосудие и порядок — это поголовное обезоружение магометанского населения. Я думаю, что без чужеземной военной силы оно не может совершиться. Присутствием этой силы должно воспользоваться для приведения в практическое действие установленных реформ. Чтобы успокоить и избавить от пререканий три враждующих боснийских элемента, хорошо бы было, чтобы 6 санджаков Боснии были заняты войсками не одной державы.

Я позволил себе передать высокому вниманию вашего превосходительства личные мнения гг. агентов, не исключая и моего, высказанные английскому корреспонденту, который приехал в Боснию с целью отыскать меч не для постепенной и долгой рубки восточного гордиева узла, а для его окончательного уничтожения.

С сегодняшнею почтою получил из Лондона от г-жи Johnston, брат которой состоит членом парламента, брошюру «The Turkis Atrocities in Bulgaria»[3] и письмо следующего содержания и текста: «Je pense que vous me source où pour l'envoi d'une

brochure continuent les lettres de Bulgarie qui ont enfin reussi d'animer l'Angleterre pour les pauvres chrétiens appressés qui souffrent tant des atrocités des Turcs. Je sais qu'il est inutile de l'envoyer à Mr. Holmes. Miss Irby et moi nous quitterons l'Angleterre la semaine prochaine pour aller rejoindre les réfugiés en Slavonie. Nous irons aussi en Serbie. Nous faisons tout ce qu'il est possible pour les chrétiens de la Turquie.

L'Angleterre ne doit plus «fala Bogu» (слава Богу, по-сербски).

Mais hélas! Disraeli domine encore»[2*].

Восстание в Боснии не угасает. В Бихачском санджаке около Ключа турки, должно быть, понесли поражение, потому что сегодня ночью втихомолку, как это делается обычно, побежал отсюда один батальон пехоты и отправлены туда три пушки.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиятский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

Резолюция Н. П. Игнатьева: Г-ну Ону для сведения.
Помета М. К. Ону: Читал. Ону.

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 191–194 об. Подлинник.

[1*] Я приму управление делами при этих условиях, поскольку чувствую себя способным преобразовать Боснию и представить ее Европе менее чем через 10 лет богатой, цивилизованной и счастливой *(франц.)*.

[2*] Я думаю, что вы мне укажите, куда послать брошюру, содержащую письма из Болгарии, которые в конце концов сумели воодушевить Англию в пользу бедных угнетенных христиан, столь страдающих от жестокости турок. Думаю, что бесполезно посылать ее Холмсу. Мисс Ирби и я покинем Англию на следующей неделе, чтобы встретиться с беженцами в Славонии. Мы поедем также и в Сербию. Мы делаем все возможное для христиан Турции. От Англии нельзя требовать большего. Но, к сожалению, Дизраэли еще правит *(франц.)*.

[1] См. прим, к док. 93.

[2] См. прим. 2 к док. 18.

[3] Вероятно, речь идет о брошюре У. Гладстона «Болгарские ужасы», рассказывающей о зверствах турок при подавлении Апрельского восстания в Болгарии.

98

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о преследованиях православного населения в Боснии и об отказе представителей христиан подписать адрес султану с протестом против предоставления автономии Боснии и Герцеговине

№ 266 29 сентября 1876 г. Сараево

Секретно

Милостивый государь Николай Павлович!

Имею честь доложить вашему превосходительству о следующих фактах, продолжающих служить неопровержимым доказательством того ужасающего положения, в котором находятся в настоящие дни, с одной стороны, христианское население Боснии и, с другой, турецкие власти.

На прошлой неделе здешняя военная администрация чрез своих солдат регулярных открыто продавала на базарах лошадей и крупный рогатый скот. Эта добыча не есть результат храбрых подвигов турецкой армии в Сербии, но добыча, отнятая от мирных христиан, разбегающихся по горам, чтобы не присутствовать при грабежах кровавым потом приобретенного ими имущества.

Я видел одну почтенную личность, которая в подтверждение этого факта сообщила мне следующий подвиг одного из членов местного дворянства. Всем известный Рустем-бей, брат покойного Деда-паши Ченгича, побывав в Поссавине в своем небольшом чифтлике, пригнал на днях оттуда в свое большое поместье Блажево (в двух часах от Сараева) 207 коров и быков и 148 лошадей. Это стадо отнято им силою у различных поселян. Чтобы пригнать его, ему потребовалось несколько человек христиан-погонщиков, которые под угрозою смерти должны были говорить, что стадо составляет законное имущество их хозяина, не желающего, будто бы, подвергать его опасности вследствие близости района войны и восстания.

На прошлой неделе один православный поселянин привел на сараевский базар козла. Магометанин подходит к продавцу и спрашивает цену. «Козел стоит 80 пиастров». «Ах ты скотина этакая, крест поганый!» — вскричал магометанин и отколотил нашего единоверца в глазах полицейских агентов, нашедших, что это дело достойное.

На днях один мусульманин около самого города в глазах целой группы христиан направил свою лошадь на шедшего одиноко старика-христианина. Несчастный упал и весь окровавленный кричал, взывая о помощи. Прибежал стоявший поблизости полицейский караул и, выслушав ездока, как тот нечаянно сбил с ног *кырста* (крест), оставил одного — лежащим без помощи, другого — спокойно продолжать дальнейшие подвиги того же рода в других местах.

Имя изувера Хаджи Лойа достаточно прославлено в летописях боснийской современной истории. Возвратясь два месяца тому назад из Сенницы и собственноручно умертвив пять человек христиан, встретившихся ему на пути в Сараево, о чем в свое время я имел честь докладывать вашему превосходительству,

он принял на себя обязанность уничтожать всеми способами наших единоверцев, путешествующих из Сараева в Высоко (город в 6-ти часовом расстоянии) и обратно. 15 дней тому назад он избил православного купца Бабича и отнял у него пистолеты и лошадь. Сия последняя была возвращена хозяину, но оружие нет. Оно находится здесь в полиции. На четыре письменные жалобы не последовало никаких результатов, разве следующий. Войдя в полицейскую комнату, где председ[ательствова]л алай-бей (начальник забтие), Бабич услышал от полковника такие слова: «убирайся к... мятежник слав!» (славянин, панславист). Спустя неделю после этого происшествия ехал из Высоко в Сараево младший брат Бабича. Хаджи Лойо его остановил и потребовал пистолеты, говоря, что получен султанский фирман, воспрещающий путешествующим христианам носить оружие и повелевающий магометанам отбирать оное. Бабич не давал. Фанатик схватил свой пистолет и хотел выстрелить, но христианин соскочил с лошади и укрылся за дерево, отказываясь положить оружие. Долго шла перебранка, наконец изувер схватил дубину, пустил ею в христианина, но промахнулся и с досады отошел.

Бабич обратился для защиты в императорское консульство. Я приказал подать ему прошение начальнику края. В своем прошении жалующийся между прочим разъяснил, что брат его не получил никакого удовлетворения и что если ему также будет в нем отказано, то он обратится телеграммою в Высокую Порту. Назиф-паша велел позвать к себе Бабича и сказал ему: «Ты хочешь телеграфировать в Константинополь — телеграфируй же сейчас». Выйдя из конака, наш единоверец был, однако, остановлен адъютантом генерал-губернатора, который снова призывал его к себе. «Зачем же ты носил оружие?» — спросил вали. «Я был в дороге и имел на то право», — отвечал христианин. «Но когда к тебе обратился Хаджи Лойо, зачем ты ему противодействовал и не уклонился с пути?» «Дорога царская и широкая, зачем же я стану уклоняться пред Хаджи Лойо!» «Ступай — мы посмотрим, что надо сделать», закончил умеренным голосом вали.

Я сообщил о сем обстоятельстве всем моим товарищам, поставив на вид, что необходимо предупредить начальника края о том, что делается у него и у нас на глазах. Вместе с тем я поручил сказать вали, что при первой встрече со старшим Бабичем турок отнял оружие, при второй — встретил сопротивление, при третьей — его могут убить, ибо и у турецкого христианина существует сознание чести, оборона коей заставит его перейти границу терпения.

Назиф-паша дал приказ привести Хаджи Лойо в Сараево. Заптийский полковник прибежал тогда к генерал-губернатору и наотрез отказался исполнить данный ему приказ. «Скорее лишусь места, чем когда-либо остановлю или арестую нашего Ходжу, хаджи, софту, шейха, учителя, святого, проповедующего джихад и газават!» Все высшие административные лица держали ту же речь начальнику края, и, таким образом, этот несчастный не знает, что делать. Задержать Хаджи Лойо — вспыхнет, по уверению тайной полиции, мятеж и начнется резня, не задержать — противно здравому смыслу и указаниям европейских агентов.

Я нашел нужным сообщить доверенному секретарю вали, что боснийские магометане мастера угрожать и что его начальнику не следует доверять сведениям

тайных агентов полиции, которые, разумеется, как добрые магометане, держут сторону изувера-фанатика. Я присовокупил, что если Хаджи Лойо нельзя будет изгнать из Боснии, то лучше его не удалять из Сараева, ибо, отпустив его в Сенницу, Зворник или Белину, он непременно будет там резать христиан, тогда как здесь он может только их уничижать.

Не знаю, на каком решении остановится начальник края. Я слышал, впрочем, что он намеревается удалить святого шейха и учителя из Сараева.

Разорение страны достигло до maximum. Денег нет. Жалованья не получают ни гражданские, ни военные чины. Солдаты ходили на днях в горы и собирали траву для подстилки не лошадям, а самим себе, потому что не на что купить соломы. В Банялуке полицейские караулы стали грабить жителей, понужденные к тому нежеланием умереть с голоду. Шайки же восстанцев мародерствуют и занимаются теперь разбоем. Говорят, что генерал-лейтенант Вели паша, начальник местных войск, на приглашение отправить войска в Маглайский и Тешанский округа для поражения появившихся там восстанцев будто бы отвечал: «Пускай восстанцы придут в Сараево. Нельзя же в самом деле рассылать и передвигать несчастных солдат, когда они голы, босы, голодны и когда положительно нет денег, чтобы их одеть и накормить».

И вот в те самые минуты, когда несчастных христиан бьют и уничижают, когда отнимают у них имущество ради прокормления самих себя солдаты регулярной армии и башибузуки, когда беги и аги вместо того, чтобы отстаивать свои права и бороться с оружием в руках против сербов, черногорцев и восстанцев, наносят последний удар разорению своего отечества, обирая и грабя своих рабов, турецкие власти в Сараеве и местное магометанское дворянство созывают христиан, православных и католиков, и понуждают их присоединиться к ним для подписи адреса, который они представляют е[го] в[еличеству] султану Абдул-Хамиду[1].

Я имел честь донести вашему превосходительству по телеграфу о сем обстоятельстве. Считаю долгом ныне изложить оное в подробности. 26-го текущего вечером глава боснийской аристократии Фазли-паша пригласил в свой конак митрополита Анфима и членов православной общины. Наши единоверцы нашли у него в сборе всех почетнейших магометан Сараева. Председатель апелляционного суда обратился к ним с речью, в которой выяснил необходимость действовать при текущих событиях единодушно и воспротивиться начинаниям великих держав в деле устроения будущности Боснии и Герцеговины. «Так как, — сказал он,— вы добрые и послушные сыны нашего государя, то вы должны склонить весь православный народ подписать с нами вместе адрес е[го] в[еличест]ву». Затем он читал изготовленный адрес и переводил его. Вот его содержание почти дословное. Начало — пожелания долголетия султану, увеличения его славы и умножение могущества империи. Затем «В[ашему] в[еличест]ву известно, что более года в Боснии и Герцеговине организовались шайки мятежников из православных христиан (о католиках не упоминается), которые истребляют и жгут села и усадьбы и нападают на мирных жителей, силой понуждая их браться за оружие. В течение этого времени, основываясь на ложных известиях, иностранные газеты приписывали причину

этого мятежа тирании и беззакониям турецкого народа, влагая в дух христиан идею какого-то славянства, что и вызвало Сербию и Черногорию к нападению с оружием на Боснию и Герцеговину. Войска в[ашего] в[еличества] при нашем непосредственном участии храбро и победоносно отбили все неприятельские нападения. Но несмотря на эти жертвы, принесенные нами государству и своему отечеству, мы узнали, что европейские державы намереваются предложить в[ашему] в[еличеству] ввести в Боснии и Герцеговине автономию. Это побуждает нас, весь магометанский народ, заявить, что мы не хотим никакого изменения в административном управлении и не желаем отпадения нашего от престола в[ашего] в[еличества]. Равным образом мы не уступим ни одного из наших прав, ни одной привилегии, добытых столько веков тому назад ценою нашей крови и на защиту коих мы и теперь, как и всегда, готовы единодушно положить нашу жизнь.

Умоляем надеяться на нас в будущей обороне нашей империи и отвергнуть всякое предложение относительно изменения порядка вещей в нашем отечестве, даже если бы эти предложения были переданы в[ашему] в[еличеству] совокупным действием всех европейских держав».

Выслушав чтение адреса, наши единоверцы ответили, что они не могут сказать ни да, ни нет прежде чем не сообщат о нем народу. Затем они удалились и на другой день собрались рано в митрополии. Архиерей сообщил народу, в чем дело, заявив, что он не отделится от своей паствы. Наши единоверцы решили единодушно не принимать участия в деле магометан, ибо они чувствовали, что с их стороны было бы бессовестно и бесчестно подавать руку туркам в то время, когда за их освобождение или за улучшение их участи проливается столько крови не одних сербов, черногорцев, босняков и герцеговинцев, но и русских — словом, всех православных сынов славянства. Чтобы оградить себя от неминуемых нареканий и подозрений со стороны начальства и магометан, они составили протокол заседания и поручили сообщить его Фазли-паше и генерал-губернатору. Вот перевод с этого документа.

«Призванные г. митрополитом Анфимом нижеподписавшиеся, собравшись сегодня в митрополии, выслушали от его высокопреосвященства сообщение, коим они были поставлены в известность, что вчера он и шесть наших первых граждан были приглашены к высокопочтенному Фазли-паше, где по прибытии своем нашли они в сборе здешнее магометанское дворянство, которое предложило им собрать нас и понудить приложить наши печати на адрес, посылаемый ими Высокой Порте и относящийся до нынешних событий.

Уразумев, что изготовленный адрес есть дело политическое, мы, по долгу верноподданничества, не считаем себя вправе вмешиваться в оное, ибо само императорское правительство всегда от нас того требовало.

Вследствие этого покорнейше просим сообщить кому следует сие наше единогласное решение, которое удостоверяется собственноручными нашими подписями».

27-го текущего Фазли-паша собирал у себя католиков и точно также предлагал им подписать адрес. Они поступили, как наши единоверцы, ибо, собравшись на вече, решили не отделяться в этом деле от православных. Им, впрочем, было

бы труднее исполнить желание магометан, хотя они и пользуются их благоволением. Дело в том, что австрийские агенты и католическое духовенство успели уверить многие западные державы, что боснийское латинство желает присоединенья своего к Австро-Венгрии. После такого заявления странно было бы подавать адрес султану и ходатайствовать о сохранении status quo.

Мысль об изготовлении адреса принадлежит, как кажется, Константинополю. Мне сообщено, что генерал-губернатор, получив телеграмму великого везиря, трактующую об этом предмете, тотчас отправился к Фазли-паше, с которым имел двухчасовое свидание. На другой день Назиф-паша и Фазли посетили английского консула, а затем уже были призваны христиане.

Сейчас мне сообщают, что евреи поспешили подписать адрес. Православным же и католикам Фазли-паша объявил от лица всего дворянства, что магометане не ожидали встретить отказа в их соотечественниках в деле, касающимся будущности их общей отчизны.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиатский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

Резолюция Н. П. Игнатьева: Г-ну Ону.
Помета М. К. Ону: Читал. Ону.

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 195–200. Автограф.

[1] О мерах властей Боснии и Герцеговины по организации принудительного подписания христианским населением адреса султану см. донесения А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву от 7 октября 1876 г., № 273 (см.: АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 825. Л. 218–219 об.) и 14 октября 1876 г., № 278 (см.: Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 206–208 об.). Автором адреса Кудрявцев считает Фазли-пашу.

99

Прошение студента медицинского факультета Московского университета Г. Филиповича в Московский славянский комитет о выдаче пособия и со сведениями о своем пребывании в Герцеговине в 1872–1876 гг.

2 октября 1876 г. Москва

В 1869 году я поступил из С.-Петербургской духовной семинарии в императорский Московский университет на медицинский факультет, предварительно получив стипендию от Азиятского департамента. В университете я прослушал три курса, а в 1872 году я и мои товарищи Дреч и Лепава получили приглашение от комитетов Белградского, Крагуевацкого, Новосадского и Цетиньского, что дело народного освобождения подготовлено и что скоро будет начато. Ввиду этого комитет нас приглашал немедленно явиться, аппелируя на наш патриотизм. Мы, недолго задумываясь, покинули университет и отправились. Однако восстание не состоялось, потому что правительство сербское решительно отказалось его поддерживать[1].

Итак, восстание было отложено на неопределенное время. Мы порешили остаться на родине, где я и был с Дречем и Лепавой в народной школе в городе Мостаре все до начала восстания, а затем все время участвовал в восстании до августа 1876 г. В августе я приехал и вновь поступил на третий курс медицинского факультета, подав прошение в Азиятский департамент о стипендии. Но, вероятно, пока будет назначена и переслана в университетское правление, придется ждать месяца два, а быть может, и три. Между тем у меня нет решительно никаких средств для существования, и нуждаюсь как в ежедневных потребностях, так и в книгах: Нимеера, Бильрота, Цимсона, Брюке и лекциях, которые необходимы. Кроме того, в кроватном белье, подушке, одеяле и в зымском[1*] платье. Потому честь имею покорнейше просить Славянский благотворительный комитет назначить мне пособие в 100 рублей, а если нельзя, то помочь мне, сколько возможно и в чем возможно.

Георгий Филипович, студент императорского Московского университета, медицинского факультета, III курса

ГА РФ. Ф. 1750. Д. 235. Л. 52–52 об. Автограф.

[1*] *Так в тексте, следует:* зимнем.

[1] Начало франко-прусской войны 1870 г., июль, рассматривалось деятелями Объединенной сербской молодежи («Омладины») как благоприятный момент для более активной подготовки восстания с целью полного освобождения балканских народов от османского владычества. Большое революционизирующее влияние на сербское освободительное движение оказала Парижская Коммуна. Согласно планам «Омладины», началом всеобщего взрыва на Балканах должно было стать восстание в Боснии и Герцеговине. Восстание готовили «Дружина для освобождения и объединения сербов», где активную роль играли В. Пелагич и его сторонники, Шумадийский комитет «Освобождения сербов в Турции» с центром в г. Крагуеваце, руководимый братьями Е. и Св. Марковичами и Савой Груичем, Народная партия Св. Милетича в Воеводине. Велись переговоры с правительствами княжеств Сербии и Черногории, включились русские революционеры и др.

Однако в силу пестрого состава участников совместных действий не получилось, революционных сил оказалось недостаточно, и попытка поднять восстание весной 1872 г. не увенчалась успехом (подробнее см.: *Војводић В.* Уједињена омладина српска и припремање устанка на Балкану 1871–1872 године // Уједињена омладина српска. Нови Сад, 1968. С. 305–315; *Кушева Е. Н.* Из истории русско-сербских революционных связей 1870-х годов // Ученые записки Института славяноведения. М., 1949. Т. 1; *Карасев В. Г.* К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. // Там же. М., 1966. Т. 30).

100

Письмо врача Даниловградского лазарета Я. Д. Петковича И. С. Аксакову о работе лазарета и со сведениями о деятельности в нем Й. Дреча

12 октября 1876 г. Даниловград

Милостивый государь, многоуважаемый Иван Сергеевич!

В последнем своем письме от 20 августа я описал вам вкратце ход нашего устройства. По распоряжению его светлости князя Николая мы должны были составлять на албанской границе три перевязочные пункта и после каждого сражения мы отправляли раненых в цетинские лазареты Общества попечения о раненых, с которым мы находимся в тесной связи и носим знаки Красного Креста[1].

О врачебной деятельности нашего санитарного отряда можно судить по отчету, составленному мною и Циковским в удовлетворение желания г-на Панютина. Отчет этот обнимает период времени от 6 августа по 6 октября и состоит в том, что врачебную помощь у нас получили 1 210 человек, в том числе раненых отправлено в Цетинью 180 чел., отпущено домой 72, приходивших раненых и по кучам 200, умерло 9 чел. Терапевтических больных, приходивших и по кучам, до 750 чел., преимущественно с расстройством органов пищеварения и перемежающеюся лихорадкой. Относительно количества раненых и больных в Биоче, находившихся под наблюдением Зальца в период времени от 18 августа по 15 сентября, Зальц, уезжая в Цетинье, не оставил нам никаких сведений. Зальц находится в настоящее время в Грахове, где существует перевязочный пункт.

Вам, вероятно, известно, что Черногория отклонила перемирие[2], вследствие чего наша санитарная деятельность будет продолжаться и на будущее время. Мы по-прежнему будем поддерживать значение перевязочных пунктов. Вы также слышали, что Даниловград взят турками: этого никогда не бывало. В Даниловграде находится наш центральный перевязочный пункт, который в то же время и непродолжительный постоянный лазарет в том отношении, что прибывающие раненые остаются здесь в устроенных нами лазаретах иногда неделю, иногда больше и получают врачебную помощь до тех пор, пока совершенно не устроится значительный транспорт для цетинских госпиталей.

Хлопоты по хозяйственной части, по доставке перевязочных средств и медикаментов несет на себе многоуважаемый Иван Федорович Дреч, известный вам герцеговинец, воспитанник покойного А. Ф. Гильфердинга и теперь рекомендованный А. С. Ионину князем Николаем. Он — человек весьма практичный и опытный и, как бывший медик Московского университета, сведущ и в благоустройстве раненых. Одним словом, Дреч весьма полезен для нашего санитарного отряда и с большим достоинством заменяет у нас самого лучшего хозяина.

Недавно турки выступили с большими силами из Спужа и завладели одной возвышенностью, называемой Мальватом, на границе Черногории, так что Даниловград и вся Белопавличская долина были не вне опасности. Но тут произошла

такая перемена, что 8-го числа Медунская крепость сдалась со всем гарнизоном, а турки оставили Мальват и Спуж и вернулись в Подгорицу.

Прибавлю еще, что за август мы все получили жалованье и весьма вам благодарны.

Глубоко уважающий вас Я. Петкович

ГА РФ. Ф. 1750. Д. 86. Л. 32–33. Автограф.

[1] Черногория объявила о своем вступлении в войну с Турцией 15 (27) июня 1876 г. Черногорская армия, как и сербская, проигрывала турецкой в вооружении, но главнокомандующий воевода Петр Вукотич добивался успехов благодаря своему старому тактическому приему — внезапной атаке. Попытка командования вести наступление на Нови Пазар для соединения с сербской армией не удалась в силу сосредоточения в Герцеговине значительных турецких сил, что вынудило Черногорию перейти к обороне, а затем перенести военные действия на герцеговинский и албанский фронты. Черногорцы одержали крупные победы при Вучьем Доле (16 июля), осадили (2 августа) и взяли крепость Медун (8 октября) (см. прим. 11 к док. 107). Как и Сербии, Россия оказала Черногории значительную помощь — деньгами на закупку продовольствия, оружия и боеприпасов, а также, как явствует из документа, медикаментами и организацией госпиталей. Однако тяжелые бои истощили черногорцев.

[2] Перемирие, заключенное Сербией с Турцией, распространялось и на Черногорию, но, как видно из документа, она не считала себя обязанной его соблюдать. После провала Константинопольской конференции князь Николай по примеру Сербии начал 8 февраля 1877 г. прямые мирные переговоры с Турцией. В Константинополь отправились Божидар Петрович и Станко Радонич, но турки не согласились на требования князя, и фактически было восстановлено военное состояние. После начала русско-турецкой войны и переправы русских войск через Дунай черногорцы перешли в наступление и освободили Никшич, Бар, Ульцин и др.

Военные действия Черногории шли вплоть до переговоров о мире между Россией и Турцией (подробнее см.: *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория в войне с Турцией. С. 59–75). Об участии повстанцев Герцеговины в черногорско-турецкой войне см.: *Поплыко Д. Ф.* Боснийско-герцеговинское восстание и русско-турецкая война... С. 100, 103–104.

101

Телеграмма А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву о намерении правительства объявить мобилизацию и согласии венского кабинета на совместные действия

19 октября 1876 г.

En chiffres: Mobilisation était nécessaire soit qu'armistice accepté ou rejeté. Ne pouvait plus être retardée et va être décrétée. Ne voyons pas d'autre garantie pour autonomie bulgare, que présence d'une force matérielle. Mettez vous confidentiellement en contact avec Bratiano avec lequel avons à conclure convention pour passage. Milutine propose ou bien d'envoyer de chez vous à Boucarest personne apte, si avez sous la main, ou bien que quelqu'un soit envoyé d'ici à Boucarest. Préférerais première alternative parce que pourriez donner instructions politiques en même temps que militaires sur cette question très délicate. Sommes d'accord avec Autriche sur neutralité bienveillante en cas d'action isolée de notre part en Bulgarie. De ce côté, serions militairement à l'abri. A Vienne on veut éviter action commune ostensible, mais on admet action secrètement combinée, nous en Bulgarie et s'il le faut, autrichiens en Bosnie. Assurances chaleureuses sur maintien d'entente. Novicow va recevoir pleins pouvoirs et instructions. Schweinitz arrive ce soir porteur, dit-on, de toutes les réponses qu'attendions. Bientôt après, Werder partira avec lettre autographe qui initiera empareur Guillaume à nos pourparlers avec Autriche sous secret absolu[1].

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 36. Л. 206–206 об. Отпуск.

Перевод

Шифром: Мобилизация была необходима независимо от того, будет ли перемирие принято или отвергнуто. Ее нельзя было дольше затягивать, и она будет объявлена. Мы не видим иной гарантии болгарской автономии, кроме присутствия материальной силы. Войдите конфиденциально в контакт с Братиано, с которым мы должны заключить конвенцию о проходе. Милютин предлагает либо послать от вас в Бухарест подходящего человека, если таковой имеется у вас под рукой, либо направить в Бухарест кого-нибудь отсюда. Я предпочел бы первую альтернативу, т. к. вы можете дать как политические, так и военные инструкции по этому очень деликатному вопросу. Мы согласны с Австрией по вопросу о благожелательном нейтралитете в случае изолированной акции с нашей стороны в Болгарии. С этой стороны мы были бы в военном отношении в безопасности. В Вене хотят избежать открытой совместной акции, но допускают тайно скомбинированную акцию — мы в Болгарии, а если нужно, то и австрийцы в Боснии. Горячие заверения о сохранении согласия. Новиков получит полномочия

и инструкции. Швейниц прибывает сегодня вечером, имея при себе, как говорят, все ожидаемые нами ответы. Вскоре после этого уедет Вердер с письмом-автографом, которое посвятит императора Вильгельма в суть наших переговоров с Австрией в абсолютной тайне[1].

[1] После поражения сербов России стало очевидно, что конфликт на Балканах может быть разрешен только военным путем. Правительство приходит к решению о необходимости мобилизации. Еще накануне войны Россия провела последовательно две частичные мобилизации: 1 (13) ноября 1876 г. и 3 (15) апреля 1877 г. Важным условием успешной реализации стратегического плана русского верховного командования являлось развертывание русской армии на Дунае. Это вызывало необходимость достигнуть договоренности с Румынией относительно пропуска русских войск через ее территорию. Переговоры в Бухаресте начались в сентябре 1876 г. и завершились 4 (16) апреля 1877 г. подписанием конвенции об обеспечении прохода русских войск через румынские земли (см.: *Ростунов И. И.* Боевые действия русской армии на Балканах в 1877–1878 гг. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. С. 11–12).

102

Письмо командующего боснийскими повстанческими отрядами М. Деспотовича в Петербургский славянский комитет с просьбой о предоставлении денежной помощи боснийским повстанцам для покупки продовольствия и амуниции

23 октября 1876 г.

С тех пор как Сербия и Черногория объявили войну Турции, поневоле замечается какое-то забытие Боснии, где уже восстание и война продолжается слишком год. Правда, что сербское и черногорское правительство имеют свои нужды, что дела им не позволяют как следует обратить нужное внимание на остальные стороны; но правда и это, что здешний край, состоящий под моим правлением, нуждается во всех необходимостях, а между тем с давнего времени не получает от никого никакой помощи. Русские комитети известно, что помогают славянское дело приношением всего нужного в Сербию и Черногорию, и это приносят во имя Болгарии, Боснии и Герцеговины; между тем Босния получает весьма незначительные пожертвования, а нуждаются во всем, и то будь сказано как для больных, так и для здоровых. Кроме недостатка, уже и зима наступила со всеми своими ужасами и последствами.

Далее, боснийское войско геройски сражается в продолжении много времени, а набавки свои добывают чрезвычайно трудно и весьма за дорогую цену, так что нам в 3 раза набавка обходится дороже, чем другим.

Чтобы доказать вам, что действительно амуниция обходится дороже, нужно вам сообщить церемониальные пути. Чтобы доказать, вот как достается амуниция, прежде всего нужно ее купить в Вене через агента, потом заплатить подвоз такой, чтобы хозяин баркаса был обеспечен во всех евентуальностях, если случайно австрийская власть секвестрирует, такая же история бывает перевозом с моря до границы. Много раз случалось, что попались и потеряли одно и другое. Все эти издержки, как 3 больницы и беглецов, мы выдерживаем уже слишком три месяца без никакой помощи; то же самое и другие необходимости лежат на собственном моем издержании.

Затруднительное положение моей армии и беглецов в здешней крае, при уже зимном времени, голые и босые, оставляю вам вообразить, потому что в настоящем положении невозможно будет оставаться и поэтому в надежде, что вы обратите внимание на забытый край Боснии, где ж операций на полю битвы показались успешными. Заключаю в ожиданий, что скорейшей помощи[1].

С подлинным верно: Секретарь В. Аристов

РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 864. Л. 1–1 об. Заверенная копия.

[1] Милета Деспотович — отставной полковник русской службы, являлся полковником сербской армии, был направлен Белградом возглавить инсургентов (см. док. 107). О военных силах под командованием М. Деспотовича см. док. 105.

103

Записка А. Н. Кудрявцева об административном устройстве, судебной системе и экономическом положении Герцеговины

Не ранее 12 ноября 1876 г.[1*]

L'Empire Ottoman est divisé en vilayet administrés par des gouverneurs généreux ou valis, le vilayet en sandjaks administrés par des mutissarifs, les sandjaks en kazas administrés par des caïmakames, les kazas en kassabas administrés par du mudir. Les kassaba comprennent encore des nahias, placées sous la surveillance de chefs appelés «mouhtar». L'administration des nahias peut se comparer à celle des mahliés (quartier) dans les villes.

Une assemblée administrative (idaré medjlis) se trouve dans chaque vilayet sous la présidance de vali. Les membres de droit qui la composent sont le defterdar (comptable en chef) qui fait fonctions de vice-président; le mufti, le cadi et les chefs des communautés non-musulmans. Les membres adjoints sont deux musulmans et deux non-musulmans (la proportion peut variér suivant la communauté la plus nombreuse) nommées pour deux ans. Sur une liste de cinq personnes présentée par le gouverneur générale en élit un ou deux membres. Un membre de la communauté la moins nombreuse (membre Israélite à Sarajevo) ne figure qu'une fois sur trois élections.

Dans le sandjak et le kaza se trouvent également un «idaré medjlis» composé des mêmes éléments. Le mutessarif préside dans le sandjak, le caïmakame dans le kaza. La Bosnie renferme six sandjaks; ceux de Sarajévo au centre, de Travnik et de Bihatch à l'ouest et au nord-ouest, de Bangnalouka au nord, de Zwomik au nord-est et de Novibazar au sud-est qui est resséré entre la Serbie et le Monténégro. Les chefs lieux sont: Sarajevo, Travnik, Bihatch, Bagnalouka, Touzla et Senitza.

L'Herzégovine détachée de la Bosnie depuis bientôt un an ne comprend que deux sandjaks, ceux de Mostar et de Gatsko avec les villes du même nom pour cheflieux. La Bosnie et l'Herzégovine réunies présentent cinquante cinq kazas.

Système judiciaire. Dans les nahias et kassabas on ne trouve que de simples conseils présidés par les mouhtars ou les mudirs. Les affaires litigieuses sont soumises aux tribunaux des kazas appelés «davi-medjlis» qui jugent sans appel jusqu'à mille piastres dans les affaires civiles et commerciales et jusqu'à huit jours de prison dans les affaires correctionnelles. Au dessus de mille piastres et de cette contamination, l'appel est porté devant le tribunal du sangjak (medjlis terni). Le medjlis terni comprend le tidjaret (tribunal commercial), le mehkemé (tribunal civil) et le djénach (tribunal criminel). La compétence en dernier ressort s'élève jusqu'à 5 mille piastres pour les affaires commerciales et 3 mois de prison pour les affaires criminelles. L'appel est porté devant le tribunal «termiji houkouq» au siège du vilajet. L'appel est soumis à «l'ahriam adélié» à Constantinople. On remarque encore au siège du vilajet un tribunal de commerce «tidjaret». Une commission d'arbitrage peut, au besoin, dans les affaires commerciales, être choisir par les parties.

Les affaires de simple police ne peuvenï être jugées par les officiers du corps de gendarmerie (zapti) que jusqu'à concurrence de 40 piastres; au-dessus de cette somme il faut s'adresser au tribunal.

Le cadi préside. Il signe, seul, la sentence les juges assesseurs ne faisant que signale «karar» servant de base au libellé ou jugement. Chaque tribunal a des juges assesseurs au nombre de 4 pour les «davi-medjlis» et les «temisi-houkouq» et de 6 au siège du vilayet. Les juges sont nommés par élection pour deux ans. Les présidents, vice-présidents et greffier sont toujours musulmans; les assesseurs appartiennent aux différentes religions proportionellement à la population. En Bosnie, on compte, ordinairement, moitié de membres musulmans et moitié de non-musulmans. Les kadis qui sont nommés par le gouvernement proviennent en Bosnie, généralement du corps de softas de Constantinople. Ils ne peuvent siéger que 2 ½ ans dans la même ville et prononcent seuls pour les contestation relatives aux mariages et cas de divorce entre sujets musulmans. Les affaires se rapportant au droit civil sont jugées exclusivement par la loi musulmane ou «chériat» et au criminel on statue d'après le «kanoun».

En Turquie on peut s'adresser au tribunal supérieur sans passer par le tribunal inférieux. Le communautés en conforme du paragraphe 10 du Hatti houmayoun s'occupent de leurs procès spéciaux.

Le sujets européens — demandeurs ou défendeurs — sont toujours jugés par les tribunaux du pays, l'exécution appartenant aux gouvernements respectifs.

Le muphti — chef religieux — est nommé par la population et appartient au corps des ulémas, comme les cadis, les nodjas, les muessins. Dans le cas ou la loi du «chériat» n'est pas assez comprise ou explicite, on peut avoir recours aux muphtis qui formulent leur opinion («olour» — cela, «olmas» — cela n'est pas) — dans une pièce appelée fetva. Le cadi, seul, juge pourtant, ne peut s'écarter des décisions du fetva. D'ailleurs, les sentences rendus d'après le «chériat» ne peuvent être frappées d'appel, mais eu cas de vice de forme on a droit de recours à un tribunal supérieur; ce dernier, ne pouvant que donner son avis, ce recours ne doit être regardé que comme moyen d'intimidation.

Des propriétés. Le coran appliqué par le cadi décidait seul des questions de propriété. La loi «kanoun» devrait être seul appliquée d'après la loi du 28 septembre 1874 qui a enlevé au cadi ses pouvoirs. La propriété — chose sainte auparavant — est devenu matière imposable. Les mouhtars et les chefs de villages doivent être consultés. Le conseil ne peut transférer la propriété avant déclaration de non'opposition du chef de quartier. Pendant 5 ans le propriétaire de la maison mitoyenne conserve le droit, en indemnisant l'acheteur, de prendre la propriété.

Le conseil supérieur de la province ou de la localité intervient seul d'après l'avis favorables du mouhtar. Le défter han (registré du cadastre) fournit la preuve du transfert. Le prix du transfert est de 1%. Pour les ventes des immeubles on perçoit le 2½ %, cette taxe était dûe, également, pour le cas de succession directe.

En 1869, le droit de posséder a été concédé aux européens sans réserve qu'ils se conformeraient aux lois locales. Mais ce droit de possession en faveur des européens n'a pas été appliqué en Bosnie.

Des impôts. En tête des impôts je placerai la dîme qui ne peut répondre aux travaux de statistique et n'indique que la production agricole; elle était affermée auparavant au plus fort enchérissement. Actuellement, d'après les nouvelles réformes, le gouvernement devrait la percevoir directement. D'ailleurs, en conformité de l'article 15 du Hatti houmayoun, la perception directe des dîmes devait avoir déjà lieu en Bosnie. Le paysan, non

propriétaire, partage avec le propriétaire le $9/_{10}$ du terrain (il concède ordinairement le $1/_{3}$ appelé la trétina) et cède au gouvernement la 10.

Nous avons ensuite l'impôt sur les immeubles (vergi imlaz) qui est de 4 pour mille; l'impôt sur la location de 4% (vergi idjar) — propriétaire habitant son immeuble ne devant pas acquitter ce dernier impôt; L'impôt sur le chiffre des affaires, sur les métiers (vergi témetouat) de 4%. Les vergi imlas et témetouat augmentent d'un ¼ tous les 5 ans. Les impôts sur la vente des bestiaux de 2½ % pour les boeufs; de 1 para par piastre pour chaque animal appartenant à la 1 catégorie (haïvanat keliri); de 2 piastres par couple pour les moutons; de 4 piastres par couple pour les porces (les moutons et les porces font partie de la 2 catégorie (haïvanat sagiri)).

L'impôt d'exemption du service militaire qui était dû depuis la naissance jusqu'à la mort pour tout sujet mâle chrétien et qui était calculé sur le prix de rachat d'un homme — soit 5 mille piastre divisé par 180 sort 28 piastres environ. D'après un décret tout récent il doit être versé par tout sujet mâle chrétien depuis l'âge de 15 ans jusqu'à celui de 75. Seulement, comme il est décrété que l'état ne peut perdre, la somme à verser par chacun des contribuables est devenu plus forte.

Tels sont les principaux impôts auxquels il faudrait ajouter encore ceux qui frappent de droit les mines, le tabac, le bois de construction, les débits de boisson, la fabrication des eaux de vie ainsi que les douanes.

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 235–238. Копия.

Перевод

Османская империя разделена на вилайеты, которыми управляют генеральные правители, или вали, вилайеты — на санджаки, которыми управляют мутесарифы, санджаки — на казы, которыми управляют каймакамы, казы — на касабы, которыми управляют мюдиры. Касабы включают еще нахии, находящиеся в ведении правителей, называемых мухтарами. Управление нахий похоже на управление махале (квартал) в городе.

Административное собрание под председательством вали (идаре меджлис) имеется в каждом вилайете. Полномочными членами его являются дефтедар (главный счетовод), осуществляющий функции вице-президента, муфтий, кадий и главы немусульманских общин. Дополнительными членами являются два мусульманина и два немусульманина (пропорция может варьироваться в зависимости от численности наибольшей общины), назначаемых на два года. Из списка в пять человек, представляемого правителем, избирают одного или двух членов. Представитель от самой малочисленной общины (член-еврей в Сараеве) фигурирует только один раз на трех выборах.

В санджаке и казе также есть «идаре меджлис» такого же состава. Мутесариф председательствует в санджаке, каймакам — в казе. В Боснии шесть санджаков: санджак Сараево в центре, Травник и Бихач — на западе и северо-западе, Банялука — на севере, Зворник — на северо-востоке и Нови-Базар — на юго-востоке, который втиснут между Сербией и Черногорией. Главные города следующие: Сараево, Травник, Бихач, Банялука, Тузла и Сеница.

Герцеговина, около года назад отделенная от Боснии, состоит из двух санджаков: Мостар и Гацко с главными городами того же названия. Босния и Герцеговина вместе насчитывают 55 каз.

Судебная система. В нахиях и касабах имеются только простые советы под председательством мухтаров или модиров. Спорные дела подчинены казским судам, называемым «дави-меджлис», которые выносят приговор без права обжалования при рассмотрении гражданских и коммерческих дел до тысячи пиастров и уголовных дел — до восьми дней тюремного заключения. Если же иск превышает тысячу пиастров и такой срок приговора, дело рассматривается в суде санджака (меджлис теми). Меджлис теми состоит из тиджарета (коммерческий суд), мехкеме (гражданский суд) и дженаха (уголовный суд). В компетенцию этой инстанции входят дела, в которых приговоры достигают 5 тысяч пиастров для коммерческих дел и 3-х месяцев тюремного заключения — для уголовных. Обжалование направляется в суд «темизи хукук», относящийся к вилайету. Обжалование в дальнейшей инстанции — в «ахриам аделье» в Константинополь. В составе вилайета выделяют еще коммерческий суд «тиджарет». В коммерческих делах, при необходимости, может быть сторонами выбрана арбитражная комиссия.

Дела простой полиции могут быть рассмотрены офицерами жандармского корпуса (заптие), но только до суммы не свыше 40 пиастров; свыше этой суммы следует обращаться в трибунал.

Председательствует кадий. Он один подписывает приговор, судебные заседатели лишь сообщают «карар», служащий основанием для прошения или судебного решения. Каждый суд имеет 4-х судебных заседателей в «дави-меджлисах» и «темизи-хукук» и 6 — в суде вилайета. Судьи назначаются путем выборов на два года. Председатели, заместители и секретарь суда всегда мусульмане, заседатели принадлежат к разным религиям пропорционально населению. В Боснии насчитывают обычно половину членов — мусульман, половину — немусульман. Кадии, назначаемые правительством, происходят в Боснии главным образом из корпуса софтов из Константинополя. Они могут заседать в одном городе только 2½ года и лишь выносят решение в спорах о женитьбе или в случае развода между подданными-мусульманами. Дела, относящиеся к гражданскому праву, судятся исключительно по мусульманскому закону, или «шариату», а по относящимся к уголовному — выносят решение согласно «кануну».

В Турции можно обращаться в верховный суд, не проходя нижний. Общины в соответствии с параграфом 10 хатт-и хумаюна занимаются своими тяжбами.

Европейских подданных, истцов и ответчиков, всегда судят суды страны, исполнение принадлежит соответствующим правительствам.

Муфтий — религиозный глава — назначается населением и принадлежит к корпусу улемов, как кадии, нодьясы, муэдзины. В случае, когда закон «шариата» не достаточно понят или недостаточно определенно выражен, можно обратиться к муфтиям, которые высказывают свое мнение («омур» — это, «олмас» — не это) в документе, называемом фетва. Судит только кадий, но он, однако, не может расходиться с решением фетвы. Впрочем, приговор, вынесенный по «шариату», не может быть обжалован, но в случае нарушения судебной процедуры можно обратиться в вышестоящий суд; последний может только вынести свое мнение, это обжалование нужно рассматривать лишь как средство устрашения.

Собственность. Коран, применяемый кадием, решал лишь вопросы собственности. Закон «канун» должен быть применяем в соответствии с законом от 28 сентября 1874 г., который лишал кадия его полномочий. Собственность — ранее святая святых — стала предметом, подлежащим обложению налогом. Нужно иметь мнение мухтаров и старост деревень. Совет не может передавать собственность раньше, чем получит согласие главы округа. В течение 5 лет собственник общего дома сохраняет право, компенсируя убытки покупателю, вернуть собственность.

Только вышестоящий совет провинции или населенного пункта вмешивается после благоприятного заключения мухтара. Дефтер-хан (регистратор кадастра) представляет основание передачи. Цена передачи составляет 1%. Для передачи недвижимого имущества взимают налог в 2½ %; такая же такса и для случаев прямого наследования.

В 1869 г. право владения было предоставлено европейцам без ограничения, но с тем, чтобы они придерживались местных законов. Но это право владения в пользу иностранцев не было применено в Боснии.

Налоги. Во главу налогов я поставил бы десятину, которая не может отражаться в статистических трудах и обозначает только сельскохозяйственную продукцию; прежде она сдавалась в откуп, что ее удорожало. Теперь, по новым реформам, правительство должно взимать ее непосредственно. Впрочем, в соответствии со статьей 15 хатт-и хумаюна, прямое взимание десятины уже должно было бы производиться в Боснии. Крестьянин, не являющийся собственником, делит вместе с владельцем $9/_{10}$ участка (ему предоставлена обычно $1/_{3}$, называемая третина) и платит государству десятину.

Затем мы имеем налог на недвижимость (верги имлаз), который берется в 4% с тысячи, налог на наем в 4% (верги идьяр) — владелец, живущий в своем доме, не должен платить этот налог; налог с оборота промыслов (верги теметуат) — 4%. Верги имлаз и теметуат вырастают на ¼ каждые 5 лет. Налоги на продажу скота — 2½ % с быка; 1 пара на пиастр на каждое животное, относящееся к 1-й категории (хаиванат келири); 2 пиастра с пары — для овец; 4 пиастра с пары для свиней (овцы и свиньи относятся ко 2-й категории (хаиванат сажири)).

Налог на освобождение от воинской службы, являющейся обязательной с рождения до смерти для всех подданных-христиан мужского пола, который исчисляется по цене выкупа одного человека, примерно 5 тысяч пиастров, поделенные на 180, — по 28 пиастров. Согласно совершенно новому декрету, его должен платить лишь подданный-христианин в возрасте от 15 до 75 лет. Но чтобы государство не понесло убытков, было постановлено, что сумма, вносимая каждым из облагаемых налогом, стала гораздо больше.

Таковы основные налоги, к которым следовало бы добавить еще и те, которыми облагаемы рудники, табак, строительный лес, питейные заведения, производство водки, а также таможни.

[1*] *Датируется по препроводительному донесению.*

104

Экстракт донесения И. С. Ястребова Н. П. Игнатьеву с планом административной автономии Герцеговины

19 ноября 1876 г. Скутари

L'équité exige qu'on s'occuppe à améliorer le sort des habitants de l'Herzégovine, qui resteraient sous l'autorité ottomane.

Tout le monde est d'accord qu'une réorganisation de la province est absolument nécessaire, et qu'il faut l'entourer de garanties sérieuses.

L'Herzégovine, après l'annexion projetée de certains districts au Monténégro, comprendrait les 7 districts suivants: Mostar, Ljuboucha, Konjitza, Nevesigné, Fotcha, Stolatz et Trébigné. La population de ces 7 districts parle la même langue et mène le même genre de vie. Chaque famille a son chef, plusieurs familles parentes forment une commune qui obéit également à un seul individu (knez), appartenant ordinairement à une race qui s'est distinguée par des faits d'armes ou s'est acquis une position marquée. Le knez gouverne ainsi par droit de naissance.

L'avis de ces hommes-là a certainement plus de poids que les ordres émanée des fonctionnaires turcs, et c'est avec leur aide seulement que l'autorité peut faire respecter ses décisions.

On voit donc par là, qu'en donnant une autonomie administrative à l'Herzégovine[1] on ne fait que lui restituer ce qu'elle avait possédé précédemment et ce qu'elle a perdu par l'institution de medjliss; en siégeant dans ces medjliss les chrétiens, étrangers à toute mise en scène bureaucratique, ont pu faire croir qu'ils n'étaient pas encore en état de se gouverner eux-même. L'avis des membres chrétiens de ces tribunaux ou conseils n'étant jamais pris en considération, ils devaient forcément se renfermer dans une attitude apathique et résignée qui leur a été créé par leur position infime. Mais une fois libérés de toute oppression étrangère, ils prouveraient facilement qu'ils sont parfaitement capables de se gouverner au moyen d'institutions adaptées à leurs moeurs.

Ainsi le gouverneur général de la province devrait appartenir à l'une des familles notables du pays et y jouir d'une certaine autorité. Il serait nommé pour un certain terme par la Porte, avec l'assentiment des Puissances garantes. Pour ce qui concerne les places administratives secondaires elle devraient n'être confiées qu'à des indigènes (musulmans ou chrétiens) qui jouissent d'une certaine autorité dans leurs districts respectifs, et on devrait soigneusement éviter les employés pris en dehors du pays. Ces gens, qui ne songent qu'à exploiter la population, lui deviennent particulièrement odieux.

Il va sans dire, qu'avant de donner l'autonomie administrative à l'Herzégovine il faut désarmer les musulmans. C'est une *conditio sine qua non*[1*]. Tant qu'ils porteront des armes les chrétiens n'oseront jamais retourner en Herzégovine.

Pour encourager le retour des émigrés et rendre possible le rétablissement du calme il est nécessaire que le nouvel ordre de choses soit garanti efficacement par les Puissen- ces européennes. Le contrôle européen sur l'autorité locale devrait s'exercer par une commission consulaire permanente, avec le droit de *veto* dans le cas où le gouverneur ou la population

voudraient s'écarter des lois de l'empire et des statuts élaborés pour la province. Cette commission devrait être munie d'instruction détaillées, identiques et acceptées par la Porte comme partie du réglement organique. Les membres de la commission ne devraient point être des personnes nées dans le pays ou possédant des intérêts personnels.

Apres avoir écarté de l'administration du pays les employés non indigènes, on devra aussi songer à réparer les maux qu'ils ont causés à la contrée, par exemple, il faudrait réviser les documents relatifs aux biens immeubles et rendre aux chrétiens ce qui leur a été illégalement pris durant les dernières années.

La situation agraire devrait faire l'objet d'une attention toute spéciale et l'existence des chrétiens devrait être rendu plus supportable par une distribution des terres de l'état.

La langue des tribunaux et de l'administration serait le serbe. Les séances des tribunaux doivent être publiques. La police sera recrutée parmi les indigènes musulmanes et chrétiens, et bien rétribuée.

Deux fois par an se réunirait une assemblée nationale, qui réglerait les affaires entre les différantes communes et les questions intéressants toute la province.

La question financière sera peut-être la seule qui présentera des difficultés. Le pays dévasté ne saurait d'abord suffir à ses besoins. Pour avoir au commencement les capitaux nécessaires on pourrait imposer les négociants, qui ont payé en général moins que les paysans, et qui ont moins souffert de l'insurrection.

Comme les frais de perception, une fois qu'elle sera confiée aux communes, diminueraient sensiblement, la charge des contributions pourra être allégée. Tous les impôts, à l'exception des revenus du télégraphe et de la douane qui iraient au trésor, seraient employés pour les besoins de la province.

Toutes les communautés religieuses jouiraient des mêmes droits et privilèges.

ГА РФ. Ф. 730. Д. 1024. Л. 1–3 об. Копия.

Перевод

Справедливость требует заняться улучшением судьбы жителей Герцеговины, которые остаются под властью османской.

Все согласны, что реорганизация провинции совершенно необходима и что надо предоставить ей серьезные гарантии.

Герцеговина после задуманного присоединения некоторых районов к Черногории насчитывала бы 7 следующих дистриктов: Мостар, Любоша, Коница, Невесинье, Фоча, Столац и Требинье. Население этих 7 дистриктов говорит на одном языке и ведет одинаковый образ жизни. Каждая семья имеет своего главу, несколько родственных семей образуют коммуну, которая также повинуется одному человеку (кнезу), обычно принадлежащему к роду, который отличился воинскими делами или добился заметного положения. Кнез управляет также по праву рождения.

Мнение этих людей, несомненно, имеет больше веса, чем приказы, исходящие от турецкой администрации, и только с их помощью власти могут заставить уважать свои решения.

Таким образом, видно, что, предоставляя административную автономию Герцеговине[1], надо восстановить то, чем она обладала прежде и что она потеряла с учреждением меджлисов; заседая в этих меджлисах, христиане, чуждые всяким бюрократическим постановкам, могли показаться людьми, которые еще не в состоянии управлять собой сами. Поскольку мнение христианских членов этих трибуналов или советов никогда не принималось во внимание, они поневоле должны были погрузиться в состояние апатии и безропотности, которое обуславливалось их ничтожным положением. Но, будучи освобожденными от всякого постороннего гнета, они легко докажут, что они совершенно способны самоуправляться при помощи институтов, приспособленных к их обычаям.

Так, главный правитель провинции должен принадлежать к одной из семей, известных в стране, и пользоваться там определенным авторитетом. Он назначался бы под каким-нибудь титулом Портой с одобрения держав-гарантов. Что касается второстепенных административных должностей, то их следовало бы доверить только местным (мусульманам или христианам), которые пользуются определенным авторитетом в соответствующих дистриктах, и следовало бы тщательно избегать нанимать служащих вне страны. Эти люди, думающие только об эксплуатации населения, станут ему особенно ненавистны.

Безусловно, нельзя не сказать о том, что перед тем, как предоставить административную автономию Герцеговине, необходимо разоружить мусульман. Это *непременное условие.* До тех пор, пока они вооружены, христиане никогда не осмелятся вернуться в Герцеговину.

Для того, чтобы способствовать возвращению эмигрировавших и сделать возможным восстановление спокойствия, необходимо, чтобы новый порядок был действенно гарантирован европейскими державами. Европейский контроль над местной властью следовало бы осуществлять посредством постоянной консульской комиссии, обладающей правом *вето* в случае, когда правитель или население желало бы отойти от законов империи и статутов, разработанных для провинции. Эта комиссия должна бы быть снабжена детальными инструкциями, идентичными и принятыми Портой как часть основного закона. Членами комиссии ни в коем случае не должны быть лица, являющиеся уроженцами страны или имеющие личные интересы.

После того, как из администрации страны будут устранены люди, не являющиеся местными жителями, следовало бы подумать о преодолении бедственных последствий, причиненных краю, например, следовало бы провести ревизию документов, относящихся к недвижимому имуществу, и возвратить христианам то, что у них незаконно было отнято в течение последних лет.

Положение сельского хозяйства должно стать предметом совершенно особого внимания, и необходимо было бы путем распределения государственных земель сделать положение христиан более сносным.

Языком судов и администрации должен стать сербский. Заседания судов должны быть открытыми. Полиция должна набираться из местных мусульман и христиан и хорошо оплачиваться.

Два раза в год должно собираться национальное собрание, которое будет рассматривать дела, возникшие между различными коммунами, и вопросы, представляющие интерес для всей провинции.

Наибольшую сложность будет представлять, возможно, финансовый вопрос. Разоренная страна поначалу не в состоянии будет самостоятельно справиться со своими нуждами. Для того, чтобы иметь необходимые средства вначале, следовало бы обложить налогами купцов, которые вообще платят меньше крестьян и которые меньше пострадали от восстания.

Так как расходы по взиманию налогов, раз они будут доверены коммунам, заметно сократятся, бремя налогов должно быть облегчено. Все налоги, за исключением телеграфных и таможенных, которые поступали бы в казну, должны быть использованы для нужд провинции.

Все религиозные общины должны иметь одинаковые права и привилегии.

[1*] Непременное условие *(лат.)*.

[1] В период подготовки конференции послов в Константинополе, открывшейся 11 (23) декабря 1876 г., активизировалась деятельность российской дипломатии. Неизменно выдвигалось требование автономии для Боснии и Герцеговины. Оно нашло место в «Набросках условий мира» Н. П. Игнатьева. Как свидетельствует данный документ, об автономии размышляли и другие российские дипломаты на Балканах.

105

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о военных приготовлениях в Боснии и о силах боснийских повстанцев

№ 316 2 декабря 1876 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

Считая войну с Россией неизбежною, турецкое правительство спешит, хотя и негласно, делать нужные приготовления в Боснии и Герцеговине.

Военные меры, принимаемые здесь, заключаются пока в следующем:

1. Объявлен рекрутский набор на три тысячи человек.

2. Объявлено, что каждая семья, имеющая трех мужчин, обязана представить одного ратника по первому призыву.

3. Отозванные в Румелию 12 батальонов пехоты оставили свои ружья в здешних складах, кроме 12 рот.

4. Все стратегические пункты снабжаются съестными припасами и военными снарядами.

5. Из Митровицы непрерывно идут сюда вьюки со всякого рода амуницией, порохом и снарядами.

6 Власти законтрактовывают около 10 миллионов ок кукурузы. Третьего дня получена была генерал-губернатором телеграмма Высокой Порты, поставляющей в известность, что в случае войны, кажущейся неизбежной, все магометанство должно стать под ружье и идти спасать государство. Вследствие этой телеграммы тотчас же состоялось чрезвычайное заседание военной комиссии, в которой было заключено единодушно отвечать правительству готовностью принести последние жертвы ввиду угрожающей опасности.

В кругу магометанства царит в настоящие минуты самое воинственное настроение, но это настроение возбуждено и возбуждается правительственными властями и османлиями, успевающими разъяснять невежественным боснякам-ренегатам, что Россия бессильна поколебать могущество османлийского царства, что Россия — банкрот и что она не в состоянии будет ни произвести займа, потому что ей никто денег не даст, ни содержать двухсоттысячную армию в течение трех месяцев, которая, впрочем, разлетится в прах перед турецким солдатом.

В отместку предъявленных генерал-губернатору требований консульских агентов, согласно полученным ими предписаниям посольств в Константинополе, о выдаче двум вождям инсургентов охранительных путевых листов для следования в Белину и о заявлении, что в их отсутствие турецкие войска воздержатся от нападений, Назиф-паша приказал напечатать в местной газете, что восстания в Боснии нет и что потому нет и восстанцев. А между тем по телеграфическим рапортам двух австро-венгерских агентов в Ливно и Банялуке, полученным нашим сотоварищем г. Теодоровичем, значится восстанцев на северо-западе Боснии от 5 до 6 тысяч и на западе и юго-западе до 2 500 человек. Шайки восстанцев расположены между Ключом, Майданом, Петровацем, горою Козара и около Ливно, Гламоча, Русско-Блато и Пролога.

По моим справкам, силы полковника Деспотовича состоят из следующих 10 отрядов:

1.	600 человек	под командою	Попа Карана
2.	660	-II-	Тривко Амелича
3.	500	-II-	Алексо Якшича
4.	400	-II-	Марко Теркули
5.	600	-II-	Тривко Виндула
6.	350	-II-	Стояна Милановича
7.	300	-II-	Бовы Креша
8.	550	-II-	Петра Бабича
9.	600	-II-	Мартына Калки
10.	560	-II-	Стевы Маринковича
	5 120		

Кроме этих отрядов, около 12 других от 50 до 100 человек, независимых от Деспотовича, действуют по своей собственной инициативе и на свой счет.

Хотя инсуррекционные силы, мною исчисленные, довольно значительны, но действия их с самого начала восстания были ничтожны. Причина этого явления, как известно, отсутствие всякой дисциплины, неимение в достаточности оружия и военных снарядов, необходимость разбиваться на мелкие отряды для прокормления самих себя и хронический недуг взаимной вражды, зависти и раздоров.

С началом перемирия прекратились также действия инсуррекционных отрядов. Полковник Деспотович предполагал, вероятно, что с ним войдут в сношение для установления демаркационной линии. Однако Порта категорически отклонила это соображение, и гг. агенты в Сараеве должны были отрицательно отвечать на ожидания отправления двух вождей в Белину — полковника Зеленого, в Спалатро английского полковника Ленокса и в Ливно — далматинского генерал-губернатора Родича.

Узнав о сем отказе Порты, восстанцы вдруг заговорили о себе. Вчера рано утром ушли отсюда в Ключ, Бихачского санджака, три роты пехоты, только что возвратившиеся из этих мест. Как слышно, восстанцы сделали нападение на город Ключ.

Я имел честь по телеграфу донести вашему превосходительству, что солдаты публично продавали в Сараеве золотую и серебряную утварь, евангелья и одежды — вещи, доставленные из России и похищенные ими в православных церквах Боснии.

К несчастью, эти вещи были куплены евреями, но я поручил одному лицу приобрести их на мой счет, узнав, что они унесены из Петровачкой церкви (Бихачского санджака) солдатом Мирийского батальона Садыком 2-ой роты, 8-ая постель[1]*. Одно евангелие, печатанное в Вене, я уже выкупил за два червонца.

Вашему превосходительству небезынтересно будет узнать, что в здешней казарме несколькими солдатами и офицерами были на днях украдены две крупповские пушки и 100 ружей системы Снайдера. Мне открыто предложено

было купить эти пушки и 100 ружей за 200 червонцев и, кроме того, дано знать, что за 10 пиастров мне могут поставлять коробку английского пороху, сколько я хочу, и до 40 тысяч ок пуль и картечи по два пиастра за каждую оку. Если бы Сараево находилось невдалеке от границы, то турецкие офицеры и солдаты, как видно, могли бы вооружить отлично целый отряд неприятеля за ничтожную сумму на счет своего правительства.

Вчера я получил телеграмму из Белины, подписанную всеми военными делегатами, с просьбою препроводить содержание ее командующему в Сенницу генералу Мехмет Али-паше, войска которого предпринимали движенья в местах, недопущенных комиссией, что вызвало протест сербского правительства. Я не замедлил перевести французский текст депеши на турецкий, так как на сенницкой станции нет чиновника для иностранной корреспонденции, и отправил ее к турецкому генералу. Эта телеграмма крайне озлобила Назиф-пашу.

Порта приказала распустить почти всех инженеров в Боснии. Виляйетский инженер русский поляк Суртелевский с женою и пятью человеками детей после 25-ти летней службы уволен без пенсии и всякого вознаграждения. Таким образом, предоставленные сами себе испорченные дороги окончательно разрушатся, и скоро единственное изрядное шоссе Сараево — Брод сделается непроездным для экипажей.

Английский сотоварищ мой г. Хомс[2*] до отъезда своего в Константинополь обращался к австро-венгерскому генеральному консулу в Сараеве с просьбою снестись с известным дьяковарским епископом Штроссмайером по поводу сделанных сим прелатом сообщений о неистовствах турок в Боснии, сообщений, напечатанных в английских газетах и обративших на себя внимание лорда Дерби.

Ныне мне сообщают, что прелат в ответе своем г. Теодоровичу выразил будто бы полнейшее негодование к гг. английским и австро-венгерским агентам, шествующим по предписанной им рутине и ввиду страшных и зверских злочинств и неистовств боящихся компрометировать себя, сойдя с наторенной колеи. Епископ присовокупляет, что хотя он не был очевидцем сажания на кол христиан, но что многие почтеннейшие лица сообщали ему об ужасных зверствах и злодеяниях магометан.

Этот ответ прелата, кажется, будет сообщен лорду Дерби, так как он переводится со славянского на французский язык и передастся в здешнее английское консульство.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиатский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2338. Л. 240б–240д. Автограф.

[1*] Взвод.
[2*] Холмс.

106

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о действиях повстанцев в Бихачском санджаке и собрании вождей боснийских повстанцев в Австрийском Броде

№ 194 19 декабря 1876 г.

Имею честь всепочтительнейше донести в[ашему] п[ревосходительству], что мною сейчас получены следующие, заслуживающие вероятия, известия, которые, за отходом почты, я могу лишь изложить в самом кратком объеме.

В Бихачском санджаке, куда несколько дней тому назад отправили ватагу башибузуков-разбойников, шайка инсургентов атаковала 11 декабря поместье некоего Ибрагим-бея. Войска прибыли к месту происшествия на лодках. Произошла стычка, исход коей неизвестен.

13-го числа были сожжены инсургентами поместья Омер-бея в Сульевце.

14-го числа в Оточе был сожжен турецкий дом, коего владелец с малолетним сыном убиты, жена ранена.

17-го числа ночью, в 8 километрах ниже Нового, было сожжено пять магометанских домов, стоящих на линии железной дороги.

Большое возбуждение в Бихаче, Новом и Костайнице.

Взамен этих набегов инсургентов магометане разорили в нескольких часах от Банялуки целое христианское селение.

В Австрийском Броде 85 человек боснийских инсургентских вождей имели заседание.

В Градишке и Свиньяре получена была для инсургентов тысяча пар полных одежд и обуви.

Петр Карагеоргиевич[1] приезжал в Брод, желая вступить в сношения с боснийскими вождями, но был отклонен некоторыми лицами, объявившими ему, что так как имя его проклято наравне с именем Вука Бранковича[2], то появление его в Боснии побудит христиан убить его и отомстить за смерть князя Михаила[3].

Карагеоргиевич нашел эти доводы не лишенными доброжелательства и тотчас оставил Брод.

С глубочайшим...

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-$А_2$. Д. 823. Л. 122–122 об. Копия.

[1] См. прим. 1 к док. 7.
[2] Вук Бранкович, участник битвы на Косовом поле в 1389 г., в сербской мифологии и литературе является символом измены и предательства.
[3] Сербский князь Михаил Обренович был убит заговорщиками 29 мая 1868 г.

107

Из отчета МИД России о ходе восстания в Боснии и Герцеговине и военных действиях в период сербско-черногорско-турецкой войны 1876 г.

Не ранее 1 января 1877 г.[1*]

Черногория и Герцеговина

События, происходившие в истекшем году в Черногории и Герцеговине, закрепили еще более узы, связывавшие их населения.

С самого начала смут в Герцеговине черногорцы радушно приютили у себя спасавшихся от преследования турок семейства восставших и братски делились с ними кровом, одеждой и пищей. Постоянно возраставший наплыв герцеговинских беглецов, достигший к началу прошлого года до 80 тыс. человек, сочувствие делу восставших, врожденная ненависть к туркам и, наконец, вести о битвах, происходивших почти у самых границ Черногории, все более и более возбуждали едва улегшиеся после недавних подгорицких событий[1] страсти воинственных черногорцев, которые рвались в Герцеговину на помощь сражавшимся.

При таких обстоятельствах положение князя Николая становилось крайне затруднительным: с одной стороны, на нем лежала обязанность содействовать влиянием своим на восставших, стремлением европейских держав к умиротворению Герцеговины, с другой, он должен был употреблять неимоверные усилия к сдерживанию воинственного пыла своего народа, которому он не мог не сочувствовать.

Несмотря на строгие запрещения князя, черногорцы тайком по нескольку человек переходили границу и присоединялись к отрядам восставших.

Для прекращения этих переходов, которые компрометировали в глазах Европы миролюбивые стремления князя и могли подать повод к обвинению его в двусмысленной политике, его светлость вынужден был прибегнуть к крайней мере: обратиться к содействию австрийских властей в Каттаро для возвращения бежавших тайно черногорцев, которые подвергались строгим наказаниям в Черногории. Вспыхнувшие вследствие сего восстания в Речской и Црмничской нахиях показывают, с какими затруднениями должен был бороться князь Николай.

Впрочем, число перешедших таким образом и сражавшихся в герцеговинских отрядах черногорцев никогда не превышало 400–500 человек, но начальники турецких войск в донесениях своих в Константинополь обыкновенно увеличивали эту цифру в 10, 20 и более раз, смотря по тому, как велик бывал урон, который наносили им герцеговинцы.

Большие снега, выпавшие в начале января в округах Пивы и Гацко, принудили герцеговинцев оставить позиции, которые они занимали в этих округах, и приблизиться к границам Далмации. Здесь они заняли Зубцы и решились овладеть дорогой между Требинье и Рагузой с тем, чтобы препятствовать подвозу провианта для двадцатитысячной турецкой армии, расположившейся в Требинье и Билеке.

Четыре батальона, высланные турками 6 января из Требинье для того, чтобы очистить дорогу от герцеговинских отрядов, были разбиты и обращены в бегство. 8-го Мухтар-паша выступил сам против восставших и, несмотря на то, что силы его в 3 раза превосходили силы герцеговинцев, он потерпел сильное поражение при Радован-Ждрело. В этом сражении герцеговинцы, потерявшие одного из своих наиболее любимых вождей, баньянского воеводу Максима Бачевича[2], показали чудеса храбрости. Они взяли штурмом две почти неприступные позиции турок и совершенно уничтожили 3 турецкие батальона.

Между тем турки получили сильное подкрепление. Воевода Пеко Павлов, тщетно прождав шедшего к нему из Гацко на помощь Лазаря Сочицу, вынужден был отступить ввиду многочисленного неприятеля в Попово поле и Шуму, куда вслед за ним двинулось и турецкое войско. Видя себя почти со всех сторон окруженным, Пеко Павлов ночью переправил свои войска через реку Требишницу и, обойдя Билек, близ которого он отбил турецкий транспорт с провиантом, направился в Зубцы. Турки, рассчитывавшие на верную победу, с досады сожгли и разрушили остававшиеся в этих округах еще нетронутыми села и деревни и вернулись в Требинье, оставив небольшие сторожевые отряды на высотах, командующих дорогою между Требинье и Рагузой.

В это время в восстание начали вмешиваться чуждые ему элементы и притом чисто революционного характера: итальянские волонтеры провозгласили в Суторине республику, а сербские эмиссары, располагавшие большими средствами, начали интриговать в среде герцеговинцев с целью подорвать в глазах их авторитет Черногории и придать восстанию более широкие размеры. Эти обстоятельства еще более затруднили положение князя Николая, поставив новые препятствия его миролюбивым стремлениям.

Послушный советам держав и в особенности желаниям императорского правительства, правитель Черногории не упускал ни одного благоприятного случая для того, чтобы сделать возможным соглашение между восставшими и турками и тем содействовать умиротворению Герцеговины. Чувствуя себя нравственно связанным переговорами с сербским посланцем Христичем[3] для того, чтобы предпринять что-либо отдельно от Сербии, и желая получить большую свободу ввиду представлявшейся возможности начать отдельные переговоры с Турциею с целью умиротворения Герцеговины, князь Николай прислал в Белград ноту, долженствовавшую побудить сербское правительство выяснить намерения его. Эта нота, неверно понятая в Белграде, подала повод к обвинениям князя в двусмысленной политике и в желаниях его дискредитировать сербское правительство.

С другой стороны, начатые в Цетинье переговоры с доктором Кечетом, посланным от нового герцеговинского губернатора Али-паши, не привели ни к какому результату и только способствовали распространению ложных слухов о намерении князя изменить славянскому делу и воспользоваться благоприятным случаем для достижения своекорыстных целей. Эти слухи, ловко пущенные в ход самими турками, поддержаны были сербскими эмиссарами в Герцеговине и Далмации, желавшими

скомпрометировать князя в глазах местного православного населения и тем парализовать представлявшийся возможным успех его миролюбивых намерений.

Все эти несправедливые обвинения, направленные против князя Николая, уже утомленного продолжительностью кризиса и постоянною борьбою с ним, причиняли ему большие нравственные страдания. Но, несмотря на это, его светлость твердо решился преследовать свою миролюбивую политику и предоставил себя в распоряжение держав для содействия в практическом применении реформ, предложенных графом Андраши.

Между тем Али-паша обнародовал в Герцеговине полученную им от великого визиря телеграмму с объявлением о дополнительных реформах, проектированных Портою для Боснии и Герцеговины, и с обещанием амнистии тем инсургентам, которые положат оружие и изъявят покорность. Эта телеграмма, равно как и самый фирман, заключавший, между прочим, обещание дарования полнейшей свободы вероисповедения и учреждения в центре Боснийского виляета комиссии для надзора за приведением в исполнение обещанных реформ, были встречены крайне недоверчиво христианами и враждебно мусульманами. Восставшие сами желали мира, утомленные продолжительною и трудною борьбою; они в принципе совершенно довольствовались дополнительными реформами, обещанными Портою по настоянию держав, но желали получить лишь гарантии в том, что эти реформы действительно будут приведены в исполнение; они имели достаточно оснований не доверять обещаниям турецкого правительства.

Генерал-губернатор Далмации Родич, которому австрийское правительство поручило быть посредником между турками и восставшими и стараться склонить последних к принятию реформ, проектированных графом Андраши и обнародованных в последнем фирмане Порты[4], отправился в Цетинье с целью заручиться предварительно содействием князя черногорского для приведения в исполнение возложенного на него поручения. После увенчавшихся полным успехом переговоров с князем Николаем генерал Родич приехал в Рагузу, где ему представились до 30-ти герцеговинских главарей и заявили согласие свое на принятие новых реформ, но с условием, чтобы предварительно выведены были из Герцеговины турецкие войска, чтобы христиане, наравне с мусульманами, получили на некоторое время дозволение сохранить при себе оружие и чтобы им дано было положительное ручательство в том, что они материально будут обеспечены. Но так как Родич отвечал на эти заявления угрозой прекратить выдачу пособий укрывшимся в Далмации герцеговинским семействам, то главари вернулись в Герцеговину, и военные действия, приостановившиеся было на время, возобновились.

Католический священник Мусич, разбив турецкий отряд у Клека, перешел Наренту и в округе Любушка соединился со вновь сформированным отрядом Любибратича. Также удачно действовал другой отряд герцеговинцев в Столацком округе. Отряды Луки Петровича, Трифки Вукаловича и архимандрита Мелентия действовали в Зубцевском округе и в окрестностях Требиньи и Билека. Главные же силы восставших под начальством Пеко Павлова, Сочицы и попа Зимонича

были расположены на Крстаце и в округах Пивы и Гацко, наблюдая за главными силами Мухтар-паши и препятствуя снабжению крепостей Горанско и Никшича провиантом.

23 февраля Селим-паша во главе шести батальонов при двух орудиях выступил из Гацко по направлению к крепости Горанско, с целью снабдить ее провиантом. Сочица по неосмотрительности пропустил турок в крепость, но на обратном пути при Муратовицах он и Пеко Павлов напали на них одновременно с фронта и с тыла и нанесли им страшное поражение. Почти все 6 батальонов были уничтожены; 2 пушки и большое количество ружей остались в руках герцеговинцев трофеями этой победы. После поражения при Муратовицах Мухтар-паша употребил все усилия, чтобы стянуть как можно больше войска в Гацко. Наконец, ему удалось собрать до 20 батальонов, и он решился попытаться провезти в Никшич провиант. 8-го марта авангард турецкого войска под начальством Джемаль-паши двинулся по направлению к Дужским дефилеям и, оставив в Злоступе часть провианта, занял позиции на Крстаце. Здесь на него напали восставшие и принудили отступить с большим уроном в Гацко.

После этого и восставшие, и турки остались на своих местах в выжидательном положении, а Мухтар-паша поехал в Рагузу на свидание с бароном Родичем. Туда же приехали Али-паша и Васа-эфенди, назначенные Портой для ведения переговоров.

Сущность переговоров Родича с главнокомандующим и комиссарами Порты заключалась, во 1-х, в том, чтобы устроить между воюющими сторонами перемирие, которое дало бы возможность Родичу видеться и переговорить с вождями восстания об условиях и способах умиротворения края, и, во 2-х, в том, чтобы узнать, какие меры предполагает принять Порта для обеспечения существования герцеговинских семейств в случае их возвращения на родину.

Мухтар-паша согласился на 12-ти дневное перемирие, считая его с 18 марта, под условием, чтобы Никшич был снабжен провиантом через Черногорию, на что изъявил согласие и князь Николай. Что же касается комиссаров Порты, то они отказались дать положительные гарантии в том, что герцеговинцы, которые положат оружие, и семьи их, которые возвратятся на родину, будут обеспечены материально и ограждены от новых насилий мусульман.

Таким образом, по настоянию князя черногорского и австрийского правительства было заключено перемирие, гарантированное со стороны восставших князем Николаем, причем Черногория в первый раз является официально солидарною с восставшими, что получает санкцию и со стороны турок, и со стороны Австрии. Такое политическое и дипломатическое вмешательство Черногории в дело герцеговинцев вывело ее из строго замкнутого нейтрального положения.

Отсутствие денег, хлеба и строительного материала, обещанных Портою тем эмигрантам, которые согласились возвратиться, не допускало возможности сделать первый практический шаг на пути умиротворения. Кроме сего, и сами комиссары относились к данному им поручению не только с полнейшим равнодушием, но даже с насмешкою, открыто высказывая, что их дело только восстановить

в возмущенных провинциях прежний порядок, а что потом христиане могут жаловаться, если обещанное не будет исполнено. Деятельность свою комиссары ограничили лишь тем, что издали прокламацию, в которой приглашали бежавших возвратиться на родину в течение 28 дней, предваряя, что не возвратившиеся к этому сроку не будут более считаться турецко-под данными и их имения будут конфискованы и проданы.

В то время как велись переговоры между генералом Родичем и турецкими комиссарами, около Рагузы турецкие войска открыто производили грабеж и насилия над беззащитными христианами. Так, Констан-паша, на которого христиане должны были возлагать свои надежды, во главе двух батальонов угнал все стада, которые паслись между Рагузою и Требинье, где не было никакого восстания. В Поповом поле турки убили двух христиан, отправившихся пахать свои поля.

26 марта состоялось в Суторине первое свидание генерала Родича с вождями восставших[5], миролюбиво настроенными, благодаря советам умеренности и благоразумия, внушенным им князем Николаем. Генерал, применяясь к смыслу прокламации, изданной комиссарами, уговаривал восставших положить оружие и возвратиться к мирным занятиям и выражал надежду, что турки исполнят обещанные реформы, дарованные по настоянию держав, которые, с своей стороны, будут наблюдать за образом действий турецкого правительства в Герцеговине. На следующий день вожди восставших передали генералу Родичу условия, на которых они соглашались положить оружие и которыми требовалось от Порты:

1. предоставление христианам ⅓ земель, находившихся во владении мусульман,
2. удаление турецких войск из всей Герцеговины, за исключением 6 крепостей,
3. постройка домов для эмигрировавших герцеговинцев и прокормление их в течение года, с освобождением от податей в течение 3-х лет,
4. дозволение сохранить оружие до приведения реформ в исполнение,
5. управление провинцией на началах, выработанных графом Андраши,
6. назначение европейской комиссии для наблюдения за выдачею пособий и водворением эмигрировавших, и
7. присутствие русского и австрийского агентов в каждой из упомянутых выше 6 крепостей.

Посоветовав вождям еще раз воспользоваться дарованной им амнистией и поспешить положить оружие, генерал Родич проехал в Зару, не продолжая переговоров с ожидавшим его в Рагузе Али-пашой.

Между тем князь Николай, отклонив предложения Ранко Алимпича, приехавшего в Цетинье по поручению сербского правительства для заключения с Черногорией конвенции на случай возможного объявления обоими княжествами войны Порте[6], продолжал принимать энергические меры для прекращения восстания. Посланному с этой целью в Грахово председателю черногорского Сената Божидару Петровичу удалось принудить итальянских волонтеров покинуть Герцеговину, а также вернуть в Черногорию значительное число черногорских волонтеров.

Австрийские власти в Далмации начали также, со своей стороны, принимать более строгие меры относительно герцеговинцев, переходивших границу. Так, ими был арестован Любибратич со своим штабом и до 100 других инсургентов, перешедших австрийскую границу.

1 апреля с окончанием перемирия турки возобновили военные действия с необыкновенною дотоле энергиею. Мухтар-паша воспользовался перемирием и сосредоточил на Крстаце 27 батальонов регулярных войск и 2 тыс. башибузуков и двинулся с этими силами через Дужские ущелья по направлению к Никшичу, который во время перемирия не был снабжен провиантом, так как жители Далмации ни за какие деньги не соглашались дать туркам лошадей для провоза провианта, сложенного в Ризано.

Инсургенты пропустили турок чрез все ущелье и напали в числе 5 тыс. у крепости Пресеки, находящейся в двух часах расстояния от Никшича. Здесь начался кровопролитный бой, продолжавшийся беспрерывно четверо суток. Расстреляв все патроны, инсургенты дрались камнями и ятаганами.

4 апреля турки в большом беспорядке отступили к укреплению Ноздры и оттуда на Крстац, потеряв до 1,5 тыс. человек убитыми. Желая отвлечь внимание инсургентов, Мухтар-паша открыл переговоры о новом перемирии и, пока эти переговоры продолжались, быстрой и неожиданною диверсией успел провезти часть провианта в Никшич, но на возвратном пути у тех же Дужских ущелий дорого поплатился за свое вероломство.

В Герцеговине после слабых попыток, сделанных турецкими комиссарами для исполнения некоторых обещаний Порты, никто уже больше не верил в возможность умиротворения края, и восстание грозило принять более широкие размеры и тем еще более затруднить положение Черногории.

Ввиду таких обстоятельств, делавших Черногорию солидарною с герцеговинским вопросом, князь Николай вынужден был отправить в Вену председателя черногорского Сената Божидара Петровича с поручением довести до сведения представителей великих держав о действительном положении дел в Герцеговине и условиться с ними касательно дальнейшего образа действий для прекращения кровопролития и переустройства возмущенного края. Так как в это время по случаю пребывания вашего императорского величества в Берлине там находились канцлеры трех империй, то Божидар Петрович поспешил приехать туда же. Он передал нашему государственному канцлеру меморандум, в котором излагалось положение дел в Герцеговине, указывалось на необходимость умиротворения провинции и заявлялось о солидарности Черногории с делом восставших. В дополнение к меморандуму Божидар Петрович представил еще записку с изложением способов умиротворения и ходатайствовал о том, чтобы державы, в случае одобрения ими этих способов, настояли перед Портою о принятии их к руководству. К сожалению, предложение это было сделано Божидаром Петровичем уже после принятия тремя союзными державами Берлинского меморандума[7] и потому не было подвергнуто обсуждению.

Эта неудача князя черногорского предложить державам способ умиротворения Герцеговины вместе с отказом лондонского кабинета присоединиться к Берлинскому меморандуму и последовавшими затем революцией в самом Константинополе и свержением султана не могли не отразиться на положении дел в Герцеговине и Черногории.

29 мая была обнародована Али-пашой от имени нового султана Мурада V прокламация, в которой обещалось инсургентам и беглецам полная амнистия и удовлетворение их нужд, если они добровольно явятся на родину в шестинедельный срок[8].

Эта прокламация, как и все предшествовавшие, не имела никакого успеха.

Новая администрация, введенная в Герцеговине Али-пашой, состояла из людей продажных и пользовавшихся самой дурной репутацией даже в глазах мусульманского населения. Места каймакамов были предоставлены лицам, известным своей жестокостью, недобросовестностью и фанатизмом. Комиссар Порты Васа-эфенди открыто распоряжался казенными деньгами, как своею собственностью. При таких обстоятельствах восстановление спокойствия в Герцеговине делалось еще менее возможным. Герцеговинцы начали еще более прежнего эмигрировать в Австрию и Черногорию, а отряды восставших, расширяя понемногу район своих действий, грозили придать восстанию громадные размеры и увлечь за собою и населения соседних княжеств, к границам которых начали понемногу стягиваться турецкие войска.

И Сербии, и Черногории, видимо, грозила опасность столкновения с турками, поэтому князь Николай вынужден был открыть с Сербией переговоры для совместного действия на случай представлявшегося неизбежным объявления войны Турции. В начале июня сербский уполномоченный Матич и черногорский Станко Радонич заключили в Венеции военную конвенцию[9], по которой между прочим Черногория обязывалась выставить в поле не менее 15 тыс. человек и отправить часть своих войск через Сенницу для соединения с сербской армией, которая должна была действовать на Дрине; с своей стороны, Сербия обязывалась выставить не менее 120 тыс. человек и выдать Черногории на военные расходы 40 тыс. червонцев.

20 июня последовало со стороны Сербии и Черногории объявление войны Турции.

[...][2]*[10]

Босния

К началу прошлого года восстание в Боснии еще не было окончательно усмирено, хотя по размерам своим и силе оно уступало герцеговинскому. Попытки Порты положить конец беспорядкам были безуспешны вследствие не[де]йствительности принятых ею для сего мер. Уступая давлению европейских держав, требовавших облегчения участи христианских подданных Турции, Порта ограничивалась одними обещаниями разных льгот и реформ, нимало не заботясь о приведении их в исполнение.

Не раз обманутые этими обещаниями боснийские христиане, так же как и герцеговинцы, относились к ним крайне недоверчиво. Вследствие сего обнародованный в Сараеве 30 января султанский фирман, возвещавший о даровании боснякам и герцеговинцам новых прав и льгот, был принят христианами с полным равнодушием. Мусульмане же отнеслись к нему с негодованием, так что местные власти должны были успокаивать их уверениями, что обещания, заключавшиеся в этом акте, никогда не будут осуществлены и были объявлены только для того, чтобы удовлетворить настоятельным требованиям европейских держав.

Изданные вслед за тем в дополнение к фирману прокламации от великого визиря извещали о намерении Порты ввести в стране полную свободу вероисповеданий и учредить в Боснии и Герцеговине особые комиссии для введения реформ. При этом восставшим объявлена была амнистия, а бежавших в Славонию, Кроацию и Сербию босняков правительство приглашало возвратиться на родину, обещая снабдить их пищею и деньгами на первоначальное обзаведение.

Исполнения этих обещаний, однако, не последовало, потому что местная администрация, начиная с генерал-губернатора Ибрагим-паши, совершенно бездействовала, а прибывший в Боснию для введения реформ комиссар Порты Хайдар-эфенди встретил непреодолимое препятствие к исполнению возложенного на него поручения в бедственном экономическом положении страны, при котором введение реформ было делом немыслимым.

Торговля и промышленность Боснийского виляета находились в совершенном упадке; поля везде, за исключением Сараевского округа, остались незасеянными, и стране угрожал голод. Для предупреждения окончательного разорения провинции необходима была немедленная и значительная денежная помощь. Между тем провинциальные кассы были совершенно пусты; в них не хватало денег даже для содержания войска и уплаты жалования чиновникам. Поселяне, обремененные неправильными сборами податей, были окончательно разорены притеснениями местных помещиков, бегов и аг, которые сгоняли их с земель, а при наступлении весны отказывались выдавать им семена для посева, что делалось прежде ежегодно.

При таких условиях возвращение боснийских выходцев на родину было немыслимо, тем более потому еще, что фанатизм мусульман и ненависть их к христианам принимали все большие размеры. Возбужденные продолжительностью восстания мусульмане грозили поголовным избиением всего христианского населения, и жестокости их не имели пределов. Отряды башибузуков, собранные из разных мест для усмирения восстания, свирепствовали в мирных округах Боснии, грабили и жгли христианские села и подвергали разным истязаниям беззащитных поселян.

Доведенные до крайнего отчаяния и не находя правосудия в судах против злоупотреблений своих притеснителей, христиане целыми толпами покидали свои разоренные усадьбы и поля и частью искали убежища в Австрии и Сербии, частью же присоединялись к восставшим; те же, которым не удавалось бежать, ждали с нетерпением случая отмстить своим притеснителям, хотя наружно и изъявляли покорность.

Таким образом, небольшие отряды восставших, расположенные в северо-западных округах Боснии: Бихачском, Банялукском и Травникском, постоянно пополнялись новыми пришельцами. В течение зимы восставшие не предпринимали ничего решительного, стычки их с турецкими войсками происходили очень редко и были незначительны. Но с наступлением весны действия их приняли более определенный характер. Вооруженные отряды босняков в несколько тысяч человек стали появляться из Австрии, переходя границу близ Костайницы и Брода, и в короткое время овладели всем Бихачским округом. На Саве и в других местах

начались почти ежедневные стычки с турецкими войсками, и если при этом восставшие не одерживали над турками верха, то единственно вследствие отсутствия у них хороших предводителей; действуя врассыпную, малыми отрядами, без определенного плана и руководства, они не могли придать восстанию той силы и размеров, которыми отмечалось восстание герцеговинцев. В надежде на близость войны Сербии и Черногории с Турцией, босняки, по-видимому, берегли свои силы и избегали больших сражений.

Известие об объявлении войны княжествами произвело сильное впечатление на боснийских христиан и мусульман. Первые, рассчитывая, что сербские войска не замедлят вступить в Сараево и освободить своих единоверцев от турецкого ига, радовались и надеялись на успех. Мусульмане, со своей стороны, были еще более довольны, полагаясь на силу турецкого оружия и не сомневаясь, что сербы и герцеговинцы будут уничтожены в самое короткое время.

Приезд главнокомандующего турецкою армиею в Герцеговине Мухтар-паши в Сараево и сообщенное им известие о призыве всех магометан к оружию на войну за веру произвели сильное воодушевление в мусульманском населении Боснии; начались деятельные военные приготовления, и в короткое время собрано было более 30 тыс. войска, из коих 14 тыс. находились под начальством Мехмет Али-паши у Нового Базара, 11 тыс. — под командою Али-паши в Герцеговине, 2 500 — в Сараеве и 4 500 — на северной границе Боснии. Кроме того, каждый боснийский округ обязывался выставить до 5 тыс. башибузуков, которые с нетерпением ждали похода в Сербию, рассчитывая на обильную добычу.

Настроение это продолжалось, однако, недолго; война с Сербией затянулась; бездействие турецкой армии на Дрине приводило мусульман в негодование. Уверенность их в непобедимости султанских войск исчезала мало-помалу, а известия о вступлении князя Николая в Герцеговину, поражении Мухтар-паши и взятии в плен Осман-паши привели их в уныние[11].

Ожесточение мусульман против христиан еще более усилилось вследствие этих неудач. Башибузуки, обманутые в своих надеждах ворваться в Сербию, стали оставлять армию, расположенную на Дрине, и предались грабежам.

С началом войны действия боснийских инсургентов сделались решительнее; так как отряды их стали значительно пополняться сербскими добровольцами и австрийскими славянами из Кроации и Славонии, то сербское правительство, желая воспользоваться во время войны содействием помянутых отрядов, поспешило войти в сношения с предводителями их и установить между ними общность действий. С этой целью в августе месяце послан был из Дринской армии в Боснию полковник Деспотович, которому поручено было руководить военными действиями босняков[12]. Деспотович старался вести партизанскую войну; одержав несколько побед над турками в Бихачском и Банялукском округах, он перенес действия боснийских отрядов в Травникский округ и, укрепившись в Грахове, взял города Гламоч и Ключ и сделал нападение на Ливно. Таким образом, боснийские инсургенты отвлекали постоянно на себя часть турецких войск, действовавших против Сербии со стороны Боснии, и этим значительно облегчали свободу действий

Дринской армии, к сожалению не воспользовавшейся таким благоприятным положением для подкрепления Моравской армии, изнемогавшей пред превосходными силами неприятеля, постепенно оттеснившего ее к Джунису и Делиграду.

Перемирие, которое Турция принуждена была заключить с Сербиею и Черногориею вследствие предъявленного ей по повелению вашего императорского величества ультиматума[13], распространилось также и на Боснию. Однако международной комиссии не удалось провести демаркационной линии вследствие того, что Порта, не признавая боснийских инсургентов воюющею стороною, отказала в пропуске делегатов от них в Белину, где находилась сказанная комиссия.

По случаю собрания в Константинополе европейской конференции для обсуждения вопросов, касавшихся будущего устройства Боснии и Герцеговины[14], Порта, желая представить делегатам европейских правительств доказательство, что христиане Боснии сами не протестуют против турецкого управления и не желают отделения их страны от империи, сделала попытку побудить босняков, католиков и православных, к подаче султану благодарственного адреса. Но попытка эта не имела, однако, успеха; православная и католическая общины в Сараеве отказались подписать адрес, и местным властям удалось силою и угрозами собрать подписи на адресе только в селах.

В последнее время турецкое правительство на основании недавно обнародованной конституции потребовало присылки из Боснии депутатов в константинопольский парламент[15]. Свободное избрание их было немыслимо, так как христиане и мусульмане отнеслись к конституции с одинаковым недоверием, вследствие сего генерал-губернатор распорядился *назначением* этих выборных.

АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Д. 75. 1876 г. Л. 293–344. Подлинник.

1* *Датируется концом отчетного периода.*
2* *Опущен текст о боевых действиях черногорцев против турецких войск.*

1 См. прим. 2 к док. 35.
2 См. док. 62.
3 См. прим. 3 к док. 42.
4 См. прим. 1 к док. 45 и прим. 1 к док. 65.
5 См. док. 70, 74, 76, 78.
6 См. прим. 2 к док. 68.
7 В конце апреля — начале мая 1876 г. в Берлине состоялись переговоры канцлеров трех держав — России, Германии и Австро-Венгрии о положении на Балканах, а также свидание русского и германского императоров. Несмотря на разногласия между союзниками по вопросу о предоставлении автономии Боснии и Герцеговине (против были Германия и Австро-Венгрия), канцлеры подписали меморандум (13 мая 1876 г.), согласно которому державы согласились оказать давление на Порту с целью реализации принятых ею реформ. Предполагалось приостановить на два месяца военные действия и провести переговоры с представителями восставших на осно-

вании требований последних. В случае неудачи этих переговоров союзные державы обязались принять действенные меры «в интересах всеобщего мира». Меморандум был поддержан правительствами Франции и Италии, Англия же заявила, что отказывается к нему присоединиться, так как он подрывает суверенные права Порты (см.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 203–204; Сборник договоров России... С. 141–144).

[8] См. прим. 1 к док. 88 и док. 89.

[9] См. прим. 2 к док. 68.

[10] См. прим, к док. 93 и 100.

[11] 16 июля 1876 г. черногорские войска разбили армию Мухтар-паши в сражении при Вучьем Доле, 2 августа турецкие войска были разбиты при попытке снять осаду крепости Медун. В обоих случаях турки понесли большие потери. Осман-паша и 300 турецких солдат были взяты в плен у Вучьего Дола, а при Медуне погибло до 6 тыс. турок (см.: АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1876 г. Д. 75. Л. 318–323).

[12] См. док. 102 и 105.

[13] См. прим, к док. 93.

[14] См. прим. 2 к док. 112.

[15] См. док. 108 и прим, к нему.

108

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о результатах выборов в турецкий парламент в Боснийском вилайете и о преследованиях христиан в Крайне и Посавине

№ 1 3 января 1877 г. Брод

Секретно

Милостивый государь Николай Павлович!

Три недели протекло со дня провозглашения конституции в Турецкой империи[1], но, по крайней мере, здесь, в Боснии, ничто не указывает на какое-либо изменение, переустроение или улучшение.

Городские жители большей части округов этой области поспешили препроводить к начальнику края благодарственные адресы султану за дарование свободы, но это произошло единственно вследствие приказания великого визиря, который по телеграфу потребовал представления этих адресов[2]. По сие время народ и большая часть боснийского общества не находит в себе достаточно умственной силы, чтобы отдать себе отчет в значении заменения абсолютной системы конституционною, так как сия последняя в применении к Оттоманской империи основывается на исламском шериате, который категорически выясняет и утверждает равенство одних лишь магометан.

28 декабря происходили выборы депутатов в палату общин турецкого парламента. В Сараево было прислано 136 запечатанных пакетов с именами членов идаре меджлисов всего вилайета, которые могут и должны быть избраны в депутаты. Из шести депутатов, имеющих представлять Боснию, правительство приказало назначить трех магометан и трех немагометан. Таким образом 375 тыс. мусульман будут иметь *трех* представителей; 500 тыс. православных, за исключением 70 тыс. временно выселившихся в Австрию, одного; 200 тыс. католиков — одного и около 5 тыс. евреев — жителей городов — также одного представителя. Одно это ужасающее неравенство в числе представителей боснийского народа по вероисповеданиям должно служить неопровержимым аргументом того, что вся основа опубликованного устава зиждется на самой возмутительной несправедливости.

Назначенные депутаты мне лично известны, но как и в одном из прежних моих донесений, так и теперь я обязан доложить вашему превосходительству, что эти люди не могут принести никакой пользы своей родине. Грубые, фанатичные и невежественные, неприготовленные к публичной защите отечественных интересов и в душе непримиримые враги между собою, ибо глубокая и вечная бездна отделяет их один от другого, миссия их только по внешней форме будет отвечать статьям устава *исламской свободы*[3].

Я сказал в начале донесения, что здесь все обстоит по-прежнему. Действительно, со времени провозглашения свободы в окрестностях Сараева убито три христианина. В Крайне и Поссавине, где православное население преследуется бегами и агами и возвратившимися с границ Сербии голыми и оборванными башибузуками, снова организуется род переселения в Австрию. В Пырньяворе, Бихачского санджака, два бега

отколотили палками наших единоверцев, растолковывая им значение и смысл дарованной свободы и конституции. Последние же фирманы Абдул-Азиса и ираде о принятии ноты графа Андраши заменили оконные стекла во многих селах и городах Крайны.

В Боснии турецкие кайме с трудом принимаются в торговле. Достоинство лиры возросло до 130 пиастров. В Сараеве два еврея были на днях посажены в тюрьму за то, что не хотели принять кайме. 30 декабря вали созвал в конаке главных негоциантов и объявил им, что тот, кто будет отказываться от кайме, будет подвергнут штрафу от 5 до 25 лир или тюремному заключению от 1 до 3 месяцев.

По случаю болезни моего сына я прибыл на некоторое время в Брод, где проживает моя семья с июня месяца. Здесь нашел я большую перемену. В конце октября, когда по распоряжению начальства мы были в Броде, военное и гражданское общество выражало почти уверенность быть в скором времени в Сараеве — как союзники России. В настоящий раз я слышал, что офицеры полагают, что скорее их двинут к границам Царства Польского. Военные приготовления здесь начались. Накануне нового года привезли сюда из Осека 36 орудий. Правительство заплатило извозчикам по 30 гульденов за каждую пушку.

Городские жители громко ропщут на присутствие уланского эскадрона, солдаты коего еженощно занимаются кражами, по большей части съестного. Я также заплатил дань голодающим кавалеристам. Ночью на 31 декабря они забрались в мою кладовую, сломали замок шкафа и унесли всю провизию. Утром являлся офицер и комиссар полиции. Первый драл уши солдатам и бил их по щекам, а второй заявил мне, что солдаты голодны и поневоле принуждены башибузучествовать.

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиятский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2339. Л. 2–3 об. Автограф.

[1] Турецкая конституция была объявлена 11 (23) декабря 1876 г. Она преследовала цель сделать излишним обсуждение вопроса о проведении реформ в пользу христиан на Константинопольской конференции. Конституция провозглашала равные права всего населения империи, не давая, однако, гарантий их реализации. Стремясь показать удовлетворение христиан, власти организовали кампанию по подписанию благодарственных адресов. Распоряжение об этом было дано великим везирем Мидхат-пашой в конце ноября 1876 г. (см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 577).

[2] В действительности христианское население Боснии и Герцеговины осознавало, что турецкая конституция не принесет никакого облегчения его положения (см.: А. Н. Кудрявцев А. И. Нелидову, 28 января 1877 г. АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2339. Л. 7–8 об.).

[3] Более подробную характеристику депутатов, избранных в турецкий парламент от Боснии, см. в донесении А. Н. Кудрявцева А. И. Нелидову от 22 января 1877 г., № 12 (см.: АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2339. Л. 5–6 об.).

109

Обращение представителей боснийских христиан С. Скулича и Й. Шкорича к Александру II с просьбой содействовать передаче Боснии под управление Сербии или предоставлении ей автономии

15 января 1877 г. г. Винковцы Австрийские

Његовом императорском величанству руском пару Александру II

Молбеница босанског народа

Наш хришћански народ у Босни претрпио је за пет стотина година под најтежим притиском фанатичне турске владе толико, да му више није могуће опстани. Ми, хришћани у Босни, прави смо робови без икаквих права, и без икакве заштите. Ми не располажемо ни нашим убогим колибама, ни нашим с тешком муком стеченим сиромашним имањем, ни нашим женама, ни нашом децом, па ни самим животом својим. То је све без икакве законске заштите изложено дивљој самовољи Турака и турских власти.

Дивио је чудо, како само и до сада могли оптати. Али можда нас је сама судбина одредила, да служимо изображној хришћанској Европи као жива сведецба турског петогодишњег варварства и најжешћих свирепства.

Султани, њихови везири, паше и уопште сви Турци и све њихове власти сматрију нас хришћане за неверника ђауре придржавајући се у томе алкорана, који им наложе да нас једнако гоне и муће, обећавајући им за то награду. За то је свакоме врло појмљиво зашто нама хришћанима нема код турских судова и власти ни суда ни правде. С тога је посве јасно и то, зашто ми хришћани не само да сносимо и подмирујемо све државне терете, трошкове и којекакве најнеправедније намете, него још и поред тога морамо својим знојем и трудом да хранимо остале Турке: аге, спахије и бегове, који су на далеко чувени са свог варварства и који живе једино с нашем трошку.

У кратко да кажимо: живе и у овако најнесрећнијем робском стању ми смо прави мученици, који не могу ни живети ни умрети.

Чаша нашег горког мучења давно је већ препуњена.

Услед тога, а у крајњем очајању, морадосмо прошле године устати против наших угњетача Турака, са чврстом надом у господа Бога, да ће се и наша тешка судбина једном променути, те да се и ми ослободимо као и остали српски народ, али бар да задобојемо човечанска и грађанска права, јер даље не могадијасмо више живети у оваком стању.

Побегнувши од чести у планине, а од чести у суседне државе: Црну Гору, Аустрију и Србију ми смо се одмах, омогујући на хришћанство, хуманитет и цивилизацију обратили за помоћ нашој браћи у Србији, Црној Гори, а и свој хришћанској Европи, гладни и жедни, голи и боси, и са сузним очима милили их, да нам пруже руку помоћи. Благодарећи имено нашим осећајима наше срећне браће: Руса, Срба и других Славена, ми смо до сада могли остати живи и давати отпора фанатичној сили турској, која је на нас навалила да нас истреби с лица земље.

Али сва та помоћ ни до данас још није могла променути нашу несрећну судбину. Турци су наша села опљачкали, наше куће попалили, наше цркве оскврнили, наше старце на коље набијали, нашим људима главе одсецали, нашу нејаку децу у вис бацали и на врхове ханџера дочекивали, наше мајке, жене и сестре зверски мучили и срамотили, и хиљадама других свирепства над нама чинили!

Страшно је и помислити не те грозе и ужасе, а камо ли још сопственим очима гледати их и трпити их.

Али, помисао, да су сва наше неописана страдања нашла милосрдног сажаљења и код вашег императорског величанства, у чијим је данас рукама судбина Турске царевине, олакшава нам наше тешке муке и крепи нас надом, да ће ваше императорско величанство променути нашу тешку судбину и заменути је бољом.

Зато се и усуђујемо да најпонизније изјавимо нашу жељу вашем императорском величанству молећи вас најпонизније, да нас присајединити кнежевини Србији под управу и законе кнеза Милана М. Обреновића II, јер само тако можемо и наши гарантије за грађанску и политички живот, просветни, економни и уопште културни напредак. Босна је свагда била српска покрајина. И у Босни и у Србији један је исти народ, па је овај у Србији под својом хришћанском владом, добром администрацијом и правосуђем, срећан и напредан, а ми смо у Турској право робље. Стога је сасвим природно и правично шта желимо и молимо да се сјединимо са кнежевином Србијом.

Ако ваше величанство не би благоизволили да нам ту Молбу уважи, онда најпонизније молимо, да се у Босни уведу следеће реформе, којима ће се наше стање поправили:

1) Да се постави хришћански гувернер, кога народ босански изабере било од Босанаца или са стране, и да га Порта само потврди на извесно време, а да га не може сбацити по својој вољи.

2) Земље и шуме, које су до данас аге и бегови неправедно притежавали, да се поврате у својину босанског народа.

3) Да се одсеком определа сума коју ће Босна за своју земљу плаћати Порти у име данка, и то из провинциске касе, у коју је улазити сви приходи као: посредне и непосредне порезе, приходи од ђумрука, скела, рудника, пошла и телеграфа и т. д.

4) Да се сваке године сазива обична, а сваке пет године велика народна скупштина. Посланике бира сам народ из своје средине по округзима. Председник увек да буде хришћанин. Скупштина ће издавати законе и одређивати буцет.

5) Судије за грађанске и кривична дела по округзима да бира сам народ висином гласова, а председнике судова да поставља сам гувернер.

6) Српски језик да буде званичан.

7) У свакоме кантону од 5–10 000. становника да буде изабрана полиција од хришћана и мусломана према вишини становништва.

8) Жандармерија да буде састављена од мусломана и хришћана према вишим становништва, а главни командант свеколике жандармерије да буде хришћанин.

9) Да се установи војска од 5–10 000. и од мусломана и од хришћана, а гурернер да јој буде главки командант, и он да поставља официре. Та ће војска само бранити

провиицију Босну од спољних напада и од унутрашњих немира, а никако да се не употребљује на портине потребе где на страни.

10) Да се народу у Босни дадо подпуна слобода вере и богослужења по црквама и по манастирима, и да му се дозволи уређивати школе и све заводе за утврђивање вере и распространена просвете и т. д.

11) Свештенство да дође под управу митрополита српског.

12) Да Порта не сме насељавати Черкезе нити друге мухамеданце у Босну, нити пак да у њу шаље војску со стране.

13) Да се сви мусломани концентришу у вароши и да се разоружају, иначе да се и хришћанима дозволи да носе оружје.

14) Да се поруши сви градови и сва утврђена у Босни, а да се нова не смију подизати.

15) Амнестија за све портине поданике без разлике, да се олакша повратак бегунцима, и да се опросте непомирени данци.

16) Српска војска да поседне Босну све дотле, док се наведене реформе не остваре.

Поуздано се надамо, да је ваше императорско величанство узети у призрење и оцену све наше природне и целисходне зактеве, да ће уважити ову нашу најпонизнију молбу и тим учинити крај нашем бедном стању и немирима у Босни.

Вашег императорског величанства најпонизнији заступници народа босанског

Станко Скулић
Јован Шкорић

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 123. Л. 102–104. Подлинник. Опубл, в переводе на рус. яз.: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878. М., 1978. С. 218–220.

110

Донесение А. Н. Кудрявцева поверенному в делах в Константинополе А. И. Нелидову о военных приготовлениях османских властей в Боснии и о фальсификациях константинопольской прессы относительно действий российских дипломатов

№ 19 10 февраля 1877 г.

Спешу иметь честь донести в[ашему] п[ревосходительству], что в Банялукском санджаке, Дервентского округа, было 5 стычек между восстанцами и башибузуками. Первых убито около 33 человек и между ними два предводителя этих малых отрядов, мародерствующих по селам и деревням, — Лазар Танджетич и Сава Абач, на котором найдено 400 червонцев. Эти стычки случились между 25 и 27 января. Кроме того, три дня тому назад получено здесь известие о большом столкновении около города Яйца в Травникском санджаке. Возобновление неприязненных действий ясно, кажется, указывает на продолжение существования восстания, которое, по уверениям правительства, давно уже угасло. Таким образом, Босния вступает после кратковременного затишья в новый период гражданской войны и стремится к окончательному разорению и гибели.

Полуторагодовое восстание лишило уже этот край до 1 500 сел, сожженных и разграбленных, и до 100 православных храмов, превращенных в груды камней. Более 150 000 христиан покинули свою родину. Пять тысяч восстанцев бродят по западной и северной границе и, возбуждая еще больше разъяренных магометан, понуждают их обращать всю свою месть на мирных поселян, их жен и детей, остававшихся в поместьях своих аг и бегов и не принимавших никакого участия в кровавом движении.

Одно это восстание способно уже было разорить вконец эту несчастную страну без тех усилий и жертв, которых от нее потребовали для войны с Сербией и Черногорией и которых от нее продолжают ежедневно требовать. По этому самому неудивительно, что до окончательного истощения недалеко и что если впереди имеется быть большая война, то Боснию ожидает не только всеобщая экономическая смерть, но просто смерть от голода.

Последние распоряжения правительственных властей ясно говорят, что дело клонится не к миру. Военное начальство заказало здесь 30 000 пар опанок (лаптей) для солдат. Сделан подряд на поставку 250 000[1*] сухарей. 800 лошадей отправилось отсюда в Новый Пазар для переноски военных снарядов. Из Румелии идут в Боснию и Герцеговину 13 свежих батальонов. Городские ханы и постоялые дворы переписаны ввиду воинского постоя. Заявлено о покупке на готовые деньги 1 500 лошадей на передвижение войск в Герцеговине, несмотря на 600 лошадей, пожертвованных в последнее время правительству народонаселением Боснии. Говорят также, что правительство на днях потребует новой жертвы: от магометан 250 000 ок пшеницы и кукурузы и от христиан 400 000 пиастров, расположенных таким образом: небогатые от 10 до 20-летнего возраста внесут по 10 пиастров, а зажиточные того же возраста по 20 пиастров.

В последние дни в здешнем турецком обществе и в кругу иностранных консулов много шуму производят напечатанные в константинопольском журнале «Phare du Bosphore» фальшивые депеши и переписка русских агентов на востоке с комитетами в Вене, Петербурге и Москве, а равно статья турецкой газеты «Вакыт», написанная в самых наглых и грубых выраженьях против известия, мною в донесениях сообщенного, относительно продажи солдатами ружей и покражи двух пушек. Все здешнее магометанское общество, признававшее меня с 1859 г. человеком правдивым и достойным, лишило меня ныне своего расположения, и я, хотя и без ушиба, отброшен им далеко и навсегда. Вчера генерал-губернатор лично прочел статью «Вакыта» драгоману австро-венгерского консульства и разразился против меня с ожесточением.

Но насколько щекотливо мое положение относительно гражданского и военного турецкого общества, оно еще щекотливее относительно моих сотоварищей, которые, сколько я мог заметить, придают некоторую веру грубой мистификации константинопольской газеты. Они в одно мгновение забыли, что мы живем здесь в самом центре области, что получать или отправлять оружие и снаряды нет возможности, тем скорее зарывать его в землю или сокрывать в пещерах и гротах. Говоря с некоторыми из них о приписываемых мне депешах, я нашел в ответ себе одну лишь сдержанность и неловко скрываемое недоверие, несмотря на такие неопровержимые доводы, как напр[имер], что первые две депеши помечены из Сараева в Вену августом месяцем, тогда как я этот месяц провел, сколько мне помнится, именно в 1872 г., в Вене, и что если ключ наших шифров найден, то, вероятно, и правительство, и несуществующий венский комитет поспешили бы снабдить своих агентов новыми.

В свое время я счел долгом довести до сведения императорского посольства о приезде в Сараево трех молодых венгерцев, предъявивших желание свое вступить в ряды турецкой армии в Боснии. Ныне эти венгерцы выехали из Сараева, но при следующих обстоятельствах. О них писали в Константинополь, откуда получено было следующее распоряжение: «Искренно благодарить их за сочувствие и благое намерение, но отказать в просьбе. Выплатить все произведенные ими расходы в гостинице, в которой они оставались 25 дней, и выдать им 27 с половиною золотых турецких лир на обратное путешествие». Эти господа, по дошедшим до меня слухам, приезжали сюда только под предлогом вступления в военную службу; они имели поручение осмотреть Боснию, ее села и деревни, города и посады, дороги и мосты, и потому неудивительно, что турки заплатили им и путешествие и пребывание их в Сараеве, так как австро-венгерское посольство в Константинополе, нет сомнения, хлопотало о них.

Вчера возвратился сюда из Константинополя английский консул г. Хомс[2*].

С глубочайшим] почт[ением] и пр.

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 827. Л. 15–17. Копия.

[1*] Ок (прим. док.).
[2*] Холмс

111

Телеграмма А. Н. Кудрявцева в МИД России о восстании христианских сел между Травником и Банялукой

18 февраля (2 марта) 1877 г. Сараево

Secret

Восстало много христианских сел между Травником и Банялуком. Пошли туда три батальона с пушками под командой генерала Измета.

Помета о получении: Le 18 février.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 96. Л. 1. Дешифрант.

112

Докладная записка Н. К. Гирса Александру II о встрече с боснийскими депутатами Й. Шкоричем и С. Скуличем

4 марта 1877 г.

Вчера 3-го марта явились ко мне в сопровождении Протича депутаты от боснийских выходцев Иован Шкарич и Станко Шкулич и передали мне прилагаемое при сем в переводе на русский язык прошение на высочайшее имя государя императора[1]. Вместе с тем они предъявили и данное им от православных босняков полномочие для представления сего прошения по назначению.

В разговоре с ними я счел долгом заявить им, что его императорское величество глубоко сочувствует нынешнему бедственному положению боснийских христиан, твердо желает улучшения их участи и надеется достигнуть сего при содействии других христианских держав Европы, что нынешнее положение политических дел таково, что не дозволяет нам предпринять что-либо отдельно от других в пользу боснийских христиан, так как на Константинопольской конференции был уже решен вопрос о будущем устройстве Боснии[2], и что затем остается только ждать, что предпримет Порта в ближайшем будущем для осуществления желаний, заявленных ей Европою.

Депутаты отвечали мне изложением бедственного положения, в котором находятся ныне православные босняки, терпящие притеснения не только от мусульман, но и от католиков, принявших сторону последних; они заявили также об опасениях своих единоверцев насчет Австрии, намеревающейся будто бы занять Боснию, и считают владычество Австрии гибелью для православных босняков.

По поводу этого заявления я им заметил, что опасения их не кажутся лишенными основания ввиду решений, состоявшихся на Константинопольской конференции и принятых также и Австрией. Как лучшего исхода из их бедственного положения они желали бы или присоединения их к Сербии или образования из Боснии автономной провинции.

Депутаты в заключение просили меня сообщить им решение императорского правительства о том, следует ли им представлять настоящее ходатайство босняков другим правительствам Европы или воздержаться от сего.

Я не дал им никакого положительного ответа на эти вопросы и обещал довести их до сведения вашей светлости.

Н. Гирс

Помета: Доложено государю императору государственным канцлером 5 марта 1877 г.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 123. Л. 100–101. Подлинник.

[1] См. док. 109.

[2] Согласно решениям Константинопольской конференции Босния и Герцеговина получали административную автономию. Они объединялись в одну провинцию, управляемую назначаемым Портой на 5 лет генерал-губернатором. На 4 года выбиралось народное собрание, состоящее из равного числа православных, католических и мусульманских депутатов. Оно контролировало бюджет и налоги. Вводилось местное самоуправление, создавались гражданские и уголовные суды. Усовершенствовалась налоговая система и упразднялись откупа. Турецкие войска сохранялись только в крепостях и гарнизонах главных городов. Провозглашалась свобода культов и т. д. (см.: Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1877. St-Pbg., 1877. P. 379–381).

113

Донесение А. Н. Кудрявцева А. И. Нелидову о бедственном экономическом положении Боснии

№ 38 10 марта 1877 г. Сараево

Милостивый государь Александр Иванович!

Бедственное положение, в котором столько времени находится Босния, продолжает увеличиваться с каждым днем, и, кажется, надежды очень мало, чтобы приискать какой-нибудь благоприятный выход из него. Число нищенствующих растет; в селах нечего есть, в городах питаться стало дорого, а торговли нет, и нет никаких работ. В одном Сараеве, где жители сравнительно с другими местностями Боснии имеют больше средств бороться с насылаемыми от времени до времени бедствиями, православная община собирает ныне милостыню для пятисот голодающих православных семейств. Наше консульство осаждается не одними христианами, но и многочисленными магометанскими просителями, которым отказывать нельзя, ибо око простой пшеничной муки стало 3, а кукурузной — 2 пиастра. Когда же подумаешь, что до новой жатвы остается еще целых полгода, то позволительно содрогнуться пред призраком голода, который неминуемо разразится над этою страною.

Теперь уже не только в базарные дни, но почти ежедневно несчастные голодные отцы и матери носят на продажу, кто — медный прадедовский кофейник, кто — какую-нибудь вещественную старину, единственное, что оставалось еще в доме.

На такую ужасающую обстановку надобно удивляться, что правительство смотрит чрезвычайно хладнокровно или, вернее сказать, совсем не смотрит. Оно занято лишь своим собственным самоохранением, и то в настоящем. Для него будущего не существует. Пусть народ голодает, пусть нищета, ведущая к преступлениям, разовьет в этой земле систему разбойничества, пусть бегут христиане в смежные государства, но, удержав за собою прошлогоднюю десятину хлебов, оно не продаст ни одного зерна, потому что они ему нужны для многочисленных войск. Народ же пусть достает, где хочет, и пусть платит за каждый кусок вдесятеро дороже. И вот правительство не только не продает большие запасы хлебов, собранные им от десятины, но даже наложило секвестр на частные амбары. Вместе с этим серебряные и золотые деньги исчезают из Боснии, оставляя после себя одну медную монету и целые пачки каймэ, которые в первые дни своего появления на здешнем рынке оплачивали турецкую лиру 122 пиастрами и которые теперь оплачивают ее 156, подняв вместе с тем цены на ввозимые товары. При подобной всеобщей нищете неудивительно, что ничто не улучшается и что, напротив, существующее подвергается разрушению. Различные дороги и шоссе до того испорчены, что по ним нет проезда. Об исправлении оных и речи нет. С одной стороны, власти говорят, что насильственные работы уничтожены не только новым уложением, но и предшествовавшими фирманами, и это по настоятельству самой

Европы, с другой — денег нет. Состояние телеграфных линий не лучше. На днях мне передавали, что главнокомандующий в Герцеговине Сулейман-паша отправил в Константинополь несколько шифрованных депеш. Телеграммы его должны были пройти чрез сараевскую станцию. Шесть дней спустя сюда пришел запрос Сулеймана, не получены ли из столицы ответные телеграммы, тогда как его собственные лежали еще здесь, если не лежат до сих пор; единственная внутренняя линия будучи порвана и не исправлена.

Несмотря, однако же, на весь этот хаос, начальник края и вообще все власти держат себя весьма заносчиво, как будто они представители могущественной державы. О шайках восстанцев они продолжают отзываться с презрением и теперь, как и прежде, обвиняют одну Австро-Венгрию в продлении восстания. Соседняя держава, по их словам, имеет расчеты обратить сие восстание в постоянную язву, чтобы в известный час иметь предлог вмешаться в боснийский вопрос. А между тем зворникский мутессариф должен был отдать под строгий надзор всех турецких перевозчиков в городе Бырчке, потому что эти добрые магометане каждую ночь перевозят на австрийский берег несчастных боснийских мужчин, женщин и детей, продолжающих бежать от насилий, голода и нищеты.

О положении восстанцев мне ничего не известно, точно так же как никому из моих сотоварищей. Я полагаю, что восстанцы ограничиваются одними успехами мародерства, ибо избегают встречи с войсками, но ищут ее с бегами и агами. Недавно 12 магометан из Пыньявора ходили в Банялуку и продали там много скота. Возвращаясь с приличною суммою денег, они были застигнуты христианами, которые, впрочем, никого не убили, а только отняли деньги и крепко поколотили людей, недавно их самих колотивших.

В Герцеговине с отъездом Али-паши и с прибытием нового мутессарифа, бывшего зворникского Мустафы-паши, положение, по слухам, сюда доходящим, ухудшается. В Мостаре неудовольствие и взаимное недоброжелательство и недоверие жителей дошло до того, что с заходом солнца каждый спешит домой и запирается, боясь нападения, пожара, резни. На улицах пусто и все мертво.

В Требинье строятся два укрепления, тогда как в других местах на черногорской границе, где Мухтар-паша построил несколько блокгаузов, сии последние разрушаются по распоряжению нынешнего главнокомандующего. По уверению властей, ими собрано провианта на шесть месяцев для всех войск, находящихся в Герцеговине, т. е. для 37 батальонов, сосредоточенных по большей части около Столца, Габелы, Требинья и Гацко.

Всепочтительнейше донося о вышеизложенном, вменяю себе в обязанность вместе с тем доложить вашему превосходительству, что напечатанные прошлогодние депеши гг. Хомса[1*] и Фримана: первого, опровергающего факт сажания на кол турками христиан, и последнего, описывающего один из этих фактов, вызвали хотя частный, но оживленный протест со стороны французского консула, к которому англичанин обращался с целью опровержения. Действительно, г. Девьен имел полное право выразить свое неудовольствие, ибо факт сажанья на кол представлен г. Фриманом в донесении его лорду Дерби 16 марта 1876 г., об опровержении

же подобных зверств запрос был сделан г. Девьену в ноябре месяце того же года. Таким образом, английское консульство в Сараево протестует с негодованием против взводимых на турок обвинений и получает в том подпору от некоторых консульств, по-видимому никогда не слыхавших о факте сажания на кол, и то же английское консульство задолго до вызванного протеста доносит именно о существовании подобного факта.

Впрочем, кто-то из моих сотоварищей нашел это обстоятельство совершенно естественным. Г-н Хомс имел полное право протестовать, потому что на берегах Савы, как о том доводили до сведения газеты, никто не был посажен на кол. Г-н Фриман имел полное право донести о посажении на кол, потому что имел в руках верное описание сего факта, совершившегося на берегах Уны. Что же касается до действительности или недействительности сего факта, вместе с прелатом Штроссмейером позволю себе сказать: «я слышал, но не видел».

Копия с сего донесения будет препровождена в Азиатский департамент.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Кудрявцев

АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2339. Л. 9–11 об. Подлинник

[1*] Холмс.

114

Письмо Г. С. Веселитского-Божидаровича Н. П. Игнатьеву[1]* о бедственном экономическом положении Боснии и Герцеговины, усилении католической пропаганды и с проектом мер по поддержанию православия

15 (27) марта 1877 г. Вена

Совершенно конфиденциально

Милостивый государь Александр[2]* Павлович!

По желанию, выраженному мне вашим превосходительством, могу представить вам сжатый очерк положения на северо-западе Балканского полуострова, как оно мне выяснилось, в особенности в мое последнее там пребывание. Журнал «Le Nord»[1] только что начал печатание моих статей по этому предмету, но я чувствую себя весьма счастливым, что обращение вашего превосходительства позволяет мне взглянуть на существующие вопросы гораздо глубже и указать на такие их стороны, которые было бы неудобно затрагивать в печати. Я должен только просить вашего самого благосклонного снисхождения к форме моего изложения: несколько часов, остающиеся до отъезда вашего превосходительства[2], не позволяют мне представить вам что-нибудь более обработанное.

Скоро 2 года, как с разных пунктов западной окраины полуострова я наблюдаю за развивающимися на нем событиями. Герцеговина, Босния, Старая Сербия и Северная Албания составляют настоящий театр восстания и войны. Но в них принимают участие, и они имеют почти такое же решающее значение и на стоящих во второй линии Черногории, Далмации, Военной Границы и Кроации. Все эти стороны тесно связаны между собою и теперь, как во времена римлян, называвших их общим именем Иллирика, составляют одно целое. Далее к востоку и югу простираются страны с другими климатическими и геологическими условиями, с другими формами народного быта. Они не составляли в последнее время предмет моих непосредственных наблюдений, и не могут войти в настоящее изложение.

Страна, начавшая современное движение, конечно сильнее всякой другой подпала его действию. *Герцеговина* (за исключением Любушкинского и Мостарского кадилуков) *не имеет уже ни населения, ни жилищ.* Она не только перестала приносить какой-либо доход государству или частным лицам, но все запасы, все движимое имущество ее более не существует. Имущество недвижимое или уже разрушено, или грозит быть уничтоженным. Особая геологическая формация, называемая карст (carso по-итальянски и крт по-сербски), господствует во всех странах бывшего Иллирика и делает из них особую географическую единицу. Она отличается тем, что земля лежит только тонкою полосой на известковом камне и может быть удержана только усиленной культурой. Ветры и дожди срывают ее, сносят в долины и далее к морю или выветривают ее на воздух. Оставшийся обнаженным известняк не имеет над собою слоя, могущего всасывать влагу, под влиянием дождей он трескается и ломается и со своими уродливыми формами

представляет скалистую степь, где ни культура, ни жизнь немыслимы. Леса, которые в прежние времена служили источником влажности, уже все истреблены. Все воды дождей накопляются на пастбищах, тоже остающихся без употребления и превращающихся в полные миазмов болота.

Другие северо-западные провинции Турции, конечно, не дошли еще до такой крайности. Общность природных условий и сходство происходящих там событий заставляют видеть в Герцеговине только *верную картину их будущей участи...*

Православное население Герцеговины уже все оставило страну. Из 150 000 его составлявших, 10 000 находятся в Черногории, 25 000 в Далмации, около 35 000 погибло, 6 000 находятся под ружьем, около 4 000 скрываются в отдаленных горах или состоят в услужении у турок.

Население мусульманское сосредоточено в крепостях и укрепленных лагерях, оно почти так же разорено.

Все беглецы лишены средств жизни. Находящиеся в Черногории живут милостями России, в Далмации и Кроации бежавшие существуют скудными подаяниями Австрии, сами мусульмане зависят от помощи турецких властей.

При скученной жизни в тесных помещениях, при недостатке пищи и одежды между герцеговинцами господствуют эпидемии и ужасающая смертность, особенно падающая на детей. *Потери народонаселения* при разрозненности семей и отсутствии браков уже целые 2 года *ничем не вознаграждаются,* и численность необходимо и быстро уменьшается.

Около 90 000 православных босняков находятся в Кроации, 20 000 в Далмации, около 25 000 в Сербии. (Я не имел возможности приобрести верной цифры бежавших католиков, но число их значительно меньшее). Из Старой Сербии бежало 12 000 в Черногорию, около 30 000 в Сербию, еще многие скитаются в горах внутри страны.

Албания, жители которой почти все неправославные, не восставала. Но нижняя часть ее с мусульманским населением разорена от грабежа и буйства войск. Верхняя, католическая, оставалась все время нейтральною. Почва ее будучи почти совсем бесплодною, жители зависят для пропитания от долин и моря, только 3–4 недели тому назад как заграждение им путей вниз турецким начальством принудило их взяться за оружие. Эта новая борьба грозит разорением и запустением всей Албании.

Гибель населения, уничтожение имущества, опустошение и окаменение страны — в высшей степени прискорбные явления для Европы, для цивилизации и человечества. Но русскому, православному славянину есть в этом еще нечто особенно горькое. Он видит и чувствует, что *гибнет, исчезает ему родной православно славянский народ,* на своих плечах выносящий всю борьбу и все ее последствия.

В эпоху славы и могущества Сербского царства средоточием его была Старая Сербия. Эмиграция массами в Австрию (1699, 1714 и 1718 гг.)[3] лишила страну трудолюбивого и способного к культуре населения, города и села обезлюдели, хлебопашество почти прекратилось, и там, откуда в XIII в. художники и предметы искусства посылались в Италию (напр[имер], скульптуры серебряного гроба

св. Николая Чудотворца в Бари, дар царя Уроша), пасутся только стада диких арнаутов, клином врезавшихся между православным славянским народом.

Еще большим ударом грозят настоящие события. Если босняки и герцеговинцы не возвратятся на родину, то она сделается местом пастбищ черкесов и татар.

При изменившихся условиях быта даже коренные мусульмане (сербского языка) вряд ли останутся в стране. По крайней мере, беги должны будут искать себе вознаграждения за понесенные потери государственною службою и посредством заводимых турецких школ и других новых учреждений примут турецкий язык и усилят собою турецкую национальность.

Но представляется и другая возможность. Она не менее безотрадна и *чуть ли не опаснее для нас.* В этих провинциях есть другой элемент, более потурченных отрекшийся от своего прошлого, принявший другую культуру и другие идеалы. Католики-сербы, воспитанные францисканскими монахами и повинующиеся им, как некогда парагвайцы повиновались иезуитам, уже перестали называть себя сербами и свой язык сербским.

До 1848 г. пропаганда между ними шла преимущественно из Рима и оставалась общекатолическою. С возрождением хорватской народности она получила другое значение. Хорваты, найдя в соседстве народ, говорящий с ними одним языком, возымели намерение, восстановить легендарное царство Крешимира[4]. Основание академии и университета в Аграме, хорватская Матица, деятельность епископа Штросмайера и всей «народной партии» были средствами к осуществлению великохорватской идеи. Священники и миссионеры, прежде поставляемые в Риме, стали быть воспитываемы в Аграме и Дьяковаре и сделались послушным и деятельным орудием пропаганды. Между сербами и хорватами оставалась одна связь — противодействие мадьярам. Соглашение 1868 г.[5] уже уменьшило антагонизм между хорватами и мадьярами, а переход управления Кроацией в руки «народной партии» в 1873 г.[6] сделал возможным союз казавшихся несогласимыми элементов.

Уже в 1872 г. возбужденное хорватами движение в Лике повело к столкновению с сербами и к разоружению граничар (православных), которые, однако, остались исключенными из пользования конституцией и вообще гражданским правом Австро-Венгрии. Восстание 1875 г. в Герцеговине было или делом хорватов, или, во всяком случае, сопряжено с великохорватскими надеждами. Когда под влиянием увещаний черногорского правительства православные невесинцы готовы были мириться с турками, поповопольцы-католики настояли на продолжении борьбы. Только когда участие энергических племен Верхней Герцеговины придало движению чисто православный характер, католики вновь подчинились туркам. Сочувствие хорватов восстанию не прекращалось, однако, до самого вступления в войну сербских княжеств. Тогда они начали проповедовать «отражение соединенными силами католиков и мусульман *сербского нашествия*». Орган их партии «Обзор» рядом статей силился доказать, что Босния и Герцеговина населены хорватским народом. Студенты Аграмского университета под влиянием преобладающего богословского факультета послали адрес студентам пештским,

говоря о братской связи с теми самыми мадьярами, которые только что провозгласили свое братство с турками. Предложенный союз был принят пештскими политиками, слишком довольными внести рознь в среду югославян. Союз этот, основанный, как и союз мадьяр с поляками, на общем *западном* происхождении религии и культуры, мог бы многое изменить в отношении сил хорватов и сербов. Помимо сближения с Венгрией у хорватов существуют особые тесные сношения с двором и династией, на которую они возлагают величайшие надежды. Для католиков Кроации, Боснии и Герцеговины слово «цесарь» имеет теперь значение, как и слово «царь русский» для всех православных Востока.

В Боснии и Герцеговине православный народ, так сказать, уничтожен, мусульманский разорен, католики пострадали весьма мало, и в [их] руках сосредоточились все сохранившиеся средства страны. Если бы эти провинции были присоединены к Австрии, то, вероятно, из них бы сделали новую Военную границу с чисто военным управлением, которое предоставило бы полную свободу действий католическим миссионерам. Беги увидели бы себя вынужденными для сохранения своего социального положения опять переменить веру. Сделавшись католическими магнатами, они, как и их предки, были бы опять на стороне завоевателей. Пропаганда Ватикана направлена теперь и на Албанию, где странным образом она встречается с пропагандою Квиринала. Римско-католическая пропаганда стремится к созданию на юге от Черногории католического государства, так же как римско-хорватская пропаганда напрягает усилия создать такое же государство к северу от Черногории.

Еще удобнее казалось действовать на православный народ, бежавший в католическую землю. Действительно, в Кроации и Далмации взрослых заманивают в церкви, детей в школы. Часто одно учение, читаясь латинской азбукой, ведет к совращению в католичество.

Для противодействия всем этим усилиям, сколько мне известно, не было принято никаких мер, кроме тех, которые я буду излагать далее.

Так быстро приближается время, когда я должен буду ехать на железную дорогу вручить это письмо вашему превосходительству до вашего отъезда, что я должен выражаться как можно кратче и даже не в состоянии прочесть написанное мною. Я могу только бегло обозначить предпринятое или задуманное мною, прося вас покорнейше в случае, если вы найдете это полезным, позволить мне развить это в других письмах.

Еще в сентябре 1875 г., пораженный беззащитным положением православных герцеговинцев в Далмации, я устроил в Рагузе первую школу или приют для детей бежавших. Затем я пригласил из Герцеговины и Черногории священников и монахов для отправления богослужения и треб для бежавших, а также и для учения детей молитвам и обрядам. Будучи главным распорядителем пособий бежавшим, я мог, с согласия местных гражданских и церковных властей, устроить 6 временных церквей и 7 детских школ или приютов. Не только дети воспитывались в природной вере, но и все бежавшие удерживались в православии. К сожалению, в июне 1876 г. начавшаяся борьба всего сербского племени не позволила мне оставаться вне

этого общего движения. Я оставил благотворительную деятельность и сопровождал князя Николая в Герцеговину. В мое отсутствие пособия церквам и школам *прекратились* из России и *не возобновлялись*. Стараниями наиболее заинтересованных, они поддерживались на частные средства. Теперь и эти оскудели, и школы начинают закрываться к великой радости католиков и их духовенства. Это тем более грустно, что содержание 7 школ и 6 церквей со священниками стоило только *200 рублей в месяц*, принося неисчислимую пользу.

В Кроации учреждать что-либо подобное пока невозможно. Но можно было бы вообще подействовать на это столь важное славянское племя через партию Маканца и даже отчасти партию Штросмайера. Все славяне в Австрии особенно уважают чехов и следуют их руководству. Не желая входить с ними в особые сношения, я, однако, обратил их внимание на неславянские действия господствующей партии хорватов и на опасность их союза с мадьярами. Они выразили полную готовность во всем и всегда сообразовываться со славянским интересом и русскою мыслию.

Но главную меру для оживления и поддержания православия и славянства на западе Балкан я видел бы в учреждении в *Цетиньи югославянского комитета*, который бы пополнял деятельность черногорского правительства и служил бы ему полезным органом. Этот комитет мог бы соединить всех патриотов Бокки Которской, Далмации и вообще австрийских и турецких славянских земель. Для этого уже готовы все местные элементы, и сам князь относится к этой идее чрезвычайно сочувственно. Помощь России в этом случае важна не столько материальная, как нравственная. Всем участвующим, а в особенности пишущему эти строки, было бы в высшей степени важно знать, встретит ли такое предприятие одобрение России.

Не имея возможности писать более, я смею просить ваше превосходительство разрешить мне обратиться к вам с развитием этой моей мысли, а также и для сообщения некоторых данных о военном состоянии Черногории и о возможностях ее будущего действия. Недействие делается для нее невозможностью, так как иначе она потеряет все влияние на Герцеговину и Албанию и будет задушена между враждебными элементами католицизма и ислама, которые ныне, как и во времена Гуниада и Магомета II, борются за земли православных, но уже соединенными силами стараются уничтожить нашу особую форму исторического существования.

Покорнейше прошу вас простить невольно небрежную форму моего письма и принять уверения глубочайшего почтения и совершеннейшей преданности, с которыми честь имею быть вашего превосходительства покорнейший слуга

Г. Веселитский-Божидарович

Постоянный адрес: Vienne, Grand Hotel.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 48. Л. 89–95. Автограф.

[1*] *Адресат установлен по литографской копии письма* (АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-$А_2$. Д. 553. Л. 542–548).

[2*] *Ошибка Г. С. Веселитского-Божидаровича, следует:* Николай.

[1] Газета, издававшаяся в Бельгии при финансовой помощи российского МИД.

[2] В это время Н. П. Игнатьев находился в Вене, куда он приехал с целью согласования текста протокола, обязывавшего Турцию от лица великих держав принять условия Константинопольской конференции и провести реформы в христианских провинциях империи.

[3] Массовая эмиграция сербского населения в австрийские владения в конце XVII – начале XVIII в. была вызвана уходом с территории Сербии австрийских войск, на стороне которых сербы воевали против Османской империи во время австро-турецких войн.

[4] Хорватский король Петр Крешимир (1058–1074) объединил под своей властью Далматинскую Хорватию и Славонию, носил титул «король Хорватии и Далмации». В своей внешнеполитической деятельности опирался на западную церковь.

[5] Хорватско-венгерское соглашение 1868 г. определяло положение Хорватии в составе земель венгерской короны. Оно сохраняло за Хорватией автономию в делах внутреннего управления, суда, церкви и школ. Все вопросы экономической жизни, сбор налогов, управление транспортом и связью входили в компетенцию венгерского парламента и правительства. Глава автономного правительства — бан — назначался императором.

[6] В 1873 г. хорватским баном был назначен глава национально-либеральной (народной) партии И. Мажуранич. Его правительство олицетворяло блок хорватской буржуазии и помещиков с правящими кругами.

115

Телеграмма Е. П. Новикова Н. К. Гирсу об убийствах турками возвратившихся в Боснию эмигрантов-христиан

18 (30) марта 1877 г. Вена

Schatochine télégraphie d'aujourd'hui:
Pour faire suite à mon télégramme[1*]:

13-го близ Гламача турки обезглавили 4-х христиан и выставили головы их на шестах, обесчестили девушку и затем убили ее. Эти четыре также из числа босняков, вернувшихся на родину с австрийской территории. Деспотович отказал приглашениям из Сербии положить оружие, отговариваясь зверствами турок.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 89. Л. 66. Дешифрант.

[1*] Шатохин телеграфирует сегодня: В дополнение к моей телеграмме *(франц.)*.

116

Телеграмма А. С. Ионина в МИД России со сведениями о турецких войсках в Герцеговине и о готовящемся наступлении против них черногорцев и герцеговинцев

15 (27) апреля 1877 г. Цетинье

Секретно

Военное положение таково: у турок в Герцеговине около 60 батальонов, или с башибузуками до 30 тысяч. Главный корпус с Сулейман-пашою у Мостара и Невесинья заготовляют снабжение Никшичу. В Албании 40 батальонов сосредоточены в Подгорице и частию против мирдитов. В Сенице, Колашине и Беране около 15 батальонов, столько же у Кучи. У черногорцев 4 тысячи, и 3 тысячи герцеговинцев с Вукотичем защищают Дугу. Главные силы в Белопавличах, дабы помочь Вукотичу, если турки двинутся на Никшич или в Албанию. Наступательные действия начнем, когда прибудет артиллерия; заслонив крепости, двинутся на соединение с албанцами, кои колеблются и без этого не предпримут ничего решительного. Мирдиты слабы, северные племена лучше. Развитие дела определит дальнейший план.

Помета: Передано в Кишинев.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 89. Л. 86. Подлинник.

117

Донесение Е. П. Новикова А. М. Горчакову о позиции Д. Андраши в связи с началом русско-турецкой войны и его заявлении о нецелесообразности оккупации Боснии и Герцеговины в военное время

№ 97 23 июня (5 июля) 1877 г. Вена

Mon prince!

M. le prince Alexandre de Hesse, arrivé à Vienne le 18(30) juin avec la mission de notifier à l'empereur François-Joseph l'avènement de Louis IV, grand duc de Hesse, en est reparti dans la soirée d'hier.

Son altesse a été reçue avec une distinction particulière, qu'elle attribue non seulement à la position éminente qu'elle occupe dans la hiérarchie militaire de l'Autriche, mais encore et surtout aux liens qui l'unissent à la cour impériale de Russie et au désir d'être agréable à sa majesté l'empereur.

J'ai l'honneur de placer ci-joint une lettre que le prince m'a confiée pour être acheminée par le premier courrier au nom de notre auguste maître.

Notice très confidentielle

Les impressions politiques que m. le prince Alexandre de Hesse a recueillies à Vienne sont entièrement satisfaisantes. L'empereur François-Joseph a témoigné à son altesse sa ferme intention de rester fidèle à l'entente avec la Russie, en traitant de folie les insinuations contraires de la presse locale et en ajoutant que s'il avait voulu se brouiller avec nous, il n'aurait pas attendu, pour le faire, que nos troupes eussent passé le Danube[1].

Le prince a, de plus, constaté avec satisfaction, d'une part, le sentiment répulsif de l'empereur à l'égard des Turcs, de l'autre, l'intérêt sympathique que sa majesté vouait aux succès de nos armes et qui se manifestait dans son impatience d'en connaître les détails.

Le prince a été également satisfait de ses entretiens avec le ministre des affaires étrangères d'Autriche. Son altesse, qui en 1879 avait encore trouvé le c[om]te Andrassy passablement russophobe, a été frappée du changement favorable qui s'est fait en lui. Elle n'a découvert aucune nuance appréciable entre les idées de l'empereur et celles de son ministre.

Andrassy lui a dit que le gouvernement austro-hongrois plaçait une entière confiance dans les intentions du gouvernement impérial de Russie et surtout dans l'auguste parole de sa majesté l'empereur, qu'il resterait fidèle à ses engagements et saurait résister aux obsessions en sens contraire dont il avait déjà été et continuait à être l'objet de la part du gouv[ememen]t anglais.

Le ministre des affaires étrangères n'a pas ménagé la politique de celui-ci. Les Anglais, selon lui, auraient été les vrais promoteurs de la guerre en ce qu'ils avaient exigé que le protocole de Londres[2] fut complété par la déclaration Schouvalow. Les Turcs eussent accepté les conclusions de celle-ci formulées verbalement, mais ils s'étaient redressés contre la forme écrite et leur obstination s'était accrue de l'espoir qu'ils avaient placé dans l'appui de l'Angleterre.

Aujourd'hui cette dernière puissance cherchait à entraîner l'Autriche contre nous. Andrassy a confié à Mgr. le prince Alexandre, sous le sceau du secret, quelques données y relatives. Le cab[ine]t de St. James l'ayant sondé sur l'éventualité d'une occupation anglaise de Constantinople, il avait répondu que puisque l'Autriche n'entendait pas s'engager avec les Anglais, ce serait de leur part une faute politique très grave. Pressenti sur la manière dont il envisagerait la marche de nos armées vers Constantinople, il avait répliqué qu'il agirait selon les circonstances; mais que l'imprévu de la guerre ne permettait pas d'en circonscrire les limites d'avance et que, selon lui, une paix durable conclue à Constantinople même était préférable à une paix boiteuse conclue en Bulgarie.

Quant à la Bosnie et l'Herzégovine, Andrassy convenait que leur occupation par les troupes autrichiennes n'aurait pas dans le moment actuel le même caractère que si elle avait eu lieu, il y a plusieurs mois, parallèlement à celle de la Bulgarie par les troupes russes; qu'elle n'offrirait plus l'avantage d'une diversion en notre faveur depuis que les Turcs avaient dû évacuer ces deux provinces, comme conséquence de leur malencontreuse expédition contre le Monténégro, expédition qui avait eu le double inconvénient d'exciter davantage encore l'opinion publique en Russie et de créer des difficultés à l'Autriche en déversant sur son territoire 20 mille réfugiés de plus, que pour le moment on ne songeait donc pas ici à une intervention militaire en Bosnie et Herzégovine; mais que si l'éclat et l'étendue des victoires de la Russie étaient de nature à déplacer sensiblement les conditions d'équilibre en Orient, l'Autriche-Hongrie se verrait aussi dans la nécessité d'y prendre pied pour la sauvegarde de ses intérêts.

Le 4 juillet 1877.

Son altesse, en outre, a jugé utile d'établir avec moi un échange d'idées en me communiquant les impressions politiques qu'elle a retirées de ses entretiens avec l'empereur François-Joseph et son ministre des affaires étrangères, et auxquelles sa position, comme trait d'union entre les deux cours impériales, imprime un caractère de confidence doublement intéressantes.

Je les ai revêtues de la forme d'une notice que je me fais un devoir de soumettre à votre altesse après l'avoir placée sous les yeux de Mgr. le prince Alexandre qui a bien voulu en approuver le contenu.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect, mon prince, de votre altesse le très humble et obéissant serviteur

Novikow

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 113. Л. 411–416 об. Подлинник.

Перевод

Князь!

Г-н принц Александр Гессенский, прибывший в Вену 18 (30) июня с миссией уведомления императора Франца-Иосифа о восшествии на престол Людвига IV, великого герцога Гессенского, отбыл отсюда вчера вечером.

Его высочество был принят вчера с особыми почестями, которые он относит не только на счет видного положения, занимаемого им в военной иерархии Австрии, но, кроме того, и главным образом — на счет связей, соединяющих его с императорским российским двором, и желания оказать услуги его величеству императору.

Имею честь привести нижеследующее письмо, переданное мне принцем с целью отправки его с первой почтой на имя нашего августейшего государя.

Строго конфиденциальная записка

Политические впечатления, полученные г-ном принцем Александром Гессенским в Вене, вполне удовлетворительны. Император Франц Иосиф засвидетельствовал его высочеству свое твердое намерение оставаться верным согласию с Россией, считая безумием инсинуации местной прессы в обратном смысле и добавляя, что если бы он хотел поссориться с нами, то ждал бы для этого, когда наши войска перейдут через Дунай[1].

Кроме того, принц с удовлетворением констатировал, с одной стороны, чувство отвращения императора по отношению к туркам, а с другой — сочувственный интерес его величества к успехам нашего оружия, проявлявшийся в его нетерпеливом желании узнать подробности о них.

Принц был также удовлетворен своими встречами с министром иностранных дел Австрии. Его высочество, который в 1873 г. еще находил графа Андраши изрядным русофобом, был поражен благоприятной переменой, произошедшей в нем. Он не обнаружил никаких заметных различий между идеями императора и идеями его министра.

Андраши сказал ему, что австро-венгерское правительство полностью доверяет намерениям императорского правительства России и в первую очередь августейшему слову его величества императора, что он сохранит верность своим обязательствам и сможет противостоять навязчивым подталкиваниям в обратную сторону со стороны английского правительства, объектом которых он уже был и все еще является.

Министр иностранных дел резко критиковал политику последней. Англичане, по его мнению, являлись истинными зачинщиками войны в том смысле, что они требовали, чтобы Лондонский протокол[2] был дополнен декларацией Шувалова. Турки приняли устно сформулированные выводы последней, но выступили против их выражения в письменной форме, и их упрямство возросло в надежде на поддержку Англии.

Сегодня эта последняя держава стремится настроить Австрию против нас. Андраши по секрету сообщил его высочеству принцу Александру ряд сведений на сей счет. Когда сент-джеймский кабинет прозондировал его о возможности английской оккупации Константинополя, он ответил на это, что, поскольку Австрия не намерена входить в союз с Англией, это было бы с ее стороны очень серьезной ошибкой. На вопрос о том, как он представляет себе поход наших армий к Константинополю, он ответил, что будет действовать по обстоятельствам, но что непредвиденные события войны не позволяют заранее очертить их пределы и что, на его взгляд, заключение прочного мира в самом Константинополе предпочтительнее заключения неустойчивого мира в Болгарии.

Что касается Боснии и Герцеговины, то Андраши соглашался с тем, что их оккупация австрийскими войсками не имела бы в настоящий момент такого же характера, как если бы она произошла несколько месяцев назад параллельно с оккупацией

Болгарии русскими войсками; что она не представляла бы более преимущества диверсии в нашу пользу с тех пор, как туркам пришлось очистить обе эти провинции как следствие своей злополучной экспедиции против Черногории, экспедиции, которая имела двойной недостаток: еще более возбудила общественное мнение в России и создала трудности для Австрии, заставив эмигрировать на ее территорию еще 20 тысяч беженцев; что, следовательно, в данный момент здесь не думают о военном вмешательстве в Боснию и Герцеговину; но если блеск и масштабы побед России существенно нарушат равновесие на Востоке, Австро-Венгрия также окажется вынужденной там обосноваться для защиты своих интересов.

4 июля 1877 г.

Кроме того, его высочество счел полезным провести со мной обмен мнениями, сообщив мне политические впечатления, вынесенные им из бесед с императором Францем Иосифом и его министром иностранных дел, которым его позиция связующего звена между двумя императорскими дворами придает характер вдвойне интересных признаний.

Я облек их в форму памятной записки, которую почитаю своим долгом представить вашей светлости после того, как я представил ее его высочеству принцу Александру, которому было угодно одобрить ее содержание.

Имею честь быть с глубоким почтением, князь, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

Новиков

[1] Исчерпав все возможности мирным путем урегулировать конфликт на Балканах, Россия 12 (24) апреля 1877 г. объявила войну Турции. Официально заявленной целью войны являлось улучшение положения балканских христиан, а ведущей задачей — освобождение Болгарии и создание независимых государств — Сербии, Румынии, Черногории. Россия не имела планов территориальных приращений, кроме возврата ей отторгнутой в 1856 г. Южной Бессарабии, но рассчитывала при опоре на балканские государства усилить свои позиции в регионе и изменить в свою пользу режим Черноморских проливов, обезопасив себя от вторжения в случае войны вражеского флота в Черное море.

[2] Лондонский протокол был подписан 19 (31) марта 1877 г. представителями 6 европейских держав — участниц Константинопольской конференции. Он содержал требование к Порте провести реформы в Болгарии, Боснии и Герцеговине согласно решениям конференции, изменить границы Черногории и установить свободное судоходство по р. Бояне, сократить численность войск в европейских провинциях империи. Декларация Шувалова, приложенная к протоколу, предлагала Порте прислать в Петербург особого уполномоченного для переговоров о разоружении (см.: Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1899. Вып. 3. С. 96–98). Это требование вызвало резко отрицательную реакцию Порты, которая в своем ответе державам от 29 марта отвергла их предложение о проведении реформ в Боснии, Герцеговине и Болгарии, ссылаясь на введение в действие турецкой конституции, которая призвана облегчить положение не только христиан, но всех подданных империи (Там же. СПб., 1901. Вып. 6. С. 99–105).

118

Телеграмма П. А. Шувалова в МИД России о намерении Австро-Венгрии оккупировать Боснию в случае вступления Сербии в войну с Турцией

2 (14) августа 1877 г. Лондон

En chiffres: Derby a demandé à Vienne si s'en était disposé à empêcher la Serbie de prendre part à la guerre? Andrassy a répondu que la neutralité proclame l'hostilité d'une intervention diplomatique ou militaire, mais si la Serbie commence une guerre révolutionnaire, l'Autriche occupera la Bosnie. Andrassy termine en disant qu'il a fait savoir à la Russie que l'entrée de ses troupes en Serbie serait une atteinte aux traités.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 34. Л. 295. Дешифрант.

Перевод

Шифром: Дерби запросил Вену, намеревается ли она помешать Сербии принять участие в войне? Андраши ответил, что нейтралитет провозглашает неприятие дипломатического или военного вмешательства, но если Сербия начнет революционную войну, Австрия оккупирует Боснию. Андраши заканчивает словами, что он уведомил Россию, что введение ее войск в Сербию было бы нарушением договоров.

119

Донесение Е. П. Новикова А. М. Горчакову со сведениями об отряде М. Деспотовича и численности турецких войск в Боснии

№ 130 6 (18) августа 1877 г. Вена

Mon prince!

La Bosnie continue à être infestée sur la frontière austro-hongroise de bandes d'insurgés qui font de la petite guerre de brigandage pour leur propre compte et sans aucun but politique déterminé.

Une de ces bandes commandée par Despotovitch a été récemment battue par les Turcs; réfoulée en Autriche, elle y a été désarmée, y compris son chef, mais les débris s'en sont reformés plus tard sur le territoire turc et viennent de recommencer la lutte. L'ignorance de la ligne frontière est telle chez les deux parties qu'insurgés et bachi- bouzouks ont sans le savoir pénétré dans l'Etat voisin à quelques kilomètres de profondeur.

J'ai appris à cette occasion à la chancellerie d'Etat que la Bosnie et l'Herzégovine ne sont pas aussi dégarnies de troupes régulières ottomanes qu'on l'avait pensé. Un relevé des forces dont disposent les Turcs dans ces deux provinces ainsi que du côté de l'Albanie en fait monter le chiffre entre nizams et irréguliers à 40–50 m[ille] hommes.

En défalquant de ce nombre les troupes qu'un récent télégramme de M. Ionine dit avoir été dirigées contre le Monténégro, il en reste toujours une certaine partie que la chancellerie d'Etat considère comme spécialement destinée à résister à une occupation éventuelle par les troupes austro-hongroises.

Cependant un rapport autrichien récent informe que le vali de Sarayévo aurait fait afficher des placards annonçant, sur la foi de télégrammes de Constantinople, que l'Autriche ne songerait guère à intervenir militairement en Bosnie et Herzégovine.

La provenance de cette dénégation paraît intriguer ici, aucune assurance pareille n'ayant été transmise à la Porte et la vérité étant bien plutôt dans le sens contraire. Le b[ar]on Calice se demande si par hasard elle ne serait pas émanée de Midhat pacha.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect, mon prince, de votre altesse le très humble et obéissant serviteur

Novikow

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 113. Л. 564–565. Подлинник.

Перевод

Князь!

Босния, как и прежде, наводнена на австро-венгерской границе отрядами инсургентов, которые ведут малую разбойничью войну на свой страх и риск и без какой-либо определенной политической цели.

Один из этих отрядов под командованием Деспотовича был недавно разбит турками; будучи отброшен в Австрию, он был там разоружен, включая своего

предводителя, но его остатки позднее переформировались на турецкой территории и только что возобновили борьбу. Незнание пограничной линии у обеих сторон таково, что повстанцы и башибузуки, сами того не подозревая, проникали на территорию соседнего государства на несколько километров в глубину.

В связи с этим я узнал в государственной канцелярии, что в Боснии и Герцеговине не так мало регулярных османских войск, как мы думали. Перечень сил, которыми располагают турки в этих двух провинциях, а также вблизи Албании, позволил увеличить численность низама и нерегулярных войск до 40–50 тысяч человек.

Кроме тех войск, которые, согласно последней телеграмме г-на Ионина, были направлены против Черногории, все же еще остается определенная часть, которая, как считает государственная канцелярия, специально предназначена для сопротивления возможной оккупации австро-венгерскими войсками.

Однако в последнем австрийском донесении сообщается, что сараевский вали приказал расклеить плакаты, в которых, ссылаясь на телеграммы из Константинополя, объявлялось, что Австрия не собирается совершать военное вторжение в Боснию и Герцеговину.

Здесь все, как кажется, заинтригованы происхождением этого отказа, поскольку никакого подобного заверения Порте не передавалось, а истина, скорее, состоит в обратном. Барон Каличе спрашивает себя, не исходит ли оно случайно от Мидхат-паши?

Имею честь быть с глубоким почтением, князь, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугою

Новиков

120

Обращение представителей боснийских и герцеговинских беженцев в Сербии к Александру II с благодарностью за помощь и о готовности продолжать борьбу с турками

23 августа 1877 г. Ужица

Ваше величанство царе слободитељу!

Пострадани народ из Босне, Херцеговине и Старе Србије, који је насиљем, глобама и дивљим турским свирепствама опљачкан остао без домовине, го и без игде и шта прешао у Србију пропао би са свом својом нејачи прошле године од грозне глади и других незгода, да ти оче Славена ниси спасао нас својом штедром десницом преко твог Добротворног одбора.

Народ вечно остаје благодаран теби снажни царе ослободитељу!

Сав народ који још робује крволоцима Турцима с тврдом вером чека да из ваших царских руку прими своју срећу и слободу.

И овом приликом доласка у нашу средину г. кнеза Алексија Церетељева молимо да ваше величанство прими нашу најдубљу благодарност и у име страдајући пуну оданост.

А ми са своје стране живот и крв нашу стављемо теби на расположење царе ослободитељу!

Кад заповијест и оружје примимо, готови смо борити се свуда на смрт и живот са Турцима нашим старим душманима.

Вашем царском величанству у име страдајућег и пребеглог народа из Босне, Херцеговине и Старе Србије одани:

Воевода Жарко Лешевић
Прокопје Боишић, архимандрит
Евто Ђуровић, прота вишеградски
Ево Поповић, прота из Херцеговине
Стево Јануш, свештеник херце[говачки]
Окица Калевић
Маринко Леовац
Зелеп Кулић
Јован Глушчевић
Вук Моловић
Тодосије Јанушевић
Средоје Мирковић
Ђорђо Поповић
Лазо Бупшић
Лука Пецавић
Станоје Тодоровић
Радосав Мрликовић
Ристо Полић, свештеник

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-À$_2$. Д. 751. Л. 374–375. Подлинник.

121

Обращение Р. Илича и С. Поповича к Н. П. Игнатьеву по поводу тяжелого положения боснийских и герцеговинских беженцев в Сербии и с просьбой о помощи и содействии в предоставлении оружия для дальнейшей борьбы с турками

31 октября 1877 г. Белград

Вашем високопревосходительству имамо јавити нашег босанског народа тужно и невољно стање да се данас налази у највећој опасности за обдражавање свога живота, као што је пребјегла сиротиња у Аустроугарску скоро остављена и изложена свакој невољи више и је без икакве на само издржање никова живота остављена које је обладала и глад и голотиња, и овде још кои се налазе у Србии ови су изложени свакој опасности, јербо су без икакве најмање подпоре, има више фамилија овде у Београдском као и у Шабачком и Ужичком окружју без икаква занимања са ситном дјечицом да ни парчета хлеба нема, исто мру од глади, ни и каква одела да покрије од зиме која је овде већ код нас овладала своје голо тело.

Док је постојајо овде Добротворни одбор било је по нека подпора те се је са реченом подпором обдржавао несретни живот, а од неколико месеца престала је и то.

Нами не заборављена помоћ за које имамо благодарити једино руском нашем братском народу и Добротворним одбором, за које се надамо да ће се ипак сјетити на нашу сиротињу те ма иколику помоћ нашој овдашњој босанској сиротињи благоизволити дати.

За ово имамо вашем високопревосходительству притећи и руку вам љубећи да преставите браниteљима славенских народа, ову нашу скромну и топлу молбу за помоћ које се надамо како избављену од турског варварског јарма тако и заштиту тјелесне и душевне невоље, док и наша тужна Босна буде слободна те и нашој сиротињи буде отворен пут на своја огорела огњишта повратити се те да могне коју кору хлеба зарадити и препитавати се, ово је стање нашег пребеглог народа као год што је у опоменутим местима (варошима) да од глади умиру и пате се сваком патњом, велика је нашем народу невоља надајући се шта скорије одзиву и помоћи.

Вашем високопревосходительству имамо јавити нашег босанског и старосрбијанског народа, кои се данас налазе у Срби, и у својим домовима у Турској (свом отечеству), за наш долазак кои смо долазили с молбеницом код пара милостивог 16. јуна 1877 год[ине][1] и молбеницу предали кои нам је милостиво примијо и видијо све што је жеља страдалног народа, које имо жељу наш народ те је искао, оружје да би се осветили крвопилном непријатељима с помоћу Бога и мајке Русије, која нам је сачувала веру и закон од толико стотину година, и ми које желимо за малу помоћ и оружје да дате страдалном народу да би се могли борити с непријатељем.

А ми коисмо долазили високопревосходительству вашем писмо казали да смо тајни советници, пак онда нисмо се могли примити оружја зато што семо знали да Србија на две стране води политику, зато би и нама спречила пут преко њене

границе а данас с помоћу Бога близу је српске границе руска војска. И данас јој није веровати да ће изићи скорим временом на границу, а ми више нити ћемо је питати нити је очекивати, како добијемо малу помоћ и оружје ми ћемо гледати и преводити чету по чету преко границе за Турску јер нам је боље тамо свима братски за часни крст и за отечество изгинути, него ли у Срби умирати од глади и протеривати нас преко границе да будемо турски робови.

Имамо надежду на Бога да ћете нас погледати милостивим оком и жељу нашег народа испунити, и од данас више потајни писмо него смо јавни с нашом браћом и народом, и очекујемо упуство и заповест од вашег високопревосходительства.

И молим за отговор најпокорније преко конзулата руског.

Представник босанског и старосрбијанског народа

Риста Илић, Симо П. Поповић

Помета: Секретно.

ГА РФ. Ф. 730. Д. 1925. Л. 1–2. Подлинник.

[1] Имеется в виду обращение Р. Илича и С. Поповича к Александру II от 16 (28) июня 1877 г. от имени боснийского народа. В нем говорилось о тяжелом положении боснийских беженцев в Сербии и Австро-Венгрии, выражалось пожелание успехов в войне с Турцией и надежда на избавление от угнетения и на покровительство России. Под обращением стояло более 1 330 подписей и личных печатей (см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 141–142). Текст этого обращения был привезен в Бухарест М. Любибратичем и Ж. Лешевичем. Как писал Н. П. Игнатьев жене Е. Л. Игнатьевой, депутаты намерены были также «просить пособия для нового восстания в Южной Боснии». Но в приеме у царя им было отказано, так как правительство опасалось осложнений в отношениях с Австро-Венгрией (см.: Там же. С. 150). 15 июля Игнатьев сообщал жене: «Сейчас принимал боснийскую депутацию, которая ездила за нами даже в Тырново и привезла адрес царю с многочисленными подписями. Просят оградить от турок и Австрии. Даже подпасть под Сербию они не желают, а намекали, что хотели бы быть под русским управлением» (*Игнатьев Н. П.* Походные письма 1877 года. Письма к Е. Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С. 131). Эти замечания Игнатьева свидетельствуют о том, что задачи миссии Любибратича и Лешевича были шире, чем сказано в обращении.

Однако это и другие подобные обращения Россия оставила без внимания, так как согласно российско-австрийской Будапештской конвенции от 3 (15) января 1877 г. Босния и Герцеговина после войны подлежали австрийской оккупации (см. прим. 2 к док. 125).

122

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. К. Гирсу о положении в Боснии и формировании там войск для военных действий против Сербии

29 ноября 1877 г. Петербург

Monsieur le sénateur!

Ayant reçu de Saraïevo quelques informations sur l'état des choses en Bosnie, j'ai l'honneur de les porter très humblement à la connaissance de votre excellence, croyant qu'elles pourraient paraître, à un certain point, de quelque utilité tant au Ministaire des affaires étrangères qu'à celui de la guerre.

Le 18 (30) de ce mois le gouverneur général de Bosnie — sur une dépêche de Constantinople — s'est rendu à Touzla, chef-lieu du sandjak de Zwomik. Toutes les milices bosniaques, toute la gendarmerie du vilayet, enfin, le corps des spahis au complet, sont mobilisés. Il s'agit de résister à l'attaque éventuel des Serbes.

Dans la première quinzaine de novembre on avait expédié à Sophia 10 000 hommes du sandjak de Novi Basare et 10 000 hommes des troupes, cantonnées en Bosnie et en Herzégovine. En sus, plusieurs bataillons de Bosnie ont du partir, le sultan ayant aboli les privilèges de l'armée bosniaque et qui consistaient, comme on le sait, à ne pas servir au delà de la frontière.

Ainsi, après ces départs, il restait en Bosnie 12 738 hommes d'infanterie et 1 061 d'artillerie (réguliers), — plus 11 255 irréguliers, — en tout 25 054 hommes et 702 chevaux. A ces chiffres il faut ajouter: 1. Le contingent d'Herzégovine comprenant 8 000 hommes en tout (réguliers et irréguliers); 2. Celui de Novobasar, à peu près 6 000 hommes et, enfin, les milices qui avaient été applées, mais qui n'excèdent pas 15 000 hommes.

Le vali ne cache point des agents étrangers que les vivres, les munitions et les effets d'équipement manquent tout à fait.

L'opinion de la classe intelligente de Bosnie croit que la Serbie peut se dispenser d'attaquer la province, un simple corps d'observation devait être placé sur la frontière de la Drina, pour que les principales forces puissent agir du côté du Sud, se joignant à notre corps d'armée conduit par l'illustre général Gourko.

En Herzégovine commande le général de division Ali pacha, en Bosnie — Veli et Izmet, deux brutes patentées, et à Novobasar — Hafiz pacha, qui fut décoré par notre souverain à Livadia, lors de l'ambassade de feu Fouad pacha[1].

Quelles que soient les conséquences de la guerre, on se plait à penser que la Bosnie échappera au massacre des chrétiens. La population musulmane en est dégoûtée et accepterait avec empressement tout changement, n'importe lequel. Les musulmans et les catholiques — en grand nombre — préféreraient l'annexion à l'Autriche, mais toutefois, l'idée prépondérante est plutôt celle de l'autonomie tant politique qu'administrative.

Les élections pour la chambre des députés ont eu lieu dernièrement en Bosnie. Sur une population de 600 000 âmes (ortodoxes) personne n'a été élu. Les députés se classent par nationalité religieuse de la manière suivante: deux catholiques, deux juifs et quatre musulmans.

Le consulat général d'Autriche-Hongrie a vu son personnel augmenté d'un capitaine d'état-major autrichien. Ce militaire vient de parcourir les frontière nord-est et nord-ouest de la province.

Mon ex-collègue M. de Théodorovitch, nommé agent diplomatique à Tunis, a été remplacé par M. Wassitch de Scutari d'Albanie.

Telles sont les dernières nouvelles qui me parviennent de Saraïevo.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le sénateur, de votre excellence le plus humble et le plus obéissant serviteur

A. Koudriavtzew

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-$А_2$. Д. 827. Л. 61–63. Автограф.

Перевод

Господин сенатор!

Получив из Сараева некоторую информацию о положении дел в Боснии, имею честь смиреннейше довести ее до сведения вашего превосходительства, находя, что она могла бы оказаться в некоторой степени полезной как Министерству иностранных дел, так и Военному министерству.

18 (30)-го числа этого месяца генерал-губернатор Боснии, по депеше из Константинополя, вернулся в Тузлу, центр Зворникского санджака. Было мобилизовано всё боснийское ополчение, вся жандармерия вилайета и, наконец, спахийский корпус в полном составе. Речь идет об оказании сопротивления возможным атакам сербов.

В первой половине ноября в Софию было направлено 10 000 человек из Нови-базарского санджака и 10 000 солдат, расквартированных в Боснии и Герцеговине. Кроме того, должны были выступить многие боснийские батальоны после того, как султан отменил привилегии боснийской армии, состоявшие, как известно, в том, чтобы не служить за пределами своих границ.

Таким образом, после этих перемещений в Боснии осталось 12 738 человек пехоты и 1 061 — артиллерии (регулярных войск), более 11 255 человек иррегулярных войск — в целом 25 054 человек и 702 лошади. К этим цифрам надо добавить: 1) воинский контингент в Герцеговине, насчитывающий 8 000 человек всего (регулярные и иррегулярные войска); 2) контингент в Нови Базаре — приблизительно 6 000 человек и, наконец, ополчение, которое было призвано, но которое не превышает 15 000 человек.

Вали совершенно не скрывает от иностранных агентов, что [у него] полностью отсутствуют запасы продовольствия, боеприпасов и обмундирования.

По мнению интеллигенции Боснии, Сербия вряд ли сочтет возможным напасть на провинцию, и вдоль границы по Дрине должен быть размещен простой корпус наблюдения, чтобы основные [сербские] силы могли действовать с южной стороны, присоединившись к нашему армейскому корпусу, которым командует знаменитый генерал Гурко.

В Герцеговине командует дивизионный генерал Али-паша, в Боснии — Вели и Измет, два известных своими зверствами негодяя, а в Нови Базаре

— Хафиз-паша, который был награжден нашим государем орденом в Ливадии во время блестящего посольства Фуад-паши[1].

Каковы бы ни были последствия войны, надеются, что Босния избежит резни христиан. Мусульманскому населению все это надоело, и оно с готовностью приняло бы любые перемены. Большинство мусульман и католиков хотело бы присоединения к Австрии, однако наиболее предпочтительной является здесь скорее идея автономии — как политической, так и административной.

Недавно в Боснии состоялись выборы в палату депутатов. От населения в 600 000 душ (православных) никто не был избран. По религиозной принадлежности депутаты делятся следующим образом: два католика, два еврея и четыре мусульманина.

Стало известно, что генеральное консульство Австро-Венгрии увеличило свой штат на одного капитана австрийского Генерального штаба. Этот военный только что совершил объезд северо-восточной и северо-западной границ провинции.

Мой бывший коллега г-н Теодорович, назначенный дипломатическим агентом в Тунис, был замещен г-ном Васичем из албанского Скутари.

Таковы последние новости, которые мне стали известны из Сараева.

Имею честь оставаться с глубочайшим уважением, господин сенатор, вашего превосходительства смиреннейшим и покорнейшим слугой

А. Кудрявцев

[1] Имеется в виду приезд министра иностранных дел Турции Фуад-паши в августе 1867 г. в Ливадию, где в это время отдыхал Александр II. Целью переговоров было урегулирование вопроса о проведении реформ на о. Крит и в других христианских провинциях Османской империи.

123

Телеграмма П. А. Шувалова А. М. Горчакову о готовности Турции уступить Боснию и Герцеговину Австро-Венгрии

6(18) декабря 1877 г. Лондон

Très confidentielle

Mon prince!

M. Layard télégraphie de Constantinople que le sultan a fait faire des ouvertures au comte Andrassy, lui proposant la cession de l'Herzégovine et de la Bosnie en échange de l'alliance austro-hongroise[1*].

Le comte a répondu que son souverain ne cherchait pas d'acquisitions territoriales ni l'augmentation du nombre de ses sujets slaves. Le cabinet de Vienne ne voulait ni posséder ces deux provinces, ni même les occuper temporairement par ses soldats. Il préférait maintenir la neutralité[1].

Cette nouvelle a produit de l'étonnement car le gouvernement de la Reine croyait «à un complot» (sic.) des deux cours de Russie et d'Autriche pour partager les dépouilles du sultan.

Veuillez agréer, mon prince, l'hommage de mon respect.

Schouvaloff

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 71. Т. 2. Л. 523–524. Подлинник.

[1*] *На полях помета Александра II:* C'est trop fort!

Перевод

Весьма конфиденциально

Князь!

Г-н Лэйярд телеграфирует из Константинополя, что султан повелел сделать предложение графу Андраши об уступке Герцеговины и Боснии в обмен на австро-венгерское согласие[1*].

Граф ответил, что его суверен не стремится ни к территориальным приобретениям, ни к увеличению числа своих славянских подданных. Венский кабинет не желает ни обладать этими двумя провинциями, ни даже временно оккупировать их с помощью своих солдат. Он предпочитает поддерживать нейтралитет[1].

Эта новость вызвала удивление, т. к. правительство королевы верило в «сговор» обоих дворов — России и Австрии по разделу добычи, оставшейся от султана.

Примите, князь, дань моего почтения.

Шувалов

[1*] *На полях помета Александра II:* Это уж слишком!

[1] Об этом предложении сообщал в Петербург и Е. П. Новиков депешей от 23 декабря 1877 г. (4 января 1878 г.) (см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 115. Л. 434–435). Отказ Австро-Венгрии посол объяснял тактическими соображениями. Поскольку поражение турок в войне было очевидным, Австро-Венгрия предпочитала оккупировать Боснию и Герцеговину на основании предыдущих соглашений с Россией, а не получить их из рук Турции. Своим отказом Андраши хотел также показать, что Австро-Венгрия рассчитывает на подобный же отказ России от присоединения Бессарабии. Кроме того, принятие турецкого предложения обязывало бы Австро-Венгрию оказать поддержку побежденной Турции и неминуемо обострило бы ее отношения с Россией.

124

Донесение А. Н. Кудрявцева Н. К. Гирсу о реакции населения Сараева на взятие русскими войсками Плевны и о продолжающемся формировании турецких вооруженных частей

14 декабря 1877 г. Петербург

Monsieur le sénateur!

J'ai l'honneur de soumettre à la très haute attention de votre excellence l'extrait suivant d'une lettre qui me vient de Saraïevo et dont l'auteur fait partie du corps consulaire de cette résidence.

«La chute de Plevna[1] a produit en Bosnie un abattement foudroyant parmi les Turcs. Les chrétiens en raffolent de joie et d'espérance. Pour eux, comme pour nous tous, l'honneur militaire de la Russie brille d'un éclat cent fois lumineux. Le soldat russe à su faire preuve de qualités qu'il est difficile de trouver chez un autre. Peut-on, en effet, trouver dans les annales militaires un assaut comparable à celui qui a amené la prise de Kars?[2]

Mehemet Ali pacha a télégraphié au valy, la semaine dernière, pour lui demander quelle route devaient prendre les recrues bosniaques.

L'enrôlement des milices et des recrues marche très lentement; on manque d'armes et d'effet d'équipement. Cependant, hier, le 1 (13) décembre, 1 000 spahis sont partis d'ici à Vichegrad.

L'artillerie de Saraïevo comprend encore 13 pièce, à savoir:

5 canons de montagne du calibre 4 centimètres se chargeant par la culasse (2 — en bronze, 3 — en acier système Krupp);

1 obusier de campagne;

7 canons de campagne se chargeant par la gueule (pièces rayées du calibre 7, à peu près semblables aux pièces dont se servait l'armée française avant la guerre avec l'Allemagne).

A ces 13 pièces, il y a lieu d'ajouter 3 canons de montagne (ancien système) qui arment le petit fortin dominant la ville et qui servent aux saluts.

Les 6 Krupp de campagne que possédait notre ville ont pris, il y a un mois environ, la route de Sophia».

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le sénateur, de votre excellence le plus humble et le plus obéissant serviteur

A. Koudriavtsew.

Резолюция Н. К. Гирса: Экземпляр сообщить графу Гейдену и Нелидову.

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-$А_2$. Д. 827. Л. 64–65. Автограф.

Перевод

Господин сенатор!

Имею честь представить высочайшему вниманию вашего превосходительства следующий отрывок письма, которое я получил из Сараева и автор которого состоит в консульском корпусе этого города. «Падение Плевны[1] вызвало в Боснии глубочайшее уныние среди турок. Христиане же без ума от радости и надежд. Для них, как и для всех нас, военная слава России сияет ярче во стократ. Русский солдат сумел доказать качества, которые трудно сыскать у кого-либо другого. В самом деле, можно ли найти в военных анналах штурм, подобный тому, который привел к взятию Карса?[2]

На прошлой неделе Мехмет Али-паша телеграфировал вали, чтобы узнать, какой дорогой должны следовать боснийские новобранцы.

Вербовка ополченцев и рекрутов идет крайне медленно; не хватает оружия и обмундирования. Однако вчера, 1(13) декабря, 1 000 спахиев отправилась отсюда в Вишеград.

Кроме того, артиллерия Сараева насчитывает 13 орудий, а именно:

5 горных пушек калибра 4 сантиметра, заряжающихся с казенной части (2 из бронзы, 3 стальных системы Круппа);

1 полевая гаубица;

7 полевых пушек, заряжающихся с дула (нарезка 7 калибра, немного похожих на те, что находились на вооружении французской армии перед войной с Германией).

К этим 13 орудиям следует добавить 3 горные пушки (старой системы), которыми вооружен малый форт, господствующий над городом, и которые служат для салютов.

6 полевых пушек системы Круппа, находившихся в нашем городе, отправлены около месяца назад в Софию».

Остаюсь с самым глубоким уважением, господин сенатор, вашего превосходительства почтительнейшим и смиреннейшим слугой

А. Кудрявцев

[1] В результате длительной осады Плевны турецкий гарнизон 28 ноября 1877 г. сдался в плен.

[2] Карс был взят 6 ноября 1877 г.

125

Обращение представителей православного населения Боснии к Александру II с благодарностью за помощь России и с выражением желания присоединить Боснию к Сербии или предоставить ей политическую автономию

1–2 марта 1878 г. Тишковац

Његовом императорском величанству пару руском и ослободитељу нашем Александру II у Петроград

Великомоћни царе!

Ми, подписани са овим долазимо у име народа нашег босанског, изјавити најсрдачнију благодарност како великодушном цару ослободитељу, тако и свему братском нам народу Руском, за сваколико материјално подпомагање и за великодушну и моћну заштиту, коју учинисте са моћном снагом руског оружја. Историја славенства моћа записати као најејајнију и најузвишенију појаву славенске солидарности, а историја општа, историја човечанства ставиће тај акт пословања као моћну чињеницу, која је прокрчила пута за ширење прогреса, слободе и цивилизације, не само по напуштаном Балканском полуострову него и по великој и многољудној Азији.

Радећи на том великом послу, на дјелу ослобођења, прогреса и цивилизације и на коначном ријешењу големог и крвавог Источног питања, и ви и ми велике смо жертве учинили, али, великомоћни императору, све учињене жертве неби нам велике и жељне користе ни среће донијеле, ако се жеље нашег народа изпуниле неби.

Стога ми долазимо да гласом свега нашег народа изјавимо великодушном цару велике Русије, да је вјечима жеља свога нашег народа, да достанемо саставни дејо Српских кнежевина, али, ако нам се то из каквих узрока сметало буде, онда смо по нужди приклоњени пристати да бар постанемо засебна самостално-вазална држава, као што и браћа Бугари постају. Ово прави вјечни и божанствени закони дају нам, почем смо ми били први који смо овај велики и важни акт славенског пословања започели, бројно се преполовили и материјално упропастили те стога се тврдо уздамо даће великодушни и великомоћни наш вјечити анђео хранитељ, славни цар ослободитељ подпуно ову жељу народа нашег уважити, и тиме себе и велику Русију још сјајнијом круном украсити и нас вјечитом благодарношћу задужити.

Оваке жеље ми смо у 17 тачака означили и по нашим посланицима на конференцију велесилама упутили[1].

Узто и то изјављујемо да ми ни под каквим видом са Аустра-Угарском у државни заједницу неможемо ступати, нити њене саме окупације желимо, па ма се она под којим видом смјерала учинит.

Ако је нуждна окупација, ради увађања новога поредка у овим земљама нашим, онда ми желимо једино, окупацију са војском кнежевина Српских, које су за нас најприличније, почем сви обитаоци ових земаља српским језиком говоре и српске

обичаје имају, и почем је Србија у почетку овог вјека без ичије странске окупације своју земљу умјела уредит, па да одговара духу времена и потреба народних.

Ако нам се ни ово из неких узрока дало неби, онда бар да са само мјешовита (интернационална) окупација учини, наравно за кратко вријеме.

Царе ослободитељу! Ово је једино средство да се коначно ријеши Источно питање, да се више због њега неруше толико-израде људства, да се још више непрољева крв човечанства, да се осигура мир дуготрајни, и да се још више узвисе братске симпатије нашег народа према велеузвишеном цару ослободитељу према братском нам народу руском.

Изјављујући ово, благочастиви царе, народ наш тврдо се узда, да ће моћна, једиовјерна и једиоплемена нам Русија, која је у вама оличена, ову изјаву и понизну молбу нашу братски уважити и благонаклоно остварити, чим ће велика Русија још величанствењију благодарност нашу и нашег потомства задобити[2].

Надајући се најбратскијем и најчовечанијем одзиву остајемо с најдубљом благодарности и поштовањем вашег величанства[3].

Јово Ерцег Скобла
Васа Пелагић, архимандрит
Милош Родић, четовођа
Мића Шурпан, четовођа
Васа Видовић
Остоја Веновић, четовођа
Стево Алексић
Стево Зорић
Вид Морача
Илија Чулић
Симо Билбија
Перо Ковачевић
Симо Родић
Јован Скакић
Или Билчар
Тодор Благоевић
Дака Јанкобашић
Тодор Протић
Павле Грубор
Васиљ Марић
Мијо Симушевић
Јовица Кецман
Михаило Штрбац
Стеваи Деспот
Илиа Радонавич
Илија Родић
Илија Тркуља
Илија Трикић
Ђуро Ковачевић
Стојан Вашалић
Лазо Крал
Воивода Голуб Баабић
Вођа Вид Милановић
Вођа Перо Крецо
Вођа Дамјен Ђурица
Вођа Стево Маринковић
Вођа Нико Буро
Вођа Перо Баабић
Вођа Станко Чабић
Божо Љубојевич
Ђорђо Деспотовић
Мато Ђурета
Поп Каран, вођа
Јован Шкорић, четовођа
Поп Стево Поповић, вођа
Марко Ђенадија, вођа
Давид Ступар
Вид Пилидовић, вођа
Ђуро Грубор
Миле Ковачевић
Марко Качавенда
Поп Перо Гак
Прота Н. Новаковић
Поп Василија Ковачевић
Марко Баялица, вођа
Поп Илия Кецман
Јово Крецо
Поп Шпиро Билбија
Поп Илия Якшић
Поп Илија Билбија
Илиа Билбија
Стеван Билбија

Поп Петар Здјелар
Дмитар Лончар
Јово Букрешевић
Миле Грублешич, четовођа
Или Шевић, кнез, четовођа
Јован Шкорић
Мићо Воиновић
Остоја Ступар
Иован Деновић, четовођа
Марко Ђенадиа, четовођа

У Тишковачком логору из Народне скупштине, држане 1 и 2 марта 1878.

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 829. Л. 30–31. Подлинник.

[1] Одновременно с обращением к России на Тишковацкой скупщине повстанцев был принят 2 марта 1878 г. Меморандум представителям держав — участниц предстоящего конгресса в Берлине. Для его представления были избраны делегатами Г. Бабич, В. Видович, их помощниками Й. Иованович и В. Пелагич. Текст его на французском языке они должны были вручить конгрессу. Боснийская делегация (кроме В. Пелагича, который по неизвестным причинам в Берлин не поехал) была допущена на конгресс, но не участвовала в заседаниях. Меморандум был сдан в канцелярию конгресса и положен «под сукно». Свои пожелания повстанцы выразили в нем в 18 пунктах, в числе которых: соединить Боснию с Сербией, а в случае невозможности этого предоставить провинции административную автономию (избираемый губернатор-христианин, народная скупщина, общинная автономия); уничтожить десятину, ввести единый налог, на 10 лет освободить народ от уплаты дани Порте, ликвидировать спахийские отношения путем выкупа земли у феодалов; создать народное войско, установить свободу вероисповедания, разоружить мусульман и др. Если неизбежна оккупация, то желательно ее осуществление войсками Сербии или интернациональными силами и на короткое время (французский текст см.: АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Оп. 181/2. Д. 829. Л. 33–36 об.; текст на сербском яз. опубликован в «Заставе» № 96 от 21 июня (3 июля): «Застава» о Босни и Херцеговине. Књ. IV. С. 269–273).

Адрес державам содержал развернутую программу устройства Боснии и Герцеговины, основанную на решениях Константинопольской конференции (см. прим. 2 к док. 112). Некоторые пункты программы шли дальше этих решений, например: не назначение губернатора Портой, а его избрание народной скупщиной, установление единого фиксированного налога, выкуп земель у феодалов, создание народного войска и др.

[2] Это обращение не вызвало никакой реакции. Если российская общественность резко выступала против австрийской оккупации, то правящие круги и руководство МИД России вынуждены были придерживаться решений секретной Будапештской конвенции, заключенной 3 (15) января 1877 г. между Россией и Австро-Венгрией. Согласно статье VII, австровенгерский император оставлял «за собой право выбора момента и способа занятия своими войсками Боснии и Герцеговины». По статье 1 дополнительной конвенции «касательно последствий войны» Австро-Венгрия обеспечила себе возможность аннексии этих областей (см. Сборник договоров России... С. 150–152, 154).

Денежную помощь боснийским повстанцам оказывали во время войны славянские комитеты в России.

[3] Предположительно автором текста документа является В. Пелагич (см.: *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 472).

126

Письмо М. Деспотовича в Петербургский славянский комитет с просьбой о помощи боснийским повстанцам и их семьям

5 апреля 1878 г. С.-Петербург

Имею честь довести до сведения С.-Петербургское благотворительное общество, что значительное число боснийских семейств и инсургентов находятся на боснийской территории вблизи австро-венгерской границы по горам и в лесах без всяких средств к жизни. Они остаются в этих местах потому, что австровенгерское правительство выдает вспомоществование только одним детям и старикам, и то самое незначительное, а между тем в Австро-Венгрии босняки должны платить за свои жилища и покупать дрова. Но не имея к уплате этих расходов никакой возможности, босняки принуждены [жить] в горах. При этом долгом считаю присовокупить, что если С.-Петербургскому славянскому благотворительному обществу угодно будет оказать какое-либо вспомоществование этим несчастным боснякам, то оное можно выслать через консула русского в Рагузе или через поверенного того общества, который находится в этих краях в настоящее время. Точные сведения об этих несчастных боснийских семействах можно получить в городе Спалато от Иована Скобле и Косте Вуковича, купцев, и в городе Книну от купцев Александра Катича и Ерме Билича.

Генерал Деспотович[1]

РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 864. Л. 205. Автограф.

[1] 11 мая 1878 г. М. Деспотович сообщал в Петербургский славянский комитет о том, что посланная от него помощь боснийцам получена и роздана всем нуждающимся. Он передавал благодарность комитету от боснийского населения, помощь которому от австро-венгерского правительства и от английского общества уже была прекращена (см.: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878. С. 381).

127

Записка драгомана российского посольства в Константинополе М. К. Ону о беседе султана Абдул Гамида II с Ф. Зичи в связи с намерением Австро-Венгрии оккупировать Боснию и Герцеговину[1]*

9 (21) апреля 1878 г.

Avant de s'embarquer jeudi dernier pour Odessa, l'ambassadeur d'Autriche-Hongrie a été reçu par le sultan, qui se doutant de ce que le comte Zichy allait lui demander, lui avait fait dire la veille qu'il le priait de ne pas l'entretenir de la Bosnie et de l'Herzégovine. Sa majesté tenait a voir partir l'ambassadeur sous une bonne impression; or s'il venait à lui parler de l'occupation éventuelle de ces deux provinces, il se venait obligé, d'accord avec son ministère, d'y opposer un refus catégorique ce qui ne manquerait pas de jeter du froid dans les relations des deux empires. D'ailleurs, avait ajouté sa majesté, à quoi serait réduite la Turquie si chaque ambassadeur venait sous un prétexte quelconque lui demander d'occuper une ou deux de ses provinces.

Néanmoins le comte Zichy auquel l'intime du comte Andrassy M. Callay, avait apporté l'ordre de préparer le sultan à ces éventualités — essaya d'amener insensiblement la conversation sur l'occupation de la Bosnie et de l'Herzégovine. Dans ce but il insinua que la position de l'empire Austro-Hongrois devenait intolérable grâce aux embarras que lui occasionnaient depuis bientôt trois ans les 200 mille émigrés bosniaques et herzégoviniens; qu'il était indispensable de les repatrier, mais que pour cela il leur fallait des garanties.

Sans le laisser achever, le sultan répliqua que les émigrés pouvaient rentrer en toute sécurité dans leurs foyers et que l'armée ottomane était parfaitement en état de les y protéger.

Le comte Zichy essaya de prouver au sultan que la garantie de l'armée ottomane ne suffisait pas à rassurer les émigrés.

Sa majesté coupa de nouveau la parole à l'ambassadeur austro-hongrois. Il finit par se retirer en balbutiant quelques paroles vagues au sujet des difficultés qui pourraient forcer son gouvernement de prendre quelque mesure exceptionelle provisoire.

Telle a été l'issue de la démarche du comte Zichy auprès du sultan. S'il a essyé un refus ainsi qu'il devait s'y attendu, — il n'en est pas moins vrai que la Porte ne songe pas à opposer à l'entrée éventuelle de l'armée austro-hongrois qu'une protestation. «Il ne nous reste qu'à protester dans toutes les directions», — disait ironiquement Savfet-pacha à l'un de ses collègues. «Et il est vraiment curieux d'observer que la démarche austro-hongroise à propos de la Bosnie et de la Herzégovine a provoqué chez les gouvernants turcs de l'hilarité plutôt que de l'indignation, — tellement la position leur parait désespérée et sans remède. Les Turcs sont d'ailleurs persuadés que le cabinet impérial encourage l'Autriche- Hongrie à occuper la Bosnie et l'Herzégovine. Essad-bey de Vienne et Mussurus de Londres informent que nous aurions offert au cabinet de Vienne outre ces deux provinces certains districts albanais et autres qui seraient à sa convenance.

Comme il était question[2]*... de la Bosnie en ma presence, Savfet-pacha me dit avec un sourire ironique qu'il avait fait insérer un communiqué dans les journaux locaux

pour démentir la rumeur comme quoi l'Autriche-Hongrie aurait demandé à la Porte l'autorisation d'occuper la Bosnie et l'Herzégovine. «Est-il possible, — ajouta-t-il, — qu'un gouvernement qui se respecte fasse en plein paix une pareille proposition à une Puissance amie et alliée».

Veuillez agréer etc...

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 556. Л. 84–85 об. Литограф, копия.

Перевод

Перед тем, как отплыть в прошлый четверг в Одессу, посол Австро-Венгрии был принят султаном, который, подозревая о целях визита графа Зичи, накануне распорядился просить его не говорить о Боснии и Герцеговине. Его величеству хотелось бы, чтобы посол отбыл в хорошем настроении, однако если он был намерен говорить с ним о возможной оккупации этих двух провинций, то он был бы вынужден в согласии со своим министерством противопоставить этому категорический отказ, что неизбежно внесло бы охлаждение в отношения двух империй. Впрочем, — добавил его величество, — во что превратилась бы Турция, если бы каждый посол под каким-нибудь предлогом просил у него об оккупации одной или двух из ее провинций?

Тем не менее граф Зичи, которому доверенный графа Андраши г-н Каллай доставил приказ подготовить султана к возможным событиям такого рода, попытался незаметно перевести разговор на оккупацию Боснии и Герцеговины. С этой целью он намекнул, что положение Австро-Венгерской империи стало невыносимым из-за тех затруднений, которые причиняют вот уже скоро три года 200 тысяч боснийских и герцеговинских эмигрантов, что необходимо их репатриировать, но для этого им нужны гарантии.

Не дав ему договорить, султан возразил, что эмигранты могут вернуться в полной безопасности к своим очагам и что турецкая армия вполне в состоянии их защитить.

Граф Зичи попытался доказать султану, что гарантии османской армии недостаточно, чтобы успокоить эмигрантов.

Его величество вновь оборвал речь австро-венгерского посла. Последний закончил тем, что удалился, бормоча какие-то неопределенные слова о трудностях, которые могли бы заставить его правительство принять определенные исключительные временные меры.

Таков был результат демарша графа Зичи перед султаном. Если он получил отказ, как и следовало ожидать, не менее верно и то, что Порта помышляет противопоставить возможному вводу австро-венгерских войск лишь протест. «Нам остается только протестовать во всех направлениях», — с иронией сказал Савфет-паша одному из своих коллег. И действительно, любопытно наблюдать, что демарш Австро-Венгрии в отношении Боснии и Герцеговины вызывал у турецких правителей скорее веселье, нежели негодование, настолько положение им

кажется безнадежным и безысходным. Впрочем, турки убеждены, что императорский кабинет побуждает Австро-Венгрию оккупировать Боснию и Герцеговину. Эсад-бей из Вены и Мусурус из Лондона сообщают, что якобы мы предложили венскому кабинету помимо этих двух провинций некоторые албанские округа и другие по их выбору.

Поскольку вопрос о Боснии[2*] [обсуждался] в моем присутствии, Савфет-паша сказал мне с иронической улыбкой, что он приказал поместить коммюнике в местные газеты, чтобы таким образом опровергнуть слух о том, что якобы Австро-Венгрия испрашивала у Порты разрешения оккупировать Боснию и Герцеговину. «Возможно ли, — добавил он, — чтобы какое-либо уважающее себя правительство сделало при полном мире подобное предложение дружественной и союзной державе?»

Примите и прочее.

[1*] *Адресатом, по-видимому, является А. И. Нелидов, управлявший в то время посольством в Константинополе.*

[2*] *Далее слово неразборчиво.*

128

Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову об использовании Австро-Венгрией пребывания беженцев из Боснии и Герцеговины в ее владениях как предлога для оккупации провинций

№10 1 (13) мая 1878 г. Пера

Monsieur le chancelier!

Le comte Zichy est revenu jeudi d'une absence de courte durée qu'il avait faite pour assister au mariage de l'aîné de ses fils. Ayant passé six jours à Vienne avant de se remettre en route pour Constantinople, l'ambassadeur austro-hongrois est censé avoir rapport ici les renseignements les plus exacts sur les intentions de son gouvernement. Sans m'arrêter aux propres assez variés du comte Zichy sur la situation générale, qui se ressentaient moins des impressions recueillies à Vienne que de celles, puisées ici successivement dans les différentes ambassades, je me permettrai seulement de citer ce qu'il m'a dit au sujet de l'occupation de la Bosnie et de l'Herzégovine. Il n'avait pas encore fait de démarches à ce sujet, mais il se serait obligé d'entamer cette affaire avec la Porte, car le gouvernement austro-hongrois était décidé à ne plus tolérer la prolongation de la position qui lui était faite par la présence sur son territoire des émigrés de ces deux provinces. A part les frais énormes que leur entretien imposait au trésor de l'Empire, il y avait là une situation anormale au point de vue politique, à laquelle il fallait mettre un terme. Cependant le cabinet de Vienne, ne pouvant se fier aux assurances de la Porte, devait prendre lui-même des mesures pour que les événements qui ont amené l'émigration ne se renouvellent plus. «Le meilleur moyen pour cela serait,-me dit le comte Zichy, — une occupation de la Bosnie et de l'Herzégovine par nos troupes; puisque la Porte n'en veut pas, nous l'éviterons, mais nous insisterons sur le retour des émigrés». Je demandai à l'ambassadeur que ferait-on alors pour garantir la sécurité des réfugiés qui seront rentrés? «Nous ferons accompagner par nos troupes, — répondit-il, — mais je n'appelle pas cela une occupation, car nous laisserons l'armée ottoman séjourner dans certaines localités, si la Porte y tient, à Sérayévo ou ailleurs».

Il me revient que le comte Zichy a tenu le même langage à quelques autres représentants étrangers, seulement il paraissait au début attendre une instruction définitive pour commencer immédiatement la négociation. Cet ordre ne lui parvenant pas, il semblait quelque peu désappointé de ce retard.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

Nelidov

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878 г. Д. 31. Т. 1. Л. 42–43 об. Подлинник.

Перевод

Господин канцлер!

Граф Зичи возвратился в четверг после кратковременного отсутствия, вызванного женитьбой своего старшего сына. Прежде чем вновь отправиться в Константинополь, австро-венгерский посол провел шесть дней в Вене и, как считают здесь, привез с собой самые точные сведения о намерениях своего правительства. Не останавливаясь на довольно разнообразных высказываниях графа Зичи об общей ситуации, в которых меньше чувствовалось впечатлений, полученных в Вене, чем почерпнутых здесь последовательно в различных посольствах, я позволю себе лишь привести то, что он сказал по поводу оккупации Боснии и Герцеговины. Он не проводил еще демаршей по этому вопросу, но будет вынужден начать это дело с Портой, так как австро-венгерское правительство решило больше не допускать продления ситуации, созданной присутствием на своей территории эмигрантов из этих двух провинций. Помимо огромных расходов по их содержанию, которые дорого обходятся казне империи, с политической точки зрения там сложилась ненормальная ситуация, которой необходимо положить конец. Однако венский кабинет, не надеясь на заверения Порты, должен сам предпринять меры, чтобы не повторились события, приведшие к эмиграции. «Лучшим способом для этого была бы, — сказал мне граф Зичи, — оккупация Боснии и Герцеговины нашими войсками; поскольку Порта этого не желает, мы воздержимся от нее, но будем настаивать на возвращении эмигрантов». Я спросил посла, что тогда будет сделано, чтобы гарантировать безопасность беженцев, которые вернутся? «Мы будем их сопровождать при помощи наших войск, — ответил он, — но я не называю это оккупацией, ведь мы позволим османской армии пребывать в некоторых населенных пунктах, в Сараеве и других, если Порта на этом настаивает».

Я знаю, что граф Зичи говорил то же самое и некоторым другим иностранным представителям, однако вначале казалось, что он ждет окончательных инструкций, чтобы немедленно начать переговоры. Не получив подобного распоряжения, он кажется несколько озадаченным таким промедлением.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, господин канцлер, вашей светлости смиреннейшим и покорнейшим слугой

Нелидов

129

Письмо А. С. Ионина Н. К. Гирсу с оценкой деятельности представителя Петербургского славянского комитета А. В. Васильева среди герцеговинских беженцев в Черногории

30 мая (11 июня) 1878 г. Цетинье

Милостивый государь Николай Карлович!

Пользуясь отъездом барона Каульбарса, я прошу его передать вашему высокопревосходительству лично настоящее письмо мое совершенно интимного содержания.

Я хочу поговорить с вами насчет частной благотворительной деятельности наших славянских комитетов, которая, как я ни бился, непременно обращается или в некоторую сплетню и интригу, или в политическое искание приключений. Сколько я ни старался моих сердобольных соотечественников направлять на практическое и здравое понимание вещей и разубеждать их в справедливости взглядов, которые они себе обыкновенно формируют по газетным рекламам, все больше было напрасно. Заподозревая меня или как официального агента, или как человека, по их мнению, сильно преданного *черногорским* интересам, они a priori[1*] задаются обыкновенно мыслию поправить мои заблуждения их деятельностью *в чисто русском духе*, и выходит то, что попадают в руки пройдох или мальчишек, не кончивших курс в сербских или русских семинариях, которые, на их взгляд, олицетворяют собою прогресс или цивилизацию, а также чистоту славянского духа.

На меня сыпались разные подозрения и нарекания, и я сам просил и чрез вас даже, и частным образом, чтоб частные благотворители избавили меня от необходимости принимать прямое участие в раздаче цванцигеров и тряпья, а прислали бы сюда особенного для этого агента, которого я обещал руководить моими советами.

Петербургский славянский комитет прислал сюда некоего Васильева[1], который с первого взгляда показался здесь всем несколько смешным человеком. Что делать, надобно все-таки было поддержать русского человека. Я принялся ему советовать и направлять на познание вещей и дела, но скоро, впрочем, махнул рукой, увидев, что, на вид соглашаясь со мною, он упрямо держался своего конька в голове. Пошел Васильев благотворить, конечно, по герцеговинской части, но это еще ничего, а дело в том, что окружил он себя мало-помалу неблагонадежными личностями или мальчишками. Считая долгом предупреждать его насчет его заблуждений, зная, впрочем, что это бесполезно, ибо он как агент свободной славянской деятельности не считал a priori возможным ограничиться тою clientelle[2*], которую я мог бы ему доставить, я, однако, не принимал никаких мер, оставляя его совершенно свободным делать, что хочет, и стараясь только, чтоб благотворительные прихоти в его руках не перешли в прихоти политические.

Этого никак нельзя было достигнуть. Политическая деятельность так соблазнительна! Я знаю очень хорошо, что все эти господа, кроме реклам и сплетней, ничего не в состояния сделать серьезного и обыкновенно обманываются самым

радикальным образом именно тогда, когда воображают, что держат в руках нити грандиозных предприятий. Поэтому я не противодействовал иначе как советами, например, воздержаться от бесполезнейшей траты на помощь так называемых боснийских усташей и их выдуманному и смешному временному правительству[2]. Тут только деньги пропадали даром, да являлась реклама каким-нибудь проходимцам, вреда особенного не происходило, и je laissai faire[3*] позволяя эту забаву во избежание сплетней и нареканий. Но в последнее время со своими мальчиками или пройдохами Васильев пустился в предприятие более рискованное и опасное — организовать якобы вне черногорского влияния независимую герцеговинскую силу, которая вопреки узких интересов Черногории, которая из своекорыстия смотрит якобы равнодушно на предстоящее занятие Герцеговины австрийцами, могла б воспротивиться этому событию. Васильев a dome en plein dans cette illusion[4*], которую он привез с собой из комитета, непреложно верующего еще в геройство милых герцеговинцев и разных воевод вроде Любибратича и К°. Это было уже опасно до некоторой степени, ибо на границах Черногории нельзя шутить этими вещами.

При этих обстоятельствах я уже стал говорить более серьезно Васильеву, что он обманывается и что в случае нужды мы не допустим просто-напросто дальнейшей деятельности в этом роде, рискуя даже прекратить тем и благотворительную деятельность.

Васильев уверял меня, что он не приводит своих мыслей в исполнение, а только выражает их, и я, отчасти веря ему, сначала оставлял его беспрепятственно благотворить. Он занимался этим делом особенно в Грахове после того, как австрийцы пригласили его удалиться из Ризано. В то время барон Врангель тоже был в Грахове, и я просил этого последнего наблюдать за Васильевым. Барон Врангель меня успокаивал, уверяя меня, что герцеговинцы сами по себе возмущены, но что Васильев не раздувает этого возмущения материальным образом, а разве только соглашается с ними в платонических выражениях негодования на Австрию и на князя Николая, готового изменить славянскому делу.

Но барона сначала и герцеговинцы, и Васильев тоже обманули. Человеку, не искусившемуся долгой практикой, и в голову не может прийти, до какой степени слово на востоке не выражает дела. И как легко здесь prendre des vessies pour des lanternes[5*], а пройдох за честнейших политических или народных энтузиастов[6*]. И опытные люди сплошь да рядом обманываются, особенно русские, которым не хочется разочароваться и сознаться в глубочайшем нравственном растлении всего христианского востока, существовавшего в качестве раий[7*].

Барон, впрочем, скоро убедился фактами, превзошедшими самое смелое предположение о безнравственности наших клиентов. Дело в том, что Васильев в сообществе некоего Лепавы, студента 2-го курса Московского университета, и некоего Чирича, бывшего содержателя кабака в Мостаре, попавшего в славянские мученики[3], старались организовать в самом деле что-то вроде независимого правительства из разных герцеговинских главарей для предполагаемого действия против Австрии[4]. Главари же эти — те, которые живут в Черногории и зачислены в черногорское войско. Лепава и Чирич были раздавателями милостыни

герцеговинским беглецам при Васильеве, которому я не раз намекал, что он мог бы выбрать для этой роли людей более подходящих, но он мне давал понять, что если я не нахожу его помощников самыми лучшими людьми, то только потому, что они не черногорцы, а милые герцеговинцы[8*].

Вся эта махинация очень скоро, конечно, была открыта и черногорским правительством, и австрийцами. Главари эти, получивши деньги, сами сейчас же являлись к черногорским властям и объявляли им об этом, уверяя их, что они никогда не думали замышлять что-либо без приказания князя, но что брали деньги потому, что почему же их не взять им, бедным людям, когда *русс*, такой горячий человек, дает деньги и верит их россказням. Они и адрес подписали, сочиненный Васильевым, для отправления его чрез кн. Николая к государю императору[5]. Многие из тех же главарей передали обо всем, вероятно, и австрийским властям, которые перепугались, думая, что тут действует и наше правительство, и черногорское с целью препятствовать Австрии занять Боснию без сопротивления.

К счастью, Васильев собирался уезжать обратно в Россию, как я думаю, для добытая там новых средств для действий в том же смысле. Поэтому я не счел нужным ему говорить, что мы знаем все его проделки, и только просил его в виде совета передать славянским комитетам, что никакой политической деятельности с их стороны здесь не допустим и даже благотворительной, если под ее покровом будет скрываться политическая цель или реклама, способствующая дальнейшему растлению и без того безнравственного народа[6].

Васильев мне объявил, однако, что он на свое место раздавателем милостыни и надзирателем над устроенными им школами для детей повстанцев оставляет Лепаву. Я просил его назначить кого-нибудь другого для поддержания авторитета русской благотворительности и для избежания неприятных столкновений с черногорцами, которые никакого почтения к Лепаве иметь не могут. Васильев не согласился. Чтобы не быть принужденным действовать авторитетно, не исчерпав всех средств для полюбовного соглашения, я просил барона Врангеля поговорить и убедить Васильева, но все напрасно. Барону, с которым он был более откровенен, чем со мной, он даже прямо сказал, что Лепава ему нужен для политической пропаганды и что из Петербурга он будет пересылать деньги ему. Но, вероятно, чтоб уже избегнуть нашего на него давления (это было уже в день его отъезда), он от барона пришел к князю и объявил ему, что оставляет вместо себя Лепаву. Князь имел слабость ничего не возразить, дело было при мне, и я в его присутствии тоже не мог возражать и компрометировать тем агента славянского комитета. Я упрекал князя за его слабость, он же мне часто намекал о неудачном выборе Васильевым своих помощников. Но его светлость мне возразил: «Да мне все равно, деньги не мои, какое мне дело — пропадают они даром или нет, на нас же и без того сплетничают без конца за наши будто бы притеснения герцеговинцам».

После отъезда Васильева мы открыли столь положительные доказательства неблагонадежности Васильева и Лепавы, что я решился на том основании, что дело идет все-таки о русских деньгах и о русской благотворительности, престиж которой нельзя же позволять ронять так низко, письменно заявить Васильеву

в Каттаро, что я положительно требую от него отнять уполномочие от Лепавы, на которого я смотрю как на человека ненадежного и компрометировавшего себя посторонним действием в смысле агитации.

Не знаю, что сделает Васильев и за ним славянский комитет, но ввиду неблаговидности всего этого я не считаю возможным позволять компрометировать русское имя здесь всеми этими фантастически сентиментальными предприятиями. Что ж делать, когда людей убедить нельзя. Если школы, заведенные здесь на благотворительные деньги, пропадут, то беда невелика, ибо в сущности эти школы тоже не более как декорация или способ для рекламы.

Лепаву никак нельзя допустить здесь играть роль, потому что, кроме всего вышесказанного, в Грахове с этим раздавателем милости произошел совсем неприличный скандал. На другой день после отъезда из Грахова Васильева, недели три тому назад, деньги, оставленные им Лепаве и Чиричу и которые эти господа должны были раздавать бедным, были украдены, из-за чего поднялся большой гвалт и нарекания на черногорцев. Было сделано строгое следствие, а я просил, с своей стороны, барона Врангеля наблюсти за этим следствием. Воров не нашли, но зато нашли множество косвенных доказательств того, что Чирич, а может быть, и Лепава сами взяли эти деньги, как кажется, все-таки с целью восстания в Герцеговине. Впрочем, в этой путанице разобрать ничего нельзя было порядком. У барона Врангеля при личном наблюдении составилось только нравственное убеждение, что денег не воровали в строгом смысле этого слова. Да и готовность, с какою сам Васильев отказался от преследования воров, заставляет меня подозревать о существовании некоего компромисса между ним и его уполномоченными. После этого назначать Лепаву фактотумом славянского комитета было бы чересчур бестактно.

Простите, Николай Карлович, что я пишу вам обо всем этом так пространно, но дело в том, что на эту кашу, производимую любителями политики и благотворительности, надобно обратить внимание, а истории этой каши нельзя даже описать на нескольких страницах. Я и тут только пишу в общих чертах. На днях барон Врангель едет обратно в С.-Петербург, и он может дополнить мое письмо любопытными рассказами. Бар[он] Каульбарс тоже вам может рассказать de visu[9*] кое-что, хотя этот прекрасный человек знает немного, ибо составляет редкое для русского человека исключение: он исключительно занимался своим делом.

Здесь ответственный агент поставлен в весьма трудное и неприятное положение. С одной стороны, действительная необходимость помощи, нищета в самом деле несчастного народа, жертвы своекорыстия и политики, с другой — детские выходки, фантазии, искатели приключений, сплетня и ерунда, выходящие при нашей неумелости из этого же самого человеколюбивого желания помочь. Право, не знаешь, что более наклоняет чашу весов — польза или вред. Боясь решить этот вопрос ex abrupto[10*] и односторонне, я постоянно старался лавировать и незаметно, тихо, шаг за шагом поправлять то, что нехорошо, или мешать нехорошему, заставляя разных деятелей незаметно для себя подчиняться плану и мысли действия, которого я старался не скомпрометировать. Требовать от этих фантазеров, играющих здесь роль рыцарей всяких добродетелей, подчиниться

прямо известному плану было невозможно, это вызывало совершенное восстание между ними и бесконечные, неблаговидные интриги. Разочаровывать славянские комитеты тоже было трудно: не было бы денег, а потому всяких детей или проходимцев часто приходилось терпеть до известной степени. Но всему есть предел, а Васильев, кажется, перешел чрез него.

Славянские любители Петербургского комитета, например, могут иметь свои взгляды, верить разным иллюзиям и умиляться чисто славянскими чувствами агентов вроде Васильева, которым они, конечно, верят безусловно. Разубеждать их в этом было бы напрасно. Но я думаю, и они поймут смешную сторону своих иллюзий, когда убедятся, что вся их деятельность не потому нехороша, что она стремится иногда осуществить план действий, не согласный с правительственной политикой, а потому что она совершенно никакого результата не достигает. Деньги пропадают даром, и все то, что они думают, будто произвели эти деньги, — совершенная неправда. Их кругом и везде обманывают. Васильев убежден, плывя в Петербург, что у него в руках и в распоряжении десятка два главарей, о которых печатали в газетах и которых поэтому он считает героями, что у него готова банда на всякий случай, которые не посмотрят на приказания цетинского правительства, что у него идет соглашение с мусульманами и т. д. Всему этому он верит чистосердечно, и все это неправда. Главари эти приходят с его деньгами на Цетинье и смеются. Не смешно ли все это?

Милые герцеговинцы развращены меньше относительно других раий Турции, и из них можно сделать хороших людей, но только благодаря весьма строгому и умному образу действия. Черногорское правительство умеет это делать отлично, ибо оно одно благодаря традициям сохранило уменье обращаться с этим живым материалом, уменье командовать. Но нет ничего легче, как из этих самых людей сделать самых негодных chevalier d'industrie[11*], как и из самих черногорцев.

Наши частные деятели с большим успехом производили этот вред и своим неумением, и своею сентиментальностью, и собственными своими отрывчатыми фантазиями о какой-то цивилизации, культуре, для которых мягких и вялых герцеговинцев находили гораздо более способными, чем черногорцев. Производило все это кашу, сплетни и ерунду, qui, je dois l'arouce, donnaient faudrent de fil à retordre[12*] черногорскому правительству. Мне кажется, однако, что все это объяснить и разъяснить Петербургскому славянскому комитету было бы бесполезно. Люди убеждаются трудно, а дразнить их легко. Да притом и говорить в этом комитете не с кем. Кн. Васильчиков был способен понять дело, но он вышел, а прежде не имел влияния, ибо все на него были злы за малый его ентузиазм. Теперь всякий из них будет защищать только les interets de clocher[13*]. Да юридически они, впрочем, и не виноваты. Политические их выходки вытекают сами собою и без предвзятого намерения из сентиментальности, соединенной с полным незнанием дел и Востока. Я положительно убежден, что Васильеву твердо было наказано не заниматься политикой и что он сначала и сам не хотел ею заниматься. Но ему сказали в Петербурге, конечно: «Смотрите, там русский агент совершенный черногорец, а черногорцы жадны, ехидны и притесняют милых герцеговинцев». И вот с предвзятою

мыслию и подозрительностью он старался улизнуть от моего влияния, сбросить и тень наблюдения или влияния черногорцев, окружил себя первым попавшимся отребьем Герцеговины, ибо настоящие люди и под руку не попадаются с первого раза, а те, de fil en eiguille[14*] забрали его в свои руки и мало-помалу сделали сообщником своего политического копошения, которое он принял за что-то грандиозное, благодаря своим же деньгам. Это история всех дилетантов.

Мне бы казалось, Николай Карлович, что, не входя с этими комитетами в дальнейшие объяснения, просто посоветовать им прекратить всякую благотворительную даже деятельность, польза которой особенно теперь совершенно ничтожна в сравнении с нравственным ее вредом. Мы кормим бежавших. Это очень скудно, но достаточно для поддержания их жизни: маленькая раздача в этой массе пропадает даром, никого не делая счастливее. Школы их — это решительно все равно — будут ли они существовать несколько месяцев или вовсе их не будет. Вообще эта фантастическая помощь людей неумелых, между которыми у всякого барона своя фантазия, вредна.

Что же касается до герцеговинцев, то они действительно возбуждены против перспектив быть присоединенными к Австрии, но из этого возбуждения ничего не выйдет ни вследствие частных русских происков, ни еще менее сербской агитации. Будут ли им давать деньги и из-под руки снаряжать — это все равно. Если б обстоятельства политические сложились так, что полезно было бы воспользоваться против Австрии этим настроением, то без всякой частной помощи или агитации Черногория, и только она могла бы сделать, что захочет, в одну минуту. Они все здесь в руках и безусловно. Я осмеливаюсь усматривать в этом пользу и для нас, ибо такое положение дела позволяет нам действовать, когда захотим, и прекратить действие разом, когда мы этого тоже захотим[7].

Простите, Николай Карлович, еще раз за длинное письмо, но я льщу себя надеждою, что оно будет для вас небезынтересно, и с глубочайшим почтением имею честь остаться вашего высокопревосходительства покорнейшим слугой

А. Ионин

АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-А$_2$. Д. 1049. Л. 336–343. Автограф.

[1*] Из предыдущего *(лат.)*.
[2*] Клиентура *(франц.)*.
[3*] Я не мешал *(франц.)*.
[4*] Полностью разделял эту иллюзию *(франц.)*.
[5*] Принять пузыри за фонари *(франц.)*.
[6*] *На полях помета Н. К. Гирса:* Сам Ионин ошибся в Веселицком.
[7*] *На полях помета Н. К. Гирса:* Слишком быстрый поворот в мнениях нашего генерального консула.
[8*] *На полях помета Н. К. Гирса:* У некоторых господ доселе замечался некий политический цинизм.
[9*] Как очевидец *(лат.)*.

[10*] Сразу, без подготовки *(лат.)*.
[11*] Проходимец *(франц.)*.
[12*] Которые, должен сознаться, доставляют хлопоты *(франц.)*.
[13*] *Здесь:* свои интересы *(франц.)*.
[14*] Слово за слово *(франц.)*.

[1] А. В. Васильев, секретарь и член совета Петербургского славянского комитета, был направлен в декабре 1877 г. в Черногорию для организации помощи герцеговинским беженцам и бедствующему черногорскому населению (раздача хлеба, денежных сумм, вещей и т. д.). Помимо оказания помощи Васильев занимался также устройством школ для герцеговинских детей.

[2] Резкая субъективная оценка боснийского правительства объясняется взглядами автора письма. Временное правительство боснийских повстанцев было создано 27 сентября 1877 г. на повстанческой скупщине в Тишковаце. Предпринимавшиеся до того попытки в этом плане потерпели неудачу. Временное боснийское народное правительство являлось первым общебоснийским революционным органом власти народа. Возглавил его приглашенный повстанцами Владимир Семенович Ионин (1838–1886) — российский дипломат. После окончания Лазаревского института и Учебного отделения восточных языков МИД России он служил в консульствах в Мостаре, Белграде, Дубровнике (1860–1867), а затем в Бейруте и Дамаске. В 1872 г. вышел в отставку. Был активным сторонником славянского освобождения. В 1876 г. был послан Петербургским славянским комитетом в Бухарест для установления связей с болгарской эмиграцией в Румынии и подготовки вооруженных болгарских отрядов в преддверии войны. В июле 1876 г. основал в Бухаресте Болгарское центральное благотворительное общество, став его первым председателем. После начала войны переехал в Боснию для налаживания антиосманской борьбы. Будучи сторонником создания самостоятельного государства Боснии, развил с середины 1877 г. активную деятельность в поддержку восстания и образования правительства. Учрежденное в 1877 г., оно состояло из 13 членов, секретарем его был избран Йово Билбия. Решения избранного органа утверждались скупщиной.

Первыми документами правительства были принятые 29 сентября Декларация — заявление о его создании и Обращение к боснийскому народу с призывом к борьбе до полного решения боснийского вопроса (см.: «Застава» о Босни и Херцеговини. Књ. IV. С. 222–225).

Правительство стремилось заручиться поддержкой и помощью извне, обращаясь к Сербии, России, всем сочувствовавшим делу борьбы Боснии за свободу, а также консолидировать силы внутри вилайета, смягчая противоречия между православными, с одной стороны, и мусульманами и католиками-хорватами — с другой (см.: Там же. С. 240–251; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 289–290; *Ekmecic M.* Ustanak u Bosni. S. 255 и др.).

Однако В. С. Ионин оставался во главе правительства лишь до начала октября. Из-за интриг и разногласий в среде руководителей повстанцев он был вынужден подать в отставку (см.: «Застава» о Босни и Херцеговини. Књ. IV. С. 227–230).

В ноябре 1877 г. была принята «Повстанческая программа», состоявшая из 23 пунктов. Определялись следующие задачи: уничтожение спахийских и арендных отношений, раздел земли между народом (т. е. крестьянами) и общинами без всякого выкупа землевладельцам; провозглашение народной власти с высшим законодательным органом — скупщиной, широкой автономией и самоуправлением снизу доверху, выборности на основе всеобщего избирательного права, введение широких демократических прав и свобод, в том числе равенства религий и др. (см.: Там же. С. 233–236). Программа представляла собой самое радикальное для своего времени решение боснийского вопроса. В ней ощущалось сильное влияние революционно-демократических сил.

Временное правительство и Тишковацкая скупщина продолжали работать вплоть до Берлинского конгресса (см. док. 125 и прим, к нему). Подробнее об учреждении Временного боснийского правительства и его деятельности см: *Пушкаревич К. А.* Балканские славяне и русские «освободители» (Славянские комитеты и события на Балканах перед русско-турецкой войной 1877–1878) // Труды института славяноведения АН СССР. Л., 1934. Т. II. С. 189–229; *Ekmecić M.* Ustanak i Bosni. S. 323–335; *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 463–468; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 151–154; ЦГИА г. С.-Петербург. Ф. 400. Оп. 1. Д. 244. Л. 9–14 об.

[3] Ближайшими помощниками Васильева являлись обучавшиеся ранее в России герцеговинцы Й. Дреч и Й. Лепава, принадлежавшие к революционно-демократическому крылу национально-освободительного движения, а также Ш. Мандич и Г. Чирич. В своем докладе совету Петербургского славянского комитета Васильев дал отличные характеристики своим помощникам, отвергнув обвинения А. С. Ионина как голословные (см.: *Васильев Аф.* Среди народных страданий. Пг., 1905. С. 93).

[4] В докладе совету Петербургского славянского комитета Васильев отрицал свое участие в антиавстрийской агитации среди герцеговинцев, не скрывая, однако, что в разговорах с А. С. Иониным высказывал мнение об ошибочности «уступки Герцеговины Австрии» (Там же. С. 94). Он выражал несогласие с «прочерногорской» позицией Ионина, обвиняя его в равнодушии к нуждам герцеговинцев.

[5] Этот адрес опубликован в приложении к брошюре А. В. Васильева «Среди народных страданий» (С. 74–75). Датирован он 8 марта 1878 г. Податели его заявляли о своей готовности сражаться против австрийских оккупантов, выражали протест против раздела Герцеговины и просили представить Александру II положение дел. Адрес был подписан 45 лицами, в том числе Б. Зимоничем, И. Зотовичем, И. и М. Гутичами. Позднее, в мае 1878 г., герцеговинские воеводы направили прошение Васильеву, возвращавшемуся в Россию. Они просили довести до сведения русского народа о предстоящей австрийской оккупации Герцеговины и решимости народа до конца отстаивать свою свободу, а также просили о помощи для закупки хлеба и оружия. Прошение было подписано 32 воеводами, в том числе Б. Зимоничем, Л. Петковичем, С. Ковачевичем и др.

[6] Негативное отношение А. С. Ионина к действиям Васильева и его помощников в первую очередь объясняется их ориентацией на создание независимой Герцеговины, а не на присоединение ее (или ее части) к Черногории, сторонником чего был Ионин. Кроме того, его письмо отражает консервативные позиции консула и неприятие им народно-революционного пути национального освобождения балканских народов.

[7] Результатом публикуемого письма было представление Министерства внутренних дел (которому подчинялись славянские комитеты) в совет Петербургского славянского комитета. По требованию совета Васильев был вынужден написать объяснительную записку, где отвергал обвинения в политической агитации, «несогласной с видами нашего правительства». Он писал: «Но кому из частных лиц бывают известны виды и политика нашего правительства? Если виды и политика нашего правительства направлены были действительно к тому, чтобы отдать Герцеговину Австрии, то эта политика сама против себя агитирует, и всякая посторонняя агитация против этой политики в Герцеговине была бы излишня» *(Васильев Аф.* Указ. соч. С. 95). Взгляды Васильева были типичны для славянофильских группировок, руководящих деятельностью славянских комитетов. Наиболее ярко они выражены в известной речи И. С. Аксакова от 22 июня 1878 г. на заседании Московского славянского комитета, где он горячо протестовал против решений Берлинского конгресса, и в частности против австрийской оккупации Боснии и Герцеговины.

130

Телеграмма представителей России на Берлинском конгрессе А. М. Горчакова, П. А. Шувалова и П. П. Убри Н. К. Гирсу об обсуждении боснийско-герцеговинского вопроса

16 (28) июня 1878 г. Берлин

Huitième séance du congrès.

En chifres: Affaire Bosnie Andrassy rattache à l'art. 14 de San Stefano exposé sur la situation intolérable de la Bosnie et de l'Herzégovine[1]. Salisbury appuie et propose au nom de l'Angleterre que la Bosnie et l'Herzégovine soient occupées par l'Autriche[2]. Bismark y adhère avec un vif empressement au nom de l'Allemagne. La France de même à titre de question de police européenne afin que l'oeuvre du congrès soit durable. Nous adhérons pour Bosnie et Herzégovine, ainsi que l'Italie. Les plénipotentiares turcs objectent et déclarent que leur gouvernement peut lui-même y exécuter les mesures que le congrès décréterait. Après admonition sérieuse, Bismark constate que les Puissanses sont d'accord pour l'occupation. Unanimité était nécessaire, protocole reste ouvert pour adhésion de la Turquie. Andrassy remet seconde déclaration annonçant que l'Autriche, sans réclamer administration de l'enclave[3], doit y occuper points stratégiques pour assurer voies commerciales. Déclarons ne pouvoir nous prononcer sur ce dernier point. Protocole nous reste ouvert dans ce but. Suit question de Serbie dont indépendance admise à condition de liberté religieuse et commerciale. Commission spécial dressera demain tracé nouveau des frontières serbes. Séance demain. Plénipotentiaires grecs seront admis pour exposer leurs demandes. Après leur départ — question Roumaine.

Помета о получении: Le 16 Juin.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878 г. Д. 28. Т. 2. Л. 563–563 об. Заверенная копия.

Перевод

Восьмое заседание конгресса

Шифром: Боснийскую проблему Андраши увязывает со статьей 14 Сан-Стефанского договора, характеризующей нетерпимое положение Боснии и Герцеговины[1]. Солсбери поддерживает и предлагает от имени Англии, чтобы Босния и Герцеговина были оккупированы Австрией[2]. Бисмарк весьма охотно присоединяется к нему от имени Германии. Франция — также, под видом вопроса о европейской полиции, чтобы дело конгресса было прочным. Мы соглашаемся ради Боснии и Герцеговины, так же как Италия. Турецкие уполномоченные возражают и заявляют, что их правительство само может осуществить там меры, которые собирается принять конгресс. После серьезного предупреждения Бисмарк констатирует, что державы согласны на оккупацию. Единодушие было необходимым, протокол остался открытым для согласия Турции. Андраши выносит вторую

декларацию, объявляющую, что Австрия, не требуя управления анклавом[3], должна там занять стратегические пункты, чтобы обеспечить торговые пути. Мы заявляем, что не уполномочены высказать свое мнение по этому последнему пункту. Поэтому протокол остается для нас открытым. Следующий вопрос — о Сербии, независимость которой признана при условии религиозной и торговой свободы. Специальная комиссия завтра наметит новую линию сербских границ. Завтрашнее заседание. Греческие уполномоченные будут допущены, чтобы изложить свои требования. После их ухода — румынский вопрос.

[1] Статья XIV Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора гласила о немедленном введении в Боснии и Герцеговине реформ, предложенных Константинопольской конференцией (см. прим. 2 к док. 112), в том числе списание недоимок с крестьян, обращение текущих доходов на нужды беженцев и пострадавшего населения и др. (см.: Сборник договоров России... С. 168).

[2] На Берлинском конгрессе судьба Боснии и Герцеговины решалась 28 июня 1878 г. Д. Андраши потребовал передать Боснию и Герцеговину под оккупацию Австро-Венгрии с оставлением номинально власти султана. Он мотивировал это невозможностью содержать далее 200 тыс. беженцев и способствовать умиротворению провинции, бывшей постоянным очагом конфликтов и восстаний. Предложение Д. Андраши было поддержано Р. Солсбери. В ответ на протесты Турции против оккупации А. М. Горчаков заявил, что сохранить население провинции от гибели Порта не в состоянии. Статья XXV Берлинского трактата зафиксировала передачу Боснии и Герцеговины в бессрочное управление Австро-Венгрии. Александр II, правда, рассчитывал, что оккупация будет временной и австрийские войска будут выведены в те же сроки, что и русские войска из Болгарии. Однако конгресс принял решение об окончательной оккупации (см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878 г. Д. 28. Т. 1. Л. 243–243 об.; Т. 2. Л. 509–509 об.; Д. 29 а. Л. 255; Сборник договоров России... С. 193).

[3] Имеется в виду Новипазарский санджак. Согласно статье XXV Берлинского трактата, в санджаке сохранялось османское управление. Но «для обеспечения существования нового политического строя», безопасности путей сообщения Австро-Венгрии предоставлялось право содержать там свои гарнизоны, иметь военные и торговые пути (см.: Сборник договоров России... С. 193). Таким образом, она фактически контролировала территорию, расположенную между Сербией и Черногорией, что исключало установление в будущем общей границы между ними.

131

Письмо Н. К. Гирса П. А. Шувалову с просьбой выяснить позицию Англии в вопросе о сроках австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины

21 июня 1878 г.

Pendant le dernier séjour de votre excellence à St-Pétersbourg elle a bien voulu nous dire, en parlant de l'adhésion, alors seulement éventuelle, de l'Angleterre au projet du comte Andrassy de faire occuper par Γ Autriche-Hongrie la Bosnie et l'Herzégovine, que la cabinet de Londres aurait l'intention de limiter cette occupation à la durée de la nôtre en Bulgarie[1].

Ces questions ayant été résolues en congrès sa majesté l'empereur désirerait savoir si les dispositions actuelles de la Grande Bretagne quant à l'occupation susmentionnée n'ont pas varié et si le marquis de Salisbury persiste dans ces anciennes idées à cet égard?

Il serait peut-être opportune, si les dispositions anglaises n'ont pas changé, de préciser la réflexion faite[1*]. Je trouve qu'on peut laisser la rédaction telle que vous l'avez faite en Bosnie et en Herzégovine. Sa majesté pense que cette tâche reviendrait naturellement, au nom de l'Europe, au président du congrès et vous charge le cas échéant, de le sonder confidentiellement dans ce but.

Veuillez agréer etc...

Резолюция Александра II: Быть по сему.
Tsarskoe Selo, le 21 juin 1878.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878 г. Д. 28. Т. 2. Л. 509–509 об. Отпуск.

[1*] Réflexion faite *вписано Александром II вместо зачеркнутого* manière dont l'Europe comprend l'autorisation accordée au cab[ine]t de Vienne d'intervenir.

Перевод

Во время последнего пребывания вашего превосходительства в С.-Петербурге вы соблаговолили сказать нам при обсуждении вопроса о присоединении Англии, в то время только вероятном, к плану графа Андраши об оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, что лондонский кабинет желал бы ограничить эту оккупацию сроком нашей оккупации Болгарии[1].

После того, как эти вопросы были решены на конгрессе, его величество император желал бы знать, не изменились ли ныне намерения Великобритании относительно вышеупомянутой оккупации и продолжает ли маркиз Солсбери упорствовать в своих прежних убеждениях в отношении этого?

Пожалуй, было бы своевременным, если английские настроения не изменились, уточнить сделанные размышления[1*]. Я полагаю, что можно оставить вашу

редакцию в том виде, в каком вы ее составили в Боснии и Герцеговине. Его величество считает, что эта задача должна, разумеется от лица Европы, выпасть на долю председателя конгресса и поручает вам, в случае необходимости, конфиденциально провести зондаж с этой целью.

Примите и прочее...

[1*] Сделанные размышления *вписано Александром II вместо зачеркнутого* способ, которым Европа считает возможным предоставить разрешение венскому кабинету вмешаться.

[1] о решению Берлинского конгресса срок оккупации Болгарии русскими войсками был установлен в 9 месяцев. Публикуемое письмо показывает, что Россия еще рассчитывала договориться с Англией относительно временного характера австрийской оккупации Боснии и Герцеговины. Но, как свидетельствует ответная телеграмма Шувалова (док. 132), эти надежды были неосновательны.

132

Телеграмма П. А. Шувалова в МИД России о согласии Берлинского конгресса на оккупацию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией

23 июня (5 июля) 1878 г. Берлин

Reçu votre lettre du 20 juin[1].

En chiffres: L'Europe a accepté unanimement occupation de Bosnie et Herzégovine et garnisons dans l'enclave en sous-entendant annexion finale de ces territoires. Salisbury m'a répété aujourd'hui, que, sans avoir reconnu ces annexions, l'Angleterre les considérait comme inévitables et qu'elle ne s'y opposerait pas finalement n'ayant point d'intérêts directs dans la question. Bismark ayant toujours été partisan de ces annexions ne nous aidera pas à les prévenir.

Помета о получении: 24 juin.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878 г. Д. 29 а. Л. 255. Заверенная копия.

Перевод

Получено ваше письмо от 20 июня[1].

Шифром: Европа единодушно приняла оккупацию Боснии и Герцеговины и гарнизоны в анклаве, подразумевая окончательную аннексию этих территорий. Солсбери повторил мне сегодня, что, не признавая этих аннексий, Англия рассматривает их как неизбежные и что она в конце концов не будет противиться этому, не имея никаких прямых интересов в вопросе. Бисмарк, будучи всегда сторонником этих аннексий, не будет помогать нам в их предотвращении.

[1] П. А. Шувалов допустил неточность: речь идет о письме к нему Гирса от 21 июня 1878 г. (док. 131 в настоящем издании).

Список использованных фондов

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Ф. 133 — Канцелярия
Ф. 137 — Отчеты МИД
Ф. 161 — Санкт-Петербургский Главный архив
Ф. 180 — Посольство в Константинополе

Государственный архив Российской федерации (ГА РФ)

Ф. 109 — 3-е отделение собственной его императорского величества канцелярии
Ф. 730 — Н. П. Игнатьев
Ф. 939 — А. С. Ионин
Ф. 1750 — Московский славянский благотворительный комитет

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 651 —Васильчиковы, князья

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 261 — П. А. Монтеверде

Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербурга (ЦГИА С.-Петербурга)

Ф. 400 — С.-Петербургское славянское благотворительное общество

Перечень документов

1875 г.

1. 19 июня. — Донесение российского консула в Сараеве А. Н. Кудрявцева послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву об уходе жителей Невесинья в горы и их требованиях

2. 5 (17) июля. — Донесение российского консула в Дубровнике А. С. Ионина управляющему МИД России А. Г. Жомини о недоверии герцеговинских повстанцев к комиссарам Порты и о поддержке восстания населением Далмации

3. 15 июля. — Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини о расширении восстания в северной Герцеговине и боевых действиях повстанцев

4. 21 июля. — Телеграмма российского генерального консула в Белграде А. Н. Карцова Н. П. Игнатьеву о политических настроениях в Сербии в связи с начавшимся восстанием в Герцеговине

5. 25 июля (6 августа). — Донесение управляющего российским консульством в Сараеве М. М. Бакунина Н. П. Игнатьеву о настроениях в Боснии в связи с началом восстания в Герцеговине и о положении повстанцев

6. 30 июля. — Телеграмма управляющего российским посольством в Константинополе А. И. Нелидова А. Г. Жомини об обращении Порты к австро-венгерскому правительству с требованием прекратить поддержку восстания населением Далмации

7. 1 августа. — Телеграмма А. С. Ионина А. Г. Жомини о намерении П. Карагеоргиевича использовать восстание для свержения М. Обреновича

8. Не ранее 3 (15) августа. — Письмо Цетинского благотворительного комитета Петербургскому славянскому комитету о тяжелом положении герцеговинских беженцев в Черногории

9. 5 августа. — Доклад А. Г. Жомини Александру II о необходимости согласования с Австро-Венгрией позиции России в случае поражения восстания

10. 7 (19) августа. — Докладная записка Н. П. Игнатьева в МИД России о беседе с султаном Абдул-Азисом относительно мер умиротворения Боснии и Герцеговины

11. Не позднее 11 августа. — Телеграмма А. Г. Жомини Н. П. Игнатьеву с предписанием о согласовании действий с представителями Австро-Венгрии и Германии

12. 12 (24) августа. — Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини о затруднениях Черногории в сохранении нейтралитета в связи с боевыми успехами герцеговинских повстанцев

13. 14 августа. — Предписание Н. П. Игнатьева российскому консулу в Шкодре И. С. Ястребову о направлении его в Герцеговину для урегулирования турецко-герцеговинского конфликта

14. 18 (30) августа. — Письмо А. И. Нелидова А. Г. Жомини о необходимости умиротворения Герцеговины как важной задаче политики России

15. 21 августа. — Донесение А. И. Нелидова в МИД России о пропуске австро-венгерскими властями снаряжения для турецких войск через территорию Далмации и о создании в Болгарии повстанческих отрядов

16. 22 августа (3 сентября). — Донесение российского посла в Вене Е. П. Новикова А. Г. Жомини об усилении радикального характера восстания в Боснии и Герцеговине и необходимости согласовать действия России и Австро-Венгрии

17. 25 августа (6 сентября). — Донесение Н. П. Игнатьева в МИД России об отказе Порты предоставить автономию Боснии и Герцеговине и об издании фирмана относительно проведения там реформ

18. Не позднее 25 августа. — Депеша МИД России Н. П. Игнатьеву о необходимости добиваться от Порты проведения реформ в пользу христиан Боснии и Герцеговины и ликвидации феодального землевладения

19. 28 августа. — Депеша А. Г. Жомини Н. П. Игнатьеву об умеренности и взаимодействии с союзными кабинетами как основах политики России в боснийско-герцеговинском вопросе

20. 28 августа (9 сентября). — Донесение Н. П. Игнатьева А. Г. Жомини о беседе с представителем герцеговинских повстанцев относительно перспектив восстания и о позиции России

21. 29 августа (10 сентября).— Обращение комиссара порты Сервер-паши к герцеговинским повстанцам с призывом прекратить восстание и с обещанием рассмотреть их требования

22. 30 августа (11 сентября). — Письмо Александра II германскому императору Вильгельму I с предложением предпринять коллективный демарш европейских кабинетов в защиту христианского населения Боснии и Герцеговины

23. 31 августа (12 сентября). — Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини о боевых действиях повстанцев в Герцеговине и о трудностях в работе международной консульской комиссии

24. 4 сентября. — Записка П. Анино о боевых действиях повстанческих отрядов в Герцеговине

25. 5 (17) сентября. — Письмо представителя герцеговинских повстанцев П. Петровича Н. П. Игнатьеву об отказе повстанцев примириться с турками, закупках оружия и о намерении П. Карагеоргиевича произвести переворот в Сербии

26. 8 (20) сентября. — Донесение Н. П. Игнатьева Александру II об усилении национально-освободительного характера восстания, безуспешных действиях консульской комиссии и о присутствии в Герцеговине английских корреспондентов

27. 9 (21) сентября. — Телеграмма А. Н. Карцова в МИД России о постановлении сербской скупщины в поддержку восстания в Боснии и Герцеговине

28. 11 (23) сентября. — Доклад Н. П. Игнатьева Александру II о переговорах с австро-венгерским послом в Константинополе Ф. Зичи относительно совместных действий России и Австро-Венгрии в боснийско-герцеговинском вопросе

29. 15 сентября. — Выписка из донесения И. С. Ястребова в МИД России о встрече с герцеговинскими повстанцами и их жалобах на экономический гнет и политическое бесправие

30. 20 сентября. — Телеграмма Н. П. Игнатьева И. С. Ястребову об активизации действий по примирению сторон в связи с изданием ираде султана об облегчении положения христианского населения

31. 23 сентября (5 октября). — Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини об успешных действиях повстанцев против турецких войск

32. 24 сентября (6 октября). — Регламент, определяющий права христианского населения Боснийского вилайета, порядок взимания налогов и исполнения повинностей

33. Не позднее 29 сентября (11 октября). — Список предводителей восстания в Боснии и Герцеговине

34. Сентябрь. — Обращение Бродского комитета к мусульманскому населению Боснии с призывом не выступать против повстанцев-христиан и совместно бороться против турок-османов

35. 13 (25) октября. — Письмо А. С. Ионина Н. П. Игнатьеву с характеристикой действий европейской дипломатии в герцеговинском вопросе

36. 14 октября. — Докладная записка начальника III отделения с. е. и. в. канцелярии Н. В. Мезенцова Александру II о сборах пожертвований Московским славянским комитетом в пользу семей повстанцев Боснии и Герцеговины

37. 14 (26) октября. — Письмо А. С. Ионина вице-директору Азиатского департамента МИД России А. А. Мельникову о пребывании в отряде герцеговинских повстанцев русских революционеров

38. 22 октября. — Письмо председателя Московского славянского комитета И. С. Аксакова А. С. Ионину о сборе и отправке пожертвований из Москвы в пользу герцеговинских повстанцев и их семей

39. 3 (15) ноября. — Донесение Н. П. Игнатьева Александру II о положении в Герцеговине и о слухах относительно намерения Австро-Венгрии оккупировать Боснию

40. 7 (19) ноября. — Донесение М. М. Бакунина Н. П. Игнатьеву о распространении в Боснии прокламации с призывом к мусульманскому населению присоединиться к восстанию

41. 8 (20) ноября. — Донесение А. С. Ионина А. А. Мельникову о помощи герцеговинским беженцам в Черногории и необходимости закупки для них хлеба

42. 10 (22) ноября. — Письмо Е. П. Новикова А. С. Ионину с изложением своего взгляда на причины восстания и пути его дальнейшего развития

43. 13 ноября. — Донесение И. С. Ястребова Н. П. Игнатьеву с проектом наделения пустующими землями христиан Герцеговины и реформы судопроизводства

44. 16 ноября. — Письмо крестьянина слободы Кукарки Вятской губернии Д. Медведева И. С. Аксакову с препровождением собранных крестьянами денег для семей герцеговинских повстанцев

45. 24 ноября (6 декабря). — Донесение Н. П. Игнатьева канцлеру А. М. Горчакову с критическими замечаниями о проекте реформ Д. Андраши

46. 24 ноября. — Письмо А. Д. Турчанинова в Московский славянский комитет с просьбой содействовать его отправке в Герцеговину в качестве волонтера

47. Не позднее 26 ноября. — Письмо черногорского князя Николая А. С. Ионину с изложением планируемых мер по умиротворению Герцеговины

48. 27 ноября. — Письмо ученика Уфимской гимназии К. Преображенского И. С. Аксакову с препровождением собранных гимназистами денег для семей герцеговинских повстанцев

49. 30 ноября. — Письмо П. Павловича корреспонденту газеты «Русский мир» П. А. Монтеверде о сражении с турками при Плане и с благодарностью за присылку медикаментов

50. Не ранее конца ноября. — Записка [А. С. Ионина] о положении отрядов М. Любибратича и П. Павловича и действиях комитета в Кастельново по оказанию помощи восстанию в Герцеговине

51. 5 декабря. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о вооруженных столкновениях повстанцев с турецкими войсками в Боснии

52. 10 декабря. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о репрессиях и терроре башибузуков в Боснии и Герцеговине и с проектом мер по улучшению положения христианского населения

53. 16 декабря. — Письмо Б. Зимонича и П. Павловича П. А. Монтеверде с сообщением о боевых сражениях герцеговинских повстанцев с турецкими войсками и с благодарностью за присылку денег и медикаментов

54. 17 декабря. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о настроениях мусульманского населения Боснии и ухудшении его экономического положения в связи с восстанием христиан

55. 22 декабря. — Письмо И. С. Аксакова А. С. Ионину об отправке в Черногорию лазарета во главе с П. А. Васильчиковым и отъезде в Герцеговину П. А. Шеншина

56. 25 декабря (6 января 1876 г.). — Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову о реакции Порты на предложения держав провести реформы в Боснии и Герцеговине

57. 29 декабря. — Письмо П. Павловича П. А. Монтеверде с просьбой прислать продовольствие повстанческому отряду

58. 30 декабря (11 января 1876 г.). — Донесение А. С. Ионина товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу с опровержением слухов о наличии боснийско-герцеговинского повстанческого правительства и со сведениями о переговорах эмиссаров Дж. Гарибальди в Черногории относительно участия гарибальдийцев в войне с Турцией

59. Не позднее 31 декабря. — Телеграмма А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву о гарантиях, предлагаемых союзными державами реформ в Боснии и Герцеговине

1876 г.

60. 7 января. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву с изложением своих соображений относительно мирного разрешения боснийско-герцеговинского вопроса

61. 10 января. — Письмо Мити и Маши Овсянниковых в редакцию газеты с просьбой переслать деньги семьям герцеговинских повстанцев

62. 11 (23) января. — Телеграмма Е. П. Новикова в МИД России о разгроме повстанцами турецкого отряда близ Требинье и гибели М. Бачевича

63. 15 января. — Письмо врача к П. А. Монтеверде с просьбой о присылке медикаментов

64. 18 января. — Письмо Л. Сочицы П. А. Монтеверде с благодарностью за помощь герцеговинским повстанцам

65. 23 января. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву со сведениями о действиях повстанцев и об обнародовании в Сараеве султанских фирманов

66. 7 (19) февраля. — Письмо Н. П. Игнатьева А. С. Ионину о реакции на ноту Д. Андраши населения Константинополя

67. Не ранее 12 февраля.— Письмо Й. Поповича-Липовца И. С. Аксакову с просьбой прислать деньги для закупки ружей

68. 20 февраля. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о нежелании боснийских эмигрантов возвращаться на родину и о подготовке перехода повстанческих отрядов с территории Австро-Венгрии в Боснию

69. 20–28 февраля. — Статистические таблицы со сведениями о количестве боснийских и герцеговинских беженцев в Далмации и Хорватии

70. 23 февраля. — Телеграмма Е. П. Новикова в МИД России о безуспешных переговорах генерал-губернатора Далмации Г. Родича с депутатами повстанцев Герцеговины

71. 11 марта. – Письмо Й Билбии члену Петербургского славянского комитета В. С. Ионину о тяжелом положении православного населения Боснии и с просьбой содействовать получению помощи из России

72. 17 марта. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о приезде в Сараево комиссара Порты и принимаемых им мерах по умиротворению края

73. 27 марта (8 апреля). — Донесение Е. П. Новикова А. М. Горчакову об опасениях австро-венгерского правительства в связи с возможным вторжением в Боснию сербских войск и о намерении В. Пелагича и попа Карана прибыть в боснийские земли

74. 29 марта. — Телеграмма Е. П. Новикова А. М. Горчакову об условиях прекращения восстания, переданных депутатами герцеговинских повстанцев Г. Родичу

75. 31 марта. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву об экономической разрухе в Боснии, продолжающейся эмиграции христиан и о столкновениях повстанцев с турецкими войсками в Бихачском санджаке

76. 1 (13) апреля. — Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову об отношении Порты и Австро-Венгрии к требованиям герцеговинских повстанцев

77. 8 (20) апреля. — Письмо Г. С. Веселитского-Божидаровича А. М. Горчакову о скупщине герцеговинских вождей в Суторине и принятых ими условиях прекращения восстания

78. Не позднее 8 (20) апреля. — Обращение представителей боснийских повстанцев к Г. С. Веселитскому-Божидаровичу с изложением условий, гарантирующих проведение предложенных нотой Д. Андраши реформ

79. 8 апреля. — Депеша Д. Андраши австрийскому послу в Петербурге А. Ланге-нау с изложением требований герцеговинских повстанцев и о невозможности их принятия

80. 9 (21) апреля. — Письмо А. С. Ионина И. С. Аксакову с просьбой о присылке в Дубровник представителя Московского славянского комитета и с оценкой разных позиций в решении герцеговинского вопроса

81. 18 апреля. — Письмо П. А. Монтеверде Г. С. Веселитскому-Божидаровичу о сражении при Дуге и своем участии в боевых действиях против турок

82. 19 апреля. — Письмо П. Павловича, Б. Зимонича и Л. Сочицы П. А. Монтеверде о победе герцеговинских повстанцев в бою с турецкими войсками у Гацко

83. 22 апреля. — Письмо И. С. Аксакова А. С. Ионину с оценкой миссии Г. С. Веселитского-Божидаровича и о желательности решения герцеговинского вопроса путем соединения Герцеговины с Черногорией

84. 30 апреля. — Письмо В. С. Ионина в Московский славянский комитет с просьбой о помощи боснийским беженцам в Австро-Венгрии

85. 4 мая. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о настроениях населения Боснии и его реакции на убийство в Салониках европейских консулов

86. 12 мая. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о мерах комиссара Порты по умиротворению Боснии и об актах убийства христиан мусульманами

87. 27 мая (8 июня). — Телеграмма А. Н. Карцова А. М. Горчакову о просьбе сербского князя Милана Обреновича относительно возможности передачи Боснии в управление Сербии, а Герцеговины — Черногории

88. 3 июня. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву об объявлении Портой амнистии участникам восстания и о подаче населением Банялуки жалобы великому везирю на злоупотребления властей

89. 10 июня. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о столкновениях отрядов повстанцев с турецкими войсками и об усилении исламской пропаганды в Боснии

90. 18 (30) июня. — Донесение российского посла в Лондоне П. А. Шувалова Александру II об отрицательном отношении Австро-Венгрии и Англии к предоставлению автономии Боснии и Герцеговине

91. 25 июня. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву об антирусской пропаганде турецких властей в Боснии и о действиях тайных комитетов по возобновлению восстания в связи с началом сербско-турецкой войны

92. 1 (13) июля. — Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову о решении европейских держав соблюдать принцип невмешательства в боснийско-герцеговинском вопросе и отклонении ими плана предоставления Боснии и Герцеговине автономии

93. 2 (14) июля.— Донесение Е. П. Новикова А. М. Горчакову о заявлении Д. Андраши относительно отказа Австро-Венгрии от завоеваний на Балканах и его удовлетворении соглашением в Рейхштадте

94. 19 июля. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о позиции католического духовенства в Боснии

95. 5 (17) августа. — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о сочувственном отношении мусульманского населения Боснии к возможному ее присоединению к Австро-Венгрии

96. 7 сентября. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву с предложением о создании консульской комиссии для расследования злодеяний мусульман в Боснии и с проектом предоставления ей политической автономии

97. 23 сентября. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву с изложением мнений консулов европейских держав в Боснии об ее будущем устройстве

98. 29 сентября. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о преследованиях православного населения в Боснии и об отказе представителей христиан подписать адрес султану с протестом против предоставления автономии Боснии и Герцеговине

99. 2 октября. — Прошение студента медицинского факультета Московского университета Г. Филиповича в Московский славянский комитет о выдаче пособия и со сведениями о своем пребывании в Герцеговине в 1872–1876 гг.

100. 12 октября. — Письмо врача Даниловградского лазарета Я. Д. Петковича И. С. Аксакову о работе лазарета и со сведениями о деятельности в нем Й. Дреча

101. 19 октября. — Телеграмма А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву о намерении правительства объявить мобилизацию и согласии венского кабинета на совместные действия

102. 23 октября. — Письмо командующего боснийскими повстанческими отрядами М. Деспотовича в Петербургский славянский комитет с просьбой о предоставлении денежной помощи боснийским повстанцам для покупки продовольствия и амуниции

103. Не ранее 12 ноября. — Записка А. Н. Кудрявцева об административном устройстве, судебной системе и экономическом положении Герцеговины

104. 19 ноября. — Экстракт донесения И. С. Ястребова Н. П. Игнатьеву с планом административной автономии Герцеговины

105. 2 декабря. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о военных приготовлениях в Боснии и о силах боснийских повстанцев

106. 19 декабря. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о действиях повстанцев в Бихачском санджаке и собрании вождей боснийских повстанцев в Австрийском Броде

1877 г.

107. Не ранее 1 января. — Из отчета МИД России о ходе восстания в Боснии и Герцеговине и военных действиях в период сербско-черногорско-турецкой войны 1876 г.

108. 3 января. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о результатах выборов в турецкий парламент в Боснийском вилайете и о преследованиях христиан в Крайне и Посавине

109. 15 января. — Обращение представителей боснийских христиан С. Скулича и Й. Шкорича к Александру II с просьбой содействовать передаче Боснии под управление Сербии или предоставлении ей автономии

110. 10 февраля. — Донесение А. Н. Кудрявцева поверенному в делах в Константинополе А. И. Нелидову о военных приготовлениях османских властей в Боснии и о фальсификациях константинопольской прессы относительно действий российских дипломатов

111. 18 февраля (2 марта). — Телеграмма А. Н. Кудрявцева в МИД России о восстании христианских сел между Травником и Банялукой

112. 4 марта. — Докладная записка Н. К. Гирса Александру II о встрече с боснийскими депутатами Й. Шкоричем и С. Скуличем

113. 10 марта. — Донесение А. Н. Кудрявцева А. И. Нелидову о бедственном экономическом положении Боснии

114. 15 (27) марта. — Письмо Г. С. Веселитского-Божидаровича Н. П. Игнатьеву о бедственном экономическом положении Боснии и Герцеговины, усилении католической пропаганды и с проектом мер по поддержанию православия

115. 18 (30) марта. — Телеграмма Е. П. Новикова Н. К. Гирсу об убийствах турками возвратившихся в Боснию эмигрантов-христиан

116. 15 (27) апреля. — Телеграмма А. С. Ионина в МИД России со сведениями о турецких войсках в Герцеговине и о готовящемся наступлении против них черногорцев и герцеговинцев

117. 23 июня (5 июля). — Донесение Е. П. Новикова А. М. Горчакову о позиции Д. Андраши в связи с началом русско-турецкой войны и его заявлении о нецелесообразности оккупации Боснии и Герцеговины в военное время

118. 2 (14) августа. — Телеграмма П. А. Шувалова в МИД России о намерении Австро-Венгрии оккупировать Боснию в случае вступления Сербии в войну с Турцией

119. 6 (18) августа. — Донесение Е. П. Новикова А. М. Горчакову со сведениями об отряде М. Деспотовича и численности турецких войск в Боснии

120. 23 августа. — Обращение представителей боснийских и герцеговинских беженцев в Сербии к Александру II с благодарностью за помощь и о готовности продолжать борьбу с турками

121. 31 октября. — Обращение Р. Илича и С. Поповича к Н. П. Игнатьеву по поводу тяжелого положения боснийских и герцеговинских беженцев в Сербии и с просьбой о помощи и содействии в предоставлении оружия для дальнейшей борьбы с турками

122. 29 ноября. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. К. Гирсу о положении в Боснии и о формировании там войск для военных действий против Сербии

123. 6 (18) декабря. — Телеграмма П. А. Шувалова А. М. Горчакову о готовности Турции уступить Боснию и Герцеговину Австро-Венгрии

124. 14 декабря. — Донесение А. Н. Кудрявцева Н. К. Гирсу о реакции населения Сараева на взятие русскими войсками Плевны и о продолжающемся формировании турецких вооруженных частей

1878 г.

125. 1–2 марта. — Обращение представителей православного населения Боснии к Александру II с благодарностью за помощь России и с выражением желания присоединить Боснию к Сербии или предоставить ей политическую автономию

126. 5 апреля. — Письмо М. Деспотовича в Петербургский славянский комитет с просьбой о помощи боснийским повстанцам и их семьям

127. 9 (21) апреля.— Записка драгомана российского посольства в Константинополе М. К. Ону о беседе султана Абдул Гамида II с Ф. Зичи в связи с намерением Австро-Венгрии оккупировать Боснию и Герцеговину

128. 1 (13) мая. — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову об использовании Австро-Венгрией пребывания беженцев из Боснии и Герцеговины в ее владениях как предлога для оккупации провинций

129. 30 мая (11 июня).— Письмо А. С. Ионина Н. К. Гирсу с оценкой деятельности представителя Петербургского славянского комитета А. В. Васильева среди герцеговинских беженцев в Черногории

130. 16 (28) июня. — Телеграмма представителей России на Берлинском конгрессе А. М. Горчакова, П. А. Шувалова и П. П. Убри Н. К. Гирсу об обсуждении боснийско-герцеговинского вопроса

131. 21 июня. — Письмо Н. К. Гирса П. А. Шувалову с просьбой выяснить позицию Англии в вопросе о сроках австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины

132. 23 июня (5 июля). — Телеграмма П. А. Шувалова в МИД России о согласии Берлинского конгресса на оккупацию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией

Терминологический словарь

Ага — господин, землевладелец
Ангам — налог с мелкого рогатого скота
Бан — наместник, правитель
Башибузуки — турецкое иррегулярное войско
Бег, бей — землевладелец
Беледие — муниципалитет
Булюкбаши — командир башибузуков
Вали — губернатор вилайета
Верги — налог, подать
Вилайет — провинция в Османской империи
Войнина — военный налог с христиан
Граничар — житель Военной Границы
Гяур — иноверец, «неверный»
Дефтердар — глава финансового ведомства
Дженах — уголовный суд
Долаф — тюрьма
Драгоман — старший переводчик
Заптие, забтие — жандарм, полицейский
Ираде — рескрипт, повеление султана
Кади, кадий — мусульманский судья
Кадилук — уезд
Каза — административная единица, уезд
Кайме — мелкая турецкая денежная единица
Касаба — городок, местечко
Кмет — зависимый крестьянин, арендатор
Комор — поставка лошадей для перевозок
Конак — резиденция властей, постоялый двор
Кула — укрепленная башня
Мазбата — решение суда, протокол
Махала — квартал в городе
Меджлис — административный совет
Медресе — мусульманское училище
Мемур — чиновник
Мехкеме — суд, судебное помещение
Милет — нация, народ
Мудир — правитель уезда
Мультезим — откупщик
Мутесариф — начальник округа
Мутесарифлык — округ
Муфтий — религиозный глава
Мухтар — то же, что и мудир
Нахия — округ
Ока — мера веса в 1 280 г.
Пара — мелкая серебряная монета
Пакетбот — почтовое судно
Паша — высший воинский титул
Райя — немусульманские подданные султана
Редиф — резервные войска
Реем — налог на скот
Рушдие — мусульманское училище
Санджак — административная единица, часть вилайета
Сераскер — военачальник
Сердар-экрем — высший военный начальник
Спахии — феодальные землевладельцы
Такрир — нота
Талимат — инструкция
Тапу — документ на владение землей
Тахсильдар — сборщик податей
Тиджарет — коммерческий суд
Улем — высшее сословие мусульманских законоведов и богословов
Ферман, фирман — указ султана
Фетва — решение высшего духовного лица
Халилук — свободные земли
Хан — постоялый двор
Хатт — указ султана
Чауш — низший военачальник
Чета — отряд
Чифлик — земельный участок
Хедиват — автономная провинция в Османской империи
Ходжабаши — представитель немусульманского населения в административных органах
Шариат, шериат — мусульманский религиозный закон
Шейх-уль-ислам — глава мусульманского духовенства

Указатель имен

Аарифи-паша 220, 221, 267
Абач Сава 370
Абдул-Азис, султан 57, 299, 301, 366, 427
Абдул-Гамид (Хамид), султан 331, 407, 436
Абдул-Керим 322
Абдуллах-эфенди 209, 322
Агич Шакир 208
Аджич Кирилл, игумен 279
Аксаков И. С. 167, 170, 186, 198, 216, 217, 230, 240, 283, 287, 288, 291, 336, 420, 430–434
Александр II 25, 54, 62, 83, 86, 87, 95, 99, 108, 111, 122, 127–129, 131, 166, 171, 172, 194, 228, 296, 302, 313, 315, 338, 367, 373, 395, 395, 398, 399, 403, 422–424, 427–430, 434, 435
Александр, принц Гессенский 387–389
Алексин Стево 152
Алексич Стево 404
Али-бей 236
Алимпич Ранко 242, 325, 358
Али-паша 60, 79, 204, 356, 357, 397
Альвенслебен, барон 101
Амелица (Амелич) Триво 152, 279, 351
Ангелич Сава 236
Андраши Д. 25, 55, 56, 70, 72, 83, 85, 86, 95, 110, 111, 130, 131, 187, 190–194, 196, 197, 221, 222, 228, 238, 239, 241, 245, 246, 264, 266–268, 275–278, 280, 287, 288, 303, 304, 305, 311, 312, 314, 315, 356, 358, 366, 386, 388, 390, 399, 400, 408, 421–423, 430, 432–434
Андрей 241
Анино Поль 117, 428
Анфим, митрополит 203, 321, 331, 332
Аристархи-паша 220
Аристов В. И. 340
Ахмед Мухтар-паша 235, 245, 255, 269, 283, 284, 306, 355, 357, 359, 362, 364, 376
Ахмед Хамди-паша 119, 151

Бабич Голуб 152, 279, 405
Бабич Петр 351
Бабич Спасое 152
Бабич Стефан 234
Бабич, купец 330
Базен А. Ф., маршал 283
Бакотич Йован 207
Бакунин М. М. 39, 48, 50, 124, 173, 176, 203, 427, 430
Бан Матия 291
Бачевич Максим 143, 144, 152, 223, 232, 355, 431
Баялица Марко 404
Бейст Ф.-Ф. 303, 314
Безрученко В. И. 10
Белони Петр 77
Бердников П. О. 186
Берзе (Бурса) 172
Билбия Илья 152, 279, 291, 404
Билбия Йово 247, 418, 432
Билбия Симо 152, 404
Билбия Стеван 404
Билбия Шпиро 404
Билич Ерме 406
Билчар Или 404
Бильрот 334
Бисмарк О. 85, 216, 421, 425
Благоевич Тодор 404
Богданович 175
Богичевич В. 47
Божа, см. Петрович Божидар
Божидарович, митрополит 216
Боишич Прокопие 393
Бошкович С. 223
Бранкович Вук 353
Братиану Й. 338
Брюке 334
Букрешевич Йово 405
Бундало Тривца 152, 279
Бупшич Лазо 393
Буро Нико 404
Бурса, см. Берзе
Бьюкенен Э. 305

Валуев П. А. 111
Вареника Нур-ага 209
Васильев А. В. 412–416, 418–420, 435
Васильев Ф. 147
Васильчиков П. А. 216, 217, 283, 416, 431
Васич (Вассич) К. 70, 71, 124, 398
Васса (Васа)-эфенди 238, 251, 357, 360
Вашалич Стоян 404
Вейсил-бей 300
Вели-паша 325, 331
Венович (Веинович) Остоя 404
Вентимилиа ди Паско, герцог 225
Вердер 111, 339
Вертер К. 130, 239, 267, 310
Веселитский-Божидарович Г. С. 177, 201, 255, 270, 276, 284, 287–289, 378, 382, 432, 434
Видович Васо 152, 404, 405
Вильгельм I 108, 339
Виндул Тривко 351
Виноградов К. Б. 11, 13, 16, 21, 126, 131
Влайкович Дж. 84
Воинович Мичо 405
Врангель, барон 413–415
Врбица Машо 157
Вукалович Лука 126, 135
Вукалович Тривко 152, 223, 236, 286, 356
Вукович Джура 196
Вукович Коста 406

Вукотич Петр 67, 337, 385
Вучкович Гавро 152
Вьет Э. 31, 174

Габель О. М. 146
Габсбурги 172, 310, 320
Гаврилов А. 202
Гак Перо, поп 404
Гарашанин И. 291
Гарибальди Дж. 224, 225, 227, 431
Гейден Ф. Л. 401
Гёте И. В. 15
Гилей 326, 327
Гильфердинг А. Ф. 336
Гирс Н. К. 224, 373, 384, 396, 401, 412, 417, 421, 423, 425, 431, 434, 435
Гладстон У. 328
Глушчевич Йован 393
Гойкович С. 201
Гомс, см. Холмс
Горинович 201
Горчаков А. М. 55, 56, 83, 86, 87, 187, 193, 197, 218, 228, 230, 244–246, 252, 253, 255, 259, 270, 273, 282, 296, 305, 308, 311, 312, 316, 319, 338, 386, 391, 399, 410, 421, 422, 430–435
Гофман Л. Ф., барон 85, 95, 314
Грублешич Миле 405
Грубор Давид 279, 404
Грубор Джуро 404
Грубор Павле 404
Груич К. 168
Груич С. 335
Гудель Иван 207
Гуниад 382
Гусейн, жандарм 207
Гутич Йован 419
Гутич Михаил 419

Дак Йован 279
Далматов Н. Д. 147
Данченко С. И. 8, 22
Данчич 177
Д'Арк Жанна 226
Дашич М. 15, 18
Дебагорий-Мокриевич И. К. 146
Девиен (Девьен) 327, 376, 377
Деметрич 125
Денович Й. 405
Дерби Э., лорд 222, 303–305, 323, 352, 376, 390
Дервиш-паша 31, 44, 45, 48, 60, 67, 79, 118, 119, 133, 143, 157, 183, 236, 283
Деспот Стеван 404
Деспотович Деспот 279
Деспотович Джорджо 404
Деспотович Милета 340, 351, 362, 384, 391, 406, 433, 434
Джевдет-паша 60
Джемаль-паша 357
Дженадия (Дьенадья) Марко 279, 404, 405
Джурета Мато 404
Джурица Дамиан 404
Джурович Евто 393
Джуровоч Лука 234
Дизраэли Б. 303, 305, 328
Достян И. С. 11, 13, 15, 20, 21
Драгашевич 254
Дреч И. Ф. 334, 336, 419, 434
Дурандо 119, 124

Евиджевич Никола 207
Енкуватов П. А. 147
Еременко 41
Ермаков Ф. В. 186
Ефендич Шакир 208
Ефтич Милован 207

Жарко, поп, см. Лешевич Жарко
Женонич Николаки 172
Живков Г. 254
Живкович Перо 279
Жомини А. Г. 33, 41, 51, 52, 54, 55, 62, 63, 72, 73, 80, 98, 102, 112, 129, 131, 137, 190, 192–194, 427–429

Зальц 336
Зах Ф. 194
Зверев А. Д. 26
Зделар Петар 405
Зеленой А. С. 351
Зелинский И. В. 146
Зимонич Б. 67, 152, 200, 212, 236, 286, 356, 419, 431, 433
Зиновьев И. А. 254
Зичи Ф. 51, 128, 130, 221, 238, 239, 244, 266–268, 310, 406, 408, 411, 429, 434
Зорич Стево 404
Зотович И. 419

Ибрагим 207
Ибрагим-бей 150, 353
Ибрагим-паша Иванович 250, 292, 294, 299, 361
Игнатьев Н. П. 14, 25, 47, 48, 57, 59–62, 70, 77, 89, 94, 98, 102, 106, 111, 121, 122, 125, 128, 131, 136, 152, 157, 164, 168, 171–173, 182, 183, 187, 194, 203, 205, 211, 213, 218, 222, 228, 232, 235, 237–239, 241, 244–246, 249, 251, 256, 259, 269, 292, 294, 297, 300, 301, 306, 308, 311, 317, 318, 321, 325, 328, 329, 333, 338, 346, 349, 350, 353, 365, 378, 383, 395, 426–434
Игнатьева Е. Л. 164
Измет-паша 325, 372, 397
Иларион, митрополит 68, 170, 178
Иларионов Н. А. 25
Илич Дьюрадь 279
Илич Ристо 394, 395, 436
Ионин А. С. 25, 33, 39, 41, 45, 52, 63, 69, 72, 96, 111, 112, 116, 124, 125, 137, 146, 157, 164, 166–169, 177, 179, 180, 196, 197, 200, 201, 216, 224, 226, 230, 232, 238, 240, 245, 246, 255, 264, 283, 287, 336, 385, 392, 412, 417, 419, 426–432, 434
Ионин В. С. 247, 290, 291, 307, 418, 432, 433
Иосиф, игумен 152
Ирби Аделина 328
Исламов Т. М. 11–13, 21

Йейч Ристо 152
Йованович 44, 124
Йованович Й. 405
Йованович Р. 13
Йованович Ст. 286

Кабакова Н. В. 26
Калевич Л. 194, 254
Калевич Окица 393
Каличе Г. 392
Калка Мартын 351
Каллай Б. 408
Кандич Лазарь 185
Кандич Петр 185
Капитанович Мехмед-бей 306
Карагеоргиевич Александр 52
Карагеоргиевич Петр 52, 121, 224, 353, 427, 429
Каран Джордже, поп 253, 254, 279, 351, 404, 432
Карасев А. В. 26
Карасев В. Г. 11, 13, 15–17, 19, 335
Карцов А. Н. 47, 127, 296, 427, 429, 433
Катич Александр 406
Каульбарс 412, 415
Качавенда Марко 404
Келечевич Спасое 279
Кецман Илия 404
Кецман Йовица 404
Кечет, доктор 355
Киреев Н. А. 287, 289
Ковачевич Василие 404
Ковачевич Джуро 404
Ковачевич Миле 404
Ковачевич Перо 404
Ковачевич Ристо 284
Ковачевич Стоян 419
Ковелевич Ристо, протопоп 286
Комьянович Пейо 209
Кондратьева В. Н. 9, 40, 97, 136, 252
Коновалов 216, 233
Констан (Костан)-эфенди 31, 39, 48, 133, 161, 172, 181, 215, 358
Константин Николаевич, вел. князь 287
Корманош Остоя 152
Косанович Сава, митрополит 215
Косев К. 14
Косик В. И. 26
Костич Лазо 196
Крал Лазо 404
Крецо Йово 404
Крецо Пера 152, 404
Креш Бова 351
Крешимир Петр, король Хорватии 380, 383
Крнич Юсуф-ага 165
Кудрявцев А. Н. 25, 29, 203–205, 211, 213, 229, 230, 235, 237, 241, 242, 249, 251, 256, 258, 292–295, 297–301, 306, 307, 317, 318, 320, 321, 324, 325, 328, 329, 333, 341, 350, 352, 353, 365, 366, 370, 372, 375, 377, 398, 401, 402, 427, 430–434
Куликов В. И. 11–15, 17, 22
Кулич Зелеп 393
Кулович 208

Лафонтен Ж. 120
Лангенау А. 280, 433
Левенич Христофор 322
Ленокс 351
Леовац Маринко 393
Леонид, царь Спарты 227
Лепава И. 334, 413–415
Лепешинский А. П. 146
Лепешинский В. П. 146
Лешевич Жарко, поп 8, 77, 115, 124, 143, 152, 393, 395
Лихтенберг, барон 71, 101, 124, 157, 172
Лончар Д. 405
Лэйярд О. Г. 399
Любибратич (Любобратич) Мичо 77, 84, 125, 144, 146, 152, 167, 201, 224–227, 283, 356, 359, 395, 413, 430
Любоевич Божо 404
Людвиг IV, принц Гессенский 387

Магомет 207
Магомет II, см. Мехмед II
Мажуранич И., бан 40, 383
Маканец 382
Максим, см. Бачевич М.
Мандич Шпиро 419
Манигода Марк 295
Маринкович Стево 351, 404
Марич Василь 404
Марко 241
Маркович Е. 335
Маркович Св. 335
Мартеп 125
Маслов 177
Матанович Н. 177–179
Матич Д. 360
Махмуд-паша 76, 77, 91, 92, 96, 118, 136, 220, 221, 245, 266, 267
Медведев Д. Ф. 186, 430
Медведева О. В. 26
Мезенцов Н. В. 166, 429
Мелентий, игумен 215
Мельников А. А. 167, 177, 216, 429, 430
Мельчакова К. В. 9
Меркус 226
Мехмед II (Магомет II) султан 191, 382
Мехмед Али-паша 79, 124, 143, 145, 235, 307, 322, 352, 362, 402
Мехмет-ага Деляльагич 207
Мидхат (Мидхад) паша 77, 221, 310, 326, 366, 392
Миколчич Стеван 279
Милан, капитан 92
Миланович Вид 152, 404
Миланович Стоян 351
Милетич Св. 314, 335
Милинович Милан 77
Миличевич Григорий 236, 286
Милютин Д. А. 338
Миркович Средо 393
Михаил, митрополит 47, 170, 177, 291
Михайлович Марко 196
Михайлович Стево 127, 242
Мичунович 286
Молинари А. 297, 300
Молович Вук 393

Монталти Л. 77
Монтеверде П. А. (Петров П.) 199, 200, 212, 216, 217, 223, 233, 234, 284, 286, 426, 430–432
Морача Вид 404
Мошечков П. В. 8
Мрконич П. 52
Мрликович Радослав 393
Мурад V, султан 299, 301, 360
Мусич И. 215, 236, 356
Мустафа-паша 376
Мусурус-паша 409
Мухтар-паша см. Ахмед Мухтар-паша

Назиф-паша 299, 306, 330, 333, 350, 352
Налетов 306
Нарочницкий А. Л. 11–17, 19–21
Нарцов Илья 202
Неджиб-паша 114, 118, 124
Нелидов А. И. 43, 51, 73, 77, 78, 319, 320, 366, 370, 375, 401, 409–411, 427, 428, 433–435
Никифоров К. В. 7, 10
Николай I 191
Николай, князь черногорский 32, 36, 39, 40, 45, 46, 67–69, 91, 100, 105, 116, 121, 125, 157, 168, 179, 181, 182, 196, 197, 216, 238, 242, 246, 255, 267, 288, 336, 337, 354–360, 362, 382, 413, 414, 430
Николич 240
Николич Т. 254
Никлолич П. 279
Нимеер 334
Новакович Н. 404
Новиков Е. П. 55, 72, 80, 86, 95, 96, 100, 101, 111, 180–182, 194, 230, 232, 245–247, 253–255, 264, 312, 315, 338, 384, 386, 389, 391, 392, 400, 428, 429, 431, 433, 434
Новикова О. А. 287

Обренович Милан 47, 52, 91, 116, 121, 162, 194, 296, 307, 326, 368, 427, 432
Обренович Милош 8
Обренович Михаил 353
Овсянников М. 231
Овсянникова М. 231
Окан Ника 291
Омер-бей 235, 353
Омер-паша Латас 135, 183
Омер Февзи-паша 183
Ону М. К. 237, 328, 333, 407, 435
Орлов-Давыдов, граф 216
Орчи, барон 314
Осман-ага 210
Осман-паша 317, 362, 364

Павичевич Б. 23
Павлович Пеко (Пейко) 143, 144, 152, 199–201, 212, 223–225, 236, 285, 286, 355–357, 430, 432
Павлович Перо 152
Павлович Рудово 224
Пантев А. 14
Панютин С. Ф. 336
Пахомова Л. Ю. 9
Пеко, см. Павлович Пеко
Пелагич В. 9, 45, 52, 106, 152, 253, 254, 335, 404, 405, 432
Пере, поп 286
Периша 207
Перович Мелентий, архимандрит 8, 236, 359
Перро 326
Петкович Лука 125, 235, 419
Петкович Я. Д. 336, 337, 433
Петр II Петрович Негош 19, 20
Петраки, купец 39
Петров Петр, см. Монтеверде П. А.
Петрович Божидар 127, 178, 337, 358, 359
Петрович Лука 356
Петрович Никола 15
Петрович Перо 49, 104–106, 121
Петрович Петар Пеция 152
Петрович Раде 12, 15
Пецавич Лука 393
Пилидович Вид 404
Писарев Ю. А. 7, 11, 13, 15–17, 20, 21
Пиштелич Иона 207
Пламенац И. 121
Плякич Димитри 279
Полич Ристо 393
Поплыко Д. Ф. 9, 26
Попович Алексей 206
Попович Джорджо 393
Попович Ево 393
Попович Симо 395, 435
Попович Стево 404
Попович-Липовац И. 240, 432
Преловац Милош 207
Преображенский К. 198, 430
Протич Коста 373
Протич Тодор 404
Пятницкий П. П. 8

Радович Пера 442
Радонавич Илия 404
Радонич Мичо 215
Радонич Петр 152
Радонич Станко 178, 337, 360
Радулович Джордже 212
Раевский М. Ф. 16
Рассел Дж. 85, 88, 110, 120, 125, 227
Рауф (Реуф)-паша 92, 204, 215
Рашид-паша 220, 221, 239, 244, 264–268
Реуф-паша, см. Рауф-паша
Ризай Скендер 12, 14
Ристич Й. 127, 242, 296, 314
Ричард 225
Родич Г. 238, 245, 246, 255, 267, 274, 281, 282, 300, 351, 356–358, 431
Родич Илия 404
Родич Милош 279, 404
Родич Симо 404
Рустем-бей 329

Сава, см. Косанович Сава
Савва 169
Савфет-паша 408, 409
Садык 351
Сажин М.П. 147
Салих-паша 30
Селим-паша 119, 143–145, 357
Сервер-паша 39, 60, 70, 72, 107, 118, 119, 124, 132, 133, 136, 142, 151, 160, 162, 163, 168, 172, 183, 184, 215, 236, 244, 250, 252, 428
Симушевич Мийо 404
Скакич Йован 404
Скандербег 227
Скобла Й. 404, 406
Скулич С. 367, 369, 373, 435
Снайдер 351
Солсбери Р. 421–423, 425
Сочица Лазарь 144, 152, 212, 234, 236, 273, 286, 355–357, 431, 432
Спартак 227
Старостин В. Я. 186
Степняк-Кравчинский С. М. 147
Стефан, архимандрит 152
Стефанович Данила 47
Стефанович Симо 322
Стилмэн 125
Стратимирович Дж. 84
Ступар Давид 404
Ступар Остоя 405
Сулейман-бей 235, 300
Сулейман-паша 376, 385
Суннула 209
Суртелевский 352
Сучевич Тодор 152

Танджетич Лазарь 370
Теодорович С. 326, 350, 352, 398
Теркули Марко 351
Тицафели Карло 77
Тодорович Станое 393
Толстой Л. Н. 217
Томашевич Томо 125
Трикич Илия 404
Трикупис Х. 88
Тркулия Илия 404
Турчанинов А. Д. 195, 430

Убри П. П. 420, 437
Удиляк Иван 207, 209
Узелац П. 121, 152
Урош Стефан, сербский король 380
Фазли-паша, см. Омер Фазли-паша
Фаминская Т. В. 26
Фет /Шеншин/ А. А. 217, 287
Фиела Карло 77
Филиппович Г. 52, 168, 334, 433
Фракароли Андреа 77
Франц Иосиф 32, 38, 40, 193, 267, 314, 387–389
Фриман 298, 376, 377
Фуад-паша 60, 398

Хаджи Лойо 329–331
Хаджиристич 240
Хайдар-эфенди 39, 249, 251, 257, 268, 294, 297, 298, 361
Халил Шериф-паша 314
Хасан-паша 31, 39
Хевролина В. М. 26
Хеуде, башибузук 207
Ходько И. М. 146
Холмс (Хольмс, Гомс, Хомс) 71, 124, 238, 251, 295, 298, 299, 306, 307, 323, 324, 326, 328, 352, 371, 376, 377
Хольмс, см. Холмс
Хомс, см. Холмс
Христич Ф. 181, 182, 355
Хубмайер М. 227
Хусейн Авни-паша 92, 221
Хусейн-бей 300
Хусейн-паша 77, 118, 204

Церетелев А. Н. 238
Церович Н. 223, 286
Циковский 336
Цимсон 334
Цукич К. 254

Чабич Станко 404
Чаракович 152
Ченгич Дед-ага 119, 143, 236, 329
Черняев М. Г. 216, 315, 324, 326
Чубрилович В. 15, 242
Чулич Илия 404
Чуло 185

Шавердо К. И. 146
Шавердо Н. И. 146
Шакир, имам 209, 210
Шакович Герман 207
Шакович Ибрагим 207
Шампольон Ж.-Ф. 159
Шарапов С. Ф. 147
Шатохин П. П. 384
Швейниц Г.-Л. 338
Шевич Илия 279, 405
Шевкет-паша 132
Шеншин А. А., см. Фет А. А.
Шеншин П. А. 216, 217, 287, 430
Шибалие Живко 286
Шишко-эфенди 318
Шкорич Й. 367, 369, 373, 404, 405, 434
Штраус И. 12
Штрбац Михаил 404
Штроссмайер И.-Ю. 40, 47, 317, 318, 352, 377, 380, 382
Шувалов П. А. 302, 304, 305, 388–390, 399, 421, 423–425, 432, 434, 435
Шунич М. 13
Шурдан (Шурлан, Шурпан) Мичо 152, 279, 404

Щербачев 211

Эбергардт 216, 233
Экмечич М. 7, 15
Эллиот Г. 130, 222, 310, 311
Энгельгрардт Г. Н. 10
Эссад (Эсад)-паша 30
Эсад-бей 409

Юсуф-паша 322

Якшич Алекса 351
Якшич Илия 404
Янкобашич Дакка 404
Янкулио И. К. 53
Яновский В. Я. 147
Януш Стево 393
Янушевич Тодосие 393
Ястребов И. С. 70, 72, 96, 121, 132, 136, 183, 224, 295, 346, 428–430, 433

Carlo Conte Tuello 152
Dusseau 162
Fernando Furini 152
Femioni Nerini 152
Johnston 327

Указатель географических названий

Австрия (см. также Австро-Венгрия) 12, 37, 38, 49, 52, 55, 60, 69, 85–87, 95, 97, 100, 104, 105, 110, 130, 135, 142, 145, 160, 162, 172, 179–181, 185, 191, 203, 207, 208, 212, 229, 230, 245, 249, 253, 268, 275, 284, 287, 290, 297, 304, 306, 310, 311, 313, 314, 317, 318, 320, 323, 324, 326, 327, 338, 339, 357, 360, 361, 365, 367, 373, 379, 381, 382, 387–392, 395, 398, 399, 413, 414, 417, 419–422
Австро-Венгрия (Австро-Венгерская империя, Габсбургская империя, Австрийская монархия) (см. также Австрия) 8, 12, 23–26, 32, 40, 46, 47, 54, 56, 59–62, 69, 79, 80, 85, 104, 124–126, 128, 165, 171, 172, 182, 213, 221, 230, 239, 241, 246, 256, 259, 273, 281, 282, 290, 302, 310–312, 314, 319, 320, 333, 363, 376, 380, 389, 390, 395, 398–400, 405–410, 422, 423, 425, 427–429, 431–435
Аграм (Загреб) 40, 120, 146, 240, 246, 297, 380
Аден-Перим 120
Адриатика (Адриатическое море) 18, 21, 120
Азия 119, 403
Албания 66, 72, 378, 379, 381, 382, 385, 392
Алексинац 325, 326
Англия (Великобритания) 47, 85, 97, 114, 120, 124, 125, 130, 135, 191, 194, 222, 228, 239, 298, 302–305, 309–311, 314, 328, 364, 388, 421, 423–425, 432, 435
Аранжель 208
Аржано 207
Аркадиум 84
Африка 146, 290

Багдад 61
Базарджик 79
Балканские горы 287
Балканы (Балканский полуостров) 13, 23, 24–26, 46, 56, 76, 79, 88, 111, 127, 166, 168, 194, 217, 228, 290, 310–312, 335, 339, 349, 363, 369, 378, 382, 389, 403, 406, 419, 433
Банат 243
Баня (Банья) 208,
Банялука (Баня Лука) 106, 175, 203, 206, 207, 297, 298, 317, 322, 331, 343, 350, 353, 372, 376, 432, 434
Банялукский санджак 204, 206, 321, 361, 362, 370
Баняны 67, 234, 236
Бар 337, 380
Бейрут 257, 418
Белград (Београд, Биоград) 10, 12, 16, 17, 22, 42, 44, 47, 52, 89–92, 118, 127, 132, 141, 146, 162, 168, 173, 175, 242, 253, 254, 296, 312, 314, 315, 322, 325, 340, 355, 394, 418, 427
Белградское окружие 394
Белградский пашалык 8
Белина 307, 323, 325, 326, 331, 350–352, 363
Белич 121
Белопавличи 385
Белопавличская долина 336
Белополье 185
Бельгия 383
Беране (Берана) 163, 385
Берлин 95, 101, 220, 359, 363, 405, 421, 425
Бессарабия 389, 400
Биела (Бела) 196
Билан 204
Билек 119, 204, 354–356
Билекский округ 204
Билеч (Билеча) 43, 45, 114, 115, 124, 142–145, 181, 204
Бинание 172
Биоча 336
Бихач 215, 307, 343
Бихачский санджак (округ) 256, 257, 292, 300, 321, 328, 351, 353, 361, 362, 365, 431, 434
Бишевач 207
Блажево 328
Бока Которская (Бока Катарская, Бокка Каттарская, Бокка Которская) 177, 216, 217, 255, 382
Болгария (Болгарское княжество) 12, 23, 25, 32, 78, 79, 166, 182, 217, 240, 289, 291, 314, 328, 338, 340, 366, 388, 389, 395, 418, 419, 422–424, 428
Болонья 47
Бонин 172
Босна-Сарай — см. Сараево
Босния (Боснийский вилайет, Босна, Босански виляет) 7–13, 23–26, 32, 40, 47, 48, 49, 52, 57, 60, 61, 66, 68, 77, 79, 80, 85, 86, 89, 94, 96, 101, 104, 106, 108, 110, 111, 116, 119, 121, 124, 125, 127, 131, 135, 142, 143, 145, 147, 149, 151–156, 166, 170–173, 175, 182–185, 193, 194, 203, 205–211, 213–215, 218, 220–222, 224, 226–230, 236, 237, 239–242, 246–258, 277–279, 285, 290–294, 296–300, 302, 304, 307–311, 314, 315, 317–321, 323–329, 331–333, 335, 338, 340, 343–345, 349–354, 356, 360–363, 365–371, 373–375, 378, 380, 381, 384, 386, 388–400, 402, 403, 405, 407–411, 414, 418–425, 427–435
Бояна 389
Брод (Австрийский, Славонский) 49, 241, 243, 306, 307, 353, 435
Брод (Броад, Броод) 203, 205, 206, 215, 236, 298, 300, 352, 361, 365, 366
Брчко (Бырчко) 236, 376
Будапешт 25
Бухарест 254, 338, 339, 395, 418
Буюкдере 51, 73, 78, 89, 102, 128, 319
Бьянка 197

Валахия 194
Васоевичи 92, 124
Великобритания — см. Англия.
Вена (Беч) 40, 47, 49, 55, 56, 70, 80, 83, 84, 86, 95, 101, 110, 111, 121, 131, 160, 161, 170, 180, 196, 215, 216, 220, 221, 232, 240, 245, 247, 251, 253, 255, 264, 270, 273, 275, 280, 312–314, 318, 338, 340, 351, 359, 371, 378, 383, 384, 386–388, 390, 391, 409, 411, 428
Венгрия 44, 229, 317, 318, 381
Венеция 47, 360
Видин 92, 297
Винковцы Австрийские 367
Воеводина 47, 335
Военная Граница 38, 206, 244, 378, 381
Восток 45, 55, 69, 77, 85–87, 92, 96, 101, 158, 186, 191, 229, 257, 298, 306, 314, 371, 381, 389, 413
Восточный Пьемонт (Сербия) 167
Врандук 210
Врбас 106, 236, 314
Вукович 223
Вучиак 298
Вучий дол 337, 364
Высоко 207, 330
Высокская каймакамия 297
Вышеград 117, 119, 203, 205, 206, 297, 306, 401, 402
Вышеградский округ 207, 208
Вятская губерния 186, 430

Габела (Габелла) 48, 124, 133, 158, 376
Габсбургская империя — см: Австро-Венгрия
Гацко 67, 115, 119, 124, 144, 172, 181, 204, 208, 215, 286, 344, 354, 355, 357, 376, 432
Гацкое окружие (Гацкое губернаторство) 132, 215
ГДР 12, 15
Германия 46, 47, 59, 60, 62, 69, 85, 101, 124, 165, 191, 220, 314, 315, 363, 402, 421, 427
Герцег Нови 13, 18, 20, 21, 40
Герцеговина 7–10, 12, 17, 18, 23–26, 30–32, 36–38, 40, 41, 43–49, 52, 57, 59–61, 66, 70–73, 75–77, 79, 80, 84–87, 89, 94, 100, 101, 104, 108, 110–112, 114–118, 121, 122, 124–127, 131, 135, 141–147, 152, 156, 163, 165–167, 170–172, 179, 181–185, 193–195, 199–201, 203, 205, 206, 208, 213, 215–218, 220–222, 224–232, 235–239, 241, 245, 246, 250, 251, 254–257, 265, 266, 272, 278, 281, 287, 290, 293, 296–299, 302, 304, 307, 308–311, 315, 318, 323, 324, 329, 331–335, 337, 340, 341, 344, 346–350, 354–356, 358–363, 366, 370, 374, 376, 378–382, 385, 386, 389, 392, 393, 395, 397, 399, 400, 405, 407–411, 413, 415, 417–425, 427–435
Гинь 243
Гиск 243
Главски Дол 143, 144
Гламоч (Гламач) 321, 350, 362, 384
Гламочский (Гламочкий) округ 292, 321
Гласинац 297
Голубинье 207
Гомионица 208
Горанско 45, 144, 357
Горица 43, 45
Грабицы 235
Градишка 106, 121, 206, 207, 243, 299, 322, 353
Градишский округ (уезд) 321
Грахово 336, 358, 362, 413, 415
Греция 88
Гусиньский округ 235
Гырмач (Грмач, Грмеч) 300

Дабра 43, 114
Далмация (Далматинская Хорватия) 33–43, 44, 48, 49, 51, 52, 78, 79, 113, 115, 126, 137, 138, 142, 143, 158, 200, 227, 243, 244–246, 271, 274, 312, 314, 354–356, 378, 379, 381–383, 427, 428, 432
Дамаск 97, 418
Даниловград 336
Делиград 363
Дервент 203, 206, 215
Дервентский округ 300, 370
Джунис 315, 363
Диарбекир 298
Добой 203
Добрлин 254
Добруджа 79
Добрун (Добрунь) 206, 208
Доволья (Доволя) 208
Дрен 235
Дрина 254, 325, 326, 360, 362, 397
Дробняки (Дробняк) 119
Дубица 106
Дубрава 185
Дубровник (см. также Рагуза) 22, 24, 33, 40, 135, 166, 283, 418, 427, 433

Дуга (Дужское ущелье, Дужское дефиле) 67, 144, 200, 269, 283, 284, 357, 359, 385, 433
Дужи 208, 232
Дунай 337, 339, 388
Дунайские княжества (Валахия, Молдова) 194
Дьяковар 380
Дьяково 317

Европа (Западная Европа) 23, 26, 39, 44, 45, 55, 69, 75, 84–87, 96, 100, 105, 109–111, 119, 129, 132, 133, 157–162, 164, 166, 169, 170, 181, 184, 192, 193, 205, 209, 215, 222, 224, 228–230, 237, 241, 245, 254–257, 282, 288, 290, 293, 301, 311, 315, 318, 325–328, 354, 367, 373, 376, 379, 424, 425
Европейская Турция — см. Балканы
Ени-Варош 124
Евфрат 61

Женева 47
Жепче 207

Заболотье 195
Завала 208
Заграбье (Заграбие) 243
Загреб — см. Аграм
Задар 40
Запад (Западная Европа) 16, 85, 166, 221
Зара 37, 169, 243, 358
Зворник 323, 325–327, 331, 343
Зворникский санджак 206, 297, 397
Зворникское поле 256
Землин 241, 254
Злоступ 357
Зубцевский округ 256
Зубцы 114, 115, 124, 125, 144, 163, 167, 201, 255, 354, 355

Изница 235
Илиджа 11–13, 17
Иллирика 378
Имотски 243
Италия 12, 24, 47, 111, 124, 168, 228, 239, 309, 364, 379, 421

Кавдия 269
Калошин 145
Кандия 60, 84, 181
Карловцы 47
Карлштадт 243
Карс 402
Кастельново 201, 430
Каттаро (Котор) 21, 124, 169, 243, 354, 415
Киев 146
Киселяк (Кисляка) 207
Кишинев 385
Клачиница 322
Клек 75, 77, 79, 124, 126, 142, 144, 274, 356
Клиочский округ 300
Ключ 321, 328, 350, 351
Книн 167, 243, 406
Кобаш 206, 207
Козара 300, 350
Козерац 125
Колашин 385
Коница (Конница) 236, 295, 347
Константинополь (Царьград, Стамбул) 14, 25, 29, 50, 51, 70, 71, 84, 93, 95, 101, 110, 128, 129, 131, 155, 168, 174, 202–204, 211, 215, 221, 230, 232, 237, 238, 242, 249, 251, 258, 267, 283, 293, 295, 296, 299, 301, 307, 311, 314, 318, 322–324, 326, 328, 330, 333, 337, 343, 344, 349, 350, 352, 354, 359, 363, 366, 370, 371, 376, 377, 388, 392, 397, 399, 407, 409, 411, 426, 427, 429, 432, 434, 435
Копривица 199
Косиерево 227
Косово поле 121, 353
Костайница (Турецкая) 40, 106, 240, 254, 353, 361
Костайница (Хорватская) 32
Котор (см. Каттаро)
Крагуевац 127, 335
Крайна 208, 365, 366, 434
Крит 47, 88, 125, 310, 311, 398
Крич 243
Кроация — см. Хорватия
Крстац (Кырстач) 67, 212, 357, 359
Крупа 321
Крым 77, 111
Кубанская область 177
Кукарка 186, 430
Кулин-Вакуф (Кулен-Вакуф) 300, 321
Курсола 243
Кучи 385
Кырстач (см. Крстац)

Лазицы 257
Ливадия 166, 398
Ливан 95, 97, 165
Ливенский округ 321
Ливно 207, 292, 307, 350, 351, 362
Ливче 172
Лика 380
Лика-Оттока 243
Лим 115, 145
Липово 31
Ловчен 46
Ломбардия 77, 317
Лондон 85, 88, 110, 239, 302, 310, 314, 327, 390, 399, 409, 432
Луга 207
Лури 216
Любинье 36, 114, 115
Любишский округ (кадилук) 49, 378
Любоша 347
Любушинский округ (кадилук) 356

Маглайский округ 331
Майдан 321, 350
Майданский округ 257

Макарска 243
Малая Азия 61
Мальевац 299
Мальят (Милят) 336, 337
Медун 337, 364
Меткович 41, 43, 48, 49, 78, 79, 121, 124
Метохия 212
Милан 77
Миссолонги 84, 87
Митровица 322, 323, 350
Могилевская губерния 195
Молдова 194
Морава 322
Москва 12, 13, 17, 18, 20–22, 169, 170, 177, 178, 216, 287, 288, 334, 371, 430
Мостар 9, 17, 18, 24, 30, 31, 36, 39, 41, 45, 49, 63, 67, 72, 78, 96, 107, 112, 114, 118, 119, 122–124, 125, 128, 130, 133, 135, 137, 139, 141, 142, 144, 146, 148, 163, 183, 185, 215, 224, 236, 251, 252, 280, 281, 298, 306, 322, 335, 341, 344, 346, 347, 376, 385, 413, 418
Мостарский кадилук 185, 378
Муратовица (Муратовицы, Муратовичи) 212, 357

Нарента 144, 245, 356
Небоговино 207
Невесинский округ 49
Невесинье 29–31, 36, 38, 39, 43, 44, 45, 52, 68, 114, 119, 124, 125, 133, 135, 143, 157, 158, 185, 208, 215, 347, 385, 427
Неретва 36, 43
Николаев 290
Никомедия 61
Никшич 45, 67, 115, 144, 172, 181, 215, 255, 269, 280, 281, 284, 297, 337, 357, 359, 385
Ниш 92, 297, 316
Нова Градишка (Новая Градишка) 227, 241, 248
Новая Варош (Ново-Варош) 143, 205, 208
Нови 106, 203
Нови Базар (Нови Пазар) 66, 79, 297, 315, 322, 337, 343, 362, 370, 397
Нови Сад 47, 77, 87, 355
Новинская нахия 300
Новопазарский (Ново-Пазарский) санджак и округ 49, 182, 206, 292, 322, 397, 422
Ноздры (Ноздра) 285, 359

Огулин-Гуин 243
Одесса 146, 167, 408
Орахово 106
Ореховац 300
Осиек 40
Османская (Оттоманская) империя — см. Турция
Османские провинции — см. Босния и Герцеговина
Оточа 353

Панчево 47
Париж 47, 239, 255
Пера 171, 187, 218, 238, 259, 410
Перусино 163
Петербург (Санкт-Петербург, Петроград) 10, 25, 26, 53, 83, 86, 157, 162, 170, 178, 180, 181, 190, 222, 264, 267, 280, 288, 371, 389, 396, 400, 401, 403, 406, 414–416, 419, 423, 426, 432
Петровац 300, 321, 350
Петровачкий округ 292
Петрозаводск 177
Пешт 314
Пива 115, 119, 132, 144, 145, 172, 181, 201, 354
Пива (округ) 68, 354, 357
Плавт 281
Плана 199, 204, 212
Плевальский округ 208
Плевна 316, 401, 402, 436
Подгорица 92, 165, 307, 337, 385
Пожега 243
Польянич 204
Попово 43, 124, 172
Попово поле 158, 163, 172, 208, 245, 355, 358
Посавина (Поссавина) 329, 236, 241, 365, 435
Пребой (Прибой) 79, 119
Прелово 207
Преполь (Приеполь) 208
Прераци 212
Пресека 196, 359
Приедор (Предор) 106, 295
Призрен 66, 79
Прилука 177
Пролог 350
Пруссия 97, 135, 314
Пьемонт — см. Восточный Пьемонт Пырньявор (Прньавор, Пыньявор) 365, 376

Равнина 203
Равно 144
Рагуза (см. также Дубровник) 33, 37, 41, 43, 48, 19, 63, 68, 92, 101, 112, 114, 121, 122, 124, 125, 137, 143, 144, 146, 157, 163, 167, 169, 170, 172, 177, 201, 224–226, 232, 235, 243, 245, 275, 285, 354–358, 381, 406
Рагуза Веккиа 115
Рагузский округ 256
Раджич 209
Радован-Ждрело 355
Рача 325, 326
Рейхштадт 25, 311–313, 315, 433
Республика Сербская 8, 10
Речская (Рачская) нахия 354
Ризано (Рисан, Рисн) 359, 413
Ризович 254
Рим 47, 239, 380
Рогачев 195
Россия (Российская империя) 7–10, 14, 16, 20, 23–26, 33, 38, 46, 47, 52, 54, 56, 57, 59, 60, 69, 71–73, 76, 78, 80,

84–89, 94–98, 102, 104, 105, 111, 127, 128, 130, 132, 135, 146, 147, 163, 165–167, 169, 177, 178, 185, 194, 201, 208, 209, 217, 221, 222, 225, 229–232, 245–247, 254, 267, 273, 274, 277, 281, 282, 287, 291, 305–307, 310, 311, 314–316, 320, 337, 339, 350, 351, 354, 363, 364, 366, 369, 372, 379, 382, 385, 388–390, 395, 399, 400, 402, 403, 405, 406, 414, 418, 419, 421, 422, 424–429, 431, 432, 434–435
Рубане 292
Руда 119
Рудное поле 207
Румелия 119, 143, 203, 350, 370
Румыния 23, 77, 79, 254, 323, 339, 389, 418
Русско-Блато 350
Рущук 79

Сава 106, 119, 121, 203, 205, 206, 236, 241, 249, 361, 377
Салоники 292, 293, 433
Сараево 8, 9, 11, 12, 14, 16–18, 21, 22, 24, 29–31, 38, 39, 48, 49, 74, 79, 117, 119, 135, 172, 174, 175, 185, 203–208, 210, 213, 215, 229, 235, 236, 241, 249, 251, 252, 254, 256–258, 268, 292, 294, 297, 298, 300, 306, 307, 317, 320–323, 325, 329–331, 343, 350–352, 360, 362, 363, 365, 366, 371, 372, 375, 377, 397, 398, 401, 402, 411, 427, 431
Сараевский округ 361
Сараевский санджак 205, 206, 213, 295
Сардинское королевство 194
Свиньяр 203, 353
Северная Америка 47
Сеница (Сенница) 79, 119, 143, 145, 203, 205, 235, 307, 322, 323, 329, 331, 343, 352, 360, 385
Сербия 8, 23, 25, 32, 38, 47, 49, 61, 67–69, 77, 84, 91–93, 100, 104, 115, 119, 121, 124, 125–127, 133, 142, 143, 145, 154, 155, 158, 161, 162, 167, 175, 179, 181, 182, 193, 194, 201, 205, 206, 208, 210, 213, 221, 224, 225, 229, 241, 242, 246, 254, 257, 289, 291, 296, 297, 303, 306, 307, 310, 311, 314–320, 322, 323, 325–329, 332, 335, 337, 340, 343, 355, 360–363, 367, 368, 370, 373, 383, 384, 389, 390, 393–397, 403–405, 418, 422, 427, 429, 432, 434, 435
Сербские княжества (Сербия и Черногория) 8, 23, 206, 257, 335, 378, 380, 403
Сиенокоп 286
Сирия 60, 95, 97, 161, 162, 257, 327
Сисак (Сиссек) 40, 241
Скутари (Шкодер) 70, 72, 92, 96, 125, 346, 398, 428
Славония (Австрийская Славония) 206, 207, 224, 236, 247, 256, 328, 361, 362, 383
Слано 144
Сливно 79
Слионица 208
Смирна 61
Соколович 206
София 92, 254, 289, 397, 402
Спалато (Сплит) 40, 351, 406
Спица 285
Спуж 336, 337
Сребреница 208
СССР 7, 11, 26, 419
Стамбул — см. Константинополь
Старая Загора 79
Старая Сербия 135, 170, 185, 311, 378, 379, 393
Столац 30, 36, 43, 67, 114, 115, 125, 144, 172, 281, 347, 376
Столацкое окружие 132, 356
Сульевац 353
Суторина 77, 196, 202, 246, 255, 268, 270, 273, 274, 358, 432
СФРЮ 11
США 10, 12, 191

Тавна 208
Тара 208
Таслиджа (Таслидже) 49, 119, 206, 208
Тешанский округ 331
Тешна (Тешня, Тешань) 295
Тишковац 403, 405, 418
Тошлица 115
Травник 210, 301, 318, 343, 372, 435
Травникский санджак (Травникский округ) 206, 213, 256, 292, 301, 321, 361, 362, 370
Требинье 43, 45, 67, 72, 79, 114, 115, 118, 124, 125, 142–144, 146, 163, 167, 172, 181, 201, 215, 226, 232, 235, 255, 274, 281, 347, 354–356, 358, 376, 431
Требиньский округ 49
Требишница 355
Триединое королевство 317
Триест 39, 49, 77, 121, 170, 179, 196
Тузла 323, 343, 397
Тунис 398
Турецкая империя см. Турция
Турция (Османская империя) 12, 14, 23–25, 36–38, 47, 55, 56, 59, 61, 66, 69, 70, 71, 75, 76, 84–86, 88, 91–93, 95, 104, 109, 110, 114, 115, 121, 127, 146, 157, 158–161, 169, 172, 182, 191, 192, 194, 220–222, 224, 225, 229, 230, 237, 238, 241, 242, 247, 254, 287, 288, 290, 298, 300, 306, 310, 314–316, 318, 323, 327, 328, 335, 337, 340, 343, 344, 360, 362, 363, 365, 368, 379, 383, 389, 390, 394, 395, 398–400, 408, 416, 421, 422, 431, 434, 436

Тырново 395

Ужица 393
Ужичское (Ужицкое) окружие 394
Ульцын 337
Уна 106, 203, 205, 206, 249, 254, 377
Ускюп 204
Утово 144
Уфа 198

Фойницкая каймакамия 297
Фоча 281, 347
Франкфурт 121
Франция 12, 24, 52, 70, 77, 85, 87, 97, 124, 135, 174, 191, 194, 228, 239, 309, 364, 421
ФРГ 12

Хорватия (Кроация) 38, 48, 49, 79, 206, 241, 243, 244, 256, 311, 317, 318, 362, 378–383, 431
Хорватия Турецкая 311

Царское село 55
Царство Польское 366
Царьград см. Константинополь
Цетинье 20, 21, 36, 68, 91, 120, 146, 167, 182, 217, 225, 226, 242, 246, 282, 284, 286, 325, 336, 354, 356, 358, 382, 385, 412, 416
Црмничская нахия 354
Црна Гора см. Черногория

Черногория (Черная Гора) 8, 13, 17–21, 23, 25, 30–32, 36–38, 44–46, 53, 61, 63, 67–69, 77, 84, 91, 92, 100, 104, 115, 119, 121, 125–127, 133, 142, 143, 145, 157, 158, 161–163, 166–169, 172, 177–179, 181, 182, 193, 194, 200, 201, 206, 208, 210, 213, 216, 221, 224, 225, 227, 229, 238, 242, 246, 254, 255, 257, 282–285, 287, 288, 296, 303, 311, 316, 318, 332, 324, 332, 335–337, 340, 343, 354, 355, 357–360, 362, 367, 370, 378, 379, 381, 382, 389, 392, 412, 413, 417–419, 422, 427, 430, 432, 435
Черное море 389
Черноморские проливы 389
Чехия 77

Шабац 325
Шабачское (Шабацкое) окружие 394
Шамац 236
Шаранцы 115, 119, 145, 236
Швейцария 147
Шереметьево 12, 22
Шкодер см. Скутари
Шума 43, 144, 355

Эмс 111

Югославия 9, 12, 17, 152, 291
Юрьев 231

Явор 323
Ягодина 207
Яице (Яйце) 209
Яицкий округ 209
Якрач 243
Ямница 52, 254
Яранский уезд 186
Ясиновац 40

Россия и восстание в Боснии и Герцеговине

1875–1878

Документы

Издательство «Индрик»

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905–58–01
www.indrik.ru
market@indrik.ru

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
28,0 п. л. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н